

Колдовские
МИРЫ



ПЕРВАЯ НЕНАВИСТЬ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ...

Алена
Савченко



ХАМЕЛЕОНША



Annotation

В одном далеком-далеком королевстве жила прекрасная девушка, которую злой брат продал на одну ночь ужасному королю. Вам уже ее жаль? Зря. Таких чудовищ, как я, еще поискать. И вообще-то мой брат самый лучший, король не так ужасен, а красивой называл лишь один мужчина – тот, кем одержима с самого детства. Но это моя история, поэтому рассказываться будет в том порядке и теми словами, как захочу я. Только, открывая ее, имейте в виду: в мои времена «счастливо» у судьбы выгрызали, «долго» не жили, а любовь бывала страшнее ненависти.

- [Алена Савченкова](#)
 -
 - [Вместо пролога](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

- [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
-

Алена Савченкова
Хамелеонша

© Савченкова А., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Вместо пролога

Кровь брызнула из перебитого носа, как сок из раздавленного граната.

– Не смей. Приближаться. К моей. Сестре, – выдыхал Людо между ударами, сидя верхом на пареньке лет двенадцати.

Голова противника безвольно моталась по грязи, пока лицо обзаводилось свежими ссадинами.

– Перестань! Да перестань же, Робэн ничего не сделал! – Я попыталась оттащить брата. – Мы просто играли!

Он не глядя оттолкнул меня и продолжил работать кулаками с редкой для своих десяти лет силой.

– Сюда кто-то идёт, прекрати!

Людо врезал в последний раз и откинулся назад, тяжело дыша. Стёр рукавом брызги с подбородка, мотнул головой, и туман начал отступать из глаз, возвращая им природную черноту.

– Эй вы там! Что творите?!

Человек между домами замер, потянул цеп с плеча...

– Скорее, поднимайся, это его отец!

К нам и впрямь направлялся староста деревни, переходя с шага на бег. И ничего хорошего его лицо не сулило... как пить дать прикончит брата: предупреждал ведь после случая с Варином, что больше не спустит, а Робэн без передних зубов и еле дышит.

– Живо на ноги! – прорычала я, дёрнув Людо за шиворот.

Он вскочил, пошатываясь, схватил меня скользкой от своей и чужой крови ладонью и потащил к выходу из деревни.

– Погоди, заберём вещи!

– Не успеем.

– Там два денье и мой гребень!

– Украдём новый. Главное, талисманы с собой.

– А дом? Дом для нас и Артура тоже новый украдём?! Ну, почему ты никогда не можешь сдержаться!

– Заткнись и побежали!

– А ну стойте, зверёныши! – неслось вслед.

Крепко держась за руки, мы рванули к сельскому тракту.

7 лет спустя

Едва ли эти своды знавали пощёчину звонче. Но леди Йоса снесла тяжесть материнской руки с равнодушием, выдававшим привычку. Лишь потёрла скулу и продолжила безучастно смотреть перед собой прекрасными голубыми очами. Наследница богатейшего рода Венцель, вступившая в шестнадцать зим и поздний брачный возраст, уже вовсю цвела той откровенной чувственностью, что заставляла мужчин сворачивать шеи на турнирах в её честь. Честь, которой больше нет.

Мать и дочь не заметили, как я вошла и застыла подле дверей в смиренной позе.

– Лучше б видеть тебя мёртвой, чем принёсшей позор в дом!

– Вы преувеличиваете, матушка.

– Это ты преувеличила, когда раздвинула ноги перед грумом! А о своих братьях и сёстрах ты подумала в тот момент?!

– Думать о них в такой позе я сочла неуместным. И он был помощником грума.

«Был», потому что теперь его кожа украшает ворота. Если леди Йоса и скорбела по соучастнику во грехе, на свежести лица это никак не отразилось. Её красота канонична: локоны ниспадают на спину пышным белокурым каскадом, блио^[1] из голубого шёлка подчёркивает рослую стройную фигуру, стопы и кисти рук аккуратны, а шея тонка и изящна.

И я полная её противоположность: невысокая и угловатая. Мы одних лет, но под моим платьем вместо плавных изгибов и положенных выпуклостей – болезненная худоба. Кожа не белая, а бледная. Волосы, пусть длинные и густые, вопреки модным канонам безнадёжно черны. В нашем роду у всех такие.

Леди Катарина отвесила дочери новую пощёчину. Замахнулась для следующей, но, заметив меня, медленно опустила руку.

– Порой не верится, что ты вышла из моего чрева.

Ресницы леди Йосы дрогнули в мою сторону, выдав тщательно скрываемую досаду из-за унижения при посторонней, но тон остался

вызывающе-безразличным.

– Вы не одиноки в своём удивлении.

Они действительно разнились настолько, насколько это вообще возможно. Леди Катарина разменяла третий десяток, но смотрелась почти старухой. Не спасала ни косметика, ни платье из дорогой парчи, шлейф которого струился за ней по полу со змеиным шелестом, разметая присыпку из ароматных трав. Только лоб отличался неестественной гладкостью, обязанной тугому энену^[2].

– Мне ты дерзить не боишься. А лично отказать королю, объяснив в утешение свой маленький изъян, смелости бы хватило?

– Его утешили бы пажи, – равнодушно отозвалась та. – Говорят, при дворе они все, как на подбор, смазливы.

Её Светлость наградила дочь ненавидящим взглядом и опустила в кресло-трон с высокой спинкой. Устроив руки на подлокотниках, сделала мне знак приблизиться. Леди Йоса тоже, будто бы нехотя, повернула голову. Любопытство в её лице мешалось с опаской и толикой гадливости.

Стоило подойти, острые золочёные ногти бесцеремонно впились в мой подбородок, повертели лицо. Живот скрутило в узел, но я изо всех сил терпела, чтобы не оттолкнуть руку леди Катарины.

– В тебе нет ничего особенного, – почти разочарованно протянула она, снова откидываясь на спинку. – Если твой брат солгал...

– Людо сказал правду, госпожа, – тихо ответила я. – Мы из рода Морхольт.

Блёкло-голубые глаза прищурились.

– Никого ведь не осталось. Замок давно в руинах, гниёт тухлой рыбой, как и его хозяин со всем выводком.

Потянув за шнурок на шее, я вытащила наружу талисман-покровитель. Существо на нём походило чем-то на ящерицу.

– Мы из побочной ветви, никогда там не жили. Отец был непризнанным бастардом от вилланки, единокровным младшим братом лорда Морхольта. С нами не желали знаться, держа в достатке, но тайне. На тот пир нас не позвали...

Поморщившись на «вилланку», леди Катарина выпростала руку и ковырнула потемневшее серебро, этим вечером впервые за много лет коснувшееся моей кожи.

– Бедные родственники, значит?

– Да, госпожа. – Я спрятала талисман обратно и безотчётно прижала ладонью.

– Но всё же проклятая кровь... – задумчиво протянула она. – Родовой дар чуть теплится?

– Дома говорили, что во мне он на удивление силён.

– Дивиться стоит, что он вообще проявился в полукровной ветви. – Заострённые ногти побарабанили по подлокотнику. – И как же вы с братом очутились так далеко от семьи?

– Семьи больше нет, госпожа, остались только мы с Людо. Тому уже год, как Жнец забрал родителей в Скорбные Чертоги, и наследством нам лишь долги...

– И кто же теперь о тебе заботится?

– Брат, госпожа.

– Заботится, торгуя тобой?

Я покраснела и опустила глаза.

– Ну-ну, не смущайся, девочка. – Она с притворной добротой коснулась моей щеки. – Твой брат верно поступил, что открылся мне. Сама Праматерь привела его в ту таверну, как раз когда этот безродный щенок вздумал распускать свой грязный язык...

Ныне вывешенный по соседству с кожей...

– ...А твоя покорность достойна похвал. – Леди Йоса фыркнула, но её мать пропустила это мимо ушей: – Если все так, как говоришь, волноваться не о чем. Одна маленькая услуга, и вы с братом распрощаетесь с нуждой до конца жизни. – Небрежный жест в сторону моей потрёпанной котты. – Но если лжёшь... – Пальцы на щеке сжались, втопив ногти в кожу.

– Это правда, госпожа.

– Покажи! – жадно потребовала она.

Я отступила, с облегчением высвобождаясь.

– Мне нужно немного вина или воды.

Леди Катарина молча указала на графин с эгретом. Плеснув в кубок пряного напитка, я отцепила от рукава заранее заготовленную булавку и приблизилась к леди Йосе. Её Светлость состроила гримаску и отодвинулась.

– Что вам угодно?

– Капля вашей крови, миледи.

– Без этого нельзя?

– Живее, – холодно вмешалась её мать. – Пусть лучше это сделает леди Лорелея, чем я.

Вообще-то сгодились бы любая частичка – ногти, волосы, но ими я брезговала. Напиток тоже необязателен, но с ним проще и не так противно. Вместо того чтобы протянуть руку, девушка раздражённо выхватила у меня булавку, помедлила и, закусив губу, кольнула палец. На коже быстро выросла серая бусина. Леди Йоса перевернула ладонь, и капля со шлепком приземлилась в кубок под нашими взглядами. Я осушила его залпом и потянулась вернуть на место, но не успела...

Судорога накатила, как всегда, внезапно, выгнув спину и выбив дыхание. Голова запрокинулась, потолок завертелся водоворотом балок, кубок выскользнул из сведённых пальцев и где-то далеко катился по плитам с неестественным грохотом. Мир, а вместе с ним и два потрясённых женских лица, начал осыпаться цветным песком, утопая в жгучей боли. Лава перерождения неслась по телу, опаляя жилы, разрывая мышцы, выламывая кости, переплавляя меня в более совершенную форму. Ноги подкосились, и я со стоном рухнула на четвереньки. В упавшей на лицо завесе смоляных волос потянулись светлые дорожки, множась, пока голова не выцвела целиком.

В процессе «туда» волосы всегда обращаются в последнюю очередь, значит, ещё чуть-чуть потерпеть. Стискивая зубы, царапая пол...

Наконец я обессиленно повалилась на бок, мелко дрожа и обнимая себя за плечи, чувствуя сползающую по подбородку нитку слюны.

Вот отступало это всегда волнами... И всё равно теперь переносить много легче, чем ещё несколько лет назад, когда я теряла сознание во время и после, уже от отдачи.

Никто не шевельнулся, чтобы помочь. Совершенно разные мать и дочь рассматривали меня с абсолютно одинаковым выражением омерзения и восторга. Поднялась я сама, покачиваясь на подламывающихся ногах. Зала перестала кружиться, но тошнота не торопилась отступать.

Я вытянула перед собой руки, поиграв тонкими белыми пальчиками с ухоженными ногтями, оправила котгу, ощутило приподнявшуюся над лодыжками и ставшую тесной в груди, и откинула назад копну белокурых волос.

– Праматерь Покровителей, да вы совсем, как я! – воскликнула леди Йоса, хлопнув в ладоши, и звонко рассмеялась.

* * *

Пока я смотрелась в полированное серебро подноса, леди Йоса и её мать изучали меня. Девушка, не церемонясь, ощупывала мои брови, волосы, тыкала в щёки. Мы не были похожи на сестёр. Мы были неотличимы. Мне передалась даже тонкая свежая царапина повыше ключицы. Полные груди, высокий чистый голос, нежные, без единой мозоли пальцы... Но чувствовала я себя в чужом теле, даже столь совершенном, как обычно, премерзко.

Леди Катарина обошла меня кругом, окидывая придиричивым взглядом, и осталась довольна.

– Сколько держится личина?

– На вечер достанет, госпожа, дольше не проверяла.

– Дольше и не понадобится. Обменяетесь прямо перед праздничным пиром, а сразу после консумации отлучишься из опочивальни под каким-нибудь предлогом, и леди Йоса тебя заменит. А теперь ещё раз посмотри мне в глаза и ответь, – она остановилась напротив, буравя меня своими рыбьими глазами, – тебя касался мужчина? Только не смей лгать, там всё равно проверят. Доводилось слышать про «каменный суд»?

– Да, госпожа. Его проходила моя мать.

Она явно удивилась: ещё бы, каким-то полукровкам камни со Священной горы.

– Что ж, значит, понимаешь, что никакие трюки не пройдут, иначе тебя бы здесь не было.

– Понимаю, госпожа. И я целомудренна.

Складка меж её бровей разгладилась, но тут же вновь пролегла:

– Ты ведь будешь в её теле, а значит...

– Это не тело вашей дочери, лишь его видимость. Суть осталась моя, я пройду проверку, госпожа.

То был правильный ответ. С учётом всего, что мы с Людо теперь знали, при другом нас бы не выпустили отсюда живыми.

– Значит, решено. Отправляйтесь в дорогу завтра. Поедешь в качестве фрейлины и личной камеристки леди Йосы. Скажи... у твоего брата такой же дар?

– Нет, госпожа, это передаётся только по женской линии.

Вспыхнувший было в её глазах огонёк сменился холодной деловитостью.

– Значит, поедешь одна.

– А Людо?

– Дождётся твоего возвращения. Ему там нечего делать.

– Прошу, разрешите ему тоже ехать! – Голос дрогнул. – Мы с братом никогда не разлучались...

Зала колыхнулась от сдерживаемых слёз. Я шмыгнула и опустила голову, по-простолюдински промакивая глаза ладонью.

– Ну же, матушка, такое ценное приобретение, – усмехнулась леди Йоса. – Вы же не хотите, чтобы тоска по брату помешала леди Лорелее радовать моего супруга на брачном ложе?

– Придержи язык, девчонка! Впрочем... – леди Катарина машинально погладила свой талисман-покровитель в виде ласки, – так даже лучше. Что твой брат умеет?

– Чистить оружие, ходить за лошадьми, помогать с надеванием доспеха. Он может что угодно!

– А драться?

– Немного, госпожа.

– Позови его.

Залу, от которой слугам велели держаться подальше, я покинула уже в своём обличье. Голову вело, как после бессонной ночи, ноги заплетались, и приходилось то и дело приваливаться ладонью к стене, чтоб отдышаться. Отдача переносилась бы много легче, не брэнчи в желудке пустота. В коридоре недавно пронесли что-то жареное, и повисший в воздухе шлейф сводил с ума. Но последние деньги ушли на средство от вшей.

Людо дождался меня под присмотром двух рыцарей из личной охраны. Светлородый развлекался, разбивая носком сапога угли в камине, а второй, тот, что забрал у нас при входе кинжал, трепал борзую. На обоих были хауберки^[3] с холщовыми табарами^[4] поверх, сбоку висели поясные мечи. Людо в своей поддоспешной стёганке смотрелся на их фоне совсем тонким и лёгким. Первым услышав мои

шаги, он вскинул голову и зачесал назад пятернёй отросшие чёрные кудри. Стражники тоже отвлеклись от своих занятий. Я взяла брата за руки и громко, с радостной улыбкой сообщила:

– Леди Катарина желает тебя видеть!

Он быстро обнял меня, шепнув на ухо:

– Старуха поверила?

– Да, – так же едва слышно ответила я и повела его в зал.

Позади забряцали тяжёлые шаги рыцарей.

Её Светлость встретила нас в своём кресле-троне. Леди Йоса теперь стояла одесную^[5], очищая для неё ножом яблоко и кидая кожуру на поднос.

Глаза хозяйки замка оценивающе скользнули по Людо. Когда он был в нескольких шагах от кресла, она сделала ему знак остановиться. Брат послушно замер и чуть поклонился:

– Моя госпожа.

Леди Йоса тоже внимательно изучала его, не переставая ловко снимать красную стружку. Её мать непрерывно поглаживала круговыми движениями свой талисман.

– Сестра сказала, что ты умеешь обращаться с оружием.

– Да, но ваши люди забрали мой кинжал при входе.

– Покажи, чего стоишь без него. Марлант, Эйк, – кивнула она рыцарям, – проверьте-ка его.

Те шагнули вперёд, вытаскивая мечи, и ухмыльнулись, когда безоружный Людо попятился. Я до боли прикусила изнутри щеку, а брат пятился и пятился, пока не упёрся в стену, а там светлородый сделал замах и... Людо уклонился, нырок, перекат к креслу, и в следующий миг мелькнувший у него в руках поднос обрушился резным краем на шею Марланта, вырвав вместе с хриплым воплем фонтанчик крови. Он выплеснулся на светлую бороду и парой брызг – на леди Катарину, а Людо уже пнул подоспевшего Эйка в грудь и с разворота всадил ему в разрез кольчуги на бедре фруктовый нож леди Йосы. Рыцарь рухнул, как подкошенный, с воем катаясь по полу и пытаясь выдернуть лезвие, пока Марлант, зажимая шею, полз к выпавшему мечу.

Людо с хрустом впечатал башмак в протянутые пальцы и, наклонившись, подхватил клинок. Описал восьмёрку, восхищённо оглядел от рукояти до острия, и я почти ощутила пронзивший его разряд удовольствия. Глаза вспыхнули, тело шевельнулось, подстраиваясь, и меч заплясал в воздухе, сливаясь с рукой в единое целое... только не это.

– Людо, мне страшно! – жалобно позвала я.

Но он уже не слышал. Не прерывая отточенных, как в танце, движений, загнал пяткой полувыдернутый Эйком нож обратно в бедро и подцепил с пола второй меч, прекрасно лёгший в левую руку. Ещё несколько взмахов, и оба клинка, со свистом рассекая воздух, сошлись на шее рыцаря «ножницами», чтобы...

– Хватит! – раскатилось по залу.

Этот холодный властный голос остановил лезвия в полудюйме от покрытой испариной кожи. Мгновение-другое Людо боролся с собой и наконец опустил руки, разжав пальцы. Мечи со звоном скользнули на пол, а сам он сделал шаг в сторону бледной леди Катарины и припал на одно колено.

– Я лишь исполнял желание Вашей Светлости.

Похоже, она и сама не верила, что он послушается. В широко распахнутых глазах отражалась расползающаяся перед креслом лужа, в которой, хрипя, ползал Марлант. Леди Катарина поспешно отёрнула дорогие парчовые туфли. В отдалении точно так же стонал Эйк, а в воздухе витал тяжёлый запах пота и крови.

Опомнившись, Её Светлость потянулась к колокольчику, но Людо, одним прыжком оказавшись рядом, перехватил пальцы.

– Я лишь исполнял желание Вашей Светлости, – повторил он.

– Руку! – прошипела она, но голос чуть заметно дрожал. Наверное, поэтому, когда брат отступил, приказала ещё более резко: – Помогите им.

Людо послушно приблизился к Эйку, не слишком церемонясь, выдернул клинок, закинул его руку себе на шею и поднял. Вскоре лишь лужа на полу напоминала о недавней схватке, а фруктовый нож был обтёрт и возвращён с почтительным поклоном леди Йосе. Девушка взяла его, не отрывая от брата горящих глаз, в которых, в отличие от матери, не сквозило страха или беспокойства – только голодное восхищение.

Хозяйка замка уже успела принять прежнее уверенное выражение. Помогали ей в том подлокотники и талисман. Пальцы привычно пробежались по окружности.

– Значит так: эту ночь проведёте здесь, а завтра отправитесь в путь. Сестра в качестве фрейлины, ты – оруженосцем.

Людо едва заметно поиграл желваками. Ему уже семнадцать. Будь отец жив, брат бы давно получил рыцарское звание. А вместо этого

вынужден довольствоваться поддоспешной одеждой и дешёвым кинжалом, который рассыплется под первым же ударом хорошо прокалённой стали.

Злость он скрыл за почтительным поклоном:

– Вы сама доброта, госпожа.

– Королевский замок покинете через неделю-две, со свитой леди Йосы, – продолжила Её Светлость наставления. – Получите остаток платы и можете отправляться, куда пожелаете. Но! – Она позволила тишине веско повисеть. – Никто и никогда – ни до, ни после – не должен узнать о нашей сделке.

– Никто и никогда не узнает, госпожа, в этом мы с сестрой клянёмся.

Поверила леди Катарина подозрительно легко.

– Знаю, что так оно и будет, – ласково улыбнулась она и наконец позвонила в колокольчик.

* * *

Вызванные служанки повели нас с братом тёмными переходами. Одна из девушек загремела ключами у крайней угловой двери.

– Сюда, миледи.

Я не шелохнулась, глядя, как вторая увлекает Людо дальше.

– Куда ведут моего брата?

– На мужскую половину, миледи. – Девушка толкнула створку, приглашая войти, но я продолжала растерянно смотреть ему вслед.

Спокойную уверенность, не покидавшую меня на протяжении всего тщательно отрепетированного представления, в котором от меня требовалось изображать перед старой ведьмой робость, давить румянец, при необходимости слёзы, и шептать ответы покорным тоном, вытеснил безотчётный страх из-за разлуки с Людо в этом чужом доме. А вдруг они обо всём догадались и теперь специально разделяют нас?

В конце коридора брат обернулся и чуть кивнул мне.

– Пожалуйста, миледи, мне нельзя задерживаться, – настаивала девушка.

В худом большеносом лице не было почтительности, проявлявшейся при хозяевах, только нетерпение и затаённое любопытство. Наш с Людо вид наверняка подсказывал, что с такими гостями можно не церемониться. Слуги, как собаки, чуют разницу между господами и понимают, что знатное происхождение ещё не гарантирует богатства. Даже «миледи», произносимое нехотя, сквозь зубы, превращалось в «м'леди».

Я пригнула голову и переступила порог. Внутри меня никто не поджидал. Только стылая комната с циновкой на полу и белёными голыми стенами, не прикрытыми гобеленами. Здесь оказалось ещё холоднее, чем в коридоре, из щелей нещадно дуло. По одну сторону от узкой кровати помещался напольный канделябр с сальной свечой, а по другую – горизонтальный стержень, укреплённый на двух других, вертикальных, – чтобы вешать одежду. В стенной нише стояли две фигурки – Праматери и Покровителя рода Венцель.

Крохотная комнатка четыре на шесть шагов вдруг показалась мне огромной и пустынной. Впервые в жизни мне предстояло ночевать одной. В детстве я делила покои с кухней, няней и кормилицей, а после рядом всегда был Людо. Как заснуть, если он не будет дышать мне в волосы? Не говоря уже о том, что ему нельзя спать в общей комнате... Надеюсь, у него тоже отдельная. Хотя бы такой же чулан.

Дверь громко захлопнулась, и я невольно отшатнулась от подошедшей вплотную служанки.

– Я помогу вам раздеться, миледи.

– Не нужно, – уклонилась я. – Справлюсь сама.

Тупое удивление на её лице сменилось презрением. Леди не должны одеваться и раздеваться сами, но за последние годы я отвыкла от слуг и чужих прикосновений.

– Как пожелаете, м'леди. Леди Катарина сказала, что вы будете ужинать здесь. – Она указала на поднос с холодным мясом, фруктами и лепёшками, сразу приковавшими моё внимание. Отдельно – сезонное вино. – А вот тут, – выдвинула она верхний ящик комода, – полотенце.

Я молча кивнула, мечтая, чтобы она поскорее убралась. Наконец она так и сделала.

При служанке я сдерживалась, но стоило двери закрыться, кинулась к снеди и принялась судорожно заталкивать в себя лепёшки. Глотала, почти не прожёвывая, и уже хватая следующую. Потянувшись

за очередной, случайно опрокинула поднос со всем содержимым на пол. Тут же бросилась на колени, шаря дрожащими пальцами, подбирая безвкусные, не первой свежести кругляши, и ела-ела-ела, лишь бы заглушить эту сосущую резь в животе, от которой мутит уже третий день. Потом торопливо давилась мясом и фруктами, набивая полный рот, размазывая сок по щекам, чувствуя, что уже хватит, давно хватит, но была не в силах остановиться – пока желудок не скрутило от боли. Выплюнув остатки сливы, еле успела подтащить таз для умывания, куда меня и вывернуло.

Когда стих последний спазм, попыталась встать, но комната поехала перед глазами, завалив обратно, и я скрючилась, обхватив живот. Отдача от превращения, нервное истощение – мне лишь казалось, что я спокойна, тогда как всё это время была натянутой тетивой, – и голод вконец измотали. Прикрыв глаза, я постаралась дышать глубже. Дурнота постепенно отступала, сменяясь слабостью и ознобом. Исподнее противно липло к телу, но сил недоставало даже пальцем шевельнуть, не то что подняться с продуваемого пола.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем в коридоре послышались осторожные шаги. Скрипнула дверь, и в комнату заглянул Людо. Замер, застав кровать пустой, но тут же увидел меня на полу. Стремительно пересёк комнатушку, подхватил на руки и отнёс на постель.

– Совсем худо? – спросил он, убирая с моего лба прилипшие пряди.

– Терпимо, – прошептала я, стыдясь своей слабости.

Я привыкла: меня часто тошнит – от голода, страха, отдачи.

Он оглядел меня, потрогал шею.

– Ты вся мокрая. Сейчас, погоди.

Не обращая внимания на вялые протесты, расшнуровал рукава моей котты^[6] и стянул её с меня, оставив в одной только камизе^[7]. Смешал вино с водой для умывания, смочил полотенце и, усевшись в изголовье, подтянул меня к себе за подмышки. Устроив затылком на груди, принялся протирать лицо, шею, руки.

Влажная прохлада приятно успокаивала, и вскоре мне полегчало. Дыхание выровнялось, озноб отпустил, лишь слабость и боль в животе никуда не делись, хотя последняя из режущей превратилась в тупую, ноющую.

Закончив, Людо отбросил тряпку, заставил меня прополоскать рот остатками вина и принялся ворошить и перебирать пряди, массируя кожу головы, и тепло мало-помалу стало возвращаться в тело, растворяя отголоски мути. Спустя недолгое время сил уже достало на то, чтобы шевельнуться и произнести:

– Обязательно было выделываться? Там, в зале.

– А должен был подставить им шею? – разозлился он в ответ.

Прокушенная от страха за него щека снова засадила, а пальцы судорожно вцепились в его котту. Людо успокаивающе приобнял меня, клянул в висок, сказав уже мягче:

– Ну, чего трясешься? Ты же их видела: чисто мухи в патоке. А я каждый день тренируюсь.

– Не безоружным против меча, – возразила я, приподнимаясь, чтобы взглянуть на него. – С ним ты давно не упражнялся.

Но брат уже не слушал, отрешённо рассматривая свою руку.

– Знаешь, когда я его держал... – пальцы сомкнулись вокруг невидимой рукояти, заново переживая те мгновения, и его лицо просветлело.

– Знаю, Людо, – тихо ответила я, и он, придя в себя, сердито опустил кулак. Тогда огрызнулась уже обычным тоном, укладываясь обратно: – И я не трясусь. Никогда. И не собираюсь начинать сейчас.

– Я, что ль, собираюсь помереть в шаге от цели?

Цель... одно это слово пустило по хребту липкий трепет. Но то был страх уже не за него и даже не за себя, а совсем иного рода – страх подвести, не справиться, *не оправдать*. И он выворачивал нутро, как не способен ни один голод. Людо, как всегда, прочёл мысли.

– Всё получится, – уверенно произнёс он, продолжив перебирать мои пряди. – Ещё вчера мы ночевали на вонючей подстилке, а через неделю будем в королевском замке. Просто помни, кто ты такая, Лора.

– Кто *мы* такие, – поправила я.

– Мы, – согласился он, не замечая, что рука уже не гладит, а болезненно дёргает. В глазах нарастал знакомый горячечный блеск. – Когда силы закончились, ищи их в ненависти и никогда ни на единый миг не забывай, что они сотворили.

Я помню. Вот уже семь долгих лет я не ощущаю ничего, кроме ненависти. Я просыпаюсь с её горьким привкусом на губах и с ней же засыпаю. Она проросла в душу, пустив ядовитые побеги и изгнав все

прочие чувства, как плющ-душитель оплетает ствол дерева, пока не доберётся до вершины, оставив по себе лишь гниющую сердцевину. Порой кажется, что и волосы у меня так черны от тлеющей внутри злобы, и росту не прибавляется, потому что чувство это пьёт все соки.

Вместо ответа я вытянула руки, изучая обкусанные, с тёмной каймой, ногти и воспалённые заусенцы.

– У леди Йосы такая гладкая белая кожа... – Я невольно погладила кисть, вспомнив, каково это, ощущать на себе её бархатистую нежность.

– Не сравнивай себя с ней, – вскинулся Людо. – Я еле сдерживался, когда эта потаскуха смотрела на тебя так, свысока!

– Не хочу её кожу, – заявила я, помолчав. – Ей, небось, больно дотрагиваться такими мягонькими ручками до вещей.

Людо хохотнул, а потом мы опустились на колени возле кровати и прочли ежевечернюю молитву, которую сочинили много лет назад, когда всё случилось:

«Да будут дни их кратки, а достоинство поругано. Да будут дети их сиротами, мужья и жёны вдовыми, а дома разорёнными до основания. Да угаснет их род, и да проникнет в них проклятие до самых костей».

Перечислив имена, улеглись обратно, лицом к лицу. Волосы наши смешались – чёрное к чёрному.

– Людо...

– Да?

– Я хочу повидаться с Артуром.

Он вмиг подобрался и отодвинулся.

– Нет.

– Пожалуйста. Мы не виделись с прошлой луны. Просто чтобы знать, что с ним всё в порядке.

– Со слизняком всё в порядке.

– Но...

– «Нет» я сказал! И не смей больше об этом просить!

Я вздохнула: знала, что так будет, однако попытаться стоило. Людо собрался отвернуться, но я положила руку ему на плечо, и он, поколебавшись, не стал этого делать. В комнате ещё сильнее

похолодало. Прижавшись к брату и дождавшись, пока обнимет, я закрыла глаза и мысленно попросила Гостя не приходить сегодня в мой сон. Но он, конечно, не послушался. Наверное, за семь долгих лет он не пропустил ещё ни одной ночи.

И если в отведённой мне комнатухе тело ломило от холода, то теперь рядом пылал огромный, жарко натопленный камин. В руках у меня двузубая вилка, на другом конце которой подрумянивается гренка. Языки пламени с треском облизывают вишнёвые поленья и тоже напрашиваются на угощение.

Я оборачиваюсь на скрип двери и вскакиваю. Дыхание сбивается, а сердце колотится от радости при виде вошедшего. Кажется, ещё никогда я не встречала человека красивее и уж точно не видела рыжие волосы. Они у него с каким-то чудным медовым отливом и вьются почти до плеч. Глаза серые... нет – стальные, цвета папиного меча. На плечах – подбитый мехом плащ, а в руках чёрная шкатулка с серебряным псом на крышке. Подошвы дорогих кожаных сапог ступают мягко. Я готова визжать от восторга! Подбегаю, протягивая руки:

– Это они? Вы всё-таки принесли?

Приходится задирать голову: я до обидного мелкая, даже для своих девяти лет.

– Да, – смеётся он, откидывая крышку, – обещал ведь угостить.

– Долго же вы их несли! – ворчу я, жадно разглядывая семь ровных шариков размером с грецкий орех. Марципановые конфеты... Аромат незнакомый, дурманящий. Мне не терпится их попробовать, но внезапно сковывает робость.

– Можно?

– Конечно. – Он достаёт длинными красивыми пальцами конфету и подносит к моим губам. – Открой рот.

Я послушно открываю, неприлично широко для леди, и уже через мгновение сосредоточенно жую угощение.

– Ну ты и жадина, – снова смеётся он.

Но я не слушаю: чем дальше, тем большее разочарование меня охватывает.

– Они похожи на... каштаны.

– Естественно. – Мужчина усаживается возле очага, вытягивает ноги и ставит рядом шкатулку. – Ты же никогда не пробовала марципан, вот и представляешь на его месте что-то знакомое. Попробуй следующую, она будет любой, какой пожелаешь.

Я чувствую себя глубоко обманутой и колеблюсь: может, стоит обидеться и уйти? Но уходить от него не хочется. Поэтому тоже присаживаюсь на шкуру и, уже не стесняясь, хватаю вторую конфету. Загадываю вкус засахаренных апельсинов с корицей и имбирём, которые у нас дома подают по воскресеньям, и получаю его. Особую прелесть лакомству придаёт то, что сегодня точно не воскресенье.

– Вы тоже угощайтесь, – великодушно предлагаю я, но Гость уже не слушает. Поднялся на ноги и внимательно изучает наш камин. Ощупывает барельеф, скользит взглядом по каменному колпаку, сужающемуся к потолку, – наверное, интересуется росписью со сценами из героических сказаний. Я-то уже давно изучила её вдоль и поперёк. Он даже пытается заглянуть внутрь, закрываясь ладонью от искр.

Мне скучно и хочется, чтобы он уже поскорее забыл про камин и обратил внимание на меня, поэтому спрашиваю:

– А у меня могут быть такого же цвета?

Гость удивлённо оборачивается, и я тычу в его шевелюру. Золотые пряди шевелятся от сухого жара, как языки пламени позади.

– Если будешь долго лежать на солнышке, – усмехается он, но глаза остаются холодными.

Наконец садится обратно. Шкатулка уже пуста, поэтому я придвигаюсь ближе и прижимаюсь щекой к его плечу, вдыхая острый запах восковницы^[8] и дыма.

– Можете посидеть со мной до утра?

Гость опускает глаза. Теперь они странно светлые, почти лишённые радужки и зрачков.

– Спи, маленькая Хамелеонша. Я никуда не уйду.

Накатывает вяжущая дрёма. Я смеживаю веки, чтобы в следующий миг проснуться в своей стылой комнатушке. Людо уже ушёл, тело затекло от неудобной позы, а за окном занимается промозглый рассвет.

К приходу вчерашней служанки я была полностью одета и причёсана, за что получила ещё один презрительный взгляд, в ответ на который протянула испачканный таз.

Сообщив, что скоро придёт мастерица, а мне велено не покидать комнату, девица оставила завтрак и удалилась. Наученная вчерашним, я сдерживалась, откусывая кровяную колбасу небольшими кусочками и тщательно прожёвывая. Несколько гренок, которые не смогла доест, спрятала про запас. Вряд ли нам с Людо придётся голодать в ближайшие дни, но всегда лучше иметь что-то под рукой.

Служанка вернулась, ведя за собой высокую дородную женщину с пёстрым ворохом тряпья в одной руке и корзинкой для рукоделия в другой. Незнакомка оказалась портнихой, а одежда – старыми нарядами леди Йосы, которые предстояло перешить под меня.

Мои щёки вспыхнули от гнева и унижения. Показать в королевском замке в обносках потаскухи. Ещё и пахнуть, как потаскуха: от нарядов исходил тяжёлый сладкий аромат. Но выбора не было. Других платьев, кроме того, что на мне, я не имела.

Портниха подоткнула подол, сунула в рот веер булавок и приступила к делу. Привычные к работе руки уверенно крутили меня, обмеряя. За работой женщина тихонько пела на незнакомом наречье. Наверняка захвачена в одном из набегов, но уже давно – успела хорошо выучить язык.

Одежду пришлось сильно укорачивать и ушивать в талии и груди. Игла мелькала в смуглых пальцах серебряной искрой. Весь день я провела в комнате, вдали от Людо и остальных, наблюдая из окна приготовления и слушая стук кузнечного молота. Свинари во дворе вымешивали кровь, и над бочкой поднимался пар. Когда колокол прозвенел девятый час^[9], во двор въехала повозка, куда начали перетаскивать сундуки леди Йосы. К тому моменту в моём распоряжении было полдюжины нарядов на разные случаи.

Завершив работу, портниха молча собрала швейные принадлежности, попрощалась, глядя в пол, и удалилась. Уложить вещи в сундук помогла служанка. На сей раз я не отказалась от её

услуг, хотя бы потому, что никогда сама этого не делала и понятия не имела, с чего начать. Она устроила наряды так, чтобы они поменьше измялись в пути, оставила только дорожное платье. Сундук понесли вниз, а меня вызвали к леди Катарине.

Она ждала во вчерашней зале, одна.

– А где Людо? – повертела головой я.

– Уже во дворе, с остальными. – Она обошла меня кругом, оглядывая подогнанное по фигуре платье, тронула волосы и снова остановилась напротив.

– Напоминаю: ни одна живая душа не должна узнать о нашей сделке. Отныне для всех ты леди Лорелея Грасье. Обладаешь чудным голоском, и только.

Род Грасье... не слишком знатные, из них выходят придворные живописцы, танцоры, певцы, писаки, в общем, слабые, годные лишь для мирного времени люди. Неудивительно, что их дом в упадке.

– Я не умею петь.

– Тебе и не придётся. Никто не станет проверять. Вы с братом прогостите в королевском замке самое большее пол-луны, а потом у вас внезапно помрёт бабка или любой родственник на выбор, вынудив спешно отбыть вместе с моими людьми обратно. За время своего краткого пребывания вы не будете ничем выделяться, никому нравиться и ни с кем сближаться, чтобы после отъезда ни единая живая душа не могла припомнить даже примерно ваши черты. И пусть твой брат попридержит норов, вчерашнее не должно повториться. Это ясно?

Попридержит? Людо?

Кровь уже отёрли и присыпали пол свежей травой, но бурый след остался.

– Да, госпожа.

– Вот, – она протянула мне бархатный мешочек, – один тебе, второй брату.

Я развязала тесёмки и вытряхнула на ладонь талисманы из смарагда в форме павлина, Покровителя рода Грасье. Фальшивые, конечно.

– Благодарю, госпожа. И ещё: в замке мне понадобится отдельная комната.

– Зачем? – нахмурилась она, и я понимала её сомнения: замки строятся для обороны, а не красоты – лишних помещений там нет. Даже в нашем, считавшемся некогда одним из крупнейших, ночлег гостям устраивали в спальне родителей, устанавливая там шатры и клоте^[10].

– У меня случаются... припадки, связанные с особенностями дара.

– Что ж, – задумчиво откликнулась она. – Я отдам распоряжение.

– Благодарю, госпожа.

– Теперь ступай.

Уже в дверях она снова меня окликнула.

– Проверка первой ночи должна пройти безупречно, леди Лорелея Морхолт-Грасье. Цена ошибки выше, чем ты можешь себе позволить.

А то я не знаю. И мы с Людо ни сном ни духом, что никакой второй части платы не предусмотрено. Интересно, нас собираются убить в королевском замке или на обратном пути? Не зря же брата проверяли на умение драться.

– Да, госпожа.

– Всё, иди.

* * *

Людо тоже переоделся. Ему очень шёл расшитый пурпуэн^[11]. Когда я спускалась по ступеням, придерживая платье спереди, он не отрывал от меня взгляда. Потом протянул руку и помог забраться в повозку. Я тотчас позавидовала брату, который поедет верхом: внутри было душно и пахло чем-то несвежим. Там уже сидела дуэнья^[12] средних лет с необъятным задом и пышными, как дрожжевое тесто, руками. Похожий на сердечко рот напрасно пытался принять суровое выражение, голову венчал внушительный чепец с двумя рогами, от каждого из которых спускалась вуаль. Унизанные перстнями руки прижимали к плотно обтянутой груди ларец из слоновой кости.

Женщина оказалась вдовой Хюсман, сопровождающей нас с Её Светлостью как незамужних девушек, а в ларце хранились драгоценности леди Йосы. Из мужчин кортеж, помимо Людо, сопровождали ещё полтора десятка человек свиты и охраны. Дорога

должна была занять чуть больше недели, поэтому позади в фургончике с провизией предстояло трястись кухарке.

Наконец на крыльце показалась леди Йоса. На верхней площадке она ненадолго задержалась и обернулась на замок, ища глазами какое-то окно. В нём никого не оказалось. Тогда она вздёрнула подбородок и продолжила путь, уже не оборачиваясь.

Один из рыцарей толкнул товарища в бок и кивнул на неё. Оба уставились на спускающуюся по ступеням девушку, как на сходящую с небес Праматерь Покровителей.

Она была действительно ослепительна в своём тёмно-синем блио и мантии поверх. Ниспадающие от локтя до земли рукава волочились по ступеням, а волосы оборачивали её вторым плащом, раздуваясь от ветра. Не смотрел в её сторону только Людо. Он в этот момент подтягивал стремя.

Устроившись на сиденье, леди Йоса небрежно кивнула нам, и вскоре кортеж тронулся в путь.

Стояла ранняя весна, и дороги раскисли от грязи, но местами ещё не сошёл снег. К вечеру выглянуло солнце, и белые островки блестели, как сахарные.

В окно я практически не глядела, предпочитая рассматривать пышные орнаменты, которыми изобиловали одежды сидящей напротив вдовы. В отличие от леди Йосы, я не испытывала никаких чувств, покидая это место. Меня занимала только предстоящая цель. Когда замок скрылся из виду, Её Светлость тоже откинулась на подушки.

– Развлеките меня, леди Лорелея.

– Развлечь? Как?

– Расскажите что-нибудь. Уверена, у вас скопилось немало историй. – Она подняла бровь.

Историй и правда немало. Про что ей рассказать? Как ненавидишь лето и зиму, потому что любить их – роскошь, доступная лишь тем, кто может в любой момент укрыться от зноя и холода за надёжными стенами? Или про первые регулы? Как была полдня посреди поля, схватившись за живот и не понимая, что происходит, а Людо укачивал меня, не зная, как помочь, и боясь оставить одну, чтоб привести лекаря. Или про то, какое наслаждение иметь нормальную обувь...

– У меня была скучная жизнь, миледи.

Она хмыкнула, но не настаивала.

– Тогда вы, госпожа Хюсман.

Та проявила бóльшую готовность. Но её леди Йоса вскоре сама остановила, устав слушать сбивчивую болтовню, полную далёких от реальной жизни нравоучений.

– Хватит. – Она скинула обувь и пристроила ноги на сиденье напротив. Вдова Хюсман потеснилась с недовольным видом.

– Не думаю, что молодой девушке пристало так...

– Вам платят за сопровождение, а не за мнение, – оборвала леди Йоса и, повернувшись ко мне, полуутвердительно спросила: – Вы ведь не умеете читать?

И очень удивилась, услышав:

– Умею...

Тогда она велела достать из-под сиденья сундук с книгами. Порывшись, кинула мне небольшой том.

– Начинайте.

Рыцарский роман.

– Что-то не так? Вас смущает тема?

Я пожалала плечами и открыла первую страницу. Она поразила бы тому, сколь мало вещей в этой жизни способны меня смутить. Несколько мгновений я тупо рассматривала буквы.

– Так умеете или нет? – раздражённо спросила она.

– Умею, просто давно не практиковалась.

– Я могу рассказать по памяти Жития Святых, – подала голос вдова, неприязненно поглядывая на рукопись у меня в руках. Она была неграмотная, как и абсолютное большинство жителей королевства, включая, как оказалось, саму леди Йосу. К чему знати грамота, если читают за них чтецы, а пишут писцы? А простолюдинам она и подавно не нужна.

– Нет, пускай леди Лорелея, у неё голос приятнее.

Это неправда: мой голос низковат для девушки и с хрипотцой. Но вдова тараторит и захлёбывается словами, будто боится, что её хватит удар, прежде чем она успеет досказать всё, что хотела. Не велика потеря, если так.

Я прокашлялась и начала. Сперва шло туго. Я запинаясь, делала большие паузы, читала несколько раз трудное слово про себя и лишь

потом вслух, часто ошибалась в буквах. Леди Йоса кривилась и фыркала:

- Это ужасно!
- Мне прекратить?
- Нет, читайте дальше.

С какого-то момента пошло легче, и я могла произносить слова, не отвлекаясь на смысл.

Грамоте нас с Людо обучил мэтр Фурье. Его наняли, когда брату исполнилось восемь. Под нашей крышей он прожил два года.

Моя учёба не входила в планы, но, поскучав без Людо неделю-другую, я тоже заявила на занятие. Не потому что хотела учиться, просто лучше скучать вместе, чем порознь. Мэтр вышвырнул меня, не слишком церемонясь. Но я не отступалась и постепенно продавала ситуацию. Учитель пожаловался отцу, а тот, вместо того чтобы разделить возмущение, неожиданно дал согласие на посещение мною уроков.

Сперва я сидела в стороне, стараясь быть как можно незаметнее – именно на таком условии меня допустили до занятий. Через пару недель переместилась поближе, потом вывела первую букву. Месяц спустя уже занималась наравне с Людо, хотя удовольствия от процесса так и не научилась получать. Брат же испытывал к учёбе глубокое отвращение. И науки отвечали взаимностью. Труднее всего ему давалось чистописание. Порой я удивлялась, глядя, с каким трудом он выводит пляшущие кособокие закорючки. Его стило^[13] натужно скрипело и дёргалось, снимая восковые стружки, словно пыталось проткнуть табличку насквозь. У меня же без особых усилий выходили ровные красивые строки, даже лучше, чем у мэтра Фурье. Я не понимала, почему брату так сложно.

Больше, чем свою работу, учитель ненавидел только нас. Радовался ошибкам, дававшим возможность лишний раз пустить в ход ферулу^[14]. Но вообще-то в поводах для наказаний не нуждался. Порой после занятий мои пальцы распухали так, что кормилица долго охала и причитала, исцеляя их в ванночках с ромашкой. Это лишь подкрепляло её уверенность, что всё зло от ученья. Но отцу я жаловаться запретила. Боялась, что он отлучит от занятий. Поэтому ненавидела мэтра Фурье молча и, конечно, мстила при

каждом удобном случае, но так, чтобы ничего нельзя было доказать: кидала мух в чернильный рожок, пачкала его стул, портила кончики перьев...

В учителе вызывало омерзение всё: начиная с залысин и хрящеватого вечно влажного носа и кончая тяжёлым луковым духом. К последнему частенько примешивался кислый винный. Проигравшись в кости, он приходил злее обычного и бил сильнее.

Людо никогда не таился. Огрызался в открытую, в ответ на брань не лез за словом в карман, швырял в мэтра грамматикой. А однажды, когда тот задремал, залил чернилами пухлую стопку пергаментных листов – каждый в отдельности, – которую учитель неизменно приносил с собой на занятия и заполнял прилежными строчками, пока мы с Людо корпели над очередным заданием.

Под пафосным заголовком прятался «труд всей жизни». Бессмысленный и безнадежно скучный набор букв, пустая трата пергамента. Каждое предложение было составлено так, чтобы поразить словоблудием и скрыть смысл. Никто и никогда в здравом уме не стал бы это читать.

Идея принадлежала мне, но брат взял всю вину на себя. До того дня мы не думали, что он может всерьёз нам навредить...

Мэтр орал и бранился так, что поморщился даже отец. Ничто, ничто в целом мире и за его пределами не способно восполнить его утрату! И не существует наказания, соразмерного совершённом преступлению. Таких мелких убождков, как Людо, нужно рвать клещами, лить в глотку кипящий свинец и заставлять лизать раскалённые котлы у Ваалу! ^[15] Ничего из этого отец не разрешил. Только велел высечь брата розгами.

Пороли Людо на конюшне. Хотели поручить это груму, но мэтр Фурье взял расправу в свои руки.

Я спряталась у входа.

– Снимай рубаху.

Прошуришала ткань.

– Обопрись о козлы. – И после паузы: – А теперь проси прощения, дабы Праматерь смягчила мою руку.

– Обойдёшься, шлюхин сын! Чтоб тебе сдохнуть на гноище! Так пори.

В ответ разразилась брань на родном мэтру Фурье кэльском языке. Этим словам он нас не учил.

Я считала удары. Самым страшным был первый. Его ожидание. Сперва тишина, густая и звенящая, даже возня в стойлах прекратилась, потом резкий свист и удар о голую спину. Испуганное конское ржание, и снова тишина... Я вздрогнула всем телом, словно ударили меня. Свист, удар, тишина. Свист, удар, тишина. Они повторялись жуткой извращённой музыкой.

Перед глазами всё расплывалось, меня мутило, и душили слёзы. При каждом ударе я изо всех сил щипала себя за предплечье, чтобы разделить с Людо боль. Может, разделённая, она легче переносится?

После первого десятка удары стали громче, ожесточённые.

Людо ни разу не вскрикнул, вообще не издал ни звука. Зато мэтр Фурье пыхтел, как загнанный кабан. Двадцать ударов спустя учитель практически выбежал из конюшни, красный и взмыленный. Свалившаяся биретта^[16] открывала блестящую от пота лысину. Он на миг остановился, задрав голову к небу и прикрыв глаза, шумно выдохнул, отшвырнул розги и направился к замку широким шагом. Длинные полы одежд развевались, как крылья у летучей мыши.

Я скользнула внутрь и поморгала, чтобы привыкнуть к полутьме. Брат сидел возле стены, дрожа и спрятав голову между коленей.

– Людо, – тихонько позвала я, опускаясь рядом.

Он вскинул воспалённые глаза – воспалённые не от слёз, от бешенства. Из прокушенной губы сочилась кровь. Взмокшие чёрные пряди прилипли ко лбу.

– Очень больно?

– Уйди, – глухо сказал он, отворачиваясь.

Я тронула его за руку.

– Покажи...

Брат дёрнул плечом и, морщась, повернулся. Я закусила кулак, чтоб не заорать: каждый дюйм спины пропахали багровые рубцы.

Всхлипнув и не зная, что ещё сказать, приспустила платье, демонстрируя распухшее от щипков предплечье:

– Смотри, мне тоже больно...

Людо только фыркнул.

Тогда я огляделась, вскочила и подобрала из кучи в углу старую ржавую подкову.

– Мне тоже больно, – повторила я, упёрла растопыренную пятерню в землю и со всей силы саданула тяжёлой железкой.

Наверное, потеряла сознание, потому что не помню, чтобы кричала, а очнулась уже возле стены. Голова покоится у Людо на плече.

– Дура, – сказал он, поглаживая меня по волосам.

Я с трудом подняла руку, ставшую тяжелее чугуновой чушки, и уставилась на раскоряченные пальцы. Долго заворожённо разглядывала кисть, пока она раздувалась и наливалась синевой. Боли почти не чувствовала: конечность онемела до самого плеча.

– Надеюсь, твоё пожелание сбудется, – прошептала я, вытирая здоровой рукой испарину со лба брата.

– Какое?

– Пусть мэтр Фурье сдохнет на гноище.

Его губы тронула странная улыбка.

К тому времени, когда нас нашли, мои пальцы успели почернеть, а его раны загрязниться. Я плохо помню, что было потом. Помню, что умирала от жажды. А ещё вырывалась, кусалась и визжала, чтобы они не смели пороть Людо.

Три следующих дня провалилась в горячке, приходя в себя и снова проваливаясь в багровый туман, где свистели розги и кто-то с хрустом выворачивал мои пальцы. Время от времени мне с силой разжимали зубы, вталкивая вместе с ложкой горькое, как жёлчь, лекарство. Я часто металась, звала брата и не верила кормилице, уверявшей, что с ним всё в порядке. Успокоилась, лишь когда она тайком провела его в мою комнату. После его ухода на покрывале остался апельсин с ужина.

Рука заживала месяц. Указательный палец так и не сросся правильно, остался кривоватым и плохо слушается, так что почерк с тех пор почти не уступает дёрганым закорючкам Людо. Мэтра Фурье я больше никогда не видела. Через неделю после порки, задолго до того, как я вышла из комнаты, его зарезали, ночью, по дороге из кабака.

– Мертвецки пьяного, – шептала кормилица нянюшке, думая, что я сплю. – Точнёхонько под крайнее ребро ударили, вот здесь, – она показала справа. – Коновал сказал-де, от такого сразу мрут. И пырнул знающий, снизу вверх.

– Или кто-то ростом малый, – шепнула нянюшка.

– И кошель-то не забрали, – добавила кормилица, и обе посмотрели в мою сторону.

Я прекратила чтение, когда опустились сумерки, и в повозке стало совсем темно. Только волосы леди Йосы и перстни вдовы поблёскивали в полумраке. Спроси кто меня, о чём был отрывок, я бы не ответила.

Леди Йоса провожала взглядом пейзаж за окном. Контуры полей в лиловой вечерней дымке, грохочущие ленты речушек и холмистые долины, похожие издали на обтянутые мхом валуны.

– Вокруг королевского замка сплошь горы, я смотрела по карте, – задумчиво произнесла она. – Буду скучать по равнинам.

– Местность, где стоит замок Его Величества, славится прекрасными видами, – встряла вдова, – многие животные и растения водятся только там. И раз уж вы будете там жить, то должны знать, что...

Её трескотню никто не слушал. Есть люди, которые упиваются звуком собственного голоса и помрут, если не воткнут вам в глотку своё очень ценное мнение.

Заснула она неожиданно, прямо на полуслове, обозначив это событие всхрапом.

– Слава Праматери! – закатила глаза леди Йоса и обратилась в окошко к ближайшему рыцарю: – Долго ещё до привала?

Тот придержал коня и поравнялся с нами.

– С четверть мили, миледи.

Она кивнула, и рыцарь снова ускакал вперёд. Взгляд Её Светлости ещё побродил по пейзажу и остановился на ехавшем неподалёку Людо. Изучающе окинула его сверху донизу, и рука потянулась к груди.

– А ваш брат красив... даже очень, – заметила она, лениво водя пальцем вдоль кромки выреза и не потрудившись понизить голос. Правда, Людо все равно не мог слышать из-за шума дороги.

Мне не понравился ни взгляд, ни жест. Хотя Её Светлость права: насмешкой Праматери из нас двоих вся красота досталась именно брату, которому она и даром не нужна. А в этот момент он был особенно хорош, сидя в седле так, словно не было всех этих лет без

регулярных тренировок. Новый костюм плотно облегал фигуру, ветер трепал спускавшиеся до плеч волосы, а глаза блестели, как два оникса. Только ни он, ни я не нуждаемся в её одобрении.

– Красотой терновника, – заключила она, откидываясь на подушки.

На ночь остановились в лощине. Рыцари разбили небольшой палаточный лагерь, а для леди Йосы, меня и вдовы установили шатёр. С учётом жаровни, походного трюмо и двух сундуков, которые велела перетащить туда Её Светлость, места осталось лишь на то, чтобы не спать друг на дружке.

В ожидании ужина рыцари собрались вокруг костра и подначивали хлопочущую над котелком кухарку, травили шутки. Людо сидел в стороне, натачивая о камень дрянной меч, который ему выдали по приказу леди Катарины. Почувствовав мой взгляд, поднял голову. В следующий миг меня снова отвлекла возня у костра.

– Поди ж ты, какой резвый! – воскликнула кухарка, замахнувшись половником на самого рукастого из мужчин, ущипнувшего её за зад. Тот ответил наглой улыбкой и подмигнул остальным.

– Что вас там так заинтересовало? – раздражённо позвала леди Йоса. – Лучше помогите мне разобрать вещи.

Я поправила полог и вернулась в глубь шатра.

Когда позже вышла за порциями для неё, вдовы и себя, смех стих. Рыцари провожали меня взглядами, в которых не читалось ни угрозы, ни дружелюбия – только угрюмая насторожённость. Точно так же смотрели и на брата. Им сказали официальную версию, в том числе про тяжело раненных и чудом выживших Марланта и Эйка, но кто запретит людям строить догадки о появившихся в последний момент чужаках, чей измождённый вид не соответствует заявленному высокому статусу?

– Миледи, – кухарка сделала неуклюжий книксен.

Я забрала поднос с едой и подождала, пока один из рыцарей приподнимет полог шатра.

На ужин был варёный угорь и пирог с крольчатинной и миндальным молоком. Соли в лепёшке было в самый раз. А я уже и забыла, каково это, когда ею не отбивают затхлость плесневелой муки... За истекшие годы эти два вкуса стали для меня неотделимы. Когда-нибудь буду питаться только пресным.

Ритуал отхода леди Йосы ко сну оказался изматывающе долгов – голоса снаружи успели утомиться. Заодно выяснилось, зачем ей понадобилось аж два сундука. В первом лежала сорочка, домашние туфли, каль^[17] и куча спальных принадлежностей, без которых легко можно обойтись. Во втором – зеркало, лосьоны, мази, притирки, масла, ароматические воды, мастика для губ, помада для волос. Пока я неловко расшнуровывала ей рукава, непривычная к этому делу, она рассматривала своё лицо в полированном бронзовом диске, натягивая кожу пальцами. Когда я закончила, она протёрла щеки, лоб, подбородок и шею средствами из трёх склянок и, не оборачиваясь, протянула гребень.

– Расчешите меня.

Вдова Хюсман успела переодеться в подобие паруса и теперь рылась в своём бельевом ларце, ища что-то на дне.

Перебирая тяжёлые длинные пряди её светлости, я боролась с желанием вытереть руку о подол: казалось, на пальцах остался жирный золотой налёт. А ещё хотелось покончить с расчёсыванием побыстрее – процесс начал утомлять.

– Ай! Осторожнее вы! – вскрикнула леди Йоса, дёрнув головой.

– Простите, миледи.

– «Простите, ваше величество» – привыкайте называть меня так. Вы что, никогда не расчёсывали другим волосы?

– Чужим – никогда.

Людо ведь не чужой.

– У вас неделя пути на то, чтобы научиться помогать мне. – Она бросила быстрый взгляд на вдову и едва слышно прошептала: – Чтобы версия фрейлины хоть немного походила на правду.

Я подняла голову, и наши взгляды встретились в отражении. Контраст между нею и мной был разителен: леди Йоса, белокурая и голубоглазая, с нежной алебастровой кожей, точёными плечами и высокой грудью, натягивающей платье, которое прикрывало такое же совершенное и до тошноты мягкое тело, а позади я. Шершавые потрескавшиеся ладони смотрелись рядом с её тонкой белой шеей просто кощунственно, а тяжёлая масса чёрных волос придавала мне диковатый вид.

– Теперь подайте чашу, – распорядилась она, отворачиваясь.

Я забрала с жаровни миску, где подогревалось миндальное молоко с ужина, и поставила перед ней. Леди Йоса погрузила внутрь свои тонкие ухоженные пальцы – с чего им не быть ухоженными, если отмачиваются каждый день в молоке! – и держала, пока оно не остыло. Потом велела:

– Теперь вы.

– Что я? – Краем глаза я заметила, как вдова сделала два быстрых глотка из оправленного в серебро каплевидного флакона.

– Опустите ваши клешни в ванночку, на них тошно смотреть. К тому же любому в королевском замке будет достаточно одного взгляда на них, чтобы разоблачить вас. – И не дожидаясь ответа, она схватила меня за руку.

Тело обдало волной гадливости, и я отшатнулась, задев чашу. Та опрокинулась, выплеснув молоко на землю.

– Да вы просто дикарка! – с досадой воскликнула Её Светлость, потирая ушибленную кисть. – Ну и оставайтесь такой, раз нравится!

Она отвернулась, а я вернула чашу на место и, ни слова не говоря, направилась к выходу.

– Куда вы?

– Пожелать брату доброй ночи.

– Передайте и от меня.

– Хорошо.

Когда Скорбный Жнец спляшет кароле^[18] вокруг майского шеста.

– Вы должны отвечать: «Как скажете, Ваше Величество».

– Как скажете, Ваше Величество.

Из угла вдовы уже слышался храп, а в спёртой духоте разливался навязчивый сладковатый запах опийного мака.

После тесноты шатра ночной воздух показался одуряюще свежим. Я дышала и не могла надышаться. Совсем рядом грохотали воды ручья, разнося эхо по ущелью. Пахло влажной землёй и первыми пробивающимися сквозь почву травами.

Людо разминался спиной ко мне. Думала подкрасться к нему на цыпочках, но когда до цели оставалось всего ничего, брат скользнул в сторону и оказался позади меня, взяв шею в захват.

– Ты мертва! – объявил он и тут же фыркнул в ухо: – Топаешь, как кентавр.

Я отвела его руку и повернулась.

– И пахну так же. – Я сунула ему под нос ладонь, насквозь пропахшую всеми мазями и благовониями леди Йосы.

Людо понюхал и сморщил нос.

– Пойдём к ручью – смоешь, – предложил он.

Так мы и сделали.

Пройдя мимо часового, спустились с откоса. Я поплескала на руки, а после мы немного поговорили, обсудив, что нас ждёт в замке. Вздохнув, я приникла к брату и положила голову ему на грудь.

– Не хочу возвращаться в шатёр.

К храпящей вдове и Её Светлости с блудливыми глазами и состоящим из плавных изгибов телом, каждый дюйм которого несёт следы тщательного ухода. И снам, радость от которых превращалась в горький стыд по утрам. Даже Людо не знал про них. Иногда будил меня, если бормотала, и тогда я говорила, что видела наш дом... брат понимал. Но никогда в подобные моменты не упоминала того, кто поселился в моих грёзах, как отравка на дне кубка.

Наконец мы двинулись обратно в лагерь.

– Скоро смена на часах, – сказал Людо. – Кажется, кто-то вышел из палатки.

Рыцарь действительно вышел, только не из палатки, а из кибитки кухарки. Тот самый балагур, щипавший её за ужином. Он замер, мы тоже. Рыцарь перевёл взгляд с меня на Людо и обратно и поправил штаны. А потом мы молча разошлись, словно ничего не произошло.

Когда я вернулась, леди Йоса уже спала – по крайней мере так я решила, устраиваясь на ночь, пока не услышала некоторое время спустя её недовольный голос:

– Не прекратите вертеться и вздыхать, отправитесь спать к мужчинам.

Вертеться я перестала, но ещё долго не позволяла себе заснуть. Едва чувствуя подступающую дрему, колола руку сорванной возле шатра веточкой шиповника. И всё равно заснула, мечтая ощутить тепло и безопасность. Шутки снов порой очень жестоки... я получила свою иллюзию безопасности.

...трофейная всегда была моим любимым убежищем. Не отпугивал ни специфический запах, исходящий от прибитых к стенам рогов и голов, ни жутковатый отрешённый блеск невидящих зрачков, ни якобы поселившийся тут призрак рыцаря, насмерть затоптанного ведром, чьи бивни теперь украшали эту комнату. Я любила прятаться здесь, когда мир был ко мне слишком жесток. А мир частенько бывал ко мне жесток, потому что я «упрямая несносная девчонка, наказание для своей матери», по словам моей собственной, и такие, «если не исправляются, рано или поздно получают по заслугам». Исправиться я не могла, и по заслугам получила рано. Смех, звон кубков и звуки виел^[19] за стеной лишь усугубляли мои страдания.

От горьких дум отвлёк золотой мячик, ткнувшийся в бедро. Дремавшая на соседней шкуре Никс, престарелая левретка, приоткрыла глаз и снова закрыла. В камине с нетерпеливым треском взвились искры. Я вяло подтолкнула шарик обратно в огненный зев. Сегодня даже любимая игра не утешала. Снова задумавшись, пропустила следующий бросок, и мяч укатился к дверям. Вскочив на ноги, я хотела кинуться за ним, но обнаружила беглеца под подошвой стоящего в дверях золотоволосого мужчины. Гость нагнулся, поднял мячик и двинулся ко мне, перекатывая его змейкой между пальцами одной руки ловчее жонглёров, показывавших трюки за ужином.

Я, набычившись, наблюдала за ним. В зале сидел за столом для почётных гостей. Весь вечер смеялся, травил охотничьи истории и не пропустил ни единого тоста. Один раз я поймала на себе его пристальный, безо всякой улыбки, взгляд. Но уже в следующий миг его отвлёк кто-то из приятелей отца.

– Почему вы сидите здесь в свой праздник, миледи? – спросил он, остановившись передо мной. – Разве вы не должны быть в саду, с Годфриком?

Праздник, как же! Я молча отвернулась и плюхнулась обратно на шкуру спиной к нему. Ужасная грубость. Именно из-за таких выходов я никогда не стану «послушной ласковой девочкой, как кузина Хейла, отрадой для матери». Сейчас он уйдёт и расскажет всё отцу. Тот посмеётся, а когда гости разъедутся, прикажет няне наказать меня. Делает это она куда охотнее кормилицы, и рука у неё тяжелее. Но гость вдруг устроился рядом на полу и как ни в чем не бывало протянул мячик.

– Кажется, ваш? В игру примете?

Зыркнув на раскрытую ладонь, я схватила шарик, зашвырнула прямо в углы и злорадно усмехнулась ему в лицо.

– Приму, доставайте!

Вот теперь точно уйдёт. Или начнёт браниться – взрослые не могут быть долго дружелюбными с детьми. Правда, я больше не ребёнок. Так сказала кормилица, наряжая меня к пиру, и её подбородки мелко тряслись от всхлипов. И то же повторила мама, холодно и веско, когда пришла проверить её работу.

Гость не изменился в лице, только в уголках серых глаз наметились морщинки. Радужка вдруг начала стремительно выцветать, сделавшись из стальной почти белой. Он чуть повернул голову в сторону подрёмывающей Никс и, сложив губы трубочкой, издал мелодичный посвист. Уши левретки встали торчком. Она резво поднялась, покачиваясь на тонких жилистых ногах, и потрусила к камину. Перед огненной пастью замерла. Не успела я сообразить, что произойдёт дальше, как она сделала бросок, почти невозможный для её четырнадцати лет, увернулась от просвистевшего в дюйме от уха огненного кнута и, сжав мячик зубами, отскочила обратно. Мелко перебирая лапами, подбежала к гостю, аккуратно положила добычу ему на колени и вернулась на место.

Мужчина беззаботно подкинул мяч, словно не замечая моих широко распахнутых глаз. Его собственные уже вернули прежний цвет.

– Как вы это сделали?!

– Похоже, я не слишком-то вам нравлюсь, – заметил он вместо ответа.

– Не вы! – выпалила я и прикусила язык.

Гостя это развеселило. Откинувшись слегка назад, он смерил меня взглядом и кивнул:

– Значит, Годфрик. Чем же вам не угодил мой племянник?

Перед глазами снова встало прекрасное, словно из снега вылепленное лицо матери.

– Леди Анна, – назвала она меня первым, официальным, именем, – развлеките будущего супруга. Покажите ему наш сад.

– Хотите, сходим в оранжерею?

Высокий рыжеволосый мальчишка пожал плечами, и мы двинулись по усыпанной галькой дорожке. На сегодняшний праздник не пожалели восковых свечей, и замок от подвала до сторожки караульного на крыше был залит огнями. Позади, шоркая, переваливалась кормилица. В траве стрекотали цикады, подпевавшие менестрелям, в воздухе стоял тяжёлый аромат спелых слив.

– Вам понравятся наши розы, – произнесла я, когда терраса осталась за поворотом. – Их завезли в прошлом году, и...

– Не нужно. – Голос у Годфрика был под стать лицу и всему скучающему облику – такой же бесцветный.

– Что не нужно? – не поняла я.

– Разговаривать. Просто пройдем до оранжереи и обратно.

Произнося это, он ни разу на меня не посмотрел. Пару мгновений мы шли в полном молчании, на фоне которого шум из трапезной, где праздновали наше обручение, казался особенно громким.

– Вы не хотите на мне жениться?

Ответный взгляд был полон презрения.

– Жениться на выродке? Да мне мерзко даже смотреть на тебя!

Ударила я быстрее, чем успела подумать, и получила звонкую оплеуху в ответ. Из глаз от неожиданности брызнули слёзы. Ладонь судорожно прижалась к горячей щеке.

– Бьёшь, как девка!!

Этому страшному оскорблению я научилась у Людо...

– Он не такой, каким должен быть супруг, – сдержанно ответила я гостю, прикрывая волосами до сих пор красную щеку.

– А каким должен быть супруг? – заинтересовался он.

– Сильным внутри и снаружи.

– Достойный критерий, – кивнул мужчина. – Так говорит ваша матушка? Или отец?

Он что, думает, у нас собственного мнения нет?

– Так считаем мы с братом, – обиделась я. – Он говорит, что нет ничего важнее силы, а слабые вовсе не должны появляться на свет, они не заслуживают жить. Поэтому брат так презирает Артура.

– Кто такой Артур?

Я опомнилась и промолчала. Про Артура никто не должен знать. Не дождавшись ответа, гость спокойно продолжил:

– В чем-то ваш брат прав, просто сила бывает разной. Со временем вы с Годфриком притрётесь. А ещё у меня есть племянница чуть помладше вас. Бланка – добрая и ласковая девочка, которая нуждается в подруге.

Странно было вот так разговаривать. Странно и приятно. В замок постоянно приезжали приятели отца, особенно в последние месяцы, но они никогда не пытались со мной заговорить. Детей не принято замечать, особенно девочек. Отец и тот вспомнил о моём существовании лишь полтора года назад, после случая с няней.

Мысленно я сравнивала гостя и будущего супруга. Волосы у Годфрика тоже рыжие, но совершенно другого оттенка: почти красные и прилизанно-гладкие, разделённые на пробор, а не золотистые и вьющиеся. Да и вид какой-то болезненный, словно вся сила ушла в рост. Он действительно высок, но плечи уже, чем у Людо, хотя брат на год младше него. Сидящий же рядом человек был воплощением крепости, от него исходила спокойная уверенность.

– Мы никогда не притрёмся, – угрюмо изрекла я. – В нём нет и уже не будет стержня.

– Погодите судить. Годфрику всего одиннадцать. Через три года, когда состоится ваша свадьба, он подрастёт и возмужает.

– А ещё он назвал меня чернявой уродиной!

Вообще-то он много чего успел наговорить...

Гость перестал усмехаться:

– Вот это он зря. Просто пока не понимает, как ему повезло.

Я уставилась на него и нерешительно переспросила:

– Повезло?

Мужчина кивнул:

– Вы уже сейчас красивее большинства знакомых мне леди, а через несколько лет затмите и остальных.

Красивая? Я? Мне такого ещё никто не говорил, даже кормилица, а уж она-то любит меня больше всех после Людо. Может, насмехается? Но выражение серых глаз было абсолютно невозмутимым.

Я помолчала, обдумывая его слова и ощущая, как кончики ушей начинают гореть, а внутри всё трепещет от непонятного, но упоительного чувства. Стало стыдно за то, как вела себя с ним вначале. От следующей мысли я покраснела ещё сильнее и покосилась на гостя из-под ресниц. Жаль, что такой старый. Наверное, ему столько же, сколько маме, а ей осенью исполнится двадцать шесть. Других недостатков обнаружено не было, даже короткая борода его не портила. Казалось, подбородок и скулы припорошены золотом. И я решила:

– Вы ведь желаете союза с нашей семьёй?

– Верно, – прищурился он и скрестил руки на груди.

– И для этого нужен брак?

Дождавшись подтверждения, я выпалила, боясь растерять храбрость:

– Тогда, может, на мне женитесь вы?

Сперва он удивился, а потом пристально посмотрел, явно всерьёз взвешивая предложение, и наконец сокрушённо покачал головой.

– Рад бы, но это невозможно, миледи.

– У вас уже есть супруга? – расстроилась я. – Или не хотите ждать ещё три года? Я постараюсь вырасти поскорее и буду хорошей женой, клянусь!

Он вздохнул, поглаживая браслет из заплетённой в косичку лески, и потерянно развёл руками – сразу видно, искренне сожалеет.

– Вы уже обручены с моим племянником.

– Но если я ему не нужна? – Я все ещё не теряла надежды его уговорить.

– Он скоро изменит мнение, ручаюсь, – сверкнул глазами гость.

Дорога была утомительна и монотонна. У меня часто болели глаза от чтения при тряске, а духота и запахи преющих под платьями тел сводили с ума. Чувствуя себя разбитой, я пользовалась любой возможностью на привалах, чтобы пройтись. Вдова почти всё время спала или дремала. Флакон, поначалу вынимаемый лишь ближе к ночи, перешёл в разряд лекарства от всего: зубной боли, ломоты в пояснице, нервов, расстройства желудка, меранхолии^[20] и шуток Камдена – того самого рыцаря, навещавшего кухарку по ночам. Нрав леди Йосы совсем испортился от вынужденной бездеятельности. Я-то привыкла терпеть и выжидать, а она изнывала и цеплялась к нам по любому поводу.

– Сколько раз говорить, чтоб не пили эту гадость в повозке, вдова Хюсман! Дышать нечем! А вы, – напускалась она на меня, – почему бубните пылкое признание, как надгробную речь? В вас что, нет ни грамма чувства? Вы никого не любили?

– Разумеется, любила и люблю – своего брата.

– Я не о том, – отмахнулась она. – Вы ни к кому не испытывали страсти?

Её романы казались мне насквозь фальшивыми, а речи влюблённых донельзя напыщенными и искусственными. Прискакать под окно возлюбленной и донимать её сравнениями губ с кораллами, а зубов с жемчугом. И в чём тут любовь?

К самой леди Йосе я испытывала презрение, к которому из-за придинок теперь примешивалось глухое раздражение. Она не выполнила долг перед семьёй, предписывавший хранить себя до свадьбы, и ничуть не смущалась своего проступка, если его так можно назвать. Я свой долг выполняю. Презирала я её не за потерю целомудрия, а за пренебрежение обязательствами перед родом.

День на четвёртый, устав разглядывать проносящиеся за окном поля, она остановила взор на скакавшем рядом рыцаре, какое-то время рассматривала его и с шумным вздохом откинулась на подушки.

– Что вы знаете о близости между мужчиной и женщиной, леди Лорелея? – вызывающе спросила она, прервав моё чтение на

полуслове.

Вдова, как обычно, похрапывала и причмокивала во сне. Тальк осыпался с груди, припорошив чёрный бархат белёсой пылью. Запнувшись, я подняла глаза от страницы и встретила с насмешливым взглядом. По лицу леди Йосы гуляла полуулыбка, рука поигрывала талисманом.

Поскольку я молчала, она продолжила, правда, на этот раз соизволила-таки понизить голос, покосившись на вдову:

– Вам предстоит первая ночь, неужели вы о ней не задумывались?

Я наконец отомкнула губы и бесцветно произнесла:

– Должна идти кровь.

Она приподняла брови.

– Откуда вы знаете?

Тот же вопрос я задала Людо. Мы ведь тщательно обговаривали план и обсуждали детали.

«Откуда знаешь про кровь, если никогда не женился?»

«Не твоё дело».

Я закусила губу. Ненавижу, когда брат так говорит, и он это прекрасно знает. У меня же от него нет секретов... ну, почти нет.

«И много должно вылиться?» – холодно спросила я.

«Не так, чтобы слишком».

«И как это понять? Две капли? стакан? Как при регулах?»

«Как из ранки на пальце! И прекрати меня доносить!» – разозлился он, странно посмотрел, встал и ушёл. Вернулся, только успокоившись. В итоге мои знания о первой ночи ограничились спальней и кровью. Остальное, сказал Людо, мне не понадобится, я ведь в действительности не собираюсь исполнять супружеский долг леди Йосы. Ну, ещё нужно знать про традиционный кубок с вином, который молодая жена преподносит мужу.

– Так откуда? От матери? – настаивала леди Йоса. – Моя скорее б лопнула, чем сказала!

– А вы? От помощника грума? – дерзко спросила я.

Она удивлённо поморгала, а потом вдруг прыснула, прижав ладонь ко рту.

– Нет, не от него.

– То есть леди Катарина ошиблась, и вы не...

– На пару лет раньше, – пояснила она. – У моей матери был духовник. Она думала, он её любит. Настолько, что когда мне было двенадцать, отец вдруг скоропостижно скончался. Знаете, он был неплохим человеком. Как-то раз я осталась после мессы, и...

Интересно, была бы она столь откровенна, если б уже не сажала меня мысленно в дроги Жнеца?

– Да и я вовсе не о крови, – она лениво скинула туфлю и, уперев пятку в колено, принялась нарочито медленно растирать стопу. – А о том, как доставить и получить удовольствие. Вы что, совсем ничего об этом не знаете? Не слышали перешёптывания служанок по углам? И картинки не видели? Ну, уж случку собак-то заставляли?

Рука зачесалась влечь ей пощёчину за снисходительность тона. Теперь она смотрела чуть свысока, словно презирая меня за незнание.

К снисходительному тону прибавилась ещё и снисходительная улыбка, доведя меня до белого каления. Леди Йоса в последний раз с непристойной неторопливостью провела рукой по стопе, вернула ногу на пол и расправила подол:

– Ну, так слушайте. – Проворно привстав со своего места, она уселась рядом. Вдова осталась в одиночестве, похрапывая в углу. Набрякший подбородок клонился к груди, чепец накренился. На ухабах она вскидывала голову и сонно ворчала, не открывая глаз.

– Сперва он, скорее всего, велит вам раздеться и лечь, – зашептала леди Йоса под цокот копыт снаружи и скрип повозки. Она сидела так близко, что я ощущала тёплое дыхание на лице. – Лучше сделайте это сами, пока будете ждать в опочивальне. Потом Его Величество может дотронуться здесь, – она коснулась моей груди, или тут, – провела костяшками по шее.

– Рукой? – спросила я странно хриплым голосом.

– А это уж как захочет, – рассмеялась она. – Мне продолжать, или мои речи скучны и ничего нового не сообщают?

Я промолчала, и она, лукаво улыбнувшись, снова заговорила. Много из того, о чём она поведала, оказалось неожиданно знакомо. Просто раньше я не подозревала, что под «потерей целомудрия» и «исполнением супружеского долга» разумеют именно это. В народе-то проще называют...

Останься я дома, получи воспитание настоящей леди, вероятно, пребывала бы в неведении и по сей день. Но в дороге взрослеют

быстро. А в моей жизни было слишком много дорог...

Впервые с вопросом я столкнулась год на третий наших с Людо скитаний. Наверняка случилось что-то и раньше, но мне не запомнилось. В тот день мы заночевали в храме. Их двери открывались для всех без разбора, лавки на ночь сдвигали к стенам, и люди укладывались на пол вповалку.

Проснулась я среди ночи от возни по соседству. Какой-то крестьянин вскарабкался на женщину и двигался на ней взад-вперёд. Он кричал, она постанывала.

Я растолкала Людо.

– Гляди, смешные...

Но брат почему-то не смеялся.

– Эй, вы там, уймись! А ты, Лора, заткни уши и отвернись.

– Зачем это?

– Делай, как сказал! – рявкнул он.

Я обиженно накрыла уши ладонями, но так, чтобы всё слышать. Отвернулась по тому же принципу. Парочка не обратила на окрик никакого внимания. Слово за слово, тумак за тумак. Вокруг начали просыпаться, заворчали, заругались, прибежал всполошённый клирик... в общем, из храма пришлось уйти.

– Людо, а что они делали?

– Отстань, Лора. И вообще забудь, что видела.

Но случай, как нарочно, не выходил из головы. В последующие месяцы я ещё не раз видела подобные сцены, не только в храмах, но и на постоянных дворах, где на одну кровать укладывались до дюжины человек, однако уже не будила брата. Действо было не слишком похоже на то, что описывала леди Йоса. Скорее уж и впрямь напоминало случку собак. Много сопенья, много возни, и вообще выглядит... так себе. Но участникам явно нравилось.

Примерно тогда же Людо начал пропадать по ночам, и не только по ночам. Отлучался ненадолго и оставив под присмотром какой-нибудь матроны, но я всё равно чувствовала себя брошенной и несчастной, а дознаться о причине уходов не получалось: стоило спросить или попытаться последовать за ним, сразу злился. Как-то поздним вечером я лежала на постоялом дворе и, глотая слёзы, слушала, как трактирщик зовёт свою дочь с крыльца. Я-то видела,

что они с Людо спрятались в сарае... Вернувшись, брат по обыкновению улёгся сзади, подгрёб меня и, уткнувшись носом в макушку, собрался спать.

Я выставила локоть:

– Уйди.

– С чего это?

– Просто уйди, и всё.

– Куда мне идти? Ночь на дворе!

– Иди обратно... к той.

– К кому? – нахмурился он, приподнявшись на локте.

– Откуда я знаю её имя! – огрызнулась я, хотя, конечно, уже знала. Ещё бы: её папаша битый час его орал!

– Лучше не выводи меня, Лора. Разве я не предупреждал, чтоб не спрашивала?

– А я и не спрашиваю. Больно надо!

Хотя очень хочется понять, чего она такого знает или умеет, что меня ему недостаточно.

Я отодвинулась на край матраса и ровно задышала, делая вид, что сплю, а сама не сомкнула глаз до утра. Даже пошмыгала, мучительно переживая происходящую перемену: в жизни Людо появилось нечто, куда мне путь заказан и о чём он не рассказывает. Я чувствовала разверзающуюся между нами пропасть и не знала, как всё исправить. Отчаянно хотела, чтобы было, как раньше, но, как раньше, не получалось. Я смутно догадывалась, что всё это неким образом связано с давней сценой в храме и тем, что происходит между мужчинами и женщинами, но гнала от себя гадкие мысли. Людо не такой! Мы же лорды, а не какие-нибудь вилланы, эта возня для них. Благородные уж точно ничем подобным не занимаются... Должна быть другая причина, и, может, если я её доищу, то пропасть удастся преодолеть?

Я ненавидела каждую, с кем он уходил.

Но других версий не находилось. Несколько недель спустя я спросила у Людо, зачем мужчины ложатся на женщин. Тогда брат впервые меня ударил... Решил, что не просто так интересуюсь.

– Если хоть раз, слышишь, хоть с кем-то из них тебя застану... на меня смотри, говорю! – И я, втянув голову в плечи, смотрела в

подёрнутые пеленой глаза, пока он, держа за ворот, отвешивал пощёчины.

Людо-то через час остыл, а вот я целый месяц с ним не разговаривала и игнорировала лишние куски хлеба, равно как горсти свежих ягод в подоле и даже новый гребень. Но в глубине души чувствовала, что он был прав. Мне не следовало спрашивать. Зато весь месяц Людо был только мой, ни разу не отлучился. Ради этого стоило спросить...

Позже я, конечно, узнала, что так простонародье развлекается и заводит детей. И что надо соблюдать осторожность, чтобы не приняли за одну из них...

Рассказ леди Йосы не только восполнил имеющиеся пробелы, но и ошеломил: неужели всё? Я не могла примерить такое поведение к родителям, например, или их высокородным приятелям. Вспомнив отлучки Людо, помрачнела: подтвердилось то, о чём я и так в общем-то давно догадалась. Но как от этого можно получать удовольствие? И что значит «я сама захочу»? А дети точно по-другому не могут появиться, например от большого желания или горячей молитвы? Нет, смеялась леди Йоса, только так. Поэтому нужно пользоваться специальным травами, если не хочешь понести. Я всё равно до конца ей не поверила. Наверняка есть другой способ, и она специально поддразнивает, либо просто не знает о нём. Я хотела спросить ещё о чём-то, но тут её настроение резко переменилось. Она словно бы впервые заметила, как близко мы сидим, и отодвинулась, а потом и вовсе пересела обратно к вдове. Веселья как не бывало.

– А вообще забудьте все, что я сейчас рассказала, – резко бросила она. – Не приведи Праматерь, Его Величеству понравится – ещё станет докучать мне потом каждую ночь. Так что просто лежите и, сцепив зубы, терпите. Покорность, а вовсе не невинность – главная добродетель женщины, если верить моей матери. Невинность – всего лишь товар.

Она отвернулась к окну и подарила мне целый час тишины.

На стоянке Йоса поручила перекидышу зашить платье, которое сама же тайком и порвала. Наряд потом придётся выбросить: шьёт девушка будто двумя левыми ногами. Вдова тем временем кряхтела, втирая целебное снадобье в распухшие суставы.

– Пожалуй, пройдуь немного перед сном, – беззаботно обронила Йоса, откидывая полог шатра. – Нынче дивная ночь.

Девушка подняла голову от шитья, провожая её тёмным взглядом, но промолчала. Никогда не поймёшь, о чём думает. Выполняет все поручения, но иногда кажется, что вместо «слушаюсь, Ваше Величество» сожмёт пальцы на горле. Есть в ней что-то дикое и неуправляемое. В них обоих это есть... Но то, что отталкивает в женщинах, нередко привлекает в мужчинах.

Кухарка скоблила песком днище котла. Йоса велела ей отвлечься и собрать, что нужно. Та бросилась выполнять. Забрав готовый свёрток, Йоса обогнула крайнюю палатку и очутилась на небольшом участке между лагерем и лесом.

Юноша был там. Смазывал коню натёртые подпругой бока. Животное ему нравилось, Йоса это ясно видела.

– Можете оставить коня себе.

Он полуобернул голову, неопределённо повёл плечом и снова отвернулся.

– Он ведь вам нравится?

Ещё одно неопределённое пожатие.

– Как его назвали?

– Торф.

– А вас мне как называть? Людовик?

– Людо.

– Это полное имя?

– Да.

Рука скользила по шкуре, оставляя жирные дорожки мази.

Йосу начал раздражать этот разговор. Не так она себе его представляла. На неё обычно глазели, а не отворачивались, тем более, когда она давала себе труд так тщательно готовиться к встрече.

– За ужином вы не притронулись к окороку, – сказала она резче, чем собиралась. – Эдак кухарка обидится, решив, что вы брезгуете. Вот, я принесла, попробуйте. – Она протянула свёрток из промасленного пергамента.

– Положите туда. – Он кивнул на плоский камень под дубом, на нижней ветке которого висела седельная сумка.

Йоса едва удержалась, чтобы не швырнуть окорок ему в спину. Вместо этого топнула ногой и сказала высоким звенящим от гнева голосом:

– Смотрите на меня, когда я с вами разговариваю!

Рука на боку коня замерла. Юноша неторопливо отставил мазь, так же спокойно вытер пальцы, повернулся и, ни слова не говоря, двинулся на неё.

Йоса думала, он остановится через пару шагов и, когда этого не произошло, попятилась, невольно покосившись на лагерь. Часовые совсем близко... стоит крикнуть, и кто-нибудь обязательно прибежит. Ей ничего не грозит! О том, что можно попросту не успеть крикнуть, она в тот момент не подумала.

Отступала, пока не уткнулась спиной в дерево. Юноша упёр ладони в ствол по обе стороны от её лица и наклонился непозволительно близко:

– Так смотреть?

Дыхание щекотнуло щеку. Йоса ничего не ответила. Сердце колотилось где-то в горле, грудь часто вздымалась. К страху примешивались любопытство и возбуждение.

Он протянул руку, заставив её ещё сильнее вжаться в кору, хмыкнул, заметив, как она дёрнулась, пошарил в висевшей на суку сумке и извлёк блеснувший лезвием нож. Вот теперь самое время было кричать, но язык присох к нёбу. Прежде чем Йоса успела издать хоть звук, он забрал окорок, который она всё это время, забывшись, прижимала к груди, отрезал ломтик, наколот ножом и с лязгом снял зубами.

Прожевав, отрезал и насадил на острие второй и протянул ей:

– Вы ведь тоже хотите попробовать?

Поколебавшись, Йоса потянулась к мясу, но в последний момент убрала руку и, кинув на него вызывающий взгляд, тоже сняла зубами, медленно, не отводя глаз.

Он ухмыльнулся и провёл пальцем по её нижней губе, надавливая так, что рот непроизвольно приоткрылся.

В этот момент кто-то из рыцарей окликнул товарища, и Йоса вздрогнула.

– Мне пора, – выпалила она, отталкивая руку и, поскольку юноша не шелохнулся, добавила: – Пропустите.

Он, наконец, сделал шаг назад. Подобрал подол, Йоса протиснулась мимо него и поспешила к лагерю. Заверчивая за палатку, обернулась, но юноша уже снова отошёл к коню и стоял спиной к ней. Это было даже досаднее, чем оставшиеся на платье жирные пятна.

На исходе шестых суток стало ясно, что наш кортеж у цели. Вокруг раскинулись пашни, на смену бедным почвам пришёл жирный чернозём, на котором плодоносит даже воткнутая в землю палка. К голосам знакомых птиц прибавилось множество незнакомых, в пролесках стали чаще мелькать звери. Они провожали наш караван любопытными взглядами и безбоязненно выбегали на дорогу, из-за чего пришлось несколько раз останавливаться и прогонять их камнями.

Утром восьмого дня мы миновали первые аванпосты на границе владений королевского дома, а уже к вечеру наше путешествие закончилось перед длинным светлым строением. Над входом висел вдвоенный брачный герб: три червлёных^[21] волчьих гончих Скальгердов на золотом поле слева соседствовали с лаской Венцелей на лазурном справа. Согласно древнему обычаю, леди Йоса должна была войти туда наследницей своего рода, скинуть одежды, облачиться в наряд, заготовленный для неё семьёй будущего супруга, и выйти с другого конца уже невестой короля. Так она символически оставляла прежнюю жизнь позади, чтобы вступить в новый дом.

Она могла взять с собой в сопровождающие одну женщину или девушку по выбору. Ещё одна, со стороны жениха, уже дожидалась внутри.

– Леди Лорелея, вы пойдёте со мной.

– Да, Ваше Величество.

В памяти осталось, как хрустели стебли лилий под нашими ногами, в воздухе кружили снежинки пыли, и как прерывисто дышала леди Йоса. Второй помощницей оказалась русоволосая женщина по имени Мод. Она ловко расшнуровала рукава и стянула с леди Йосы платье, а следом и камизу, оставив её обнажённой и дрожащей. Я помогла нарядить её в алое платье-робу с широкими посечёнными рукавами, отделанными фестонами^[22] листообразной формы, и золотое сюрко^[23] с широкими проймами. Пока я застёгивала тяжёлый от драгоценных камней пояс с кошельком-эскарселем и свисающими

до земли кисточками, Мод надела на неё покров и филлет^[24] замужней дамы.

Потом мы снова шли по длинному коридору, к другому выходу. Он вывел нас на берег озера Хидрос, где уже дожидались остальные, включая Людо, и белая ладья с гребцами, похожая на одного из лебедей, грациозно скользящих по чёрной глади озера. Неподалёку покачивались две галеры, патрулировавшие берег.

Леди Йоса на миг замерла, прижав руку к груди, и я вместе с ней. Представшее глазам зрелище потрясло и подавляло. С южного берега, где мы стояли, королевский замок был виден, как на ладони. Его бастионы раскинулись на вдающемся в озеро полуострове, но отсюда казалось, что древние, как глыбы мира, крепостные стены вырастают прямо из воды, и замок парит над нею, надвигается на нас несокрушимой мощью своих глухих неприступных стен. В нём не было ни капли изящества – только надёжная крепость.

Удачное расположение – важная, но далеко не единственная причина, по которой родовое гнездо Скальгердов ещё никому не удавалось взять за всю историю. Другим отпугивающим мотивом служил могущественный Покровитель, один из древнейших. Всё, что мы видели, проезжая через их владения – плодородные поля, изобилие редких птиц и зверей, полноводные реки, – подпитывается от его силы. Я почти слышала гул земли под ногами и чувствовала пронизывающую это место энергию, потоки которой опутывали незримой сетью берега, пролегали глубоко под замком, поддерживали жизнь на многие мили вокруг.

Самые могущественные Покровители обретаются на пересечении лей-линий^[25], послабее – вблизи. Род со слабым Покровителем – всё равно что не воронёный доспех: рано или поздно заржавеет.

Только члены семьи знают, как призвать своего замкового духа, и это, конечно, держится в большой тайне. Когда-нибудь это знание перешло бы по наследству от отца к Людо, но теперь этого уже не произойдёт.

Многие изображают своего Покровителя на гербе, но действительно ли он выглядит именно так, проверить, по понятным причинам, невозможно.

Скальгерды потому и правят испокон веков, что на их стороне слишком многое: один из древнейших Покровителей, природные и

рукотворные укрепления, легенда о водяном чудовище, которое спит на дне озера Хидрос, зарывшись в ил, но пробудится в случае опасности, и мощный дар. Лес вблизи замка не случаен. Каждый из обитающих в нём зверей – дополнительное звено в цепи их власти. Если нас, Морхольтов, в народе называют «перекидышами» или «хамелеонами», то Скальгерды известны как «звероусты»: их дар в умении общаться с животными, управлять ими. Говорят, много веков назад кому-то все же взбрело в голову напасть на замок. Часть армии двинулась с севера, через лес. Из более чем пятисот воинов, вошедших в него, не вышел ни один. Те, кого послали следом, не смогли разглядеть траву под ковром из чисто обглоданных костей своих товарищей.

Поэтому надо быть непроходимым тупицей, чтобы атаковать в открытую.

Мы погрузились в ладью и отчалили от берега. Люди короля были все, как один, одеты в цвета рода – красный с золотом. Мы с Людо, единственные темноволосые на судне, выделялись, как вороны среди аистов. Даже леди Йоса, с её белокурыми локонами и в здешнем платье, уже казалась одной из них. На неё, как всегда, глазели. В открытую не осмеливались, но по лицам воинов ясно читалось, что красота будущей королевы им по вкусу. Красота вообще везде в почёте. Это уродам приходится нести ответ за свои изъяны.

Её Светлость больно стиснула мою руку, не отрывая напряжённого взгляда от замка. Утки и лебеди скользили с нами наперегонки, а в чёрной воде отражались лохматые низко плывущие облака, подсвеченные закатными лучами. Казалось, герб Скальгердов отпечатался даже на небе: солнце затопило его кипящим золотом до самого горизонта, оставив на границе стихий три багровые полосы, дрожащие в воде дорожками пролитой киновари^[26].

Меня охватила дрожь, в висках застучало, а во рту появился противный кисло-металлический привкус. Гребцы завели ритмичную песню, отдававшуюся в ушах буханьем набата. Я больше не различала лиц, мрачных красот этого места и пылающих на небе красок, а вместо длинношеих лебедей видела плывущих по рекам покойников, сделавших воду непригодной для питья. Ещё видела наши фамильные поля, сожжённые, кормилицу, как-то по-глупому завалившуюся набок, со стеклянными глазами и обиженно оттопыренной губой – конечно,

она обижена, ведь за всю жизнь и мухи не обидела и не заслужила быть зарубленной на пороге моей спальни... видела отцовские пальцы с вздувшимися костяшками, судорожно комкающие простыни, и кровавую жижу, с бульканьем стекающую из почерневшего рта, мать, загораживающую его постель с мечом в руках. Она успела ранить двоих... Я снова слышала гул огненной стихии, треск проваливающейся крыши, скрежет гранёных когтей по стене трофейной и вой, с которым огромная туша срывается вниз, проламывая плиты, извивается, раздирает шпалеры в борьбе за свою и наши жизни. А следом – внезапная оглушающая выворачивающая внутренности тишина...

Малиновый воздух дрожит и рассыпается искрами, свинцовые наличники текут от жара, Артур катается по полу, прижимая ладони к лицу и рыдая от боли, а языки пламени сжирают мой прежний мир...

– Праматерь Покровителей! Вы хотите мне пальцы сломать?! – Этот раздражённый возглас возвращает меня обратно на ладью. Ещё какое-то время я тупо смотрю на леди Йосу, недовольно потирающую руку. – Вам-то что волноваться, – шёпотом бросает она, – не вы обречены чахнуть в этой тюрьме. Разок раздвинете ноги, и станете потом свободны и богаты, будь вы прокляты за это!

Я, тяжело дыша, оглядываюсь вокруг, удивлённая, что озеро всё ещё на месте: не вскипело и не испарилось от огненного ада моих воспоминаний. Провожу слабой рукой по лбу, платью противно липнет к спине.

В этот момент массивная решётка надвратной башни со скрипом поднимается над головой, роняя на разгорячённое лицо холодные капли, и мы проезжаем под «смоляными носами» и бойницами. Короткий тёмный тоннель выводит в передний двор к доку и выстроившейся вдоль канала толпе. Люди приветственно кричат, раскручивают трещотки, машут зажжёнными лучинами, напирают друг на друга, пытаясь разглядеть будущую королеву и прибывших с ней гостей. Всё это видится мне словно бы в тумане, картинка расплывается по краям, а звуки приглушены. Всюду мельтешение, в небо срываются нестройной стаей оранжевые фонарики, в нас летят ленты и венки из барвинка^[27]. Потом ещё одна надвратная решётка, и канал сворачивает к трёхэтажному паласу, за которым высится донжон.

Здесь людей уже на порядок меньше, и ведут они себя более сдержанно.

Это канал для почётных гостей, оканчивающийся возле центрального жилища. Ступени спускаются до самой воды, где лестницу стерегут два мраморных грифона.

На верхней площадке у входа в палас застыли четыре фигуры в богатых одеждах: король, смазливая девушка лет четырнадцати, наверное, его сестра Бланка, юноша с каштановыми кудрями и серьёзным лицом с правильными мягкими чертами... Мой взгляд остановился на четвёртом, облачённом в тёмно-изумрудный упелянд^[28] до земли, отороченный соболиным мехом, и сердце исступлённо забилося. Я-то думала, что едва его узнаю. Что годы согнули его, иссушили, убелили сединами и превратили в дряхлого старика, ведь с нашей последней встречи для меня прошла целая жизнь. Но он совершенно не изменился: те же золотистые без единой серебряной нити волосы, короткая борода, скорее даже щетина, высокая широкоплечая фигура, проникнутая небрежным спокойствием, и внимательные серые глаза. Когда они скользнули по мне, я забыла дышать. Узнает ли он девочку, некогда отчаянно молившую взять её в жены?

Но взор регента быстро перебежал на будущую королеву и сосредоточился на ней. Почувствовав руку, я обернулась. Людо. Он успокаивающе сжал моё плечо, и в лихорадочном блеске глаз брата я увидела отражение разрывавшего меня чувства.

Взгляд снова притянуло к стоящему на крыльце человеку – все прочие перестали существовать. Казалось, я сейчас упаду или закричу, или ладья перевернётся от сотрясающей меня дрожи. Слава Праматери, он дожил до этого дня, не преставился от какой-нибудь глупой болезни или несчастного случая!

Ведь целых семь лет каждую ночь я видела его во снах и, просыпаясь, разбитая, опустошённая, грезила о встрече. Мечтала о том мгновении, когда всажу кинжал в его чёрное сердце по самую рукоять и скажу:

«Ты пришёл в наш дом, как гость, и подло ударил в спину. Ты убил всё, что было мне дорого, лишил будущего, семьи и веры – и за это умрёшь».

Людо, когда я с ним поделилась, сказал, что речь слишком длинная, а клинок может соскользнуть с рёбер, поэтому лучше молча ударить в печень, как он меня учил, и повернуть. Для него важен сам факт, но только не для меня, мне этого мало.

В моём воображении из развёрстой раны текла тёмная и густая, как смола, кровь. Руки шарили по груди, тщась выдернуть кинжал, а в глазах метались ужас и стыд. О, Бодуэн Скальгерд непременно умрёт, но сперва увидит свой дом в руинах, королевский род угасшим, а всех, кого любит, отбывшими в Скорбные Чертоги. Если такие, как он, вообще способны любить.

Ещё в моих мечтах у него был сын, гордость и надежда отца: красивый золотоволосый сероглазый малыш, которому я перережу глотку у него на глазах, потому что нет ничего больнее, чем терять тех, в ком течёт твоя кровь. А регент должен страдать стократ сильнее, чем страдала я. Из-за него прежняя Лора умерла семь лет назад, сошла с ума от горя, и вместо неё на свет появилась новая, та, в чьих жилах – ненависть, а в душе вечная ночь. С того дня прежний мир раскололся на два: первый тесен, в нём есть место только для меня и Людо, а второй населён всеми остальными людьми, считающими нас с братом проклятыми вырожденками. А когда люди во что-то верят, их нельзя разочаровывать.

Как во сне, мои ноги поднимаются по ступеням, руки машинально придерживают подол, то и дело выскальзывающий из потных пальцев. Кажется, я кому-то что-то отвечаю, возвращаю приветствия, и мой голос звучит на удивление спокойно.

– Не пялься на него так, – шипит Людо, и я с трудом перевожу взгляд на короля.

Годфрик, как и обещал его дядя, вырос, ещё сильнее вытянулся, но отнюдь не возмужал. В нём по-прежнему не чувствуется силы. Лицо такое же равнодушное и безжизненное, и красота невесты не возбуждает огня в глазах. Гладкие красные волосы разделены на пробор и висят сосульками ниже плеч. Золотой обруч короны смотрится на них тусклой железкой. Есть злая ирония в том, что я куплена на ложе человека, некогда притворявшегося моим женихом...

Её Высочество леди Бланка, как я уже сказала, смазлива. Волосы мягко-рыжего оттенка обрамляют нежными локонами лоб и виски и

спускаются до талии, кожа припорошена золотистыми веснушками. Не похожа ни на дядю, ни на брата. Гордо вздёргивает подбородок, но в карих глазах – затаённая робость, и пальцы нервно комкают подол. Когда Людо подходит ближе, смотрит на него, приоткрыв рот...

Тут я вспомнила о юноше, стоявшем чуть позади Бодуэна, и впила в него оценивающим взглядом. Сын? Нет... слишком взрослый для сына, лет двадцати. На брата, племянника и вообще родственника не похож, черты совсем другие, да и волосы не рыжие... Кем же он им приходится, раз встречает высоких гостей вместе с королевской семьёй? Добротный, но без богатой отделки костюм и манера держаться чуть позади Бодуэна указывают на нечто вроде личного секретаря или помощника, и мой интерес к нему угасает.

Ступени заканчиваются, и над головой проплывает тимпан^[29], украшенный вложенными друг в друга арками, создающими иллюзию нескончаемости. По бокам от входа установлены колонны, из которых лезут волчьи гончие. Пасти оскалены, мускулы напряжены, тела готовятся к прыжку. Кажется, ещё немного, и мрамор лопнет, рассыплется в прах под напором их неукротимой ярости, выпуская псов на волю.

На пороге мы останавливаемся, чтобы пропустить сперва леди Йосу, идущую рука об руку с Годфриком, и остальных членов королевской семьи. Давешний юноша оказывается рядом, предлагая сопровождение. Голос такой же располагающий, как внешность, но без железных ноток, отличающих сильных духом людей.

Помощь? Да, благодарю. И мне приятно знакомство...

Я забываю его имя, едва оно произнесено. Он что-то говорит... достаточно просто кивать в ответ. Мой взгляд непроизвольно возвращается к рослой фигуре в упелянде. Если протяну руку, смогу коснуться его... Мне этого нестерпимо хочется – просто чтобы убедиться, что он не очередной сон, коих посетило меня за последние годы тысячи. Но я одёргиваю себя в последний момент. Осталось совсем чуть-чуть, надо набраться терпения. А ближе к развязке оно, как назло, всегда истощается.

Я оглядываюсь на Людо, и в его лице такое же нетерпение, но и предостережение: торопиться нельзя, только не в этом деле...

Мной владеет чувство сродни тому, какое испытываешь, отпуская на волю бабочку или устанавливая последний элемент на вершину

карточного домика: одно неловкое движение, и вся конструкция рассыплется.

Я поворачиваюсь к своему спутнику и, не в силах сдержать возбуждённой радости, улыбаюсь. Наверное, он принимает это на счёт своих слов, потому что улыбается в ответ и что-то поясняет.

На миг прикрыв глаза, я представляю на месте неприступного замка изъеденный плесенью остов, постепенно затягиваемый болотом, в которое превратилось озеро; заброшенный док с гниющими галерами, чахнувший высохший лес и легендарное чудище, выползшее из глубин и издыхающее на берегу белым червём. А среди обломков плавают, раскинув руки и незряче уставившись в небо, три рыжеволосые фигуры, одна ещё и с кинжалом в груди. Их пряди, расправившись неводом, мешаются и запутываются в водорослях.

И когда это случится, когда все до единого Скальгерды сойдут в чертоги Скорбного Жнеца, а наследие их окажется предано забвению, я буду знать, что отец смотрит на нас с Людо с небес и улыбается.

Согласно плану, я не пошла на следующий день в часовню на брачный обряд. В пути мы с леди Йосой условились, как всё лучше устроить, и я действовала строго по намеченному. Утром пришла в её покои и застала там с дюжину фрейлин – все девушки благородных кровей. Ещё примерно столько же пришло в следующие четверть часа, пока Её Светлость принимала ванну с ароматическими травами и маслами за ширмой, куда имели доступ только две служанки. Едва она вышла, распаренная и благоухающая, как оказалась в плотном кольце фрейлин. Каждая тянула на себя, желая выслужиться: сразу две взялись расчёсывать мокрые волосы, три бросились к лежащей на кровати камизе, едва не порвав её, ещё три боролись за право втереть в тело госпожи смягчающую мазь.

– Леди Лорелея, что с вами?

Даже я решила бы, что беспокойство в её голосе неподдельное.

– Женские недомогания, Ваше Величество, – ответила я заученную реплику и потупила взор.

– Вы вся зелёная, ступайте к себе.

Я вскинула глаза в деланом испуге, чувствуя, что актёрка из меня никудышная. Хорошо хоть бледность, как и румянец, умею напускать на себя мастерски.

– Нет, прошу! Я должна быть сейчас с вами... Не тратьте на меня мысли в этот час.

Язык еле ворочался, выталкивая чуждые моему характеру и чувствам слова, хотя я несколько раз повторила их вслух, прежде чем выйти из своей комнаты.

– У меня хватает помощниц, – она обвела рукой ораву высокородных прислужниц, – справятся и без вас. Не хватало ещё, чтобы вы грохнулись во время речи священнослужителя и всё испортили.

Послышалось сдавленное хихиканье.

– Простите, Ваше Величество.

Я отступила, не поворачиваясь спиной, и она сделала нетерпеливый жест.

– Всё, идите. А вы, леди Жанна, – повернулась она к розовощёкой шатенке с жемчужной ниткой в волосах – надо же, уже различает фрейлин по именам, – проследите, чтобы леди Лорелее принесли тёртых отростков горлеца.

– Слушаюсь, Ваше Величество.

Исполненный смирения и достоинства поклон предназначался леди Йосе, а раздражённо поджатые губы – мне. Леди Жанна неохотно отдала отвоёванный такими трудами гребень той самой помогавшей нам Мод, своей близкой подруге, как я позже узнала, и направилась к двери.

Меня провожали чуть презрительными и вместе с тем завистливыми взглядами: будущая королева в день собственной свадьбы снисходит до заботы о фрейлине. Разумеется, такое внимание объясняется тоской по родине, с которой я остаюсь единственной связующей ниточкой и напоминанием. И каждая втайне надеется затереть эти воспоминания и занять место близкой подруги и наперсницы подле госпожи. Сказать бы им всю правду и посмотреть на лица.

В коридоре мы с леди Жанной разошлись в разные стороны: она на поиски травника, я же – к своим покоям. Уединение в виде отдельной, пусть и крошечной, каморки, переделанной из склада для инструмента при рабочей комнате, которое мне здесь подарили, было до недавнего времени недоступной роскошью.

Мой путь пролегал мимо ниши, в которой установлена высоченная, метра три, скульптура Праматери. У стоп её копошатся всевозможные твари, реальные и вымышленные: тигры, аспиды, мыши, мантикоры, единороги, лебеди, барсуки, онагры, сатиры, птицы каладриус, йейлы, левкроты и многие другие. Среди прочих размерами и тщательностью проработки выделяется волчья гончая. Её Праматерь треплет за ухом, отдавая явное предпочтение перед другими. Там же прикреплены огарки свечей и рассыпаны подношения. Для тех, кто желает произнести молитву в уединении, предусмотрены шторы. Этой нише предстоит ближе к вечеру сыграть особую роль.

Заслышав голоса, я резко останавливаюсь. Один незнаком, второй принадлежит Годфрику. Они направляются сюда, о чём-то ссорясь, и я, недолго думая, прячусь за изваяние. Почти сливаюсь с ним, прижавшись щекой к холодному мрамору и стараясь заглушить удары

сердца. В следующий миг оба показываются из-за поворота. Я удобно устроилась в густой тени, а потому могу осторожно выглянуть. Годфрик уже одет для церемонии, на его спутнике одежды пажа, и он прекрасен, как Нарцисс – Покровитель в облике юноши, каким его изображают на миниатюрах в книгах: белое золото волос, утончённый овал лица и бездонные синие глаза. Только на миниатюрах у Нарцисса не искусанные в кровь губы, и голос я представляла себе холодным и властным, а не униженно блеющим.

– Но почему? – сдерживая слёзы, восклицает он и останавливает Годфрика за рукав.

Тот стряхивает руку и быстро оглядывает коридор.

– Сам знаешь, почему, и я в тысячный раз повторяю, что это временно.

– Временно? – тут же хватается за надежду тот. – Сколько: неделя? Месяц? Год?

– Откуда мне знать! – теряет терпение король. – Сколько понадобится. Сам знаешь: люди дяди разве что в нужник со мной не ходят, и ты сейчас не упрощаешь мне задачу.

– Но ты ведь обещаешь вернуть меня ко двору?

– Я сделаю всё от меня зависящее, – дёргает плечом король.

– Что это значит? – В голосе прорезаются истеричные нотки, и Годфрик вскидывает ладонь, призывая юношу говорить тише. – Ты охладел ко мне? – покорно понижает голос тот.

– Не будь идиотом, Абель! – Годфрик трёт руками лицо, отчего кожа становится морковного цвета, и на ней проступают веснушки. – Как же мне всё это опостылело...

– И я опостылел?

– И ты! – сорвавшееся с языка. – Временами...

Юношу словно ударили – по щеке даже расплзается пятно, как от пощёчины, хотя Годфрик его и пальцем не тронул. Напротив, подчёркнуто старается сохранить меж ними расстояние на случай, если кто-то ещё покажется поблизости. Проглотив обиду, Абель обезоруживающе улыбается и притягивает короля за талию.

– Просто скажи, что будешь скучать, – шепчет он. Старается говорить обольстительно, но выходит довольно жалко – наверное, из-за мечущегося в глазах отчаяния. Глаза всегда выдают с головой. Именно поэтому я стараюсь держать свои опущенными.

– Не будь смешон, – резко отталкивает его Годфрик и снова оглядывается. – Ты делаешь всё, чтобы мы больше не свиделись!

– Почему ты так говоришь? – Уже не сдерживаясь, плачет Абель и протягивает ладонь, чтобы коснуться его лица. – Разве ты забыл: твоё сердце стучит лишь потому, что бьётся моё. И кончина не так страшна, ибо мы встретим её, взявшись за руки...

– Нет, не помню! – пятится Годфрик. – И ты забудь. – Уже отвернувшись, бросает: – Ты ни в чём не будешь нуждаться. Одежда, еда, кони – всё, что захочешь.

– Но я хочу тебя!

Возглас повисает в пустоте, потому что король уже скрылся за поворотом. Абель ещё какое-то время стоит, глядя ему вслед – грудь сотрясается от беззвучных рыданий – а потом разворачивается и почти бегом бросается прочь, туда, откуда они пришли.

Значит, правду судачат о короле.

А Абель – идиот. Похоже, у него не было отца, который сказал бы, как мой: «Запомни, за стенами дома у тебя нет друзей. В определённый момент на жизненном пути тебе, надо думать, покажется иначе, ты решишь, что встретила добрых сочувствующих людей. Но таких среди посторонних нет. Лишь члены семьи будут искренне рады твоим радостям и разделят с тобой горе. Все остальные готовы только брать и использовать. Проявив для вида сочувствие, они втайне порадуются твоему несчастью и при первой возможности постараются уязвить, насмеяться и урвать у тебя кусок пожирнее. Отдавая другому чувство и мысли, ты отдаёшь ему власть над собой. Лучше б тебе никого взаправду не любить, кроме семьи, Лора».

Теперь от всей семьи осталось всего ничего... Прежде я была слишком мала, чтобы понять и оценить слова отца, и только когда начались наши с братом мытарства, постигла их правоту. Встречавшиеся мне на пути люди готовы были только брать и радовались, когда им это сходило с рук.

Поэтому Абеля мне не жаль: тот, кто бездумно растрчивает себя, не должен жаловаться, что его разобрали на части. Вдобавок, никогда в жизни я не посочувствую тому, чьё сердце на стороне кого-то из Скальгердов!

Людо ждал меня в комнате.

– Принёс? – Я быстро прикрыла дверь.

– Да. – Он протянул мне то, о чём мы договаривались.

– Годфрик уже направился в часовню, я только что видела. А мне вот-вот принесут траву, и тебя не должны застать.

– Не застанут. – Людо откинул волосы мне за спину и погладил щёку. – До пира мы вряд ли ещё свидимся, а там ты уже будешь ею, так что я хотел сказать... просто делай, как договорились, Лора.

Я сглотнула и кивнула. Он не отпускал щеку, и я почувствовала, как напряжена рука.

– И обещай: что бы ни случилось... ты не ляжешь с ним.

Значит, и он об этом думал. И, верно, забыл, что мне положено знать только про кровь и спальню, но не о том, что в ней происходит.

– Даже если что-то пойдёт не так?

– Даже если, – жёстко сказал Людо. – Мы найдём другой способ.

Размышляя в эти дни над предстоящей ночью, я решила, что в случае чего между крахом плана и выполнением задачи, для которой меня наняла леди Катарина, выберу второе, хотя меня воротило при одной только мысли о том, чтобы лечь с Годфриком. Особенно после сцены с Абелем. Людо будет вне себя, но потом поймёт, что так было нужно...

Я отвела глаза, но брат резко развернул моё лицо обратно.

– Обещай! – хрипло повторил он.

Я чуть кивнула, но мнения не переменяла. Он отступил, мгновение молча смотрел и направился к выходу. Выглянув в коридор и убедившись, что снаружи никого, я шире растворила дверь, и Людо беззвучно выскользнул наружу.

Остаток дня старательно изображала хворающую. Теперь отсутствие в часовне и на вечернем празднестве леди Лорелеи Грасье не вызовет вопросов. Главное, что там будет супруга короля. Кем бы она на самом деле ни была.

Пир мне запомнился разбитой мозаикой. Мозг отмечал только детали, а не общую картину, и больше на уровне чувственных впечатлений: слепящие огни огромных свечных люстр на цепях, рассыпанные сотнями отражений по залу, густой запах шалфея и лаврового листа, источаемый чашами с водой для мытья рук; затейливые поилки с гренашем в виде фантастических тварей; жирные разводы от губ на поверхности вина в кубках; золочёные клювы и лапки у птиц на золотом же блюде в центре стола; изукрашенный эмалью и узорами шкап-креденца^[30], откуда сенешаль^[31] брал поочерёдно единорожий рог на цепочке, жабий камень, агат и прочие змеиные языки^[32] и касался ими кушаний, проверяя их на наличие яда, прежде чем подать нам на стол, и моему воспалённому воображению мнилось, что рог кровоточит, указывая на заговор...

И люди-люди-люди всюду. От неумолчного шума голосов тяжело бухало в висках и ломило затылок, а от мельтешения головных уборов и нарядов, сплошь из сиглатона^[33], атласа и парчи, подташнивало. Перед глазами проносились подбирающие кости с пола звери и хороводы гостей: смеющихся, поднимающих кубки, травящих анекдоты, обжирающихся, давящихся, хлопающих жонглёрке в цветастом расшитом блёстками наряде. Её танец вызвал бурю аплодисментов и не слишком пристойных замечаний, а юбки взметались и кружились, опадали и снова взлетали вверх...

Мои руки, руки леди Йосы, держали ложку и нож с рукояткой из чередующихся полос кости и эбена, больше для вида, потому что всё моё внимание сошлось на том, чтобы не допустить ошибки, не напортачить с какой-нибудь мелочью. Около часа назад мы с Её Величеством обменялись одеждами в нише со скульптурой Праматери. Я переделась в переданное мне ею заранее простое платье с рукавами на пуговицах, пришла пораньше, спряталась там и считала удары сердца, пока не услышала шаги. Велев сопровождающим остановиться поодаль, она приблизилась к изваянию, якобы для молитвы, и задёрнула шторку.

В последний момент я вспомнила о талисмане у неё на шее и повесила его вдобавок к двум другим предметам, спрятанным в мешочке у меня на груди. О них знаем только мы с Людо. Белокурый волос запустил процесс – тут уже не до разборчивости. Во время превращения леди Йоса держала меня, крепко обхватив обеими руками, а я изо всех сил зажимала себе рот ладонями, давя звуки, могущие выдать нас фрейлинам в полудюжине шагов от ниши. Мы рисковали... весь наш план сплошь построен на риске и балансирует на остро заточенном лезвии.

Теперь любой признал бы во мне молодую и прекрасную супругу короля. Разве что плавные движения леди Йосы трудно скопировать, но я старалась двигаться, как она, повторять интонации. Хотя вряд ли в общей суматохе кто-то замечал разницу, да и некому ещё здесь было знать её так хорошо. Людо сидел за другим, не почётным, столом, и всякий раз, повернувшись туда, я встречалась с ним глазами.

Бланка тоже время от времени косилась на меня, а Годфрик весь вечер смотрел перед собой и часто прикладывался к кубку. Я же в свою очередь изо всех сил пыталась не смотреть на регента. Получалось плохо...

Словно замороженная, я наблюдала, как рука с крупными красивой формы пальцами подносит ложку ко рту, как вспыхивают массивные перстни, как вокруг рта образуются складки, когда он смеётся, и как меняют цвет волосы, стоит ему потрянуть головой, и вспоминала другой замок и другой пир, на котором он точно так же был весел и нравился всем подряд. Как мы могли быть так слепы, принимая за искренность голый холодный расчёт? Даже сейчас мне с трудом верилось, что это один и тот же человек, а весёлые глаза могут миг стать холодными, как сталь, и рука, хлопающая по плечу соседа, с той же лёгкостью воткнёт ему нож меж лопаток.

Тут меня отвлек шум и вскрик жонглёрки, танцевавшей с чем-то вроде огромных железных вееров, унизанных живыми огнями. Кто-то грубо отпихнул её и встал напротив нашего стола. Металлическая пика задела юбку, и та моментально вспыхнула, запахло палёным. Напарники девушки – один ходил на руках, второй показывал трюки с обезьяной, кинулись к ней и принялись сбивать пламя ладонями.

Музыка оборвалась, воцарилась тишина. Все смотрели на худого покачивающегося юношу, в котором я с трудом узнала Абея. С

трудом, потому что от ангельской красоты не осталось и следа. Его запавшие воспалённые глаза с набрякшими веками безуспешно пытались сосредоточиться на нашем столе, грудь была залита вином, а одежда в беспорядке лезла во все стороны.

Он глупо хихикнул и вытер мокрый рот. В тишине прозвучало резко и визгливо. Король сидел, не шевеля ни единым мускулом, лицо, и без того неподвижное, превратилось в маску. Кинув на племянника быстрый взгляд, Бодуэн обратился к юноше нарочито беззаботным тоном:

– Ну и набрался же ты, Абель, но сегодня это всем простительно. Эй, кто-нибудь, усадите его за стол! – Он махнул в сторону самого дальнего, где имелось местечко в углу у стены. – Только сперва отвесьте хорошего тумака и ничего, крепче эля, больше не наливайте.

Слова встретили одобрительным смехом, и на этом всё можно было бы замять, обратив в шутку, но Абель упрямо мотнул головой, отчего его снова повело в сторону, а ноги заплелись.

– А я пришёл не к вам, Вечный Недокороль, неа! – Он покачал пальцем и неловко крутанулся на пятках, словно выбирая ведущего в игре. – Я пришёл лично поздравить новобрачную и пожелать ей до-о-о-лгой и страстной ночи! – Слова предназначались мне, но смотрел он на Годфрика, часто моргая. Тот по-прежнему молчал и не двигался, как застывший в смоле комар.

Абель отвесил глубокий, до самой земли, поклон и, не удержав равновесия, шлёпнулся на пол. Попытался встать и снова упал.

Бодуэн сделал знак страже, уже без фальшивой улыбки, и те двинулись к парню, ползающему в безуспешных попытках подняться.

Гости переговаривались, прикрываясь ладонями, и обменивались многозначительными взглядами, поглядывая то на Годфрика, то на меня.

Не иначе как Ваалу, отец всех козней, вселился в меня в тот миг, заставил встать и громко произнести:

– Пойдите! Пусть займёт место рядом со мной. Хочу, чтобы сегодня всем было весело и ничто не омрачало праздника.

О словах я пожалела тотчас. Стражники растерянно застыли, регент посмотрел на меня, словно впервые увидел. Что за затмение на меня нашло, зачем я это сделала? Ради мелкого желания уязвить

Годфрика? Заставить Бодуэна наконец взглянуть на меня, пусть и в облики королевы? Ну, не из жалости же к Абелю...

В глаза среди прочих бросилось лицо Людо, и я мысленно отругала себя последними словами.

– Нет. – Я даже не сразу поняла, что этот холодный безжизненный голос принадлежит королю. – Моя супруга слишком снисходительна. Вышвырнуть его вон.

Абель как раз поднял голову, поддерживаемый с обеих сторон стражниками. Прядь прилипла к лоснящемуся от пота лбу, губы силились что-то произнести.

– Пожалуйста, Годфрик... – услышала я, или мне показалось, что услышала.

– Вон я сказал! – рявкнул король, лицо и шея которого покраснели от гнева. – На псарню его, выдрать хорошенько, а как проспится – за ворота.

Стражники, как по команде, повернулись к Бодуэну, и тот коротко кивнул. Юношу потащили прочь из зала под сдержанные смешки и язвительные замечания гостей. Он, наконец, пришёл в себя и обернулся через плечо, издав слабое:

– Годфрик!

Король отвернулся и махнул жонглёрке, успевшей стряхнуть пламя и теперь переминающейся в опалённой юбке.

– Чего стоишь, продолжай. И вы тоже! – Это уже остальным актёрам. – Те принялись наяривать смычками по струнам, раскручивать трещотки и изображать веселье.

Извивающегося Абеля дотащили до дверей, он упирался длинными хрупкими ногами.

– Годфрииик!

Последний рывок, и он за дверью.

Король так и не повернул к нему головы. Зато наконец посмотрел на меня. Горящими налитыми кровью глазами. И сделал знак прислужнику долить в свой кубок гренаша. Подзывал он его ещё неоднократно в течение вечера. В один из таких разов регент накрыл кубок ладонью, но под яростным взглядом племянника медленно убрал руку. Я уже плохо соображала от духоты и напряжения, вызванного затяжным превращением, и, забыв таиться, смотрела на Бодуэна. А потому вздрогнула, когда он повернул голову и взглянул

прямо мне в глаза. Вокруг сделалось очень-очень тихо. Я вдруг обнаружила, что не только он, но все до единого гости смотрят в мою сторону, и помертвела, решив, что личина каким-то образом сползла, обнажив обман.

Но следом стала понятна причина: в зал внесли массивную чашу на бронзовой треноге и установили в центре. Настало время брачной проверки. Той самой, из-за которой настоящая леди Йоса не смогла бы стать королю супругой и покрыла бы свою семью позором.

Я понимала, что надо встать и тоже выйти на середину, но не могла заставить себя подняться. Ноги размякли студнем, под ложечкой противно сосало. Тогда рядом возник давешний юноша, провожавший меня, Лору, в замок. Он сидел в конце нашего стола, часто подходил к регенту, и на этот раз я запомнила, что его зовут Тесий.

– Позвольте, Ваше Величество.

Он подвёл меня к чаше, возле которой стоял ребёнок – девочка лет шести. Она была обряжена в тогу и с трудом держала глиняный кувшин с водой. В кудряшках нежно белел веночек из роз, а на лице застыло серьёзное, под стать моменту выражение. Только невинное дитя может провести эту церемонию.

На плоском днище чаши лежали крупные овальные камни, с виду ничем не примечательные. Девочка качнула кувшин, подула в него и наклонила, выплеснув всё без остатка. Вода заполнила сосуд почти до половины и немедленно вскипела под действием камней. Я склонилась над чашей и ухватилась за края, чтобы удержаться на слабых ногах. В бурлящей поверхности отразилось лицо королевы, бледное и напряжённое, лопающееся сотнями пузырьков.

Существуют, как я недавно узнала от неё самой, разные способы подделать невинность: сунуть монету проверяющему лекарю, поместить в себя шарик хлопка, пропитанный бычьей жёлчью, а ещё лучше вкладыш смолёвки – это растение так раздражает всё внутри, что плоть начинает кровоточить...

Но ничто из этого не годится для «каменного суда», к которому прибегают самые богатые и родовитые семьи, такие как Скальгерды и когда-то наша. Теперь камни со дна чаши практически невозможно заполучить. Обычно, попав в семью, они хранятся в ней из поколения в поколение и вынимаются для таких вот случаев, как сегодняшний.

А некоторые рода и вовсе не верят в то, что образ первого мужчины запечатлевается на всём потомстве женщины, от кого бы она в будущем не понесла, либо же ставят приданое выше этого, поэтому отказываются от проверок. Но для короля важна чистота наследников.

Про камни я знаю с детства: мать проходила обряд, как до того её мать, и так далее. Я любила слушать рассказы кормилицы о том, как красиво всё было обставлено и сколько собралось гостей. Ужасалась и восхищалась в нужных местах, не вникая, зачем вообще понадобилась церемония и что кроется под «целомудрием» и «брачной обязанностью». Тогда это были всего лишь слова...

Я подтянула повыше рукава и в полной тишине поднесла пальцы к исходящей паром поверхности. Дёрнулась от звона выпавшего у кого-то кубка... Если девушка невинна, кипящая вода не причинит ей вреда. В противном же случае окрасится в алый и обварит до кости. Я затаила дыхание, чувствуя себя, как посетительница рынка, которую заставили открыть суму. Знаю, что честна, но внутри всё трепещет от мысли: а вдруг по какой-то дикой нелепой сумасшедшей случайности в суме окажется ворованное яблоко...

Я нашла глазами Людо и, по-прежнему не дыша и не отрывая от него взгляда, опустила руки в воду... и не почувствовала ничего. Только лёгкое покалывание пальцев, какое бывает, если зайти после мороза в тёплое помещение. Вода вдруг прекратила волноваться, став зеркально-гладкой. По скамьям пронёсся одобрителный ропот. Все посмотрели на короля.

Девочка с тем же важным видом кивнула стражникам, и они, сняв чашу с треноги, понесли ему. Позаботившись о том, чтобы доказательство водрузили прямо на стол, и получив в награду за труды золотую монету (от Бодуэна), она поклонилась и стремглав бросилась к поджидающей в дверях матери, теперь уже широко улыбаясь и демонстрируя дыру на месте передних молочных зубов.

Трапезная взорвалась ликующими криками и поздравлениями.

Только Годфрик, кажется, был не прочь посмотреть, как я корчусь и покрываюсь волдырями.

Не успела я опомниться, как оказалась в окружении фрейлин. Пир для меня окончен, впереди брачная ночь.

Я покорно позволила фрейлинам раздеть меня до нижней сорочки, с трудом удержавшись от того, чтобы не вцепиться в последний миг в платье, но, когда хотели снять и мешочек, накрыла его ладонью:

– Это останется!

– Как скажете, Ваше Величество.

Потом мне расчесали волосы, сбрызнули их цветочным составом и оставили одну, подвинув ближе традиционный кубок с вином, который надлежало поднести супругу, и тазик с розовой водой – чтобы мыть ему ноги.

Убедившись, что фрейлины действительно ушли, я подскочила к кубку, на ходу вытряхивая из мешочка содержимое. Там ютилось два предмета: крохотный, как на пару капель духов, сосуд с сонной одурью и шарик со свиной кровью, который принёс мне сегодня Людо. План был чрезвычайно прост: я встречаю Годфрика, подношу питьё, отвлекаю на то недолгое время, которое нужно, чтобы оно подействовало, и когда он засыпает, давлю шарик на простынях. Потом жду королеву, объясняю его состояние понятной в таком деле утомлённостью, меняюсь с ней местами и незаметно возвращаюсь к себе. Так я обвожу вокруг пальца сразу всех: короля, его семью, леди Йосу и её мать. Они будут уверены, что консумация состоялась. Шарик я поместила обратно в мешочек и принялась ждать.

Ожидание неожиданно затянулось, и отступившее было нервное напряжение вернулось, со всеми страхами и лишними мыслями, которые я старательно гнала. Устав мерять шагами покои, я присела на край высокой и довольно мрачной кровати. Крепкие дубовые столбики, жёсткий, как доска, матрас, тяжёлый бархатный полог, затеняющий брачное ложе, и морды волчьих гончих, наблюдающих сверху... Трудно представить, что на таком можно не то чтобы получить удовольствие, но хотя бы не слишком страдать.

В трапезной что-то бряцало, и дерево скрежетало о камень. Пир завершился, столы разбирали и складывали у стен, чтобы челяди было где спать. Высокородных особ разместят на третьем этаже – с боковой лестницы то и дело доносились голоса провожаемых наверх гостей.

Тут я вспомнила совет Её Величества встречать короля полностью раздетой и оттянула сорочку, оглядывая чужое тело. Перебьётся. Как и с мытьём ног – лепестки роз застыли на поверхности воды пёстрой ряской. Сразу напою вином, так что всё это не понадобится. Ещё

вспомнился Абель... Где он сейчас: до сих на псарне? Разбитый и иссечённый розгами, как когда-то Людо... И позабыл ли Годфрик мой промах, отнесённый на счёт леди Йосы?

Снаружи раздался шум, дверь с треском распахнулась, и одного взгляда на покачивающегося в проёме Годфрика хватило, чтобы понять: не забыл. Он был в ещё худшем состоянии, чем Абель: красные пряди облепили мокрый лоб и шею, в мутных глазах – ненависть пополам с отвращением, словно он смотрит не на красивейшую девушку, а на таракана в сорочке, и губы гадливо кривятся. От неожиданности я примёрзла к кровати.

Он отвернул голову и рявкнул кому-то в коридоре.

– Проваливайте! – Ничего не произошло, и тогда он прорычал ещё громче. – Проваливайте, я сказал!!

Наконец раздалась удаляющиеся бряцающие шаги стражников. Годфрик снова повернулся, качнувшись, ввалился внутрь, захлопнул дверь ногой и двинулся прямо на меня.

Я опомнилась, вскочила и, взяв тяжёлый инкрустированный кубок обеими руками, шагнула ему навстречу. От широкой фальшивой улыбки, которой я надеялась его смягчить, свело скулы:

– Ваше Величество, я ждала вас, и...

– Сука! – Он одним ударом вышиб кубок, и вино, прочертив в воздухе дугу, выплеснулось на белую шкуру на полу. Я, онемев, уставилась на алое, как кровь, пятно, не веря, что «простой и надёжный план» только что разлетелся вдребезги, а в следующий миг вскрикнула, потому что Годфрик грубо схватил меня за шею, развернул к кровати и толкнул на живот. От удара о жёсткий матрас выбило дыхание, я тут же попыталась встать, но он навалился сверху, придавив всем весом и обдав запахом пойла.

– Будет тебе брачная ночь, дрянь! – прошипел он мне в ухо, вздёрнув голову за волосы. – Чтоб всем было весело, да?!

Одной рукой он ткнул меня лицом в покрывало, а вторую просунул снизу, рывком ставя на колени, и задрал сорочку до пояса. Я попыталась вывернуться, но лишь беспомощно ёрзала под ним. И вот тогда меня накрыло паникой, захотелось вопить от ужаса, но я едва могла дышать, покрывало лезло в рот, глуша все звуки. Годфрик отодвинулся, возясь со штанами и удерживая меня за затылок. Сердце колотилось, во рту стоял солоноватый привкус из-за прикушенной при

падении губы. Праматерь Покровителей! Неужели это действительно происходит со мной? Ведь только что всё шло хорошо! Перекинуться обратно в себя?! Это наверняка поможет! Но тогда придётся попрощаться с возмездием и, скорее всего, жизнью... Я подавила стон. Значит, терпеть. Вцепиться зубами в покрывало и терпеть. В глазах вскипели слёзы бессильной ярости и страха. Раз должна идти кровь, значит, будет больно. Он и держал-то нарочно таким образом, чтобы было больнее. Не так, всё должно было быть не так!

В ягодицы ткнулась обнажённая плоть, и я глубже зарылась лицом в покрывало, чтобы не заскулить от отчаяния и унижения. Ну почему именно с ним и именно в таком положении? Не лёжа на спине, а как собаки или те грязные мужики, сопящие на бабах. Мне всегда это казалось отвратительным...

Я зажмурилась и приготовилась к пытке, но тут Годфрик ругнулся и снова отодвинулся. Вывернув голову вбок, я увидела, что он держится за промежность и пытается... а плевать, что он там пытается! Изловчившись, я изо всех сил лягнула его. Годфрик был на самом краю кровати и свалился назад. Я тоже скатилась на пол, больно ударилась локтем, но тут же вскочила. Он ещё пытался подняться, путаясь в полуспущенных штанах и поливая меня бранью, взгляд шарил вокруг, потеряв всякую осмысленность. Тогда я подхватила с пола пустой кубок и наотмашь ударила его. Годфрик упал на спину, широко раскинув руки. Я замахнулась, тяжело дыша, готовая в случае чего снова его приложить, но он лежал неподвижно. Убедившись, что он больше не поднимается, заставила себя разжать пальцы и уронить сосуд, хотя больше всего хотелось бить и бить, пока не вышибу из мрази дух. А вдруг я уже это сделала?! В памяти всплыло другое тело, старое и обрюзгшее, точно так же лежавшее на полу, и разметавшиеся красным покрывалом волосы короля показали мне растёкшейся кровью...

Ноги подломились, и я рухнула на колени. Икая от страха, путаясь в сорочке, подползла к нему, приложила ухо к груди. Стучит... Стучит! Снова икнув, попятилась на руках, подтянула колени, обхватила их и принялась покачиваться вперёд-назад, пытаюсь унять дрожь и рвущийся наружу смех вперемешку с всхлипами. Вот тебе и брачная ночь...

Теперь мои недавние рассуждения о том, что лучше позволить ему делать со мной всё, что захочет, чем сорвать план, казались детскими и незрелыми. Хорошо рассуждать о таком, сидя в безопасной комнате, а не извиваясь под пьяным разъярённым мужчиной. Наверное, правильное было бы всё-таки вытерпеть и не рисковать понапрасну, но что сделано, то сделано. Теперь нужно думать, как всё исправить.

Немного успокоившись, я потёрла лицо и заставила себя собраться с мыслями. Скоро здесь будет королева, и лежащий на полу Годфрик со знатной ссадиной у виска совсем не похож на счастливого новобрачного. Остаётся молиться, чтобы назавтра он ничего не вспомнил, а головную боль принял за последствия невоздержанных возлияний. Мало ли что человеку примерещилось в таком состоянии... Скажу, что споткнулся на входе.

Поднявшись на дрожащих ногах и заперев дверь, я приблизилась к нему и, немного покружив, подхватила под мышки. До чего же тяжёлый! С виду худой, но по ощущениям тащу мраморную статую! Сделав несколько рывков, я остановилась перевести дух. Только тот, кто тащил бессознательного мужчину, знает, что это такое. Я пыталась волочь, перемещать рывками и толкать, падала, снова вставала и волокла дальше. Один раз в сердцах пнула.

Всеми правдами и неправдами мне удалось втащить его обратно на кровать. Сделав последнее усилие, я упала рядом, хватая ртом воздух и приходя в себя. Волосы почернели: личина в процессе возни сползла. Главное, чтобы Годфрик сейчас не очухался: на правдоподобную ложь меня уже не хватит... Отдышавшись, я снова поднялась, проворно стянула с него штаны и откинула покрывало. Теперь последнее: вынула подрагивающими пальцами из мешочка шарик, едва не лопнув его раньше времени, положила на кровать, глянула на Годфрика и одним ударом кулака размазала по простыни.

Едва успела это сделать и обтереть пальцы, как снаружи раздались шаги, и в дверь тихонько постучали два раза, а потом после паузы ещё два. Я подбежала, распахнула створку и втянула королеву за руку в комнату.

– Вы спятили! – сдавленно охнула она, таращась на меня.

– Это произошло только что, – пояснила я, сообразив, что она имеет в виду личину, – он меня не видел.

Голубые глаза, казавшиеся в свете масляной лампы болотными, перебежали на распростёртого на постели Годфрика и чуть расширились.

– А с ним что?

– Перебрал вина, уснул. Сразу после того, как мы... как он... – изобразив смущение, я ткнула в испачканные простыни. – Годфрик как раз слабо шевельнулся и что-то промямлил, не открывая глаз.

– Ясно. Быстро, помогите мне раздеться!

Она всё ещё была в платье с рукавами на пуговицах, но надела поверх раздобытый где-то – а может, взятый из дома, – передник служанки, а волосы спрятала под каль, что неожиданно изменило её практически до неузнаваемости. Теперь, когда каскад пышных белокурых прядей не отвлекал внимания от лица, черты казались проще и мягче. Я торопливо избавила её от одежды, стянула с себя сорочку через голову и приготовилась накинуть на неё, когда заметила, что она пристально меня рассматривает. Внимательный взгляд скользнул от кровоточащей губы к ногам, и она брезгливо покосилась на Годфрика. Опустив глаза, я увидела у себя на внутренней поверхности бёдер следы от пальцев, которые скоро превратятся в синяки. Судя по всему, на шее они тоже имелись. Но королева так ничего по этому поводу не сказала и сделала мне знак повернуться.

– Теперь ваш черёд, поднимите руки.

Она помогла мне одеться и пристегнуть пуговицами рукава. В обычное время я себе таких не позволяла – не хватало ещё, чтобы приняли за доступную!^[34]

Выглянув за дверь, королева махнула, давая понять, что путь свободен. Я уже переступила порог, когда она поймала меня за локоть:

– Запритесь сегодня.

– Что?

– Запритесь на засов и, что бы ни случилось, никому не открывайте, – выпалила она и отпрянула, потому что в этот момент Годфрик застонал, приходя в себя.

Дверь перед моим носом с треском захлопнулась, оставив одну в темноте.

Накатила страшная слабость не только от недавнего нервного потрясения, но и от отдачи. Сегодня я удерживала личину на грани физических возможностей, чего делать нельзя. Ещё чуть-чуть, и могла надорваться. В нашей семье такое уже случилось – прабабка так и не оправилась, повредила рассудком. Я и сама не была уверена, что по-прежнему в своём уме: мысли осыпались старой штукатуркой, кожа горела, а в ушах противно дребезжало. Перебирая руками по стене, я дотащила до комнаты и ввалилась внутрь, как недавно Годфрик. Заметив на постели тень, вскрикнула, но тут же зажала себе рот ладонью, различив Людо.

Он вскочил, миг оказался рядом и стиснул мои плечи.

– Ты в порядке?!

– Да, – выдавила я. – У нас получилось...

И с облегчением полетела в темноту...

А очнулась уже сидящей на кровати, с подоткнутой под спину подушкой, видя низко склонившегося надо мной брата. Он хотел убрать мои волосы с лица, но пальцы замерли на полпути. Слишком поздно сообразив, в чём дело, я попыталась прикрыться, но он развёл руки и отодвинулся, рассматривая меня: разбитую губу, наливающиеся синяки... Взгляд скользнул ниже, и я инстинктивно свела бедра, прижав подол.

Людо медленно встал, глаза стали пустыми.

– Я его убью, – произнёс он тусклым отстранённым голосом, что в случае брата указывало на последнюю стадию бешенства. – Он тебя...

– Нет, – выпалила я, подавшись вперёд, и схватила его за руку. – Ничего не было. Я его опоила.

– Врёшь!

– Хорошо, вру, не опоила, а оглушила.

Он моргнул, и я рассказала все, как было. Опустив, конечно, тот момент, когда лежала, заголённая, уткнувшись лицом в покрывало, в ожидании насилия. Сказала, что ударила кубком сразу, как поняла, что план с сонным вином провалился.

– Думаешь, он не вспомнит?

– Надеюсь. Он был страшно пьян.

Пояснения забрали остатки сил, и я вновь откинулась назад, прислонившись затылком к восхитительно-прохладной стене.

– Пожалуйста, просто помолчи со мной.

Людо сел обратно, привлёк меня к себе и прижался губами к виску.

– Всё хорошо, теперь всё хорошо, – твердил он, покачиваясь вместе со мной и глядя по голове.

Его слова подействовали, и вскоре я почувствовала, что проваливаюсь в зыбкую дымку дрёмы, предвестницы сна. Сна, который надеялась больше никогда не увидеть. Я забылась в объятиях Людо, а очнулась в трофейной нашего замка, ощущая на себе другие руки и запах восковницы и дыма. Подняв глаза, встретила с серыми льдинками.

Гость сказал, что всё, что я знаю, неправда: мой дом на самом деле цел, а родители живы, и он не делал того, в чём я его обвиняю.

– Видишь, – обвёл он рукой залу, – всё на месте, не так ли?

Я оглядела комнату, знакомую до последней трещинки на стене, мельчайшей заклёпки на щите, и сердце радостно подскочило.

– Ты можешь прийти сюда в любой момент, во сне этот замок всегда будет существовать. Так какая разница, что в том, другом мире, его нет? Тот мир хуже, в нём много боли и грязи, любимые уходят слишком рано, и всё получается совсем не так, как хотелось бы.

И правда, какое мне дело до того, что происходит в том ужасном мире? Лучше б навсегда остаться здесь... Я обнимаю Гостя и, зарывшись лицом в упелянд на груди, слушаю, как бьётся сердце, растворяюсь в умиротворении и блаженстве безопасности рядом с человеком, проявившим некогда доброту к расстроенной девочке и назвавшим её красивой...

Когда трофейная начинает блёкнуть, я хватаюсь за его одежду, утаскиваемая обратно в худший мир, залитый холодным утренним светом, и, ещё не успев окончательно проснуться, чувствую, как на смену сладкому самообману приходит жгучий стыд – вечным укором той Лоре, что поверила чудовищу, пришедшему разрушить наши жизни.

Щеку кололо шерстяное покрывало, а узкое окно, утопленное в глубокой нише, виделось размытым пятном. Услышав рядом ровное

дыхание, я потёрла глаза и уставилась на спящего на боку, лицом ко мне, белокурого юношу на вид лет четырнадцати. Сердце взволнованно подпрыгнуло.

– Артур!

Глаз лежащего распахнулся, явив светло-карюю радужку, широкий после сна зрачок резко сузился.

С глухим возгласом Артур скатился с кровати, отполз на руках, забился в угол и, обняв колени, уткнулся в них лицом.

– Прости! – воскликнула я, вскакивая и приближаясь к нему. – Не хотела тебя напугать...

Опустилась рядом, погладила плечо, чувствуя, как он дрожит.

– Я так соскучилась!

Не удержавшись, крепко его обняла. Артур не сопротивлялся, но и не обнял меня в ответ. Вспомнив вдруг, что так и не заперлась, я сходила к двери, опустила засов и вернулась в затенённый угол.

– Людо знает, что ты здесь?

Артур дёрнулся и сильнее вжался в стену.

– Ничего страшного, не волнуйся, – я старалась говорить как можно ласковее, глядя его по руке. – Я с ним потолкую, он не будет сердиться.

Через какое-то время пальцы под моей ладонью перестали дрожать. Артур повернулся правой стороной, как делал всегда, и наконец осмелился бросить на меня осторожный взгляд, искоса, прикрываясь волосами. Он редко смотрел прямо, словно боялся, что его за это ударят. Как и Людо, он очень красив, хоть и на совершенно иной лад. Чем-то схож внешне с Абелем: тоже высокий, хрупкий, но ладно скроенный, с точёными скулами и тонкими губами. Выющиеся платиновые волосы, сейчас потускневшие и свалявшиеся, заблестят, как алмазы, если их вымыть и причесать. Но в отличие от бывшего любовника короля, под его мягкостью кроется не безволие, а покорная обречённость и готовность заранее прощать всех обидчиков. Ещё любовь и уважение ко всему живому. Так, заметив, что по локтю ползёт паук, он убрал руку из-под моей ладони и бережно пересадил хранителя всех очагов на стену, по которой тот побежал к серебрящемуся у потолка прибежищу.

Губы Артура тронула улыбка. От него исходит внутренний свет, а карий глаз смотрит на мир робко и слишком по-взрослому. Артур с

самого детства такой. Будто знает всё наперёд, и от этого ему грустно.

– Хочешь есть? – спохватилась я.

Он опустил голову, и я поняла: хочет. До завтрака было далеко, но я вспомнила про гренки, припрятанные ещё в замке леди Катарины, и подошла к сундуку. Жёсткие ломти сыскались на самом дне, я сдула с них нитки и сор и положила на поднос. Рядом поставила оловянный кубок без ножки и наполнила его водой для умывания.

Снова устроившись напротив, поместила поднос между нами и скрестила ноги. Первая подала пример, откусив гренку и жмурясь, будто она необычайно вкусная. В компании Артура она и правда казалась вкусной, хоть и пахла лавандой, которой служанка переложила одежду. Ненавижу лаванду, но сейчас я не обратила на это внимания.

Артур тоже потянулся к хлебу, из-за чего ему пришлось наполовину высунуться из своего угла в пятно света, и бледный луч скользнул по руке, высветив блестящую рубцеватую кожу.

Как я уже сказала, он очень красив. Был. До того, как огонь, лишивший нас дома, превратил его спину, руки, затылок и левую половину лица в готическое подобие человеческой кожи, мятую заплату на теле, и затянул второй глаз бельмом. Несправедливее не бывает... Ещё один грех, за который Бодуэну Скальгерду придётся ответить сполна. Но я ничем не показала чувств, чтобы снова не испугать и не расстроить Артура, хотя внутренне рычала от ярости. Хотелось прижать его изо всех сил к груди и сказать, что он самый лучший и красивый на свете.

Пока он был занят завтраком, я достала кулёк с травами, которые дала мне накануне королева, перед ночью с Годфриком. Травы спрятала обратно, а скрученный пергамент расправила ладонью. Добавила к нему уголёк из ручной грелки и протянула Артуру. Его лицо озарилось. Артур умеет говорить, просто не очень любит. Может, потому что его слишком часто просили помолчать и сделаться незаметным. Вот он и научился прятаться, будучи на виду. Но я и так знаю, что он благодарен. Одной рукой он прижал ко рту кубок, шумно прихлёбывая воду, а второй стиснул уголёк, подхватывая полузабытое ощущение, давая пальцам привыкнуть к шероховатой поверхности, и поднёс его к пергаменту.

Рисование его всегда успокаивает. Если б он мог тренироваться постоянно, то, без сомнения, стал бы прославленным художником. Подперев щёки руками, я наблюдала за тем, как из угольной полосы вырастает табун лошадей, мчащихся по бескрайнему полю, погоняемых рваными облаками, как возникает замок на краю утёса и волны разбиваются о его подножие, пытаюсь помешать рыцарю проникнуть внутрь и спасти прекрасную деву – это уже для меня. Не дочертив восточную башню, Артур отложил уголёк, придвинулся и, отводя взгляд, робко обнял меня. Я положила голову ему на плечо и, прикрыв глаза, улыбнулась.

Теперь, кроме нас троих, больше ни одна живая душа на свете не знает, что на самом деле у меня два брата. Один – гордость отца, а второй – позор нашей семьи. Мой самый любимый позор.

Наутро Годфрик ничего не вспомнил. По крайней мере разбирательств не последовало. Королева, раздражённая и с тёмными кругами под глазами, тоже страдала забывчивостью и не смогла объяснить, зачем велела мне запереться.

– Я так сказала? Откуда же я знаю, сказала, и всё!

Теперь наступала самая тяжкая часть: затаиться и высматривать.

Примерно через трое суток, когда разъехалась большая часть гостей, дни потекли по заведённому образцу, мало отличаясь один от другого: утренние сборы и одевание Её Величества, служба в часовне, общий завтрак в трапезной, после которого женщинам полагалось удалиться в рабочую комнату и заниматься там рукоделием вплоть до обеда – его приносили туда же. Потом позволялись развлечения: чтение, игра в шахматы или трик-трак^[35], музицирование, прогулка.

За соблюдением этого порядка следила старшая матрона. Она восседала на жёстком стуле без спинки возле дверей и пресекала любую попытку внести изменения в установленный режим. И она же следила за тем, чтобы книги были унылыми, беседы негромкими, игры не слишком радостными, а прогулки не зажигали румянец на щеках.

– Старая гарпия, – прошипела леди Йоса под стук ткацкого станка, жужжание веретён и сдавленное хихиканье фрейлин.

– Вы что-то сказали, Ваше Величество?

– Вознесла хвалу Праматери за то, что мне досталась такая мудрая наставница!

Матрона недоверчиво поджала сухие, в трещинках, губы, щёлкая чётками, и глазами указала зазевавшимся девушкам продолжать.

После отдыха рукоделие возобновлялось, и в комнаты допускались пажи – распутывать пряжу, а заодно учиться светскому обхождению. Я вспомнила, как Людо в детстве вот так же сидел на полу возле моих ног, расплетая моток. Для него я специально запутывала посильнее. Мы обменивались взглядами и знаками тайно от других – у нас был свой язык, наподобие пальцевого, который используют клирики, принёсшие обет молчания. Так мы делились самыми важными событиями за день:

«Я вышила лилию... совершенно дурацкую».
«Я разбил витраж в часовне».
«Ого! Тебя кто-нибудь видел?»
«Не знаю... нет, кажется».
«Если что, я прикрою: скажу, что ты был со мной!»

Пряжу Людо всегда распутывал самым первым...

Когда темнело, в замке Скальгердов трубили воду^[36] к ужину, и все снова собирались в общей зале. Трапезы скрашивали менестрели и жонглёры. Наибольшей популярностью пользовались трюки с животными. Звери были тут всюду: громкоголосые птицы носились высоко под сводами и частенько безнаказанно утаскивали лакомые куски со стола, из-за поворота коридора могла запросто брызнуть лисица; куницу или любую другую животную тварь, занявшую твоё место на лавке, ни в коем случае нельзя было сгонять, а моя комната до сих пор воняла жжёной кошачьей шерстью, которой ещё перед нашим приездом окурили помещения от воров, якобы чувствовавших это на своей коже. Не знаю, чего хозяева опасались больше – что обворуют нас или их.

В конце дня мы помогали королеве подготовиться ко сну и расходились: фрейлины – в отведённую им общую комнату, я – в свою. Когда всё стихало, являлся Людо. Мы складывали все наблюдения и добытую информацию, делились соображениями и засыпали обычно за полночь. Уходил он под утро. Большую часть дня Людо был вынужден торчать на конюшне во внешнем дворе, ухаживая за чужими животными, начищать чужое оружие, выполнять чужие распоряжения и сдерживаться. Ещё он тренировался каждый свободный миг, восстанавливая форму: разминался утром и вечером сам и тренировался с остальными оруженосцами, гарнизонными солдатами и наёмниками, катался верхом. Как ни крути, брат обладал большей свободой передвижений, чем я. Вскладчину получалась почти полная картина: я изучала замок изнутри, он снаружи.

Ещё мы, конечно, соблюдали осторожность: ели только то, что до нас попробовали другие, держались в стороне от склок и драк и приглядывали за рыцарями, прибывшими вместе с нами. Они отбывали назад к леди Катарине в конце недели, а значит, все это

время над нами висела угроза. Ещё это значило, что нужно найти способ, спровадив их, самим остаться в замке. Наблюдая за людьми Венцелей, я не подмечала никаких признаков опасности и в конце концов засомневалась в своих подозрениях: может, леди Катарина и впрямь собирается сдержать слово и отпустить нас с наградой? В любом случае, это тоже не входило в наши планы.

Артур пока больше не появлялся – прятался.

– Пожалуйста, Людо, позволь ему изредка навещать меня...

– Нет! А если бы его кто-то увидел?! У этого недоумка каша вместо мозгов, но где были твои?

– Никто не видел и не увидит. Обещаю встречаться с ним только в комнате, мы будем очень-очень осторожны.

– «Нет» я сказал.

– Он ведь тоже мой брат...

– Как ты можешь любить его? Он слаб и всегда таким был.

– Он не слаб, просто... другой.

Ведь иначе я не смогу любить Артура. Нельзя любить слабого.

Подруг у меня так и не появилось, хотя это было бы полезно. Частью стараниями леди Жанны, не простившей мне тот гребень, частью из-за изолированной комнаты, вызывавшей раздражение и зависть, но в основном потому, что для меня всегда оставалось загадкой, о чём они болтают. Как-то раз нарочно прислушалась к сидевшим поблизости.

– А он такой говорит: ваши глаза цвета моего разбитого сердца. А я ему: считаете меня упырём?

– Ты жесто-о-о-ка, Адели!

Та довольно ухмыльнулась и послушав палец, крутя нить.

То, что леди Йосе отведена роль даже меньше, чем ничтожная, стало ясно сразу. Единственными её владениями были спальня и рабочая комната, но даже здесь она не могла править безраздельно, находясь под неусыпным бдением старшей матроны. Моя мать в своё время принимала деятельное участие в управлении замком, его обустройстве. Оставаясь в тени, она контролировала всё, что не входило в сферу влияния отца, а порой влезала и в неё. Но здесь было по-другому. От новой королевы Скальгердам требовались только принесённые с приданым богатейшие виноградники, золотые прииски, две каменоломни, земли с вилланами, полсотни конных и две сотни

пеших полностью экипированных воинов, обязанных явиться под знамёна в случае войны, и здоровый наследник.

Сама леди Йоса почти всегда пребывала не в духе, особенно по утрам, потом постепенно развеивалась, но не до весёлости. Шептались, что у них с королём ничего не ладится. Не знаю, из-за меня ли у них пошли дразги с первых же дней, но сомневаюсь в том: Годфрик изначально не был ни расположен, ни способен её любить или хотя бы изображать приязнь.

Вынужденная проводить большую часть дня, как и остальные женщины, в комнатах, я пользовалась любой возможностью, чтобы выбраться и осмотреться, поэтому всегда первой вызывалась исполнять поручения королевы и старшей матроны. И это тоже не способствовало появлению подруг – остальные считали, что я выслуживаюсь.

Идя с поручением, я попутно исследовала палас: расположение залов, обстановку. Дверные и оконные проёмы укреплены кайенским камнем, потолки поддерживаются расписными балками, полы всегда присыпаны свежей травой, и всюду гобелены и шкуры.

Во время одной из таких вылазок я его и обнаружила. Рог, покрытый искусной резьбой и переливчатыми камнями. Ноги сами подвели к нему. Во рту пересохло. Как во сне, я протянула руку, и едва пальцы коснулись прохладной кости, меня пронзило от макушки до пят, вливая горечь и бешенство. Одна из тех вещей, что мать принесла вместе с приданным отцу. Этот рог раньше висел у нас дома над камином. Воры. Наглые, бесстыжие, паскуднейшие воры! Выставившие свои гнусности на всеобщее обозрение и похваляющиеся ими.

Потом ещё было чеканное блюдо, красующееся в открытом дрессуаре^[37] среди прочей парадной посуды, и масляный светильник в виде львиной лапы.

Встречаться с обломками своей прежней жизни оказалось очень больно. У меня вошло в привычку навещать старых друзей, пленников этого дома. Я гладила их и обещала, что в один прекрасный день подарю им свободу. Смотрела вокруг и пыталась угадать, что ещё из того, что меня окружало, вырвано из рук прежних владельцев, ставших жертвами безудержной алчности Скальгердов.

Избегала я только трофейную. Никак не могла решиться войти туда, убеждая себя, что просто не подвернулся удобный случай. Однако в какой бы части замка ни находилась, я слышала её зов. И вот, поотстав после завтрака от остальных фрейлин, я свернула в первую дверь направо.

Здесьняя трофейная не походила на нашу: больше щитов и оружия, темнее, мрачнее, злее...

Камин... Вытяжной короб безо всяких рисунков. В глубине мне почудилось мерцание, словно два огромных глаза смотрели оттуда, маня, властно притягивая. И я пошла к ним под песню пламени и шёпот поленьев, ощущая кожей трепет соприкосновения с чем-то древним и невыразимо могущественным, и не удивилась бы, подкатись мне под ноги золотой мячик, отправленный гранёным когтем... Остановилась так близко, что жар обжигал кожу, играл волосами и заставлял глаза слезиться, но я нарочно держала их широко раскрытыми. А вдруг?..

Опустившись на колени и подавшись вперёд, прошептала:

«Ты здесь?»

Ответа не последовало. Тогда я предприняла новую попытку:

«Я друг и пришла с благими намерениями».

Ведь месть во имя справедливости – это благо...

Но огонь по-прежнему молчал, и никто не являлся из его глубины. Наверняка потому, что я не одна из Скальгердов, а их камин – всего лишь каменный мешок с трубой.

– Интересуетесь устройством дымоходов?

Я вскочила так резко, что порвала туфлём подол. Повернувшись, едва не упала. Бодуэн. Человек, с которым я тысячу раз беседовала во сне и лишь однажды наяву, которого я в воображении убивала десятками жестоких способов и с радостью наблюдала мучения, которого я так хорошо знала и о котором не знала ничего, стоял напротив, целый, невредимый и опасный. Я глядела во все глаза, чувствуя себя так, словно жарюсь в камине. Ещё чуть-чуть, и кожа потрескается, кости расплавятся, а волосы потекут огненной рекой.

Осознав вдруг, что, пока я рассматривала его, ко мне тоже присматривались, поспешно опустила глаза и запоздало поклонилась.

– Ваше Высочество.

– Леди Лорелея Грасье, не так ли? – Зоркий взгляд обежал меня с головы до ног и вернулся к лицу.

– Да, Ваше Высочество.

– Как вам на новом месте, успели обустроиться?

– Да, Ваше Высочество.

– Нравится?

– Да, Ваше Высочество.

– Это всё, что вы умеете говорить?

– Нет, Ваше Высочество.

Он хмыкнул.

Пусть лучше считает душой. Дур не опасаются и не подозревают. А ещё, говоря откровенно, в его присутствии не получалось выдать связной реплики. Зато с закрытым ртом не сболтнёшь лишнего.

– Женщины уже давно поднялись наверх. Что вы здесь делаете?

– Я... я, – оглянувшись в поисках подсказки, я вдруг почувствовала что-то в руке и, раскрыв ладонь, продемонстрировала уголёк, который сгребла в последний момент. – Искала инструмент для рисования.

– Ах да, вы ведь из артистов. Значит, любите искусства?

– Люблю, Ваше Высочество.

В этот момент за его плечом показался Тесий. Поклонившись мне, что-то тихо сказал на ухо Бодуэну, и тот, коротко кивнув на прощание, удалился в сопровождении, как я теперь уже знала, секретаря.

Оставшись одна, я едва не осела на пол, колени дрожали. Враг перестал быть фантомом и обрёл плоть, кровь и голос. А ещё он меня знал. Не так уж мы с Людо незаметны, как наивно полагали.

Вечером я всё рассказала брату.

– Думаешь, понял?

Я покачала головой, покусывая сгиб пальца.

– Нет, он ведь полагает нас давно умершими. Никто не ждёт в гости мертвецов. Считаешь, он позволил бы нам так спокойно разгуливать по замку, зная, кто мы такие?

Мы надолго замолчали, понимая: это лишь вопрос времени, поэтому оттягивать нельзя, нужно опередить Бодуэна. В прошлый раз

он выиграл, потому что ударил внезапно. Теперь преимущество на нашей стороне, и следует сполна им распорядиться.

А на следующий вечер произошло то, чего я даже не опасалась. А зря.

Менестрель занемог. За ужином пальцы вяло перебирали струны виелы, голос хрипел и срывался, а красное лицо и испарина выдавали лихорадку. Партнёрша-жонглёрка, с которой он разыгрывал танцевальное представление, пыталась смягчать промахи, но лёгкие ножки оступались, а жесты выходили неловкими и смазанными, обманутые мотивом, призванным поддерживать и направлять. Все закончилось визгливым аккордом и порванной струной. Больного спровадили отлёживаться, и вечер продолжился в грубых развлечениях: охотничьи истории, неотёсанные шутки рыцарей, состязание в силе рук и количестве съеденного и выпитого.

Леди Йоса уныло ковыряла в миске, Годфрик не явился, Людо тоже торчал на плацу, а Бодуэн обсуждал что-то с Тесиём. Секретарь, забыв о рагу, потрясал стопкой листов, а регент уверенно чертил по ним пальцем, что-то втолковывая юноше. Возле моей ноги под столом кто-то смачно хрустел костями, попеременно высовывалась то лапа, то хвост. Пара-тройка детей носились по залу, дразня собак объедками, пока матерям не велели их вывести.

Ещё некоторое время люди развлекались, глядя, как один из рыцарей опрокидывает в себя вино кубок за кубком без помощи рук, стискивая жестяные края зубами. Из шести ему засчитали только три, потому что половина проливалась на грудь. Но потом и это зрелище наскучило.

– ТО-СКА! – рявкнул кто-то в конце стола, приложив ладони ко рту.

– Подрасться, что ли, – пробасил один из рыцарей, и товарищи одобрительно загоготали.

– Только не вздумай соревноваться в прошибании досок головой, – оторвался от бумаг Бодуэн, – после прошлого раза у нас столов не осталось.

Вокруг засмеялись, сам рыцарь – громче всех, и в продолжение шутки с размаху врезал лбом по дубовым доскам, так что звякнула посуда и подпрыгнули чарки.

– Знаю! – крикнул какой-то умник. – Пусть леди Лорелея споёт!

Над столами пронёсся одобрительный ропот:

– Да-да, Грасье...

Зашелестели наряды, заскрипели лавки, ко мне поворачивались, повторяя просьбу.

Я кожей чувствовала взгляды, но не подняла головы от тарелки, только сильнее стиснула прибор.

– Я нынче не в голосе.

– Ерунда, все Грасье поют, как сирены!

– И не знаю здешних песен, – предприняла новую попытку я.

– Так спойте из родных краёв.

– Это было бы неуважением.

– Мы не из обидчивых.

Вокруг закивали, рыцари-смутьяны взялись дружно бренчать ложками о стол:

– Пой! Пой! Пой!

– Ну же, не ломайтесь!

– Уважьте просьбу!

– Не томите...

– Просто леди Лорелея боится, что мы отправимся напрямиком в Небесную Обитель, услышав сладость ангелов из её уст, – крикнул зачинщик, и все снова засмеялись.

– Или любит, чтоб её упрашивали, – вставила леди Жанна.

– Спойте гимн Праматери, уж он-то всем известен и никого не оскорбит.

Дальше отпираться было бессмысленно и рискованно. От меня не отстанут, будут повторять просьбу снова и снова – не сегодня, так завтра или в другой день. А упорные отказы рано или поздно родят подозрение. Я наконец подняла глаза и заметила, что регент опустил бумаги и тоже смотрит. Королева едва заметно качнула головой, предостерегая, но что мне было делать? Возражения лишь распаляли просителей.

– Хорошо.

Отложив прибор, я поднялась и прочистила горло, мысленно проклиная леди Катарину. Крики тут же смолкли, люди приготовились слушать.

И я запела.

Как я уже говорила, голос у меня хриловатый, до высоких звуков недотягивает, срывается на сип. Вдобавок, Праматерь обделила слухом.

Предвкушение на лицах уступило место сперва удивлению и растерянности, а потом смущению. Только что горячо уговаривавшие меня усладить слух отворачивались, пожимая плечами и переглядываясь с соседями. Удивительное дело: дурой выставляю себя я, а неловко почему-то им.

– Не хотела петь, так бы и сказала! – фыркнула леди Жанна, не потрудившись понизить голос.

– Вот-вот, зачем было насмеяться над нами? – поддержала её Мод.

Я запела громче.

На смену стыду за меня пришли шепотки, нелестные замечания и глумливые ухмылки. Люди решили, что я издеваюсь. Кто-то зевнул, кто-то рыгнул, а потом к моему голосу внезапно присоединился ещё один, приятный, не слишком высокий, но и не бас. Он мягко сглаживал мои ошибки и дотягивал звуки там, где этого не могла сделать я. Теперь все смотрели то на меня, то на Тесия, тоже певшего стоя. Когда мы закончили, раздались хлопки. Я не обманывалась, на чей счёт они приходились. Хотелось тотчас убежать из трапезной, но я заставила себя досидеть до конца.

Едва королева встала, подав тем самым знак фрейлинам, я вскочила с места и направилась к выходу. Заметив, что Тесий пробирается в мою сторону, прибавила шаг, но у дверей он меня нагнал и вынудил остановиться.

– Леди Лорелея, погодите.

– Я не нуждалась в помощи, – резко бросила я.

– Разве я помогал? – невинно ответил он. – Просто не мог удержаться и славил Праматерь вместе с вами.

– Рада за вас, а теперь пропустите.

– Вижу, вы на меня обижены.

– Обижаются на тех, кто небезразличен, – ровно ответила я, глядя сквозь него.

Тесий неловко переступил с ноги на ногу и, пробормотав извинение, убрал руку. Я повернулась к выходу и покинула залу.

Чувствовала я себя, как Людо, которому наставник протянул руку после того, как выбил меч и опрокинул на землю.

Немного поостыв, я вынуждена была признать, что из-за своей горячности проглядела тот самый шанс, который выискивала. Тесий близок к Бодуэну, следовательно, многое знает о делах семьи, и из того, что я уже увидела, можно заключить, что пользуется доверием. Вдвойне полезно, что сближение инициировано не мной, то есть в нём трудно углядеть умысел с моей стороны. Теперь осталось только придумать, как подступиться к нему после такой откровенной грубости. О своей резкости я не жалела – уверена, секретарь это заслужил: ведёт дела Бодуэна, а значит, соучастник всех мерзостей этой семьи.

Людо тоже пришёл с новостями. С некоторых пор король начал посещать тренировки. За ужином Годфрик отсутствовал как раз по этой причине.

– Он что, тоже бьётся? – удивилась я.

– Нет, только наблюдает с трибуны, – хмыкнул Людо. – Ладонки, как у белошвейки, так что вряд ли он знает, чем отличается баллок от ронделя^[38].

Зато знает, как глумиться над женщинами.

– А сегодня велел нам с Киллианом выйти друг против друга.

Упомянутый оруженосец уступал Людо в силе, скорости и мастерстве. Вообще-то ему все там уступали, подумала я не без гордости.

– То есть вызвал следующих на очереди?

– Нет, меня и его, – ухмыльнулся Людо. – И после того, как я размазал Киллиана, передал мне через пажа пряжку.

– Он с тобой говорил?

– Нет, как кончился бой, сразу ушёл. – Глаза Людо блеснули. – Понимаешь, что это значит?

Я тупо уставилась на брата. Годфрик отличил его. Это и прекрасно, потому что в таком случае будет легче уцепиться при дворе, и в то же время очень-очень плохо. Людо хорош во всём, что касается боя, но тонкая игра, где нужны выдержка и осторожность, не его конёк. Не сказала бы, что и мой, но я всё же лучше него умею сдерживать натуру и неплохо научилась притворяться.

– Нет, Людо, – покачала я головой. – Помнишь план? Нельзя слишком с ними сходитья. Мы можем наблюдать издали, незаметно выпрашивать у окружения и делать выводы, но только не с ними.

– К Ваалу план! – воскликнул он, вскакивая, и рубанул воздух воображаемым мечом. – Мы здесь уже две недели и знаем достаточно, чтобы начать действовать, поэтому как только люди Венцелей съедут, нужно браться за дело. Тайны, вроде той, что мы ищем, не лежат у всех на виду, о них не похваляются за чаркой и не болтают на площади, мы лишь впустую потратим время. Только члены семьи или кто-то очень близкий к ним может про это знать.

Он, конечно, был прав, но я не могла отступить.

– Поэтому я и хочу подобраться к Тесию!

Людо ответил пристальным взглядом.

– Не переусердствуй.

– Что ты имеешь в виду?

– Только то, что сказал.

Вдумываться было некогда, и я продолжила наседать:

– Записавшись к Годфрику в друзья, ты привлечёшь внимание Бодуэна, а он стережёт племянника, как стервятник, ты же знаешь. Нам это не нужно.

– Хватит, Лора, дело решённое, – раздражённо отмахнулся он.

Тогда я отважилась на последний аргумент и, отводя взгляд, с запинкой произнесла:

– Тебе следует знать, что о Годфрике ходят... некоторые слухи. О его вкусах.

– Какие ещё слухи? – нахмурился он, а потом глаза сузились, пальцы стиснули мой локоть. – Кто тебе разболтал? У кого уже выучилась?

Только я могла верить, что он до сих пор не в курсе пристрастий короля. Я высвободилась, про себя радуясь, что он понял, о чем речь, и не придётся излагать всё вслух, и для вида пожала плечами:

– Разве это секрет?

– Ты спятила! – взъярился он. – Думаешь, я запишусь в ряды этих его... – Он употребил одно из выражений, от которых я давно разучилась краснеть. – Да я скорее отрублю ему всё ниже пояса!

– Пожалуйста, тише! – взмолилась я, оглядываясь на запертую дверь.

Грязно выругавшись, он опустился обратно на постель, развернул меня спиной к себе и принялся раздражённо водить гребнем по волосам, с силой дёргая колтуны. Я молча терпела.

– Не фрейлины, а сборище шлюх. Ты можешь велеть им заткнуться за шитьём?

Я не стала разубеждать его в источнике информации.

– Не могу... – усмехнулась я.

Он снова выругался, потом отложил гребень, пропустил гладкие пряди меж пальцами и перекинул их на одну сторону. С шумным вздохом обнял меня со спины, устроил подбородок на плечо и принялся выводить пальцем узоры на внутренней стороне запястья, рождая мурашки.

– Обещаю, я буду осторожен.

Но это не успокоило. Внутри нарастало тревожное чувство. Мне предстояло заняться Тесиём, а Людо собрался водить опасную дружбу с королём. Знаю я его осторожность.

* * *

Йосе не спалось. Тело ныло от недостатка ласки. Даже не ласки. Хотелось, чтоб её хорошенько отлюбили. Сегодня же! Прямо сейчас! Проходя после ужина мимо стражи, она поймала на себе оценивающий взгляд одного здоровяка и сразу живо представила, каково было бы оказаться с ним наедине. Он окинет её таким же наглым лапающим взглядом, от которого сладко тянет в животе, расстегнёт свой пояс, а потом... мм...

А вместо этого сладостного «мм...» приходилось довольствоваться огромной холодной постелью и мечтами о том, что она имела полное право требовать с супруга. Вот только Годфрик не мужчина, и тут требуй – не требуй, между ними никогда не будет даже тени тех грёз, отдающихся тёплым томлением в паху и напряжением в груди. Весь приезд сюда – это одна огромная ошибка! Надо было кричать о своём падении на каждом углу. Уж лучше прослыть непотребной девкой, чем объектом насмешек всех, вплоть до последней служанки в этом замке-тюрьме, с никчёмным супругом-мужеложцем, которого воротит от одного вида её тела.

Последнее было особенно обидно: Йоса любила своё тело и имела основания им гордиться. Откинув покрывало, она спустила ноги на пол и приблизилась к зеркалу. В полированном серебре отразилось прелестное видение, окутанное облаком белокурых волос, как наяда^[39] пеной, одновременно невинное и порочное. Йоса сняла и откинула камизу, оглядывая себя. Провела пальцем по ямочке в основании шеи, хрупким ключицам, сжала руками полные груди с нежными розовыми сосками, огладила тонкую талию и приятный, чуть округлый, как то положено у женщин, живот, вытянула ногу, любуясь точёной икрой и изящной щиколоткой. Из глаз чуть не брызнули слёзы. Вся эта роскошь пропадёт впустую! Йоса никому здесь не нужна! Отдать её за Годфрика – всё равно что подарить глухому соловья или слепому – самый прекрасный в мире гобелен!

Швырнув в зеркало молитвенник, она бросилась ничком на кровать, сдерживая рыдания. Как же мать должна была её ненавидеть, чтобы обречь на загнивание здесь, отдать этому ничтожеству, зная, что её ждёт! И даже простыни в замке Скальгердов мерзкие, пахнущие сыростью, пропитанные испарениями этого гадкого озера, как занавески, скатерти, наряды и вообще все. Она задыхается! Её тошнит от этого места! Тошнит-тошнит-тошнит! Йоса стукнула кулаком по постели и перевернулась на спину, слепо уставившись в бархатный полог.

Даже сейчас, вспоминая их первую с Годфриком ночь, не брачную, а следующую, она заново испытывала тот же стыд – за него, конечно, – и растерянность. Тогда она подумала, что сделала что-то не так, хотя раньше никто не жаловался. Разумеется, для неё давно не новость особые вкусы короля, слухами земля полнится, но ей представлялось, что преграда преодолима. Стоит ему увидеть её обнажённой, и проблема разрешится сама собой. Он излечится, ну или хотя бы будет способен исполнять супружеский долг. Того, что его плоть даже не шелохнётся, она не ожидала. Казалось, её ласки не только не распалили, а ещё больше охлаждали его. Он и не пытался скрыть неприязнь и отвращение. Как это горько быть кому-то отвратительной и притом вынужденной предлагать себя! А когда она после всех безуспешных попыток встала на колени, испросив разрешение помочь ему другим способом, он оттолкнул её и, обрував, – Йоса не знала таких слов, но была уверена, что её

обругали, – вышел, почти выбежал из спальни, оставив наедине с грязным ощущением униженности и ненужности.

Наверное, все свои силы в отношении женщин он истратил на леди Лорелею в первую ночь. Последнее до сих пор её изумляло, ведь для этого его вялому отростку требовалось затвердеть хотя бы на пару мгновений. Йоса раздражённо взбила головой валик. Не хотелось думать, что в перекидыше было нечто, чего не было у неё самой. Нет, все дело в слюнявой пародии на мужчину! От леди Лорелеи мысли перекинулись к её брату, и Йоса сжала бедра, чувствуя влажный жар. Несмотря на хорошую фантазию, близость с ним она не могла представить. Знала лишь, что это было бы нечто яркое и острое, с примесью опасности. Она вздохнула и вытянулась на постели.

Даже жаль, что ему осталось так мало жить...

На следующий день мне не пришлось изыскивать способ «случайно» столкнуться с Тесиём. Мы сидели в рабочей комнате, когда вошла служанка и с лукавым поклоном протянула мне плоский деревянный ящик.

– От лорда Авена.

В комнате вдруг стало так тихо, словно фрейлины долго тренировались прервать работу одновременно. Челнок остановился, веретёна плавно заканчивали кружение, негромкий гомон голосов смолк со скоростью погасшей свечи. На фоне этой тишины звук, с которым я воткнула иголку в ткань, показался неприлично громким.

– От кого? – не поняла я.

– От Тесия, – негромко пояснила Бланка, не поднимая глаз от рукоделия, которое в отличие от других не отложила.

– Он точно имел в виду меня?

– Велел передать это лично в руки леди Лорелее, как сердечное извинение.

Вразрез со словами служанка положила ящичек мне на колени. Она явно была не прочь остаться и посмотреть, что внутри, но под суровым взглядом старшей матроны поклонилась и со вздохом удалилась.

– Во имя Праматери! – раздался нетерпеливый голос королевы. – Откроете вы или нет?! Половина из нас до сих пор не дышит!

Тут же послышалось несколько запоздалых выдохов.

Я провела ладонью по шершавому дереву, дотронулась до боковых креплений... и убрала руку, решив открыть позже, без свидетелей. Не зная, что внутри, лучше не рисковать. Вслух же произнесла смиренное:

– Не уверена, что это прилично – принимать подарки от не родственного мужчины. А лорду Авену не за что извиняться.

Старшая матрона всем видом выразила одобрение. Блёклые глазки сверлили ящичек с таким выражением, будто на моих коленях лежал враг рода человеческого и корчил ей рожи.

– Вот мы все вместе и решим, прилично вам принимать такой подарок или нет. – Королева решительным шагом приблизилась и протянула руки. – Дайте-ка сюда.

Я неохотно повиновалась.

Она нетерпеливо щёлкнула замками и заглянула под крышку, сверкая глазами. Но мгновение спустя издала разочарованный возглас:

– Уж лучше б свой локон подарил!

Фрейлины побросали рукоделие и окружили её. Ящик передавали из рук в руки, шептались, хихикали, кто-то смотрел с любопытством, кто-то с недоумением. Леди Жанна схватила его и, увидев, что внутри, кинула на меня злорадный взгляд, в лице читалось облегчение. До меня презент дошёл последней.

– Держите, – королева протянула мне ящик. – И намекните при случае, что любите розы и ленты для волос.

Дождавшись, пока все рассядутся по местам и снова углубятся в работу, я наконец заглянула внутрь. В тот же миг уже наметившаяся в голове фальшиво-благодарственная речь, которую я намеревалась обратить к секретарю при встрече, рассыпалась в прах, потому что внутри лежали... краски. С набором всего необходимого: камнем для растирания, кистями, эскизным свинцовым карандашом и даже тончайшими полупрозрачными листочками вроде тех, что изготавливал Артур для перенесения понравившегося изображения, выскабливая обрывки козлиной шкуры и пропитывая их жиром – только несоизмеримо лучшего качества.

Не удержавшись, я провела пальцем по щетинкам кистей и счастливо улыбнулась, представив, как обрадуется брат. Наверное, на моём лице слишком явно прочиталось это чувство, потому что следившая за мной леди Жанна поджала губы и наклонилась что-то сказать Мод. В перерыв я отнесла ящик в свою комнату и передала через пажа лорду Авену записку с одним-единственным словом, написанным новым свинцовым карандашом. Думала, что увижусь с дарителем только вечером за ужином и уже собиралась вернуться к остальным женщинам – свободное время подходило к концу, – когда услышала за спиной знакомый голос:

– Леди Лорелея, постойте! – Я обернулась и подождала, пока Тесий меня нагонит. Его каштановые кудри разметались от быстрого шага.

– Рад, что угадал с подарком, – сказал он, немного запыхавшись, и остановился. – И вдвойне рад, что вы не принесли его обратно.

Я сложила руки на подоле и привычно опустила глаза.

– Вы выбрали то единственное, от чего я не могла отказаться.

– Мне поддал идею Его Высочество, когда сказал, что вы искали инструмент для рисования в камине. Я подумал, что свинцовый грифель лучше уголька, а оттуда уже было недалеко до красок.

Надеюсь, Тесий не заметил, как я вздрогнула при упоминании его патрона. Радость от подарка сразу померкла. Как будто часть благодарности за него я теперь должна была испытывать и к Бодуэну.

– Вчера я была с вами резка, – сменила тему я.

– Вы были расстроены.

– Верно... я растерялась и не сумела объяснить присутствующим, что мы с братом склонны к художеству, а не пению... Ещё раз примите мою признательность, а сейчас я должна вернуться в рабочую комнату.

– Погодите, не хотите... немного прогуляться? Не наедине, разумеется, – поспешно добавил он, – мы возьмём в сопровождение дуэнью.

Я удивлённо вскинула глаза и встретила с его, тёмно-синими. Сейчас они сияли, как два сапфира в оправе из норковых ресниц, подпалённых на самых кончиках.

– Разве у вас нет работы?

– У меня перерыв, – беспечно пожал плечами Тесий. – Полчаса на свежем воздухе мне простят.

– А мне, боюсь, нет. Старшая матрона в этом отношении строга.

– Рогнеда? С ней я сумею договориться.

Я смутно припомнила, что именно так и зовут нашу надзирательницу, но ещё ни разу не слышала, чтобы кто-то упоминал её по имени. Тесий чуть смущённо улыбнулся, а я только успела с ним примириться не для того, чтобы снова терять нить.

– Идёмте же! – шире улыбнулся он. – Вы уже видели наш сад?

– Ещё нет...

Фрейлины и королева несколько раз выбирались туда на прогулку, но я пользовалась свободным временем, чтобы исследовать замок или навестить Людо. В этот час он обыкновенно бывал либо на конюшне, проверяя лошадей вместе с ещё одним ответственным за эту задачу оруженосцем, Марком, либо тренировался в манеже верхом или в

поединках. Иногда я приносила обед туда, и мы делили его, забравшись на верхнюю трибуну.

– Страшное упущение: как же вы будете рисовать романтические свидания среди цветов?

– Я люблю... более жизненные сюжеты, – хмыкнула я.

– Покажете ваши рисунки?

– Возможно, когда-нибудь.

– Тогда идёмте?

Он жестом пропустил меня вперёд.

Поначалу я чувствовала себя скованно. У меня мало опыта общения с посторонними людьми, тем более мужчинами. Долгие годы брат заменял всех. Слишком велика была разница между нами и теми, среди кого приходилось вращаться. Слишком подозрительными и осторожными мы стали. Слишком тщательно берегли свой гнев, боясь отвлечься и невзначай расплескать его. В самом начале мне чего-то не хватало, и когда деревенская ребятня развлекалась, одна моя половина порывалась присоединиться к ним, а вторая слышала строгий голос матери, отчитывающий за неподобающее поведение. Лорды не играют в мяч с вилланами, не перенимают их просторечные выражения и не опускаются до их уровня. Да и брат не позволял забыть... Бережно храня осколки прежней жизни, мы пытались применить их к новому положению, и когда ничего не получалось, отгораживались в своём мире. Мы были друг у друга, и этого хватало.

И постепенно желание впускать кого-то ещё в нашу жизнь окончательно сошло на нет, а чужие прикосновения стали не просто неприятными – от них передёргивало. С женщинами я никогда не умела и не хотела слишком сблизиться, а мужчин Людо ко мне и близко не подпускал.

Видимо, у Тесия никогда не вставало подобных проблем, поэтому беседа текла в целом свободно, несмотря на мои подчас неловкие или слишком односложные ответы.

Найденная впопыхах для соблюдения приличий пожилая дуэнья держалась поодаль, не мешая разговору, к тому же, кажется, была туга на ухо и подслеповата, так что даже вздумай Тесий обесчестить меня под первым же кустом, вряд ли что-то заметила бы. Однако при виде проступающего на его скулах румянца, когда наши взгляды встречались, я не могла представить его в этой роли.

Сад располагался за паласом. К нему спускалась широкая лестница с полустёртыми ступенями и резной балюстрадой, сплошь увитой плющом и плетистыми розами, которым ещё слишком рано и опасно было цвести, и тем не менее они цвели – в марте месяце. На входе встречала старинная каменная арка. С неё почти до самой земли свисал гишпанский мох, волнуясь пушистой занавесью. Покачиваясь под порывами ветра, он пропускал тяжёлые, напитанные влагой ароматы. Арка казалась воротами в другой мир.

– Это один из старейших садов на материке, заложен, как и сам замок, ещё Конрадом Четырёхпалым. Вы ведь слышали про основателя королевского рода?

– Тот самый, которого после гибели в военном походе причислили к святым, сварили в вине, а отделившиеся от плоти кости раздали самым уважаемым подданным и союзникам королевства? Про него все слышали, милорд. У нас дома даже...

...хранился ковчежец с фрагментом его пятки, пожалованным в качестве особой милости давно умершим потомком Конрада Четырёхпалого нашему давно умершему предку, участвовавшему в том походе в звании генерала. Морхольты всегда были верной опорой трона, а останки святого, как известно, творят чудеса, оберегают и вообще несут благодать.

Но я вовремя спохватилась, сообразив, что Грасье не была оказана эта милость, и dokonчила:

– ...кормилица рассказывала эту историю перед сном.

– Да, но он славен не только своей кончиной, – заметил Тесий, отодвигая мох, как штору, и приглашая войти.

Я сделала шаг вперёд и замерла как вкопанная.

Сад на воде...

В гладкой поверхности отражался опрокинутый мир. В груди похолодело и сжалось. Одно дело ехать в ладье, и совсем другое – ступать по хлипким мосткам. Уверена, все до единого хлипкие, даже вон тот, каменный... Я невольно попятилась.

– Что с вами? – с беспокойством спросил Тесий.

– Н-не люблю воду, – выдавила я, не отрывая глаз от застеленного зыбким покрывалом тумана озера, разбитого естественными и искусственными насыпями, иссечённого дорожками и аллеями. Из его

чёрных мерцающих глубин ко мне тянулись призраки минувшего. – Мой брат однажды чуть не утонул...

Никогда не забуду выражение отца в тот миг, когда конюх вбежал в дом с Артуром на руках. Голова брата запрокинута, тонкие руки и ноги безвольно качаются, с одежды струится влага, а на кротком бледном до прозрачности лице застыло умиротворение.

«Ещё живой»

«Вытащили из реки»

И глухой горловой стон отца.

Мужчины отнесли Артура в родительские покои. Глядя из-за двери на хрупкую фигурку, такую маленькую на огромной кровати, придавленную толстой шкурой покрывала, я испытываю страх за брата и беспокойство, передавшееся мне от взрослых. Все они знают какую-то тайну... Слуги перешёптываются в переходах коридоров, обмениваются странными взглядами.

Я снова смотрю на Артура. Отец опускается рядом, отводит с его лба волосы, что-то шепчет, гладит, а потом роняет голову на скрещённые руки.

Тем же вечером Людо стоит перед ним, кашляющий и почти такой же бледный, как Артур, но в глазах – дерзкий вызов.

– Я знаю, это ты.

Брат дёргает плечом и равнодушно смотрит в сторону.

– Артур почти не умеет плавать, сам бы он ни за что не полез на середину реки, зная, какое там течение. Его кто-то выманил.

Людо внимательно рассматривает мозоли от меча, пробует ногтем корки. Сейчас на свете нет ничего важнее этих мозолей.

– Зачем? – злое тихо спрашивает отец, поднимаясь из глубокого кресла, и подходит к нему вплотную.

Брат упрямо не поднимает глаз, и отец бьёт его наотмашь. Тяжёлые перстни кастетом срывают кожу на скуле. Людо падает, но, прежде чем успевает подняться сам, отец вздёргивает его на ноги за рубаху на груди и запрокидывает голову за волосы.

– Ты хоть понимаешь, что сам чуть не погиб?! – рывкает ему в лицо. – Чуть не лишил меня обоих сыновей! Да как ты мог, он же твой брат!

– Он мне не брат! – с ненавистью кричит Людо, одной рукой пытаясь высвободить волосы, а второй стучит себя кулаком в грудь. – Я! Я твой сын! А он жалкий слабак, ошибка Праматери! Я лишь хотел избавить тебя от обузы!

Занесённая для нового удара рука замирает, и Людо, вывернувшись, отскакивает, промакивает скулу, но лишь сильнее размазывает кровь.

Ладонь отца опускается, и раздаётся тусклое:

– Вон с глаз моих.

Брат выбегает из комнаты, не заметив меня, спрятавшуюся за дверью.

А отец, как-то вмиг постарев и сгорбившись, падает обратно в кресло, словно ноги больше не держат, и закрывает лицо руками. Вскорости из-за ладоней раздаются странные звуки, плечи сотрясаются, и я с ужасом понимаю, что он плачет. Ни до ни после я никогда не видела отца плачущим... Мне невыразимо горько и стыдно – за себя, что увидела его таким, и за него. Отцы не должны плакать...

Я словно заметила трещину на сводах стеклянного замка.

Он отнимает руки от блестящего влагой лица и становится на колени перед образом Праматери в нише. Пальцы стиснуты до побелевших костяшек, губы беззвучно шевелятся.

Я пячусь и тоже убегаю.

Заглядываю в комнату Людо. Он забрался на кровать с ногами и смотрит в окно. Я опускаюсь рядом на краешек.

– Ты правда пытался убить Артура?

Он поворачивается и смотрит на меня таким же пустым взглядом, как на отца, а потом в глубине что-то ломается. Согнувшись, он утыкается лицом мне в колени, обхватывает руками и срывающимся голосом шепчет:

– Иногда мне жаль, что ты не родилась мужчиной, Лора. Из тебя вышел бы куда лучший брат, чем из него... Теперь ты меня ненавидишь?

Я поражена его словами.

– Ненавижу тебя? Я не могу тебя ненавидеть, Людо! Ты мой лучший друг! Мой единственный друг... Только ты да Артур, больше

никого. Но пообещай, что впредь не будешь этого делать. Обещаешь?..

– Людовик чуть не утонул?

– А? Что?

– Вы сказали, что ваш брат чуть не утонул.

Не знаю, с чего Тесий решил, что Людо так зовут, но разубеждать не стала.

– Я так сказала? Верно, оговорила... Это был сын конюха, а Людо прекрасный пловец.

– Слышал, даже король его отличил. Похоже, ему даётся всё, за что бы ни взялся.

– Это так, – с гордостью подтвердила я. – Мой брат самый лучший!

Про буквы можно не вспоминать.

– Должно быть, таким талантам тесно под курткой оруженосца.

– Не нужно насмехаться, – резко заметила я. – Я не люблю, когда надо мной смеются или над братом. Лучше пойду.

– Простите, не хотел вас обидеть, – остановил Тесий. – Вы много потеряете, если не осмотрите сад. Вы сказали, что не любите воду, но причины для страха нет: дорожки довольно широки, мостки прочные, а я буду рядом.

– Я ничего не боюсь!

Согласилась я в итоге, конечно, не из-за растительных красот, до которых мне дела нет, а потому что нужно исследовать все уголки замка и ещё потому, что ничего не значащие беседы – лучший способ подобраться к значимой информации.

– Правильное решение, – улыбнулся Тесий. – Уверен, вы полюбите наш сад.

Ещё чего не хватало! Но как ни странно, это место и впрямь обладало неким колдовским магнетизмом.

Сад Скальгердов был обустроен на отдельном участке озера и плавно перетекал в лес. Природное и рукотворное так тесно переплелось и так гармонично дополняло друг друга, что подчас невозможно было угадать границу между плодом трудов человека и Праматери. Клумбы, небольшие заводы с торчащими посередине дозорными башенками в миниатюре, беседки, гроты, аллеи – всё было

соединено сетью мостков, переходящих в земляные площадки. Некоторые из этих мостков, широкие и устойчивые, внушали доверие, другие напоминали шаткие тропинки над бездной, снабжённые верёвками или цепями вместо перил. Ветви деревьев и кустарников низко нависали, глядя воду. Видневшиеся всюду скульптуры, судя по цвету и состоянию, были поставлены здесь в разное время. Некоторые белели, как полированная кость, другие практически скрылись под наростами мха и плюща, позеленели, покрылись пятнами и видоизменились, переняв черты природы, с которой так тесно соприкасались. За садом ухаживали ровно настолько, чтобы предупредить окончательное возвращение в лоно природы.

От обилия запахов кружилась голова: они мешались и наплетались, как стебли в венке, рождая новые сочетания. Большинству растений, как и тем розам, ещё рано было цвести, вдобавок климат и близость воды совершенно им не подходили, однако здесь им это отчего-то ничуть не мешало.

– Вода в Хидрос имеет неприятный вкус, зато для растений благотворна, – прокомментировал Тесий.

Оставив дуэнью на скамейке, откуда она могла нас обозревать, мы с Тесиём продолжили путь вдвоём. Слушая его пояснения, я старалась не думать о плещущейся под ногами влаге. Первое впечатление хаотичности оказалось ошибочным. У сада была тщательно продуманная планировка: территория делилась на зоны, засаженные определёнными видами растений.

– Вот здесь, – секретарь обвёл рукой ровные клумбы, – декоративные цветы. Чуть дальше оранжереи для самых прихотливых сортов. А вдалеке – грядки с кухонными травами. Правее участок с плодовыми деревьями.

– А что вот там, отгороженное?

– Аптекарские травы.

– К ним нет доступа?

– Ими заведует наш замковый лекарь, знающий, в каких дозировках они приносят пользу, а в каких вред.

– Вред – то есть болезнь?

– Именно.

– И даже смерть?

– Вам не нужно о таком думать, – рассмеялся Тесий, не замечая, как моя рука непроизвольно сжалась в кулак. – Говорю же: он прекрасно разбирается в травах и не допустит случайностей.

Как насчёт не случайностей?

Я медленно выдохнула, заставила себя разжать пальцы и вытерла вспотевшую ладонь о подол.

– А им не будет вреда? – Я кивнула на зверька, выбежавшего из кустов и принявшегося глотать стебель на запретной территории.

– Животные в этом отношении мудрее людей, – пожал плечами Тесий. – Они самой природой обучены выбирать то, что поможет им излечиться.

Будто в подтверждение, зверёк, закончив со стеблем, сиганул обратно в заросли, унося в зубах остатки.

– Что это за животное? Впервые вижу...

Похож на бобра, но двигается скачками.

– Понятия не имею. Их здесь водится огромное множество, и каждый раз появляется кто-то новый, упомянуть всех невозможно. Часто забредают из леса.

– Сказывается дар королевской семьи? Он их... притягивает? – осторожно спросила я, избегая прямо упоминать Покровителей.

Говорить о них вслух не с членом семьи – все равно что обсуждать местоположение фамильной казны – так же настораживает.

– Должно быть, в какой-то степени, – ответил Тесий и сменил тему. – Расскажите о себе, что у вас за семья?

– Наши с Людо родители умерли, – равнодушно ответила я.

Род Грасье разветвлённый, тут можно не опасаться промаха, главное, не ссылаться на самых известных представителей. А врать всегда лучше поближе к правде...

– О, – смутился секретарь, – мне жаль.

– Ходили слухи, что отца отравили... на пиру, – поймав растерянный взгляд, я безмятежно улыбнулась, – но это, конечно, неправда. Он умер от притока гуморов^[40] после обильной трапезы. Кому может понадобиться убивать художника, правда?

Раздувшиеся в костяшках пальцы скребут по постели, тело выгибается в судорогах, а на почерневших губах пузырится кровь...

– Правда, – эхом отозвался Тесий.

– Мать скончалась в тот же день: не выдержало сердце...

Меч с хрустом вошёл в грудь. Рыцарю пришлось упереться ногой, чтобы выдернуть его...

– ...они жить не могли друг без друга.

– Простите, что затронул эту тему.

– Вы же не знали, – ещё шире улыбнулась я, сама чувствуя неуместность оскала. Улыбки помогают против дрожания губ.

Тесий, конечно, знает нашу историю... её все знают. Акт устрашения и предупреждение остальным: ни древность рода, ни сильный Покровитель, ни столетия верной службы, ни уж тем более закон не спасут от самоуправства и алчности Скальгердов.

Мне даже почудился насмешливо-понимающий огонёк в глазах секретаря. Я чуть не забыла, что речь о Грасье, а потому он не может знать, какие чувства меня сейчас обуревают. Да и самому Тесию в ту пору было не больше, чем мне сейчас, вряд ли он уже тогда служил помощником у Бодуэна. Правда, это ничего не меняет. Теперь ведь он здесь, а значит, на стороне Скальгердов. Помогает совершать новые преступления. А в награду, быть может, получает что-то из утвари, прежде украшавшей наш дом...

– Расскажите лучше о себе. Давно вы при... Его Высочестве? – Даже косвенное упоминание Бодуэна далось непросто.

– Три года, начинал писцом. Наш родовой дар в нахождении путей, и отец желал видеть меня военным стратегом, но я предпочёл стратегию мирную – дипломатию.

Он произнёс это даже с гордостью.

– Вы говорите так, словно в этом есть что-то похвальное, – неприязненно заметила я.

– Вы порицаете моё желание выбрать свой путь?

– Я порицаю ваше неповиновение отцу.

Тесий остановился, мне тоже пришлось, хотя на середине мостика было неудобно. Он не заметил моего замешательства, или я его так хорошо скрывала.

– Как же, по-вашему, мне следовало поступить? – спросил он со всей серьёзностью.

– Покориться его воле и исполнить свой долг.

– Даже если это противно моей натуре и склонностям?

– При чём тут ваши склонности? – удивилась я. – Отец смотрит шире и знает, как лучше для рода. Если каждый будет ставить под

сомнение его власть и авторитет, семья развалится.

– Вы бы понравились моему отцу, – усмехнулся Тесий. – Но сейчас уже поздно: он отрёкся от меня. Правда, это было до того, как я стал личным секретарём регента.

Он вытянул из-под котты пустой шнурок без талисмана-покровителя. Железная петелька и потёртость на витой коже указывали на то, что когда-то он там висел.

– Простите, – спохватилась я, опустила глаза и пробормотала уже привычным фальшиво-покорным тоном: – Не знаю, почему я всё это сказала. Где-то услышала, вот и повторила.

– Не извиняйтесь, мне интересно ваше мнение, пусть даже оно расходится с моим. – Тесий заправил шнурок обратно. – Вижу, семья для вас не пустой звук, это похвально.

– Да, «семья и сила»... – машинально ответила я и похолодела. Бросила быстрый взгляд на секретаря. Заметил? Но он пребывал в задумчивости и, кажется, не услышал ничего странного или знакомого в моих словах. Я тихонько выдохнула. Впредь надо быть осторожнее...

Мы возобновили путь.

– Вы ведь из-за нездоровья пропустили свадебный пир. Хотите, расскажу, как всё прошло?

– Хочу...

Его рассказ отличался от моих воспоминаний так, словно мы посетили два разных праздника. Тесий обращал внимание на совершенно иные вещи и делал из них другие выводы.

Я старалась незаметно наводить разговор на регента – любая мелочь могла оказаться полезной, – но секретарь ограничивался довольно формальными ответами: то ли сам осторожничал, то ли соблюдал строгий запрет, то ли считал, что другие темы мне больше понравятся. Проявлять настойчивость было опасно.

В итоге я слушала вполуха. В голове наконец созрела идея, как помешать людям Венцелей забрать нас с Людо из замка. Была она чрезвычайно проста и подсказана прогулкой.

Отъезд назначили на завтра. Сегодня вечером будет застолье, а на рассвете рыцари, доставившие нас с леди Йосой сюда, и вдова Хюсман отправятся в обратный путь. Согласно договорённости мы с братом обязаны уехать с ними, сославшись на дурные вести из дома.

– Простите, – перебила я Тесия на полуслове, – мне снова нездоровится. Должно быть, ещё не оправилась с прошлого раза. Я хотела бы вернуться в замок.

– Конечно, – с готовностью отозвался он. – Можем срезать по этой дорожке.

Вскоре я уже шагала к конюшне, надеясь перехватить Людо и поделиться с ним планом.

* * *

Уверенная рука поставила росчерк в конце документа.

– Птичка напела, что сегодня тебя видели в саду с некой девой.

– С вашего позволения, догадываюсь, что за птичка, – хмыкнул Тесий, передавая регенту следующий приказ.

– Сейчас речь не о ней. Так что девушка, хороша? Мне уже пора исключать тебя из списка свободных душ?

Добродушные подтрунивания патрона сегодня странно смущали. Может, потому, что внимательные серые глаза редко улыбались, в отличие от губ. А может, потому, что есть вещи, которыми не хочется делиться ни с кем. Избегая смотреть на принца, Тесий отошёл к окну и выглянул наружу. Сверху и на расстоянии сад казался совсем другим, терял магию... Или дело не в расстоянии?

– Вы и сами её видели.

– Я не о внешности.

Не отвертеться. Тесий вздохнул и отвернулся от окна.

– Есть в ней какая-то... странность.

– Болезненная дева со странностями?

– Я хотел сказать «загадка», – поправился Тесий, возвращаясь на место. – И рассуждает она непривычно для девушки.

– Из кожи вон лезет, чтобы произвести впечатление?

– Напротив, кажется, её это совсем не интересует.

– Разыгрывает равнодушие?

– Не думаю, что разыгрывает.

– Смотрит в рот и превозносит твой ум?

– Часто не соглашается, – спрятал улыбку Тесий.

Регент поднялся со своего места, обошёл стол и, присев на край, хлопнул его по плечу.

– Будь начеку, враг коварен и изобретателен.

– Она не такая! Напротив, словно бежит моего общества...

– Все они бегут, заставляя чувствовать себя охотником, пока не очнёшься в часовне перед клириком, произнося «согласен».

– Уж вам-то не на что жаловаться, – позволил себе сдержанную шпильку Тесий.

Его высочество подмигнул.

– Немного везения и осторожности, мой друг. Берегись, когда начнутся послания.

– Уже, – усмехнулся Тесий, разворачивая перед ним сегодняшнюю записку.

Патрон мазнул строку взглядом.

– Спасибо?

– Это неважно, – вспыхнул Тесий, убирая клочок.

– И то правда, не грамматикой же с ними по ночам заниматься. Так что там с налогом на помол муки?

– Вот отчёт по южным провинциям, – протягивая тубус со свитком, Тесий про себя порадовался возвращению разговора в рабочее русло.

Обычно он был не прочь потолковать с регентом на любые темы, но сегодняшняя прогулка оказалась исключением...

Какое-то время спустя в дверь робко постучали, и заглянула Её Высочество.

– Простите, дядя, я думала, вы один...

Она собралась уходить, но регент знаком пригласил её внутрь:

– Мы уже заканчивали. Ты свободен, Тесий.

Поклонившись сперва ему, потом принцессе, Тесий направился к выходу. Леди Бланка мялась, дожидаясь, пока он уйдёт. Когда дверь аккуратно закрылась, за стеной раздался холодный голос патрона:

– Ну, с чем пожаловала?

И невнятный лепет девушки в ответ.

Регент никогда не бывал груб с племянницей, но и приветлив тоже не был. Смотрел, как на пустое место, и не замечал, пока она сама к нему не обращалась. Тогда отвечал, но без малейшего намёка на теплоту. Леди Бланка трепетала перед родственником. Она трепетала

перед всеми. Отсюда мысли Тесия потекли в новом направлении – к той, чей искоса брошенный взгляд обжигал, а подбородок гордо вздёргивался, словно девушка готовилась к битве. Искусанные губы сжимались, удерживая искренний ответ, выхолащивая его приличиями, иссушивая и пропуская через сито воспитания, чтобы на выходе выдать тусклую обезличенную фразу. Но ничего, со временем она привыкнет общаться с ним свободно, поймёт, что он это ценит.

Скорей бы ужин! Однако за ужином Тесия ждало разочарование: она не пришла.

Ещё некоторое время по возвращении с перерыва я сидела вместе со всеми в рабочей комнате. Если ко мне обращались, отвечала вяло и то и дело кашляла. А когда пришли пажи, попросилась к себе.

– Простите, Ваше Величество, мне снова неможется.

– Вы пропустите пир?

– Надеюсь, что нет.

Королева внимательно на меня посмотрела. Я приготовилась к вопросам, но она просто кивнула:

– Идите, позже я пошлю кого-нибудь вас проводить.

– Благодарю, не нужно беспокойства, я отлежусь, и станет лучше.

– Должно быть, леди Лорелея подхватила лихорадку на прогулке, – заметила одна из фрейлин под сдержанные смешки остальных. – Сырость и страсть губительны при таком хрупком складе.

– Должно быть, так, – безразлично ответила я.

А на пир я всё-таки пойду, чтоб не вызывать подозрений королевы. Зато на рассвете, когда люди Венцелей рассядутся по коням, а нам с Людо голубь передаст «роковое известие из дома», вынуждающее немедленно вернуться в родовое гнездо, брат объявит, что я слишком больна, вдобавок потрясена несчастьем, поэтому не в состоянии подняться с постели. И он, конечно, не бросит меня здесь одну...

Насильно увезти еле живую деву у всех на глазах рыцари не смогут, задержаться здесь – тоже: королевское гостеприимство имеет границы. Им придётся ехать без нас. Останутся только те, кому поручили наши с Людо головы. Надеюсь лишь, что это будет не свита в полном составе... А там уже решим, как разобраться с ними и недовольством королевы. Главное сейчас – зацепиться при дворе.

Когда в дверь постучали, я бросилась на кровать и натянула одеяло до подбородка:

– Войдите.

Королева не забыла своего обещания и прислала служанку с горячим вином, сдобренным специями, – от озноба.

Оставив кубок, девушка удалилась. Горьковатый пряный запах щекотал ноздри, в животе заурчало, а рот наполнился слюной. Из-за прогулки с Тесиём и обсуждения плана с Людо я не успела поесть, а до пира ещё час-другой. Завтрак давным-давно переварился даже в воспоминаниях.

Я выгребла со дна сундука остатки чёрствых гренок, разломала и кинула в кубок. Дождавшись, пока сухари немного размокнут, принялась доставать по кусочку, сперва высасывая жидкость, а потом поедая всё равно жестковатый мякиш.

Наверное, не стоило пить вино на голодный желудок, а может, я и правда подхватила лихорадку, потому что щёки внезапно обдало жаром, и комната поплыла перед глазами. Пришлось опереться о стену. До кровати всего три шага – легче лёгкого... Но тело вдруг размягчилось, и члены разладились. Ноги уводили в сторону, руки бестолково хватались за воздух, а отяжелевшие ресницы тянули книзу. Когда они стали неподъёмными, пол кувыркнулся навстречу, погрузив всё в темноту...

...Тесий заставил меня танцевать с огненными веерами перед Бодуэном, пригрозив в противном случае утопить Артура. Но я не умею! Ему плевать, это мой долг... Я закрывалась ладонью от жара, не зная, как подступиться к раскалённым докрасна железкам. Наконец кое-как ухватила их и закричала от боли. Запахло горелым мясом, как тогда, когда Артур катался по плитам, прижимая ладони к обожжённому лицу. Значит, теперь я тоже изуродована до конца жизни... Перед глазами всё мельтешило, вспыхивало, вертелось и рассыпалось искрами, а веера рвались из рук лязгающими птицами, приподнимая меня над землёй. Почему я раньше не знала, что умею летать? Наверное, просто не проверяла...

Голова кружилась всё сильнее, хотя я лежала на полу, а потом я вспомнила, что не лежу, а иду, и очутилась перед аркой. Гишпанский мох шипел и извивался связкой змей, норовя ужалить, в саду свирепствовала гроза. Мостки раскачивались, цепи скрипели, а вспышки молний отбликовывали на мокрой траве и лепестках. Я поняла, что Артур где-то там, на одной из этих дорожек, и нужно спешить. Снова сверкнула молния, высветив далеко впереди худого светловолосого юношу.

– Ааартуур! – крикнула я, но рот залепило ветром и дождём.

Он не услышал и скрылся на соседней аллее. Тогда я, сцепив зубы, ступила на шаткий мостик... Доски плясали под ногами, щели ширились, меня встряхивало под злорадные завывания ветра, кожа на ладонях горела и кровоточила от попыток удержать цепь. Отовсюду из темноты за мной наблюдали сотни мерцающих глаз: звери жадно ловили каждое движение, дожидаясь неверного шага, чтобы наброситься и растерзать. Их становилось все больше и больше, а я упрямо шла вперёд, полуослепшая от дождя и страха.

Вода в озере превратилась в вино, забурлила и поднялась, наполовину затопив мостик. Опустив глаза, я обнаружила проплывающих у самой поверхности людей. Там были те, кого я знала и потеряла, включая родителей и кормилицу...

– Пусть все они захлебнутся в крови, – прошипела она со злобно перекошенным лицом и распалась на две части...

А потом я увидела Артура: он лежал лицом вниз в гроте с водой. Сердце наполнилось ледяным крошевом. Опоздала! Я вытащила его на каменный уступ и принялась трясти, растирать неожиданно горячие руки, хлопать по щекам, уговаривая:

– Очнись! Да очнись же!

Но говорила я не своим голосом, а голосом Людо. И тогда я поняла, что меня на самом деле нет: умерла семь лет назад вместе со всеми. И точно, среди проплывающих тел вдруг заметила себя – волосы раскинулись водорослями, губы обмётаны, а в сложенных на груди руках – погасшая свеча.

– Очнись!

Как больно щеке... почему мне больно, если я бесплотный дух?

Ай! И второй тоже... Я пыталась увернуться, но ветка хлестала меня по лицу, а сад ходил ходуном, переворачиваясь с ног на голову.

– Она вас не слышит. Вот, дайте ей.

– Что это?

– Крапивное семя, приведёт в чувство. – И после паузы, раздражённо: – Вы мне или верите, или нет! Зачем бы я стала раскрываться перед вами, если б желала её смерти?

Мне знаком этот голос, но я никак не могу вспомнить, чей он. Внезапно Артур дёрнулся у меня в руках, очнулся, сел и начал запихивать мне в рот водоросли. Фу, нет! Я мычала и пыталась его

оттолкнуть, но он держал крепко и надавил на челюсти, вынуждая разжать зубы. Я кашляла, задыхалась и глотала эту мерзость.

Сквозь сад на мгновение прорезалась комната и снова потухла. Вот опять... стены с вытянутыми тенями и пятно масляной лампы. Её тусклый свет до слёз резал глаза. А потом замаячило знакомое лицо – перекошенное от ужаса. Людо... Он быстро прижал меня к себе и облегчённо выдохнул. Я попыталась поднять руку, но она не двигалась, то же самое было со всем телом.

– Людо, значит, я есть?

Но язык вытолкнул клейкую кашу звуков.

Почему я на полу? И кто эта девушка? Она присела рядом, и в нос ударил сладкий цветочный аромат.

– Очнулась? Отлично, теперь поскорее перенесите её на постель.

Людо сделал, как она велела. Девушка же метнулась к двери, приложила ухо и активно замахала рукой.

– Слышу шаги. Это он!

Брат обернулся по сторонам и сдёрнул свечу с подсвечника, обнажив длинный штырь. Острый металлический кончик сверкнул, поймав отблеск лампы.

– Этим?

Йоса... я вспомнила, как её зовут... Сознание возвращалось быстрее, чем способность двигаться.

– Нет, должно выглядеть естественно.

Брат сделал было движение к кувшину для умывания с тяжёлым доньшком, но тут шаги остановились совсем близко, и он спрятался возле двери. Королева бесшумно отступила в угол, проглоченная густой тенью.

Я одна осталась лежать на кровати, растерянная и пытающаяся собрать в голове мозаику происходящего. Дверь скрипнула, образовалась небольшая щель, словно кто-то ощупывал взглядом комнату, а потом створка раскрылась шире, впустив Камдена, – того самого рыцаря-весельчака, тискавшего повариху. Сейчас на его лице не было и тени улыбки. Я приподнялась на локтях, по-прежнему не в силах понять, что происходит, и он замер, словно не ожидал застать меня бодрствующей. Но тут же оправился, не глядя захлопнул дверь ногой, подхватил с пола упавшую подушку и двинулся на меня, бормоча, будто уговаривал пугливую лань:

– Тихо-тихо...

Мой взгляд беспомощно метнулся к Людо за его спиной. Камден успел уловить движение глаз, но не повернуться. Брат бросился на него сзади: одной рукой взял шею в захват, а второй крепко надавил на голову. Камден хрипел и сучил ногами, пытался дотянуться до него, перекинуть через себя. Особую ожесточённость схватке придавало полное молчание противников. Лишь рваное дыхание и звук борющихся тел. Людо дёрнул рукой раз, другой, а на третий раздался хруст, и мужчина обмяк: глаза полуоткрыты, волосы облепили взмокший лоб, зубы оскалены.

Брат быстро положил его на пол и повернулся к королеве:

– Ещё кто-то будет?

– Нет, второй всё ещё ждёт завтрашнего дня. Они с Камденом получили приказ заколоть или задушить вас двоих на обратном пути.

Брат вмиг оказался рядом с ней, толкнул к стене и навалился, прижав шею локтем:

– Что ты дала сестре?! Это какой-то медленный яд?

– Отпустите, – королева била его в грудь, пыталась брыкаться. – Я же вам помогла!

– Твоя шея хрустнет звонче, чем его, – прошипел Людо, надавливая сильнее.

Девушка перестала дёргаться, в глазах мелькнул неподдельный ужас.

– Это всего лишь снотворное... вместе с вином... действует, как дурман. Клянусь! – сипло выдавила она и продолжила полупридушенной скороговоркой: – Взяла у вдовы Хюсман... Говорю же... должны были на обратном пути... а ваша сестра что-то задумала... я днём поняла... пришлось импровизировать... У меня нет яда... да и его следы трудно скрыть... а смерть во сне... никого не удивила бы... все знали, что ей дважды было плохо...

Глаз брата я видеть не могла, но его тело прошила судорога, будто он сдерживался из последних сил. На миг я испугалась, что сейчас снова услышу хруст – тогда всё пропало!

– Отпусти её, Людо, – выдохнула я, спуская ноги на пол и сдерживая тошноту. Руки дрожали от слабости, во рту горело. – Я в порядке, а если с ней что-то случится, всё кончено.

Имелась в виду наша с Людо цель, но королева поняла по-своему.

– Послушайте сестру... участь Камдена... мятный пряник в сравнении с казнью... за убийство монарха. Вы будете молить... палачей о смерти.

– Тогда зачем дурман, если хотела помочь?! – прорычал Людо, с размаху врезал кулаком по стене рядом с лицом зажмурившейся королевы и попятился, словно боялся не справиться с искушением. Прошёлся туда-сюда, успокаиваясь.

– Потому что она до последнего думала, выполнять ли распоряжение матери, – произнесла я, глядя ей в глаза. – И передумала уже после того, как отдала Камдену приказ покончить с делом сегодня. Поэтому же у неё не было яда – нас ведь собирались заколоть или задушить, а не отравить.

Королева, белая как полотно, не отвела глаза, как не пыталась отрицать или оправдываться. Она растирала шею, глухо надсадно кашляя, но лицо уже принимало прежнее надменное выражение.

– Я не в ответе за мать, – хрипло произнесла она, отдышавшись. – Но именно благодаря мне вы оба живы, советую запомнить это.

– А что с тем вторым рыцарем? Значит, он не в курсе изменений в плане?

– Нет, говорю же: он по-прежнему ждёт завтрашнего дня. Я отменю его приказ, скажу, что ситуация изменилась.

– И убьёте его чьими-то третьими руками?

– Нет. Это сделает моя мать. Так что можете не терзаться совестью из-за содеянного, – повернулась она к Людо. – Камдена по возвращении ждала бы такая же участь.

– Даже не думал, – дёрнул плечом брат.

– Почему вы нам помогли? – спросила я, хотя уже и так догадывалась.

– Хочу, чтоб вы с братом остались при дворе.

– С чего вдруг? – прищурился Людо.

– Потому что мне, в отличие от матери, хватает ума не разбрасываться такими ресурсами. Я с самого начала была против её решения и считала, что таланты вашей сестры мне ещё пригодятся, как, возможно, и ваши... – она окинула фигуру Людо быстрым взглядом и коснулась следов на шее. – Хотя в последнем уже сомневаюсь. Как бы то ни было, теперь вы у меня в долгу, но я не собираюсь вас притеснять. Напротив: предлагаю своё

покровительство, защиту от матери и уже пригретые вами места при дворе.

– А чего ждёте взамен?

– Верности, беспрекословного послушания и готовности время от времени выполнять... небольшие поручения.

– Какие?

– Ничего, с чем бы вы не справились.

Было понятно, что большего она сейчас не скажет. И что у нас с Людо нет выбора. Без её заступничества мы уязвимы перед Катариной, которая наверняка захочет довершить начатое. Да и остаться при дворе было сейчас нашей главной задачей.

– Ну так что, мы договорились?

Мы с братом обменялись долгим взглядом, и я медленно кивнула.

Вертикальная складка меж монарших бровей разгладилась, в голосе зазвучали привычные высокомерные интонации:

– Разумное решение. Отлично, с этим выяснили. Что до послушания, леди Лорелея, разве я не велела вам запираяться? И вы всегда пьёте непонятно что непонятно от кого?

– Вино передали от вас...

– Если скажут, что крысиный яд от меня, вы тоже выпьете?! Ладно, оставим тему, – отмахнулась она, не дав возможности возразить, и брезгливо пнула неподвижное тело, – лучше решим, как поступим с ним.

Людо опустил на корточки, рассматривая убитого, и кивнул на дверь:

– Проверьте, есть кто-нибудь снаружи?

Королева выглянула и шёпотом бросила через плечо:

– Никого, все чисто. Что вы задумали?

– Пир – дело такое, – пропыхтел Людо, подхватывая Камдена под мышки и волоча к выходу, – ничего не стоит перебрать с выпивкой и сломать шею на лестнице...

* * *

К тому моменту, когда Людо вернулся в комнату, уже один, я почти оправилась. То ли крапивное семя подействовало, то ли

последующая встряска, то ли дозировка была не самой убойной. Вероятно, всё вместе.

Людо не спешил подходить. Привалился спиной к двери, скрывая лицо в тени.

– Я бы и тебя придушил, не будь ты и так похожа на мертвеца.

– За что?

– За что?!

Он шагнул вперёд, и я поняла, что ошибочно приняла срывающийся голос за злость. Губы подёргивались, в зрачках полыхали оранжевые отблески лампы, он весь дрожал.

– За то, что чуть не оставила меня одного!! Ты хоть представляешь, что я пережил, увидев тебя на полу... – Он задохнулся. Опустившись на кровать, уткнулся лицом мне в живот и глухо продолжил: – Лежала, губы синие, и я подумал, что... а ты не отзывалась, и... – пальцы смяли одеяло. – Тебе правда лучше? – Он поднял голову.

– Правда. Только звон в ушах, и во рту ощущение, будто съеладохлую кошку. Такой кары за мою глупость достаточно?

Он сгрёб меня так, что стало нечем дышать.

– Не отпущу! Слышишь? В Чертоги за тобой спущусь, но приволоку назад!

– Специи в вине приглушили запах снотворного, – пыталась оправдаться я и тут заметила ранки. Отстранившись, взяла его кисть и поднесла к свету. На костяшках влажно блеснула кровь в окружении содранной до мяса кожи. – Твоя рука!

– Ерунда...

Людо согнул и разогнул пальцы, разглядывая ранки от удара о стену.

– Ничего не ерунда. Погоди, я промою.

Он фыркнул, но упираться не стал. Поудобнее устроился на кровати и вытянул ноги. Я встала, и комната резко раздалась в стороны и снова сузилась, выбив воздух из лёгких. Медленный вдох и выдох, чтобы отогнать дурноту. Вот так, не торопиться и двигаться плавнее, чтобы Людо ничего не заметил. Собрав всё нужное, я вернулась к нему.

– Дай руку.

Он протянул и, пока я осторожно обмывала ранки кусочком губки, пристально смотрел на меня.

– Ты чего?

– Ничего...

Мази не было, поэтому я просто оторвала лоскут от ветоши и принялась накладывать повязку.

– Не верю королеве, – заявила я, аккуратно пропуская бинт у него между пальцами. – И мне не нравится, что она считает нас обязанными.

– Мне тоже. – Людо следил за разматывающейся дорожкой. – Но теперь Катарина сюда не дотянется, а заступничество королевы нам на руку.

– А что делать, когда она потребует вернуть долг?

– Тогда и будем думать. Лучше скажи, как прогулка с лордённышем? Узнала что-то полезное?

Я сделала вид, что не заметила прозвища Тесия, и рассказала про аптекарские травы и то, что удалось выведать про его обязанности.

– Я спросил «полезное»!

– Информация – это полезно, – огрызнулась я.

– Ты только зря тратишь на него время.

– Ничего не зря! У него есть доступ практически всюду, поэтому завтра я собираюсь попросить его об одной услуге.

– Какой?

Когда я вкратце изложила мысль, Людо покривился:

– Слишком долго. Или мы ждём, пока Скальгерды перемерут от старости?

– Если знаешь быстрый путь, просвети.

Быстрого он не знал. Сегодня Годфрик не явился на учебный бой, чему я втайне порадовалась.

– А Тесий ещё пригодится. Уверена, если действовать не спеша, я вытяну из него массу полезного. Прощаясь, он сказал, что приятно провёл время.

– Осторожнее! – раздражённо вскричал Людо, отдёргивая кисть. Я не ожидала и не успела отпустить пальцы. На бинтах проступили пятна.

– Я старалась осторожно!

– Плохо старалась, – заявил он, пытаюсь содрать повязку.

Я перехватила руку, размотала и отбросила лоскут.

– Ты можешь сидеть спокойно? Теперь надо начинать заново!

– А ты можешь помнить, что не дрова колешь?

От ответной волны раздражения я зло со всей силы стиснула его кисть, пока из открывшихся ранок вновь не засочилась кровь. Людо не шелохнулся и не отнял руки, молча глядя на меня. Злость испарилась так же внезапно, как нахлынула.

– Больно? – тихо спросила я, подбирая мизинцем липкую дорожку, протянувшуюся у него между средним и указательным пальцами.

– Больно.

– Подуть?

– Подуй.

Пришлось опять промывать и перебинтовывать руку. Когда закончила, глаза слипались от усталости, но я изо всех сил противилась дреме и держала их широко открытыми. Сны давно не приносили отдохновения, скорее ещё больше выматывали и опустошали. А вдруг вернусь в недавний кошмар?.. Или того хуже, снова буду смотреть в замёрзшие серые озёра и слушать отравленные сладким ядом речи, чтобы поутру вспомнить, что Гостя не существует. Есть только Бодуэн. И выворачивающая наизнанку ненависть, мешающая спокойно жить.

Решив потянуть время, я пересказала Людо свой горячечный бред, всё, вплоть до запаха горелой плоти. Он слушал, глядя перед собой. Когда я дошла до места, где вижу себя плывущей по озеру мертвецов, жестом остановил.

– Это из-за той дури, что она тебе дала.

– Знаю.

Брат надолго замолчал.

– Час в день.

– Что час в день?

– Можешь видеться со слюнтяем по часу в день, – процедил он.

Я приподнялась на локте, не веря, уставившись на него. Он разрешил видеться с Артуром? Людо по-прежнему смотрел в одну точку. Когда стало ясно, что он не собирается брать слова назад, захотелось повиснуть у него на шее, а потом вскочить и, восторженно смеясь, закружиться по комнате. Но я слишком хорошо знала брата:

это бы всё испортило, а то и заставило бы его передумать. Поэтому, придав лицу безразличное выражение, я обронила:

– Правда? Ну, хорошо.

И, перевернувшись на другой бок, зажмурилась от радости. Больше мы не произнесли ни слова, и вскоре я сдалась на милость сна, не в силах согнать с губ счастливую улыбку. Ради встреч с Артуром я бы пересмотрела и тысячу таких кошмаров!

* * *

Отголоски сонно-наркотической дряни гуляли по телу до самого утра, накатывая редкими волнами жара и заставляя прижиматься щекой к прохладной простыне. Наверное, поэтому и приснился тот далёкий летний день...

Мне лет семь, а Людо, стало быть, восемь. Мы забрались по деревянной лестнице на второй этаж амбара, откуда открывается вид на двор и пастбища вдалеке. Я отбираю солому, которую собираюсь потом перепрясть в золото, как в сказке кормилицы, а Людо прячется от мэтра Фурье. Он лежит, закинув руки за голову, и лениво жуёт травинку, пока я, напевая, сравниваю и отбраковываю трубочки, ища пожелтее. Воздух дрожит от тягучего зноя, пахнет полевыми травами, сонно жужжат мухи. Крутя очередную соломинку и решая, достойна ли она стать драгоценной, я снова и снова возвращаюсь мыслями к эпизоду, приключившемуся днём.

Женищины, как обычно, сидели на своей половине, занимаясь рукоделием, и я вместе с ними. Жара подействовала размягчающе: многие сняли головные уборы, подвернули рукава и подоткнули подола. Хольга, жена сенешаля, скрутила волосы в узел и одной рукой придерживала его на затылке, а второй обмахивала шею. Только мама, казалось, не замечала жары, сидя, как обычно, с очень прямой спиной и полностью сосредоточившись на мелькавшей в пальцах игле, хотя в глухом платье из чёрного бархата с серебристыми нашивками и с тщательно убранными под косынку волосами ей должно было быть жарче остальных. Я же, не выдержав, отбросила все приличия

и подтянула подол почти до колен, воображая, что опускаю ступни в искрящиеся божественно прохладные воды ручья.

– Анна-Лорелея. – Холодная молния взгляда.

И я со вздохом оправляю платье.

Тут на лестнице послышались шаги, и в проёме показался отец. Он собрался войти, однако в последний момент передумал и остановился, полускрытый тенью от двери, незаметно наблюдая за матерью. Я хотела её окликнуть, сказать, что он пришёл, но что-то удержало.

Отец смотрел на неё, склонившуюся над шитьём, так, словно никого больше в мире не существовало. В глубине чёрных глаз зажглось что-то незнакомое, а в лице застыло непонятное выражение. Я удивлённо повернулась к ней, пытаюсь понять, что же его так зачаровало. Всё как обычно – красивое строгое лицо, скупые точно выверенные движения... а потом я будто заново её увидела: падавший из-за спины свет ещё сильнее вытягивал тонкий чёрный силуэт, обрамляя его золотистым ореолом и расплёскиваясь солнечными островками по комнате. Белоснежная кожа даже не вспотела, ресницы отбрасывают на скулы мягкие полукружия теней, а выбившаяся из-под тугой косынки смоляная прядь волнует в десятки раз сильнее, нежели неприкрытые волосы Хольги.

Мать будто почувствовала взгляд отца, пальцы замерли, ресницы дрогнули, и она медленно подняла глаза. Я думала, она сейчас что-то сделает: отложит шитьё, подойдёт, спросит, что ему угодно. Но вместо этого на бледных щеках проступил румянец, а в глубине глаз вспыхнуло то же странное голодное выражение, что и у него. Я вдруг поняла со всей детской чуткостью, не могуцей пока разобраться в слишком сложных взрослых мотивах, но многое подмечающей, что подсмотрела что-то очень личное, то, что детям видеть не положено. А потом одна из женщин заметила отца и громко поздоровалась, разрушив волшебство момента. Мать поспешно опустила глаза, убрала шитьё и, встав, поклонилась вместе с остальными, привычно закрытая и равнодушная.

И вот теперь в амбаре я решила поделиться с Людо тем, что не давало покоя весь день.

– Знаешь, кажется, папа любит маму... а она его, – сказала я как можно небрежнее.

Брат от возмущения аж выплюнул травинку и перекатился на бок. В волосах смешно топорзились соломинки.

– С ума сошла! Наш отец – настоящий мужчина. Он бы не стал отвлекаться на подобную чушь. Любить женщину – это слабость, а наш отец сильный.

– Почему это слабость? – обиделась я. – Вот ты же меня любишь!

– Конечно, люблю, – сказал Людо, перекатываясь обратно на спину. – Но ты же сестра, а не женщина.

Я подумала над его словами, сосредоточенно морщась и дёргая кончик соломинки.

– А когда я стану женщиной, как мама?

Людо тоже подумал и уверенно ответил:

– Тогда тебе можно будет любить меня, а мне тебя нет, потому что когда ты станешь женщиной, я буду мужчиной.

Стало жутко обидно от такой несправедливости, но раз Людо сказал, то так оно и есть – он ведь на целый год старше, а значит, неизмеримо опытнее и мудрее. Внезапно в голову пришла идея, разом решавшая все проблемы, и я повеселела:

– Тогда не буду становиться женщиной, лучше останусь сестрой! – объявила я.

– Правильное решение, – снисходительно одобрил Людо, прикусывая новую травинку.

Визг одной из служанок, огласивший замок незадолго до рассвета, сообщил о том, что Камдена обнаружили. Печальная находка собрала вокруг него товарищей и любопытствующих из числа слуг и гостей. Однако подозрений ни у кого не возникло: узкая тёмная лестница и тяжёлый винный дух, исходивший от рыцаря, словно чернила на пергаменте, рассказали, как было дело. Половина участников вчерашнего пира до сих пор не протрезвели. Позже выяснилось ещё про два несчастных случая, правда, без смертей.

Отъезд отложили. Лишь после обеда, когда все полагающиеся молитвы были прочитаны, немногочисленные пожитки почившего собраны, а его тело погружено на телегу в наскоро сколоченном ящике, чтобы отбыть для упокоения на родину, королева лично вынесла капитану отряда кошель для осиротевшей семьи, а заодно записку для своей матери. Не знаю, что было внутри, но, забегая вперёд, скажу, что леди Катарина нас с Людо больше не беспокоила.

Комнату я покинула только под вечер, когда суета улеглась. Ужин мало отличался от всех предыдущих, разве что мужчины отдали дань памяти Камдену, осушив вдвое больше кубков, затеяв драку и разбив несколько блюд, пока их не разняли. Трёх пришлось отправить к лекарю со сломанными рёбрами и вывихами.

Я перехватила взгляд Тесия, для чего понадобилось всего-то немного выждать, пока он на меня посмотрит, и кивнула. Сразу по окончании трапезы он возник рядом в общем потоке покидающих залу и справился о здоровье. Мы отделились от остальных и двинулись другим путём. После нескольких общих фраз я перешла к делу, сообщив, что столкнулась с затруднением и не знаю, к кому ещё обратиться. Тесий выразил готовность помочь по мере сил, если я поясню проблему.

– Я ищу книги.

– Какие именно книги вам нужны и для чего?

– Для моих рисунков... самые разные: с животными, растениями, а ещё лучше что-нибудь связанное с родовой символикой... гербами, например, или яркими эпизодами из истории.

Мы дошли до скульптуры Праматери в нише. У подножия пылала пенная накипь огарков, крошечными жрецами лобызавших неподвижные стопы. Дрожащие оранжево-розовые отблески превращали мрамор в тёплую человеческую кожу. Казалось, грудь шевелится, тихонько поднимаясь и опускаясь под каменной кисеей^[41]. Тесий остановился, снял с клыка волчьей гончей насаженную каким-то шутником охотничью колбаску и зажёл новую свечу от тех, что уже горели.

– Я подумаю, что можно сделать, – сказал он, капнув воск на мраморный ноготь и закрепляя её в ряд с остальными. Вторую протянул мне. – Встретимся здесь завтра в обеденный перерыв, сможете?

– Смогу.

Я наклонилась, чтобы зажечь свечу, но, как ни старалась, ничего не выходило.

– Давайте помогу, – пальцы Тесия легли поверх моих, а ладонь прикрыла фитиль от сквозняка. Я инстинктивно отёрнула руку, едва не выронив свечу, и отступила.

– Больше так не делайте. Я не люблю, когда до меня дотрагиваются.

Он кивнул на свечу у меня в руках.

– Зато получилось. Поставите?

Я опустила глаза на зацветший пламенем фитиль.

– Лучше вы, – пробормотала я, возвращая ему свечу и стараясь при этом не коснуться руки. – Мне уже пора.

Развернувшись, быстро зашагала прочь.

– Так вы придёте завтра?

На углу я обернулась. Тесий стоял на прежнем месте, огонёк подсвечивал плавный изгиб губ и растекался искристыми узорами по расшитому вороту. Глаза и кудри ярко блестели.

– Да, – сказала я и свернула на лестницу.

* * *

Едва девушка скрылась за поворотом, позади раздался шелест платья, и ноздри вздрогнули от приторного аромата орхидей.

– Лорд Авен, это вы?

– Добрый вечер, леди Жанна, – вздохнул он, поворачиваясь.

Упакованная в алую тафту и с забранными под жемчужную сетку волосами, фрейлина была чудо как хороша.

– Вы узнали мой голос? – хихикнула она.

– Я узнал бы его из тысячи.

Вспыхнув от удовольствия, она опустила глаза и прикусила губу.

– Поможете зажечь? Никогда не получается с первого раза...

– Вот, держите готовую. – Тесий вручил ей свечу и, пока девушка собиралась для ответа, откланялся.

* * *

Вернувшись в комнату, я зажгла лампу и какое-то время сидела неподвижно, глядя в стену, где Артур этим утром оставил нежный ирис – первую пробу кисти. Потом поднесла к свету руки и покрутила. Собственные пальцы, огрубевшие, с обветренной кожей и обкусанными ногтями, показались мне отвратительными.

Я покинула комнату и отыскивала служанку.

– Что миледи угодно?

– Подогретого миндального молока... у вас найдётся?

– Конечно, миледи.

– И немного мёда добавьте.

– Слушаюсь, миледи.

* * *

На следующий день Тесий уже ждал меня в условленном месте, вышагивая взад-вперёд. На звук шагов вскинул голову и замер.

– Боялся, что вы не придёте.

– Перерыв только начался...

– Это не мешало мне бояться, – улыбнулся он.

Я опустила глаза на его пустые руки, окинула плотно прилегающий костюм, исключаящий возможность того, что за пазухой прячется пара-тройка томов.

– Вы ничего не принесли? Не получилось?

– Нет.

Горло стиснуло от разочарования.

– Почему же тогда не предупредили за завтраком?

– Потому что придумал, как всё устроить. Идите за мной.

– Куда?

– Скоро узнаете.

Мы прошли во внутренний двор с колодцем.

– Вы ведёте меня в часовню?

– Не совсем. – Тесий открыл дверь, приглашая меня в помещение с бочарным^[42] сводом, пахнущее кожей, немного красками и ещё какими-то кисловатыми отдушками.

Свет рассеянно лился из расположенных выше человеческого роста окон на правой стене и делил залу на две неравные части – светлую и полутёмную. В первой за слегка наклонённым рабочим столом сидел незнакомый клирик. Одной рукой он прижимал к раскрытой книге узкую металлическую линейку, а второй держал гусиное перо. Кончик упирался в наполовину заполненный лист. Рядом примостились запасные перья, пемзовый брусок для лощения пергамента, мел, а в углублении – чернильный рожок.

Наличие других рабочих столов – ещё одного в том же ряду и трёх в следующем, – указывало на то, что тут одновременно могли трудиться до пяти человек.

Также имелось нечто вроде трибуны, а сразу за ней – перегородка с дверцей, прятавшая ещё одно помещение, трудно сказать, какой величины.

– Это местный скрипторий, – пояснил Тесий, притворяя створку и здороваясь с клириком. – К нам часто приезжают, чтобы снять копии с редких рукописей. Заодно привозят по обмену свои, которых нет у нас. В будущем году Его Высочество собирается подыскать миниатюриста и рубрикатора на постоянную службу. Когда-то давно в часовне случился пожар, перекинувшийся сюда: уснувший на заутрене служка выронил свечу.

Тут дверца в стене ожила, и глазам предстал капеллан, который, оказывается, отвечал не только за часовню. Он взглянул на нас с трибуны, как во время проповеди с высоты амвона, кивнул Тесию, потом мне и снова скрылся за перегородкой. Вернулся почти сразу –

видимо, рукописи лежали наготове. И их оказалось не три-четыре, как я думала, а около дюжины. Тесий помог отнести их за свободный стол.

– Вот всё, что смог найти по означенным вами темам. Я старался выбирать те, где побольше миниатюр.

– Я могу взять их с собой?

– Увы, нет. Иначе я бы сразу вам их принёс. Но вы можете сколько угодно просматривать их здесь.

Он открыл наугад верхнюю рукопись в тонком телячьем переплёте, и я обомлела. Круг читанных мною доселе книг ограничивался учебниками мэтра Фурье с замусоленными страницами, молитвенником со строгими колючими строчками и рыцарскими романами королевы, заказанными окольными путями в тайне от матери, а потому лишёнными изображений.

Здесь же картинки словно бы нарочно собрались в одном месте во всей своей затейливости и безудержном буйстве красок, чтобы поразить моё воображение и поскорее восполнить годы, проведённые без возможности их созерцать.

Под данным конкретным переплётом прятался труд про животных с подробнейшими иллюстрациями и описаниями к каждой: где водятся, чем полезны и чего стоит остерегаться, как приманить, каковы повадки. Но изящные каллиграфические буквы меркли безликими муравьями в сравнении с миниатюрами. Я снова и снова гладила страницы, почти ощущая под пальцами нагретую солнцем чешую, взъерошенные перья, жёсткое руно и лоснящийся волос. Бивней, клыков и шипастых хребтов касаться избегала.

Как замороженная листала страницу за страницей, пока не вспомнила, где нахожусь. Тесий с улыбкой наблюдал за мной.

– В подборке есть и про растения, и обычаи чужеземных краёв, да вообще много всего. Сами увидите.

Он раскрыл вторую книгу, явно более древнюю, с тремя подшитыми рукописями, две из которых оказались на незнакомом языке.

– Их тут не одна? – удивилась я.

– Раньше часто подшивали несколько книг в одну.

– На схожие темы?

– На какие угодно, – ответил он и принялся вполголоса пояснять: переводил отрывки с листа, устанавливал параллели с другими

трудами на схожую тему, описывал способ нанесения краски, припоминал, где и кем была выдвинута или опровергнута та или иная теория.

Он говорил и говорил. При других обстоятельствах было бы даже любопытно послушать.

– А вы много знаете... – заметила я.

Тесий осёкся и выпрямился. Скулы порозовели.

– Если вы так считаете, мне приятно... А сейчас вынужден вас покинуть.

– Вы не останетесь?

– Не могу, но вернусь, как только закончу дела.

С одной стороны, его уход был как нельзя кстати, поскольку теперь не придётся задерживаться на ненужных предметах и скрывать интерес к искомым, с другой – многие рукописи были на инакописи, и переводчик мне бы пригодился.

Памятуя про объединение нескольких трудов под одним переплётom, каждую книгу я открывала в начале, середине и в конце. Лишь две или три были целиком посвящены единственному предмету, остальные включали по несколько трактатов.

Времени на изучение ушло бы немерено. Но я не читала, а пролистывала, ориентируясь по картинкам. Взгляд то и дело задерживался на миниатюрах. Артуру бы понравилось. Даже мне, ничего не смыслящей в рисунках, нравилось.

Внезапно один из разворотов явил стройные ряды щитов, и пальцы закололо. Я жадно пододвинула к себе книгу. Перед глазами проносились фамильные древа, знаки отличия родов и гербы. Вместе с очередной страницей перевернулось и моё сердце. Рассечённое надвое поле: чернь – символ выносливости и стойкости в испытаниях, и серебро – правдивость. Никаких лишних делений или мишуры вроде геральдических фигур. Чем проще герб, тем он древнее, и тем более обширная история за ним стоит. Я опустила глаза на девиз и обвела пальцем полный достоинства шрифт, буква за буквой.

«Семья и сила...»

Я читала и перечитывала три коротких слова, выбитых на стене кабинета под щитом, подряд и по отдельности, меняла их местами, мысленно проговаривала задом наперёд, переставляла буквы

и выкидывала каждую вторую, гипнотизируя заполненные золотой краской канавки, – все лишь бы не смотреть ниже, на восседающего в кресле отца.

Но всё равно кожей чувствовала тяжёлый взгляд, от которого слипались внутренности, а в груди что-то звонко дребезжало. Дробь его пальцев по столу отдавалась режущими толчками в висках.

«Эс», «йэ», «эм», «йа»

«Алис»

«Мья-се-и-ла-ис»

Буквы уже двоились, втрапляясь золотыми всполохами в глаза.

– Сколько тебе лет?

– Семь с половиной, милорд...

– Громче.

– Семь с половиной, милорд!

– Так-то лучше, а то пищишь, как мышь.

Я впервые на мужской половине дома и впервые лично говорю с отцом. Всё из-за случая с няней... чтоб её! Таращиться и дальше на стену нет никакой возможности, и я медленно, скользя взглядом по потолочным балкам, кованым светильникам и потраченным молью и временем шпалерам, опускаю взгляд, чтобы провалиться в две чёрные проруби.

Струна в груди лопнула, под ложечкой засосало.

Выпорет. Как пить дать, выпорет – вон как смотрит! Или поставит на целый день у позорного столба, и я умру от голода и унижения. И тогда все они, конечно, пожалеют, что так жестоко со мной обращались, но будет поздно. Кормилица, рыдая, наденет на меня пояс, который вышивает уже почти месяц, мама поцелует в бледный лоб и скажет, что я вполне ещё могла исправиться, а отец добавит, что у него никогда больше не будет такой смышлёной дочери, успевшей выучить двадцать пять гербов и могущей прочитать алфавит задом наперёд. Правда, про мои успехи он пока не знает... Придумать, что станет делать или скажет Людо, я не успела, потому что отец произнёс:

– Семь с половиной, хм, неплохо. Даже раньше, чем у прабабки.

И подтолкнул через стол коробочку.

– Открой.

Вырезанная из оникса, она ласкала взор сама по себе. Я не шелохнулась.

– Ну! – поторопил он.

Пальцы робко коснулись крышки. На ощупь коробочка оказалась прохладной и приятно тяжёлой. Поддёв с третьей попытки крошечный крючок, я развела створки и заморгала.

На атласной подкладке свернулся крошечный покровитель, серебряный, на серебряной же цепочке и с эмалевыми бусинами глаз. Веки защипало, в носу постыдно захлюпало.

– Это мне? – спросила я севшим голосом.

– Кому же ещё. Теперь по праву можешь его носить.

Я стиснула талисман вспотевшими пальцами, неловко поклонилась и ещё более неловко забормотала:

– Спасибо, милорд, спасибо... я так рада! Спасибо...

Воздела глаза к девизу и заодно поблагодарила и его, мысленно, конечно.

– Прочти вслух. Ты битый час полируешь его взглядом, скоро буквы съедут со стены.

Я смущённо прочистила горло и исполнила приказ, втайне гордясь, что могу это сделать. Не всякий взрослый тут блеснёт грамотностью. Отец склонил голову набок.

– Как думаешь, почему первой стоит именно «семья»?

Ужасно не хотелось ляпнуть что-то глупое и испортить впечатление.

– Потому что семья... даже важнее, чем сила?

По выражению глаз с облегчением поняла, что не упала в грязь лицом.

– Потому что она на первом месте, – кивнул отец. – Теперь беги.

Я вприпрыжку понеслась к двери. Уже потянув на себя ручку, помедлила и обернулась.

– Что ещё? – спросил он совсем другим тоном.

– Вы не станете меня наказывать? Ну... из-за няни... – шёпотом докончила я.

– Наказывать? Сегодня пир в твою честь, Лорелея.

Наверное, я расшибла голову о косяк ещё при входе и вознеслась на небеса...

Я заставила себя оторваться от страницы и только тогда заметила, что герб, видевшийся в моем сознании чётко, почти обжигавший глаза, едва различим на истончившемся листе, как и девиз. Пояснение ниже и вовсе отсутствовало: рыхлый нечистый пергамент указывал на то, что текст соскоблили.

Та же участь постигла ещё несколько родов. Это были Альбертинеры, Вальбеки, Маровинги и Ингеймы. Их богатства тоже отошли короне.

Я пролистала рукопись трижды, но герб Скальгердов не нашла, а значит, нет ни малейшей зацепки, могущей подсказать мне дальнейшие шаги. Но где-то же он должен быть! Быстро просмотрев оставшиеся книги и убедившись в их бесполезности, я вернулась к геральдической и нарушила данный себе зарок, вновь открыв полустёртую страницу своей жизни.

– Думал, вы будете делать выписки и наброски.

Я вздрогнула и подняла глаза на вернувшегося Тесия.

– Какие наброски?

– Ну, узоров, символов, изображений.

– Это ни к чему. Я быстро запоминаю.

– Нашли, что искали?

– Почти... вот эта книга особенно интересна.

Я протянула ему фолиант, и Тесий перевернул страницу-другую.

– Геральдика?

– Да, но тут мало информации, изображения недостаточно подробные, и не все рода представлены... даже королевского нет.

– Нет? Ах да, её изъяли.

– Её?

– Книгу с жизнеописанием королевского рода, там и про символику подробно. Она теперь в другом месте.

– А это другое место далеко?

– И нет, и да... – пробормотал Тесий и, помедлив, кивнул на рукопись. – Вам точно этого не хватит?

Я покачала головой, и он взъерошил себе волосы.

– Хорошо. Вы тут уже закончили?

– Вполне.

– Тогда идёмте.

– Вы отведёте меня туда?

Он помедлил.

– Отведу.

Вернул книги капеллану, и мы покинули скрипторий.

* * *

Людо сидел перед кузней, счищая ржавчину со шлема скотины, полюбившейся на чернёный доспех, когда со стороны конюшни показалась кавалькада всадников в охотничьих костюмах и в окружении своры грейхаундов, заливающихся возбуждённым лаем. Впереди на гнедом дестриэ^[43] ехал король. Людо невольно залюбовался красотой коня: выраженные надбровные дуги, широкая грудь, сильные задние ноги и густая жёсткая грива, медово-рыжая шкура масляно блестит на солнце. Вот только брать его на охоту – полнейшая дурь: барьеры берёт плохо, сердце слабое из-за массы, устаёт быстро. Зато в военных походах незаменим.

Годфрик резко осадил скакуна в двух шагах от него.

– Эй, оруженосец!

Людо вскинул голову.

– Едешь с нами.

Не вопрос – приказ. Людо широко ухмыльнулся, поднялся и пинком отправил шлем в грудку сваленных неподалёку доспехов.

– Слушаюсь, Ваше Величество.

– Киллиан, ты остаёшься, – не оборачиваясь, кинул король. – Дай ему коня. И рогатину тоже.

Лопоухий блондин судорожно стиснул поводья:

– Но, Ваше Величество, я ведь...

– Живей, я сказал.

Киллиан нехотя спешился и швырнул Людо поводья, тихо сплюнув сквозь зубы:

– Приблудный выкормыш.

Людо в долгу не остался, незаметно двинув его под дых, и на лету подхватил выпавшее из пальцев копьё.

– Слёзки утри. – Подмигнул ему, вскакивая в седло, и прищпорил пятками коня. Животное взвилось на дыбы и рвануло вслед за

ускакавшим вожакom, а за ними припустила и вся кавалькада, оставив согнувшегося пополам юношу глотать пыль.

– Почти пришли, – объявил Тесий.

Перед ведущими в башню ступенями я помешкала.

– В чём дело?

– Впервые вижу лестницу, закрученную противосолонь^[44].

– Это на случай осады, для удобства защитников, – пояснил секретарь. – Большинство мужчин в роду Скальгердов – левши. Женщины гораздо реже, но леди Бланка вот тоже.

– И Его Высочество? Но я видела, как он пользуется правой рукой.

– Переучился. – Как и всегда, когда речь заходила о патроне, Тесий стал немногословным.

– А Его Величество?

– Нет, правша. Всё, мы на месте.

Наверху нас ждало помещение с высоким окном, разбитым надвое витым каменным столбиком. Как-то сразу стало ясно, кто хозяин.

– Кабинет Его Высочества, – подтвердил догадку Тесий.

Незримое присутствие Бодуэна пропитывало каждую деталь аскетичной обстановки: небрежно брошенный на спинку стула плащ – лисий мех под цвет его волос, – исколотая булавками карта на стене, стоячая конторка, жаровня, стол на козлах с забытым на нём ножом для очинки перьев, шкаф с документами, и запах восковницы и дыма, проникающий под кожу знакомым покалыванием.

«В игру примете?»

«Вы уже сейчас красивее большинства знакомых мне леди...»

«Похоже, я не слишком-то вам нравлюсь».

Я трянула головой, сбрасывая наваждение.

– А что за той дверью?

– Личные покои.

Тесий кинул нож под столешницу конторки и приблизился к шкапу. Нижнюю часть, открытую, заполняли рукописи и свитки. Верхняя была отгорожена дверцами, но за деревянным кружевом

створок проглядывали плотные ряды томов. В скважине торчал ключ с шёлковой кисточкой на конце – похоже, кабинет покидали в спешке.

Едва слышный шорох заставил меня вскинуть голову. На углу шкапа, как горгулья на соборе, сидел сокол. Без прикрывающего глаза клобучка. Я медленно попятилась.

– Она со мной, Кирк, – предупредил Тесий. – Не бойтесь, миледи, главное, ничего не трогайте.

Птица не шелохнулась, но не сводила с нас жёлтого перламутра глаз.

Тесий наклонился к полкам доступной секции и принялся водить пальцем по содержимому:

– Где-то здесь... Ещё была одна книжица в чёрном переплёте. Там, насколько помню, довольно подробное отображение всех гербов с любопытными пояснениями.

Торопливость движений выдавала желание поскорее покончить с делом и уйти отсюда. Он вытаскивал рукописи, мельком проглядывал и ставил на место. Две из них пестрели такими же яркими миниатюрами, как и оставшиеся в скриптории.

– Вот, кстати, эта тоже могла бы вас заинтересовать.

Я едва взглянула на предложенную рукопись и вернула ему.

Открыв следующую, он побагровел и спешно поставил книгу на полку. Но я успела разглядеть деву в окружении рыцарей. Было что-то крайне непристойное в томном изгибе её тела и выражении лица с полуприкрытыми глазами и влажными губами, а ещё в том, что она стояла совершенно обнажённая, тогда как рыцари – в полной экипировке. Один целовал ей пальцы ног, второй гладил белое бедро, остальные тоже не обходили вниманием.

– Что это за книга?

– Гм, рукопись о смертных грехах, вернее, об одном. Принесена в дар Его Высочеству.

Наконец, Тесий отступил и тоскливо ткнул в закрытую половину.

– Значит, там. Боюсь, я ничего не могу поделать.

– Совсем ничего?

– Эта секция не для посторонних... – он виновато пожал плечами, – простите. Если Его Высочество посчитал, что книгу лучше скрыть, я не вправе нарушать его волю. Кажется, она была в зелёном переплёте...

– В замке есть ключ, – сказала я как можно мягче и опустив глаза. – Я ведь всего лишь взгляну... при вас.

Однако Тесий проявил неуместную твёрдость.

– Нет, мне жаль.

– Какое разочарование. – Я отвернулась и сделала шаг к выходу.

– Постойте, или я мог бы...

– Могли бы?..

– Поискать Его Высочество и спросить дозволения, – неуверенно закончил секретарь, всем видом выражая, что готов попробовать, но надеяться не на что.

– Я была бы счастлива!

– Хорошо, только... – Он окинул взглядом кабинет и замаялся.

– Если желаете, я могу подождать на лестнице, – смиренно произнесла я, догадавшись о причине колебаний.

– Нет, конечно, я не имел в виду... не хотел сказать, то есть, конечно, вы можете остаться здесь. Я быстро. Только ничего не трогайте, хорошо?

– Хорошо.

Он коротко кивнул и скрылся за дверью. Как только шаги стихли, я бросилась к шкапу и схватилась за ключ. Два оборота влево, и створки раскрылись с тихим щелчком, явив взору примерно ту же картину, что и в открытой секции.

Зелёный переплёт, зелёный переплёт...

Таких книг оказалось две. Первую я сразу отбраковала – сплошной текст на инакописи, ни одного знакомого символа или иллюстрации, а вот вторая оказалась тем, что нужно.

Герб Скальгердов, выписанный с необыкновенным тщанием и даже подобострастием. А поверх вьётся дугообразная надпись, не девиз, он внизу, а что-то другое, из непонятных символов... Я нахмурилась, сосредоточенно вглядываясь.

И тут над головой раздался шум. Не успевая поднять глаза, я инстинктивно отскочила, поэтому камнем рухнувший со шкапа сокол промахнулся, лишь мощное крыло ударило по лицу. Пока я приходила в себя, он описал круг и, издав истошный крик, снова атаковал. Выбил книгу, которую я выставила как щит, и опрокинул меня на пол. Том отлетел к шкапу, а сама я больно ударилась плечом. Попыталась

встать, но, запутавшись в подоле, повалилась обратно и лишь бестолково закрылась руками, когда он сделал новый заход.

Острая боль под ключицей, где чиркнули когти, рывок за волосы, и жемчужины водопадом посыпались из причёски. Всюду кружили перья, стены двоились, а дыхание громко отдавалось в ушах. Сокол вновь ринулся на меня, разинув клюв и выставив скрюченные когти с запутавшейся чёрной прядью, на конце которой на обрывке нити повисла бусина.

Я неуклюже попятилась на локтях, птица спикировала и вдруг... плашмя ударилась о воздух перед самым моим носом, словно наткнулась на невидимую стену. Зависла, вытянувшись всем телом и мелко трепеща. Перистые паруса расправлены, голова неестественно запрокинута, лапки, как струны...

В дверях стоял Бодуэн. Вместо глаз горели бельма, а вздувшиеся на шее жилы выдавали напряжение. Он издал низкий горловой звук, и по воздуху прошла рябь, будто разжалась невидимая рука. Сокол вяло шевельнул крыльями и приземлился на подоконник, встряхивая головой. Бодуэн моргнул и открыл уже обычные глаза.

– Поднимайтесь, – бросил он мне, проходя мимо, чтобы осмотреть птицу.

Я неловко встала, придерживая ушибленную руку.

– Кто вас сюда пустил? – резко спросил он, поворачиваясь.

– Лорд Авен, Ваше Высочество.

Страницы разбросанных по полу книг зашелестели от сквозняка, притянув его раздражённый взгляд.

– И разрешил вам копать в вещах?

– Нет, Ваше Высочество.

– Что вы искали?

– Простите, Ваше Высочество.

– Что. Вы. Искали.

– Миниатюры.

К счастью, трактатов было несколько: спасаясь от сокола, я задела полку.

– Миниатюры?

– Да, лорд Авен сказал, что у вас есть рукопись с подробными иллюстрациями гербов главных родов, в чёрном переплёте. Он как раз пошёл искать вас, чтобы спросить дозволения показать их мне.

– Но вы решили не ждать.

– Простите.

– Из-за вас я чуть не угробил Кирка.

– Простите, Ваше Высочество...

– Прекратите извиняться.

– Тогда я не знаю, что ещё сказать. С птицей всё будет в порядке?

Сокол до сих вращал чуть ошалелыми глазами, но в остальном выглядел неплохо.

– Да.

– Рада это слышать.

Я стояла, сложив руки на подоле и не отрывая глаз от усеянного перьями, бусинами и пергаментными листами пола.

– У вас кровь, – произнёс Бодуэн после паузы, уже мягче.

Я подтянула подранную когтями горловину.

– Нестрашно, Ваше Высочество.

– «Нестрашно»? – Кожаные сапоги приблизились, хрустя жемчужинами, и остановились вплотную. Стало нечем дышать, словно воздух загустел и нагрелся. В висках затикали крошечные молоточки, ладони вспотели, волосы потрескивающей паутиной потянулись к затканному золотом упелянду. – Я сказал, что у вас кровь, но вы не бьётесь в рыданиях? И испуганной не выглядите после всего случившегося...

– Я испугана, Ваше Высочество.

– Значит, умело скрываете, – хмыкнул он и поднял моё лицо за подбородок, повернув боком. – Ещё вот здесь царапина. Вам нужно к лекарю, пусть обработает.

На мгновение наши взгляды скрестились, и меня словно ледяным стилетом полоснуло по внутренностям. Задрожав, я вывернулась и отступила, желая одного: поскорее стереть это прикосновение.

Враг снова играл нечестно – прикрывался личиной Гостя, сбивая с толку и путая чувства.

Друг из снов, мой советчик и утешитель, и этот чужак, лжец и убийца, имели одно и то же лицо, тело и голос. Они одинаково двигались, смотрели, пахли и улыбались. Только Гость никогда не причинит мне вреда, потому что он не что иное, как застрявшее в моих снах воспоминание о человеке, которого никогда не существовало, которым Бодуэн прикинулся, чтобы завоевать доверие ребёнка.

Следовало вести себя иначе. Виновато улыбнуться, изобразить робость, поблагодарить за спасение... Но я просто не могла. Боялась не сдержаться и плюнуть ему в лицо, поэтому снова уставилась на сапоги.

Бодуэн нагнулся и поднял книгу в чёрном переплёте.

– Вы её искали?

На развороте запестрели гербы.

– Да... кажется.

– Что-то конкретное?

– Хотела поближе рассмотреть герб Оксли и заимствовать некоторые элементы для рисунка.

– Почему именно его?

– Он один из самых красивых: пурпурное поле с шествующим единорогом. С вашего дозволения, я пойду. Мне... нехорошо.

И это была правда.

Не дожидаясь ответа, я развернулась и зашагала к выходу.

– Стойте, – громыхнуло позади. – Что вы только что сказали?

В тот же миг я и сама поняла и до боли прикусила язык.

– Что мне нехорошо, и...

– Нет, раньше. Как вы описали герб? Повторите.

– Не помню, кажется, я сказала: «Единорог на пурпурном фоне».

– Нет, вы произнесли: «Пурпурное поле с шествующим единорогом». Вы умеете блазонировать^[45] гербы? Прочтите-ка мне вот этот, – он постучал пальцем по следующей странице.

Я тоскливо покосилась на открытую дверь, но сокол предупреждающе выкинул в стороны крылья и издал пронзительный звук. Бодуэн предпочёл не заметить этой неприкрытой угрозы.

Я нехотя вернулась и скользнула взглядом по пергаменту.

– Жёлтое поле с совой^[46]. Боюсь, я в этом ничего не смыслю, Ваше Высочество.

Регент громко захлопнул книгу.

– И правда, абсолютно ничего.

Тут снаружи послышались шаги, и в дверях возник Тесий. Увидев Бодуэна, застыл. Посмотрел на меня – задержался взглядом на царاپине, подранной пройме и побледнел.

– Жить будет, – громко объявил Бодуэн. – Миледи, не смею вас больше задерживать, а ты живо сюда.

Я не стала дожидаться, пока он передумает, и поспешила к выходу.

– Что с вами? Вы в порядке?.. – взволнованно спросил Тесий.

– Да, всё хорошо, – пробормотала я, протискиваясь мимо, и бросилась вниз по ступеням.

* * *

Тесий повернулся к регенту.

– Ваше Высочество, я...

– Разочаровал меня и заслуживаешь хорошего пинка из замка?

Полностью согласен.

– Виноват, – опустил голову Тесий.

– Перед девками выделывайся в другом месте. Это ясно?

– Да, Ваше Высочество. Такое больше не повторится.

– Не сомневаюсь.

– Могу я знать, что здесь произошло?

Регент присел на край стола.

– Кирк защищал мои владения. Не могу поверить, что ты привёл сюда постороннего и оставил.

– Она ведь не посторонняя, – горячо заметил Тесий.

– Поговори мне ещё.

– Я хочу сказать, она служит королеве и пользуется её доверием и расположением. Уверен, всё вышло случайно, и леди Лорелея сейчас напугана и подавлена.

– Да она спокойнее тебя.

Тесий снова опустил голову.

– Ты видел её правую руку? – внезапно спросил регент.

– Да... наверное, – растерялся Тесий. Перед глазами мелькнули маленькие пальчики, то и дело уползающие в рукава и избегающие его прикосновений. – Что вы хотите сказать?

– Ровным счётом ничего, – задумчиво произнёс патрон, оперевшись ладонью о стол, и, поморщившись, вытащил из-под неё впившуюся бусину.

– Вы... не накажете её?

– Лучше о себе беспокойся. – Принц покрутил жемчужину. – И начинай собирать вещи. Ты отправляешься на переговоры. Две недели вдали от предмета страсти – считай это наказанием.

Он поднял столешницу конторки, покопался среди бумаг и кинул свиток, который Тесий поймал на лету и, стянув ленточку, развернул.

Быстро просмотрев содержимое, снова поднял глаза на регента:

– А Её Высочество знает, что выходит замуж?

– Узнает, когда придёт время.

– Я могу попроситься с леди Лорелеей и убедиться, что с ней всё в порядке?

– На это нет времени. Отправляешься немедленно, как только приберёшься здесь, – регент поднялся и направился к выходу. На пороге остановился. – А о своей маленькой фрейлине не волнуйся. Я за ней присмотрю.

* * *

Бланка специально села поближе к окну, поэтому, лишь только заслышав звук рожков и шум снаружи, вскинула голову. Так и есть, возвращаются! Сердце затрепетало в груди, пальцы задрожали. Она поспешно поднялась, сжимая рукоделие.

– Что это вы переполошились, Ваше Высочество? – удивилась Дита, поднимая глаза от штопки.

– Хочу показать вышивку королеве, – произнесла Бланка, отводя глаза и стараясь придать голосу холодной твёрдости. Но вышло все равно скорее просяще, как она ни старалась копировать дядины интонации.

Дита собралась подняться.

– Нет, ты останься на случай, если кто-то будет спрашивать.

С некоторых пор Бланка начала появляться в рабочей комнате вместе с остальными женщинами. Устраивалась где-нибудь в уголке с вышивкой на час-другой, а сама исподтишка наблюдала за супругой брата. Поначалу было любопытно взглянуть на невестку поближе, а вскоре стало ясно, что у неё есть чему поучиться. Королева, всегда тщательно одетая и причёсанная, с сияющей кожей и мягкими вкрадчивыми движениями, была ослепительна. Каждый жест точно

выверен и проникнут волнующей грацией, хоть до вечера любуйся. Бланка запоминала и, оставаясь одна, тренировалась перед зеркалом, повторяя позы, наклон головы, полуулыбку. У девушки в отражении выходило и вполонину не так хорошо, как у королевы. *Пока*, мысленно добавляла Бланка, показывая серебряному двойнику язык.

Однако была и другая причина посещений общей комнаты – леди Лорелея. Новая фрейлина также сидела особнячком и в разговоры не вступала. Только отвечала, когда к ней обращались, что случалось нечасто. Бланка даже прониклась к ней сочувствием – наверное, та тоже мучительно застенчива и трудно сходится с людьми, – а ещё живейшим интересом, жадно ища в чертах девушки лицо её брата. Внешнего сходства как такового не было, если не считать цвета глаз и волос, однако в обоих чувствовалась связующая общность, проявлявшаяся то ли в выражении лиц, то ли в чём-то таком, что улавливаешь, но не можешь объяснить. Эта странная аура выделяла брата и сестру среди других, отталкивала и вместе с тем притягивала.

Тяжёлый рот, резкие скулы, грудной голос, порывистые движения и слишком тёмный и неприлично-выразительный для девушки взгляд мешали назвать леди Лорелею красавицей, зато завораживали, и ты уже сам не замечал, как начинал разглядывать её, подмечая всё новые и новые детали. С её братом иначе – сразу перехватывает дыхание. Бланка таких не встречала...

Оставив Диту в башне, принцесса прислушалась к голосам внизу и направилась на мужскую половину, намеренно сдерживая шаг, чтобы брат и остальные успели дойти до королевских комнат. Годфрик занимал два просторных помещения, не считая общей с королевой опочивальни. Внезапно топот ног раздался совсем близко, и показалась группа разгорячённых недавней охотой и бурно обменивающихся впечатлениями юношей. Бланка проворно юркнула в нишу и, осторожно выглянув, нашла взглядом высокую черноволосую фигуру. Он шёл бок о бок с Годфриком. Брат о чём-то ему рассказывал, положив руку на плечо, и обычно холодный ленивый голос был оживлён.

Выждав, пока они скроются на лестнице, Бланка тоже поднялась на этаж выше, кивнула стражнику, сделав вид, что идёт к дяде, а сама, когда тот отвернулся, скользнула к покоям брата. За дверью слышались взрывы хохота, скрип мебели, шаги.

– Не, ты видел, как он на меня попёр? А бивни, ооот такие! Красиво я его уложил!

– Ты уложил?! А чей зад мы из кустов вынимали?

– Пошёл ты! Ты в этот момент вообще по белочкам стрелял. – Судя по возне и возгласам, между оруженосцами завязалась полусутопливая потасовка.

Годфрик любил охоту и никогда не применял на ней дар. Говорил, что тогда она потеряет смысл и остроту, но Бланка подозревала, что у него попросту не хватает сил. Вот у дяди хватает, хотя он-то как раз охоту не любит. Однажды он заставил сорвавшегося с цепи и до икоты напугавшего её медведя весь вечер отвешивать поклоны и кокетливо подавать когтистую лапу. Это было на её шестой день рождения, Бланке преподнесли зверя в подарок.

Дверь осталась чуть приоткрытой, и принцесса приблизилась к щели, надеясь хоть одним глазком полюбоваться на юношу вблизи.

– Да где ж эта девка с вином? – раздался нетерпеливый голос Годфрика. – Сходи-ка узнай.

И не успела Бланка опомниться, как дверь резко распахнулась.

Оруженосец тоже застыл. Но если и удивился, то не моргал и не краснел, как она, и опомнился первым.

– Ваше Высочество?

– Я... я пришла к брату.

– Тогда проходите!

Комната за его плечом была полна народа.

Годфрик развалился на стуле с высокой спинкой, закинув одну ногу на подлокотник, и процарапывал что-то охотничьим ножом на подлокотнике.

Остальные расположились кто где, многие сняли куртки. Двое уже кидали кости, ещё несколько, пихая друг друга в грудь, спорили об охотничьих достижениях, кто-то щипал подвявший виноград, старательно избегая мух, трепыхавшихся в липких лужицах сока.

– Нет, я лишь хотела преподнести ему это, – Бланка протянула вышивку. – Буду благодарна, если передадите...

Оруженосец взял лоскут, изучил с таким вниманием, что у неё вспыхнули щёки – стоило захватить что-то понаряднее! – и провёл большим пальцем по лепесткам простенькой розы.

– Красиво...

Бланка затрепетала, словно провёл он по её руке.

– Оставьте себе, если хотите. Я сделаю для Его Величества другую.

– Хочу.

От бархатистого голоса и долгого тягучего взгляда во рту пересохло. Она и желала бы отвести глаза от двух чёрных лун, но не могла. А юноша о чём-то крепко задумался, продолжая в упор рассматривать её. В глубине зрачков вдруг зажглось что-то тяжёлое, пугающее, но тут же исчезло, оставив лишь сладкую патоку взгляда.

– Брат и дядя вас, верно, очень любят? – вкрадчиво спросил он.

– Вряд ли очень. Меня никто не любит, кроме Диты, – неожиданно для себя брякнула Бланка.

Вот дурища! Сейчас он скажет: а за что тебя любить-то?

Вместо этого юноша медленно приподнял один уголок рта.

– Разве такое возможно?

В груди стало горячо, словно кто-то обхватил ладонями сердце. Их пальцы на вышивке соприкасались, а голова слегка кружилась.

В этот момент позади зашоркали шаги, и показалась служанка с кувшином. Бланка поспешно отпрянула, он же остался на месте, только чуть подвинулся, придерживая дверь и пропуская девушку.

– Ты чего там приклеился? – недовольно позвал Годфрик. – Вино ждать не будет.

Бланка попятилась, чтобы брат её не заметил.

– Иду, Ваше Величество, – громко отозвался оруженосец, не отводя от неё глаз, чуть пожал плечами, будто извиняясь, что вынужден оставить. – До встречи, принцесса. – Поклонился и аккуратно притворил дверь.

Я ещё долго не могла успокоиться после встречи с Бодуэном. Так подставиться!

Остервенело до раздражения на коже тёрла подбородок жёсткой губкой, смывая воспоминание о его прикосновении. Платье вполне поддавалось починке, всего лишь пара дыр от когтей, но я сорвала его с себя, скомкала и засунула на самое дно сундука.

И Тесий тоже хорош! Не мог предупредить про свирепость пернатого охранника?! Хотя о чём это я... он же предупреждал ничего не трогать. Как он, интересно? Наверное, досталось от Бодуэна. Мой отец за такое, не задумываясь, вышвырнул бы слугу. Только сперва приказал бы высесть до мяса или подержал денёк в колодках. Но Тесий ведь не слуга. Да и какая мне к Ваалу разница, что с ним будет? Мне плевать! Нет, разница есть, потому что вместе с ним я лишусь важной ниточки, а у Бодуэна далеко не армия доверенных приближённых. Тесия терять нельзя.

Однако ж вылазка не была совсем неудачной. Кое-что да узнала.

Немного придя в себя, я прикрыла глаза, восстанавливая в памяти увиденное, и тщательно нацарапала в уголке одного из рисунков Артура символы, протянувшиеся дугой над гербом Скальгердов в книге, – всё, что успело впитать сознание. Но половина закорючек всё же ускользнула.

Закончив, оторвала клочок и уставилась на него. Вертела и так и сяк, пыталась представить написанное безо всех этих завитков. На кудрявости и каллиграфические украшения художник не поспешил. Похоже, это фраза на незнакомом языке. Видела ли я её прежде? Хотя не припомню ничего подобного. На официальном гербе Скальгердов она отсутствует, но это ни о чём не говорит: гербы на щитах, знамёнах и одеянии рыцарей обычно довольно схематичны, поэтому неудивительно, что её там нет. Однако возможна и другая причина: надпись важна и не предназначена для посторонних глаз.

Я устало кинула бумажку на комод, злясь на себя. Ниже в книге был текст, который я даже мельком не успела проглядеть, таращась на

символы. Наверняка там есть пояснение, а то и ключ к тому, что мы с Людо ищем.

Да, Лора, там от начала до конца расписан весь обряд, специально для тебя, – усмехнулся внутренний голос.

Я вздрогнула, осознав, что он облёкся в интонации Гостя, медленно подняла глаза на зеркало и встретила со своим отражением. На лбу выступили бисерины пота, зрачки медленно расширились капнувшем в воду маслом, царапина выделялась кровоточащим волосом на фоне синюшной кожи. Я сейчас похожа на невесту Скорбного Жнеца.

А голос Гостя-Бодуэна все не унимался.

Почему бы тебе не уgomониться, Лора? Мертвецов не вернёшь...

«Угомонюсь, когда ты пополнишь их ряды. Ты заслужил!»

Как тот трактирщик?

Я дёрнулась и после паузы спокойно ответила:

«Да, он тоже».

Ты будешь убирать всех неугодных?

«Не всех, только тех, кто причинил или собирается причинить нам с Людо зло. зуб за зуб, это справедливо. Нельзя лить воду на огонь и жаловаться, что ошпарился».

А с чего ты взяла, что сама заслуживаешь жить? Неужели не видишь, что таким, как вы с братом, здесь не место, вы лишние, вы везде лишние. У тебя нет подруг, у него друзей, родных вы тоже потеряли. Никто не станет вас оплакивать, выроdkов не оплакивают, вы одни на целом свете. Так почему ты так цепляешься за жизнь и стремишься отнять её у других? А вдруг я не виноват в твоём несчастье, об этом ты думала? Ты хоть раз у меня спросила? Вдруг всё это нелепая случайность, совпадение. Я не хотел зла, Лора...

«Ты разрушил мою жизнь и не хотел при этом зла?!»

Это не я. Я бы ни за что не причинил тебе вред, всему есть разумное объяснение. Разве ты забыла наш разговор в трофейной? Тогда маленькая Лора мне верила. И сейчас в тебе говорит вовсе не ненависть, сегодня в башне ты это доказала. Ты плохая актриса, Хамелеонша. В глубине души ты хочешь мне верить, ты уже веришь, иначе я бы тебе не снился.

«Замолчи! – закричала я, вскочив, упёрла кулаки в комод и почти коснулась губами зеркала. Поверхность затуманилась от моего дыхания. – Ты всё равно не отговоришь меня тебя убить».

Кому ты это говоришь, Лора? – захохотал голос.

«Тебе! – зарычала я на своё отражение и стукнула его. – Я хочу сделать тебе больно. Хочу, чтобы ты умер! Умер! Умер! – С каждым словом кулак опускался на зеркало. – Только тогда я буду свободна!»

Кровь грохотала в ушах отголосками крика.

«Умер, умер, умер...»

Отдышавшись, я поняла, что одна в комнате, и прислонилась пылающим лбом к холодной поверхности зеркала, чувствуя, как озноб ползёт от ног к спине колючими мурашками.

Видеть Бодуэна во сне и наяву, а теперь ещё и спорить с ним у себя в голове, это уж слишком, так и с ума сойти недолго. А может, я уже сошла? Лора безумная, безумная Лора. Издав смешок, я обессиленно сползла на пол.

Нет уж, сейчас мне нужна трезвая голова. А ещё та книга. Безумцы не умеют строить планы, а я умею. Вот отомщу, а там уже можно с чистой совестью сходить с ума.

* * *

Вечером я показала символы Людо.

– Может, это просто завитушки для украшения?

– Нет, они совсем не были похожи на украшение.

– Тогда девиз? Только на инакописи.

– И снова нет: девиз там тоже был, его я без труда прочла. А это что-то другое.

Брат задумчиво нахмурился.

– Тогда сдаюсь... или постой... – он покрутил надпись, как я днём, – может, это шифр?

– А что это такое?

– Помнишь наш тайный язык, где свой жест для каждой буквы?

– Конечно.

– Вот то же самое, только на письме, – щёлкнул он ногтем по клочку.

– Откуда ты про такое знаешь? – поразились я и тут же поняла единственно возможный ответ. – От отца, да?

Людо кивнул, и я почувствовала укол ревности. Меня, как девочку, не допускали ни до чего даже отдалённо интересного или хотя бы удалённого от рукоделия и самое большее стило. Зато Людо отец в последние полгода раз в неделю вызывал к себе, чтоб посвящать в увлекательные тайны взрослой жизни и управления хозяйством. По крайней мере мне они тогда казались увлекательными. И когда брат нудно пересказывал по моему требованию примерное содержимое встреч, я негодовала, полагая, что меж ними существует взаимная договорённость, и Людо утаивает самый смак, скармливая мне для отвода глаз скучную ерунду.

– А мне ты не рассказывал, что он тебя учил, – не удержалась я от высказывания обиды.

– Он и не учил. Однажды, пока ждал, я заметил на столе странные письма...

– С такими же значками, похожими на буквы?

– Нет, буквы как раз были наши, но слова – полнейшая чушь. Похоже, там были послания и ему, и от него, потому что только в одном я узнал руку мэтра Фурье. Тут вернулся отец, увидел меня возле стола и...

– Разозлился? – содрогнулась я, испугавшись за брата даже через толщу лет.

– Сперва да, а когда я возразил, что там все равно белиберда, вдруг сказал, что не белиберда, а шифр, чтоб посторонние не прочитали, и что когда-нибудь и даже очень скоро, я узнаю, что в них, но не сейчас.

– Не сейчас, – повторила я, размышляя, что секреты нельзя хранить слишком долго, иначе можешь не успеть ими поделиться... Мэтр Фурье, исполнявший при неграмотном отце обязанности писца, тоже уже ничего не расскажет. Вслух же произнесла другое: – Но здесь-то не наш алфавит!

– Не наш, – согласился Людо, – но там ерунда, тут ерунда, так что... – он пожал плечами, – Ваалу его знает, Лора! Может, я вообще ошибаюсь...

– А может, и нет. Ты в курсе, как пользоваться этим самым шифром?

Людо покачал головой.

– И если это всё-таки узор, ты только зря потратишь время.

– Это не узор, – с нажимом повторила я. – И раз регент прячет книгу от посторонних глаз, значит есть в ней что-то опасное для него и полезное для нас. Я прямо нутром чую, что мы держим в руках подсказку, стоим перед запертой дверью без ключа, и это – я потрясла ключком, – наша единственная зацепка.

– Ползацепки – ты ведь даже не помнишь надпись целиком.

– Вот именно. Нужна вторая половина.

– Та, что осталась в башне?

– Да. Придётся туда вернуться.

Повисла тишина.

– Или... – Людо забрал ключок и поднёс к пламени.

Я выхватила его в последний момент.

– Нет! Если тут действительно шифр, то я его разгадаю!

Брат прищурился:

– Ты так в него вцепилась, потому что лордёнш помог?

– Что? При чем здесь лорд Авен? Просто с чего-то же нам надо наконец начать! – И докончила уже не так уверенно: – Ну так что... ты мне поможешь?

Людо помолчал.

– Надо выбрать удобный момент, когда в башне точно никого не будет хотя бы с полчаса.

– И придумать, как обезвредить сокола так, чтоб регент потом ничего не заметил, – подхватила я, обрадованная, что брат не зарубил идею на корню.

Дальнейшее совещание свелось к переливанию из пустого в порожнее. Людо надоело первому, и вскоре компанию мне составляла только его спина.

– Ложись, Лора, скрип твоих мозгов мешает уснуть.

– Сейчас, ещё чуть-чуть...

Поднесённый к свече пергамент расцветал узорами желтоватых прожилок, гипнотизируя, но символы упорно отказывались сдавать свои секреты. Пристальное рассматривание ни на дюйм не приблизило меня к разгадке, и даже пламя в светильнике задумчиво пожимало оранжевыми языками, но внутри крепло то, чего мне так недоставало – чувство, что мы наконец-то на правильном пути.

В следующий миг из-под меня выдернули одеяло, свеча погасла, а сама я оказалась придавлена рукой и ногой к кровати и волей-неволей вынуждена заснуть.

* * *

– Лора... – мягко позвали из-за плеча, а к моему локтю протянулась рука, которая в последний миг отдернулась. Видимо, Тесий вспомнил моё предостережение. – Как хорошо, что я успел перехватить вас до отъезда! – закончил он.

Секретаря я не видела со вчерашнего инцидента в башне. Сегодня он был далеко не так свеж: под глазами пролегли тени, а пара пуговиц ошиблись петлями. Вторую руку он держал за спиной. Наконец до меня дошёл и смысл фразы.

– До отъезда... То есть вас выгнали? Из-за меня?

– Нет, – рассмеялся он. – Разве что временно: Его Высочество отправляет меня с дипломатической миссией. Поэтому я и пропустил накануне ужин, а сегодня вот завтрак – готовился к поездке и не мог сказать вам, как сожалею из-за вчерашнего. Это я виноват, не следовало оставлять вас одну в башне. Но будьте ко мне снисходительны, Кирк обычно не бросается без причины.

Я слегка нахмурилась: без причины? Значит, Бодуэн не рассказал ему про самовольное исследование шкапа. Но почему?

Потом медленно пожала плечами.

– Давайте забудем. Простите, но не могу долго с вами говорить. Её Величество послала меня за новым челноком взамен сломанного и наказала поторопиться, – я раскрыла ладонь, демонстрируя его.

– Конечно! Праматерь, какой я рассеянный! – спохватился Тесий, вытаскивая руку из-за спины. – А это вам.

Так вот откуда сладкий пряный аромат... На крепких недавно срезанных стеблях покачивались белоснежные чаши лилий, ещё не просохшие от росы.

Я осторожно обхватила прохладные хрусткие трубочки.

– Что мне с ними делать?

– Что пожелаете, – смутился Тесий.

– Я имела в виду, что должна передать их королеве или кому-то ещё из фрейлин?

– Кому-то ещё, Лора, – тихо произнёс он, глядя мне в глаза, – они для вас.

Я посмотрела на цветы, на него и... растерялась.

Никогда прежде мужчины мне их не дарили... Ничего не дарили, если не считать тех красок от Тесия же. Одежда, гребни и еда от Людо – это не в счёт: предметы первой необходимости, к тому же он мой брат. Людо бы и в голову никогда не пришло дарить мне цветы, а мне ждать их от него. Они ведь... так, трава, никакой ценности: костёр ими не разожжёшь, нить не спрядёшь, Бодуэна не заколешь. Могу в любой момент пойти в сад и сама себе нарвать. И... и вообще! Какой глупый, если вдуматься, подарок. Кто вообще затеял его дарить?

Пока все эти мысли проносились в голове, рука непроизвольно поглаживала нежнейшие закрученные наружу лепестки, наслаждаясь их бархатистой мягкостью. На концах молочно-зелёных тычиночных нитей покачивались пушистые медовые пыльники, покрывая лепестки и кончики моих пальцев полупрозрачным золотистым флёром. Верно, в точности так выглядели самые первые лилии, проросшие из упавших на землю капель молока Праматери...

– Вам нравятся?

– Они восхитительны, – прошептала я, вдыхая аромат, – такие чистые, сама невинность!

– Как вы...

Белоснежные лепестки вмиг потускнели, словно бы пятнаемые расползающейся от моих пальцев ржавчиной. Холодный голос разума вернулся в разгорячённую голову. Лилии для тебя, серьёзно, Лора? И как ты объяснишь их Людо? Можно подумать, тебе есть дело до этой травы и самого дарителя.

– Заберите, – забормотала я, протягивая цветы. – Мне не нужно.

– Исключено, – решительно помотал головой Тесий. – Уверяю, у меня в намерениях нет ничего дурного, равно как нет ничего постыдного для вас в том, чтобы принять их.

Кажется, отказ лишь возвысил меня в его глазах. Разве не этого ты добивалась? Его дружбы и доверия. Вот только он враг, хоть и не знает пока об этом. А когда узнает, будет ненавидеть. И поэтому я ненавижу его заранее и презираю за слабость, за то, что позволяет так легко себя

обманывать. Ведь только слабые доверяют другим, подставляют незащищённое подбрюшье, а значит, заслуживают то, что получают. Внезапно пробудившееся женское чутьё подсказало мне раздвинуть рот в притворной улыбке, на которую Тесий ответил искренней, и опустить ресницы.

– Долго вас не будет?

– Около двух недель. Самых долгих двух недель в моей жизни. – Он неловко взъерошил себе волосы.

– Скажите, а если бы некая девушка захотела написать кому-то послание, – я заскользила кончиком пальца вверх по кипенно-белому венчику, – но так, чтобы никто не смог прочесть, кроме адресата, – качнула лепесток, – как это сделать?

Лицо Тесия просветлело.

– Зашифровать, вы хотите сказать?

– Да, какие есть способы?

– Разные: подставить другой алфавит или тот же самый, только начиная с конца, или сместить при этом линейку букв на несколько символов, использовать слово-ключ. Не забивайте себе голову, Лора, не нужно мне писать, я вернусь, глазом не успеете моргнуть. Постараюсь управиться побыстрее.

Я с хрустом сорвала самую нарядную лилию, коснулась её губами и закрепила у него на груди, доверчиво заглядывая в глаза.

– Обещаете?

Сердце под пальцами стучало часто-часто, а в глазах напротив вспыхивали крошечные сафиры.

– Праматерь милосердная... клянусь!

После отъезда Тесия я на время затаилась и старалась не попадаться Бодуэну на глаза. Даже за завтраком и ужином садилась подальше, прячась за чужими спинами, – пусть забудет про любопытную фрейлину и давешний эпизод. Похоже, он и не вспоминал. Теперь оставалось дожидаться удобного момента для нашей с Людо операции.

С лилиями пришлось расстаться: я так и не придумала правдоподобного объяснения для брата, откуда у меня оранжерейные цветы. Он знает, что сама бы я не стала собирать, а служанка оставляет в глиняной вазочке простые сорта. Правда, один венчик, не удержавшись, всё-таки оставила на память, заложив его между страницами молитвенника, куда брату в жизни не придёт в голову заглянуть, а остальные отнесла в сад и положила на воду, позволив лёгкому течению забрать их в глубины озёрно-растительного царства.

Женскую половину посещала исправно, прислушиваясь к разговорам и делая вид, что тружусь над вышивкой. Выходило коряво: совсем это не моё. Наверное, меч и тот мне ближе. Людо несколько лет назад научил меня правильной стойке и ещё паре несложных движений. И очень забавлялся, развалился где-нибудь в стороне и наблюдая, как я машу тяжелой железкой, купленной на барахолке, и стараюсь не улететь вслед за ней, только время от времени лениво отпускал нечто вроде:

«Кисть ровнее!»

«Ты меч или топор держишь?»

«Ноги, ноги расставь! Ваалу побери, Лора! Ты меня вообще слышишь?!»

«Все, дай покажу, как правильно!» – И я со смесью раздражения и облегчения отдавала оружие, но раздражение вскоре угасало, сменяясь восхищением, стоило ему начать двигаться. Мышцы перекачиваются под кожей, солнце лижет огненной дорожкой кромку клинка, меч мелькает, выписывая в воздухе фигуры быстрее, чем я успеваю их считать. И откуда в нём при не самом крупном сложении такая сила и скорость? Брат напоминал мне гибкий кнут или стилет, лишённый

демонстративной мощи булавы и молота, зато молниеносный и смертельно опасный в своей точности.

Надо представить, что игла – тоже меч или стилет. Просто крохотный такой, миниатюрный, и оставляет за собой дорожки из ниток, а не крови.

– Вы неправильно держите, – раздалось над ухом.

Я подняла голову и встретилась с медовой парой глаз, смотревших сочувственно.

– Видите, как я кладу стежки? – продолжила шёпотом Бланка, покосившись в сторону матроны, словно принцессой была та, а вовсе не она. Легко касаясь, поправила мою руку, сдвинула пальцы и кивнула. – Теперь попробуйте.

Я попробовала. Удивительно, но начало выходить лучше. Удовлетворённо кивнув, принцесса вернулась в свой уголок и снова стала незаметной.

Признаться, про Бланку я почти забыла. В самом начале у меня возникла идея явиться к Бодуэну в её облики и незаметно навести на нужный разговор, но я быстро от неё отказалась. Во-первых, стало ясно, что Бланка – пустое пятно на фамильном древе этого рода, а потому едва ли можно ожидать, что Бодуэн, который и не смотрит в её сторону, станет откровенничать с родственницей. Скорее её интерес к определённому предмету вызовет подозрение. А во-вторых, я поняла, что сама не готова к такому спектаклю. Стоять перед регентом и изображать любовь племянницы к дядюшке или страх и покорность перед ним? Одно неверное слово, и... А в его присутствии с моих губ постоянно слетают неверные слова. Поэтому Бланку мы с Людо в первую же неделю отсеяли, как не годную для плана.

Сегодняшний день мы с братом выбрали для моего возвращения в башню за книгой. Мне всего-то и нужно ещё разок взглянуть на ту страницу и скопировать остальные символы. Именно сегодня представлялся идеальный шанс, поскольку Бодуэн будет допоздна заседать на Совете, о котором Людо узнал благодаря своей дружбе с Годфриком.

В перерыв я отправилась разыскивать брата, и от Марка на конюшне узнала, что он на тренировке. Просторный манеж собрал под своей крышей десятка два юношей и мужчин из числа пажей, оруженосцев, рыцарей и гарнизонных солдат. Кто-то разминался, кто-

то уже заканчивал и уходил с поля, у кого-то поединок был в самом разгаре. Шумные выдохи и короткие возгласы, шорох песка под подвернувшейся ногой, свист рассеяемого воздуха, звон стали о сталь и пучки быстро гаснущих искр, опаляющие душный воздух. Пахло потом, железом, свежеструганным деревом трибун, и едва уловимо – тинистой влагой из сада. Среди немногочисленных зрителей сидели и две фрейлины, которые при ближайшем рассмотрении оказались Жанной и Мод. При виде меня их головы, как обычно, склонились друг к дружке, губы что-то торопливо зашептали. Но я тут же про них забыла, увидев Людо. Он тоже меня заметил, приветственно махнул и снова отключился от внешнего мира. Зачесал волосы назад пятернёй и продолжил.

Я устроилась поудобнее. Всегда обожала смотреть на него во время тренировки, прямо-таки часами могла, как на горящее пламя – завораживает и не надоедает. Наверное, потому что в эти мгновения он растворялся в гармонии с собой. Уходили нервозность, напряжение, в отрешённом взгляде – умиротворение, словно тело двигалось само по себе, без подсказки разума. Это был его способ «уйти в себя».

Нечто подобное со мной случалось только во время превращения. Нет, не после него – ощущать себя в чужом теле и мучиться потом от отдачи я ненавидела, – а в краткие мгновения мучительного перерождения. В какой-то момент время останавливается, и ты уже не ты, а нечто большее, не связанное законами этого мира, вообще никакими законами. Неразрывно сопряжённое с болью превращение дарит радость очищения, гибели и возрождения, пьянящей свободы. Когда собственная оболочка уже содрана, а чужая ещё не выросла, я словно бы познаю свою истинную глубинную сущность, соприкасаюсь с чем-то древним и исконным внутри себя, открываю себя заново. Слышу шёпот далёких предков в крови и незнакомцев, с которыми никогда не встречу, но чьи души для меня как на ладони. Становлюсь подлинной собой и всеми людьми одновременно, разрываюсь от их эмоций и делюсь своими. Мне ведомо то, что творится в каждом уголке земли – абсолютное знание, ускользающее с последним спазмом, как предрассветный сон.

Людо никогда не познать этой радости, не примириться с собой через перерождение, и поэтому мне больно за нас двоих.

Меч – его единственная связь с предками, с родовой памятью. Все мужчины в роду Морхольтов – воины.

Брату едва исполнилось девять, когда он потребовал у отца настоящее оружие взамен тренировочной деревяшки. Отец согласился при условии, что Людо продержится в бою против Урбана, рыцаря-наставника. Время стёрло из моей памяти черты этого сына Севера, оставив лишь глубоко посаженные голубые глаза, вмятину на темени от давнего удара боевым молотом и топорщащуюся бороду, которую он заплетал в косички.

В назначенный день идёт первый в году снег. Отец встал на краю поля, приготовившись наблюдать, и снежные бабочки умирают на его подбитом мехом плаще глянцевитой наледью. Губы у Людо синие, а на лбу испарина, пальцы нервно мнут кожаную оплётку рукояти. Удар медной болванки отдаётся в ушах, и схватка начинается. Выпад, подсечка, и брат на земле. Мгновенно вскакивает, перекидывая меч в другую руку – он владеет обеими, – но манёвр помогает ненадолго. Я тру ладони о подол и так волнуюсь, что не могу смотреть на поле. Вместо этого смотрю на отца, по его лицу считывая все промахи Людо.

Недовольный изгиб брови. Гонг

Дёрнул плечом. Гонг

Сжал пальцы. Гонг

Ледяное спокойствие. Гонг

Когда я решаюсь снова взглянуть на ристалище, Людо хромает, кружа вокруг Урбана, и смаргивает каплю из рассечённой брови кровь, рукав разорван, правая рука висит плетью. Неудачная атака, и на этот раз он встаёт не сразу, сплёвывая розовую слюну.

Ещё одна попытка, и он опять на земле, затупленный клинок Урбана упирается ему в шею.

– Достаточно, – бросает отец, презрительно поджимая губы, и отворачивается, чтобы вернуться в замок. Людо встаёт, хромя, ковыляет к деревянному кругу и бьёт кулаком в металлическую нашлапку. Воздух вибрирует медью, и Урбан со вздохом скидывает оружие, отражая новый удар.

Свой меч Людо получил через неделю, когда смог подняться с постели. Всё это время рулетки с черникой пришлось тайком

передавать через кормилицу. Увидев брата после семидневной разлуки, я с визгом бросилась ему на шею, повалив на пол и едва не устроив повторный вывих плеча.

Поле манежа влажно качнулось, и я поспешно промокнула рукавом слёзы, вызванные самым прекрасным на свете зрелищем – боем, пока Людо не заметил: он как раз закончил тренировку и направился в мою сторону. У Артура подобную реакцию могла бы вызвать бабочка необычной расцветки, искусный гобелен или закат и всё в таком духе.

Я принялась спускаться с трибун навстречу брату, так что у края поля мы оказались одновременно. Людо всё ещё пребывал в эйфории: глаза горят, в упругой походке сквозит что-то кошачье, от всей фигуры веет раскрепощённой уверенностью. Вместо приветствия он сгрёб меня и закружил.

– Фуу!! Ты потный, отпусти! – засмеялась я, но в противовес словам сама тесно к нему прильнула.

Когда он опустил меня на землю, продолжая придерживать за талию, разжимать объятия не хотелось.

– Сегодня все в силе? – тихо спросил он, делая вид, что поправляет мне волосы, хотя это было лишним: никто и так не обращал на нас внимания. По крайней мере так я думала, пока брат не кивнул с лёгким поклоном кому-то поверх моей головы. Обернувшись, я с удивлением увидела в верхнем ряду трибун Бланку. Простой кивок вызвал на её лице глупую улыбку и румянец, который я разглядела даже с такого расстояния, даже при таком освещении.

Внутри всколыхнулось что-то тёмное, неприятно царапнув. Я с подозрением уставилась на Людо:

– Что это было?

– Где было что? – беззаботно переспросил он и принялся обтираться холстиной.

Я, вконец разозлившись, отняла у него тряпку.

– Не прикидывайся. Почему Бланка растеклась в лужу от одного твоего кивка? Почему ты ей вообще кивнул?!

Людо привалился к бортику и прищурился:

– Ревнуешь?

Я на миг прикрыла глаза, процедив:

– Похоже, ты стоял за красотой, когда Праматерь раздавала мозги! Хочешь своими руками всё разрушить?

Раньше за такие слова мне бы крепко досталось, а тут он даже не рассердился. Хотя мог бы сказать что-нибудь в духе: «Зато ты в ту очередь не поспела». Но я знала, что Людо никогда такого не скажет.

Он ухмыльнулся как-то многозначительно, будто знал то, чего не знала я, и это выводило из себя. У него вообще настроение улучшилось после отъезда Тесия.

– Я серьёзно, Людо, не трогай Бланку.

– О ком из нас троих ты сейчас печёшься?

– Я пекусь о деле, которое ты загубишь, если не начнёшь думать головой. «Быть незаметными» – это тебе о чем-то говорит?

Мимо прошествовали солдаты из гарнизона, и мы умолкли. Подождав, пока они скроются, я сказала как можно спокойнее:

– Больше не хочу возвращаться к этому разговору и не хочу видеть тебя рядом с ней.

Он дёрнул подбородком.

– Не хоти дальше.

Продолжение спора лишь распалило в нём дух противоречия, поэтому я резко вернулась к первоначальной теме:

– К вечеру всё будет готово?

– Да.

– Тогда встретимся вечером.

Отвернулась и быстро направилась к выходу.

– Лора!

Замедлив шаг, я повернула голову.

– Эту тренировку я посвятил тебе.

Я ничего не ответила и продолжила путь, чувствуя, как губы разъезжаются в той самой глупой улыбке, за которую я совсем недавно презирала Бланку.

* * *

Орава мальчишек с возбуждёнными криками гоняла по двору набитый отрубями мяч. Людо какое-то время понаблюдал, выискивая самого шустрого, и когда тот кинулся за снарядом, подставил

подножку. Не дав ему навернуться о землю, поймал на лету за шкуру и прижал к стене конюшни.

– За что-о-о? – занял пацанёнок. – Я ж ничё не сделал!

– Вот именно, а надо, чтоб сделал. Слушай сюда.

Изложив, что требуется от мальчика, Людо ещё раз хорошенько его потряхнул, чтоб информация уложилась.

– Усёк? Чтоб одна нога здесь, другая там.

В карих глазах зажглось сперва недоумение, а следом – азарт дельца.

– А что мне за это будет?

– Рёбра у ты целые будут, – ласково пообещал Людо и вломил ему затрещину. – Всё, пошёл!

Мелкий пробежал по инерции несколько шагов, обиженно потирая затылок.

– Эй, ты ж обещал!

– Рёбра! – напомнил Людо, и тот сиганул исполнять поручение.

* * *

Служанку я выбрала самую невзрачную, из тех, о ком потом можно вспомнить, что на лице у неё были нос, рот и глаза. И то без особой уверенности. Остановила её под предлогом того, что в светильнике закончилось масло.

– Сейчас принесу, миледи.

– Стой, что это у тебя?

– Где, миледи? – Я потянулась к её волосам, но тут же отдернула руку.

– Нет, показалось.

Девушка ойкнула и потёрла висок.

– Ну... тогда я, с вашего позволения, пойду за маслом?

– Не нужно, я вспомнила, что его ещё утром долили, – бросила я, отворачиваясь, и поспешила в свою комнату, сжимая между большим и указательным пальцами добычу.

Волосков при ближайшем рассмотрении оказалось три. Два я аккуратно завернула в платок и спрятала на будущее, а третий приготовила на сейчас. Следующим шагом приступила к

переодеванию. Скинула платье, облачилась в котту из небелёного льна с потрёпанным подолом, надела на голову каль, завязав тесёмки бантиком под подбородком, и заменила туфли на паттены^[47] на толстой деревянной подошве. Старые мозоли поприветствовали знакомую обувь. Посмотревшись в щербатый бронзовый диск, с удовлетворением оправила наряд служанки. Его я стащила из сушилки ещё два дня назад вместе с простынёй и бельевой корзиной, в которую всё это и засунула.

Теперь последняя часть: я проглотила волос, запив водой для умывания, и тут же схватилась за стену, чувствуя знакомое жжение, растекающееся от груди. Под зажмуренными веками начали взрываться калейдоскопы огненных кругов, высвечивая сеточку прожилок. Когда всё закончилось, и комната перестала ходить ходуном, я заправила обратно под шапочку выбившуюся прядь цвета золы, прополоскала пересохший рот и, подхватив корзину, выскользнула наружу.

Разношенные башмаки хлопали по пяткам, подгоняя, грубая ткань платья натирала. Как быстро, оказывается, привыкаешь к хорошим нарядам – гораздо быстрее, чем отвыкаешь. Встречные служанки не поднимали глаз от пола, все прочие обитатели замка смотрели сквозь меня. Я, как по волшебству, превратилась в настоящую невидимку. Маскарад прошёл окончательную проверку, когда Людо меня не заметил. Просто продолжил изучать коридор поверх моего плеча, высматривая... кого? Лору?

– Кого-то ждёте, господин?

– Иди куда шла, – отмахнулся он, даже не взглянув.

– А вы туда со мной пойдёте, господин?

До него наконец дошло. Брат опустил глаза, проморгался, излечивая меня от невидимости, и оценивающе прищурился.

– Хороший выбор. Ты ужасна.

– Старалась. Ладно, начнём, не хочу потом полночи мучиться от отдачи.

Мы спрятались в нишу, и Людо раскрыл попискивающий мешок. Я заглянула внутрь.

– Давно скормил?

– Только что.

– Отлично. – Я спрятала мешок на дне корзины под простынями, пытаюсь представить, как Людо их отлавливал.

Мы договорились, что в случае опасности он подаст сигнал, разбив настенный светильник. То есть если Бодуэн вздумает вернуться в башню пораньше. Однако я была уверена, что это не пригодится: при благоприятном раскладе на всё про всё у меня уйдёт не больше времени, чем на приготовление мучной болтушки.

Перед поворотом, за которым ждал охраняющий мужскую половину стражник, Людо остановил меня за локоть.

– В случае чего, всё бросай и выметайся оттуда.

– Успокойся, я обычная служанка, которая идёт менять белье, – шепнула я и захныкала уже другим тоном. – Пропустите, господин. Негоже девушек задерживать, у меня полно работы.

Он криво усмехнулся, чиркнул меня большим пальцем по подбородку.

– Удачи.

И попятился, спрятавшись в начале коридора. А я глубоко вдохнула, вышла из-за поворота и засемила по проходу в сторону стражника, не отрывая глаз от пола по примеру остальной челяди. Но стоило попытаться прошмыгнуть мимо, впереди выросла широченная и, судя по торчащим из горловины пучкам, волосатая грудь.

– Куда спешишь, Гвельфа? – пробасил громила, обдав меня густым чесночным духом. – Уж не меня ли ищешь?

– Велено простыни поменять, – выпалила я, тряхнув корзиной, и хотела обогнуть стражника, но могучая рука обвилась вокруг плеч. Вторая в этот момент прокладывала путь к груди в обход корзины.

– Простыни? Мы же с тобой и без них всегда управлялись, а? – жарко зашептал он мне в ухо, увлекая в сторону ниши и попутно пытаясь ущипнуть за плоский зад, но пальцы нашарили лишь складку туники. – Ну, чего ломаешься, обиделась из-за прошлого раза, что ли? Мы же быстренько.

Быстренько?!

– Отпусти! – задыхалась я, отталкивая руки и пытаюсь не выронить корзину, но тут в поле зрения показался кто-то из лордов, и громила сам меня выпустил, подхватив с пола алебарду.

Я отскочила подальше, поправляя сбившийся каль:

– А вот и обиделась, мужлан! Хочу в следующий раз на простынях и чтоб подарки, как всем нормальным девушкам!

Он вытаращился, а я вздёрнула подбородок и уже собралась отвернуться, как вдруг из корзины донёлся писк. Брови стражника поползли вверх. Не дав ему опомниться, я визгливо захихикала, имитируя недавний звук.

– Пошутила я, дурачок!

И поспешила прочь.

Больше препятствий на пути не попало, и вскоре серпантин ступеней уже вёл меня в башню от одного освещённого участка к другому. Все внешние звуки смолкли, осталась только дробь деревянных подошв и моего сердца. Вытянутая тень бежала рядом, ломаясь о неровности кладки, рассеиваясь в пламени светильников и вновь возникая. На поворотах корзина чиркала о стену, заставляя всё внутри сжиматься.

На верхней площадке я остановилась, переводя дыхание, опустила ношу на пол и приложила ухо к двери: ни единого шороха по другую сторону. Тогда я осторожно приоткрыла створку и вытянула шею. На шкапу на том же месте, что и в прошлый раз, сидела нахохлившаяся тень. Два жёлтых глаза хищно блеснули. Отступив обратно, я достала зарытый под простынёй мешок и нашарила в его недрах два шерстяных комка. Ухватив того, что покрупнее, за голый хвост, вытащила наружу.

– Так, сперва ты, только чур не кусаться.

Одурманенный крыс и не пытался. Через мгновение к нему на полу присоединился товарищ. Но если первый зверёк ещё вяло шевелился, то второй уже тоненько похрапывал, налопавшись сонных трав, добытых мной в запретной части сада под личиной помощницы лекаря, и на щелчок ногтем никак не отреагировал.

– Значит, отдуваться за двоих тебе, – сообщила я первому и хлопнула по мохнатому задку.

Крыс неохотно засеменил вперёд, то и дело останавливаясь, почёсываясь и зевая. Я топнула, поторапливая его. Смертник был на середине комнаты, когда упавшая со шкапа тень накрыла его с мягким шелестом в процессе очередного зевка. Крысиное ругательство, угрожающий клёкот, возня, и полубессознательная жертва затрепыхалась в клюве Кирка.

Я в два шага оказалась рядом и ловко, будто всю жизнь только этим и занималась, накинула на сокола клобучок и затянула сзади ремешки – благо, Людо догадался стащить тот, что для начала приучения птиц, с длинными тесёмками. Кирк замер и разинул клюв, выпустив добычу. Помятый крыс не упустил шанса и, хромя, кинулся прочь, только крошечные пятки сверкали. Мы с Людо выбрали этот вечер не только из-за Совета, но ещё и потому, что в сумерках соколы более смирные.

Кирк, явно не привычный к ограничению на глазах и кромешной темноте, неуверенно шевельнул крыльями, мотнул головой раз, другой, пытаясь скинуть кожаную повязку, но, не преуспев, затих.

Я сняла с крюка светильник, рассеивающий красно-золотистый ореол, и приблизилась к шкапу. Створки раскрылись так же радушно, как и в прошлый раз. Я ошиблась: это даже быстрее, чем приготовить мучную болтушку!

Кончики пальцев побежали по рукописям в поисках нужной. Достигнув конца ряда, замерли и начали сначала. Снова добежали до последней, так и не найдя зелёного переплёта. Я резко разогнулась.

Ваалу побери! Где книга?!

Бодуэн куда-то её переставил. Почти наверняка не в скрипторий, а больше... попросту некуда. Она может быть только в башне, потому что это – единственное место, совмещающее его рабочее и личное пространство. От следующей мысли я дёрнулась, едва не подпалив светильником содержимое шкапа. Личное пространство... ну, конечно!

Прикрыв створки и тщательно провернув ключ на два оборота, я обернулась к стрельчатой двери в противоположной стене.

– *А что за той дверью?*

– *Личные покои.*

Ступая осторожно, что было непросто с такими колотушками на ногах, и сдерживая громкий стук сердца, я приблизилась и нажала на деревянную панель.

Покои регента отличались от кабинета разве что наличием кровати и толстой шкуры на полу. Даже тут был узкий стол-бюро возле стены, а над ними – две крепкие полки с книгами. Они сразу приковали мой взгляд, но искомый том оказался гораздо ближе, прямо на рабочей поверхности. Вероятно, не уместился в ряд с остальными: тома стояли очень плотно.

Нужная страница отыскалась быстро. Я тщательно скопировала символы с помощью припрятанного в поясе свинцового карандаша и клочка пергамента. Остальной текст, который я быстро пролистала, принёс разочарование. Там лишь повторялись в более развёрнутой форме общеизвестные факты о Скальгердах: один из древнейших родов, основан Конрадом Четырёхпалым двенадцать веков назад на месте битвы с диким племенем йоуменов, он же заложил замок, впоследствии многократно достраивавшийся, а спустя ещё два века его потомок подчинил ряд близлежащих территорий и объявил себя их королём. Завоевательные походы, хитроумная политика, династические браки, оммаж^[48], не прекращающаяся работа по укреплению замка и страх перед их Покровителем постепенно сделали Скальгердов тем, чем они являются сейчас. Управляющая стихия – вода, знаковое число – четыре, а отличительный признак всех представителей рода – рыжие волосы, потому что им улыбнулась Праматерь, озарив своим светом.

Пролистав до конца, я поняла, что улов ограничится лишь символами. Но лучше одна рыбка, зато золотая. Дело сделано, пора обратно.

Звук я почувствовала раньше, чем услышала: интуиция предупредила об опасности лёгким покалыванием в основании шеи. И шёл он не со стороны лестницы – я специально оставила дверь в кабинет открытой, чтобы не пропустить сигнал Людо, – а откуда-то гораздо ближе, из-за стены. Тело сковал липкий ужас. Стряхнув оцепенение, я захлопнула книгу, подхватила светильник и бросилась в смежную комнату. Едва успела снять клобучок с Кирка, вернуть светильник на крюк и спрятаться в углу, как в спальне послышался шум и чьи-то шаги.

По спине хлынула ледяная волна мурашек, перебегая от позвонка к позвонку. Удары сердца разрывали грудь, кровь гремела в висках, а шаги то приближались, доводя меня до высшей степени напряжения, то удалялись, словно пришедший в задумчивости расхаживал по комнате. Потом я наконец вспомнила, что всё ещё нахожусь в теле служанки, и даже если Бодуэн меня застукает, сумею выкрутиться. Однако поступь за стеной совсем не напоминала уверенные шаги регента. Вообще не напоминала мужские шаги.

Кирк слабо трепыхнулся и попытался вернуться на шкаф, но, не долетев, приземлился на стол, все ещё вялый после недавнего стресса и дурмана, передавшегося с кровью крыса. Неизвестный в соседней комнате замер.

– Кто здесь?

Несмотря на волнение, я узнала этот насторожённый голос. И окончательно убедилась в личности говорившего, точнее, говорившей, когда она приоткрыла дверь и фыркнула:

– А, это ты. Ещё не стал чучелом?

Я почти слилась со стеной, радуясь тёмному цвету котты. Шаги вернулись в глубь комнаты, позволив тихонько перевести дыхание. Теперь изображать припозднившуюся служанку поздно – только что упустила момент. Я осторожно заглянула в комнату.

Там уже горела лампа. Мод прохаживалась по покоям Бодуэна в одном рукаве, мурлыкая вполголоса прядильную песню. Дёрнув пару раз ткань второго, она оторвала и его, бросив рядом на шкуру – они с леди Жанной предпочитали вшивать их заново каждый день. За рукавами последовал пояс, филлет, придерживающий вуаль на волосах, сюрко. Она спокойно избавлялась от одной детали одежды за другой, пока не осталась в тоненькой льняной камизе. Наконец и сорочка упала на пол, полностью её обнажив. Мод переступила через ткань, встряхнула спускающиеся до пояса пряди и потянулась всем телом. У неё был чуть дряблый живот, узкие бёдра и лошадиное лицо. Между полными расширенными на концах грудями покачивался талисман-покровитель на тёмном шнурке. Соски при таком свете казались кирпично-красными. Она сделала последний круг по комнате, легко касаясь вещей – конторки, стула, поддерживающих балдахин столбиков, – и забралась в постель.

Шаги Бодуэна я услышала в последний момент, он пришёл тем же путём, что и фрейлина – через тайную дверцу в стене, занавешенную гобеленом. Вот почему Людо не подал сигнал: в башню был другой ход, о котором мы не могли знать. Мод встрепенулась, соблазнительно прогнулась, выпятив грудь, положила поверх покрывала ногу и быстро облизнула губы, чтобы блестели. Даже не взглянув на неё, Бодуэн бросил плащ на сундук, снял сапоги, наступая на пятку, и прошёл к конторке, где на миг замер. Не успела я испугаться, что иное положение книги не осталось незамеченным, как он спокойно положил

рядом пару свитков, пододвинул себе стул, открыл чернильницу и принялся что-то размашисто писать.

Довольно продолжительное время слышался лишь негромкий скрип пера и потрескивание пламени в светильнике. Мод поёрзала, зябко ёжась, красиво вытянутая нога покрылась гусиной кожей. Я уже начала думать, что Бодуэн и правда её не заметил, хотя это было так же непросто, как улитке проморгать нового соседа по раковине, но тут он устало потёр шею и, не оборачиваясь, спросил:

– И что ты здесь делаешь?

Я вздрогнула, лишь в следующий миг сообразив, что он обращается к Мод.

Женщина поспешно приподняла опущенные уголки губ и ответила мягким, как топлёное сало, голосом, которого я у неё никогда не слышала:

– В фрейлинской так холодно, это единственная комната во всём замке, где можно по-настоящему согреться.

– То есть твой визит никак не связан с приказом мужа покинуть двор и вернуться домой?

Мод со вздохом поднялась, приблизилась к нему плавной походкой и наклонилась к уху, пощекотав рассыпавшимися прядями:

– Он просто не понимает, как важно моё присутствие здесь. – Ладони принялись умело массировать ему шею, плечи. – Хуберт знает о придворном этикете не больше, чем петух о вине, в котором сварен. Но ты-то понимаешь, каково будет королеве лишиться одной из старших фрейлин.

– А самой этой фрейлине вернуться к выращиванию овец и роли жены и матери в провинциальном захолустье?

Пальцы на плечах замерли.

– Если бы речь шла только о моих желаниях и желаниях супруга, я бы завтра же на рассвете села в повозку и отправилась домой! – страстно заверила Мод, обошла стул и, отодвинув бумаги, села прямо на конторку, открыв Бодуэну прекрасный обзор на свои разведённые бедра. – Но есть вещи поважнее наших желаний. Такие как государственный долг.

Она покрутила перо, лизнула пушистый кончик и будто бы в задумчивости обвела им сперва один сосок, потом второй. Стекавшие

волнами русые пряди не только ничего не скрывали, но наоборот, ещё сильнее подчёркивали наготу и изгибы.

– И мне горько думать, что с моим отъездом многое здесь может пройти мимо тебя... Например, то, что дела у молодой четы улучшились с тех пор, как королева пустила в опочивальню третьего, признав, что у супруга могут быть свои... особенности.

– Бастард нам не нужен, – перебил Бодуэн.

– О нет, успокойся, третий, конечно, не для неё. – Мод вытянула ногу и медленно с соблазнительной улыбкой провела носком вдоль его тела от живота к груди. – Да и как оставить фрейлин без руководства и поддержки? Ведь многие из них в сущности ещё дети и совсем не знают жизни. Взять хотя бы леди Агнес. Оруженосец твоего сенешаля, ну, тот, что из младшей ветви Гладстоунов, сделал ей предложение и в надежде на расположение и благоприятный ответ сообщил по секрету, что центральная ветвь якобы нашла лей-линию, на порядок древнее королевской, и собирается пробудить Покровителя, не знающего себе равных по мощи. У меня чуть сердце не остановилось от их дерзости! – Мод стиснула не поместившуюся в ладони грудь, дав понять, что сердце у неё располагается справа. – Бедняжка не знала, как быть и к кому обратиться за советом. Ей повезло, что рядом оказалась старшая подруга, которая подсказала наивной глупышке, что подобное ни в коем случае нельзя скрывать от своего суверена.

– Значит, с этим она и запросила на завтра аудиенцию?

Мод улыбнулась и томно сдула упавшую на лоб прядь. По мере того как сплетни, слухи, недомолвки и новости, подслушанные, добровольно поверенные и додуманные перекочёвывали от неё к нему, я холодела. Стало ясно, что эта роль для Мод далеко не нова, я же опрометчиво считала её и Жанну обычными сплетницами. Вдруг она успела что-то и про нас с Людо пронюхать? Но когда дело дошло до леди Лорелеи, выяснилось лишь, что я замкнута, неотёсанна, при этом кокетничаю почище трактирной подавальщицы, страдаю некоторой задержкой в развитии и, вероятнее всего, состою в предосудительной связи со своим братом. Наверное, насчёт задержки она была не далека от истины, потому что я не сразу поняла последний намёк.

Бодуэн усмехнулся, тогда как мне всё это не показалось забавным, и погладил её лодыжку.

– Ты права, двору будет не хватать твоей проницательности. Но я не могу насильно удерживать тебя здесь против воли соскучившегося супруга.

На лице Мод отразилась досада, но тут же сменилась прежним хитровато-чувственным выражением.

– Кто говорит о насилии? А Хуберту просто нечем заняться. Ему нужна цель. – Она постучала кончиками пальцев по подбородку и распахнула глаза, будто бы во внезапном озарении. – И я даже знаю какая! Гладстоунов ведь придётся поставить на место. Кто как не Хуберт достоин возглавить отряд?

Уверена, «внезапная» мысль пришла ей задолго до этой мастерски разыгранной сцены.

– Твой муж слишком дряхл, – рассмеялся Бодуэн. – Ему о спасении души, а не седле пора задуматься.

Улыбка Мод стала масляной угря. Она оттолкнулась от конторки, соскользнула Бодуэну на колени, сев лицом к лицу, и переплела пальцы у него на шее.

– Хуберт – старый вояка. Разве не все воины мечтают сложить голову в битве?

Её грудь часто вздымалась, рука перебирала золотые пряди, а глаза затуманились. Что-то в их выражении показалось знакомым... Так на меня в последнюю встречу смотрел Тесий.

Бодуэн хотел сказать что-то ещё, но она не дала.

– Только не прогоняй меня!

Ладони Бодуэна скользнули по её спине, легли на ягодицы и сжали. Мод стянула с него тунуку и начала покрывать жадными поцелуями грудь, спускаясь к животу, пока не оказалась стоящей перед ним на коленях.

Мне здесь больше нечего делать. Что могла, узнала. Я бесшумно сняла обувь, задержала дыхание и начала пятиться к двери, молясь лишь о том, чтобы нога не подвернулась, и ни один скрип меня не выдал. Клёкот некстати очухавшегося сокола прозвучал набатом в полночной тиши. Едва не подавившись сердцем, я замерла с прижатой ко рту ладонью.

– Погоди. – Скрипнул стул – видимо, Бодуэн хотел подняться, но Мод удержала.

– Не обращай внимания, – задыхаясь, произнесла она. – Это Кирк, вели ему полетать.

В первый и последний раз в жизни я была ей благодарна: глаза сокола вспыхнули жидким янтарём. Повинуясь беззвучному приказу хозяина, он расправил крылья и вылетел в окно, растворившись в чёрном небе, как дождевая капля в луже, а я под прикрытием хлопанья крыльев выскользнула за дверь.

Едва не споткнулась о корзину у выхода, а дальше – лишь мелькание стен, смазанные пятна светильников и прерывистое дыхание. Про обувь вспомнила уже внизу. Остановилась надеть и даже не успела вскрикнуть, когда чьи-то пальцы зажали рот и утянули в тень.

– Что ты там делала?! Совет давным-давно кончился!

– Праматерь, Людо! – выдохнула я, отлепляя его ладонь. – У меня чуть душа не вылетела через пятки! – Но накатившее облегчение было слишком велико, чтобы всерьёз сердиться на него. – Я всё расскажу, только не здесь. Идём.

Я сделала движение вперёд, но он остановил. Проверил коридор и махнул.

– Всё чисто, вот теперь идём.

* * *

Сразу приступить к рассказу не получилось. Отдача растеклась по телу болезненным ознобом и ломотой, как после долгого сидения на холоде в одной позе. Рисунки Артура кружили перед глазами, складывались по диагонали, менялись местами и стекали известковой радугой. Я бы сейчас следующее лето отдала за стакан подогретого вина со специями или хотя бы кипятка, но пришлось довольствоваться комнатной водой. И всё же вернуться в своё тело было несказанно сладко. Чувствовать свою, а не чужую, жирную и угреватую, кожу, чувствовать покалывание в своих пальцах и свой ритм дыхания.

Людо укутал меня и растирал ледяные ступни, пока я, грея руки над свечой, пересказывала всё, что произошло наверху, делая паузы, чтобы восстановить последовательность событий и припомнить в точности нюансы разговора.

– То есть по сути эта подстилка Мод ничего про нас не знает?

Про подстилку у него просто к слову пришлось, я не стала уточнять, в какой обстановке происходил диалог и чем закончился. Это ведь в сущности неважно... Может, у Бодуэна половина фрейлин в любовницах.

Я покачала головой.

– Нет, но уже само то, что она пристально наблюдает, опасно. Уверена, Жанна с ней заодно, так что будь начеку, если видишь их

поблизости. Да и вообще тщательно следи за тем, что говоришь, особенно при Годфрике. Кто знает, сколько у регента информаторов.

Интересно, у него на всех хватает здоровья? Нет. Неинтересно.

– Ладно, хоть покажи символы, мне пора уходить.

– Куда это? – удивилась я.

– Оруженосцам я говорю, что сплю в конюшне. В конюшне, что в казарме, а в казарме – что вместе с оруженосцами. Пора хоть в одном из этих мест появиться. Начну, пожалуй, с казармы.

– Людо, – медленно начала я, – ты ведь знаешь, что тебе...

– Я не собираюсь там спать! – огрызнулся он. – Просто дождусь, пока уснут остальные, и вернусь сюда.

Не подав виду, я сходила за поясом, достала и развернула клочок. Брат какое-то время вглядывался, потом вернул.

– Завтра начнём расшифровку. Поспи, тебе это нужно.

– Хорошо.

Вскоре он ушёл, но моя усталость достигла той стадии, когда при всём желании уже не можешь заснуть. Да и как можно спать, когда от разгадки отделяет лишь шаг в правильном направлении! Поэтому, полежав немного с закрытыми глазами, я приступила к делу. Выгребла все клочки пергамента, какие смогла найти, включая обратную сторону рисунков Артура, устроилась на полу, подстелив одеяло, и принялась за свой ребус. Сперва выписала алфавит и пыталась подставлять буквы наугад к похожим на них значкам. Получалась бессмыслица. Тогда переписала алфавит, но уже начиная с конца, как говорил Тесий, и снова попыталась подставить – тоже ничего не вышло. После начала экспериментировать: убирала символы из конца или начала, выкидывала середину, старалась проследить связь и совершала ещё десятки подобных операций.

Когда небо на востоке стало пепельно-лиловым, меня сморило прямо там, на полу, посреди вороха исчёрканных листов. Во сне я продолжала биться над головоломкой. Напротив меня, скрестив ноги и трепля за ухом Никс, расположился Артур. А между нами на полу лежала обнажённая Мод с полусогнутыми в коленях ногами и обращёнными кверху ладонями. Её глаза были закрыты, а покрытое гусиной кожей тело сплошь татуировано одной и той же повторяющейся надписью, выведенной углём. Даже ногти, губы и закрытые веки – половина символов на одном, половина на втором.

– Давай убьём её, – скучающе предложил Артур, подперев щеку кулаком. – И тебе не придётся решать эту задачу.

– Убийство не поможет понять, что здесь написано, – возразила я.

– Тогда спросим у него, – брат кивнул на кого-то у меня за спиной. – Он ведь тут самый умный.

В тот же миг я почувствовала чужое присутствие так остро, как если бы стоящий позади погладил меня по волосам. Он и гладил – взглядом, а исходящая от него сила, как всегда, ощущалась чем-то осязаемым, обволакивая, лишая воли. Я, и не поворачивая головы, знала, кто там. Оборачиваться нельзя, ведь тогда он нас заметит. Пока не смотришь на чудовище, оно тоже тебя не видит – таков закон, известный всем детям.

– Тише, Артур, – предупредила я, наклонившись вперёд, – он не должен знать, чем мы занимаемся.

Стоящий позади шевельнулся, прощуршила одежда, и к моему уху приблизились губы:

– Ну же, маленькая Хамелеонша, постарайся, ты сможешь разгадать.

Свистящий шёпот подействовал, как попавший за шиворот дождь, а на плечо легла четырёхпалая рука в мелких розовых чешуйках, вторая, такая же, опустилась на бледный живот Мод. Напротив глухо заворчали, я подняла голову и вдруг поняла, что собака вовсе не Никс. Да и вообще никакая не собака. Притворявшееся ею существо оказалось раза в три больше нашей левретки. И как я раньше это пропустила? В нём было понемногу от лисы, борзой и шакала, а глаза горели подкормленными ветром угольками. Волчья гончая!

Артур же, ничего не замечая, продолжал гладить её.

– Артур! Немедленно отойди от неё!

Но брат не слышал. Он склонился над Мод, заморожённо разглядывая её, тронул пальцем символы на ключицах, смазав их, и вскинул на меня глаза:

– Можно я её поцелую?

И не дожидаясь ответа, поцеловал. Когда выпрямился, губы его тоже почернели. Из уголка рта показалась струйка крови. Артур нахмурился и стёр её рукавом, а Мод, не открывая глаз, улыбнулась. Она радуется, что отравила моего брата! Я должна решить эту загадку как можно скорее, чтобы спасти его...

– Всё, мне надоело! – раздражённо заявил Артур и провёл рукой по её обнажённому телу, сметая надписи. Символы посыпались на пол звонкой капелью. Мод шевельнулась, сладко потянулась, дрогнув веками, и распахнула глаза, уставившись на меня ослепительно сияющими бельмами. Их свет был таким обжигающим, что я проснулась.

На деле лучи лишь слегка поддурмянили облака, готовя небо к новому дню. Наверное, я проспала не больше часа, хотя казалось, что гораздо дольше. Протерев лицо и шею мокрой тряпкой, я продолжила с того места, на котором прервалась.

Идя позже вместе с остальными после мессы, я увидела во внутреннем дворе повозку. В ней со всеми пожитками сидела Мод.

– Её отсылают к мужу, – зашептали фрейлины за спиной.

Следующие три дня я занималась только расшифровкой, используя для этого каждый свободный миг, ночное время и перерывы. Людо помогал по мере сил, но, кажется, не особо верил в успех, поэтому в конце концов был с раздражением изгнан.

Значки я заучила наизусть и, даже сидя в рабочей комнате, продолжала перебирать их в памяти, переставлять, комбинировать, примерять к ним разные варианты решения. Однажды спохватилась, заметив, что вышила красным по белому первые несколько символов, и поскорее отпоролла нитки, пока никто не заметил. За всё это время почти не спала, только дремала и отключалась на ходу, даже королева отметила мои опухшие глаза, но отнесла это на счёт тоски по некому отсутствующему лицу. До меня не дошёл смысл намёка и причина последовавшего со всех сторон хихиканья, голову занимала лишь одна проблема.

Когда это наконец случилось, я не сразу поверила. Решила, что уставший разум пририсовал вожделенную логику бессмысленному набору знаков, и лишь пару мгновений спустя, судорожно перечитав фразу, вскрикнула. Снова перечитала и крепко прижала ладони к глазам. Под закрытыми веками побежали оранжевые круги, растеклись огненными ручейками и сложились в только что увиденную фразу.

*«Отмеченный Праматерью
пришёл за благословением».*

Итого: подставить алфавит, начиная с конца и сместив линейку на четыре буквы. Четыре! Знаковое число Скальгердов!

Я всхлипнула, смеясь и плача одновременно, вскочила, быстро записала исписанные листы в комод – позже нужно будет сжечь – и побежала искать Людо.

Только поскользнувшись на грязи, поняла, что на улице идёт проливной дождь. Небо сотрясилось грозowymi спазмами, ветер гонял по двору пустую корзину, флюгеры натужно скрипели и крутились, как бешеные, а лужи вскипали холодными пузырями. Пёс кузнеца с недоумением наблюдал за мной, блестя глазами, и шевельнул лапой, будто приглашая спрятаться от ливня в его конуре.

На конюшню я вбежала с замызганным подолом, промокая до нитки и погоняемая тяжёлой копной волос, с которой ручьями текла вода. Не видя ничего вокруг, кинулась к Людо, с размаху запрыгнула на него, обхватив руками и ногами, и шепнула на ухо:

– Получилось! Я знаю формулу вызова, знаю обращение!

Он вздрогнул всем телом и крепко стиснул меня в ответ. Не разжимая объятий, повернулся к слегка смущённому Марку:

– Сестра любит дождь! Прямо-таки с ума сходит, когда он начинается!

Наверное, я в полной мере оправдала репутацию безумной, потому что вернула ноги на землю, оттолкнула его и побежала вон из конюшни, чувствуя, что могу не сдержаться и прокричать вслух то, что рвалось наружу.

Оказавшись на улице, раскинула руки, задрала голову к небу и, охваченная диким восторгом, закружилась на месте, ловя языком пресные капли. Обращение! Теперь мы знаем обращение, на которое откликается Покровитель Скальгердов, и сможем его выманить! Осталось только выяснить про священное подношение – вотивный дар, место проявления, ну и как его убить, конечно. Не так уж мало. Но опьянённая первым успехом и дождём, я ни на миг не усомнилась, что нам это удастся. Явись ко мне сейчас Ваалу с предложением отдать душу в обмен на это знание, я бы согласилась, не раздумывая. Ещё бы и прибавила души всех предков, потомков и нерождённых.

Звук рожка и скрип поднимаемой решётки донеслись словно бы издали. За пеленой дождя показался силуэт лодки, почти вселив уверенность, что мой безрассудный призыв услышан. Но чем ближе

она подплывала, тем более знакомой казалась фигура на носу. Только узнать её до конца никак не получалось... и вспомнить, что я здесь делаю, и почему мне так холодно... Даже когда человек взбежал по лестнице и оказался рядом со мной, какая-то мутная завеса мешала его рассмотреть.

– Праматерь, Лора! Вы же простудитесь!

На плечи лёг согревающей тяжестью плащ с чужим, но таким вкусным запахом, а я всё смаргивала капли с ресниц и, задрав голову, пыталась рассмотреть его владельца, не понимая ни слова. Лихорадочный подъём сил сменился глубокой вяжущей усталостью, наполнив голову и каждый дюйм тела свинцом. Я пошатнулась и упала бы, если б мужчина меня не поймал. Облепленные грязью туфли мелькнули в воздухе, тело уютно устроилось в сильных руках, а лицо ткнулось в тёплую шею. Голос был таким приятным, успокаивающим, как глоток горячего вина в стужу. Нужное имя наконец сыскалось в памяти.

– С возвращением, Тесий, – пробормотала я и потянулась отвести прилепленную ему на лоб дождём прядь, но не успела, подхваченная вращающейся чернотой.

В этой черноте скрипнула дверь, и раздались голоса, искажённые, как из бочки, и то удаляющиеся, то почти оглушающие громовыми раскатами:

– Убери от неё руки!

– Я лишь хотел занести вашу сестру под крышу.

– Да кто ты такой, чтобы касаться её!

А я все летела и лежала, и пыталась отвернуться от жалящих холодом водяных ос. Случилось что-то хорошее, я позабыла, что именно, но обязательно вспомню, как только уговорю черноту отпустить меня домой...

* * *

Порошок взметнулся тёмным облаком и рассеялся в воздухе, вернув пергаменту прежний цвет и оставив после себя отчётливые, совсем свежие следы пальцев, жирно переливающиеся кристалликами графита. Больше всего их осело на странице с гербом, остальные

удостоились одного-двух касаний. Бодуэн дотронулся до маленького овального отпечатка, почти вдвое уступавшего его собственному, хмыкнул, сдул остатки проявляющего вещества и захлопнул книгу.

Я всегда думала, что под пение птиц просыпаются лишь в бездарных рыцарских романах, но сойка надрывалась так усердно, что глаза стоило открыть хотя бы ради того, чтобы заставить её заткнуться. Дождь уже прекратился, не оставив даже мороси на литой оконной решётке. Чугунные побеги, чуть тронутые конопушками ржавчины, рассеивали солнце и отбрасывали на пол тенистое кружево виноградной лозы. Яркие лучи освещали изъеденные жучками доски, пёстрые коврики, белёные стены и искусную вышивку, покрывающую скатерть, занавески, подушки и все прочие тканые поверхности, включая домашние туфли сидящей в снопе света девушки. Её пушистые волосы казались вьющимся продолжением солнечных лучей, а костяная игла проворно, едва касаясь, выписывала на лоскуте шелка затейливые узоры. Когда стежок получался неидеальным, что, надо сказать, случалось нечасто, носик морщился, и преступник безжалостно изгонялся с идеального полотна.

У ног для полноты картины копошился белоснежный кролик, тыкаясь в подол и таская с блюдца мелко нарезанную морковку.

Сама я покоилась на высокой постели в позе, которую ни за что бы не приняла добровольно при жизни: вытянувшись на спине, с чинно сложенными на груди руками, а в ногах и изголовье благоухали цветы. Ещё несколько охапок приземлились в вазы на трюмо и полу. Тщательно разделённые на пробор и расчёсанные до блеска волосы протянулись по бокам двумя чёрными реками.

Вопреки всему, я прекрасно выпалась, более того – помнила в мельчайших деталях, что произошло, вплоть до момента, когда встретила вернувшегося Тесия.

Я шевельнулась, и несколько нарциссов соскользнули с покрывала. Девушка вскинула голову, немедленно отложила шитьё и, склонившись, участливо осведомилась:

– Как вы себя чувствуете?

– Это... не моя комната.

Каркающий спросонья голос разрушил идиллию этой воздушной солнечной комнаты: тени на полу заволновались, взбудораженные

пылинки заметались в лучах.

Я как волк, чихнувший на домик сверчка.

– Всё правильно, вы у меня. У вас было слишком холодно, а вы сильно вымокли, и мы опасались простуды.

– Я заболела?

– Нет, всего лишь крепко спали. Дита, – Бланка обернулась к кому-то у двери, – принеси миледи поесть и обязательно горячего бульона.

– Да, Ваше Высочество.

Женщина лет тридцати, в теле, но с впалыми щеками, присела в быстром поклоне и скрылась за дверью.

– Вам лучше? Нигде не болит?

Я поднялась на локтях и обнаружила, что голова совсем не кружится и мыслит вполне ясно, хотя отголоски сна ещё отдавались в теле расслабленностью, но скорее приятной, чем наоборот. Никакого першения в горле, ломоты или жара. Если уж на то пошло, единственным неудобством был голод. Волчий неуправляемый голод, какой мне не доводилось испытывать уже больше месяца – после заключения сделки с леди Катариной. Жаль, не успела крикнуть Дите вслед, чтоб вместо бульона захватила побольше хлеба и мяса. А ещё я не видела снов... ни единого! Сплошная блаженная лишённая тревог чернота. От этой мысли глаза защипало.

– Нет, всё прекрасно, – шмыгнула я.

Наверное, Бланка приняла мою реакцию за счастье избегнувшего хвори или проявление душевной тонкости, потому что присела на край постели и ласково поправила одеяло.

– Вашему возвращению многие обрадуются. Королева несколько раз о вас справлялась, вот эти цветы от неё, а лилии от лорда Авена, дальний букет от фрейлин и меня. А это от вашего брата, – она подала небольшой набросок: девушка плетёт косички сидящему на бортике колодца водяному. – Он у вас внимательный, правда? И скромный: сказал, что вы будете рады этой «дрянной мазне». А по-моему, у него очень мило вышло. Хотела бы я иметь такого брата... То есть я, разумеется, не имею в виду, что Годфрик не такой, – спохватилась она, очевидно вспомнив значение выражения «государственная измена». – Лучшего брата, чем Его Величество, и пожелать невозможно.

Искренности в её последнем заявлении было не больше, чем усилий Людо в рисунке Артура, но меня это не касалось. Интересно, зачем я понадобилась королеве? Цветы и вообще знаки заботы не в её стиле, если это не кубок с отравленным вином.

– Когда брат навещал меня?

– Сегодня утром, дважды вчера и днём раньше, – зарделась Бланка. – Он сперва не хотел оставлять вас здесь, но мы с Дитой сумели убедить, что у нас вам будет лучше.

Из всей болтовни я уловила лишь одно:

– Днём раньше? А сколько я проспала?

– Почти двое суток.

Я, хмурясь, обдумывала услышанное.

– А где спали вы? – Взгляд упал на тюфяк на полу.

– Не волнуйтесь, это для Диты. Я ночевала на другой половине постели.

Меня не обмануло показное равнодушие. Уступить половину огромной кровати – поистине великодушный жест для девушки, не знающей, что такое тесниться вдесятером на вонючей клопастой подстилке на постоялом дворе, хозяин которого только что пытался облапать твой зад. Если бы не её дядя, я бы тоже не знала.

Я заглянула под одеяло и обнаружила из одежды только сорочку.

– Кто меня раздел?

– Мы с Дитой. И мы же сменяли друг друга на дежурстве подле вас. Вот, кстати, ваш наряд. Мы выстирали и высушили. Вернее, не мы, конечно, а служанки в прачечной.

Последняя капля шмякнулась с особым звоном. Не люблю быть кому-то обязанной. Особенно кому-то, кого собираюсь стереть в ближайшее время с лица земли вместе с родовым замком, всеми родственниками и ручным кроликом в придачу.

Зверёк, к слову, забрался Бланке на колени и блаженно жмурился, лапаясь к пальцам хозяйки, бездумно треплющим уши и щекочущим подбородок.

– Спасибо, – пробормотала я сквозь зубы.

Её Высочество открыла рот для скромного самоотверженного ответа, но тут вернулась Дита, переключив моё внимание. В руках у неё был поднос с глубокой глиняной плошкой, ломтями нежнейшей ветчины, парой-тройкой фламишей^[49] с подпалённой корочкой и

огромной жёлтой, будто вылепленной из воска, грушей. От бульона поднимался пар, рисуя в воздухе узоры.

Ела я жадно, сюрпая и захлёбываясь крепкой горячей жижей, щедро приправленной петрушкой, и нимало не заботилась, как это выглядит со стороны. Только активно помогала себе фламишами, которые составила стопкой, переложив ветчиной, и ими же вылавливала из бульона полузатонувшие островки гренок.

Когда дело дошло до десерта, в желудке уже разлилось сытое тепло, поэтому завершала трапезу степенно, тщательно разрезая грушу на исходящие ароматным соком дольки. Кролик следил за моими действиями так напряжённо, будто от ровности нарезки зависела его маленькая жизнь.

– Как его зовут?

– Кого? Ах, его... Финик.

Я приподняла брови и сочувственно протянула ему дольку. Меньше всего эта гигантская пушинка походила на тёмный сморщенный фрукт. Зверёк схватил угощение и принялся наворачивать за обе щеки с неожиданной алчностью, издавая низкие утробные звуки, так что Бланке пришлось ссадить его с колен, чтобы не запачкаться соком. Неужели я только что выглядела точно так же?

– Дита, ты забыла про напиток. Принеси леди Лорелее тёплого молока, – распорядилась принцесса голоском, даже забавным в своей претензии на повелительность.

В поручении угадывался предлог, чтобы избавиться от компаньонки. Догадка подтвердилась, когда после ухода Диты Бланка придвинулась и, перебирая руками подол, робко улыбнулась:

– Наверное, мы могли бы стать подругами?

Наверное... в другой жизни. Где я не была бы отравлена ненавистью ко всем, кто носит фамилию Скальгерд, включая эту одинокую девушку с тихим голосом и мягким застенчивым взглядом. Мы бы сидели с ней, как сейчас, в этой самой башне, точной копии башни её дяди, вышивали, сплетничали и подкармливали Финика. У моих ног возился бы одно-двухгодовалый карапуз с тёмными кудряшками и чёрными бунтарскими глазами, а рука поглаживала живот, в котором зреет его братик или сестричка. И самой большой моей трагедией был бы кривой стежок и капризы сына, отказывающегося есть кашу. А потом я вспомнила, что в этой другой

жизни малыш стал бы рыжеволосым, а сама я – женой Годфрика, смиряющейся с тем, что он обращается со мной, как с грязью, забавляется с пажами и пожирает глазами моего брата. И всего на один-единственный миг порадовалась, что всё сложилось так, как сложилось.

– Вы слишком добры, Ваше Высочество.

Она снова улыбнулась, решив, что доброта – качество, достойное похвалы, и принялась пересказывать события, случившиеся за время моего безмятежного сна в окружении нарциссов. Дита с молоком вернулась как раз в тот момент, когда Бланка досказывала про переполох, вызванный накануне леди Алиной – фрейлиной, способной передавать эмоции и призванной поддерживать в королеве хорошее настроение.

– ...а потом куница запрыгнула ей на колени, и леди Алина так расстроилась из-за испачканного подола, что стала плакать, а вслед за ней и остальные, потому что никак не могли её успокоить.

– Даже матрона Рогнеда?

– Она выла громче всех! А королева, рыдая, велела выставить бедняжку Алину из комнаты. Полы в рабочей комнате напрочь отсырели, клянусь! Удивительно, как вы не проснулись, такой шум стоял!

Мы переглянулись и одновременно приснули со смеху. А дружить в принципе не так уж и сложно...

Дита звучно поставила чашку на поднос, и мы с Бланкой поспешно приняли более строгий и приличный вид. Молоко было отвратительным: жирное, чуть тёплое, с липнущей к губам пенкой. Или сытые всегда столь избалованы?

– Вам, наверное, пора в рабочую комнату, Ваше Высочество. Вы и так потратили на меня время.

– Ах нет, сегодня все на ярмарке. Слышите шум за окном? Большинство торговцев прибыли ещё вчера.

Я прислушалась и уловила гвалт – по всей видимости, в переднем дворе – из-за которого прорывались звуки музыки, разбавляемые неразборчивыми выкриками.

– И долго она продлится?

– До конца дня. Его Величество недавно отбыли туда.

Что-то в её тоне заставило меня произнести:

– Вы, верно, тоже хотите пойти?

Светло-карие глаза вспыхнули, но тут же потухли, рука машинально потянулась к Финику.

– Вы ещё не совсем оправились, лучше я останусь при вас.

– Я прекрасно себя чувствую. Хотите, пойдём вместе? – сорвалось с языка, прежде чем я успела подвязать к нему разум.

– Вы уверены? – обрадовалась Бланка.

Я медленно пожала плечами.

– Спать я в любом случае больше не собираюсь и должна найти брата. А он скорее всего тоже там, в свите Его Величества.

Она просветлела.

– Тогда допивайте молоко, и Дита поможет вам одеться. Или желаете чего-нибудь ещё?

– Да... – я оторвала губы от кружки, – вы можете заставить эту сойку замолчать?

* * *

Бланка не преувеличивала, когда сказала, что на ярмарке собралась все. На площадке у колодца во внешнем дворе вишенке негде было упасть.

Реяли вывески с намалёванными товарами, жонглёр ходил на руках, другой предлагал публике за один день набросить пять колец на установленный под хитрым углом шест, чтобы выиграть отрез камлота^[50]. Нищий усердно выставлял на обозрение струпья, отворачиваясь, чтобы расковырять их гвоздём. Мелкие монеты оставлял на земле, дабы никто не забыл, зачем он здесь сидит, а посолидней поскорее совал за щёку, отчего рожу перекашивало, и жалости к нему прибавлялось ещё на пару монет. Пахло пивом, пирожками и жареной селёдкой, исполняющей скворчащий танец в масле на огромных прокопчённых сковородах, установленных на таганах.

Фрейлины, как осы арбузную корку, облепили лотки с тканями и женскими штучками, вроде шиньонов, помады для волос, шпилек, ручных зеркал, средств для отбеливания кожи и смягчения голоса. А так, выставлялось всего понемножку, как принято на таких мелких

стихийных ярмарках: гимпы^[51], ножи с узорной рукоятью, сёдла, бахрома и кайма на платье, нитки, бусы, пергамент, игральные кости, целебные травы и чудодейственные мази, излечивающие всё, начиная со свища и заканчивая тугоумием.

Среди шедших навстречу я заметила Гвельфу. Она шла под ручку с тем самым громилой-стражником, любящим обходиться без простыней. На шее служанки болтались дешёвые квадратные бусы, которые та то и дело смущённо теребила.

– Вон ваш брат!

Бланка встала на цыпочки, указывая направление. Там свита Годфрика развлекалась метанием ножей в деревянный щит, и Людо в их числе. Дита незаметно одёрнула принцессу и сделала шёпотом внушение. Бланка повинилась для вида, а сама продолжала нетерпеливо стрелять глазами в ту сторону из-под полуопущенных ресниц.

Я уже десять раз пожалела, что предложила пойти вместе. С одной стороны, из дружбы с Бланкой можно извлечь выгоду, но с другой – слишком сблизиться и узнавать её не хотелось. До приезда в замок ненавидеть принцессу было легче. Вообще всё было легче. Когда за именами, которые мы с Людо шептали в своей ежевечерней молитве-проклятии, стоял лишь звук, а не люди из плоти и крови. Брат прав: надо подогреть в себе злость. Даже если порой это совсем непросто... Ненавидеть Бланку было непросто. Презирать – да: за тихий голос, робость, раздражающую мягкость, проявляющуюся в каждом слове, движении, взгляде. Но не ненавидеть.

Мы принялись лавировать и протискиваться сквозь труднопроходимую чащу тел, но на полдороге к Людо я заметила знакомый плащ возле женской палатки.

– Присматриваете шиньон?

Тесий обернулся и, приставив ладонь козырьком от солнца, широко улыбнулся. Глаза в окружении лучиков морщинок казались синими-синими.

– Ищу похожие пуговицы, – он указал на пурпуэн, где не хватало двух ромбиков с золотой окантовкой, и я смутно припомнила, как в забытьи под дождём цеплялась за него соскальзывающими пальцами.

– Кажется, вот эти подойдут, – я выудила из лотка очень похожие и, наклонив руку, ссыпала ему в ладонь.

Тесий покрутил одну, рассматривая.

– Да, вполне. Возьму их, – кивнул он торговцу и поклонился подошедшим Бланке и Дите. – Ваше Высочество, миледи.

– Мы направляемся к братьям, – громко сообщила принцесса.

– Тогда позвольте вас сопровождать?

Мы позволили, и Тесий, расплатившись, принялся расчищать нам дорогу. Продвигаться стало значительно легче.

– У меня не было случая поблагодарить вас и спросить, как прошла поездка. Удачно?

Секретарь бросил быстрый взгляд на Бланку.

– Да, вполне. Ну куда же ты лезешь! – Поймал он за шкуру вертялого сорванца, пытавшегося рыбкой проскочить между нами, и отправил в обход. – Через пару недель ждём делегацию с ответным визитом. В честь этого состоится праздник.

– Праздник? – оживилась принцесса. – Значит, будет пир? А возможно, и танцы?

– Да, скорее всего, – сдержанно улыбнулся Тесий. – Так что вам стоит уже сейчас озаботиться нарядами и украшениями.

Мы как раз проходили мимо очередной завлекательной палатки, и я замедлила шаг. Глаза невольно разбежались. Впервые за долгие годы я могла позволить себе маленькую роскошь. Не украсть, не колебаться мучительно между желанной безделицей и едой, всегда выбирая в итоге последнюю, а спокойно купить: в поясе бряцало немного мелочи из задатка леди Катарины. Эти деньги честно отработаны в брачную ночь с Годфриком, пусть и не совсем так, как она хотела, но, главное, цель достигнута.

Я провела костяшками по мягким шёлковым лентам, протянувшимся разноцветными языками.

– Сколько?

Пузатый лысоватый торговец поддел ближайшую заскорузлым пальцем, чтобы заиграла на солнце и покупательница точно не соскочила с крючка.

– Четыре денье, но для вас, леди, всего за два.

– Вам нравятся? – спросил Тесий.

– Очень.

– Позвольте заплатить?

– Я могу сама.

– Конечно, можете, но дело ведь не в этом, правда?

Я неуверенно посмотрела на него, снова на ленты и, помедлив, кивнула.

– Хорошо.

Он повернулся к торговцу:

– Дайте нам две красные.

– Лора предпочитает изумрудные, – раздалось за спиной. – Её любимый цвет.

Мы одновременно обернулись. Людо стоял, сложив руки на груди, и зло, неприятно улыбался.

– Я запомню на будущее. Рад встрече, Людовик.

Брат предпочёл не заметить протянутую руку, продолжая смотреть только на меня всё с той же жуткой приклеенной улыбкой.

– Не трудись, тебе это знание не пригодится.

– Мне и красные нравятся, – возразила я, чтобы сгладить грубость.

– Да? Раньше ты этот цвет не различала. Наверное, после сна всё в голове перепуталось, – любезно заметил брат. – А как насчёт вас, принцесса? Какие вам купить?

Оказывается, Бланка не так уж мне мешала. До этого момента.

– Я тоже люблю изумрудные, – едва слышно прошептала она, и в глазах у меня помутилось, а лицо перекосило от точно такой же, как у Людо, улыбки.

– Да? – усмехнулся он, глядя на меня. – А мне кажется, вашим волосам больше канареечные пойдут.

– Значит, я люблю канареечные, – последовал ответ.

Закончилось тем, что он купил ленты нам обеим, и дальше группа разбилась на тройку и пару: Людо сопровождал принцессу с неотступно следующей по пятам Дитой, а Тесий – меня.

– Вы его боитесь? – неожиданно спросил мой спутник.

– Кого? Брата? Конечно, нет! – Я засмеялась, и Людо обернулся с прищуром. – С чего вы взяли?

– Просто иногда он так на вас смотрит... вот как сейчас, даже мне жутко становится. И этим же взглядом перерезает мне горло. Ещё он бывает с вами груб.

Мне стало не до смеха.

– Не говорите того, о чём не знаете, – резко ответила я. – Людо никогда не причинит мне вред, и нет ничего, чего бы я ему не простила.

– Ничего? – тихо переспросил Тесий.

– Ни единого преступления, – отчеканила я, и на этот раз настал черёд секретаря смеяться.

– Что вам знать о преступлениях? Вы, думается мне, и бабочку тронуть не посмели бы. Вот скажите, что самое страшное вы совершили в жизни?

Я напряжённо посмотрела на него.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, за что вам стыдно?

Брат снова кинул на меня взгляд через плечо, и между нами протянулся узкий, пропахший подгоревшей подливой коридор.

Там, как обычно, темно – хозяин жмёт каждый день, – и я стараюсь ступать осторожно, чтобы не расплескать ни капли водянистого лукового супа, а ещё медленно – чтобы успеть дожевать каре ягнёнка. Я отщипнула чуть-чуть, с самого краешку, где незаметно. Мясо жёсткое, как ступня паломника, и с душком, но выплюнуть жалко – еда же всё-таки. Людо оборачивается на звук шагов, прикладывает палец к губам и знаком подзывает меня. Из-за полуоткрытой двери крадёт узкая полоска света и слышны голоса. Один – господина Букэ, трактирщика, у которого мы вкальваем и столуемся весь последний год, второй мне не знаком.

– Девчонка из них, точно тебе говорю.

– Слышал, они все поджарились, как куропатки на День зимнего солнцестояния, – сомневается второй.

– Ты оглох? Я лично вот этими самыми глазами видел сегодня утром, как она перекидывалась.

Наступает пауза – второй обдумывает.

– А она того, хорошенькая?

– На кой тебе её рожка! Это как кусок мяса: она кем хошь может стать, хоть самой королевой. Прикинь, сколько в «Весёлом замке» станут отваливать за радость трахать королеву! Да к ней очереди до самых Скорбных Чертогов выстроятся, только матрас успевай

менять. – Небрежная дробь пальцев о стол. – У тебя же шурин туда девок набирает, скажи, отдам по дешёвке.

Каре ягнёнка вязнет в зубах, кровь стремительно замерзает, с трудом продираясь по жилам ледяными иголками. Кажется, меня сейчас вырвет.

– А сам-то как, уже пробовал?

– А ты как думаешь?

И трубный гогот.

Поднос в моих руках дребезжит, ноги противно-слабые.

– Это ты, девочка?

– Да, господин Букэ, я принесла обед.

– Давай же его сюда поскорее, мой друг зверски проголодался!

Тело деревянное, а поднос, прыгая, плывёт впереди меня. Мутная жижа плещется туда-сюда и стекает соплями по краям мисок. У второго нос клювом и жидкие волосы, зачёсанные назад через всю лысину, из коротких штанов торчат волосатые ляжки. А глаза – как этот суп.

– Я могу идти, господин Букэ?

– Беги, мышонок, я позову, если понадобится.

Тем же вечером я сортирую в подвале грязное бельё. Скрежет двери наверху, и ступени проседают под тяжёлыми шагами.

– Ты одна, мышонок? – щурится он, остановившись на середине лестницы.

– Да, господин Букэ, собираюсь постирать скатерти, – киваю я на чан.

– Вот это ты молодец, маленькая труженица.

Оханье ступеней возобновляется.

– А у меня с ужина целая миска рагу осталась, горячая, с маслом, специально для тебя. Хочешь?

– Конечно, хочу, господин Букэ!

Он останавливается вплотную, почти касаясь меня животом, и растягивает губы в довольной улыбке. Единственная свеча горит за спиной, поэтому лица не видно, только рот и глаза жирно поблёскивают.

– Конечно, хочешь, – со вкусом повторяет он, трепля меня за подбородок.

– Но ведь не просто так, – улыбаюсь я и приспускаю платье с плеча.

Он даже моргает от неожиданности. А потом пыхтит, сгребает меня и припадает мокрыми губами к шее, одновременно пытаясь задрать подол.

– Ах ты, маленькая негодница!

– Подождите, – я с трудом выворачиваюсь и отскакиваю, – сперва скажите, ваша жена уже спит?

– Не думай об этой свинье, она нажралась и уже с час как храпит наверху. – Он хватает меня за плечо и притискивает всей массой к стене, а я стараюсь не задохнуться, вжатая в старое обрюзгшее тело.

Людо недостало какого-то мига. Толстяк в последний момент оборачивается на шорох за спиной, одновременно выкидывая кулак – в итоге жила задета лишь по касательной, а выбитый нож приземляется с эффектным кульбитом аккурат в стиральный чан. Взревев раненым зверем, одной рукой мужчина зажимает рану на шее, из которой хлещет кровь, второй хватает брата за горло.

– Не тронь его! – Меня, повисшую на локте, просто отшвыривает.

Я с грохотом сишаю табуретку и врезаюсь в стену. Когда прихожу в себя, Людо уже на полу, а толстяк на нём, душит обеими руками, брызгая на брата кровью. Я скольжу обезумевшим взглядом вокруг. Мешалка, крепкая массивная дубина с тремя «рожками» на конце, прислонена к чану. Первый удар трактирищик даже не замечает.

– Отпусти его!

Второй заставляет его мотнуть головой.

– Убери лапы!

Третий – покачнуться, толстые пальцы обмякают, и мужчина поворачивается ко мне с осоловелым взглядом.

Я раз за разом опускаю тяжёлую мешалку ему на голову:

– Оставь! Его! В покое!

Трактирищик давно распластался неподвижной грудой, тело при каждом ударе вздрагивает, а я с остервенением бью и бью его, чтобы перестал дёргаться. Потом кто-то вырывает деревяшку из рук.

Людо, белый как полотно, надсадно кашляющий, стискивает ледяными пальцами моё лицо:

– Слышишь? Лора, ты меня слышишь?!

– Д-д-да...

– Тогда обыщи его, срежь кошель и затри кровь, а я сбегаю наверх, заберу, что есть.

Хлопает дверь, и я остаюсь наедине с телом господина Букэ. Из-под задравшейся рубахи вываливается его огромный живот, а голова похожа на расколотый арбуз. Вокруг растеклась лужа, и помаргивающая свеча отражается одинокой луной в этом вязком багровом болоте. Мои зубы звонко клацают в тишине, во рту ни с того ни с сего появляется мерзкий привкус – каре ягнёнка...

А потом прямо на глазах лужа начинает выцветать, становясь светло-серой, почти прозрачной. Где-то в глубине меня нарастает смех. Я-то думала, что убила человека! Когда брат возвращается, я все ещё хохочу, громко, безудержно, тыча в трактирщика пальцем:

– Людо, смотри, господин Букэ не человек, гляди, что у него внутри!

Людо хмурится, смотрит то на меня, то на лужу:

– Я же велел затереть кровь.

– Это не кровь, Людо, видишь, она не красная!

Я погружаю ладони в тёплую лужу и протягиваю ему руки, с которых стекают жидкие полубесцветные перчатки.

Брат хватает меня за плечи и несколько раз встряхивает до звона в ушах.

– Скорее, Лора, тот второй тоже про тебя знает. Нам нужен хотя бы денёк форы, его не должны сразу обнаружить. – Он пинает тело и оборачивается на чан, переводит взгляд на дубовую крышку. – Давай, бери его за ноги. – И поморщившись: – Только сперва руки оботри...

Часом позже я стучу в ставень двухэтажного дома на каменном цоколе. Дверь распахивается, и на меня смотрят глаза цвета супа.

– Здравствуйте, – улыбаюсь я. – Помните меня? Вы у нас сегодня обедали, господин Букэ прислал меня в качестве подарка. Вы один дома?

Ярмарочные звуки снова обрушиваются на меня пульсирующим гомоном.

– Лора, вы меня слышите?

– Да, милорд. Мой самый страшный поступок? Дайте подумать... неделю назад я поленилась и вознесла молитву Праматери четыре раза вместо пяти. До сих пор стыдно...

А Людо, кстати, неправ. Я вижу красный и не различаю только цвет крови – для меня она серая. И ещё: ни в тот день, ни после я ни разу не пожалела. Случись всё снова, поступила бы так же.

– А как насчёт вашего самого ужасного секрета, милорд?

– Осторожнее! – Тесий дёрнул меня на себя, и очень вовремя, потому что в следующий миг яркая струя огня ударила в то самое место, где сейчас оказалась бы я.

Выплюнувший её жонглёр виновато вытер рот.

– Извиняйте, леди.

Его фигура колебалась в текущем от жара воздухе, запахло чем-то едким, вокруг заохали, женщина с младенцем запоздало вскрикнула. Я вдруг обнаружила, что прижата к груди Тесия, а сердце судорожно бьётся, не знаю, от чего больше – от того, что только что чуть не вспыхнула факелом, или потому, что меня у всех на глазах крепко обнимает молодой мужчина.

– Сильно испугались? – спросил он, почти касаясь губами виска.

– Ни капли, – прошептала я и приложила ледяные подрагивающие пальцы к своей пылающей щеке – воздух вокруг нас всё ещё вихрился горячими жгутами. – Я никогда не пугаюсь.

– Помню, – улыбнулся Тесий, чуть отстранившись, но не убрав рук и глядя с нежностью, – и ничего не боитесь.

Жонглёр позади меня выпустил новую струю пламени, и оранжевая вспышка утонула в глазах Тесия, превратив их в два изумруда с медленно тающими искорками.

– Спасибо, что спасли от огня, – запоздало спохватилась я.

– А вот вы меня толкаете прямо в него. – Ладонь на моей талии напряглась. – Самая ужасная мысль пришла мне в голову только что: хотел бы, чтобы вы снова оказались у него на пути, а потом ещё раз и ещё. Готов спасти вас весь день.

Я опустила голову и прочистила горло.

– Отпустите, пожалуйста, платье.

– Простите, – он разжал пальцы, выпуская смятую ткань на груди. Несмотря на сильный рывок, нитки выдержали. Я тщательно разгладила платье и только потом подняла ресницы. Взгляд выхватил позади него ту самую женщину с ребёнком, вскрикнувшую вместо меня. Теперь она крутилась возле прилавка с поделками. Торговец сунул ей под нос какую-то коробочку, и выпрыгнувший оттуда тряпичный ваалу заставил её отшатнуться с отвращающим жестом и поспешить прочь.

– Вы знаете эту женщину, милорд? Лицо кажется знакомым...

Тесий обернулся и прищурился в указанном направлении.

– Мората, жена главного псаля, с младшим ребёнком. А в чём дело?

– Она только что обронила монеты, пойду догоню её. Потом мне нужно найти брата.

– Вы даже не взглянете на меня напоследок?

– До встречи за ужином, милорд.

* * *

Людо с Бланкой нашлись в закутке за крайней палаткой. Она слушала его, опустив голову и теребя ленту, которую брат медленно сматывал с другого конца, подтягивая девушку к себе шажок за шажком. Принцесса меня не видела, стоя спиной, а вот он заметил и, наклонившись к её уху, что-то быстро шепнул. Из-за лотков послышался голос Диты, ищущей Её Высочество, и та поспешила навстречу компаньонке, так и не обернувшись. Лента повисла у Людо в руках. Он привалился к стене и принялся накручивать её на палец, поджидая меня.

– Чего ты добиваешься? – сразу напустилась я. – Зачем оказываешь Бланке знаки внимания? Мы ведь все уже обсудили.

– В чём дело? Развлекаться можно только тебе? – осклабился он и протянул запястье. – Поможешь повязать ленточку?

Я стукнула его по руке.

– Прекрати, это не игра.

– Да ты не в духе? А где там наш Лорд-Совершенство? Помер от достоинств?

– Благодаря этому Лорду-Совершенство, как ты его называешь, мы очень скоро выясним, какое священное подношение используют Скальгерды.

Людо вмиг переменился в лице и взбешённо схватил меня повыше локтя.

– Ты что, все ему рассказала?!

– Конечно, нет! – возмутилась я и резко высвободилась, потирая предплечье. – Просто идея пришла во время разговора с ним.

Про эпизод с жонглёром решила не упоминать.

– Что за идея? – немного успокоился брат.

– Есть здесь одна женщина, Мората, жена главного псаря, довольно впечатлительная и суеверная особа. К тому же недавно снова стала матерью, а такие вещи делают людей ещё более впечатлительными и суеверными.

– Да, знаю её, что дальше?

– Как, по-твоему, поступит подобная женщина, решив, что ребёнку угрожает опасность?

– Обратится за помощью к мужу? – нахмурился Людо.

– А если муж не в силах помочь с проблемой? С очень-очень большой проблемой. К кому она пойдёт?

До брата начало доходить.

– К своему сюзерену? – криво улыбнулся он.

– К Годфрику, – кивнула я. – А его делами занимается регент. Но он тоже окажется бессилён, и тогда ему придётся призвать кого-то куда более могущественного... – Я приподняла брови.

– Покровителя!

– Именно. Они сделают всё сами, а нам лишь останется разузнать, что будет преподнесено в качестве вотивного дара, и наблюдать. Если повезёт, убьём двух зайцев одним ударом – ещё и выясним место призыва.

В глазах Людо мелькнуло восхищение, сменившееся сомнением:

– А если он не станет вызывать Покровителя ради какой-то собачницы?

– Станет, ведь иначе под угрозой окажутся остальные.

– Тогда нужна большая угроза.

– Она и будет большой. Для начала достань пластину из свинца или олова и сделай табличку, потом нацарапаешь на ней, что скажу.

- Так какую проблему мы ей устроим?
- Мы проклянём её дитя, – спокойно ответила я.

На самом деле я, конечно, не собиралась проклинать ребёнка Мораты, да и не умею я этого. Достаточно, чтобы она считала, что его прокляли, и испугалась настолько, чтобы обратиться за помощью к Бодуэну. А в том, что она так поступит, нет сомнений. В любом случае, всегда можно подкинуть мысль.

Сама идея пришла мне случайно: в одной из деревень, где мы с Людо за эти годы останавливались, я проснулась как-то утром под тревожное уханье набата. Как оказалось, женщины обнаружили на дне колодца на площади подобную табличку с непонятными письменами – я видела их лишь вскользь, но они врезались в память. Приглашённый клирик повертел её так и сяк и подтвердил людские страхи: кто-то проклял деревню через источник воды. Сама надпись так и осталась загадкой, поскольку не была составлена ни на одном из известных клирику языков, правда, знал он всего один, владея грамматикой на уровне умения поставить подпись вместо крестика, однако считался единственным грамотным – мы с Людо про себя, естественно, не рассказывали.

В итоге вину свалили на приезжего сказителя и забили его до смерти камнями ко всеобщей радости. На том проклятие посчитали снятым, раз уничтожен наславший его. А потом Людо подрался с сыном старосты, Робэном, едва не прикончив его, и нам пришлось бежать из деревни. Очень вовремя, потому что через месяц в те края пришёл мор и выкосил всех подчистую. Но я до сих пор помню суеверный ужас на лицах женщин, прибежавших с площади, и ярость, с которой они метали камни, а мужчины добивали беднягу кольями.

С Тесиём я, вопреки последним словам, увиделась до ужина. Ярмарка нарушила привычный ход вещей, и всеми владело необычное возбуждение. Даже самым степенным передался общий легкомысленный настрой. Те, кто вернулись с праздника пораньше, затеяли игры в галерее подле трапезной. Постепенно к ним подтягивались всё новые участники, включаясь в забаву. Когда я вошла под сень, их насчитывалось уже с три десятка. Тут были и фрейлины, и часть свиты Годфрика. Стоял галдёж, люди громко хлопали в ладоши,

привлекая внимание крутящегося в центре юноши. Несмотря на надетый на лицо задом наперёд капюшон, двигался он довольно ловко, чутко улавливая движения игроков. Иногда Слепец в Колпаке совершал обманный манёвр, в последний момент кидаясь в другую сторону, и женщины с визгом бросались врассыпную. Наконец одна замешкалась и оказалась схвачена поперёк талии.

– Та-а-ак, и кто тут у нас?

Руки беззастенчиво притянули её, обшарили, прошлись по лицу, потрогали губы и спустились к груди. Девушка взвизгнула и была тут же опознана.

– Леди Агнес, – объявил ведущий и, сдёрнув колпак, оказался оруженосцем Киллианом, с красным запыхавшимся лицом и взлохмоченными волосами.

– В играх нужно участвовать, а не смотреть на них, – раздалось над ухом.

Я недоверчиво подняла глаза на Тесия.

– Тоже собираетесь участвовать? Вы же это несерьёзно?

– Я ещё никогда не был так серьёзен в отношении игр, – заявил он торжественно и увлёк меня в самую гущу, где леди Агнес уже натянула капюшон и пыталась выцепить из окружившей её толпы следующую жертву. Таковой и стал в итоге Тесий. К нему очень быстро попала леди Жанна, до странного медлительная и буквально путавшаяся у него под ногами, вместо того чтобы убежать. Вскоре сменилась и она, и я с визгом увернулась от протянутых рук.

Было весело... Если честно, не припомню, когда мне в последний раз было настолько весело! Казалось, вернулись те беззаботные времена, когда родители устраивали пиры и к нам собирались гости. Только их развлечения были куда более скучными и приличными. Мама даже танцы не одобряла, в итоге нас с Людо не учили ни им, ни стихосложению, ни игре на музыкальных инструментах. В полной мере эти пробелы я прочувствовала, лишь оказавшись здесь, среди других высокородных девушек. Пожалуй, я самая дурно воспитанная из фрейлин. Что бы теперь сказали мама или кормилица, увидев, как взрослые знатные женщины и мужчины гоняются друг за дружкой по коридору, точно малые дети? Ещё пара раундов, и я тоже попала и была опознана.

– Помочь? – спросил Марк, протягивая капюшон и подмигнув группе друзей.

– Спасибо, я сама.

Я помедлила, комкая шерстяную ткань, отыскивала взглядом Тесия и, улыбнувшись ему, натянула «колпак» задом наперёд. Темнота съела мир, скрыв от меня разряженную толпу и оставив только звуки и жёсткую колючую ткань. Над ухом маленьким взрывом раздался первый хлопок, и я метнулась за невидимым игроком. Хлопки посыпались отовсюду, близкие и неуловимые, заставляя меня крутиться на месте, застывать и бросаться то в одну сторону, то в другую. Было и весело, и жутко. Колпак нагрелся от моего дыхания, тёр и щекотал лицо. Наверное, я буду такая же красная и растрёпанная, как Киллиан, когда сниму его... Шарканье кожаных подошв, поддразнивающее хихиканье, шелест нарядов, звяканье кошель, птичьи крики под сводами, нарочито громкие возгласы над ухом, от которых я вздрагивала – воздух был соткан из звуков, но руки раз за разом хватали пустоту, и в какой-то момент показалось, что я на самом деле одна в этой темноте и гоняюсь за фантомами.

Голова закружилась, ноги путались в подоле, а колпак стал неприятно тесным и душным. Нестерпимо захотелось сорвать его. Так бы я и сделала, но тут наконец наткнулась на чьё-то тело. Возгласы и хлопки мгновенно прекратились, сменившись частым громким дыханием и перешёптываниями.

Пойманный не шевелился, покорно подставляясь моим рукам. Я провела ладонью по отороченной мехом котте, явно мужской. Под пальцами расцветал богатый рисунок лампасной ткани.

– Должно быть, это Рогнеда, – громко произнесла я озорства ради под сдавленные смешки. Разумеется, матрона не принимала участия в игрищах. – Нет, не она, – перебила я себя. – Тогда леди Жанна?

Я коснулась пояса, короткого ряда пуговиц, доходившего до груди, встала на цыпочки, потянулась выше, туда, где начинался стоячий ворот, и наткнулась на щетинистый подбородок. Сколько щетинистых подбородков в этом замке? Далёко не десяток. Но меня точно обварило: на кончиках пальцев разом вспыхнули сотни искр, коля до оголённых нервов, до чёткого осознания, кто стоит напротив. Его же не было среди игроков! Видимо, проходил мимо. Бежать, спрятаться, забиться в какую-нибудь нору... но руки отдельно от моей воли

продолжили исследование, ощупывая гладкий шнурок на шее, прямой нос, вьющиеся, но при этом удивительно мягкие волосы, щекотные ресницы, чуть обветренные губы и даже тёплое дыхание. Я забыла, где нахожусь и что вокруг есть ещё люди, а он не пытался отстраниться. Не знаю, может, мне верилось, что пальцы увидят больше, чем открытые глаза, подскажут о нём нечто новое.

Тут кто-то откашлялся, и я, опомнившись, отпрянула и стянула капюшон. Волосы с тихим треском облепили меня, превратив в прилизанную покрасневшую кошку.

– Неважный из вас Слепец, – насмешливо произнёс Бодуэн. – Вы так и не отгадали.

– Не отгадала, Ваше Высочество, – согласилась я с его сапогами, перебирая края капюшона.

– Леди Лорелея нарушила правила, сняв колпак, а посему будет отдана на съедение страшному чудовищу, то есть мне, – громко объявил он собравшимся и взял меня под локоть. – Идёмте.

– Куда?

– Хочу обсудить с вами одно дело.

Рука властно потянула меня прочь. Присутствующие переглядывались, кто-то смотрел с любопытством, кто-то многозначительно усмехался. Почему они усмеваются? Тут Тесий выступил вперёд с немного напряжённой улыбкой.

– Ты мне не понадобится, – бросил Бодуэн, прежде чем тот успел раскрыть рот.

Обо мне забыли, едва мы вышли из круга. Я семенила рядом с Бодуэном, увлекаемая всё дальше от игроков, которые уже выбрали следующего ведущего. Перед поворотом беспомощно обернулась на Тесия, стоявшего со скрещёнными на груди руками и провожавшего нас хмурым взглядом, а потом оказалась под открытым небом.

В лицо дохнул весенний ветер, немного охладив щеки и мои перегретые мысли. Вечереющее небо приобрело жемчужный оттенок, стекая дымчато-розовым перламутром к горизонту. В вышине скользили редкие пластины облаков.

– Вы верите, что я вас съем?

– Что? – Я подняла голову и наткнулась на веселье в глазах. – Нет, разумеется, нет, Ваше Высочество.

– Тогда почему так трясётесь?

– Я не...

Он прав: руки дрожат так, что будь к ним привязаны колокольчики, я бы звенела на всю округу.

– Меня утомила игра.

– Значит хорошо, что я оказался там. Пройдёмся? Слышал, вам нравится наш сад.

– От кого слышали? – довольно резко спросила я.

– От Тесия, конечно.

Или от Мод. Или ещё от какого-нибудь шпиона.

– Ясно.

Поскольку его предложение явно не требовало согласия с моей стороны, мы молча обошли палас и принялись спускаться к каменной арке. Сюда не доносились шум и голоса со двора. Этот отгороженный уголок наполняли другие звуки: шелест листвы, тихие всплески от водяных птиц, лёгкий скрип цепей. Из глубины сада настойчиво тянуло лавром и пряным, с лёгкой горчинкой, майораном. Все ещё обострённые после колпака чувства жадно впитывали эти хорошо знакомые звуки и запахи, сейчас кажущиеся почти болезненными в своей яркости. Или такими их делает моя взвинченность?

Я искоса поглядывала на регента, но не выше шеи, чтобы не встретиться снова ненароком взглядом. Котта со стоячим воротом? Меня обсмеяли бы даже куры. Конечно, это был упелянд.

Что ему от меня нужно? И так внезапно... неужели знает? Вдруг кто-то слышал наш с Людо разговор сегодня днём? Нет, невозможно, рядом никого не было, а мы шептались на уровне слышимости. Тогда какое у него может быть дело ко мне, обычной фрейлине? Но спросить я не решалась, дожидаясь, пока он сам заговорит.

И почему он выбрал именно сад? Не потому ли, что знает, как уязвимо и неуверенно я чувствую себя вблизи воды?

Ты параноик, Лора.

Мы миновали арку, словно пересекли невидимую границу в другой мир. Но вместо того, чтобы двинуться по одной из широких аллей к центру, где располагался фонтан с треснувшей чашей в окружении мраморных скамеек, Бодуэн уверенно повёл другой дорогой, которой я ещё не ходила – ни с Тесиём, ни одна.

– Помнится, я уже спрашивал в самом начале, нравится ли вам в замке. Как ваше мнение, не переменялось с тех пор?

– Нет, Ваше Высочество, мне здесь по-прежнему по душе.

– И вы хотели бы остаться насовсем, служить своему королю и королеве?

– Конечно, Ваше Высочество, для меня нет большего счастья.

– Тогда считайте, что это дом, где вам всегда рады.

Дом...

– Вы слишком добры.

И голос мой звенит, конечно, от радости.

– Ваши предложения стали чуть более развёрнутыми, это радует. Не проявилось ли тут влияние одного нашего общего знакомого?

– Вы о лорде Авене? Мне приятно его общество, он умён и хорошо воспитан, – ответила я, тщательно подбирая слова.

– Он также отзывается о вас в самых лестных выражениях.

Они что, обсуждают меня?.. Перед глазами встала картина: Тесий кладёт Бодуэну на стол ежевечерний подробный отчёт, включающий в числе прочего наши встречи до последней мелочи, вроде того жонглёра, моего сбившегося дыхания и любимого изумрудного цвета. Или же зачитывает его вслух скучным монотонным голосом, скользя взглядом по своим идеальным строчкам. В том, что они идеальны, можно не сомневаться.

– Уверена, из вежливости, – сухо произнесла я. – Я не могу похвастать ни его знаниями, ни образованностью.

– Тесий никогда не интересовался женщинами из вежливости. А таланты у вас, конечно, тоже есть, просто другие, и вы их, как и всякая скромная девица, скрываете и преуменьшаете. Помнится, пение не из их числа, но зато вы рисуете.

Тон серьёзный, а в глазах пляшет насмешка. Или мне так только кажется?

– Какое у вас ко мне дело, Ваше Высочество? – не выдержала я.

Бодуэн не рассердился на грубость.

– Это и есть моё дело, – обезоруживающе улыбнулся он и мимоходом сорвал травинку, вдыхая вечерний запах. – Тесий – прекрасный секретарь, он, как вы справедливо заметили, умён и образован. Я лишь желаю убедиться, что отдаю его в надёжные руки, которые не помешают ему и дальше исправно нести свою службу, потому что расстаться с ним сейчас насовсем не готов. Воспитать нового помощника сложнее, чем может показаться.

Я недоверчиво посмотрела на него. И это всё? Он затеял этот разговор, просто чтобы лично побеседовать с, как ему думается, избранницей своего приближённого подчинённого, а вовсе не потому, что в чём-то подозревает нас с Людо?

– Тогда ваши опасения напрасны. У меня нет намерения украсть у вас такой бриллиант.

– Почему опасения? – приподнял брови Бодуэн и закусил травинку. – Когда-то же это должно случиться.

– Но не со мной это точно. Я вообще не собираюсь выходить замуж.

– Неожиданно слышать от такой юной леди. А что же собираетесь?

– Посвятить себя заботам о брате.

Ответ вырвался сам собой. Вообще-то я даже не думала об этом до сего момента. А почему, собственно, нет? Мы с Людо всю жизнь вместе, нам больше никто не нужен, и нет причины думать, будто что-то изменится.

– А что вы станете делать, когда он женится, и заботы о нём лягут на плечи супруги?

У меня аж дыхание перехватило от такой наглости. Какой ещё супруги?! Людо только мой! Я поражённо уставилась на Бодуэна.

– Что? – весело удивился он. – Такая мысль не приходила вам в голову?

Не приходила... А теперь вот пришла и не скоро выйдет. Разговор нравился мне всё меньше.

– Мы можем не развивать тему, Ваше Высочество? – едва сдерживаясь, произнесла я.

– Разумеется, если вам неприятно.

Но, вместо того чтобы повернуть назад, как я рассчитывала, Бодуэн отодвинул ветку, прокладывая путь дальше, в глухую и, по-видимому, самую старую часть сада, плавно переходящую в лес. Мы давно сошли с аллеи, и теперь приходилось внимательно следить за тем, куда ступаешь. А вот регент перемещался без малейшего затруднения и не сделал ни единого неверного или хотя бы неловкого шага.

Странно... всё тот же сад, но природа словно бы придвинулась. Ароматы усилились в преддверии ночи, в траве и кустах постоянно

кто-то шуршал, мелькали хвосты, мех и любопытные глаза. Я не могла избавиться от ощущения, что к нашей беседе внимательно прислушиваются десятки мохнатых ушей. Не то чтобы звери обычно избегали гуляющих, но сейчас их манило сюда со всех концов парка, как мотыльков на свет. Свет моего спутника. Самые нетерпеливые выбегали на дорогу, застывали и исчезали при нашем приближении или сопровождали нас десяток-другой метров, а потом снова скрывались в зарослях. Вот и сейчас заяц или кто-то очень похожий на него буквально путался у Бодуэна под ногами, а тот спокойно шагал вперёд, не обращая на него ни малейшего внимания. Людо бы уже давно пнул.

– Хотел показать вам эту часть сада, она нравится мне больше других, – произнёс Бодуэн, словно прочитав мои мысли, и погладил ладонью пушистые метёлки вейника.

– Чем же?

– Выглядит нетронутой, похожа на девственный лес. Можно представить, что тут ни души на многие мили вокруг.

Подул ветерок, и где-то в стороне тревожно запели колоски трясунок, исторгая сухую музыку. Им мелодично вторила иволга.

– Вы так не любите людей?

Он покрутил браслет и улыбнулся своим мыслям.

– Зависит от людей.

Тут моё внимание привлёк очередной метнувшийся в кусты зверёк. Бодуэн это заметил.

– Отогнать их?

– Не нужно, они мне не мешают.

Он кивнул, продолжая путь.

– Вы знали, что замок заложен моим первым предком, Конрадом Четырёхпалым, на месте схватки с племенем йоуменов?

– Про это в общих чертах все знают, Ваше Высочество, – осторожно ответила я.

Впереди показался каменный мостик. Под ним тихо плескалась вода, запечатанная сердцевидными пластинами кувшинок с бело-жёлтыми, похожими на выеденное яйцо, цветками. Бодуэн сделал по нему несколько шагов, обернулся, заметив мою заминку, и протянул руку.

– Спасибо, я справлюсь.

Он не стал настаивать, просто продолжил путь, а я подобрала подол, сцепила зубы и осторожно двинулась за ним, держась за низкий полуразрушенный бортик. На той стороне за кустами раскинулась небольшая поляна.

– Это произошло здесь, – продолжил Бодуэн как ни в чем не бывало, когда я его нагнала. – Двенадцать веков назад окружающая нас местность была безводной. Когда йоумены спустились в долину, при Конраде оказалась лишь его верная гончая, Сайара, а их отряд насчитывал не меньше сотни воинов...

Ну разумеется. На меньшее легенды не согласны.

– ...Мой предок понял, что ему не уйти живым, и воткнул меч в землю, дабы вознести на перекрестье последнюю молитву Праматери. – В кустах неподалёку от нас замерла косуля, блестя бархатистым глазом и словно прислушиваясь к рассказу. Бодуэн вышел на середину поляны, смотрясь до странного гармонично в этом уголке дикой природы в своём длинном одеянии и с похожими на мех волосами, и провёл прутом по земле. – Но по счастливой случайности именно под ним проходила лей-линия, и когда он всадил оружие в землю, оттуда начал бить источник чистой воды. Она буквально смела вражий отряд, а тех, кто не утонул, растерзали звери, привлечённые новообретённым даром Конрада от разбуженного Покровителя. В тот вечер закат над долиной увидели лишь Конрад да Сайара. Под алыми небесами вода тоже казалась алой, а на вкус и по сей день остаётся солёной из-за пролитой тогда крови, поэтому непригодна для питья. Она была из-под земли до тех пор, пока вокруг не образовалось озеро.

– Хидрос? – небрежно спросила я, на деле слушавшая очень внимательно.

Бодуэн кивнул.

– Да. А вот оттуда, по легенде, и бил источник. – Он указал на что-то вроде купели из грубо тёсанных глыб.

Я подошла ближе и заглянула в сухой зев. Внутри копошились жучки.

– Здесь нет никакой воды.

– Её с тех пор и не было. – Регент встал напротив и опёрся руками о края чаши. – Это место огородили уже гораздо позже.

– И какова мораль этой легенды, Ваше Высочество?

Он пристально посмотрел на меня поверх купели.

– Суть легенд не в морали, миледи. Напротив, редкая из них обходится без рек крови, и чем они полноводнее, тем дольше легенду помнят. А что в этом морального?

– И много памятных легенд создали вы? – не удержалась я и тут же прикусила язык.

Бодуэн холодно улыбнулся.

– До славного предка мне далеко.

Я отвела глаза и подцепила листиком жука. Он повисел на краю и упал обратно, барахтаясь на спинке.

– Вы так и не сказали, в чём цель легенд.

– Развлекать, а ещё подпитывать гордость тех, чьи предки там фигурируют, – усмехнулся регент, побарабанив пальцами по камню.

Браслет из заплетённой в косичку лески блеснул в лучах догорающего солнца. Прекрасно помню это украшение. Надо же, Бодуэн до сих пор его носит... Почему-то незначительные детали запоминаются. Ты можешь с годами забыть лицо самого близкого человека, но будешь в мельчайших подробностях помнить вышивку на его платье.

– У меня получилось? – спросил Бодуэн, откинув голову и с прищуром глядя на меня.

– Что получилось, Ваше Высочество?

– Развлечь вас.

– Более чем. А сейчас, с вашего позволения, я хотела бы вернуться. Уже поздно, и брат будет за меня волноваться.

– С чего бы? Ему ведь скажут, что вы со мной.

Вот именно.

Я снова посмотрела на руки с длинными сильными пальцами и вдруг вспомнила, как они стискивали зад Мод. А ведь достаточно сказать несколько слов, и он сломает мне шею прямо здесь, в этом редко посещаемом уголке сада. Впрочем, зачем ему мараться – позовёт своих маленьких друзей.

– Я пошутил, идёте. Иначе Тесий заподозрит меня в намерении увести его даму, – легкомысленно заявил Бодуэн, прежде чем я нашлась с ответом.

Мы двинулись в обратный путь, но не успели пройти и двадцати шагов, как он резко вытянул руку, останавливая меня.

– Что вы...

– Тсс, смотрите!

Я проследила направление и заметила на земле какой-то рыжий мех. Приглядевшись, различила лежащего на спине зверька навроде лисицы, только уши-раковины крупнее, с чёрной бахромой по краям, мордочка острее, а конечности с короткими пальчиками.

– Кто это? Лиса?

– Нет, вульпис. Крайне редкий экземпляр, даже мне за всю жизнь повстречался лишь однажды. – Бодуэн усмехнулся чему-то себе под нос.

Закрытые глаза, неподвижная поза со страдальчески вытянутыми окоченевшими лапками, вывалившийся набок язык и бурые пятна на меху говорили сами за себя.

– Он мёртв?

– Не больше, чем мы с вами, но хочет, чтобы все так думали. Он охотится, не спугните. – Бодуэн встал у меня за спиной, положил руки на плечи и, наклонившись к уху, зашептал: – Сперва он выбирает место, где бы пожить, затем обмазывается красной глиной, которую издали можно принять за кровь, и замирает, почти не дышит, чтобы все решили, что он умер. – Прядь у виска шевельнулась от последнего слова.

Тяжёлые ладони буквально пригвоздили меня к земле, обездвижив. Я не заметила, как сама задержала дыхание, наблюдая за вульписом и слушая шелестящий голос, от которого приподнялись волоски на шее. Спина горела жгучими мурашками, невыносимо хотелось передёрнуть лопатками.

– Но он вовсе не умер, – продолжил рассказчик, – а лишь затаился до подходящего момента, и может лежать так о-о-очень долго, выжидая часами, даже сутками, если потребуется, но такого обычно не требуется, добыча не заставляет себя ждать.

Как по волшебству, качнулась ветка, и с ближайшего дерева на землю спланировал падальщик, приземлившись в паре шагов от лжемертвеца.

– И вот появляется первый смельчак, – усмехнулся Бодуэн, обдав шею горячим дыханием.

Мысли то метались мошкаррой, то текли клейкой патокой. Он не должен стоять так близко, не должен слышать, как колотится моё

сердце и учащается дыхание! Мышцы шеи и плеч окаменели от напряжения, но я не могла заставить себя пошевелиться, чтобы сбросить обжигающие ладони, от которых растекался тревожащий жар, переходящий в озноб.

– Он недоверчив, – мужская рука скользнула наверх, задев кончиками пальцев скулу, и аккуратно заправила мне за ухо прядь, – жизнь научила его не доверять никому и ничему, в особенности своим глазам. Поэтому он не торопится приближаться, хочет сперва проверить. – Птица с чёрными лоснящимися перьями, повертевшись вокруг зверька, подскочила, ударила его длинным загнутым книзу клювом и снова отпрыгнула на безопасное расстояние. – Но вульпис прекрасно знает правила игры, поэтому позволяет добыче это сделать. Один раз, второй, даже третий... – Я чувствовала взгляд Бодуэна, но сама смотрела только вперёд широко распахнутыми глазами, не позволяя себе даже моргать. Птица снова цапнула зверька, однако на сей раз уже не отскочила. – Бодуэн легонько сжал моё плечо, погладив большим пальцем основание шеи. – Постепенно она убеждается, что враг действительно повержен. И когда окончательно успокаивается и собирается приступить к пиру... – Падалыщик щёлкнул клювом и потянул рыжий мех...

Тут доселе мёртвый зверёк одним молниеносным движением извернулся и с хрустом вгрызся в птицу, прижав лапой трепыхающееся крыло.

– Добыча и охотник меняются местами, – закончил Бодуэн, убрал ладони и отступил на шаг.

Но я осталась стоять неподвижно, с бешено бьющимся сердцем, не в силах оторваться от разворачивающейся на краю поляны маленькой трагедии, свидетелями которой были лишь мы двое да это бездонное небо над головой. Шуршала трава, щёлкали зубы, хрустели кости и перья. Казалось, это в меня сейчас вонзаются острые клыки, и из меня выдирают куски плоти вместе с отчаянным криком. Птица попала на редкость сильная, раз или два ей почти удалось сбросить хищника. Но только почти. Последний рывок, и жертва перестала дёргаться.

Лишь тогда вульпис выпустил добычу, деловито встряхнулся, разметав присохшие к шерсти куски глины, и неторопливо приступил к ужину.

Я наконец повернулась к Бодуэну. Серые глаза мерцали в сгущающихся сумерках.

– Есть в этой схватке нечто завораживающее, не правда ли? – произнёс он хрипло резонирующим голосом, словно и у него в горле пересохло.

Возня мгновенно прекратилась. Вульпис замер, заметив нас. Покошачьи сверкнул огромными зелёными глазищами, пригнулся к земле, угрожающе рыча, и начал отступать к кустам, подгребая за собой когтями добычу, которую жаль было бросать.

– Подзовите его, – дерзко велела я. – Хочу рассмотреть вблизи.

– Не боитесь? – Стальная радужка вспыхнула, раскалившись добела, и вульпис застыл на месте.

Я растянула губы в улыбке.

– Брат говорит, хищникам нельзя показывать страх.

– Равно как и дразнить их, – медленно улыбнулся Бодуэн в ответ.

Ненавидь я его чуть меньше, померла бы от ужаса: вид у него сейчас был поистине пугающий. Сумерки наполовину скрадывали рослую фигуру, на лицо падала тень от дерева, зато глаза мерцали жуткими бельмами, как у слепой нежити. Но два таких сильных чувства во мне не помещались, и первое победило, кровь бурлила.

Я отвернулась к вульпису. Зверёк был уже на полдороге, временами с сожалением оглядываясь на такими трудами захваченную добычу, но продолжал шаг за шагом приближаться ко мне, одновременно взрывая лапами землю, словно его волокли за шкуру. Под конец полз уже на брюхе, прижав уши и мучительно жмурясь.

– Не делайте ему больно, просто держите. – Я присела на корточки, разглядывая хитрого охотника. В изумрудных глазах злость и страх мешались с любопытством и, как мне показалось, уязвлённой гордостью.

Я подняла глаза на регента.

– Он кусается?

– Как и любой зверь при угрозе, – кивнул Бодуэн. – Но можете не опасаться, я придерживаю.

К измазанной птичьей кровью мордочке прилипло несколько перьев. Я аккуратно сняла их, и вульпис с рычанием отшатнулся, а потом принялся к руке и лизнул. Перевернув её ладонью кверху, я

обнаружила ранку. Во время рассказа я крепко стискивала кулаки, забыв о сорванной колючей травинке.

– А людей едят?

– Нет, но человеческая кровь их привлекает.

Запустив руку в мех, я схватила зверька за шиворот и попросила:

– Отпустите его.

Бодуэн чуть нахмурился.

– Вы меня слышали? Клыки у него не для украшения.

Я разжала пальцы, поднялась и повторила:

– Отпустите.

Бодуэн дёрнул углом рта. Вульпис мгновенно выпрямился, ошалело тряхнул головой и брызнул к кустам, бросив последний жадный взгляд на птицу. Я быстро поднесла ко рту ладонь с ранкой и изо всех сил прикусила, ощутив на языке тёплую соль. Зверёк, уже готовясь нырнуть в заросли, замер и неуверенно обернулся. Я перевернула ладонь и сжала, подгоняя вялую струйку крови. Вульпис сглотнул, сделал несколько несмелых шагов обратно и остановился.

– Лора, не стоит.

Даже не взглянув на Бодуэна, я опустила на землю и протянула ладонь, с которой медленно капала кровь. Ещё несколько мгновений, полных мучительных сомнений, и наступил перелом. Вульпис засеменил обратно, словно околдованный, смешно дёргая носом и тряся бахромой на ушах. Подбежав, принялся лизать руку шершавым языком, собирая капли. Было щекотно, немного страшно, что всё-таки цапнет, и при этом пьяняще от осознания собственной дерзости и брошенного хищнику вызова. Вовсе не тому хищнику, что причмокивал сейчас над моей ладонью.

Я вдруг представила лицо Тесия при виде этой сцены и сдержала смешок, трепля вульписа за ухом. Пожалуй, никто в здравом уме меня бы не понял. Потом подняла глаза на Бодуэна, и улыбка примёрзла к губам. Я знала, что он смотрит... но не думала, что *так*. Будто я по меньшей мере кормлю младенца голой грудью. Мало того, под его плавающим взглядом мне и самой занятие стало казаться неприличным. В щёки хлынул жар, сделалось не по себе.

Не показав вида, я мягко отстранила зверька и поднялась.

– Ну всё, хватит.

Вульпис отлепился от руки с благодарным урчанием и посмотрел снизу вверх полным обожания взглядом. Горящие, как у Бодуэна, глаза слегка помутились.

Мужчина молчал, и меня охватывало всё большее смущение. Я уже не казалась себе такой уж смелой, ладонь неприятно саднила. Вообще-то довольно детская выходка получилась...

– Идёмте, – пробормотала я и направилась к выходу с поляны.

Вульпис, вместо того чтобы броситься к кустам или вернуться к прерванному ужину, побежал следом.

– Ну что же ты, – остановилась я, – ступай, ты свободен.

Я возобновила путь, но он не отставал ни на шаг.

– Беги прочь! – топнула я ногой.

Зверёк и не подумал послушаться. Сел на задние лапы, преданно глядя на меня с поволокой во взоре. Я повернулась к Бодуэну, стоящему на прежнем месте.

– Что с ним? Почему он не убегает?

– Потому что признал в вас хозяйку. Теперь куда вы, туда и он.

Я оторопела.

– Но мне этого не нужно! Велите ему уйти.

– Не могу, – пожал плечами Бодуэн с лёгкой усмешкой и двинулся в сторону моста.

Я поспешила за ним, а вульпис за мной.

– Конечно, можете, вы всё можете! – И тут же поправились: – В отношении зверей, разумеется.

– Только не разорвать привязку. Теперь вы у него в крови, Лора. Слыхали про «сердцу не прикажешь»?

– Но я... не хотела!

– Порой это случается помимо нашей воли, – мягко ответил Бодуэн. – Поэтому будьте осторожны, привязывая кого-то к себе. Подобное бывает довольно болезненным, как для одной, так и для обеих сторон.

– Что-то же можно сделать! Он мне не нужен!

– Можно, – равнодушно откликнулся Бодуэн, – убить его.

Я остановилась перед мостом и растерянно опустила глаза на вульписа. Он воспользовался остановкой и потёрся о мою ногу.

– Не хочу причинять ему боль, – с запинкой произнесла я.

Бодуэн наклонил голову, полыхнув глазами.

– Ему не будет больно, ручаюсь. Он умрёт счастливым, веря, что доставляет вам удовольствие.

Вульпис начал пятиться к мосту, не отрывая от меня взгляда. Когти застучали по камню. Он запрыгнул на борт и обернулся ко мне. Потом наклонился к воде, разглядывая своё отражение в просвете между кувшинками, понюхал поблёскивающую влагу и отшатнулся. Бодуэн издал тихий горловой звук, и зверёк снова подался вперёд, тронул воду лапой, отдёрнул, посмотрел на меня – будь я проклята, если он не улыбался! – и снова на воду. Мышцы напряглись, маленькое гибкое тело изогнулось, готовясь к прыжку...

– Нет! – крикнула я чужим голосом и бросилась к мосту, подхватила его, судорожно прижала к груди и повернулась к Бодуэну, задыхаясь от ярости. – Вы больше никого у меня не отнимете!!

Он помолчал и неспешно двинулся по мосту.

– Правильный выбор. Этого зверька очень непросто поймать и приручить, но оно того стоит. Если вы сумели завоевать его доверие и привязать, он будет предан вам до конца жизни, умрёт и загрызёт за вас. Последнее, кстати, куда ценнее никчёмной пассивной жертвы.

Вульпис лизнул меня в нос. Я посмотрела Бодуэну в спину и поплелась за ним. Так мы и прошли весь остаток пути до паласа, почти не разговаривая. Мне вдруг стало так холодно, что зубы застучали. Холодно изнутри, а не снаружи, но тёплое тельце напротив сердца потихоньку растопило иней. Вульпис вполне мог идти самостоятельно, но я боялась выпускать его, поэтому крепко прижимала к себе. Зверёк, потоптавшись, удобно устроился, урча и тая от блаженства в моих объятиях. Хвост довольно болтался туда-сюда поясным украшением.

Я ломала голову, как Бодуэн воспринял и истолковал вырвавшийся у меня крик. Но комментариев не последовало, и я успокоилась, решив, что он не обратил на странные слова внимания.

Возле крыльца регент повернулся ко мне для прощания и слегка поклонился.

– Спасибо за прогулку, миледи, надеюсь, вам она доставила не меньшее удовольствие, чем мне. Приятного вечера.

Пробормотав что-то похожее в ответ, я уже повернулась, чтобы уйти, когда он негромко произнёс:

– Думаю, вы мне сегодня солгали, Лора.

Я порывисто обернулась, не в силах выдать ни звука, только губами шевелила.

– Там, в галерее во время игры, вы меня узнали, – усмехнулся Бодуэн и двинулся прочь.

Я смотрела регенту вслед, пока он не свернул к трапезной. Из распахнувшейся двери вылился поток голосов, музыка, звяканье посуды, через мгновение всё снова стихло, оставив меня в тишине. Вульпис, почувствовав моё настроение, беспокойно зашевелился и потёрся щекой, пытаясь успокоить. Я отмерла и чмокнула его в макушку.

– Ничего, малыш, всё хорошо. Ты ведь малыш? Я не держу сейчас в руках пожилого почтенного вульписа?

Презрительное фырканье отвергло это предположение.

Есть мне совсем не хотелось, снова видеть Бодуэна, пусть и с противоположного конца зала, среди десятков других людей – и того меньше, поэтому я направилась к себе в комнату. Руки затекли, и я опустила питомца на пол. Он бодро побежал впереди, стуча когтями по полу и огрызаясь на встречных зверей. Раз или два отогнал от меня довольно безобидных шиншилл и облизнулся на голубя на потолочной балке. Мою комнату тоже вычислил безошибочно, елозя носом туда-сюда, и, стоило закрыть дверь, запрыгнул на кровать, покрутился и сел с выжидающим видом.

Я опустилась рядом и погладила его. Вульпис с урчанием ластился к руке. Рыжая шерсть неизменно воскрешала в памяти регента. Бодуэн ведь сделал это нарочно. Он мог остановить меня, рассказав, что произойдёт, но позволил привязать зверька. Зачем? И вот теперь у меня на руках вульпис, вечным напоминанием о нём. От шкурки тянуло дымком, а вовсе не падалью – даже запах чем-то схож... Это стало последней каплей.

Бодуэн не будет решать за меня! Если я захочу избавиться от кого-то, то сделаю это сама. Я медленно подняла подушку. Вульпис с любопытством следил за моими действиями и не шевельнулся, даже когда я накрыла его ей, только уши пригнул. Зажмурившись, я принялась медленно считать до тридцати. ... пять... семь. В груди kloкотало, горло и нос нестерпимо щипало, а перед мысленным взором стояли огромные доверчивые зелёные глаза, я всхлипнула.

... десять... тринадцать... Снизу не доносилось ни звука, ни шевеления.

Праматерь, что я творю! Я судорожно отшвырнула подушку, сгорая от страха, что уже поздно. Помятый вульпис выпрямился, раскрыл один глаз, потом второй, встал передними лапами мне на грудь и принялся лизать щёки. Я схватила его и на этот раз и правда чуть не задушила в порыве раскаяния, тиская и покрывая от макушки до хвоста поцелуями под восторженное урчание.

– Прости-прости! Я больше никогда тебя не обижу, малыш! Клянусь! Буду заботиться о тебе и любить больше всех на свете! – Спohватившись, я отодвинула его на вытянутых руках. – Ты же наверняка ужасно голоден, мы прервали твой ужин! Сейчас что-нибудь принесу.

Но стоило отойти от кровати, вульпис мягко спрыгнул на пол и потрусил за мной к выходу.

– Нет, ты остаёшься тут, – обернулась я, и он слегка обиженно сел на задние лапы. – Вернусь быстро, обещаю.

Через самое короткое время я уже расставляла на полу все, что удалось достать, а удалось немало: нарезанное кусочками сырое мясо, немного ветчины, жареную перепёлку и в отдельной плошке – молоко. Я рассудила, что хлеб и зерновая размазня хищнику не подойдут. Похоже, расчёт оказался верным, поскольку вульпис, нетерпеливо крутившийся возле меня, подлезавший под руку, пока я измельчала перепёлку, и мешавшийся десятком других способов, накинулся на еду, стоило мне отойти.

Я села на кровать, с умилением наблюдая, как он смачно расправляется с сырым мясом.

– Как же мы тебя назовём? – задумчиво произнесла я. Перед глазами встала звучная расправа над птицей. – Как насчёт Хруст?

Зверёк оторвал голову от миски и сделал движение, которое можно было расценить, как пожимание плечами: мол, Хруст, так Хруст.

– Отлично, значит с этим определились.

Мясо он съел до последнего кусочка, даже кровавой сироп со дна вылакал и облизал миску, а вот ветчине и перепёлке уделил один-два небрежных укуса. Сунул мордочку в молоко и возмущённо фыркнул, оросив усы жемчужным бисером.

– Ну, это ты зря, молоко полезно. Так по крайней мере моя кормилица говорила. А вот что нам точно надо сделать, так это помыться, – объявила я и оглядела своё платье. – Причём нам обоим. По мне будто стая лис пробежалась.

Что такое «мыться» Хруста интересовало ровно до того момента, как я наполнила таз водой и попыталась его туда поместить. Впервые зверёк проявил непокорность и отчаянно сопротивлялся, по-обезьяньи цеплялся всеми четырьмя лапами за мою руку, щёлкал зубами, правда, не кусал, но в итоге шлёпнулся в воду, выплеснув на меня половину. Мокрая шерсть облепила его, сразу уменьшив вдвое, обозначив тощие рёбра и убавив солидности, усы поникли. Только сытый живот торчал. Я, не удержавшись, расхохоталась, за что получила грустный, полный упрёка взгляд.

Мир был снова восстановлен во время вытирания полотенцем – вульпис сам подставлял шею и живот, капризно вытягивал лапы, намекая на халтуру с моей стороны. Просушенный мех вернул ему прежние объёмы, даже слегка прибавил. А шкурка и правда восхитительная: мягкая, искристая, переливчатая. С такой грелкой никакие холода по ночам не страшны.

Потом я наскоро привела себя в порядок остатками воды из кувшина, переделалась, проглотила перепёлку и ветчину, к которым питомец вдруг тоже воспылал интересом, требуя последний кусок, и отправилась на встречу с Людо. Хруста пришлось взять с собой – через пару шагов меня вернул умоляющий скрежет когтей по закрытой двери. С другой стороны, он привык к свободе, не держать же его постоянно взаперти, тогда как остальные звери спокойно разгуливают по замку. К тому же по меньшей мере у пяти фрейлин есть свои питомцы, дремлющие в рабочей комнате, пока хозяйки заняты рукоделием. Правда, допущены они туда именно за хорошее поведение.

Возня с вульписом немного отвлекла меня от сегодняшнего вечера, но по дороге к Людо было время подумать. Прогулка с Бодуэном сбивала с толку. В самом начале я опасалась, что он что-то подозревает, потом успокоилась во время беседы о Тесии, но затем снова насторожилась. Порой казалось, что мы говорим совсем не о том, что произносят губы, и за словами прячется иной, рискованный, смысл, однако в следующий миг какая-нибудь его пустячная фраза или

замечание развеивали тревогу. Перебирая в памяти всё, сказанное мной и им, я не находила прямых отсылок к угрозе.

Только наблюдение за охотой вульписа вызывало сомнения. Мышцы на шее и плечах до сих пор болели, а при воспоминании о шёпоте над ухом спину окатывало мурашками, и пальцы ног немели. Были ли осязаемая опасность и сгустившееся в воздухе напряжение лишь плодом моего воображения, следствием болезненного обострения чувств, или действительно существовали? Чушь! Имейся у Бодуэна хоть малейшее подозрение, кто я, стал бы он церемониться?

Лёгкий укус за лодыжку оторвал меня от размышлений. Я опустила глаза:

– Ты прав, нужно просто проявлять осторожность, как обычно, и самой не подставиться по глупости. Кстати, должна тебя предупредить насчёт Людо. Ему... мм понадобится время, чтобы смири... привыкнуть к тебе. Но постепенно, уверена, вы найдёте общий язык. – Даже бахрома на ушах выразила наивное удивление, что такое существо может не очаровать кого-то с первого взгляда. У меня вырвался вздох: ещё хуже, чем ребёнку врать. – Зато Артуру ты точно понравишься! – уверенно добавила я. – Готовься позировать. Как раз пригодится твоё умение надолго застывать.

Тогда я не знала, что Людо так и не смирится.

* * *

Брата я нашла в одной из надворных построек для инструмента, где мы договорились встретиться. Он открыл на условный стук, быстро втянул меня внутрь и снова опустил засов.

– Наконец-то! Почему тебя не было за ужином? Чего регент от тебя хотел?

Значит, ему и правда уже рассказали о прогулке.

– Поговорить о лорде Авене.

Этого Людо не ожидал.

– О чём именно? – сузил он глаза.

– Бодуэн полагает меня чуть ли не невестой своего секретаря, – ядовито усмехнулась я, чувствуя, что именно такой тон его сейчас

успокоит, и намеренно избегая называть Тесия по имени. – Я сумела убедить, что он ошибся.

Тактика сработала: желваки на скулах брата исчезли.

– И это всё, что ему было нужно?

– Кажется, да. Он просто провёл меня по саду, рассказал старую небылицу и отвёл обратно.

Грубо говоря, так всё и было.

– Он к тебе не приставал?

У меня что-то со слухом?

– Конечно, нет!

Мысль о том, что Бодуэн может ко мне приставать, казалась за гранью добра и зла. Как Людо вообще пришло такое в голову?

Руки на плечах – это ведь не приставание? Или оно и есть... Как вообще пристают? Но не спрашивать же у брата. С простыми женщинами всё просто: ущипнул за грудь, треснул по заднице – я таких знаков внимания ещё в деревне навидалась, а пару раз сама не избежала. Да и в замке служанок порой зажимали по углам – стоит только вспомнить Гвельфу и того громилу-стражника. Но как пристают и пристают ли вообще к благородным леди? За ними... нами принято «ухаживать».

– Чего так тарачишься. Для него ты всего лишь обычная фрейлина. Ты бы на моём месте тоже спросила, если б слышала разговоры парней. Говорят, он поймел каждую курицу в этом курятнике.

– Какое счастье, что я не курица, – холодно заметила я.

– Ладно, не сердись, – взгляд Людо потеплел, скользнул вниз, привлечённый вознёй, и изумлённо застыл. – А это что ещё за тварь?

«Тварь» проворно обогнула меня, встала впереди, оцетинилась и зарычала на брата, скаля зубы и выпустив когти.

Я отпихнула Хруста назад ногой.

– Не обращай внимания. Это вольпис, он увязался за мной на прогулке, и прогнать не получилось.

Не признаваться же в собственной глупости!

– Нет проблем, сейчас прогоню! – Я выставила руку, удерживая брата, а ногой продолжала отталкивать за спину рвущегося в бой Хруста. Только этого не хватало. И так всю жизнь стою между Людо и Артуром, теперь ещё и этих двоих разнимать.

– Не надо, он безобидный. Регент сказал, что вульписы очень преданные.

Людо обжёг взглядом.

– Ах, регент сказал! Ну, это меняет дело. Тебе не приходила мысль, что он попросту приставил к тебе шпиона?

На миг я оторопела, но потом решительно тряхнула головой.

– Нет, говорю же: всё вышло случайно. Я сама...

– Что с рукой? – перебил Людо, схватил кисть и сдвинул ранку, заставив меня поморщиться. – Это что, следы зубов?

Повреждённый участок выглядел неплохо, учитывая, что я не нанесла мази – только промыла. Никакой синевы, лишь небольшая припухлость вокруг. Может, слюна вульписа излечивает, как у кошек?

– Да, я испугалась, услышав возню в кустах – решила, что это крупный хищник, – и прикусила ладонь, чтобы не закричать.

Нелепое объяснение, состряпанное в спешке, но Людо, помолчав, отпустил руку.

– Твоя трусость поражает. Ладно, пусть его, скоро отвяжется.

Я никак не прокомментировала это замечание – сейчас не время выяснять отношения, – и набрала в грудь побольше воздуха.

– Не отвяжется. Я хочу оставить Хруста.

– Хруста? Хруста?! Ты уже и кличку ему дала! Ваалу, Лора, да что с тобой! – Людо стукнул по свисающей с потолка холстине, подняв облако пыли и песка, и принялся расхаживать туда-сюда, бросая на меня гневные взгляды.

– Не понимаю, почему ты так злишься! У многих здесь есть животные!

– Вот именно – здесь. Что дальше: вечерние сплетни с подружками и подарки на День инициации?

– Ты преувеличиваешь. – Я тоже уже была на грани, но сдерживалась из последних сил.

– Преувеличиваю? Взгляни на себя, на свои руки, во что превратилась! Теперь ещё и этот мешок с блохами приволокла...

– У Хруста нет блох, и что не так со мной и моими руками? – Голос, несмотря на все усилия, под конец скакнул, сорвавшись.

– Кожа, как сметана. Тебя теперь за руку не возьмёшь – выскальзывает. И сама раскоровела.

Я аж задохнулась. Кожа у меня и правда выправилась от ежедневных молочных ванночек, больше не напоминает зернистый пергамент и не вызывает желания спрятать ладони за спину, подальше от чужих глаз. И да, я поправилась на регулярной кормёжке, но ровно настолько, чтобы не греметь костями: теперь по крайней мере спать на животе не больно – тазовые кости не упираются в жёсткий матрас. И всё равно я одна из самых тощих фрейлин. Это всё мелкие несправедливые придирки!

– А тебе бы хотелось, чтобы я осталась грязной дикаркой! – в запальчивости выкрикнула я, запоздало осознав, что использовала то же слово, что и королева.

– Дикаркой ты мне больше нравилась!

– Ага, чтоб была такой же нелюдимою и озлобленною на весь мир, как ты!!

Повисла тягостная пауза.

Если б можно было, откусив себе язык, вернуть слова назад, я бы не задумываясь это сделала. Людо посмотрел так, что я почувствовала себя распоследней дрянью, молча вернулся к дальней стене, взял в руки пластину и продолжил обтёсывать её, возобновляя прерванное моим приходом занятие.

Меня мелко трясло. Я взяла вульписа на руки, вынесла за дверь и поставила на землю, прошептав:

– Подожди тут, малыш, хорошо? – Ответом был душераздирающий взгляд и жалобное поскуливание. – Нет-нет, это очень ответственная задача. Если кто-то приблизится, дашь сигнал. Вся надежда на тебя.

Вульпис оживился и принялся важно расхаживать перед дверью, высоко задирая лапы и с подозрительным прищуром поглядывая вокруг.

Я снова опустила засов и несмело подошла к Людо. Он даже не обернулся, сидя спиной.

– Какая хорошая табличка, – робко произнесла я, устраиваясь рядом на полу и заглядывая ему через плечо.

Паузу заполнило визгливое вжиканье инструмента.

– Я бы сама в жизни не справилась, пришлось бы придумывать что-то другое.

Вжик-вжик.

Я подлезла под руку, получила ладонью в лоб, но не сдалась и навалилась сзади, обняв его и прижавшись щекой к спине.

– Мне так жаль, Людо, – шмыгнула я. – Ненавижу с тобой ссориться!

Скрежет прекратился. Брат поднял свинцовую пластину округлой формы дюймов пять диаметром^[52] и покрутил перед моим носом.

– Пойдёт?

– То, что нужно! – обрадовалась я окончанию бойкота.

– Ты правда так считаешь?

– Да, она идеально подходит.

– Ты правда считаешь меня озлобленным и нелюдимым? – терпеливо пояснил он, откладывая пластину и инструмент.

– Нет! Конечно, нет! Я так сказала специально, чтобы обидеть тебя. Но когда тебе плохо, мне в сто раз хуже, особенно если тебе плохо из-за меня. Пожалуйста, прости! Я не хотела тебя задеть!

– С чего ты взяла, что задела? – Он улыбнулся углом рта, искоса посмотрев на меня. – Ладно, так и быть, прощена.

Я со счастливым криком повисла у него на шее.

– А ты правда считаешь, что я раскоровела?

– Вообще-то да. Даже дышать сейчас под твоим весом трудновато.

– Ах так! – Я вскочила на ноги и прыгнула на него. – Тогда я тебя задавлю!

Мы, хохоча, покатались по земле, и возня закончилась моей полной капитуляцией и мольбами о пощаде в связи со щекоткой.

– Так мы никогда не закончим с этой табличкой, – всё ещё смеясь, я опёрлась о его плечо и встала.

– Что писать? – неохотно поднялся Людо.

– Вот это.

Я пошарила в поясе и протянула ему заготовленный клочок пергамента, на котором нацарапала символы, похожие на те, что были на той, настоящей, табличке из деревни. Несколько слов всплыли в памяти целиком. Но, поразмыслив, я велела брату от греха подальше скопировать их без последней буквы. Его изначальное предложение просто выбить зловещие закорючки сразу отвергла – Бодуэн не дурак, и всё должно смотреться серьёзно. Возможно, он тоже когда-то сталкивался с проклятиями и знает, как примерно выглядят подобные письма. Пусть поймёт, что это не шутки.

Пока брат процарапывал штихелем слова по спирали от края к центру и разделял их вертикальными линиями, я сидела, скрестив ноги, и, подперев щеки руками, наблюдала за его работой. Возвращаться к поссорившей нас теме не хотелось, но разговора так или иначе не избежать. Лучше по горячим следам всё прояснить. Я тяжело вздохнула.

– Почему ты против Хруста?

Людо поднял глаза.

– А как бы тебе понравилось, приведи я кого-нибудь третьего в нашу жизнь, не спросясь тебя? Первая бы набросилась с упрёками.

Я открыла рот и... закрыла. Он прав: наверняка набросилась бы, ещё похлеще, чем он. Людо снова склонился над пластиной и с силой вдавил лезвие в мягкий свинец.

– Делай, как знаешь, ты ведь все уже сама решила. Но не жди, что гадёныш станет и моим любимцем.

И хотелось бы возразить, а нечего... Я ведь и правда решила за нас обоих.

Упоминание третьего воскресило в памяти слова Бодуэна о том, что Людо когда-нибудь женится. Женится, и эта третья вытеснит меня из его сердца... В животе растёкся талый снег.

Я посмотрела на брата – упавшие волосы скрывали выражение лица, он снова полностью погрузился в работу. Встряхнул рукой, разминая запястье, и сползший рукав обнажил кусочек жёлтой ленты. До сих пор не снял подарок Бланки. Уверена, мне назло. Надеюсь, что назло...

По мере того как символы заполняли круг, противный холод тоже раскручивался внутри меня тошнотворной спиралью. А вдруг Людо уже задавался вопросом женитьбы, просто мне не говорил? Вполне вероятно... Только спрашивать нельзя, потому что, если не задавался, я сама посею в нём эту мысль, как Бодуэн – во мне. Но чем сильнее я старалась прогнать назойливый образ, тем крепче он ввинчивался в голову. Бодуэн прав: когда-нибудь брат наверняка задумается. Может, уже думает, прямо сейчас, процарапывая треклятые значки... В этот момент Людо зачесал волосы назад таким привычным знакомым с детства движением, и я всем сердцем до дрожи, до помутнения в глазах возненавидела ту будущую пока ещё безликую незнакомку, что отнимет его у меня.

– Не думай о ней! – выдохнула я, подавшись вперёд и судорожно обняв его за шею.

– О ком? – удивился Людо и погладил мои руки.

– Ни о ком, думай только обо мне...

– Я только о тебе и думаю. О Скальгердах и о тебе.

Я отодвинулась, сорвала ленту Бланки, повязала свою и снова тесно к нему прильнула, зажмурившись и боясь отпустить. Людо стиснул меня в ответ до хруста костей, ткнулся носом в волосы и поцеловал в висок, потом, скользнув ниже, в скулу и ещё ниже – осторожно в уголок губ.

– Знаешь, – зашептала я, – иногда мне кажется, что если... *когда* мы справимся, исполним долг, то в награду получим шанс прожить жизнь заново. Знаю, глупо, но я представляю, что мы опять станем детьми, родители окажутся живы, дом цел и всё будет, как раньше.

Людо одеревенел, потом раздражённо оттолкнул меня и вскочил.

– Повзрослей наконец! Ничего уже не будет, как раньше! *Мы* не будем такими, как раньше. Родители умерли, дома больше нет, и остались только ты и я. Никто не подарит тебе новую жизнь, так что смирись и довольствуйся той, что есть. Да, потасканная и не радужная, но у кого-то нет и такой.

Я растерянно осталась стоять перед ним на коленях.

Тут откуда ни возьмись появился мотылёк, приманенный нашей свечой. Людо повернул голову, следя за его полётом, резко выбросил руку и протянул мне неплотно сжатый кулак, где за пальцами-прутьями теперь билось хрупкое бледное существо, которому не суждено впитать в себя краски дневных собратьев и увидеть солнце.

– Вот, погляди на него. Он при всём желании уже не сможет снова стать гусеницей, точно так и я не могу вернуться в прежнее состояние и смотреть на тебя, как в десять лет, и ты не можешь стать прежней и забыть всё, что произошло за эти годы. Есть два пути: либо отпустить его и позволить изведать жизненный путь до конца, – Людо перехватил мотылька за крылышко, и мы оба заворожённо наблюдали за его отчаянными попытками прорваться к пламени свечи, – либо... – Пальцы сжались, и пленник затих.

Людо перевернул ладонь, и мёртвый мотылёк упал к нашим ногам смятым лепестком.

– И дай мне наконец доделать эту табличку! – сердито закончил он, отодвинул меня и опустился обратно.

Больше я ему не мешала, сидела тихонько, подтянув колени к груди, пока сквозняк подталкивал неподвижные крылья и шевелил ниточки лапок и усиков, имитируя жизнь безжизненной оболочки. Откровенно говоря, из нас двоих я всегда втайне считала себя более зрелой и склонной к анализу и размышлениям, а Людо – к действиям, но недавняя отповедь заставила почувствовать себя маленькой и глупой. Он прав, какая-то часть меня так и осталась в прошлом.

– Готово.

Я вздрогнула, очнувшись от оцепенения, посмотрела на пластину и слегка нахмурилась.

– Я же сказала не писать последнюю букву.

– Какая разница?

– Разница в том, чтобы не проклясть ненароком ребёнка.

– Лора, когда наш план осуществится, не станет никакой Мораты и её ребёнка, и вообще всего этого, – он обвёл рукой пространство вокруг. – Пусть скажут спасибо, если замок останется хотя бы в хрониках.

Резон в его словах, конечно, имелся, но я в ходе недолгих препирательств настояла-таки на своём, и Людо, ругаясь сквозь зубы, выскоблил крайний символ в каждом слове.

Потом я сразу вернулась в комнату и, пока ждала его, сожгла припрятанный пергамент с неудачными попытками расшифровки, а пепел стряхнула наружу. Когда пришёл брат, первым делом поинтересовалась:

– Получилось?

– Да, подкинул в колыбель через окно.

Заснуть никак не удавалось. Отчасти из-за напряжения в связи с грядущими завтра событиями, отчасти из-за Хруста. Он вскарабкался на кровать, втиснулся между нами и всё время ворочался: то раскидывался звёздочкой, то вытягивался поперёк, складывая лапы на лицо – передние на моё, задние на брата, – то топтался, пытаясь прижаться ко мне и отпихивая Людо. Наконец брат не выдержал и поднялся.

– Спи сама в этом зверинце.

– Не уходи, я сейчас выставлю его!

Но он всё равно ушёл. Я вздохнула и подгробла поближе вульписа, который мгновенно обрёл покой и свернулся возле меня тёплым невинным калачиком.

– Кажется, он до сих пор на нас обижается... – Хруст поднял большие, влажно поблёскивающие глаза и лизнул меня в нос – как волшебной пылью посыпал: я, сама того не заметив, провалилась в сон.

Застал он меня на окружённом туманом пяточке посреди ночного поля, и не одну, а с Людо. Мы горячо спорили, я уговаривала пойти вперёд, пока не закрылась узкая тропинка, бледным лучом рассекающая дымчатое море, а брат упирался, желая остаться на месте. Кольцо тумана меж тем сжималось, грозя поглотить наш островок. Тогда я ступила на дорожку одна, и дымка мгновенно сомкнулась за спиной, отрезав от Людо.

– Люд-о-о!!

Но непроницаемая пелена заглушала крики. Я попыталась вернуться на прежнее место, шаря вслепую, но всюду натыкалась лишь на туман и в итоге сама сбилась с пути. Когда уже совсем отчаялась увидеть что-то, кроме спустившихся на землю облаков, рядом раздалось знакомое урчание. Пошарив глазами, я обнаружила вульписа, приглашающе трогающего убегающую в туман тропинку. Я нагнулась, подхватила его на руки и, прижав к груди, двинулась в неизвестность.

Тревожное чувство не отпускало меня и по пробуждении, удерживая под тягостным впечатлением от сна, в котором мы с Людо оказались разлучены. Но времени предаваться меранхолии не было, учитывая, что я и так проспала: снизу доносился шум, стучали шаги, хлопали двери. Снаружи возле крыльца собрались люди. На хмурых лицах отчётливо читалось: случилось несчастье.

Покои королевы оказались пусты, а дверь распахнута настежь. Все фрейлины вскоре отыскались столпившимися возле дверей главной залы, заодно с доброй половиной других обитателей замка. Коридор галдел, шуршал нарядами, звенел, возмущался, ахал и выражал нетерпеливое возбуждение. Среди взрослых тел протискивались младшие пажи и дворовые мальчишки, получая за это щелчки и подзатыльники. Самые расторопные и отчаянные заняли выгодные позиции на мраморных постаментах. Один сидел на плече у статуи, обняв лысую голову некого славного деятеля прошлого, и целился огрызком яблока в стражника, пытавшегося подцепить его за штанину пикой.

Я сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, придерживая сердце, неторопливо приблизилась и поинтересовалась у ближайшей фрейлины причиной всеобщего волнения. Леди Агнес, а это была она, обернулась с лёгким пожатием плеча:

– У кого-то из дворовых женщин ребёнок умер.

Брошенные безразличным тоном слова обрушились на меня многотонной плитой.

– Как... умер, – прошептала я онемевшими губами.

– Да не умер, а тяжко захворал, – встряла другая, с пышными каштановыми локонами. – И что-то там с этим нечисто.

– Или может захворать. И не ребёнок, а муж, – добавила третья.

Цепочка событий стремительно превращалась в запутанный клубок.

Кто-то мягко тронул меня за руку.

– Аудиенция у дяди началась чуть свет, – шепнула Бланка. – Даже созвали внеочередной Совет. С тех пор никто не выходил.

– Вы знаете, кто обратился и почему? – так же тихо спросила я. Она покачала головой и погладила Финика, которого держала на руках.

– Я пришла позже.

Донёсшееся снизу урчание заставило её вскинуть светло-рыжие брови.

– А это кто тут у нас? – Не успела я и глазом моргнуть, как она вручила мне кролика, а сама присела на корточки перед вульписом. – Ваш?

– Да, Ваше Высочество, но не стоит его трогать. Хруст из кусачих.

– Хруст, значит, – улыбнулась она, сверкнув начавшими наливаться белизной глазами, и протянула к вульпису руки.

Тот предупреждающе оскалился и неуверенно посмотрел на меня, попутно плотоядно облизнувшись на Финика. Белоснежный комок в моих руках затрепетал, а потом неожиданно ответил низким утробным рыком. Это точно кролик?

– Не вздумай укусить Её Высочество, – пригрозила я вульпису. – Следы за манерами.

Но это оказалось лишним. Бланка явно умела ладить со зверями, как и все в её семье – глупо было с моей стороны сомневаться. Хруст позволил себя помешкорить, стоически перенёс детский интерес принцессы к бахrome на ушах, разрешив подёргать, и даже снисходительно заурчал, когда она подхватила его на руки и, перевернув на спину, погладила живот – только соорудил мне страдальческую гримаску, мол, всё ради тебя, хозяйка.

Бланка выпрямилась, и Финик с Хрустом ревниво уставились друг на дружку. Мы с принцессой с улыбкой переглянулись и снова обменялись питомцами.

Не успела я поставить вульписа на пол, как из-за стены донёсся надрывный детский плач и, кажется, сдавленные женские рыдания. Через пару мгновений створки распахнулась, на пороге показался Бодуэн и обвёл собравшихся непроницаемым взглядом.

Шум моментально стих от одного конца толпы к другому, будто по колоссящемуся полю пронёсся ветерок.

– Беда, Ваше Высочество? – отважился кто-то.

Шеи вытянулись, взгляды с жадным любопытством проникли в глубь зала, где бледная плачущая Мората активно укачивала орущего

младенца, а Тесий о чём-то тихо ей говорил, держа за свободную руку, наверное, успокаивал. Женщина прибежала в спешке: головной убор сбился набок, когда надета швами наружу. Рядом топтался крупный бородатый мужчина, он то опускал большую, поросшую на тыльной стороне волосами ладонь ей на плечо, то мямлил шапку. Неподалёку о чём-то тихо переговаривались лорды из числа членов королевского Совета, успевшие, несмотря на спешку, с которой были выдернуты поутру из постелей, обрядиться в парадные одежды и унизать пальцы перстнями. Ни король, ни королева в собрании не участвовали. Но их местонахождение волновало меня сейчас меньше всего.

Стражники вспомнили об обязанностях и принялись теснить любопытствующих, хотя без особого усердия, потому что и сами были не прочь поглазеть на сцену.

– Да, похоже, беда, – негромко произнёс Бодуэн, и звенящая тишина теперь нарушалась лишь воплями младенца в дальней части зала. Море ушей болезненно напряглись, чтобы не упустить ни слова.

– А что стряслось-то? – не вытерпел один из рыцарей, за что получил тычок локтем под рёбра от соседа.

– Проклятье, – ответил Бодуэн тем же тоном, не повышая голоса, но настроение присутствующих мгновенно изменилось.

Передние ряды отшатнулись, все, за исключением меня, сделали отвращающий жест, две-три девушки вскрикнули, и Бланка в их числе. Она стиснула мою руку, глядя на дядю расширенными и испуганными до последней реснички глазами. Часть из тех, кто недавно так рвался в зал, незаметно отодвинулись и начали продвигаться к выходу, словно уже сами слова Бодуэна или воздух из зала нёс на невидимых крыльях погибель.

– Это точно оно, Ваше Высочество?

– С большой долей вероятности, – последовал спокойный ответ. – Поэтому сейчас самое главное убедиться, существует ли угроза, и, если да, принять меры.

Я перевела взгляд за его спину и, кажется, разглядела на столе нашу табличку, но подошедший Тесий загородил предмет.

Известие о «мерах» вкупе с абсолютно безмятежным видом регента вызвало на лицах облегчение, смешанное с уважением, вселив в людей уверенность, что проблема не столь уж значима, как могло показаться вначале, ну, или по крайней мере не настолько велика,

чтобы Бодуэн с ней не справился. Стал бы он вещать перед ними с таким невозмутимым, почти скучающим лицом, если бы всем им угрожала смертельная опасность?

Уверена, что стал бы. И именно этим сейчас и занимался. Бодуэн ни жестом, ни движением брови себя не выдавал, но я всей кожей чувствовала его настроение: хмурое напряжение и тщательно скрываемое беспокойство – он либо попался на наш крючок, либо был близок к тому.

Поскольку грозная опасность в общественном мнении отступила и больше не витала над ними леденящей душу тенью с серпом и на запряжённых волами дрогах, на передний план снова выдвинулось любопытство.

– Источник прокляли али колодец?

– Известно кто? Кости переломаем!! – ударил кулаком о ладонь тот самый рыцарь-гора, лбом проламывающий дубовые доски.

– Ах, как интересно! – жеманно добавила леди Жанна.

– Колодец ни при чём, – терпеливо ответил Бодуэн. – Опасности для вас нет, прокляли один предмет, который мы отвезём сегодня к Камню и проверим.

– Что за камень? – шёпотом спросила я у Бланки.

– Алтарь, где в древности приносили жертвы Праматери, – так же тихо ответила она, не отрывая взгляда от продолжавшего вещать Бодуэна.

– Он обладает магическими силами?

– Насколько мне известно, нет...

– Тогда как они собираются проверить тот предмет? Ваш... ваш дядя хочет вызвать Покровителя? – едва слышно спросила я и затаила дыхание, надеясь, что барабанный стук сердца, отзывающийся в губах нервной пульсацией, не выдал меня.

– Не знаю, – рассеянно ответила Бланка, – возможно.

Возможно...

Значит, я с самого начала была права, и Бланке неизвестно место призыва. Только Бодуэн знает. И не сойти мне с этой плитки, если жертвенный Камень не оно и есть!

Руки начали подрагивать, шум слился в неразличимый, волнообразно накатывающий гомон, сквозь который прорезался чёткий размеренный голос Бодуэна.

– ...и поэтому нам понадобится кто-то из женщин. – Внезапно он повернулся в нашу сторону и безошибочно с первого раза нашёл меня глазами, хотя за всё это время даже не посмотрел сюда, и я была уверена, что осталась незамеченной. – Да вот хотя бы леди Лорелея. Поедете с нами.

Поеду? Куда? Зачем? За недавними мыслями я прослушала половину того, о чём он говорил. Бодуэн властно простёр руку, словно горячий нож в масло метнул: толпа раздалась в стороны, оставив меня в начале дорожки.

Я, всё ещё не понимая, на негнущихся ногах двинулась к нему. Постепенно стало доходить: он хочет, чтобы я поехала с ними к Камню. Я и не мечтала о такой удаче! Рассчитывала потом расспросить участников похода и вытрясти каждую мелочь, но всё-таки... почему именно я? Нехорошее предчувствие не успело оформиться в законченную мысль, будучи прерванным выкриком какого-то вихрастого оруженосца:

– А нам-то что делать, Ваше Высочество?

– Что делать? – переспросил Бодуэн с преувеличенным удивлением. – Отправляться на мессу, а потом вернуться сюда к завтраку и выпить вдвое больше эля за успех нашей миссии.

Широкая ленивая улыбка подсказала, что миссия эта – скорее захватывающее приключение, от которого исполнители получат огромное удовольствие, превышающее даже двойную порцию выпивки. Предложение регента встретили одобрительными выкриками и свистом. Толпа начала медленно разбредаться. Не дожидаясь, пока она окончательно рассеется, Бодуэн подтолкнул меня в зал, где ждала «проклятая» семья, Тесий и надутые лорды, и закрыл обе створки двери.

* * *

Когда он повернулся, шутовское веселье уже исчезло без следа, уступив место серьёзной сосредоточенности.

– Когда выезжаем, Ваше Высочество? – спросил Тесий.

– Немедленно, и не «выезжаем», а «выезжаете». Ты остаёшься.

– Но...

– Никаких «но». По возвращении я хочу найти замок и всё королевство на прежнем месте. В тебе достаточно благоразумия, чтобы удержать Годфрика от необдуманных поступков, буде таковые придут в его светлую голову. В этом могу полагаться лишь на тебя. – Бодуэн положил ладонь на плечо юноши и добавил с лёгким поклоном в сторону напыщенных лордов: – И на уважаемых членов Совета, разумеется. Мой племянник, вне всякого сомнения, ещё проявит себя достойным правителем, однако он молод, а потому нуждается в наставлениях старших товарищей и крепкой руке.

Тесию ничего не оставалось, как поклониться и бросить на меня обеспокоенный взгляд, от которого недавние подозрения относительно желания Бодуэна отвезти меня к бывшему алтарю для человеческих жертвоприношений всколыхнулись с новой силой.

– Но леди Лорелея не может ехать одна. Нужна другая дама для соблюдения приличий и чтобы помогать с младенцем.

– С каким ещё младенцем? – удивилась я.

Теперь уже все без исключения повернулись ко мне. Бодуэн хмыкнул.

– Я же сказал: нам понадобится женщина, которая будет везти ребёнка. Нужно удостовериться, что заклинание если и сработало, то не повредило ему. А если повредило, то снять порчу.

При этих словах Мората с горестным стенанием уткнулась в плечо мужа. Тот крепился, глядя её по голове, но тоже выглядел как в воду опущенным и растерянным, что особенно угнетает в таких здоровяках. Я в ужасе воззрилась на их сына, который положил конец краткой передышке и зашёлся в истошных воплях, от которых мои кости крошились, подгибая колени. Судя по гримасам на лицах, не только мои.

– Но я... не умею обращаться с младенцами, Ваше Высочество, никогда не имела с ними дела!

– Ерунда, у женщин это врождённое.

– Только не у меня! Я даже не знаю, каким концом его держать!

– Я уже имел случай убедиться в вашей храбрости и смекалке – качества, за которые вы и были выбраны среди десятков других жаждущих претенденток. Уверен, с концом вы скоро разберётесь.

Мората взвыла и бросилась к Бодуэну, схватив его за руку и с надеждой заглядывая в глаза.

– Дозвольте мне ехать, Ваше Высочество. Я не буду чинить помехи!

– Нет, – он мягко накрыл её руку своей, – ты нужна здесь, другим своим детям. Я лично клянусь тебе, что привезу младенца в целости. Ты мне веришь? – Вопрос задавал ей, а смотрел на меня.

– Да, Ваше Высочество, вестимо, верю, – пробормотала Мората со слезами в голосе и поцеловала его руку. – Акромя вас никому и не верю.

Я с трудом удержалась, чтобы не покривиться.

Бодуэн вновь опустил на неё взгляд, ободряюще улыбнулся и кивнул её мужу, чтобы забрал супружницу. Старший псарь шагнул вперёд и обнял Морату за плечи, грубовато буркнув:

– Прекрати лить воду, женщина. Его Высочество обещался, стало быть, сделает всё возможное.

– Покажи леди Лорелее, как держать младенца и как с ним обращаться, – велел ей Бодуэн, а сам отвернулся о чём-то посоветоваться с остальными лордами.

Мората покорно приблизилась.

– Вот так, миледи, и придерживайте головку. Нет, вторую руку ложьте вот сюда, не бойтесь, пальцы можно сгибать.

Я застыла, напрягшись всем телом и расширенными глазами глядя на орущее создание у меня на руках. Почувствовав чужой запах, младенец на мгновение смолк, недоумённо уставился на меня зарёванными голубыми глазами и принялся голосить с утроенной силой. Крошечное сморщенное личико побагровело от натуги, маленькое тело извивалось червяком, пытаюсь запрокинуть головку и взглянуть на мать.

Праматерь, дай мне сил...

– Сколько ехать до Камня, Ваше Высочество? – позвала я.

Бодуэн обернулся.

– Полдня пути.

Значит, полдня туда, какое-то время там и полдня обратно. Я мысленно застонала.

– Можно мой брат тоже поедет?

– Он умеет обращаться с грудными детьми?

– Нет, но...

– Тогда ему нечего там делать. Нам не нужен караван в пути. – Он снова отвернулся.

Подошедший Тесий сочувственно мне улыбнулся.

– У вас отлично получается, – деликатно заметил он.

– Отлично получается расстраивать младенцев?

– Скоро младенец к вам привыкнет.

– Вы это по собственному опыту знаете?

– Нет, но вы же женщина.

Я бросила на него свирепый взгляд и неуверенно качнула ребёнка. Кажется, они от этого успокаиваются?

Нет, не успокаиваются.

– Когда-нибудь крик у него закончится, и он заснёт, – вымученно улыбнулась я.

– У неё, – поправил, приблизившись, Бодуэн.

– Что?

– Это девочка, – невозмутимо сообщил он и одним движением развернул пелёнку.

* * *

Мы ещё не успели выехать, а голова у меня уже раскалывалась. Я ошиблась: запасы крика у маленькой воинственной Зои оказались поистине неисчерпаемыми, а сна ни в одном глазу, поэтому перед отъездом её напоили маковым настоем. Воцарившаяся тишина показалась мне чем-то полузабытым и непривычным.

Мората повязала на ножку дочери красную нить от кровотечений и прочих напастей и дала мне в дорогу бурдюк с козьим молоком и марлю.

– Просто смачивайте тряпочку и капайте ей в рот, когда запросит сись... грудь, стало быть, вашу.

Я с сомнением посмотрела на крошечный рот, в котором, как я уже знала, пробивалось два зуба. Попасть бы...

Ещё меня обеспечили запасными пелёнками, пёстрой погремушкой и научили изображать кукушку. Выслушав последние наставления молодой матери, я оглянулась по сторонам и придвинулась к ней:

– Скажи, а что это было? Ну, предмет, из-за которого ты к Его Высочеству за помощью обратилась.

– Про доску миледи изволит спрашивать проклятушую?

Я кивнула, и Мората промокнула глаза уголком рукава.

– Проснулась я давеча до свету: Зои ревмя ревет. Я и так и эдак, потом уж догадалась лучину зажечь, гляжу, а в колыбельке дрянь эта. Лист свинцовый, вот такой, – наглядно пояснила она, нарисовав в воздухе нашу табличку, – и весь сплошь исчерканный чудно. Тут-то я и поняла, отчего малютка криком кричит, – печально закончила свой рассказ Мората и погладила щёчку спящему младенцу.

Я сочувственно покивала.

– А кроме доски, больше ничего не было?

– Да разве ж мало пакости этой на одного младенчика! – возмутилась женщина. – Это ж какими вырожденками надо быть, чтоб такое с дитяткой невинным сотворить.

Я сухо улыбнулась одними губами.

– И правда: вырожденки они и есть.

Мората с жаром согласилась и продолжила:

– Вот я и растолкала Якоба и упростила, не ждамши утра, к Его Высочеству бежать.

К Годфрику, значит, даже не пыталась. Что ж, разумно.

– И ты принесла ему эту доску?

– А как же! В пять тряпиц укутала и принесла. – На простодушном лице отражалась святая вера в то, что лишняя пара слоёв льна уберегут от проклятья.

– Его Высочество просил тебя принести что-то ещё?

Она непонимающе нахмурилась.

– Пелёнки эти вот, погремушку. Но только не указывал он, сама я сподобилась.

– Значит ни фрукты, ни орехи, ни травы какой, ничего из домашней утвари? – решила я идти до конца.

Если и выяснять про вотивный дар, то сейчас.

– Почто малютке орехи и трава, миледи, молоком она у меня пока кормлена, – посмотрела на меня Мората, как на полоумную, и с беспокойством – на спящую дочь.

Появившийся из-за угла Тесий вынудил нас прервать разговор, но я и так выяснила, что хотела: раз от женщины больше ничего не

требовалось, значит, Бодуэн сам возьмёт священный дар. Мне лишь нужно выяснить, что это. Если повезёт, то к концу дня я буду знать не только место призыва Покровителя, но и священное подношение, используемое Скальгердами для вызова. А всё указывало на то, что мне повезёт.

– Вы уж берегите мою Зою, леди, – попрощалась Мората и двинулась к поджидавшему в стороне мужу, оглядываясь на каждом шагу.

– Ну как, получается? – бодро поинтересовался Тесий.

– Тише, – шикнула я на него. – Разбудите – заставлю укачивать.

Но малышка спала крепко, только губами причмокивала.

– Вам идёт.

– Что именно?

– Нянчиться с детьми.

– Вот ещё, – строго дёрнула подбородком я, подавив просившуюся на губы улыбку.

– Ладья почти готова, скоро пригонят из дока, можем идти.

Мы двинулись к выходу. Предстояло отплыть из внутреннего двора, чтобы сократить время пребывания в седле, и уже на берегу пересесть на лошадей. На повторный вопрос Тесия о компаньонке для меня Бодуэн только фыркнул: «Это не увеселительная прогулка. Но ты ведь не отстанешь, поэтому так и быть: в качестве няньки для леди Лорелеи поедет Альбрехт». Упомянутый рыцарь, разменявший шестой десяток, на шутку не обиделся и выразил спокойную готовность ехать в составе немногочисленной миссии. Поскольку он пользовался уважением как среди молодёжи, так и людей старшего поколения, возразить было нечего. Ему в помощники отрядили рыцаря помоложе, Пэтра, но тоже достаточно опытного. Оруженосцев не взяли.

Тесий придержал дверь, и я вышла на крыльцо. Небо пушилось серыми облаками, из тех, что с густым тяжёлым брюхом – к ночи наверняка разродятся дождём, дул холодный ветер. Нужно вернуться засветло.

– К ужину обернётесь, – прочитал мои мысли Тесий и помялся. – Лора, должен вас предупредить: не стоит бояться Его Высочества.

– Я и не боюсь, – удивлённо отозвалась я.

– Бояться не стоит, но... остерегайтесь его.

– В каком смысле?

Заигравший на его скулах румянец подсказал мне, в каком. Я презрительно отвернулась: тоже мне, вечно краснеет, как девица.

– Он умеет заставить принять луну за телячью шкуру^[53], особенно молодых девушек. Просто держитесь Альбрехта, он хороший и честный воин.

Тут служанка вынесла и поставила у спуска к воде две большие сумы с провизией и отдельно, поклонившись, протянула мне узелок с завтраком.

– Остальные скоро выйдут, – сообщил Тесий, – но у вас есть немного времени, подкрепитесь перед дорогой.

Поскольку на общую трапезу попасть сегодня не получилось и желудок давно грозил прилипнуть к позвоночнику, я немедленно последовала его совету и, устроившись вместе с Зои на верхней ступеньке, раскрыла узелок. Пахнуло копчёным мясом с пряными травами, и рядом тут же мелькнул рыжий мех. Острая мордочка ткнулась в содержимое и разочарованно поникла. Полные укора зелёные глаза уставились на меня, потом перебежали на спящего младенца и заинтересованно прищурились.

– Ещё раз увижу этот взгляд, хвост надеру, – сурово отчитала я паршивца. – Вот, держи, – протянула я ему холодную утиную грудку. – Сырое обещаю по возвращении.

Хруст притворно пристыженно прижал уши и с видом крайнего отвращения принялся за угощение.

– Это вольпис? – поразился Тесий.

– Да, я думала, вы не слишком разбираетесь в животных.

– Но не настолько же! – Он потянулся коснуться зверька, однако Хруст, которого я и Бланка и так затискали, на сей раз фамильярности не спустил и щёлкнул зубами. Тесий отдёргнул руку и выпрямился. – Вижу, у вас появился грозный страж, мне теперь спокойнее. Как вам удалось его приручить? Не знаю больше ни одного случая, чтобы они шли к человеку.

– Наверное, во мне есть... звериный шарм, – предположила я, вытаскивая огромный кусок пшеничного хлеба и представляя, как вопьюсь в него зубами.

Настроение у меня, несмотря на предстоящую нелёгкую поездку, было отличным.

– И вы этим бессовестно пользуетесь, – улыбнулся Тесий и тут же слегка нахмурился. – Но вы так замёрзнете в одном платье.

– Брат сейчас принесёт плащ и дорожную обувь. А вот и он!

Тесий обернулся через плечо и сдержанно мне поклонился.

– Засим я попрощаюсь до вечера. Берегите себя, Лора.

Я кивнула в ответ, и он направился к паласу. Хруст оторвался от утки и ошетинился на приближающегося Людо.

– Не смей. Только ваших склок сейчас не хватало, – тихо, чтобы не разбудить Зои, но твёрдо сказала я, и он, фыркнув, перепрыгнул перила и скрылся из виду.

Людо проводил Тесия долгим взглядом, кинул на землю башмаки, набросил мне на плечи плащ и, уперев ногу в бортик, наклонился ко мне:

– Не удалось их уломать, чтоб и я поехал?

– Неа, – шепнула я. – Сам виноват, нужно было учиться с младенцами обращаться. И меня учить.

Он мельком взглянул на Зою, отнял у меня пшеничный ломоть, выскреб пальцами весь мякиш, затолкал себе в рот и вернул корку.

– Ты же только что с завтрака! – возмутилась я.

– У тебя там ещё здоровенный кусок пирога лежит. А двух баулов жратвы вам на день за глаза и за уши.

Я поскорее принялась за пирог, на всякий случай держа его так, чтобы Людо не дотянулся, но хлебную корку тоже не выкинула – положила обратно в узел. После стольких лет впроголодь просто рука не поднималась выбросить что-то, что хоть немного вкуснее картофельных очистков.

– Нас сегодня, между прочим, не меньше двадцати миль разделит, – проворчала я. – Скажи мне что-нибудь доброе на дорогу.

Для тех, кто никогда не расходился дальше разных концов одной деревни, расстояние весьма приличное.

– Если вот этот, – дёрнул Людо затылком в ту сторону, где скрылся Тесий, – отпустил, значит, ничего с тобой не случится. А не вернёшься, я где угодно найду и приведу назад.

Я фыркнула, но на душе потеплело.

– Подержи младенца, – попросила я, встряхнув руку от крошек.

– Это ещё зачем? – брезгливо отодвинулся Людо.

– Чтоб я обувь передела.

– Нет уж, поступим наоборот. А это держи сама.

– Вообще-то «это» зовут Зои.

– Да хоть Праматерью, – возразил он, опустившись на одно колено, и стянул с меня туфли, в которых ощущался каждый камешек, – я её в руки не возьму. Мне было пять, когда отец впервые со мной заговорил, а с тобой и того позже. И это правильно, дети – забота женщины. А чужие ублюдки и подавно.

– Да, наверное, это правильно, – рассеянно отозвалась я, притопнув, чтобы утеплённый башмак сел плотнее, и подставила вторую ногу.

Брат удивлённо вскинул глаза.

– Наверное?

Послышавшийся наверху шум и голоса подсказали, что сюда вот-вот спустятся остальные участники похода. Людо оглянулся по сторонам, вытащил из-за голенища нож и задрал мне подол.

– Что ты делаешь?!

– Уверенность уверенностью, а осторожность никогда не повредит, – сообщил он, привязывая мне короткий клинок повыше колена и серьёзно взглянул в лицо. – Ты просто едешь с ними, смотришь во все глаза и не спишь во время разговоров. Всё. Никаких глупостей. Поняла?

– Да поняла я, поняла, – нервно отозвалась я, – подол опусти.

Он оправил платье и выпрямился как раз в тот момент, когда на лестнице показались рыцари во главе с Бодуэном. Поднявшаяся со скрипом решётка пропустила ладью. Я встала, бережно придерживая Зои и чувствуя себя во всех смыслах на перепутье. С одной стороны приближались мужчины, с другой – лодка, а я стояла посередине, держа в руках чужую жизнь и не зная, что принесёт сегодняшней день: очередную ложную надежду или долгожданное избавление.

Когда мы уже отчаливали, на лестнице мелькнула тень, оттолкнулась от последней ступени, пронеслась по воздуху рыжей кометой и приземлилась в ладье на все четыре лапы.

– Он поедет со мной, – вздёрнула я подбородок, готовясь отстаивать питомца, но никто из мужчин и не подумал возражать.

Хруст пристроился рядом, положив мордочку мне на колени, и только уши поворачивались миниатюрными мохнатыми парусами. От его негромкого урчания на душе стало уютнее, как и от сопения Зои. Я склонила голову к плечу, изучая пухлощёкое лицо с оттопыренной губой: а заботиться о детях в принципе не так уж трудно. Особенно когда они спят.

Водная часть пути, самая короткая, прошла незаметно: я рассматривала надувающееся от ветра полотно, пестревшее искусно вышитыми сценами из истории, и слушала плеск вёсел.

Едва судно подошло к берегу, колокол вдали надтреснуто возвестил третий час^[54].

В сосновой рощице нас ждали четыре лошади: для Бодуэна, Пэтра, ещё одна вьючная и четвёртая – жемчужно-кремовая кобылка для Альбрехта и нас с Зои. При виде сиденья с низкой спинкой, ухватом для правой руки и дощечкой для ног, пристёгнутого сзади кожаными ремнями к седлу Альбрехта, к горлу подскочил недавний пирог: трястись боком несколько часов, ещё и с младенцем на руках – за кого они меня принимают?!^[55] Я до последнего надеялась на что-то вроде повозки...

Альбрехт заметил мой взгляд и осторожно забрал Зои, умело пристроив её головку на сгиб локтя.

– Не волнуйтесь, леди, у Игруньи лёгкая нога и ровный ход. Как начнёте уставать, дайте знать, будем делать привалы.

От спокойного почти ласкового, насколько это возможно у такого старого прокалённого рыцаря, тона стало чуточку легче. Подошедший Пэтр предложил посадить меня.

– У вас там всё в порядке? – позвал Бодуэн.

Он уже гарцевал верхом с внушающей зависть непринуждённостью. Серый в яблоках конь горячился и прыдал ушами, словно мечтал лишь об одном: понести всадника наперегонки с ветром.

– Все путём, Ваше Высочество, – откликнулся Альбрехт. – Только вот оно что: давайте-ка я младенца возьму, а леди пусть сзади спокойно едет.

– Что за вздор! Зачем мы её тогда взяли? Ничего с ней не случится, леди Лорелея крепче, чем кажется. Ноша ей по плечу.

Я ответила злым взглядом, решительно поставила ногу в стремя, ухватилась за луку седла и, сцепив зубы, вскарабкалась на сиденье. Выпрямившись, высокомерно посмотрела на Бодуэна, и он отвесил шутливый поклон, признавая победу.

– Дайте мне Зою, Альбрехт, – спокойно сказала я, протягивая руки. – Никакая сила на свете не заставит меня выронить её.

Он, поколебавшись, передал девочку, потом подтянул ремни, закрепив мою подставку для ног на нужной высоте, и с десятилетиями отточенной сноровкой устроился впереди. Игрунья снялась с места, слегка качнув сиденье, и я судорожно обхватила мужчину за пояс.

Первые мили две было особенно тяжело.левой рукой я цеплялась за Альбрехта, а правой держала на коленях Зою, боясь и уронить, и сдавить слишком сильно. Пётр пристроился неподалёку для подстраховки, но мне всё равно рисовались жуткие картины короткого полёта и оглушающего падения под копыта лошади.

Чтобы отвлечься, я принялась рассматривать проносящиеся мимо сосны с голубыми, словно бы подёрнутыми восковым налётом, иголками и пурпурной шелушащейся корой, распускающиеся цветы боярышника и незрелые, не дождавшиеся мая бусины волчьей ягоды. Вскоре роща закончилась, и мы выехали на открытое пространство. Пейзаж сменился так резко, будто мы перескочили из одного конца королевства в другой. Теперь на многие мили вперёд простиралась долина, теснимая горами, постепенно сужаясь и теряясь в пелене на горизонте. И если справа природные исполины виднелись далёкой укутанной дымкой грядой, то слева почва активно дыбилась и собиралась в складки в какой-то сотне ярдов от нас, переходя в довольно крутой склон. Весна затянула его душистым пахнущим влажной землёй и молодой травой ковром, местами истёршимся до

тёмно-бурых проплешин и порвавшимся о валуны и базальтовые наросты. Обновившиеся за зиму соки пульсировали в жилах природы, пробиваясь свежими ароматами, набухая почками и собираясь в бутоны.

Альбрехт не обманул: Игрунья шла резвым, но при этом превосходно-ровным тельтом, переставляя жилистые ноги так, что одна всегда находилась на земле, обеспечивая движениям скользящую плавность. И постепенно моё тело, убедившись, что его не собираются скидывать или подвергать жестокой тряске рысью, от которой Зои наверняка проснулась бы, а я встала назавтра разбитая и с ноющим крестцом, расслабилось и устроилось более-менее удобно. Я даже начала получать от поездки удовольствие: годы неприкаянных скитаний наградили, помимо горестей и тревог, привычкой к смене мест, и в приевшихся за прошедшие недели стенах замка мне отчаянно не хватало новых впечатлений.

Хруст тоже не отставал, пристроившись в хвосте нашей небольшой группы, время от времени забегал сбоку или исчезал в кустах, чтобы потом вынырнуть где-нибудь впереди, поджидая нас. Высоко в небе парил Кирк, казавшийся с земли совершенно плоским и неподвижным.

Оценить краски проснувшейся природы в полной мере мешало ожидание дождя, съевшее верхушки гор и затянувшее долину сероватой мутью, из-за которой оттенки поблекли, и белые цветы придорожного тёрна казались застрявшими в блестяще-чёрных, пока ещё безлистных ветвях облачками, младшими братьями тех, что скользили по небу, отбрасывая на землю движущиеся тени. Время от времени в горах громыхало, и наблюдались слабые вспышки – где-то за сотню миль отсюда уже бродила гроза.

Но даже это обстоятельство не портило впечатления от поездки, напротив, подстёгивало наслаждаться ею в полной мере. Заранее готовясь к неприятностям, вы лишаете себя удовольствия от здесь и сейчас. Я не собиралась совершать подобной ошибки. Пребывая большую часть жизни в напряжении и выгрызая место под лучиком солнца, учишься ценить и смаковать такие вот моменты спокойствия и затишья, даже если это затишье перед бурей. Наверное, я подсознательно чувствовала, что гроза эта доберётся не только до последней сухой нитки на моей одежде, но и до последнего

свободного от терзаний уголка души, вот и спешила испытать, впитать, наполниться этим ощущением безмятежного счастья жизни, запастись им впрок.

Вдыхала острый запах конского пота и молочный – Зои, любовалась переливами изабелловой масти Игруньи, перебиравшей оттенки от жёлто-костяного до пепельно-голубоватого, под стать глазам, ловила ладонью сдавленный кашель Альбрехта и сбивчивый стук его сердца, и даже онемение в придерживающей детское тельце руке радовало. Ведь пока чувствуешь – живёшь. Людо прав: жизнь – бесценный дар, который вручается не всякому и часто жестоко отнимается. Дары нужно чтить, а не принимать как должное.

Все изменилось, когда начался подъём. Ровная дорога стала перебиваться наклонными и осыпающимися участками. Ход Игруньи потерял плавность, копыта оскальзывались, выбивая камешки, моя левая рука снова крепко вцепилась в Альбрехта, и, главное, началась тряска с её неизбежным последствием: Зои проснулась и огласила долину боевым кличем горцев. Вскоре Бодуэн объявил привал. Я-то втайне надеялась и уже практически уверилась, что девочка проспит всю дорогу.

Пока мужчины давали отдых лошадям, я вместе с Зои устроилась чуть дальше на плоском валуне, с которого открывался обзор на всю долину. Девочка, не переставая, кричала. Личико морщилось, крошечные красные кулачки бессильно грозили мне.

– Т-ш-ш, всё хорошо, всё будет хорошо, – как заведённая, повторяла я, укачивая её, потом подняла поллюбоваться видом. – Посмотри, какая красота! Вон облака, правда, на овечек похожи? А вот на том кусту, готова спорить на что угодно, живут феи.

Зои было плевать на облака и каких-то там фей. Она не хотела смотреть. Она хотела только кричать. Вспомнив про кукушку и убедившись, что мужчинам не видно, я воспроизвела жест Мораты, но все попытки отвлечь девочку провалились, она только сильнее распалялась. Я в растерянности прижала её к себе, энергично убаюкивая и не зная, что ещё предпринять, как вдруг почувствовала весьма ощутимый укус. Крошечные зубы цапнули за грудь прямо через платье и, надо сказать, весьма болезненно для резцов, едва-едва пробивающихся двумя жемчужными осколками в этом требовательном и голосистом рту.

– Ай!

Я удивлённо отодвинула её и подняла голову на приближающегося Альбрехта.

– Она меня укусила за... за...

– Я видел, миледи. Кажись, малышка просит есть. Требуется, я бы даже сказал, – незлобливо усмехнулся он.

Накативший стыд и злость на себя обожгли щёки.

– Принесите, пожалуйста, мою суму, – попросила я, разглаживая ладонью обмусоленную ткань и отряхивая песок с подола.

Запоздало пришла мысль, что чёрный бархат не лучший вариант для путешествия по горам, но особого выбора среди моих теперешних нарядов всё равно не было. Единственный дорожный предназначался для перемещения в повозке. Не могла же я надеть прежние лохмотья со дна сундука, хотя им-то как раз нипочём лишний слой пыли, а бахрому успешно заменяет обтрёпанный подол.

– Уже, – Альбрехт поставил рядом котомку с вещами, которыми меня снабдила Мората, вынул бурдюк с молоком и тряпочку. – Давайте-ка вместе: вы держите, а я буду капать.

Я с благодарностью приняла его помощь.

– Жаль, она сама не может сказать, что ей нужно, – с досадой произнесла я, приподнимая головку.

– Тогда было б не так интересно, – подмигнул старый рыцарь.

Мужчина действовал сноровисто и абсолютно спокойно, будто не слыша раздирающих уши воплей, от которых чувства во мне постоянно колебались между жалостью и раздражением.

Первая капля прошла незамеченной, попав на щёку и сползая по ней, но как только вторая шлёпнулась в развёрстый рот, ор прекратился. Маленький язычок причмокнул, собирая молоко, и губы потянулись к сложенной тряпочке, ухватились за неё и принялись сосать. Сперва Зои скривилась, обиженная такой подменой материнской груди, набрала побольше воздуха для нового витка крика, заготовила слёзы, но потом передумала и принялась сосать марлю, смешно двигая щеками и помогая себе кулачком. Вторая рука тем временем бесцельно цеплялась за меня. Когда первая порция молока закончилась, рыцарь повторил процедуру.

Я с любопытством следила за Альбрехтом, пока он так невозмутимо и обстоятельно занимался этим немужским делом.

– У меня есть внуки, – ответил он на мой взгляд, – и правнуки. Не бойтесь, – рассмеялся он, когда мои глаза, слегка расширившись, оценивающе скользнули по изрезанному морщинами обветренному лицу, узловатым корням вен и могучей, почти не согбенной годами фигуре, – не рассыплюсь в дороге, уж вас-то доставлю в целости и туда, и обратно, раз подвязался.

Я привыкла считать виденных в скитаниях бабушек и дедушек чем-то вроде осколка старины, застрявшего в семье, чтобы шамкать беззубым ртом, драть за уши внуков и попрекать детей за бесцельно растрачиваемую жизнь. Так вот Альбрехт совсем не был на них похож: постаревший мужчина, но не старик, хотя редко кто доживал до его лет. У него даже половина зубов сохранилась, и седые пряди перемежались каштановыми. Красные сосуды на носу и походка выдавали человека, прошедшего большую часть жизни в седле на открытом воздухе.

Мы с Людо своего деда не застали. В принципе он и дедом-то побыть не успел – погиб в сражении примерно в том же возрасте, что и отец. Бабушка, сильно его любившая и поехавшая тайно в поход вместе с ним, чтобы не разлучаться, сгорела ещё раньше, от мозговой горячки, вызванной слишком частыми перекидываниями. Страстность природы и пары на всю жизнь – это у нас семейное. Правда, жизнь эта пока ни у кого из предков не была особо долгой по разным причинам. Хочется думать, что нам с Людо повезёт больше.

С тех пор, как я узнала от кормилицы бабушкину историю и про другие случаи сумасшествия в семье, надо мной всегда довлел страх пойти по их стопам. Во многом поэтому я старалась реже пользоваться даром, но в глубине души считала такой исход почти неизбежным: нельзя постоянно пускать в себя других людей, проживать их жизни и самому не тронуться хотя бы немного рассудком.

В детстве мне часто говорили, что я похожа на бабушку: так же избалована, нетерпима, упряма, тороплюсь жить и прикипаю к людям, а в целом невыносима. Ругали меня все: мать, мэтр Фурье, няня, кормилица. И только Людо всегда принимал такой, какая есть, даже когда я сама себя не принимала. Это очень важно и нужно, чтобы кто-то любил тебя просто за то, что ты существуешь, не осуждая и не пытаясь исправить, пусть и что-то в тебе не нравится. Людо любит меня именно так. Впрочем, как и я его.

Альбрехт поднял глаза и качнул марлечкой:

– Хотите попробовать?

Я поколебалась и протянула руку.

– Хочу.

Осторожно поднесла искусственную грудь к маленькому рту, и тот тут же раскрылся ей навстречу. Какое странное чувство, когда маленькое живое существо тянется к тебе, доверяя безоговорочно и безоглядно...

Всё это время Хруст ревниво кружил рядом и обиженно поджал уши, когда я велела не мешаться. Рыжий мех мелькнул и скрылся где-то за камнями – вульпис отправился охотиться. Я не боялась, что он потеряет группу, потому что чувствовала отныне связующую нас незримую нить.

Когда с кормлением было покончено, Зои сыто улыбнулась, взгляд поплыл и веки, трепыхнувшись пару раз, сомкнулись.

– Жаль, не взяла с собой той маковой настойки, – шепнула я, невесомо промакивая ей рот и отирая порозовевшие щеки.

– Нельзя же весь день её этим поить, миледи, – покачал головой Альбрехт, убирая вещи обратно в сумку. – На свежем воздухе ей и без того будет хорошо спаться.

Потом он принёс немного провизии и, снова устроившись рядом, протянул мне хлеба с ветчиной. Я поколебалась, боясь неосторожным движением разбудить Зою. Альбрехт неверно истолковал мою медлительность.

– Не отказывайтесь. Знаете, что это я придумал ветчину?

Привычка есть впрок, когда дают, возобладала над осторожностью, и я, аккуратно выпростав руку, приняла угощение.

– Вы? Я думала, её изобрели давным-давно.

– Так это и было давно, я ещё юнцом ходил, не старше вас, миледи. Отправились мы как-то шумной компанией во главе с сеньором на охоту, и вот совсем немного спустя прямо на нас выскочил кабан, – с удовольствием начал он, откинув голову и с прищуром озирая затянутую туманом долину, будто проникая взглядом в прошлое. – Бивни, что твои колонны, один расщеплён на конце, об щетину уколоться можно, отпечаток копыта в пядь длину и ширину, – он расставил большой палец и перст, – аж земля дрожит, и глаза по зрачки налиты кровью – настоящий монстр, разорвёт – не заметит! Ох

и погонял он нас тогда по лесу, две борзые всего уцелели, остальных об камни да деревья порасплющивал, брюха пораспарывал, и сами мы до исподнего, простите, леди, взмокли, но под конец зацепил-таки я его. Только убёг он всё равно, сиганул в кусты и был таков.

– И что же вы? – заволновалась я и не глядя вцепилась зубами в ветчину. – Неужто упустили?!

– А что я? Вернулся ни с чем домой, и там никто не поверил, доказательств-то нету. – Он отряхнул ладони и развёл руками. – Так бы и забыли про эту историю, да только месяца три спустя нашли того кабана: оказалось, упал в солёный источник и там же утоп. Признали его лишь по обломку моей рогатины с фамильным гербом, застрявшему точнёхонько в сердце. А когда вытащили хряка да разделали тушу, мясо нежнейшее оказалось. С тех пор и наострились солить на ветчину.

– Он вам уже поведал, что Игрунья – плод любви его лучшей кобылицы и восьминогого жеребца тайного народа? – поинтересовался Бодуэн, обходя валун сбоку.

Я вздрогнула и наклонилась поправить пелёнку Зои, сложенную на голове на манер капюшона.

– Так это что, все неправда про ветчину? – разочарованно протянула я, стараясь смотреть только на Альбрехта.

– Вестимо, правда! – возмутился тот. – Его Высочеству-то откель знать дела полувековой давности. Он спустя только два десятка лет после той охоты мальчонкой бегать начал.

Я невольно покосилась на Бодуэна – настолько странной показалась мысль, что он тоже когда-то был мальчиком. Бодуэн, которого я знала, всегда был взрослым.

– Это ты зря помянул, Альбрехт, – усмехнулся регент. – Леди Лорелея теперь усиленно пытается представить меня в коротеньких брэ^[56].

– Моя фантазия довольно скудна, Ваше Высочество, – сухо ответила я, отворачиваясь. – Такой подвиг ей не под силу.

– Всё-то вы прибедняетесь. – Он посмотрел на небо, проверил пальцем ветер и объявил: – Привал окончен, нужно успеть до дождя.

– Успеть обратно в замок? – негромко спросила я, когда он отошёл.

– Успеть до горной деревушки, – отозвался Альбрехт. – А до замка по-любому не успеем, это сразу было ясно.

Я замерла и беспокойно глянула на наливающееся сплошным синяком небо. Искристые змейки пробежали по нему смертоносной вышивкой, гром гремел всё ближе.

Альбрехт поднялся, и я собралась было последовать за ним, но рыцарь остановил:

– Вы бы того, леди, рами^[57] проверили.

Он красноречиво помахал ладонью перед носом. Я остановилась как вкопанная.

– Что? Погодите, Альбрехт, не уходите, может, вы...

– Нет уж, миледи, тут вы как-нибудь сами, – усмехнулся он и поскорее сбежал к Игрунье.

Я досадливо посмотрела на посмеивающихся мужчин, приблизила нос к Зои и поморщилась. Где тут ближайший куст для переодеваний?

Погодное предсказание вскоре начало сбываться. Зарядил противный сеющий дождь, слишком мелкий и слабый, чтобы промочить одежду насквозь, но достаточный, чтобы утяжелить её, ухудшить видимость, затруднить дорогу и испортить настроение. Наслаждаться больше не получалось. Остаток пути пришлось преодолевать медленно, то и дело спешиваясь и продвигаясь шагом, пока мужчины вели лошадей в поводу, ровных участков попадалось всё меньше. Зои часто просыпалась, и мы ещё несколько раз останавливались из-за неё на короткий отдых.

Когда впереди показалась горсть домишек, прилипших к склону и съехавших с него на небольшое плоскогорье, я была уже вконец измучена и едва переставляла ноги. От влажной липнущей одежды тело дрожало и покрывалось мурашками. Зои беспрестанно капризничала. Сейчас я мечтала оказаться на её месте: чтобы кто-то нёс на руках, кормил и бормотал слова утешения, а я бы только требовала и подгоняла, и чтоб в конце ждал родной очаг, материнские объятия и слёзы счастья. Для неё это всего лишь сутки страданий, которые скоро закончатся. Ради счастья вернуться на один-единственный вечер домой я отдала бы полжизни.

Особенно трудно без родителей приходилось в самые первые годы. И когда тоска по ним становилась нестерпимой, Людо говорил, что в их раннем уходе тоже есть преимущества, например они уже никогда не состарятся. Это слабо, но всё же утешало. Теперь я понимаю, что скучала не столько по ним – их-то, как людей, я, пожалуй, толком и не успела узнать, кроме того, что мать была строгой и красивой, а отец жёстким и сильным, – сколько по даруемому им чувству защищённости. Вот это самое чувство защищённости, а вовсе не горка обнесённых стеной камней, и есть дом. И именно его отнял возглавляющий наш отряд человек, сделав это так же играючи, как управлял своим конём и всем, за что бы ни взялся, выставив меня в жестокий взрослый мир, неподготовленную, растерянную, с обгоревшими бровями, плачущим Артуром и плюющимся проклятиями Людо. Артур потом много недель проливал по ночам

беззвучные слёзы, а Людо сгорал от стыда за него и ненавидел ещё больше и сделал всё, чтобы вычеркнуть его из нашей жизни, жалея, что не может также удалить и из жизни земной.

Хотя, думается мне, помимо слабости, у Людо была дополнительная причина ненавидеть нашего тихого брата, хотя сам он никогда бы в этом не признался: именно Артур, а не он спас меня в тот чёрный злополучный день ценой собственного увечья.

Наше путешествие закончилось уже далеко за полдень перед крепким двухэтажным домом, обнесённым частоколом. Деревенька состояла из немногим более полутора десятков хижин, но он выделялся среди прочих размерами, добротным материалом, удачным местоположением и наличием сарая и пары-тройки других надворных построек.

– Здесь живёт староста с семьёй, – пояснил Альбрехт.

Когда мы пересекали двор под насторожённое кудахтанье куриц и блеяние невидимых коз, из конуры выбежал лохматый пёс, размерами и размазанными по белой шкуре чёрными пятнами напоминающий телёнка, и залился оглушительным лаем. Разбуженная Зои, потеряв глаза, присоединила к нему всю мощь своих лёгких. Дверь немедленно распахнулась, и на пороге показалась девушка примерно моих лет в простой суконной котте, с подоткнутым подолом и заплетёнными в косичку волосами. Она обежала нас любопытным взглядом, радостно улыбнулась Бодуэну и, отвернувшись к дому, прокричала:

– Мама, мама, там господа приехали! Милорд приехал!

Последнее её особенно радовало. Пока Бодуэн поднимался по ступеням, она не переставала широко улыбаться и лукаво глянула из-под ресниц, когда он потрепал её по подбородку.

– Здравствуй, Раэли.

Из-за её спины уже выглядывали трое младших: два брата лет шести-семи и жующая кулак девочка лет трёх. Хозяйка, та самая мама, стряхнула ладони от муки и подхватила младшую дочь на руки.

– Что же ты гостей на пороге держишь, – упрекнула она девушку и уже тише добавила: – А ну, брысь с глаз долой!

Раэли с сожалением скрылась где-то в глубине. Было видно, что, в отличие от дочери, старшую женщину приезд гостей не порадовал, но держалась она почтительно и поприветствовала каждого.

– Муж дома, Йоханна? – поинтересовался Бодуэн, перешагивая порог и оглядываясь.

Первый этаж состоял из одной большой комнаты, беспорядочно заставленной предметами обихода. В очаге на тагане булькал пузатый горшок, выше на выступающих вперёд стойках помещалось уже готовое блюдо, предохранённое от остывания, с потолка свисал упрятанный подальше от кошачьих когтей окорок и жёлтая головка сыра; потревоженная плечом Пэтра, она теперь заманчиво поворачивалась то одним, то другим бочком. К очагу жались лавки, а на другом конце комнаты помещалась лохань для стирки, широкая кадка для купания детей и прялка – похоже, наше появление прервало работу старшей девушки.

– Пошёл проверить силки перед грозой, скоро будет, милорд. А вы как на сей раз, с ночёвкой али проездом?

«Проездом» она особенно выделила.

– Рассчитывал на второе, но сама видишь, что творится на улице. – Снаружи громыхнуло в подкрепление слов. – Боюсь, нам придётся злоупотребить вашим с Ги гостеприимством.

– Какие уж тут зло-у-пот-ре-бле-ния, – с запинкой выговорила она трудное слово и резким жестом пригласила всех располагаться удобнее. – Обед почти готов.

– Отлично, тогда позаботься о моих спутниках: Альбрехта и Пэтра ты уже знаешь, а это леди Лорелея и вручённая её попечению малышка, Зои. Я вернусь позже.

– А куда вы? – высунула нос Раэли, игнорируя многозначительный кулак матери.

– У меня есть одно дело в горах, – улыбнулся девушке Бодуэн.

– Как?! Разве мы не пойдём с вами к Камню? – вырвалось у меня.

– Нет, вы, миледи, останетесь здесь, чтобы смотреть за ребёнком, а Альбрехт и Пэтр составят вам компанию и помогут Йоханне по хозяйству, если потребуется.

– Я могу оставить ребёнка здесь! – горячо возразила я, но под возмущённым взглядом Йоханны стиснула зубы и добавила: – Нельзя же вам одному, вдруг что-нибудь случится.

– Ценю вашу заботу, – усмехнулся Бодуэн. – Если к ночи не вернусь, наутро заберёте моё окоченевшее тело. Кирк укажет место.

– Ерунду не болтайте! – Раэли выбежала вперёд, на ходу сдёргивая с волос красный шнурок, схватила Бодуэна за руку и повязала ему вокруг запястья. – Вот, теперь точно не пропадёте, – радостно сообщила она, запрокинув лицо со смешливыми глазами.

У любой другой это вышло бы безобразной дерзостью, но есть люди, бабочками порхающие по жизни и распространяющие вокруг себя лучи жизнелюбия, им всё прощается, и окружающие улыбаются в ответ. Никогда к таким не относилась, поэтому продолжала угрюмо качать Зою, кипя от гнева.

Значит, вся дорога, все неудобства и лишения были ради того, чтобы подождать Бодуэна в этой лачуге?! Надеюсь, его придавит валуном потяжелее.

– Вы ведь хотели проверить Зою у Камня, – привела я последний аргумент.

– Проверить? – сразу насторожилась Йоханна, загородив руками младших детей, как наседка цыплят. – Младенец хворый?

– Ничего такого, просто особенность, которая никому не передастся, – успокоил её Бодуэн и, повернувшись ко мне, добавил: – Мы теперь достаточно близко от него. Этого расстояния хватит для проверки, нет нужды мучить девочку лазанием по горам, да ещё в такую погоду.

Как будто она сама ползет.

– Разговор окончен, – отрезал Бодуэн, видя, что я собираюсь возразить, что-то тихо сказал Альбрехту и Пэтру и направился к выходу. Возле Зою замедлил шаг и тронул пухлую щёку согнутым пальцем, бросив мне:

– У вас неплохо получается.

Толкнул дверь и, пригнув голову, вышел во двор, где дождь уже вовсю лупил землю, пригибая траву и кустарник под злорадные завывания ветра, отдающиеся эхом в горах. Я вышла на крыльцо следом за ним, остановившись под защитой нависающего второго этажа. Пёс встрепнулся и проводил гостя глухим лаем для острастки, но из конуры вылезать не стал: раз хозяева пустили, значит всё в порядке. Бодуэн открыл и закрыл за собой калитку, поднял капюшон плаща и двинулся прочь быстрым шагом. С неба упало мутное пятно, блестя мокрыми перьями, и приземлилось ему на плечо. Кирк

встряхнулся от капель, потоптался когтями в поисках устойчивого положения и замер.

Сзади неслышно подошла Раэли, тоже провожая Бодуэна взглядом, и с мечтательным вздохом подпёрла щеку ладонью:

– Знаете, леди, есть такие мужчины с, как бы получше выразиться, блядскими глазами. От природы у них так: он только глянет, а ты уже готовая. Вот милорд из энтих.

Я повернула голову, неприятно поражённая тем, что эта вилланка считает меня своей ровней, с которой можно на короткой ноге делиться подобными откровениями.

– Ой, вы меня не слушайте, – замахала она. – Вы, чай, и выражений-то таких не знаете.

Выражений-то таких я, положим, за годы рядом с Людо и по деревням и весям нахваталась поболее этой девочки, проведшей всю жизнь в горной лачуге в окружении горстки соседей. Только за любое из них мне влетало по губам от брата. Ему хоть изругайся, а вот леди не подобает. Вечная несправедливость.

Ответить я ничего не успела: грозно просвистело свитое жгутом полотенце, и Раэли, взвизгнув, бросилась в дом, уворачиваясь от матери.

– Я тебе покажу шнурки на удачу! Кому было велено с глаз долой! Вот отец вернётся, задаст тебе ремня! – Раэли, продолжая визжать, бросилась по лестнице на второй этаж, громко стуча пятками. – И чтоб до конца дня, как мышь, там сидела, приданое шила! – крикнула снизу Йоханна, возмущённо пыхтя, перекинула полотенце через плечо и вернулась к делам.

Альбрехт, покачав головой, притворил дверь и встал рядом со мной.

– Бедовая девка, с такой любому мужу глаз да глаз.

– В какой стороне Камень, Альбрехт? – спросила я, снова отворачиваясь к горам и силясь разглядеть хоть что-то сквозь серо-лиловую муть, насылаемую глухо рокочущим небом, стекающую ручейками с крыши и собирающуюся в лужи перед крыльцом.

– Видите те скалы, – показал он на чернеющую гряду, формой напоминающую корону и венчающую ближнюю возвышенность. – Вот там, с полчаса подъёму.

– Всё равно ему не следовало отправляться одному, – сердито заметила я. – Взял бы хотя бы вас или Пэтра. Всякое может случиться: ногу подвернёт, лихие люди нападут, а он один.

Я впервые задумалась, что будет, если Бодуэн и впрямь сгинет, не успев передать знания о Покровителе Годфрику.

– За него не волнуйтесь, миледи, ему не впервой туда взбираться, козы и те хуже лазают. Что до лихих людей, хотел бы я на это посмотреть, – издал смешок рыцарь. – В горах полно диких зверей, а Его Высочество ещё лет четырнадцать поднял целое стадо быков и заставил их трижды пробежаться по полю. Крестьяне потом всей деревней пришли жаловаться королю на вытопанный урожай пшеницы.

– Зачем он это сделал? – удивилась я.

– Шутки ради, – пожал плечами он, – а может, силу проверял. Знатно его тогда отец хворостиной отходил, самолично причём. Двоих дитёнков пастушьих затоптало, – серьёзно докончил Альбрехт.

Я с отвращением покривилась. Шут, которому по недосмотру Праматери досталась огромная незаслуженная мощь.

– Идёмте в дом, миледи, холодно нынче, младенца застудите.

Зои согласно дёрнула меня за волосы, и мы вернулись внутрь. В закрывающуюся щель успел скользнуть Хруст, неся в зубах мышь.

Остаток дня тянулся бесконечно. Я искупала Зои в ушате под чутким руководством Йоханны, успевавшей параллельно помешивать в горшке, подметать и штопать одежду, и следуя советам младших детей, которые оказались в восторге от вульписа и терзали его, пока бедняга не забился под лавку вне их досягаемости. Пэтр отправился заниматься лошадьми, а Альбрехт принялся строгать для младшей, Олли, деревянного ослика. Вернувшийся отец семейства, Ги, оказался темноволосым здоровяком, подпиравшим плечами потолок, и с трубным голосом. Мужской компании он обрадовался больше своей жены. Впрочем, складка меж её бровей разгладилась при виде связки куропаток, которую он преподнёс ей, как букет.

Обед, плавно перетёкший в ужин, собрал всех возле жаркого очага. Даже продрогшая наверху Раэли была помилована. Она спустилась с покорным и очень жалким видом, присела на краешек лавки и скромно оправила котту. Но недолгое время спустя уже хихикала в ладошку рассказам Альбрехта и кокетливо косилась на

сурового молчаливого Пэтра, улучая момент, когда оба родителя отворачивались.

Занимаясь Зои, рассеянно пропуская через себя разговоры и машинально передавая хлеб и чёрный соус^[58], я постоянно прислушивалась к звукам снаружи, надеясь уловить за шумом дождя голосистый лай пса, возвещавшего возвращение Гостя.

Но Бодуэн всё не появлялся. С собой он не взял ничего, кроме «проклятой» таблички, завёрнутой в узел. А что, если вотивный дар – это какая-то растущая на склонах трава? Или ягода? Или горная птица? Тут гадай не перегадаешь. С таким же успехом он мог захватить пожертвование из замка. Если это что-то небольшое, ему не составило труда спрятать предмет, к примеру, в поясе. Как теперь его вычислить? Обыскать вещи, когда Бодуэн заснёт, на предмет сухих листьев или чего-то подобного? Попытаться напоить и разговорить? Ха, для этого надо быть мужчиной и уметь пить больше него.

Раэли, под конец вечера растерявшая остатки притворной кротости и раскаяния, посвящала меня во всё, что только приходило в голову, а приходило ей много и сумбурно, поэтому она постоянно перескакивала с пятого на десятое. Оказалось, семья понятия не имела, кто такой Бодуэн. Для Раэли это был просто красивый лорд, время от времени останавливающийся у них на пару часов, полдня, редко на ночь, а перед отъездом щедро благодаривший родителей и дававший ей тайком монету. За просто так дававший, разочарованно вздыхала она. Только мать, однажды нашедшая подарок, устроила такую взбучку, что Раэли неделю сидеть не могла, равно как слышать с тех пор без содрогания слово «ремень». Не так обидно было б, кабы за дело... Кто же её теперь с такой попой полюбит? Хотя вон Виллем полюбил и даже замуж позвал. Он, конечно, не ахти что, но вполне себе ничего. Подружки обзавидовались, а значит, в нём и впрямь что-то есть. Олли, может, и зовёт его занудой, но много ли она в свои три года понимает в мужчинах...

Я рассеянно смотрела на угли в очаге, гипнотически вспыхивающие раскалёнными рубинами, и даже не пыталась делать вид, что слушаю, но Раэли не нуждалась в поддакиваниях. Зои у меня на коленях дремала, громко посапывая. А потом что-то *изменилось*. Внешне всё осталось прежним, вот только вещи и звуки повели себя странно.

Шум ветра и дождя снаружи внезапно смолк, посеяв странную гнетущую тишину, на фоне которой звуки внутри дома проступили особенно отчётливо. Вещи в комнате незаметно пришли в движение: головка сыра закрутилась, кухонная утварь над очагом – шумовка, большая двузубая вилка и разливная ложка – мелко задребезжала, стучаясь боками, плошка с чёрным соусом крабом поползла по столу безо всякой видимой причины. Негромкие возгласы мальчишек, сражающихся «на мечах», приобрели болезненную пронзительность, а стук их палок заставлял вздрагивать. Ги откинул голову, разразившись хохотом, и волны этого чудовищного грохочущего смеха разошлись ощутимыми концентрическими волнами по загустевшему воздуху. Движения потянувшейся к нему Йоханны были невыносимо медленными, а Раэли все жужжала и жужжала над ухом, шевеля губами. В очаге затрещало, взвившиеся искры сложились в неразборчивую, будто смазанную или текучую, фигуру и тут же снова рассыпались тлеющими мухами.

Для всех остальных вечер продолжался своим ходом, никто ничего не замечал, только вульпис тоненько надрывно заскулил из-под лавки, прижав уши к голове, и я почувствовала нутром, всем своим существом, кожей до последнего вздыбившегося на руках волоска, что к нам присоединился *кто-то ещё*. Сторонняя сущность окутала дом незримым присутствием, пропитала собой вещи, переходя от одной к другой, вороша угли в очаге, заглядывая в каждый уголок жилища.

Я будто очутилась в брюхе чудовища, проглоченная вместе с жалким игрушечным домишкой, совсем недавно казавшимся крепким и прочным. Запоздало пришло осознание, что сопение на коленях тоже прекратилось, и я опустила взгляд. Зои нахмурилась, сонно потёрла кулачком веки и медленно, как-то вдумчиво открыла глаза. В глубине их вспыхнул отблеск углей, растёкся оранжевым свечением от зрачков к радужке и заполнил белки мерцающими прожилками. Я перестала дышать, чувствуя, как леденеют пальцы ног, потому что через эти детские глаза, ставшие вдруг окошками, на меня посмотрело нечто древнее и пугающее. Посмотрело внимательно, изучающе, проникая прямо в душу и выжигая дорожку к сердцу.

Маленькие пальчики так же осознанно прижались к моей груди, ловя рваный бешеный ритм, грозящий в любой момент оборваться, оставались там несколько бесконечных мгновений, и соскользнули

обратно. Топлёное золото отступило сперва из белков по ниточкам жилок, потом покинуло радужку, собираясь к центру впитывающейся каплей и наконец бесследно утонуло в зрачках, вернув глазам прежний голубой цвет. Малышка несколько раз моргнула, скривилась и расплакалась.

И этот плач отозвался во мне громаднейшим облегчением. Я судорожно прижала её к себе, со мной снова была прежняя Зои. Нормальные звуки тоже вернулись, обрушившись на домик с утроенной силой, словно во искупление недавней сдержанности и сотрясая его раскатами грома.

А где-то через час вернулся Бодуэн.

Уставший, промокший до последней нитки регент обменялся безмолвным красноречивым взглядом с Альбрехтом и Пэтром, говорящим, что дело сделано, и кивнул хозяину дома. Женщины тут же засуетились, приглашая его к очагу.

– Ничего не нужно, – покачал головой он, отказываясь от ужина. – Просто сухой одежды, и пусть кто-нибудь принесёт наверх горячего вина. Ты приготовила комнату, Йоханна?

Она приготовила и изъявила намерение немедленно его туда проводить. Зои захныкала, Бодуэн обернулся и, встретившись со мной глазами, приблизился.

– Всё... в порядке, Ваше Высочество? С малышкой всё будет хорошо? – тихо спросила я.

Он понял вопрос.

– Всё позади, никакой опасности для неё нет.

Бодуэн развернул узел и показал табличку. Поверхность была абсолютно чистой. Не выскобленной, не стёртой, а такой, будто символы бесследно слизнул чей-то гигантский язык. Но это абсолютно точно был тот самый кусок свинца, который мы с Людо выдали за проклятую доску – я узнала по форме.

Я склонилась над Зои, пряча эмоции, и потрогала лобик. Недавняя горячность ушла.

– То, что произошло, не повредит ей в будущем?

– Она никогда об этом не вспомнит и останется такой, как была. Как она в остальном?

– В порядке, но капризничает. Думаю, она просто устала и... скучает по матери, – вздохнула я.

Бодуэн внимательно на меня посмотрел.

– Я тоже так думаю. Грустно, правда?

– Грустно, Ваше Высочество, – согласилась я.

И почему у меня весь день ощущение, что забота о Зои – своеобразное наказание? Только злиться за него не получалось. Если б не я, эта мелкая сейчас сладко посапывала бы у материнской груди, а не сосала жалкую марлю, не плакала из-за чужого незнакомого запаха

и никогда не стала бы, пусть и на краткие доли, живым сосудом для древней твари.

Она уже больше не ревела, только бессильно жалобно хныкала, как котёнок. Бодуэн неожиданно протянул руки и забрал её у меня. Очувшись в колыбели мужских объятий, малышка моментально стихла, сперва просто удивлённая, а потом, рассмотрев того, кто её держал, кокетливо улыбнулась беззубым ртом и ткнула пальчиком в щетинистый подбородок.

Я закатила глаза.

– Вы ей нравитесь, милорд, – тут же ввинтилась Раэли.

– Тогда это у нас взаимно, – усмехнулся он.

– А у вас есть дети?

– Насколько мне известно, нет, – отозвался он, осторожно отцепил маленькие пальчики, уже теребящие его браслет, и вернул её мне.

– А держали так, будто есть, – заметила Раэли.

Бодуэн коротко ей улыбнулся и повернулся к Йоханне:

– Где разместят остальных?

– Миледи вместе с Раэли и детьми наверху, во второй комнате, а мы все здесь, – отозвалась она с быстротой, выдававшей предварительные тщательные раздумья, и великодушно добавила: – Малышку я могу взять к себе, чтобы миледи покойно спалось, здесь и шумит меньше, чем наверху.

Не будь меня, она бы оставила свою шустрюю старшую дочь внизу, от Бодуэна и греха подальше, но разместить придворную даму на одном этаже с мужчиной без компаньонки не могла. Придуманный расклад разом решал все проблемы: моё присутствие послужит гарантом добронравного поведения Раэли, её – соблюдением приличий в отношении меня, а детей – дополнительным оберегом для нас обеих.

Удовлетворившись ответом, Бодуэн отправился в свою комнату, скрипя ступенями и оставляя влажные следы. Пётр буркнул, что заночует с лошадьми, и тоже удалился, а вот Альбрехт заявил, что его кости уже староваты для подобных испытаний, поэтому он готов лечь где угодно, главное, чтобы это где угодно было поближе к очагу.

Воспоследовала суета, в процессе которой Ги сходил за старой колыбелью в сарай, мальчики и Олли выстлали её по приказу матери мякиной, Раэли нагрела вино на углях, а Йоханна отнесла его наверх вместе с лучшим нарядом мужа и спустилась уже с мокрой одеждой

регента, которую развесила на просушку перед очагом. От ткани заструился пар, словно Бодуэн принёс частичку горных туманов с собой. Зои к тому времени уже крепко спала, поэтому не почувствовала моего осторожного, сделанного без свидетелей, поцелуя на ночь.

Наконец и мы с Раэли и детьми поднялись на второй этаж в сопровождении Хруста. Олли держалась за него, как дети, бывает, держатся за собак. Раэли ещё днём пояснила, что верхние комнаты сдаются при необходимости постояльцам, а в остальное время там спят сами домочадцы. Девушка зашла первой и зажгла сальную свечу, установленную в глиняной плошке. Комнату заполнил неяркий свет заодно с вонью, от которой я успела отвыкнуть в замке, где в личных покоях пользовались восковыми свечами со специальными фитилями, дающими меньше дыма.

Не знаю, как обстояло дело у Бодуэна, но наша комната роскошью не отличалась: широкая продавленная лежанка, где без труда уместилось бы до полудюжины человек, сундук и колченогий табурет. Окно без ставень затягивала холстина, надетая с обеих сторон петлями на гвоздики. При каждой вспышке молнии сквозь дырочки в ней и щели в стенах пробивался холодный голубоватый свет. Шумело здесь и правда гораздо сильнее, доски скрипели и трепетали. Не предложи Йоханна оставить Зои на первом этаже, меня бы ждала бессонная ночь, полная воплей и слёз. Не моих, конечно. Гроза не только не утихала, но с каждым часом набирала обороты. Стена воды, расщеплённая на тысячи и тысячи капель, обрушивалась на дом с грохотом осадных орудий, словно стремясь сокрушить его и унести обломки в долину.

Олли взяла на руки и прижала к себе Хруста, будто лишь он стоял меж нею и грозой. Тот с покровительственным урчанием обнял её хвостом. Отклонив предложение Раэли «сыграть камеристку при леди», я самостоятельно расшнуровала рукава, забралась под худое тиртеновое одеяло и освободилась от платья, нож Людо спрятала под головной валик. Девушка, не переставая трещать, взбила солому на второй половине и уложила младших братьев и сестру. Олли шёпотом попросила её оставить свечу на ночь, за что удостоилась от братьев прозвища трусишки и ещё пары обидных шпилек. Впрочем, и они

жались друг к дружке, когда гром особенно смачно прокатывался по крыше.

Излияния Раэли стихли до шёпота, но не прекратились. Тогда я просто отвернулась на правый бок, притворившись спящей, и поток слов постепенно сошёл на нет, сменившись ровным дыханием детей. Ко мне же сон не шёл. Не давал покоя вопрос, считал ли сегодня Покровитель Скальгердов моё намерение. Оставалась надежда, что нет. Считается, что у Покровителей нет души, оттого и тянутся они к людям, хоть и плохо нас понимают. Ещё я раздумывала, как быть с нерешённой проблемой – вотивным даром. Ковыряла проблему и так и эдак, но в тяжёлую голову ничего не лезло, и я вдруг почувствовала такую бесконечную усталость, что захотелось всё бросить. Поменяться местами с Раэли, выйти замуж за Виллема, который не ахти что, но вполне себе ничего, и провести остаток жизни, меля языком всё подряд, без разбору, не сдерживаясь и не отмеряя нужные дозы лжи и полуправды. Но потом подумала о Людо и почувствовала жгучий стыд. Он, верно, места себе не находит, что мы так и не вернулись. Я, будь им, рвала бы и метала. Мысли о брате, как всегда, настроили на нужный лад.

Людо советовал раздувать затухающий под гнётом времени и невзгод уголёк ненависти воспоминанием о последнем вечере. Так и поступлю. Я перевернулась на спину и стёрла в воображении крышу, представив, что лежу под тёмной бездной неба, и капли разлетаются о невидимую преграду в нескольких дюймах от моего лица. Прикрыла глаза, прислушиваясь к треску капель, напоминающему треск огня, и открыла их уже в жарко натопленной комнате.

Здесь сумрачно, и пахнет болезнью: лекарь велел разжечь хорошенько камин и плотно закрыть окна. На высоком задрапированном тенями ложе покоится измученный отравой, кровопусканиями и неудачными попытками призвать Покровителя человек. Рядом на стуле сидит мать, как всегда, с идеально-прямой спиной и бесстрастным выражением лица, оттирает ему рот и подставляет таз при позывах.

Тогда я ещё не понимала, что это конец, конец для нас всех, а она понимала, поэтому была так спокойна и собрана. Я, забившись в угол, обнимаю колени и стараюсь не смотреть туда. Людо стоит рядом,

подпирает спиной стену. В отличие от меня, он не отворачивается и время от времени больно щиплет за плечо, ориентируясь по сопению и всегда угадывая нужный момент. Щипки помогают – я не плачу.

Последняя попытка призыва – и снова неудачная. Отец со стоном склоняется над тазом.

– Может, это всё-таки тухлое мясо, и он ещё поправится? – шепчу я. – У меня тоже сегодня весь день живот болит...

Не просто болит: крутит и разрывает от животного ужаса. Людо поворачивает голову и смотрит с нескрываемым презрением.

– Не будь идиоткой. Отца отравили.

И снова подымает глаза на ложе.

Я всё равно отказываюсь верить. Как же так? Почему не сработал роскошный набор змеиных языков, подаренный венценосными гостями? Ведь не подал ни единого малюсенького знака: единорожий рог не кровоточил, кубок не запотевал, камни не меняли цвет и перстень не темнел. Как тогда яд просочился к отцу?

– Пусть подойдут... – раздаётся шелестящий и ломкий, как осенний лист, голос, захлёбывающийся в бульканье.

Мать поднимает спокойный взгляд.

– Леди Лорелея, приблизьтесь проститься с отцом.

Тело прирастает к полу, я не в силах двинуться с места, но под её ледяным взором кое-как поднимаюсь, словно сам этот взгляд тащит меня к ложу умирающего. При виде иссохшейся за какие-то сутки фигуры меня охватывает неконтролируемая паника. Я мотаю головой и пачусь. Там, на кровати... это не мой отец! Мой отец здоровый и сильный, ему всего-то тридцать, а на ложе – измождённый старик. Височные кости и скулы выступают, натягивая восковую, в бисеринах пота, кожу, рука не в состоянии сжать рукоять прислонённого рядом меча, тянется ко мне и бессильно падает обратно. Чёрные волосы ещё сильнее оттеняют сероватую кожу. Только глаза в тёмных провалах горят прежним властным огнём.

Тычок в спину от Людо прерывает отступление.

– Не смей, – шипит он, и я через силу делаю шаг вперёд, склонившись, целую руку отцу.

– Моя дочь... никогда... не плачет, – с расстановкой выталкивает он слова вместе с бурными струйками, стекающими по подбородку, старается говорить прежним тоном, но голос едва

различим. – Будь сильной... ничего не бойся... и никому не верь, кроме брата.

Он умолкает и прикрывает глаза, чтобы передохнуть.

– Теперь вы, Людо, – велит мать.

Брат выступает вперёд и наклоняется поцеловать руку. Внезапно отец крепко хватается за шею, притягивает к себе и что-то шепчет на ухо. Людо кивает. Рука чуть ослабляет хватку, продолжая удерживать его за шею.

– Вы двое должны выжить, вырасти и отомстить. Любой ценой. Клянись! – требует отец.

– Клянусь выжить. Вырасти. И отомстить, – отрывисто вторит Людо, и глаза у него блестят так же лихорадочно.

– И ты, Лора.

Я следую примеру брата.

На губах отца выступает, пузырясь алым, жуткая улыбка. Влажные пряди облепили лоб чёрным венцом.

– И когда все до единого Скальгерды захлебнутся в крови, род их угаснет, а дом ляжет в руинах, знайте, что я смотрю на вас с небес и улыбаюсь, – задыхаясь, выдавливая он и уже совсем тихо добавляет для Людо: – И береги сестру.

– К ней ни один не приблизится, пока я жив, отец! – горячо восклицает брат.

Отец удовлетворённо закрывает глаза и в изнеможении падает обратно, потом невероятным усилием поднимает веки и сглатывает.

– А теперь позови Артура...

– Нет! – отшатывается брат.

Мать сдвигает брови:

– Людо, ты слышал, что сказал отец...

– Нет!! – Людо уворачивается от протянутой руки и отскакивает от кровати. – Последнее, что ты увидишь, будет сила!

Я съёживаюсь. Кажется, меж их взглядами натягивается звенящая нить, по которой пробегают искры гнева. Даже сейчас в груди переворачивается и трепещет, оттого что брат посмел ослушаться человека, всю жизнь воплощавшего для нас верховный закон.

Шум за дверью прерывает ссору. Мать быстро встаёт, впервые изменяя своему ледяному спокойствию, отодвигает гобелен и

нажимает на дощечку, открывающую тайный проход.

– Скорее! В комнаты не возвращаться, никому из прежних знакомых не показываться, талисманы снять. Бегите вдоль русла.

Она хочет добавить что-то ещё, но тут дверь начинает сотрясаться от страшных ударов. Засов в пазу ходит ходуном. Мать поочерёдно берёт наши лица в ладони и целует в лоб. Её губы сухие и холодные, словно она уже приготовилась присоединиться к отцу. Людо тянет меня в проход.

– Да шевелись же, Лора!

А я все никак не могу отвернуться, на лбу горит её поцелуй. Мать вталкивает меня внутрь, задёргивает гобелен, где на уровне глаз проделаны незаметные отверстия, спокойно возвращается к кровати и, когда дверь, выломанная кусками, наконец распахивается, поднимает отцовский меч...

Следом темнота, бег, паутина, разбитые при падении колени, снова бег, хриплое дыхание, сердце, разбухшее до невероятных размеров в тесной груди, и потная ладонь Людо, крепко сжимающая мою.

– Стой! Заберём Колету!

Но забрать кормилицу уже не получится. Она оседает на пороге комнаты, невыносимо медленно заваливаясь набок, и рыцарь в красно-золотом табаре поверх кольчуги вытирает меч о её передник. Мутнеющие глаза женичины устремлены на нас, губы беззвучно шевелятся, заклиная бежать, и мы опять бежим, ныряя за поворот раньше, чем убийца успевает обернуться. Выход уже маячит впереди вождленным избавлением, когда на дорогу высыпают новые люди. Они прибывают и прибывают, кажется, рождаясь прямо из пламени и криков, которыми объят наш дом, сея вокруг смерть и огонь.

– Туда! – дёргает Людо, и наши пальцы внезапно расцепляются.

Когда я влетаю в разгромленную трапезную, брата нигде нет. Всё в дыму, столы поломаны, лавки перевёрнуты, камин пылает багровым чревом, из которого высыпались гнилой требухой угли. Пламя лижет скатерти и гербы, отражаясь в лужах пролитого вина, карабкается по вышитым занавескам, цепляется за галерею и перепрыгивает на расписные балки, радостно спеша к деревянным перекрытиям потолка. Позади уже стучат шаги преследователей.

– Лора! – Артур машет мне из-под останков стола, и я бросаюсь к нему, проскальзывая в последний момент в укрытие.

Едва успеваю затаиться рядом с братом, вытянувшись на животе и зажав себе рот, чтобы не раскашляться, как в зал влетают двое. Они замедляют шаг – осматриваются.

– Уверен?

– Да, сюда забежала.

Из-под тлеющей скатерти видны лишь высокие сапоги, и кончики мечей, волочащиеся по полу с противным лязганьем и подпрыгивающие на стыках плит. Рваные подошвы доходящих до колен хауберков хлопают о голенища, шелестя металлическими кольцами. Из соседней трофейной доносится рёв, стены вздрагивают от мощного удара, и из камина вместе с помятой решёткой вылетает туча искр, на ходу облекаясь в бесплотное звериное тело со скорченной в мучительную гримасу мордой. Покорёженная железка приземляется в паре шагов от нас, продолжая тащиться по полу, а выкинутые вперёд гранёные когти врезаются якорями в плиты в центре зала, выбивая каменную крошку, и бороздят их с душераздирающим скрежетом, пока тело утягивает обратно в камин.

Артура бьёт крупная дрожь, передаваясь мне через тесно прижатое плечо. «Гость! – осеняет меня. – Нужно найти Бодуэна, он поможет!» – И запоздалым эхом: ...когда все до единого Скальгерды захлебнутся в крови...»

Имя рода и клятва отказываются стыковаться у меня в голове. Слишком много там сейчас других мыслей, смешанных, поломанных и разорванных. Сапоги меж тем исчезают из поля зрения. Я осторожно убираю ладонь ото рта, чтобы вдохнуть, как вдруг скатерть отдёргивается, и огромная ручища выволакивает меня наружу, рывком ставя на ноги.

– Эй, вот они!

Чужаки кажутся мне чудовищами, посланными самим Ваалу из преисподней: огромные, бородатые, и кольчуги их пылают багряной чешуёй в свете пожарища. Артур без понукания вылезает из-под стола и становится рядом. Второй воин приближается быстрым шагом с другого конца зала и замирает, с сомнением вглядываясь.

– Бодуэн сказал, оба чернявые.

– Девчонка точно та.

Пауза для обмена взглядами, и рыцари одновременно вскидывают мечи...

Громкий треск над головами заставляет всех нас поднять лица как раз в тот момент, когда обугленные балки срываются со сводчатого потолка.

Первый отпрыгивает, выпуская горловину. А в следующий миг Артур опрокидывает меня на пол, прикрывая собой. Балки падают, складываясь домиком и осыпая его горящими углями. Наши вопли мешаются, заглушаемые рёвом огня.

– Бежим, здесь кончено! – доносится откуда-то из другой жизни, и сапоги спешно удаляются.

Странно, что после всего я опасаясь воды, а вовсе не пламени...

Я открыла глаза, щиплющие вновь разожжёнными углями гнева, всё ещё чувствуя на себе тлеющее платье и слыша запах горелой плоти и волос моего брата. В комнатухе холодно, и капли дробно барабанят по крыше, дети сопят. Тут какой-то новый мягкий звук, вынудивший меня из воспоминаний, повторяется, вплетаясь в песню ливня со стороны окна. Что-то ударилось о холстину. Вот, снова! Рядом шевельнулись. Разли откинула одеяло, воровато оглянулась на меня и на цыпочках подбежала к окну. Из-под полуопущенных ресниц я наблюдала, как она сняла холстину с одного конца и высунулась наружу.

– Ополоумел в такую непогоду?

Шум снаружи заглушил ответ невидимого собеседника, но мне почудились умоляющие нотки, к которым присоединились стенания дождя.

– Да ни за что! Месяц он подождать не может, неймётся ему, видите ли!

– ...

– Ладно... нет, не там, в сарае жди.

Ещё раз обернувшись на меня, девушка перекинула ногу через подоконник и вылезла наружу, спеша на ночное свидание, судя по ответам, с Виллемом и, судя по ловкости движений, далеко не впервые таким способом.

После её ухода я ещё какое-то время лежала, раздумывая. В голове начала созревать идея.

«Любой ценой», – беззвучно повторила я и, глянув на крепко спящих, несмотря на грозу, детей и зажатого чуть ли не под мышкой у Олли вульписа, потянулась за платьем. Нужно по горячим следам обыскать вещи Бодуэна, но даже если он сейчас спит, велика вероятность, что проснётся и застигнет меня на месте преступления. И тогда любая версия, объясняющая, что я делаю ночью в его комнате, прозвучит неубедительно. Любая, кроме одной. Итак, я собиралась совершить то, что делала Мод, от чего предостерегал Тесий и за что Людо бы меня... Мысль о брате заставила передёрнуться. Он не узнает, пообещала я себе.

Из болтовни фрейлин за работой удалось почерпнуть, что мужчины после совместной ночи обыкновенно быстро засыпают или становятся благодушными и словоохотливыми, а порой и то и другое. Вот бы Бодуэн к последнему типу относился. Может, тогда и обыскивать не придётся... Я не заметила, как за этими мыслями оделась. Запоздало пришло в голову, что для задуманного требуется как раз раздеться, но перспектива заявиться к Бодуэну в одной камизе вызывала икоту. Нож я, поколебавшись, оставила под валиком, как ни заманчива была идея зарезать регента во сне.

Комнаты были разделены ведущей на первый этаж лестницей. Я шла осторожно, прикрывая свечу от сквозняка ладонью и замирая, когда дом сотрясался очередным раскатом грома, отзывавшимся дрожанием половиц и дребезжанием посуды где-то внизу. Перед соседней дверью немного помешкала и вошла без стука.

Бодуэн не спал. Он снял затягивавшую окно холстину, оставив её висеть на левом гвоздике, и смотрел на иссекаемый дождём пейзаж снаружи. Ручьи и речушки стекали с чёрных зубьев гор пенной слюной, ветер низко пригибал к земле кустарники, с силой чесал траву, а капли дождя застывали в частых вспышках молний, как нарисованные, словно страшась небесного гнева. Бодуэн обернулся на звук, но не произнёс ни слова. Он не удивился – будто ждал меня. Глупости, как он мог ждать, если даже я не знала до последнего, что приду? Я плотно притворила дверь и снова повернулась. В этот момент огромная раскалённая добела ветвь хлестнула небо, протянувшись искристыми сучьями почти до земли, и выкрасила фигуру в окне в мертвенно-бледный под оглушительный болезненный рёв грома.

Плошка со свечой задрожала. Я придержала её другой рукой и шагнула вперёд. Что сказать? Как начать? Наверное, нужно вести себя соблазнительно, чтобы сразу дать понять, зачем я пришла, а с другой стороны, Праматерь, как же отвратительно, когда мужчина понимает, что женщина пришла с *таким* намерением. И... и вообще, соблазнительно, это как?

– Вы знаете, зачем я здесь, – начала я без обиняков.

Бодуэн неторопливо провёл ладонью по высокому подоконнику, собирая морось, присел на него лицом ко мне и скрестил руки на груди.

– Положим, догадываюсь.

Догадываюсь? И что это значит? Какой мутный раздражающий ответ! Палец обожгло брызнувшей свечной слезой. Я тщательно счистила сальный кружок, набрала в грудь побольше воздуха и выдавила срывающимся от отвращения голосом, надеясь, что он примет это за волнение страсти.

– Я полюбила вас с первого взгляда...

Небо сотряс грозовой аккорд, подчеркнув драматизм признания.

– Продолжайте.

– И... п-поэтому хочу принадлежать вам без остатка. – Наступившую паузу заполнил нарастающий рокот грома, а молния облекла моего слушателя холодным пепельным ореолом. – Только вы можете погасить терзающий меня огонь, – dokonчила я, припоминая дословную фразу из романа, который недавно читали вслух в рабочей комнате, пользуясь отлучкой Рогнеды.

– Погасить? – уточнил Бодуэн.

– Погасить, – кивнула я.

– Может быть, утолить?

– Погасить, утолить – какая разница! – раздражённо заметила я. –

Вы поняли, о чём речь.

Последовало недолгое молчание.

– Да, думаю, понял, – негромко произнёс он, – и не могу доле заставлять изнывающую от желания девушку ждать. – И добавил резким холодным голосом: – Раздевайтесь!

Я вздрогнула, но не подала виду. Оглянувшись по сторонам, примостила свечу на сундук, использовавшийся хозяевами и для хранения вещей, и как стол, и как сиденье, и помедлила, не зная, с чего

начать. Вот и всё, пути назад нет. До этого момента ситуация ещё была поправима. Застав его бодрствующим, я могла отступить, выдумать сотню причин своему появлению в неурочный час: нужна его помощь, страшно из-за грозы, кажется, внизу плакала Зои... Но теперь поздно.

– Выйдите на середину комнаты, там вас плохо видно.

Я сделала, как было велено, и принялась расшнуровывать правый рукав, рассеянно радуясь, что всё-таки оделась – хоть какая-то отсрочка, – и припоминая томную пластику Мод. Даже наедине с собой она раздевалась так, будто дразнила мужчину. Скопировать бы... Однако в моих нервных деревянных движениях не было ничего от её тягучей грации. Завязки никак не поддавались. Я всё боролась с ними, сглатывая комок в горле. Сидит и молча смотрит, хоть бы помог... Праматерь, о чём я! Нет уж, пусть лучше остаётся на месте и никогда ко мне не приближается! Как же хочется обратно, к Людо...

Я подавила всхлип. Пальцы дрожали, соскальзывая с гладкого шнура, замёрзшие кончики онемели. В ярких вспышках молний вышивка на моём наряде трепетала серебристой паутиной. Наконец, я справилась с одним рукавом, зло бросила его на пол и принялась за второй. Он поддавался так же тяжело.

Гремела крыша, помаргивала свеча, Бодуэн никак не комментировал и продолжал рассматривать меня с тем же непроницаемым выражением, в котором изредка мелькало что-то похожее на презрение. Наконец ему надоело наблюдать за моими неуклюжими потугами.

– Хватит, – вполголоса приказал он, поднимаясь с подоконника. – Просто обопрись о стену, задери подол и расставь ноги пошире.

Я медленно отпустила рукав, отсчитала три удара сердца... и рванула к выходу.

Бодуэн нагнал меня по-звериному бесшумно и, опередив, врезался спиной в закрытую дверь, а я врезалась ему в грудь и тут же принялась колотить по ней и отпихивать его, пытаюсь дотянуться до ручки.

– Выпустите! Не смейте прикасаться!! Не трогайте!!!

Удары грома сыпались очередями, вторя крикам и заглушая окончание.

– В чём дело, Лора? – ядовито прошипел он, схватив меня за локти. – Только что вы сгорали от страсти. Ваш напор распалил во мне

ответный огонь!

Я вырывалась, как бесноватая, задыхаясь под упавшими на лицо волосами.

– Да лучше я сдохну!! Чтоб вас Ваалу утащил! Чтоб вам рожу проказой разъело! Чтоб вам кол в кишки всадили, и ваши же звери всей стаей отымели! Чтоб вы... – Следующий вопль потонул в оглушительном раскате грома, а вспышка молнии утопила округу в слепящем рассвете, выбелив комнату и превратив Бодуэна в живую мраморную статую, я же продолжала дёргаться, извиваться и поливать его всеми известными и только что придуманными проклятиями и ругательствами.

– Ого, а страсти и впрямь хоть отбавляй, я и половины из этого не слышал. Успокойтесь, иначе перебудите всех внизу, – встряхнул он меня. – Что вы скажете, если вас здесь застанут?

– Мне плевать!!

Силы были уже на исходе, а я не сумела отнять даже одну руку и теперь отбивалась с остервенением загнанной в угол.

– Как же Тесий! – в отчаянии вскричала я. – Вы сами говорили, что желаете нашей свадьбы. Он ведь не возьмёт меня после... после... бесчестную!

– Возьмёт. Если я хоть немного знаю своего секретаря, то после такого он тем более сочтёт своим долгом на вас жениться, решив, что не уберёт, и ни единым словом не попрекнёт до конца жизни. Прекратите, Лора, – устало добавил Бодуэн. – Если я скажу, что не собираюсь вас насиловать, вы успокоитесь?

Он разжал пальцы, и я отшатнулась, затравленно глядя на него исподлобья и бурно дыша. Снова попыталась оттолкнуть от двери и, когда не получилось, всхлипнула, опустила голову и прошептала, вытирая нос и смаргивая слёзы:

– Выпустите, пожалуйста...

Прозвучало жалким умоляющим писком, подбородок дрожал, пол расплывался перед глазами. Я закрыла лицо руками, изо всех сил стараясь не разреветься. Только бы не расплакаться, только не перед ним! Я не переживу такого позора. Внезапно вокруг плеч обвилась рука, притянув к груди, тяжёлая ладонь успокаивающе легла на затылок. Первым порывом было оттолкнуть, но сил сопротивляться не осталось, и я ткнулась носом в его тунику, судорожно шмыгая и

прячась за волосами. Нет ничего хуже, чем когда утешает человек, которому ты желаешь всех смертей мира. Но в этот момент я ничего ему не желала. Внутри образовалась гулкая тянущая пустота, а моя истерзанная выпотрошенная воля впитывала ласку, не рассуждая, от кого она исходит.

От мягких поглаживаний по телу расходилось тепло, расслабляя и прогоняя окоченение, не имеющее никакого отношения к окружающему холоду. Нестерпимо захотелось обнять в ответ – я так давно никого не обнимала, кроме Людо, – но сознание понемногу прояснялось, а вместе с ним приходили отрезвление и досада на себя. Почувствовав перемену, Бодуэн чуть отстранился, приподнял мой подбородок и отвёл кончиками пальцев волосы с лица.

– Скажете вы наконец, зачем я понадобился вам в роли любовника?

В свете свечи он казался не менее измученным, чем я. На лбу и возле рта обозначились морщины, которых прежде не было заметно. Я сделала шаг назад, разорвав кольцо объятий и лихорадочно соображая.

– Мне... мой брат, Ваше Высочество, – нашлась я, промакивая глаза уцелевшим рукавом. – Он оруженосец, хотела попросить для него рыцарство и повышение жалованья. И... и баронский титул.

Выражение его лица неуловимо изменилось, вернув прежнего Бодуэна – даже морщины разгладились. На губах заиграла знакомая легкомысленная улыбка, за которой не угадаешь мысли.

– Ну, за баронство вы одной ночью не отделались бы. Вам бы следовало прежде расценки узнать.

– Перестаньте издеваться, – покраснела я, радуясь спасительной полутьме.

– Я вполне серьёзно, – заметил он, проходя на середину комнаты. – И совет на будущее: лучше до последнего держитесь версии страстной любви, это тешит мужское тщеславие. – Он наклонился и поднял мой рукав.

– Когда мы выезжаем обратно, Ваше Высочество? – спросила я, лишь бы переменить тему, и наблюдая, как Бодуэн его отряхивает.

– Сразу после завтрака, здесь нам больше нечего делать.

– Тогда, с вашего позволения, я пойду к себе. Спасибо. – Хотела забрать протянутый рукав, но Бодуэн внезапно придержал другой

конец. Удивлённо вскинув глаза, я наткнулась на изучающий, без тени улыбки, взгляд, в глубине которого плескался странный огонёк.

– Ещё раз предложите, Лора, я возьму.

Наши пальцы отделяла лишь узкая полоска ткани, и я вдруг остро ощутила эту близость и незащитную наготу руки. Дождавшись короткого кивка, он наконец отпустил рукав, и я поспешила вон из комнаты.

На полдороге вспомнила про свечу, но возвращаться не стала.

Раэли уже обернулась со свидания. Окно снова затягивала холстина, будто никуда и не девалась, но комнату пропитывал стойкий запах сырости, а валик вокруг её волос потемнел от влаги. Когда я вошла, девушка открыла глаза, не изменив положения и продолжая обнимать младших детей. Несколько мгновений мы молча смотрели друг на дружку, и этот затянувшийся взгляд сблизил нас больше, чем вся история её жизни, поведанная накануне, ибо превратил в невольных сообщниц. Теперь каждая знала, что другая отлучалась, равно как куда и зачем. В лице её мне почудилась лёгкая обида, но потом Раэли хитро подмигнула и снова смежила веки. Я, не раздеваясь, забралась под одеяло и свернулась калачиком, хотя не ощущала холода, напротив, под кожей гулял неприятный лихорадочный жар. Не захворать бы...

Как нередко случается после нервных потрясений, забыться удалось с трудом, и снилась всякая ерунда. Сперва будто Людо душил меня той изумрудной лентой, приговаривая, что знает, как для меня лучше, и что без воздуха мне будет лучше. А потом я занималась любовью с безликим темноволосым Виллемом, который вдруг превратился в Тесия, а под конец в Бодуэна. Не знаю, так ли всё происходит на самом деле, но было похоже на перекидывание: я словно бы стала двумя людьми одновременно, спаянными единой судорогой, и мои стоны перемежались ударами грома.

Проснулась оттого, что кто-то тихонько тронул за плечо. Подняла ресницы и инстинктивно вжалась в кровать, отползая и прикрываясь одеялом.

– Хотите увидеть Камень? – шепнул Бодуэн.

Он был полностью одет.

– Что? – Я потёрла глаза, ещё не вполне понимая, что из мешанины в моей голове произошло на самом деле.

Соседи по кровати по-прежнему сладко спали, сгрудившись вчетвером на второй половине, грохот за окном стих. Дырки на холстине оставались тёмными, значит, ещё не рассвело.

– Если хотите сходить к Камню, собирайтесь, жду вас внизу, – тихо повторил Бодуэн и вышел за дверь.

Собралась я так быстро, как только могла, пока он не передумал, и бесшумно выскользнула на крыльцо, минуя сонное царство первого этажа. Солнце ещё дремало за горизонтом, но ночь уже растаяла до зыбкой сиреновой дымки, в низинах белели молочные озерца тумана. Свежий, будто отскобленный дочиста, воздух снял с губ пар. Прибитые грозой растения робко, листик за листиком, расправлялись, чтобы к полудню, просушившись до последней жилки, окончательно скинуть гнёт вчерашней непогоды. Виновные в ней облака не спешили покидать небо, застилая его пушистым свинцом и оттягивая приход нового дня. Но и они выглядели уже не так грозно.

Бодуэн ополаскивался дождевой водой из чана на углу дома. Я обняла себя за плечи и поджала пальцы в башмаках, наблюдая за ним. Он опрокидывал на шею пригоршню за пригоршней, растирая, потом быстро макнул лицо, откинул голову и помотал ею из стороны в сторону, разметаая брызги с волос.

«Как собака», – мелькнула мысль. Тут он повернулся ко мне и попятился от бака, жестом приглашая последовать примеру. Влажные пряди обклеили контур лица мелкими тёмно-рыжими спиралями, слипшиеся ресницы отливали каштановым, и только глаза холодно светлели свежевывавшим снегом в отражении стали. Я приблизилась и погрузила в бак пригоршню. В теле ощущалась вялость и скованность от долгого лежания в скрюченной позе с поджатыми коленками. Хотелось зевнуть и хорошенько потянуться, сладко хрустнув всеми косточками, но рядом с Бодуэном я всегда подбиралась, экономя движения и эмоции. Прохладная вода немного взбодрила и рассеяла остатки сна.

Когда с омовением было покончено, он просто отвернулся и зашагал вчерашней тропой. Я поспешила следом, зябко ёжась и растирая плохо гнущиеся покрасневшие от студёной воды пальцы. В вышине, расправив крылья, распластался Кирк. Вскоре к нам присоединился и Хруст. Было обидно видеть, как охотно он вьётся возле Бодуэна, перебегая от него ко мне и обратно, тогда как с Людо они сразу стали врагами. Вульпис принюхивался к земле острой

мордочкой и мелко перебирал лапками, выписывая косички невесомых следов. У меня же под ногами прихваченная утренним холодом почва расступалась при малейшем нажатии, утяжеляя шаг, подол быстро оброс глиняными фестонами.

– Ступайте точно за мной, – обернулся Бодуэн, когда я в очередной раз поскользнулась.

Я повиновалась, и продвигаться стало намного легче: он ловко обходил топкие участки, интуитивно вычисляя самые удобные и безопасные. Прогулка получалась странно-молчаливой, но меня это не тяготило. Первым заговорил он.

– Как спалось?

– Превосходно, Ваше Высочество.

– Вам не холодно?

– Ничуть, Ваше Высочество.

– Мне идти медленнее?

– В этом нет необходимости, Ваше Высочество.

– Вы хоть изредка говорите правду?

– А вы, Ваше Высочество?

Он мельком обернулся и окинул взглядом крутой подъём впереди, примеряясь, куда лучше поставить ногу.

– Хотите, честно отвечу на следующий ваш вопрос.

– Но я ведь не узнаю, правду вы сказали или нет, – заметила я.

– Тогда задайте такой, чтобы у меня не возникло искушения солгать.

Знать бы ещё, что вас искушает...

– Почему вы передумали и решили отвести меня к Камню?

– Вы же хотели на него посмотреть, – бросил он так, будто исполнять мои желания для него нечто само собой разумеющееся, – но брать вас вчера с собой было бы чистым безумием.

Он уцепился рукой за выступающий камень, а вторую, обернувшись, протянул мне. Я покачала головой и, чуть приподняв щепотью подол, нащупала опору для руки и ноги.

– Спасибо, я сама.

Его ответ даже походил на правду. Подъём и в нынешних-то условиях оказался не из лёгких, а в потёмках и под дождём представлялся чем-то граничащим с невыполнимым. Почти отвесный участок снова сменился пологим и опять трудно проходимым. Так

продолжалось на всём протяжении пути. Цель нависала над нами, сурово взирая на букашек, осмелившихся дважды за сутки бросить вызов вершинам и вторгнуться в их владения. Ветер крепчал, дробя облака, яростно дёргая за волосы и покусывая лицо. В стенаниях гор мне чудились жалобы окаменевших великанов Атах, обречённых до окончания времён нести стражу над продуваемой долиной, и легенда переставала казаться сказочным вымыслом. Что, как не кончик хрящеватого носа у меня сейчас под рукой? А вот тот пучок травы совсем как бровь...

Последнее усилие привело нас на плоскую площадку, обнесённую скалистой изгородью, которая снизу напоминала по форме корону. На ней возвышалась фигура в три человеческих роста. Я спрыгнула с валуна на ровный участок и придержала колющий бок, переводя дыхание.

– Это и есть...

– Да, алтарь.

– Он точно не рукотворный?

– Такая же часть этих гор, как всё остальное.

Я медленно двинулась кругом, обозревая фигуру. Она походила на статую величественной женщины, воздевшей к небу руки с чашей. Юбка стекала серо-охристыми наслоениями, стройный стан гордо выпрямлен, продолговатое безносое лицо отблёскивает слюдяными вкраплениями, вплетающимися также в подобие распущенных волос. У подножия распластался продавленный камень, похожий на плиту. В неглубокой заросшей мхом ямке в центре скопилась вода, а на боках ползали божьи коровки, исследуя трещины, и застыли рыжевато-бурые потёки, словно проливавшаяся здесь в тёмные времена кровь навсегда въелась в горную породу.

Пролилась ли она здесь вчера из горла какой-нибудь птицы, смытая затем бесследно дождём? Жглись ли травы, удобряя камень пеплом? Просыпались крошки? Чертились незримые символы? Спрашивать Бодуэна напрямик бесполезно и опасно. Я тронула воду, в которой плавало несколько травинок, и провела влажными пальцами по прохладному шершавому камню, изучая каждую впадину, каждую мелочь. Если что-то из вышперечисленного здесь вчера и происходило, сегодня об этом уже ничто не напоминало. Бодуэн точно так же двинулся в обратном направлении, не отрывая ладони от камня,

и мне пришлось, приняв игру, скользнуть у него под рукой, как в ворота.

Сделав полный оборот, я отступила к краю площадки, снова рассматривая алтарь издали, и указала вверх:

– Похоже на чашу.

– Это она и есть.

По тону непонятно, шутит или говорит серьёзно.

– Для чего Праматери чаша?

– Она собирает в неё солнце.

– Зачем?

– Чтобы распылять над долиной.

Я с сомнением опёрлась об основание одного из «зубцов». Бодуэн обернулся, чтобы что-то добавить, но внезапно осёкся и полыхнул белизной глаз, из которых исчезли радужка и зрачки:

– Замрите и не дышите.

Повиновалась я скорее от неожиданности, нежели выполняя приказ. Причина тоже застыла возле моей шеи, вытянувшись всем своим упругим, длиной в две ладони, телом и слегка покачиваясь на свёрнутом хвосте. Ею была чёрная и блестящая, будто покрытая лаком, змейка с обожжённой охристым зигзагом спиной. Плотные пригнанные чешуйки разбивали кожу на ровные шестиугольники, похожие на соты, из разинутого рта между тонкими полупрозрачными клыками вырывались колечки дыма, словно внутри у неё горел маленький костёр. Щелевидный, в отличие от круглого, зрачок указывал на принадлежность к ядовитому племени, а нависающие надглазничные щитки придавали змейке сердитый угрожающий вид. Но пошевелиться она не могла, и бессильные змеиные ругательства стекали с клыков смертоносной переливающейся росой.

Хруст бросился было к аспиду, но регент чуть повернул голову, и вульпис наткнулся на невидимую преграду, возведённую его волей.

– Это престер, – сообщил Бодуэн, неторопливо приближаясь. – Усыпляет дымом и кусает, впрыскивая яд. Нападает лишь в превентивно-оборонительных целях.

Он остановился в шаге от меня и помахал ладонью, разгоняя снотворное испарение.

– Просто уберите его, – выдавила я, не сводя глаз с белым в опушке каштановых ресниц и стараясь отрешиться от шепелявого

стрекотания над ухом. Разделённый натрое язык трепетал в угрожающей близости от обнажённой шеи.

Бодуэн склонил голову набок. Аспид захлопнул пасть, переполз на моё плечо, скользнул по ключицам, обернувшись ожерельем, и заструился вниз по груди, талии, бёдрам, выписывая спирали и сглаженные зигзаги, подобные тем, что украшали его спину. Регент, как мне показалось, сделал это нарочно, хотя мог внушить твари сразу перебраться на скалу. Я по-прежнему не шевелилась, борясь с омерзением и дожидаясь, когда змея уберётся. Последний виток вокруг моей ноги, и чёрная лента исчезла в раскидистом кусте, предваряемом крепостной стеной из нескольких сложенных друг на друга камней.

Я судорожно вдохнула, навёрстывая упущенные глотки, схватила с земли обеими руками крупный камень, занесла над убежищем и возмущённо дёрнула плечом, когда Бодуэн придержал оружие.

– Вы сказали, что он бросается только в оборонительных целях, но я не нападала! Он может укусить, когда мы будем спускаться. Вы же не всегда успеете вовремя.

Бодуэн молча раздвинул колючие ветви и пригласил посмотреть.

Я заглянула внутрь и медленно опустила камень. Давешняя змейка свернулась кольцами на гнезде из примерно полутора дюжин яиц. Она с шипением выпустила в нашу сторону клуб дыма, стуча кончиком хвоста о крайнее. В мутноватых, похожих на порционный холодец вместилищах будущей жизни копошились маленькие тени. Я посмотрела на Бодуэна и, фыркнув, откинула камень. Над людскими бытиями он так дрожал.

– И всё равно, правильнее было бы уничтожить кладку, – заметила я, отходя и отряхивая ладони. Только что пережитая опасность ещё бурлила в жилах, но я не хотела, чтобы он видел моё волнение.

Бодуэн отпустил куст и обернулся.

– Заведись они под нашим крыльцом – согласен. Но здесь мы в их владениях, а не наоборот.

Вульпис с урчанием потёрся о мою ногу. Я нагнулась, подхватила его и, пощекотав под подбородком, шепнула в лохматое ухо:

– Разрешаю тебе цапнуть его за что-нибудь... – окинула взглядом прошествовавшую мимо фигуру, – мягкое.

– Даже не думайте, – раздался голос с другого конца площадки. – Лучше идите сюда, сейчас начнётся.

Я вернула Хруста на землю и, разогнувшись, направилась к Бодуэну. Он опирался рукой о подножие «зубца», расположенного прямо напротив алтаря, и смотрел куда-то поверх чаши. Я невольно сделала то же самое.

– Что начнётся?

– Чудо.

– Какое чудо? – Я была вконец сбита с толку.

Он слегка пожал плечами.

– Новый день.

Небо над нами заметно посветлело. В прогалинах между измельчавшими грязно-лиловыми облаками проглядывала яркая розовая подкладка. Щели ширились, словно под напором поднимающегося солнца, неумолимо скукоживая эти жалкие ошмётки вчерашних туч. Горизонт раскалился докрасна, сдерживая из последних сил рвущееся наверх светило.

– Вот отсюда самый лучший обзор, – похлопал Бодуэн по выступу зубца на уровне своей груди, потом смерил меня быстрым взглядом и заключил: – Но и здесь хорошо видно.

Этот взгляд, как поднесённый к лучине факел, вмиг разжёл во мне то безрассудное чувство, что заставляло видеть в едва ли не каждом его слове и жесте вызов и бросать в ответ свой. Именно оно толкнуло меня подманить в саду вульписа, взгромоздиться на сиденье позади Альбрехта, раз за разом отвергать помощь, а прямо сейчас – уцепиться обеими руками за выступ и упрямо заявить:

– Тогда я хочу наилучший обзор!

Видимо, весь вид мой кричал о том, что я это сделаю, причём без посторонней помощи, потому что Бодуэн не произнёс ни слова, лишь следил за взбиранием, которое я по возможности постаралась осуществить с достоинством. Самым сложным оказалось заставить себя выпрямиться... Зная, что позади обрыв, отгороженный лишь каменной спинкой в половину моего роста, как палец ногтем, а впереди – мой неудавшийся убийца. Внезапно в душу закрался холодок. А вдруг это ловушка? Что, если он нарочно спровоцировал меня и заманил на этот уступ, чтобы столкнуть вниз? Я взглянула в серые непроницаемые глаза. Правая рука Бодуэна лежала на камне, почти касаясь моих стоп, и задравшийся рукав обнажал сильные жилы. Рой мурашек пронёсся по хребту, во рту пересохло. С другой стороны,

зачем тогда было спасать меня от змеи? Дал бы ужалить, и дело с концом. Я подняла руку и отёрла выступившую над губой испарину. Фрейлина, я всего лишь обычная фрейлина... Пальцы нашарили невысокую каменную опору и намертво в неё вцепились.

Бодуэн, казалось, тоже что-то про себя обдумывал и взвешивал и, придя к решению, потянулся ко мне. Я невольно отшатнулась к обрыву. Выскользнувшие из-под ладони камешки с гулким шорохом осыпались вниз.

– Теперь протестуйте, сколько угодно, – заявил он, будто ничего не заметил, и крепко прижал мои стопы. – Зато не сдунет. Я встречал птиц покрупнее вас.

Даже сквозь башмаки я чувствовала жар ладоней. Разлепила губы, чтобы запротестовать, но вместо этого сглотнула, очень-очень медленно и осторожно распрямилась, опираясь на природный бортик позади, и с усилием перевела взгляд на восток. Бодуэн тоже обернулся, продолжая удерживать меня.

В этот момент первый луч вспорол облако, одно из моря таких же, подкрашенных снизу в цвета запёкшейся крови. Следующая золотая стрела пронзила его соседа, а потом случилось то самое обещанное чудо. Над протянутой к небу чашей, край которой совпал с горизонтом, возникло сияние. Оно нарастало, пока из недр сосуда не вынырнул краешек раскалённого диска, послав во все стороны целый веер лучей. При содействии ветра они принялись активно счищать с неба шелуху вчерашних облаков, как отмершие ткани с раны, чтобы дать место перламутрово-розовой коже нового дня. Солнце величественно выплывало прямо из чаши, заполняя собой долину и весь мир.

Тени пришли в движение и начали отползать, обнажая изумрудные склоны. Молодая трава заискрилась россыпями алмазов, далёкое стадо овец рассыпалось среди зелени белоснежными кусочками шерсти, птицы со звонкими криками выстроились в вышине косяком. Домики нашей горной деревушки казались отсюда несерьёзными коробочками, которые не то что вчерашней грозой – простым дуновением смести можно. А вот замок, пусть и миниатюрный, темнел крепким пеньком в огромной луже озера.

Глаза слезились от ветра и попытки объять взором как можно больше – целый мир, если получится, чтобы унести его в своей памяти и после вновь и вновь переживать восторг новорождённого. Природа

дышала свежестью и счастьем нового дня, и что-то внутри меня резонировало, задетая струна сладко затрепетала в согласии с этим гимном жизни. Я чувствовала такую наполненность и вместе с тем лёгкость, что, не держи меня Бодуэн, верно, и правда улетела бы – только не вниз, а вверх. Волосы беспорядочно развевались, подол то надувался колоколом, то звучно хлопал по икрам, хотелось раскинуть руки и кричать от беспричинной радости. Мир звал и качался навстречу, горы дышали под ногами, и поток бытия проходил сквозь меня золотыми лучами.

Бодуэн стоял, запрокинув голову и зажмурив правый глаз.

– У вас сейчас такое лицо... скажите, о чём думаете?

– О том, что жива, Ваше Высочество! – совершенно искренне ответила я, не успев сдержаться.

– Тогда вам идёт быть живой.

Я посмотрела на мужчину у своих ног и снова перевела взгляд вперёд.

– Это всем идёт, Ваше Высочество.

Вульпис, уставший ждать, пока мне надоест торчать на скале и тарашиться наверх, описал пару кругов по площадке, вернулся к Камню и, приняв себя, принялся там возиться. Наконец нижний краешек солнца оторвался от ободка чаши, и светило отправилось в самостоятельное плавание по небу. Ночь растворилась без остатка, вчера ушло со всеми своими радостями и горестями, чтобы никогда не повториться, а от облаков остались лишь лёгкие дымчатые воспоминания. День обещал быть ветреным, но ясным.

Я вдохнула полной грудью и посмотрела вниз. Теперь предстояло спуститься обратно на площадку. Пятиться вслепую, спрыгнуть, рискуя повредить колени, или съехать на попе – выбор невелик. Будь я одна, предпочла бы последнее, но я не одна. Бодуэн угадал причину колебаний и протянул руки, остановив их в паре дюймов от моего согласия.

– Я...

– Да, можете сделать это сами. Вы всё можете. Но достаточно разумны, чтобы оценить мой вариант, как более быстрый и безопасный. Помните, впереди нас ждёт возвращение в деревню, а это тоже неблизкий свет.

Я ещё раз оценила крутизну спуска и, чуть кивнув, подалась навстречу. Руки обхватили меня за талию и сняли с уступа, лишив на время твёрдой опоры. Пришлось опереться о его плечи. Наверное, я всё-таки вдохнула немного ядовитых паров престера, потому что голова закружилась, а лёгкие парализовало, как во время одной из драк, когда предназначавшийся Людо кулак угодил по случайности мне в живот. Хочешь вдохнуть, и не можешь. Тело ощущало тёплое давление ладоней и непривычную невесомость, а сердце галопом несло в пропасть без дна... Всё резко закончилось, когда туфли коснулись площадки. Я покачнулась, но устояла. Ладони ещё немного задержались на моей талии и неохотно отпустили, скользнув по бёдрам. В тот же миг что-то со звоном упало к нашим ногам. Бодуэн оказался проворнее и первым поднял нож Людо. Оценивательно покрутил, провёл пальцем по рукояти и протянул мне, слегка приподняв брови:

– Вы всегда вооружены?

– Только когда гуляю с вами, Ваше Высочество, – ответила я, забирая нож и стараясь не коснуться при этом руки.

Наметившаяся меж бровями складка подсказала, что на сей раз уже Бодуэн затрудняется определить, была ли эта шутка.

– Теперь в обратный путь, Ваше Высочество?

– Да, только, кажется, вашего друга крепко приворожили. – Он насмешливо кивнул на крутящегося возле Камня вульписа.

Я обошла его и направилась к Хрусту.

– Слышал, малыш? Завтрак уже истекает кровью, – произнесла я преувеличенно бодро, присела рядом и потрепала его по тощому загривку. – Что там у тебя?

Вульпис оторвал мордочку от трещины, которую обнюхивал, и на влажном носу блеснула тончайшая светлая нить.

– Кажется, кое-кому не мешает подстричься, – рассмеялась я, снимая волос, и подставила его ветру.

И в тот миг, когда поток воздуха подхватил его и, кружа, понёс ввысь, до меня дошло, что оный никак не мог принадлежать вульпису. Равно как мне или Бодуэну. Кажется, он принадлежал белокурому мужчине или женщине. Но откуда им здесь взяться? Судя по рассказам, здесь редко кто бывает, а вчера прошёл дождь. Я проводила взглядом утонувшую в небе ниточку и заметила в трещине плиты

необычный блеск. Нагнулась ниже, пытаюсь рассмотреть, была ли это игра света или что-то другое. Нет, там определённо что-то застряло, но слишком далеко, чтобы дотянуться пальцами.

– Нам пора, – позвал Бодуэн. – Ещё немного, и Альбрехт с Пэтром соберут поисковый отряд.

– Уже иду, Ваше Высочество.

Незаметно вставив в щель лезвие ножа, я провела на себя и поймала сверкающую каплю. Потом поднялась,правила платье и повернулась к Бодуэну, всем видом выражая готовность следовать за ним.

– Посмотрели всё, что хотели?

– Более чем. Спасибо за прогулку, Ваше Высочество.

Находка холодила пальцы и жгла любопытство.

Поджидающая нас на крыльце одинокая фигура виднелась ещё издалека.

– Доброе утро, Альбрехт.

– И вам доброе, миледи, Ваше Высочество, – поклонился старый рыцарь и, толкнув дверь, пропустил нас с Бодуэном в дом, где уже полным ходом шёл завтрак.

Все поздоровались, но никто не спросил, где мы были и чем занимались, и даже многозначительных взглядов не последовало – вот что значит поблизости нет фрейлин. Только Раэли, положив на стол передо мной щедрый ломоть хлеба, хитровато улыбнулась, всем видом намекая, что не забыла о нашем молчаливом ночном уговоре. Девушка явно наслаждаясь общим секретом. Я же думала о нём ровно столько, сколько понадобилось аромату солонины, чтобы преодолеть путь до моих ноздрей. Утренняя прогулка не на шутку раззадорила и без того отменный аппетит, поэтому я водрузила на хлеб самый здоровенный кусок мяса и после короткой молитвы с воодушевлением вгрызлась в него.

Единственным ножом приходилось пользоваться по очереди, передавая по кругу, а свежие овощи брать из большого двуручного блюда в центре. Зато плоску с густым мясным соком для их сдабривания поставили рядом со мной, и сидр с воздушной золотистой пенкой налили в отдельную кружку, дав возможность единолично наслаждаться музыкой лопающихся пузырьков и терпким с кислинкой вкусом.

Румяная от свежего воздуха Зои довольно улыбалась с противоположного конца стола, покачиваясь в объятиях Йоханны, а Хрусту навалили столько потрохов, что пара кровавых ошмётков, которые он не сумел осилить, великодушно шлёпнулась мне на колени.

Сама же я настолько увлеклась, что заодно с солониной прикончила и хлеб, полив его остатками сока, а крошки привычно собрала со стола в ладонь и уже хотела закинуть в рот, когда встретилась глазами с Бодуэном и так и застыла со сложенной горстью. Смотрел он потому, что я единственная из гостей съела

ломоть-тарелку – их знать обычно отдавала беднякам, – и вообще всё, что было наложено, подчистую. Кажется, никто из семьи старосты не счёл такие привычки странными, поскольку сами они поступили так же, а поглощённый попытками незаметно поглядывать на Раэли Пётр попросту не замечал ничего вокруг, зато взгляд Бодуэна был до отвратительного понимающим, а Альбрехт подмигнул мне и, разломив свой кусок, прожевал его с самым беззаботным видом. Я так и не посмела ответить ему ни жестом, ни улыбкой, равно как взглянуть ещё раз на регента. Ничего страшного, просто ещё одно наглядное подтверждение моих дурных манер. И неосторожности.

Сборы начались сразу после завтрака и не заняли много времени. Йоханна прощалась с нами с видимым облегчением, хотя и довольная полученной платой, а вот Ги явно был не прочь повторить вечерок в мужской компании, да и вздохи Раэли, изгнанной доить козу, чтобы не мешалась под ногами, достигали наших ушей даже из хлева. Но я покидала это место без сожалений, горя желанием поскорее обнять Людо, по которому соскучилась неожиданно сильно, и оказаться наконец в уединении, чтобы хорошенько рассмотреть находку.

Уже готовясь взобраться на сиденье на крупе Игруньи, я повернулась к вышедшей помахать нам Раэли и успела заметить, как та завязывает узелок на подоле. Готова спорить, что в этом импровизированном кошеле сверкнул отнюдь не солнечный блик, хотя за все утро Бодуэн, кажется, ни разу к ней не приблизился.

– Раэли, – позвала я, – какого цвета волосы у Виллема?

– Русый он, миледи, – удивилась она моей первой и последней искре интереса к её болтовне.

Я кивнула и, приподняв подол, поставила ногу на переплетённые корзинкой пальцы Пэтра.

То ли дорога обратно по необъяснимому закону всегда протекает быстрее, то ли я приноровилась к Зои, поэтому элементарные действия уже не отнимали столько сил, то ли погода смазала копыта лошадей бодростью солнца и скоростью ветра, только я не успела опомниться, как впереди выросли башни замка, а к нам, рассекая озёрную гладь, уже спешила ладья, предупредённая высланным вперёд Кирком.

В замке меня ждало разочарование: Людо уехал на охоту в составе свиты Годфрика, поэтому встреча откладывалась. Оставалось лишь запастись терпением и довершить другое важное дело. Не успела я, эскортируемая Альбрехтом и тройкой поджарых и похожих, как три капли воды, псов, постучать в дверь одноэтажного сруба в переднем дворе, как на пороге возникла Мората. После краткого замешательства и взгляда на здоровую румяную Зою на нас обрушился целый поток причитаний, бессвязных возгласов и слёз счастья. Пока Альбрехт объяснял женщине, что никакой угрозы для её дочери больше нет, выслушивал благословения в адрес Бодуэна и смущённо пытался отнять руки, которые женщина осыпала беспорядочными поцелуями, а прибежавший на шум Якоб тряс так, будто хотел вытряхнуть из старого рыцаря душу, я взглядом прощалась с малышкой. Девочка, будто почувствовав настроение и желая успокоить, дёрнула меня за прядь, и внутри колыхнулась нежность, о существовании которой я и не подозревала.

Ещё вчера утром я горячо мечтала об этом моменте, а сегодня что-то внутри противилось прощанию с этим маленьким, но уже твёрдо знающим, чего хочет от жизни, и умеющим строить других под свою волю, существом. Постепенно восторги пошли на убыль, и Мората потянулась к дочери. Я бережно передала Зою, расставаясь с её теплом и запахом молока. Пухлые в ямочках пальчики ещё мгновение отказывались отпускать платье, но, поддавшись материнской ласке, расцепились. Малышка повернула к ней личико и, моментально обо мне забыв, захныкала, пересказывая все ужасы, которые пришлось претерпеть, а может, хвастаясь приключениями, но несомненно одно – радуясь воссоединению с родными.

– Девочка к вам привязалась, – заметил Альбрехт, когда мы отошли. – В последний раз она даже не позволила мне её покормить, только у вас на руках и успокоилась.

– А по-моему, она была рада избавиться от такой неумелой няни, – отшутилась я, потирая пальцы, которым не хватало ставшей привычной тяжести.

Я оборачивалась до тех пор, пока дверь не закрылась, отгородив семью и их радость. Это правильно: когда двери раскрыты всем подряд, счастье быстро выветривается.

Внезапно я заметила человека в колодках и остановилась. На нем была простая одежда, глаза закрыты, губы пересохли.

– За что это его?

– Дык, он же, леди, и наслал проклятие, из-за которого Его Высочеству пришлось ехать к Камню, – бросил один из проходивших по двору работников. – За это его с семьёй потом выгонят. У, бестия! – отвесил он страдальцу затрещину.

Я отвернулась с равнодушным видом, чувствуя, как колет в груди.

– Вы мне нравитесь, миледи, – неожиданно произнёс Альбрехт, когда мы отошли, – поэтому позвольте старику дать вам совет.

Дождавшись кивка, он подёргал кустистую бровь и заложил руки за спину:

– Выходите замуж за первого же хорошего парня, которому вы приглянетесь и который приглянется вам, заведите полдюжины таких Зои и забудьте ту беду, что щёлкает из ваших глаз волчьими зубами и крадёт улыбку. Я ничего не ведаю о вашей прошлой жизни, – счёл он нужным добавить, – но такие вещи сразу видать.

Моё лицо стянуло привычной коркой холодной отстранённости, ставшей за последние годы второй кожей, а с языка рвался грубый ответ, но в тоне Альбрехта не было ничего от желания поучать или лезть не в своё дело, и скопившийся во рту яд снова равномерно растёкся по стенкам души.

– Благодарю за совет, Альбрехт, но тогда мне придётся выйти за вас, а вашей жене это, боюсь, не понравится.

Он рассмеялся, покачал головой и, пожелав мне удачи, двинулся прочь, а я отправилась к себе, нетерпеливо прощупывая через ткань пояса гладкую овальную выпуклость. За пару шагов до крыльца меня остановил визгливый возглас леди Жанны:

– Леди Лорелея! Леди Лорелея!! Вы уже вернулись? Её Величество желает немедленно с вами говорить.

Её Величество, поручившая фрейлине надирать голосовые связки вместо себя, степенно плыла рядом в окружении стайки придворных дам, возвращаясь с прогулки по саду. Пурпурное блио со свисающими до земли рукавами мягко волновалось при каждом шаге, придавая походке плавность, сложенные на поясе ухоженные кисти казались сахарными и слишком хрупкими для массивных переливающихся перстней, а прикрывавшая голову тончайшая вуаль

завораживающе трепетала на ветру и не улетала к облакам только благодаря филлету, отягчённому роскошным топазом размером с кулак Зои, сиявшему в центре лба подобно солнцу.

Даже у меня глаза заслезились от её красоты. Правда, вблизи стали видны тщательно замазанные круги под глазами, оставленные то ли слишком счастливыми, то ли крайне несчастными ночами. Воспоминание о руке Годфрика на заднице одного из новых пажей склонило меня ко второму варианту.

Она жестом велела девушкам обогнать нас, а сама наклонилась к моему уху, прикрываясь вуалью, дабы уберечь слова от нескромных ушей, и сердито прошептала:

– Вы пропадали целую вечность!

– Меня не было всего один день, Ваше Величество, и не по своей воле, вы прекрасно об этом знаете.

– А до того изображали из себя спящую принцессу. Вас никогда нет на месте в нужный момент! Может, эта ваша болезненность и неуловимость и привлекает мужчин? – капризно надула губы она, проверяя на прочность моё утреннее обещание самой себе следить за манерами.

– Вы ведь позвали меня не для того, чтобы это сказать?

В конце концов, обе мы помним, что фрейлина из меня такая же, как из неё девственница на брачном ложе.

Она нахмурилась, потревожив морщинами топаз, но замаячивший впереди вход в палас заставил её проглотить очередную колкость, ещё ниже склониться к моему уху и тихо выпалить:

– Зайдите сегодня в мои покои ровно за два часа до полуночи. Я всё объясню на месте, – замахала она, отсекая дальнейшие расспросы, и уже громче добавила, переходя на безопасную тему: – А теперь расскажите всё, что вам довелось увидеть и пережить за последние сутки. Бедняжка Тесий после вашего отъезда чахнет: только и делает, что разбирает доклады и очиняет перья.

Нас тут же окружили фрейлины, желающие услышать всё о поездке.

Я пропустила мимо ушей поддразнивание и сухо, в сжатой форме, изложила основные события, усилив раздражение королевы.

– В жизни не слыхала более скучного рассказа!

– Это и не было увеселительной прогулкой, Ваше Величество, – ответила я, стараясь придать тону почтительности, поскольку теперь нас слышали и другие.

– Целый день и ночь практически наедине с регентом и без увеселений? Коснись вы сейчас Святой книги, её листы скрутились бы от смущения, – усмехнулась королева под хихиканье фрейлин. – Должно быть, скучная поездка сильно вас утомила, поэтому на сегодня вы свободны от обязанностей. Хорошенько отдохните *до вечера*.

Она величественно удалилась, унося своё великолепие дальше, а я наконец отправилась в комнату, действительно уставшая, но вовсе не за тем, чтобы отдыхать.

* * *

– Ваше Высочество, могу я с вами поговорить? Леди Лорелея...

Регент мельком обернулся, не сбавляя шага.

– Не сейчас, Тесий.

– Нет, с вашего позволения, именно сейчас. – Секретарь пристроился чуть позади на почтительном расстоянии.

– Ты ведь не отстанешь. – Короткий вздох.

– Нет, Ваше Высочество. Эта поездка...

– Послушай, ты всерьёз считаешь, что я использую младенцев, чтоб соблазнять женщин? – раздражённо перебил патрон.

– Я лишь знаю, что вы хорошо умеете им нравиться...

Регент резко развернулся, прошипев:

– Так нравься им тоже, вместо того чтоб скулить, прося не отнимать твою женщину!

Тут же прикрыл глаза, устало проведя ладонью по лицу.

– Я не то хотел сказать.

Тесий застыл. Завёл руки за спину.

– Да нет, Ваше Высочество, вы вполне чётко донесли свою мысль. Это я забыл своё место.

Регент смерил его долгим взглядом, отвернулся было, чтоб возобновить путь, но помедлил и снова обернулся:

– Маленький совет, Тесий: леди Лорелея не оценит твоей деликатности. Её с детства учили уважать только силу.

– Премного благодарен, Ваше Высочество, – сухо поклонился секретарь. – Надеюсь, вы выяснили это не на личном опыте.

– Сделаем вид, что я этого не слышал. Но такой вид мы сделаем лишь раз. А теперь выкинь свою фрейлину из головы и давай сюда отчёт, у нас полно дел.

* * *

Тщательно заперев за собой и Хрустом дверь, я извлекла из пояса водянисто-светлый камень величиной с лесной орех и приступила к изучению. Тщательно зашлифованный, по форме – обычный округлый кабошон: выпуклый с лицевой стороны и слегка сточенный с внутренней. Я поднесла его к свету, проникающему из окна, и камень замерцал приглушённым благородным сиянием. Вполне может быть и стекляшка, подчас их практически невозможно отличить... однако что-то подсказывало, что передо мной не дешёвка.

– Что думаешь? – повернулась я к Хрусту, протягивая ладонь.

Вульпис понюхал камень, лизнул и изумлённо чихнул.

– Вот и я о том же. Интересно, что на вершине горы делал алмаз как раз после посещения Бодуэна?

Я ещё какое-то время разглядывала камень, пытаюсь отыскать какую-нибудь зацепку, но обнаружила лишь небольшой дефект на внутренней стороне. Похоже, раньше алмаз был частью некоего украшения – кольца или, может, броши, а то и элементом инкрустации. Бывшее гнездо, если его удастся вычислить, наверняка послужит ниточкой к вотивному дару. Сам камень им быть не может, поскольку в качестве священного подношения всегда используется необработанная и не подвергшаяся изменению часть природы.

И всё же... есть в этом алмазе какая-то странность, только пока не получается определить, какая именно. Но если я пойму, то окажусь ещё на шаг ближе к разгадке. А то и подведу черту под задачей.

Хруст наблюдал за моими метаниями туда-сюда, устроившись на подушке и сложив мордочку на вытянутые лапы.

– Знаешь, что мы сделаем? – остановилась я. – Спросим у мамы.

Вскоре я уже стояла перед оправленным в серебро рогом, висевшим когда-то над нашим камином, и внимательно рассматривала

драгоценные камни, искусно вплетённые в растительный орнамент. Чёрные, как сама бездна, ониксы, багровые капли рубинов и алмазы двух видов – желтоватые и такие же водянисто-голубые, как и тот, что у меня в кулаке.

– Что я ищущу? Что же я ищущу?.. – беззвучно шептала я, вновь и вновь скользя по ним взглядом и моля о подсказке.

За этим занятием меня и застала Бланка.

– Мне только что стало известно о вашем возвращении! Как я рада, что вы прибыли целой и невредимой! – искренне воскликнула она, схватив меня за обе руки, но тут же устыдилась несдержанности и отступила. – Я как раз собралась на прогулку, не составите компанию?

Я заколебалась, поэтому она добавила:

– У меня есть новость, которой просто не терпится поделиться с кем-то ещё, кроме Диты!

На месте её глаз мне виделись алмазы, по-прежнему занимавшие все мысли. Наверное, поэтому, а вовсе не из вялого интереса к её новости, я и приняла приглашение. Как вскоре выяснилось, не зря.

* * *

Крепостная стена убегала вперёд извилистой дорожкой. По одну сторону расстилалась гладь озера, мягко упирающаяся в лесную чащу, с другой – замок предстал, как на ладони. Он звенел кузнечным молотом, лаял, лязгал воротом, поднимающим ведро из колодца, выпускал синеватые струйки дыма из труб, распахивал и захлопывал двери, скрипел перекрытиями, принимал и выпроваживал людей, смеялся и ссорился.

Мы с Бланкой шли рядом, почти касаясь друг друга подолами, за нами следовала Дита, а впереди бежали Хруст и Финик. Кролик двигался большими скачками, а вульпис привычно семенил и испытующе поглядывал на соседа, словно ещё не решил, что с ним сделать: съесть или заделаться товарищем.

Попадавшиеся навстречу стражники кланялись и уступали дорогу.

– Помните, на ярмарке лорд Авен упоминал о празднике в честь ответного визита делегации? – начала принцесса.

– Да, припоминаю.

– Так вот, я только что видела дядю, когда он шёл на заседание Совета. Он сам меня остановил... – пауза подчеркнула, что обращение Бодуэна к племяннице – событие отнюдь не рядовое, – и сказал, что пригласил на завтра в замок фалернских купцов, в том числе ювелира, и я смогу выбрать любые ткани для нарядов, какие захочу! И что если я захочу чего-то ещё, к примеру ароматическую воду или притирания, или крема, – тут она хихикнула, – кажется, после кремов он совсем запутался в женских средствах, – то получу их, стоит только попросить, потому что я должна быть на празднике самой красивой!

Её лицо светилось таким чистым неподдельным восторгом, что я посчитала нужным выдать:

– Вам очень повезло с дядей, Ваше Высочество.

– Вообще-то такое в первый раз, – призналась Бланка. – Я хочу, чтобы вы тоже присутствовали и помогли мне выбирать.

– У вас есть Дита, – напомнила я.

Бланка мельком оглянулась и понизила голос:

– Да... Дита, она прекрасная... и добрая... заботится обо мне лучше всех на свете, но вкус, понимаете, не самая сильная её сторона, а мне нравится ваша манера одеваться: сдержанно, но выразительно. Да и вы сможете что-нибудь для себя присмотреть. Я годами мечтала заполучить хотя бы самый скромный фалернский пояс, не говоря уже об отрезе ткани, но никогда бы не решилась попросить, а тут дядя сам предложил.

– За цену самого скромного пояса у них можно приобрести пару-тройку нарядов у любых других купцов, – заметила я.

– Знаю, – просияла Бланка, – поэтому поступим так: если вам что-то понравится, я сделаю вид, что сама выбрала эту вещь, а потом просто подарю вам. Здорово я придумала?

– Замечательно. Однако я не могу ответить вам сейчас. Её Величество собирается дать мне сегодня поручение, и я не знаю, сколько займёт его выполнение.

На деле я намеревалась посвятить всё свободное время ребусу с камнем и не желала тратить ни мгновения на пустую возню с тряпками и побрякушками.

– Уверена, королева не заставит вас делать что-то тягостное и многотрудное, – вежливо ответила Бланка.

– Скажите... как вы считаете, почему ваш дядя так поступил?

– Почему? – нахмурила лоб она.

– Вы сказали, что он впервые проявляет подобную щедрость. Должна же быть причина.

Бланка помолчала, собираясь с мыслями.

– Не то чтобы раньше он не был щедр, – медленно произнесла она. – Говоря откровенно, не припомню ни единой просьбы, которую бы он не удовлетворил, просто... – Она замолкла, и я догадалась о невысказанном.

– Вы редко просили?

Она кивнула и негромко закончила:

– Наверное, он не всегда мог знать, что мне что-то нужно.

– Почему же вы так редко обращались?

– Потому что не хочу видеть их взглядов! – неожиданно резко ответила она и добавила, отвернувшись к озеру, морщившемуся лёгкой рябью: – Они меня ненавидят. Все они и дядя... и особенно Годфрик... – Она снова замолчала, крутя простенькое колечко на пальце.

– За что же брат вас ненавидит?

Бланка стремительно повернулась, сузив глаза, и с вызовом вздёрнула подбородок:

– Я убила нашу мать.

Я удивлённо наклонила голову, и она, покраснев, пояснила:

– Матушка умерла родами. – Принцесса вынула наружу медальон, висевший рядом с талисманом-покровителем, и, бережно открыв створки, протянула мне на ладони.

С миниатюры глядела грустная молодая женщина лет двадцати, которую можно было бы счесть не просто хорошенькой, а красавицей, если бы не печать горечи в уголках губ и пустота в глазах. Портреты редко правильно передают внешность, но здесь, как мне кажется, художник ухватил состояние души. Ничего удивительного, если верить слухам о том, что Годфрик пошёл своими... пристрастиями в отца.

Бланка аккуратно закрыла медальон и вернула на прежнее место под платье, инстинктивно прижав ладонью.

– Теперь-то вы понимаете, почему им так трудно изо дня в день смотреть на меня.

– И почему вы стремитесь стать как можно незаметнее.

– Тогда я бы не назвала произошедшее убийством.

– А как бы назвали? – едва слышно спросила она, рассматривая безликую кладку у нас под ногами и наступая на каждый второй камень.

– Причинением смерти, – немного подумав, ответила я.

Она озадаченно подняла голову:

– Разве это не одно и то же?

– Только не для меня, – твёрдо ответила я. – Убийство предполагает намерение и умысел, а у вас их быть не могло. От вас в тот момент ничего не зависело.

– Но результат-то один и тот же.

– Да, результат одинаков, – согласилась я. – Но только если смотреть по поверхности.

– Люди обычно и судят по поверхности, – вздохнула Бланка.

– Тогда это не ваша проблема, а их разве нет?

Она внимательно на меня посмотрела.

– Вы странно рассуждаете. Но мне по душе ваши рассуждения. Глядите! – весело рассмеялась она и указала вперёд.

Хруст замер, вытянув шею, которую Финик, примерившись, куснул. Потом они поменялись ролями, и вульпис сделал то же самое.

– Кажется, они только что, как бы это выразиться, побратались.

– Похоже на то, Ваше Высочество, – не сдержала улыбки я, наблюдая, как эти двое степенно вышагивают бок о бок, прерываясь временами, чтобы подурачиться.

– Вам пора назад, Ваше Высочество, – подала голос Дита, ревниво оттеснив меня и накрывая плечи Бланки платком. – Сегодня такой ветер, вы застудитесь.

– Ты права, лучше вернуться, если хочу закончить на этой неделе вышивку для храма Святой Элоизы, – покорно согласилась принцесса, стягивая концы платка на груди, и подозвала Финика.

– Какой же ты растрёпанный, – просюсюкала она, беря его на руки, и провела ладонью между ушами. – Но сейчас мы вернёмся, причешемся, и шёрстка снова будет гладкой-гладкой!

От сгустившегося в воздухе сахара стало нечем дышать, а потом меня словно обухом по голове ударило.

– Что вы сказали??

Бланка удивлённо подняла глаза, а Дита неодобрительно хрюкнула.

– Что мы причешемся и будем...

– Гладкими, – dokonчила я. Недостающий кусочек мозаики только что встал на место.

Принцесса и придворная дама обменялись недоумевающими взглядами.

– Благодарю за приглашение, принцесса, я с радостью составлю вам завтра компанию. И знаете, замечательно, что прибудет также и ювелир. Уверена, диадема на ваших волосах будет смотреться просто изумительно.

Бланка радостно потрепала Финика под подбородком:

– Слышал? Завтра у нас день нарядов!

Мы расстались на первом этаже. Бланка отправилась к себе, а я вернулась к рогу. Но теперь смотрела на него другими глазами. Кажется, ниточка нашлась... Скорей бы вернулся Людо, чтоб с ним поделиться!

Заслышав гудение рожков и приближающийся лай собак, я не выдержала и выбежала встречать вернувшихся охотников во двор.

Людо ехал рядом с Годфриком, чуть отклонив голову назад и расслабленно держа поводья, но изогнутые губы говорили о многом. Я хорошо изучила все его улыбки, и конкретно эта сообщала, что он готов убивать.

Прежде чем слезть с седла, Годфрик наклонился к нему и что-то быстро сказал. Глаза брата блеснули вовсе не радостью, но король ничего не заметил. По Людо вообще трудно что-то понять, если не знать его. Тут он увидел меня и легко спрыгнул на землю.

– Когда вернулась?

– Сегодня днём! Пришлось ночевать в горной деревушке из-за дождя.

– Ты в порядке?

– В полном.

Мы крепко обнялись. От него пахло дичью, седлом и разгорячённой кожей.

Тут мимо пронесли оруженосца на самодельных носилках. Я различила на теле кровь.

– Что с ним?

– Упал во время охоты с обрыва и напоролся в озере на камни.

Оруженосец застонал. Когда он скрылся из виду, Людо меня отодвинул, держа за плечи, и приподнял брови в немом вопросе.

– Да, – шепнула я, – кажется, у меня кое-что есть. – Я оглянулась по сторонам. Мужчины заводили лошадей в конюшню, кто-то здоровался со мной, кто-то просто поглядывал. – Но об этом не здесь, лучше вообще не в замке. Как насчёт прогулки по озеру? Покатаешь сестру?

Мы условились встретиться после ужина и взять в доке лодку.

За вечерней трапезой я старалась ни на кого не глядеть, чтобы ненароком не выдать мысли, но всякий раз, выплывая из задумчивости, замечала, что смотрю на Бодуэна. Раз или два он посмотрел в ответ.

Я ушла одна из первых, заглянула в комнату, чтобы собрать нужные вещи, и спустилась коротать время в сад. Не стала углубляться в аллеи, просто постояла на ближнем мостике, слушая хор лягушек и глядя на колыхание чёрного влажного шёлка, под которым угадывались очертания водных растений. Подняв немного погода голову, увидела прислонившийся к арке силуэт. Людо понял, что я его заметила, и махнул рукой. Когда я приблизилась, молча забрал котомку, перекинул себе на плечо, и мы направились в передний двор.

* * *

Храпевший на дне своего судёнышка лодочник посоветовал нам уматывать ноги, пока он нам их не повыдергал, покрепче прижал к себе пузырь пойла, поправил сползшее тряпье и собрался перевернуться на другой бок, но пинок Людо и три денье заставили его переменить решение и тон.

– Пресвятая Срань, я ж не разглядел, что вы господа! – суетился он, отвязывая лодку. – Кто ж думал, что в такую темень она кому занадобится. Да разве ж мне жалко? Чтоб Косому Тоди, и было жалко? Да ни в жисть! Я б вас и задарма сам покатаю, – дублёные пальцы поглубже затолкали монеты за щёку, отчего речь стала совсем неразборчивой. – А почто вам лодка на ночь-то глядя?

– Меньше знаешь, целее зубы. Шевели задницей, старик.

Судя по состоянию зубов, перед нами был очень знающий человек.

– Мы хотим полюбоваться на замок с воды, – дополнила я ответ брата, рассудив, что большинство бед – от неудовлетворённого любопытства, и раскрыла котомку, демонстрируя свёрнутые листы пергамента и угольки. – И порисовать.

Лодочник подёргал жидкую бородёнку, издал многозначительное «ыгы» и сделал широкий жест:

– Пожалуйста, усё готово за ради вашего удобства.

Людо помог мне забраться внутрь и взял у старика фонарь.

– Он того, этого, ещё два денье, – но, наткнувшись на мрачный взгляд, старик, в котором пропал талант дипломата, мгновенно переменял курс. – Но таким господам, знамо, только рад задарма

одолжить. Кто опосля сбрешет, что Косой Тоди зажалел фонарь? Да ни в жисть! Только вы того, этого, обернётесь сегодня? Мне завтрава лодку на дежурство выводить.

– Мы поплаваем не дольше часа, – пообещала я.

Ночь была тихой. Такой тихой, что плеск вёсел разносился далеко над водой, а если хорошенько прислушаться, можно было уловить дыхание всех, кто уже спал в мире в этот час. В воде под стенами отражались караульные огни, дрожа оранжевой мозаикой, а редкая переключка часовых вплеталась в песню ветра, оседавшего на губах солоноватым привкусом.

Людо вывел лодку на середину между замком и берегом и положил в дрейф, позволив лёгкому течению неторопливо нести её параллельно суше. На носу обнаружили рыболовные сети и ворох холщовых мешков, пахнущих рыбой и элем. Мы выстелили ими дно и вытянулись на спине бок о бок, уставившись навверх, в бесконечную индиговую глубину.

Ночь выдалась на редкость ясная, крупная роса звёзд отражалась в зеркальной глади воды, отчего казалось, что лодка плывёт прямо по небу. В роце пела ночная птица, да так надрывно-сладко, словно оплакивала утерянную любовь. Время от времени из темноты вдоль берега доносился шелест крыльев.

Брат, заложив руки за голову, слушал мой пересказ всех событий, случившихся за прошедшие сутки. Ну, всех, о которых ему стоило знать.

– И вот теперь скажи, что ты думаешь об этом камне?

Я вынула алмаз и, накинув тряпку на фонарь, подставила окатыш лунному свету. Сдержанное тускловатое мерцание сосредоточилось где-то в глубине, словно затянутое мутной плёнкой. Людо приподнялся, взял его двумя пальцами и покрутил, вглядываясь.

– Алмаз?

– Вот и я сразу так подумала. Погляди внимательнее, не находишь ничего странного?

Он всматривался ещё пару мгновений и вернул мне камень.

– Не тяни, Лора, если что-то поняла, так и скажи.

– Форма, – пояснила я. – Ты когда-нибудь видел такие гладкие алмазы? Я специально сходила посмотреть на мамин рог, в нём ровно двенадцать алмазов, я пересчитала, и знаешь что? Ни один из них не

может похвастать такой ровной поверхностью, у всех остальных кристаллов вершины острые. А почему?

– Тебе обязательно задавать вопросы, ответы на которые ты и так знаешь? – раздражённо спросил Людо и внезапно распахнул глаза, перебив сам себя. – Потому что на самом деле это зашлифованная стекляшка?

– Возможно. Но вообще-то мне думается, что это не стекляшка, просто кто-то хотел замаскировать под алмаз что-то другое.

– Зачем?

– Пока не знаю, – я подкинула и поймала кабошон. – Хотя могу ошибаться, и это действительно алмаз. Но главный вопрос сейчас – это как и почему камень оказался на алтаре.

– Его мог потерять кто угодно до регента.

– Нет, – возразила я, – чудо, что алмаз не вымыло ливнем. А если учесть, сколько дождей прошло до того... Камень явно оказался в той трещине совсем недавно. Место это теперь редко посещаемое, и не каждый лорд потащится на такую крутизну. Ну и наконец я обнаружила его на следующее утро после призыва. Не много ли совпадений?

– Хорошо, предположим, его действительно *потерял* регент. То есть камень мог выпасть, допустим, из его пояса или перстня, или рукояти меча.

А ведь он прав: вдруг Бодуэн, если предыдущий владелец действительно он, просто-напросто его обронил? И тогда все мои измышления смешны. Я потратила целый день, идя по ложному следу, а главное, зря *надеялась*. Теперь я начинала думать, что в словах брата гораздо больше смысла, чем в моих, но, упорствуя, проямлила:

– Он не брал с собой меч.

Людо лениво почесал подбородок:

– Ты поняла, что я хотел сказать.

– Всё равно это уже кое-что, – заявила я, пряча алмаз в пояс и укладываясь обратно на дно рядом с братом. – Завтра замок посетит ювелир, покажу ему и послушаю, что скажет.

– Покажешь ему чужой алмаз?

– Почему это чужой! – возразила я. – Он самый что ни на есть наш, достался от матери, мы трепетно привязаны к памятной реликвии и будем жутко огорчены, узнав, что это вовсе не алмаз.

Людо повернул лицо, едва не столкнувшись со мной носом, сверкнул в полутьме зубами и, придвинувшись, положил голову мне на плечо. Переплёл наши пальцы, а другую руку опустил в воду, ловя и отпуская озёрные звёзды.

– А с чего это в замок приезжает ювелир?

Я пересказала ему то, что узнала от Бланки, и добавила:

– Хотя всё равно не понимаю, почему Бодуэн проявил к ней такое внимание из-за праздника.

– Что тут понимать, – фыркнул Людо. – Сосватали её за какого-то кандидата, который разве что не гадит такими алмазами. Праздник в честь помолвки.

Я онемела и не знаю, от чего больше – от самой новости или от того, что узнала о ней только сейчас. И вот уже второй раз за прогулку почувствовала себя такой же глупой, как Умная Эльза. Рою колдобины на ровном месте и ищу сложности там, где их нет.

– Кто тебе это сказал? А... Годфрик, – сама догадалась я, и Людо вяло угукнул.

– Ещё недели три тому. Лордёнэш затем и ездил, чтоб брачный договор заключить. Разве он не поспешил тебе об этом сообщить?

Опасная тема. А ядовитый тон бросал вызов, и худшее, что я могла сейчас сделать, это повестись и встать на защиту Тесия. Тем более что защищать совсем не хотелось. Он ведь и правда мог сказать тогда, на ярмарке. Не доверяет? Или считает, что я гожусь только для пустяковых бесед?

Хоть мне по-прежнему не нравилась дружба брата с королём, надо признать, теперь мы куда лучше осведомлены о состоянии государственных дел и расписании заседаний Совета, и можем использовать это знание в нужный момент, как тогда, с проникновением в башню за книгой.

– Кстати о Годфрике, что там сегодня на охоте, кроме падения, произошло, что у тебя всю челюсть перекосило?

Людо встряхнул руку, сел и потянулся к вёслам.

– Мы уже почти час плаваем. Пора на берег, готовь отмазку.

Даже по спине ясно, что настаивать бесполезно. Я тоже выпрямилась и потянулась к котомке. Людо направил лодку к удобному местечку на суше, откуда открывался вид на замок. Там мы позвали Артура и провели следующие четверть часа, оправдывая

звание художников. Вернее, брат оправдывал, а я слонялась вдоль берега, щипала пух из камыша и сдувала его с ладони, пуская свои собственные облака над водой. Жили они недолго, приземлялись в озеро и, намокая, шли ко дну. Я успела потопить три камыша и погадать на пере цапли, как на ромашке, прежде чем рисунки были завершены.

– Забавно: какой-то вшивый листок переживёт камень, – ухмыльнулся Людо, сворачивая и засовывая в сумку угольные наброски крепости и окрестностей. – Сохранится на память, когда от замка не останется и пыли.

Я посмотрела на тёмную громаду, вырисовывающуюся на фоне иссиня-фиолетового неба, и подумала о тех, кто сейчас за этими стенами с расщеплёнными, как ласточкин хвост, зубцами: о Зои, окружённой материнской заботой, Альбрехте, вырезающем игрушку для правнука, вульписе, которого пришлось оставить во избежание ссор, Бланке, мирно причёсывающей Финика и даже не подозревающей, что цветной воск уже капнул на договор о её продаже, сморщился под скрепляющимся оттиском и даже успел остыть... и не ухмыльнулась в ответ.

Перекличка часовых, когда мы подплывали, возвестила, что до назначенного Её Величеством часа осталось совсем немного времени. Я решила не беспокоить Людо заранее новостью о предстоящем поручении. Сперва выясню, что ей надо.

Косой Тоди встретил нас, как родных, а получив ещё две монеты сверх прошлой платы, заявил, что мы ему дороже внуков, поэтому вольны впредь пользоваться лодкой задарма, то есть всего за три денье в час вместо пяти.

Мы с братом расстались неподалёку от кузницы, где на крыльце стояли пятеро юношей, кажется, все из свиты Годфрика. Я узнала только Киллиана – оруженосца, сменившего Абея на почётном посту королевской грелки. Остальные держались в тени, а трое почти сразу удалились внутрь.

– Во сколько придёшь сегодня?

Людо беззаботно зачесал волосы назад.

– Вообще не приду: сегодня игра в кости в надвратной башне.

Торопись я чуть меньше, обязательно поинтересовалась бы, с каких пор он увлекается азартными играми, но все мысли занимала

предстоящая встреча. Я почти слышала, как королева нетерпеливо расхаживает туда-сюда, осыпая меня проклятиями за опоздание.

– Ладно, тогда до завтра, – махнула я и быстрым шагом направилась к паласу, позабыв даже забрать у брата котомку с набросками.

* * *

Как только Лора отошла, беспечно-ленивое выражение сползло с лица Людо. Годфрик и так уже пару недель намекал по-всякому, но удавалось прикидываться идиотом, а сегодня в открытую сказал, что ждёт его за два часа до полуночи. Людо передёрнулся, вспомнив, как белая рука короля легла на бедро. Он тогда чуть все нутро не выблевал, спасло только то, что представил, как ломает эти холёные, без единой мозоли, пальцы – каждую фалангу в отдельности.

А ещё ведь смотрит так... с поволокой, как на бабу какую, п*дер грёбаный! Вот что теперь делать? Лора бы придумала, у неё мозги хорошо варят, но сказать ей... нет, не мог, чтоб слушать, что «она ведь предупреждала». Сам как-нибудь выкрутится. Людо от души сплюнул и вытер рот рукавом.

Рожу себе, что ли, разбить...

– Так себе задница, тощевата, но я б засадил, а ты?

– В чём проблема-то? Потряси кошелем, и всех делов, она это любит. Вон регенту и его секретарю мечи натачивает, так чем мы хуже?

– А я слышал, доброй половине Совета полирует.

Людо медленно повернул голову. Киллиан и прыщавый недомерок пялились вслед Лоре, искоса бросая на него злобные взгляды. Он улыбнулся, перекинул котомку на другое плечо и двинулся в их сторону.

Или не себе...

Оруженосцы, как по команде, отвернулись и скрылись в кузне. Людо переступил порог почти сразу за ними и заморгал, пытаясь хоть что-то разглядеть в кромешной тьме, как вдруг на голову опустился пыльный мешок, затянувшись на шее, а в живот врезался кулак, ошпарив внутренности болью.

Пока он пытался глотнуть воздуха, кто-то вырвал котомку, прошипев:

– Что, нравится лизать королевскую задницу?

От следующего удара он едва не выплюнул лёгкие, повалился на колени и тут же получил ногой по рёбрам. Двое, трое, нет, больше. Удары сыпались со всех сторон. Людо сгруппировался, закрыв голову руками и захлёбываясь горькой жёлчью пополам с кровью.

Вокруг, шелестя, кружили рисунки.

Королева буквально втащила меня в комнату, оглядела коридор и закрыла дверь.

– В следующий раз повешу вам на шею водяные часы, а лучше сразу колокольню, которая будет отбивать время вам в уши.

Я промолчала, пережидая, пока её раздражение угаснет. Она отпустила ещё пару подобных реплик, но, не встретив отпора, выдохнула сквозь зубы остатки недовольства, схватила что-то с сундука и швырнула мне.

– Вот, переодевайтесь поскорее, он сейчас придёт.

Выставив руки, я поймала что-то мягкое, встряхнула это и обнаружила, что держу полупрозрачную расшитую виноградными лозами камизу.

– Кто придёт?

– Мой супруг, конечно! – Её пальцы уже дёргали мою шнуровку. – Кого ещё мне ждать ночью в королевской опочивальне?

– Но при чём здесь я? – Я отчаянно вцепилась в платье, которое с меня столь же настойчиво пытались содрать.

– Разве вы забыли наш разговор днём?

– Вы просили прийти за поручением – я пришла. Не припомню, чтобы вы упоминали моё раздевание к возвращению Его Величества.

– Просила? – Глаза со светящимися точками в центре опасно сощурились. Она откинула голову, тряхнув копной, окрасившейся ржавчиной лампадных бликов. – Хватит строить из себя оскорблённую невинность, все вы прекрасно понимаете. От вас требуется лишь провести ещё одну ночь с моим супругом. Не раздувайте проблемы такими взглядами, было бы что терять. Я же вас не на дыбу отправляю, хотя порой ощущения схожи, но только не сегодня. Сегодня будет третий, который отвлечёт его внимание от вас. Я просто хочу провести одну спокойную ночь вдали от его пыхтеня.

Отпустив платье, она подхватила кубок и прижала к моим губам.

– Пейте!

Я оттолкнула питьё, успев уловить травянисто-смородиновый аромат.

– Теперь я даже молоку из вашей груди не доверюсь. И уж тем более не стану служить заменой и утехой вашему мужу всякий раз, когда вам будет недосуг исполнять супружеские обязанности.

Её лицо потемнело, подбородок странно обмяк, а рот вытянулся в трещину, забрав красоту и сделав удивительно похожей на мать, с которой прежде, как мне казалось, не наблюдалось особого внешнего сходства.

– Я ваша королева, – прошипела она. – Это я определяю, на что вам соглашаться, а на что нет. Это я говорю, в чьей постели вы сегодня проведёте ночь, и это я очень расстроюсь завтра, не обнаружив драгоценного перстня в тайнике, о котором знала только моя камеристка, привезённая из дома. Потому что, если она не выполняет своих обязанностей, кормить её бесплатно никто не собирается.

Она отхлебнула немного из кубка и демонстративно сглотнула.

– Вот, довольны? Внутри только вино с травами против плода и капля моей крови. Видите, я даже озаботилась оградить вас от случайного материнства.

Я колебалась, раздумывая, удастся ли провести Годфрика и сегодня. Но если уступлю королеве один раз, то открою прямую дорогу для подобного в будущем. А вдруг она потребует проводить с ним каждую ночь? Почему нет? Удобно же. С другой стороны, откажусь сейчас, и завтра мы с Людо окажемся, в лучшем случае, за воротами.

Приняв мою нерешительность за отказ, королева рассвирепела:

– Уже забыли, как притащились вместе с братом к нашему порогу в обносках, умоляя о куске хлеба, и с вами обращались, как с господами, отмыли, одели и накормили. И вот вы возомнили себя важной дамой, забыв, из какой навозной кучи вас вытащили, и лопаетесь от самомнения и добродетели. Напомнить, что это ещё не всё, и, если бы не я, вас бы уже несколько недель назад нашли холодной и с блаженной улыбкой идиотки на устах? Я снова спасла вас и в благодарность за бесценный дар жизни ожидаю лишь выполнения небольших услуг время от времени. – Она перевела дыхание, приложив ладонь к ходившей ходуном груди, и продолжила уже более спокойно. – Я же не требую показывать ему чудеса страсти, вероятнее всего, он к вам и не притронется, говорю же, будет третий. В крайнем случае, скажете, что у вас начались крови.

– Хорошо, только не питьё, а волос.

Она поперхнулась следующей фразой, не ожидая такой покладистости, но не стала терять время, оторвала у себя тоненько прозвеневший волосок и протянула мне.

– Знала, что где-то в глубине вас прячется ум.

– Кто третий?

– Праматерь, я что, провидец? Кто-нибудь из постоянных: Киллиан, может, или тот новый, Юстин или Ян, как бишь его.

Оставшись одна, я разделась и облачилась в камизу. Тончайшей выделки лён неприятно царапнул кожу. Платье вместе со своей сорочкой свернула и оставила в углу на сундуке. Дверь, соединяющая комнату со спальней, поддавалась ладони со старушечьи пронзительным скрипом. Из полумрака выплыла тошнотворная кровать с теряющимся в тени изголовьем, похожим на надгробную плиту. Волчьи гончие азартно встрепенулись, оживая в ореоле свечи, и вытянули деревянные морды, лапаясь к огоньку.

Я зажгла настенные лампы, забралась под одеяло и принялась ждать, стараясь отвлечься от мысли о том, что слышу наверху скрежет когтей и перешёптывания. Ночь Её Величества обещала быть повеселее моей. Не рассчитывала же она и правда, что я поверю в версию мирного сна, которому королева будет предаваться надушенная, умело подкрашенная и в своём самом откровенном платье, выставяющем напоказ половину груди?

Вскоре послышались шаги, и я спешно проглотила волос. Пряди посветлели в тот самый момент, когда Годфрик, пригнув голову, вошёл.

Застав меня одну, недовольно обшарил глазами спальню, словно всё ещё надеясь обнаружить третьего, сжал губы и направился к графину на подоконнике. Тёмно-вишнёвая струя с журчанием ударила в днище кубка. Он повернулся и отхлебнул.

– У меня что, третий глаз вырос?

– Что? Нет, Ваше Величество.

– Тогда прекрати так тарашиться. – Он опрокинул в себя остатки, отставил кубок и, прихватив тунику на спине, стянул её через голову.

Красные волосы рассыпались по костлявым плечам, прикрыв веснушки, а игра света польстила его бледному худому телу, вылепив из него бронзово-поджарое.

– У меня начались к-крови, – выпалила я, приклеившись взглядом к рыжей дорожке волос, протянувшейся от пупка к кромке штанов, и отчётливо понимая, что сегодня он совсем не пьян, поэтому провести не удастся. Не бить же снова кубком.

Годфрик, как раз собравшийся снять штаны, отпустил завязки, неторопливо приблизился и навис надо мной, уперев кулак в подушку.

– Опять? Этот фонтан хоть иногда затыкается?

Я вжалась в матрас и опустила глаза, чувствуя на лице его дыхание.

– Простите, Ваше Величество.

– Может, мне самому выносить и родить наследника?

Было бы неплохо.

Он вдруг сдёрнул одеяло и, не успела я пикнуть, задрал на мне камизу и сунул руку между ног. Я всхлипнула и попыталась отползти, но он уже вытащил её и повертел. В воцарившейся тишине слышалось лишь потрескивание огня и моё сбившееся дыхание. Я в ужасе смотрела на чистые пальцы. Пульс стучал там, где только что грубо побывала его рука. Годфрик вытер её о мой подол, нарочито тщательно оправил его и склонился ещё ниже:

– Начиная с завтрашнего дня ты излечишься от своих недомоганий и будешь изо всех сил – слышишь? Изо всех, – стараться зачать. Даю на это месяц. И Праматерь тебе помощи, если первой окажется девочка. – Он вздёрнул мою голову за волосы: – Поняла?

Я часто закивала, стараясь не морщиться от боли. Если есть хоть малейший шанс, что от угроз рождаются дети, уверена, я уже зачала. Пальцы разжались, и он выпрямился.

– А теперь пшла вон. Сегодня не понадобишься.

Не веря ушам, я приготовилась скатиться с кровати, но торопливый стук заставил нас обоих замереть в одинаково нелепых позах, повернув головы к двери.

– Войди, – велел Годфрик.

– Ваше Величество, Ваше Величество, там в кузне...

Мальчишка замер с приклеенными к губам словами, ощутив повисшее в воздухе напряжение.

– Что в кузне? – раздражённо рявкнул Годфрик.

Паж стряхнул оцепенение и, вернув лицу прежнее картинно-взволнованное выражение, протараторил:

– Они ничего не делали, просто в карты резались, Киллиан, Юстин и остальные, он проиграл и как с цепи сорвался, накинута на них, стал размахивать ножом и орать, что всех перебьёт, а глаза, как у сумасшедшего. Ну, пришлось его маленько утихомирить. Они не виноваты, он сам...

– Да кто «он»?! – Тон Годфрика сдул краски со щёк пажа.

– Грасье, Ваше Величество, говорю же, как набросился, и...

Я уже не слушала. Как в тумане соскользнула с постели и, спотыкаясь, бросилась в соседнюю комнату, где принялась судорожно натягивать платье поверх камизы. Лившиеся из приоткрытой двери слова то искажались эхом, то доносились мучительно отчётливо.

– Дядя знает?

– Нет, у них ещё заседание, я сразу к вам побежал.

– Правильно сделал. – Годфрик тоже плясал по спальне, натягивая тунику и пытаясь попасть в рукав.

В голове внезапно прояснилось. Детали нашего с Людо прощания собрались воедино, как поднявшиеся со дна закипевшего котла пузырьки. Так, бывает, бездумно наблюдаешь какую-то сцену и лишь спустя время до тебя доходит её истинный смысл.

Пятеро на крыльце, и трое сразу скрылись внутри. Взгляды украдкой, и притворное безразличие. А речь мальчишки выучена назубок, со всеми паузами и фальшивой сумбурностью. Готовились. И тщательно.

В карты резались...

Не резались – ждали брата.

Стал размахивать ножом и орать...

Людо бы молча пырнул.

Маленько утихомирить...

Сердце сдавили щупальца ночных кошмаров, в которых я тысячей способов теряла брата...

Я выскочила в коридор и понеслась со всех ног к выходу из паласа. Пространство дёргалось, цеплялось за подол и кидало меня от стены к стене. Коридор то сужался, обдавая жаром светильников, то вытягивался до бесконечности, заставляя бежать и бежать на месте, а ступени выскальзывали из-под подошв. Перекинувшись на ходу, я на мгновение привалилась к перилам, вытерла нитку слюны и поспешила дальше. На первом этаже едва не кувыркнулась, споткнувшись о

какую-то тень. Она сверкнула жёлтыми глазами, зашипела и шмыгнула за поворот. Это меня отрезвило. От появления сейчас на кузне никакого толку. Они всё тщательно продумали и свалят вину на Людо. Свидетельства пятерых или даже больше против него одного. Думай, Лора, думай! Паж сказал, что Совет ещё заседает... Праматерь, только бы с братом всё было в порядке, только бы успеть!

Ноги снова полетели вперёд мысли. Придремавший на лавке стражник очухался и попытался поймать меня за платье, но я уже ворвалась в залу, где сухопарый крючконосый лорд юстициарий^[59] зачитывал нечто, отчего у половины присутствующих остекленели глаза. Стук распахнувшихся дверей оборвал его на полуслове. Зашуршали наряды, головы начали поворачиваться, осуждающе задвигались брови, губы и пятна на лысынах. Тесий, протоколировавший заседание, замер с занесённым пером, и огромная капля, набухнув на кончике, брякнулась на верхний лист в стопке. Только борзая, выбежав из-под стола, приветствовала меня радостным лаем.

Бодуэн единственный сохранил хладнокровие, не проявляя признаков недовольства или изумления. Игнорируя поднявшийся гул и вопросы, я сделала несколько шагов в его сторону, поклонилась и, постаравшись взять себя в руки, произнесла как могла сдержанно:

– Ваше Высочество, в одном деле срочно требуется ваша помощь. Прошу, пойдёмте со мной.

Вокруг зашумели громче.

– Неслыханно так врываться!

– Вдруг и впрямь что-то важное?

– Это не отменяет того факта, что...

– ТИ-ШИ-НА!

– У нас заседание, леди Лорелея, – спокойно произнёс Бодуэн, не повышая голоса, но при этом удивительным образом перекрывая остальные. – Подождите меня в коридоре.

– Но Ваше Высочество...

Он сделал знак вошедшему за мной стражнику:

– Выведи и проследи, чтобы леди Лорелея меня дождалась.

Оттолкнув лапищу, я молча развернулась и покинула залу размашистым шагом. Ненавижу! О чём я только думала? И что самое противное, стражник выполнил приказ, не выпустив меня из коридора,

несмотря на все просьбы, угрозы, проклятия и даже рукоприкладство, от которого просто защитился локтем.

Благо, Бодуэн появился почти сразу.

– Можешь отпустить её, Дункан, – произнёс он, плотно притворив створки, и повернулся ко мне. – Что там у вас стряслось?

– Прошу, не здесь, ваше присутствие срочно требуется в переднем дворе.

– То, что срочно, я понял в тот момент, когда вы чуть не снесли дверь, поставленную ещё основателем замка.

– Если она такая старая, никого бы это не удивило.

Он дрогнул уголками губ и кивнул громиле, сложившему полномочия по моей охране с видимым облегчением.

– Захвати факел, будешь нас сопровождать. Ведите, миледи.

Так я и сделала, едва сдерживаясь, чтобы снова не перейти на бег.

– Итак, куда конкретно мы идём и что случилось? – спросил Бодуэн, когда мы спускались с крыльца.

– На кузню, моему брату грозит опасность. Он там сейчас с оруженосцами Его Величества. Пожалуйста, быстрее!

Сердце бухало пудовой тяжестью, как шаги нашего стражника. Длинные тени то скользили рядом, вытягиваясь, то забегали вперёд. Казалось, мы движемся невыносимо медленно, и скоро на востоке взойдёт солнце, на деле же с момента появления мальчишки на пороге спальни с известием о драке минуло совсем немного времени, и к кузне мы подошли практически одновременно с Годфриком, пажом и нагнавшим нас Тесиём, который вполголоса сообщил Бодуэну, что закрыл заседание.

Король, потянувшийся было к двери, обернулся, не скрывая досады:

– Что вы здесь делаете, дядя?

– Полагаю, то же, что и вы, Ваше Величество.

Они замолкли, потому что в этот момент с другой стороны донеслось сдавленное поскуливание. Я потёрла вспотевшие ладони о платье и сглотнула, чтобы удержать сердце в горле, но, в отличие от мальчишки-пажа, не вскрикнула и не попятилась, когда стражник распахнул дверь и свет факела выплеснулся внутрь красноватой рекой, выхватывая поочередно скорчившиеся на земле и слабо шевелящиеся фигуры, похожие на груды ветоши.

Один привалился к стене, придерживая сломанную руку с торчащей костью, и выступившие на лбу бисерины пота блеснули алым от поднесённого огня, второй скрючился, уткнувшись лицом в солому и подтянув под себя колени – он-то и скулил, третий сверкал исполосованными ягодицами, зажатый в устройстве, в котором лошадям закрепляют шею и голову во время ковки, спущенные штаны болтались на щиколотках, четвёртый прикрывал ладонями чудовищно распухший свёрнутый набок нос, из которого струились две влажно-серые дорожки, а на пятом, лежащем на животе Киллиане, Людо сидел верхом, держа парня за волосы и вырезая на грязной заплаканной щеке букву «П».

Брат вскинул глаза, в которых вихрились оранжевые отблески факела, и мутноватая пелена подсказала, что он не узнает даже меня. Вокруг валялись измятые игральные карты и наши рисунки, едко пахло потом и другими телесными жидкостями.

Я схватилась за горло, судорожно выдохнув от облегчения. Это словно бы послужило сигналом для остальных. Они отмерли, стражник шагнул к брату, рывком сдёрнул его с оруженосца и забрал нож. Людо не сопротивлялся, медленно приходя в себя.

Киллиан зашевелился, прижав ладонь к изуродованной щеке и давясь глухими рыданиями.

– Что всё это значит? – спросил от дверей резкий голос. Тот самый лорд юстициарий, чью речь я прервала своим вторжением, последовал за нами и теперь обводил суровым взглядом всех участников сцены одного за другим, задержал его на голом заде застрявшего в станке и остановил на брате. – Можете вы объяснить, что только что делали?

– Я ж художник: рисовал! – оскалился Людо, демонстрируя полный рот крови, и с коротким замахом пнул вставшего было на четвереньки Киллиана.

Тот упал обратно с болезненным стоном.

Стражник грубо отшвырнул брата к стене, буркнув:

– Только шевельнись мне ещё.

– Грасье обещал засунуть ему черенок в зад, когда закончит со щекой, – прохрипел оруженосец со сломанной рукой и, поморщившись, попытался подняться, но тут же завалился обратно.

– Ублюдок, он мне нос сломал, нос сломал, – гнусавил другой.

Кто-то потянул меня за рукав.

– Идёмте, Лора, вам не нужно на это смотреть, – мягко произнёс Тесий.

Я раздражённо высвободилась.

– Нет, моё место здесь, рядом с братом!

Он продолжал настаивать, и тогда я произнесла очень спокойно, глядя ему прямо в глаза:

– Отпустите, или я вас сейчас ударю.

Наверное, взгляд мой стал, как у Людо, потому что Тесий отшатнулся с таким лицом, будто видел меня впервые в жизни. Но я уже не смотрела, кинувшись судорожно ощупывать брата, проверила зубы за разбитыми губами, а когда коснулась рёбер, он поморщился и отстранил меня:

– Я в порядке.

– Ничего не в порядке, кажется, одно или два ребра сломаны, и верхний зуб шатается!

– У него пара царапин в сравнении с остальными, – раздался скрипучий голос юстициария. – Так кто-нибудь объяснит, во имя Праматери, что здесь произошло?

– Что тут неясного?.. – просипел лежавший ничком пострадавший, хватаясь за живот, но так и не сумел ничего добавить, борясь с рвотными позывами.

Оруженосцы мрачно переглянулись, никто, включая Людо, не торопился пролить свет на причину драки.

– Кто вас предупредил о произошедшем, Ваше Величество? – повернулся Бодуэн к племяннику.

Годфрик стоял обескураженный и, похоже, не знал, что обо всём этом думать и чью сторону принять. Метнул в Людо неуверенный взгляд, нахмурился и велел спрятавшемуся за спинами мальчишке:

– Расскажи им.

– Только пусть этого сперва вытащат, – поморщился юстициарий на белевшие ягодицы. – И поставят на ноги остальных – тех, кто может стоять.

– Без глупостей, – предостерег стражник Людо, отходя.

Пока он высвобождал постанывающего пленника, что оказалось не так-то просто, паж, бледный, как скисшее молоко, вышел вперёд, робея под взглядами, а ещё больше при виде своих сообщников в таком плачевном состоянии. Он явно тысячу раз пожалел, что ввязался

в затею, начинавшуюся так весело, и в которой ему была отведена столь важная роль.

– Мы играли в карты... – начал он, – а потом этот вот появился... – боязливый тычок в сторону Людо, – вытащил нож и стал им размахивать... то есть проиграл и потому начал... и пришлось его маленько...

– Это ложь, – чётко произнесла я, и мальчишка вздрогнул. Заглотнул воздух для протеста, но так ничего и не произнёс. – Всё было не так. Брат никого не трогал... первым по крайней мере. Я была рядом, поэтому знаю, как всё случилось.

Теперь уже я оказалась в центре внимания.

– И как же? – сложил руки на груди Бодуэн.

По лицу не понять, что творится в голове. Не совершила ли я ошибку, позвав его сюда? Как бы решил дело Годфрик, явись он один?

Я не успела заготовить оправдательную речь, но фразы сами потекли с языка, складываясь в довольно гладкую историю. Отвергнуть полностью слова заговорщиков значило бы обвинить их от начала и до конца в клевете и сговоре, не предложив подкрепляющих доказательств, поэтому, не слишком удаляясь от их версии, я просто вплетала корректирующие узоры в паутину чужой лжи.

– После ужина мы с братом взяли лодку, чтобы покататься возле замка и порисовать – сегодня как раз подходящая для этого ночь. Косой Тоди подтвердит, что так и было, можете прямо сейчас его спросить...

– Мы сделаем это позже, – скрипнул юстициарий. – Дальше?

Я облизнула пересохшие губы и, сохраняя внешне уверенность, продолжила:

– Мы поплавали и порисовали на берегу около часа, а по возвращении пожелали друг другу добрых снов и уже хотели разойтись на ночь, когда услышали на кузне голоса. Из любопытства заглянули внутрь и увидели тут их всех, – я обвела рукой раненых и перевернула носком ближайший втоптаный в грязь прямоугольник, – за картами. – Взгляд упал на наш разорванный пополам рисунок с растёкшимися угольными башнями и кляксой вместо луны. – Они позвали Людо играть с ними, но он отказался. Тогда Киллиан, которому особенно это не понравилось, начал задирать брата, отнял у него сумку с рисунками и... помочился на них.

– Неправда! – злобно прогундосил оруженосец с баклажаном вместо носа. – Это Юстин обделался, когда сумасшедший на него накинулся. Она врёт, эта су...

Выкрик прервался смачным хрустом.

– Рука дёрнулась, – пояснил Людо, – видать, нерв защемило.

И тут же сам согнулся пополам, когда кулак стражника врезался ему в живот.

– Предупреждал ведь, – рыкнул громила.

Я впилась ногтями в ладони, наблюдая, как эта же короткопалая рука вздёргивает бледного задыхающегося брата за шею, и через силу вытолкнула следующую порцию неоправды:

– А потом Киллиан начал оскорблять меня и осыпать такими грязными ругательствами, которые просто язык не поворачивается повторить...

– Не поворачивается? У вас? – переспросил Бодуэн.

– Я и слов-то таких не знала, Ваше Высочество, – с вызовом ответила я. Ещё немного подержав его насмешливый взгляд, но не считая нужным играть в гляделки, я вновь сосредоточилась на возглавлявшем допрос юстициарии. – Остальные встали на его сторону, кто-то ударил брата, Людо ответил тем же, чтобы защитить себя и меня, тут все на него накинулись, и... и я страшно перепугалась, плохо помню, как выбралась из кузни и побежала звать на помощь...

– Тогда-то вы и ворвались на Совет?

– Да, милорд. Мне жаль, что пришлось столь некрасиво прервать заседание.

– То есть вы хотите сказать, что этот оруженосец, Киллиан, вышел из себя только из-за отказа вашего брата участвовать в игре? – пробуравили меня две прищуренные горошины.

– Не только, – возразила я юстициарию. – Думаю, как раз наоборот: игра – лишь предлог, а зло он затаил гораздо раньше, когда брат победил его в схватке на мечах. Помните, вы устраивали, Ваше Величество?

– Да, было такое... – пробормотал Годфрик и, прочистив горло, добавил уже привычно высокомерно: – Учебные бои проходят в манеже постоянно.

Я незаметно перевела дыхание.

– Людо неоднократно проявлял себя лучше Киллиана, так что эта сегодняшняя ссора неспроста, милорд, она зрела давно.

– Почему же вы побежали на Совет, вместо того чтобы позвать кого-то поближе?

– Я... я так испугалась, совершенно потеряла самообладание и едва понимала, что делаю.

– Кажется, самообладание к вам вполне вернулось, раз позволило рассказать историю в таких подробностях.

– Я рада, если сумела воспроизвести полную картину, – сквозь зубы произнесла я.

– Со всем уважением, милорд, вы же не намекаете, что леди Лорелея лжёт? – подал голос Тесий.

Я вздрогнула, но так и не решилась на него посмотреть. Прояви он уязвлённость, выступи на стороне обвинения, мне, пожалуй, было бы легче.

– С чего бы ей? – ядовито парировал юстициарий. – Разве только чтоб выгородить брата, устроившего тут Великое побоище. Вы можете дать клятву, что всё сказанное вами – правда, миледи?

– Клянусь кровью Праматери! – без колебаний отозвалась я. Зачем мне спасение души без Людо?

– И вы готовы повторить это на Священной книге?

– А кто-нибудь видел кузнеца? – неожиданно спросил Бодуэн.

– Какое это имеет значение? – недовольно поинтересовался юстициарий. – Его ведь здесь не было, он не скажет ничего нового.

– Вот именно, – кивнул Бодуэн, – похоже, он до сих пор спит. Непросто спать, когда за стеной творится такое, вам не кажется?

Старик пожевал губу и велел стражнику:

– Разбуди его, пусть поскорее явится.

– Но мне сейчас интереснее другое, – продолжил Бодуэн, предупреждая возвращение старика к теме клятвы, поискал глазами пажа и ободряюще ему улыбнулся. – Ты сказал, что брат леди Лорелеи вытащил нож и стал им размахивать?

– Д-да, Ваше Высочество.

– Значит, это был его нож?

– Да, наверное...

– Да или наверное?

Мальчишка покосился на старших товарищей, двое из которых пытались стоять, держась за стену.

– Его...

– Как он выглядел, можешь описать? – так же дружелюбно спросил Бодуэн, и этот тон напомнил мне разговор по душам далёким вечером в трофейной одного более не существующего замка.

– Не помню, Ваше Высочество, темно было.

– Темно?

– Быстро то есть... он им быстро махал.

– Наверное, это тот самый нож, – подсказал Бодуэн, забирая у стражника оружие, наградившее Киллиана несмываемой меткой.

– Да, точно, Ваше Высочество! – обрадовался паж.

Регент задумчиво покрутил его, обводя пальцем что-то на торце рукояти.

– Уверен?

– Да!

– Нет, у брата не такой! – сердито воскликнула я, но Бодуэн вскинул ладонь.

А потом продемонстрировал нам инициалы владельца на рукояти – переплетённые буквы «К» и «А». Киллиан Арселис.

– Ну, а вытащил его вот отсюда? – указал он вниз, на тёмный холщовый мешок, который принёс в зубах невесть откуда взявшийся Хруст.

Отдав его регенту, вульпис хотел потереться о мои ноги, но вовремя сообразил, что сейчас не лучший момент.

Губы у мальчишки обмякли и задрожали.

– Так ты все ещё уверен насчёт ножа? – спросил Бодуэн голосом, растерявшим всю теплоту.

– Видать, я... я плохо разглядел, Ваше Высочество...

– А мешок?

– Я не винова-а-а-т, Ваше Высочество, – зашёлся пацан во всхлипах.

Я поняла, что бой выигран, ещё прежде чем стражник привёл неубедительно изображавшего сонливость кузнеца. Мужчина бормотал что-то про подъём среди ночи и звучно зевал, но в бегающих глазках светилось сомнение, стоили ли полученные деньги грядущих неприятностей.

– Итак, похоже, у нас здесь обычная свойственная молодости горячность и разметка территории, наткнувшаяся на чрезмерное усердие при самообороне, – благодушно заключил Бодуэн.

Лорд юстициарий сдвинул брови – ему всё ещё хотелось найти единоличного виновного, а ещё не нравилась потеря инициативы в расследовании.

– У вас нет права судить моих людей, дядя, – зло вмешался Годфрик.

– Разумеется, нет, Ваше Величество, – почтительно поклонился Бодуэн, – судопроизводство в ведении нашего уважаемого юстициария. Скажите, какое наказание вы сочтёте справедливым в данном случае?

Крякнув и выдержав паузу, заставившую остальных поёрзгать, старик веско произнёс:

– Десять плетей всем участникам, когда лекарь признает их достаточно исцелившимися от ран.

– Восемь, – отрезал Годфрик.

– Да будет так, Ваше Величество, – неохотно уступил тот.

– Кроме моего брата, – подсказала я.

– Всем, миледи.

– Всем?! Но ведь только что было доказано, что он лишь оборонялся вследствие подлости остальных!

– *Это* вы называете обороной?

Лорд обвёл узловатой рукой кривящихся от боли оруженосцев.

– Так вы собираетесь наказать моего брата за то, что остальные на него напали? Или за то, что Людо не дал себя побить? – задыхаясь от бешенства, произнесла я.

В запасах моей сдержанности обнажилось дно. Я чувствовала, что вот-вот всё испорчу, но ничего не могла с собой поделать. Под тонким слоем ярости скрывалась беспомощность и давний детский страх, вызванный первым знакомством с настоящей болью, болью близкого человека, переживаемой, как своя, хотя с тех пор я узнала, что существуют наказания куда страшнее двадцати розог от старого учителя-пьянчуги, и в умелых руках палача плеть сдирает плоть до кости, а взрослые сильные мужчины плачут и зовут маму после пятого удара под злобные насмешки и улюлюканье толпы. Здесь всё зависит от разновидности плети, силы и умения исполнителя, а ещё того, будет

ли притушен его энтузиазм подмазкой от родственников осуждённого. Последняя радость светит разве что состоятельным аристократам, а в их случае дело редко доходит до унижительной телесной кары.

Поскольку все оруженосцы являлись отпрысками родовитых семейств, едва ли они когда-нибудь сталкивались с настоящими наказаниями или знали проблемы посерьёзнее того, какой породы коня прикупить или чем выделиться, чтобы заслужить одобрение короля. На изменившихся лицах читалось подтверждение этим мыслям. Паж беззвучно плакал, трясся худыми плечами.

– Лора, уймись, – хрипло велел Людо. – Раз сказали, пусть так и будет.

– Нет. Это несправедливо, я требую отмены наказания для брата. Или порите нас обоих.

– Требуете? – приподнял брови юстициарий, и в глазах зажёгся опасный огонёк раздумий над моим последним предложением.

– Леди Лорелея хочет сказать «замены», – вмешался Бодуэн.

Я раскрыла рот для возражений, но Тесий предупреждающе сжал мой локоть. А иначе даже Бодуэн не сумел бы исправить последствия моей горячности. Наверное, сказалось дикое перенапряжение и усталость, потому что мне стоило огромных усилий удерживать привычную маску. Прежде чем я успела понять, как это произошло, Бодуэн уже убедил юстициария в целесообразности замены плетей для Людо на трёхдневную отсидку в тёмной с последующим переводом в обычную темницу ещё на четыре дня. То ли в дело вступила игра света и тени, то ли моё держащееся на ниточке понимание происходящего, только мне почудилось, что брат даже обрадовался тому, что его на трое суток запрут подальше ото всех в преисподней крошечной темноты, где каждое мгновение тянется, как год. Нет, конечно, он обрадовался не этому, а отмене плетей...

– Итак, после осмотра лекаря и при отсутствии возражений с его стороны, порка состоится через неделю, – объявил юстициарий и саркастично добавил: – Вы приглашены как *зритель*, миледи.

– Ни за что не пропущу этого зрелища, милорд. Благодарю вас и Его Величество за справедливое решение.

Я присела в глубоком поклоне, и на том импровизированное ночное судилище завершилось. Ещё двое вызванных стражников помогли отвести оруженосцев, а некоторых и отнести в замок, где их

уже ждал разбуженный лекарь со своими снадобьями, а всё тот же Дункан повёл Людо в темницу. Мы оба по молчаливому договору взглядов воздержались от сцен прощания перед зрителями. Я только по губам прочла беззвучное «подожди меня».

И это он велит мне ждать и воздерживаться от необдуманных поступков?!

Площадка перед кузней опустела, оставив меня в одиночестве. Спohватившись, я заозиралась в поисках Тесия – осадок от собственных слов неприятно жёг – но увидела только его спину вдалеке. Во время того эпизода в самом начале, попытайся он мне помешать, я бы действительно ударила, не задумываясь и без малейших угрызений совести. Неприятное свойство угрызений состоит в том, что они проявляются после, когда сделанного уже не воротить. И мне они, нынешние, были в новинку, поскольку я давно зареклась испытывать эти чувства по отношению к чужакам. А чужак ли Тесий до сих пор? Да, в каком-то смысле... А в каком-то нет. Впервые мне было не всё равно, что подумает обо мне посторонний человек, и гадко на душе от того, что он подумает плохое. Догнать, сказать, что я, что мне... нет, не сейчас, может быть, завтра...

Наверное, я попросту струсила, но убеждала себя, что ему необходимо остыть, а мне – обдумать всё на свежую голову.

Я прикусила губу и внезапно обнаружила, что покинула кузню не последней. Бодуэн заложил руки за спину и вопросительно наклонил голову, словно приглашал что-то сказать.

Нужно поблагодарить. Это будет разумно и правильно, потому что так поступила бы фрейлина, которая не точит на него зуб, которая не мечтает разрушить его жизнь и которой нечего скрывать. Я всё это прекрасно понимала и... не могла. Ведь сама попросила его помочь, и он действительно помог. Без него Людо бы наверняка наказали вместе с остальными, а то и объявили единственным виновным. Годфрик не защитил своих людей, он способен лишь создавать видимость силы – и то только со слабыми – и не умеет выказать твёрдость духа в нужный момент, потому что невозможно выказать то, чем не обладаешь. А те восемь плетей – всего лишь жалкая попытка напомнить, кто здесь король, когда за него все уже решили другие, как всегда. Но поблагодарить убийцу родных за то, что спас брата от порки? Я едва не разразилась злым бессильным хохотом.

– Доброй ночи, миледи, – произнёс наконец Бодуэн и тоже не спеша двинулся в сторону паласа.

Я смотрела ему вслед, и протянувшаяся меж нами нить всё натягивалась, шаг от шага усиливая напряжение, звеня недосказанностью.

– Ваше Высочество!

Он обернулся и остановился.

– Да?

Вот, вот прямо сейчас надо улыбнуться и поблагодарить! Но язык одеревенел...

– И вам доброй ночи, Ваше Высочество.

Чуть кивнув, он продолжил путь, а я осталась кусать губы, понимая, что буду терзаться этой недоговорённостью весь остаток ночи. От мягкого прикосновения к ноге едва не подпрыгнула.

– Ты! – Я подхватила рыжего урчащего плута, подкинула, к его вящему возмущению, поймала и чмокнула в макушку. – Значит, тоже пришёл мне сегодня на выручку, да?

Хруст снисходительно щекотнул мне шею хвостом.

– Только тебе одному я могу признаться, как устала, – вздохнула я и прищурилась. – А знаешь, что лучше всего помогает сбросить всё лишнее?

Вульпис выставил уши торчком, готовясь внимать моей мудрости, и даже бахрома затрепетала от нетерпения.

– Купание! – объявила я. – Это прекрасно смыва...

Гибкое тело в моих руках изогнулось под невероятным углом, в воздухе мелькнули лапы с короткими пальчиками, и вульпис, съехав по подолу на землю, скрылся между ближайшими постройками, избавив нас обоих от процедуры, больше напоминавшей изгнание демона.

– Ну, как хочешь, – сказала я в пустоту. – Мне же больше воды достанется!

Бегство Хруста не изменило моих планов. Я чувствовала даже не желание, а настоятельную потребность смыть с себя сегодняшний день, растянувшийся на целую вечность. В купальне всё уже приготовили к завтрашнему женскому дню, то есть уже сегодняшнему, поскольку перевалило за полночь.

Чистые полотенца сложены в стопку, пучки трав подвязаны к потолку вместе с дубовыми и хвойными вениками, бадьи для купания выскоблены и выстроены вдоль стены, мёд, масла и прочие смягчающие и очищающие средства закупорены в специальных баночках, а топливо для очага покорно дожидается сожжения. Не хватало только служанки, которая натаскала бы воды из каменной цистерны по соседству, поэтому пришлось сделать это самой. Но сперва я разожгла огонь и, дождавшись, пока оранжевые языки надёжно приклеятся к прокопчённому ложу, взяла деревянное ведро.

В цистерну набиралась талая и дождевая вода с крыш – в зависимости от времени года, – и очищалась через слой щебня. Но даже отфильтрованная, она со временем приобретала солоноватый вкус, а в засушливую пору попросту испарялась, поэтому каменная ёмкость не служила полноценной заменой колодцу и использовалась в основном для банных целей. Прошедший накануне дождь наполнил её своей щедростью почти до краёв.

Половину вёдер я вылила в подвешенный на цепи котёл, а вторую половину – в стоящую в центре бадью. Потом отобрала душистые и сладкие зелёные травы и заварила их в небольшом ковшике, предвкушая единоличную процедуру.

Я так и не смогла привыкнуть к совместным купаниям, когда две-три фрейлины спокойно делили одну бадью, прилипнув к бортам и установив посередине широкую перекладину с охлаждёнными напитками и лёгкими закусками. Купание у них растягивалось на несколько часов, а то и на полдня, превращаясь в своеобразный женский ритуал: с нанесением на волосы, лицо и тело густых липких масок, сплетнями за кружкой отвара, лечением недугов. Так, матрона Рогнеда, отлежавшись в чане до цвета и состояния вареной устрицы,

выползала в комнату для переодеваний, где заворачивалась в простыню и цедила мелкими глотками эссенцию из отваренных в вине петрушки и камнянки, пропущенную через льняную тряпку и по её твёрдому убеждению помогающую от внутренних камней – настолько хорошо помогающую, что она лечила их последние лет двадцать. А леди Жанна всегда плескала на раскалённую поверхность отвар овсяных зёрен, призывая всех вокруг вдыхать его укрепляющие тело и дух пары.

В самый первый раз я притащилась мыться в сорочке, искупалась во всеобщих насмешках и с тех пор совершала омовение самой последней, остывшей водой, когда уже не оставалось ни единого сухого полотенца, воздух душил смешавшимися ароматами, а ступать и садиться приходилось крайне осторожно, чтобы не поскользнуться и не вляпаться в какую-нибудь полезную гадость. Бадьёй не пользовалась – обходилась тазом и ковшом, и процедура эта занимала у меня примерно столько же времени, сколько у иных заворачивание в простыню. Не то чтобы я стеснялась показывать своё обнажённое тело или видеть другие, но чувствовала себя неудобно и чужеродно.

В детстве кормилица купала меня в ушате, и привыкнуть к совместным банным процедурам со взрослыми мне не довелось, а потом стало не до того – найти бы, где на ночь приткнуться и что в желудок сунуть, а вымыться можно и в реке, в стороне от чужих глаз и, на всякий случай, не снимая сорочки, или в сарае, на бегу, ночью, второпях, пока поблизости нет никого вроде господина Букэ. Конечно, в городах открыты общественные бани, но все знают, чем туда на самом деле ходят заниматься за один день. К тому же мы с Людо всегда старались избегать городов с их теснотой, дороговизной и эпидемиями.

Закончив смешивать воду, я аккуратно пристроила рядом с бадьёй мочалку и мыло – здешнее меня несказанно радовало: не жёсткий вонючий ломоть козьего жира и золы, после которого о кожу можно натирать морковь, а восхитительный брусок густо-зелёного оттенка с вкраплениями виноградных косточек, пахнувший оливой и ещё чем-то сладким – Праматерь, благослови Крестанийские походы! После него тело лоснилось, как шёлковое.

Оставив одежду на лавке в комнате для переодеваний, я плеснула на раскалённые камни немного жидкости из заваренных трав,

остальное прямо вместе с размокшими растениями вылила в бадью и медленно, жмурясь от удовольствия, погрузилась в неё. По воздуху поплыл дивный цветочный аромат, расплзаясь белёсыми облаками. Тут эти камни с каким-то секретом: паровой эффект сохраняется надолго.

Я положила руки на борта, откинула голову и прикрыла глаза, позволив себе наслаждаться процедурой и загнав чувство вины, оттого что предаюсь ей, пока Людо сидит в каменном мешке, туда, куда не доставала совесть.

Ступни пощипывало, по телу дюйм за дюймом растекалась нега. Я действительно устала, бесконечно, невозможно, так, как, наверное, не уставал никто на свете до меня. Ныло всё: мышцы от поездки на лошади и долгого сидения в одном положении с младенцем на руках, ладони и пальцы, оттого что сжимала их в кулаки недавно в кузне, гордость, по которой прошёлся Годфрик, даже мысли болели, и я откинула их, позволив горячей воде забрать все тревоги, а голове – наполниться таким же белёсым туманом, как тот, что заволакивал пространство вокруг и делал его зыбким и слегка ирреальным.

После я бездумно рассматривала плитку с сюжетами легенд, зажимала между пальцами ног плавающие на поверхности цветы и травинки, погружала на полдюйма и снова поднимала растопыренную пятерню, забавляясь клейким ощущением, с которым вода её отпускала, и через какое-то время тело начало оживать, подпитываемое потёкшими ручейками силы.

Когда вода подостыла, я намылила голову и себя, вылезла, чтобы смыть пену, и залезла обратно. Перед вторым и последним заходом решила проявить солидарность с Людо, набрала в грудь побольше воздуха, зажмурилась и погрузилась на дно, упершись руками в стенки и представляя, что сижу в тёмной.

Когда давление на виски стало невыносимым, а лёгкие готовы были лопнуть от острой жажды, вынырнула на поверхность, шумно отфыркиваясь, и убрала ладонями от лица мокрые волосы. Все ещё не разлепив век, пошарила рядом в поисках мыла и, не обнаружив его там, куда положила, непонимающе открыла глаза.

– Не это случайно ищите?

Прямо из паров протянулась ладонь с моим восхитительным брусом. От неожиданности я едва снова не ушла под воду. Душное

мутноватое марево раздвигалось и смыкалась, открывая и заволакивая фигуру Бодуэна. От изумления я даже не закричала – только глаза потёрла, чтобы убедиться, что не брежу. Убедившись, охнула, скрестила руки на груди и подтянула колени к животу.

Как... что... почему?! Первой связной мыслью было, что ему, верно, жарко тут в одежде.

– Как вы меня нашли? – выдавила я наконец. – А-а, дымоход...

Он кивнул и положил мыло на прежнее место.

– Увидел дым из банной трубы, прикинул, кто в замке может принимать ванну далеко за полночь, и остальные варианты отпали сами.

Я наконец овладела собой настолько, чтобы произнести таким ледяным тоном, какой только позволяла жарко натопленная баня:

– Что вы здесь делаете?

Бодуэн как ни в чем не бывало присел на борт и пополоскал руку, от которой я постаралась отодвинуться как можно дальше. Он словно бы не замечал моей напряжённости, поигрывая водой, зачёрпывая её и позволяя крупным каплям срываться с пальцев.

– Пришёл сообщить, что осмотр у лекаря выявил у вашего брата лишь трещину в ребре и множественные ушибы, но никаких серьёзных повреждений и внутренних кровотечений.

– Рада это слышать. У вас всё?

– Нет, ещё мне не дают покоя два вопроса.

– Буду крайне признательна, если вы подождёте меня в соседней комнате и зададите их, когда я отсюда выйду.

К моему несказанному облегчению, Бодуэн послушался.

– Конечно, миледи. – Он поднялся, отвесил мне преувеличенно-почтительный поклон, от которого я почувствовала себя ещё более голой, и удалился в предбанник, оставив дверь настежь раскрытой и удобно устроившись на лавке напротив.

В тот же миг я поняла, что тёмная груда рядом с ним – это моя одежда. Может, я всё-таки заснула в тёплой воде? Но наливающийся на запястье синяк от только что сделанного щипка быстро опроверг эту версию. Тоскливо оглядевшись по сторонам в поисках чего-то, чем можно прикрыться, я убедилась, что оставила всё – абсолютно всё до последней нитки – в комнате для переодеваний. Там же мирно дожидалась стопка полотенец.

Ваалу его дери! Зачем он в действительности явился? Чего от меня хочет?! При мысли о том, чего может хотеть мужчина от голой девушки ночью в купальне, мне поплохело. И брата, верно, неспроста помянул – намекал на свою не последнюю роль в его избавлении от телесного наказания. Пришёл за платой? Дура! Спасибо не решалась сказать... Какое уж тут спасибо.

Что, если ему надоест ждать, и он уйдёт? Искося брошенный взгляд выявил, что Бодуэн устроился основательно и с комфортом. Готова поклясться, он получал от ситуации истинное удовольствие. У меня же от стынувшей воды уже бежали мурашки, и лунки у основания ногтей стали лиловыми. Буду сидеть тут до посинения – пока не подхвачу лихорадку... И вынесут меня для погребения прямо в этой бадье. Нет уж.

Мысль о собственной панике и беспомощности придавала злости, а злость – сил. Не резать же он меня собрался, а то, что увидит без одежды, так накануне я сама ему это предлагала. Не покажу, как потеряна и испугана. Только не ему. Длинные ниже пояса волосы вполне позволяли прикрыться, но этот жест отчаяния лишний раз доказал бы моё смятение, а именно этого он и добивался – загнать в угол. Потому что на загнанных проще давить.

Я медленно вдохнула, выдохнула, резко поднялась в полный рост под шум стекающей воды и вылезла из бадьи. Нарочито неторопливым движением отжала волосы, откинула их назад и, расправив плечи, двинулась к нему. Плетёная циновка колола распаренные ступни, а воздух охлаждал влажную кожу. Внутри всё сжималось и крутило.

Бодуэн, не отрываясь, наблюдал за моим появлением в клубах пара. Я переступила порог и остановилась в нескольких шагах от него, вздёрунув подбородок. Он откинул голову, прислонившись затылком к стене и неторопливо рассматривая меня из-под полуопущенных век: скользнул по открытой шее, груди со съёжившимися сосками, понимающе задержался на впалом подрагивающем нервным пульсом животе, со смакующей медлительностью опустил к тёмным завиткам между бёдрами, и там, где проходил этот прожигающий непристойный взгляд, кожа начинала гореть от стыда. Я умирала от мучительного желания прикрыться, но заставляла себя стоять вызывающе прямо. Воистину раздеться перед толпой незнакомцев в тысячу раз проще, чем перед одним знакомым.

Изучив меня до самого низа, вплоть до поджатых пальцев ног, глаза снова поднялись к вздымающейся, несмотря на все усилия, груди, а от неё – к лицу с пунцовыми щеками, цвет которых я надеялась списать на принятие ванны.

– Вам точно там хорошо видно? Может, мне взять в руки свечу?

Он рассмеялся и покачал головой:

– Отсюда идеальный обзор.

Я поджала губы.

– Будьте добры, подайте, пожалуйста, полотенце.

– Пожалуйста. – Он подцепил верхнее и подчёркнуто любезно протянул мне.

Я наклонила голову набок и принялась неспешно промакивать им волосы. Мгновение Бодуэн смотрел, как я тру пряди, а затем широко улыбнулся, блеснув глазами.

– Вы бесподобны!

Я отнюдь не чувствовала себя бесподобной. Скорее униженной и изо всех сил старающейся не показать запредельного смущения и насторожённости. Внешне копируя его расслабленность, внутренне я была начеку.

– Так о чём вы желали спросить?

– Кузня, – пояснил он, следя за моими движениями вверх-вниз. – С чего вдруг оруженосцы отправились туда играть в карты?

Хороший вопрос. Их якобы игра ночью в кузне – это примерно как если бы фрейлины заявили с прялками в пекарню.

Мои пальцы на миг застыли, а потом продолжили подсушивать пряди. Я невозмутимо пожала плечами.

– Мужчины порой совершают странные поступки, Ваше Высочество, не находите? Я далека от того, чтобы толковать их мотивы. Вы говорили, что вопроса два?

– Да, – он подался вперёд, заставив меня напрячься. – Что вы собирались сегодня сказать на прощание, но так и не сказали?

Я разогнулась, опустила полотенце и после паузы бросила его на лавку.

– Хотела поблагодарить за брата.

– Всё ещё хотите?

– Чего именно?

– Поблагодарить за него.

Он внезапно поднялся, подошёл вплотную и осторожно двумя пальцами снял прилипший у меня повыше соска листик мелиссы. Потребовалось всё присутствие духа, чтобы не отпрянуть и сохранить на лице выражение вежливой отстранённости. Особенно когда вблизи стало видно, что не так уж он и спокоен, а серая радужка подёрнута маслянистым паром, как тот, что проник в эту комнату вслед за мной.

Знаете, есть такие мужчины... от природы у них так. Он только глянет, а ты...

И во взгляде этом сейчас горело однозначное неприкрытое желание, искрами рассыпавшееся по моей обнажённой коже. Понятно, что дело тут не в моих угловатых прелестях и что, будь я даже Рогнедой в молодости, мужчине трудно устоять перед обнажённой женщиной, и всё же, стыдно признаться, его внимание... льстило. На меня впервые так смотрели. Тесий... да, что-то похожее, но слишком сильно разбавленное почтительностью, а те, что пытались лапать раньше... оказывается, похоть и желание – это совершенно разные вещи. Если первая удовлетворяет только себя, то второе – это нечто, разделённое на двоих. Не знаю, откуда ко мне пришло это знание, только наряду с ним билось и другое: сейчас я стою на тонкой корке льда над просыпающимся вулканом и должна любым способом перехватить контроль над ситуацией.

– Хочу. По всем правилам этикета. А это требует полного облачения. – Не отводя глаз от его лица, я указала подбородком на кучку одежды на лавке. – Сперва брэ.

На последнем слове голос подвёл, сбившись на хрипотцу. Бодуэн не двинулся с места, и сердце у меня заколотилось как сумасшедшее. Похоже, я переоценила свои силы... А потом он молча потянулся к лавке, взял тонкие льняные штаны и опустился наземь, подставляя их. Не знаю, что мне понравилось больше – взгляд снизу вверх или то, что он стоял на коленях. Хотя даже так я была немногим выше него.

Опершись о подставленное плечо, продела сперва один носок, потом второй, и его руки, огладив щиколотки, потянули ткань наверх, дюйм за дюймом прикрывая кожу. Я солгу, если скажу, что он старался избегать прикосновений – напротив, пальцы неотрывно скользили по обнажённым ногам, оставляя за собой дорожку из горячих мурашек, и моё дыхание замирало, когда замирали они.

Наконец Бодуэн выпрямился, снова возвышаясь надо мной.

– По-прежнему по всем правилам? – прошептал он на ухо и, мягко потянув наверх, посадил брэ до упора на бедра.

– Д-ха, – выдохнула я, сглотнула и медленно вытянула руки над головой. – Теперь камиза...

Странная игра завораживала обоих. А вспыхнувший в шальных глазах огонёк подсказал, что ему нравится видеть меня такой уязвимой, с поднятыми руками. Бодуэн погладил внутреннюю поверхность локтей, провёл до запястий, сжал их, и на какой-то миг показалось, что игре сейчас наступит конец... Но вот он отстранился, поднял с лавки сорочку и бережно продел мои кисти в рукава. И снова тягуче-неторопливое скольжение ткани по коже... Его пальцы остановились, не дойдя совсем чуть-чуть до затвердевших сосков, и оправили сорочку, рухнувшую пышным каскадом к ногам.

Когда настал черёд платья, я уже не была уверена в своём ответе. Я ни в чём больше не была уверена.

Людо прав: всё дело в силе – её близость пьянит и притягивает. Но ещё больше пьянит подчинять сильного. Хотя грань очень тонка, и не успеешь оглянуться, как подчиняют тебя.

Взяв последними рукава, Бодуэн пропустил шнурки между пальцами и весело приподнял брови:

– Те самые?

– Это сложнее, чем кажется...

Справился он не в пример ловчее меня.

– Вот так?

– Туже.

Руки подтянули завязки и вопросительно замерли над узлом.

И из чистого упрямства:

– Ещё туже.

Рывок и снова пауза.

– Да, теперь достаточно.

Он дёрнул ещё раз, словно оставляя последнее слово за собой, и только потом аккуратно закрепил тесёмки. Отступил, любуясь своей работой.

– Кто бы мог подумать, что процесс одевания бывает таким увлекательным. – Снова придвинулся и провёл кончиками пальцев от моих плеч к локтям и обратно, но даже это невесомое прикосновение через два слоя ткани волновало почти мучительно.

Наклонился и, легко погладив ухо губами, прошептал:

– Теперь можете сделать это.

– Ч-что сделать?.. – Неужели этот неузнаваемый прерывающийся голос принадлежит мне?

– Поблагодарить меня.

Я едва вспомнила, о чём он, а потом, повинувшись какому-то безотчётному инстинкту, встала на цыпочки и, скользнув дыханием по его шее с часто бьющейся жилкой, щеке, вбирая такой знакомый кружащий голову запах, который помнила во снах много лет, отодвинула прядку и шепнула, подражая ему:

– Спасибо.

Хотела отстраниться, но рука внезапно жёстко схватила меня сзади за шею, не пуская. Потянула, заставляя запрокинуть лицо, пока наши взгляды не встретились. В глазах напротив отражалось льдистое пламя.

– Не надо было тебя слушать.

Ноготь протяжно, до болезненной дрожи, царапнул сзади шею, и пальцы наконец разжались. Я отшатнулась.

– Вот теперь точно спокойной ночи, миледи, – беспечно улыбнулся Бодуэн.

Лёгкий поклон, больше похожий на издёвку, и удаляющаяся спина.

Когда хлопнула дверь, внутри меня тоже что-то оборвалось с громким хлопком. Словно бы странные чары спали вместе с его уходом, в голове начало проясняться, и внезапно до меня дошёл весь ужас содеянного, накатывая волнами жгучего запоздалого сожаления.

Что я натворила?.. С чего всё началось, и в какой момент это можно было остановить, и можно ли было вообще?

Захотелось вернуться в купальню, как есть, прямо в платье, усесться в бадью и долго тереть себя мочалкой, пока не соскоблю все прикосновения, шёпот на коже, а главное, собственные мысли и ощущения.

Я опустила на лавку в поисках опоры и вдруг обнаружила, что сижу босиком.

Солнце вымостило речушку леденцовой лазурью, изумрудом и ослепительным янтарём. Бабы на другом берегу трясли сиськами, полоская белье, тянуло полевыми травами и навозом. Людо полулежал в теньке и наблюдал, как капли медленно впитываются в грудь и живот, пощипывая кожу. Рядом на ветке висела выстиранная котта.

Лора сидела спиной к нему, суша камизу прямо на себе и теребя очередную ромашку.

– Я-ад, кн-жал, удуш-ш-е, – мычала она, снимая губами каждый второй лепесток и сплёвывая, а когда круг заканчивался, принималась за оставшиеся.

Опять гадает на способ расправы. В последнее время это её любимая забава, которую он не понимал. Какая разница, чем? Смерть она и есть смерть.

Пора возвращаться к Букэ, перерыв на исходе, а она ещё не досохла. Мокрая сорочка плотно облепила каждый позвонок. Людо смотрел, как они перекатываются, когда Лора наклонялась сорвать новый цветок взамен общипанного или чесала лопатку, потом сел и с нажимом провёл по ним большим пальцем от основания шеи до талии. Лора обернулась с высунутым языком, на конце которого дрожала рубиновой каплей божья коровка.

– Буэ, ты отвратительна! – Он упал обратно на спину, задыхаясь от хохота и закрываясь руками. – Нет, не приближайся ко мне с этой мерзостью!

С трудом сдерживая смех, чтобы не сглотнуть, Лора наклонилась и протяжно лизнула его в плечо, пересаживая жительницу ромашки. Стукнула по руке, когда Людо попытался прихлопнуть букашку.

– Не смей!

И аккуратно, с помощью листика, перенесла божью коровку в траву. Влажный след от языка на коже горел, пульс частил, к ноге прижималось её бедро.

Лора наклонилась ниже, так что чёрные воронки глаз заслонили солнечный день и весь мир, и вдруг до крови укусила его в предплечье. Людо проснулся, рефлекторно сжав пальцы, в которых извивалась, пища, мохнатая тварь. Повернулся и с хлопаньем размозжил крысе голову о стену. Поморщился от простреливающей боли в рёбрах под тугой повязкой, отбросил тушку и сделал три поверхностных вдоха, унимая головокружение. Сколько прошло? Всё ещё ночь или уже

рассвело? Так темно не бывает даже с закрытыми глазами. Он смочил горло слюной и крепко смежил веки, призывая дрёму. Пусть снова приснится тот день...

Я набралась храбрости и трижды постучала в дверь. С той стороны что-то невнятно крикнули, и, сочтя это приглашением, я толкнула створку. В нос ударил характерный запах щёлочи, слезя глаза и размывая сидящего за пюпитром напротив окна человека. Одной рукой придерживая пергамент, зажатым в другой ножичком он торопливо выскребал ошибку, пока чернила не успели впитаться.

– Положите туда, – не глядя махнул он.

– Я бы положила, если б знала, что...

Тесий обернулся, заморгал, словно осознавая моё присутствие, и вскочил.

– Миледи, не ожидал вас здесь увидеть. Я ожидал...

– ...слугу с какими-то бумагами. Я догадалась.

Мы оба замолчали. Тесий аккуратно положил ножик на залитый утренним светом стол, где был установлен пюпитр, и церемонно завёл руки за спину.

– Я прервала вашу работу? – спросила я, когда пауза стала неловкой, и кивнула на какой-то приказ, который он переписывал набело с прикрепленного выше брульона^[60]. Висящие на лентах грузики отмечали место, где он остановился.

Тесий тоже на него обернулся.

– Вы тут ни при чём, миледи. Её ещё раньше прервала моя собственная невнимательность.

И снова пауза, которую я не знала, чем заполнить. Обычно этим в наших беседах занимался Тесий, но сейчас он не выглядел расположенным к разговорам со мной.

Он уже опомнился от неожиданного визита, и лицо на глазах замыкалось.

Я всё же попыталась снова. Приблизившись к столу, легко провела кончиками пальцев по аккуратной кипе очиненных перьев.

– Вам приходится столько писать?

Тесий чуть покраснел.

– Очинка помогает мне... собраться с мыслями.

Я обвела оценивающим взглядом перья. Похоже, его мысли сегодня совсем разбрелись. И меня не отпускало ощущение, что это в немалой степени связано с нашей ссорой накануне. Его насторожённый взгляд это подтверждал.

Он словно ждал, что я снова брошу в лицо какую-нибудь гадость.

– Вчера я вас обидела, – сказала я напрямик, отбрасывая притворство и попытки измыслить тему, которая бы аккуратно подвела нас к истинной цели моего визита.

– Не стоит поминать былое, миледи, – быстро произнёс он.

– Нет, стоит. – Я подняла глаза и рассеянно взяла одно из перьев. – Хотя бы ради того, чтоб вы перестали называть меня «миледи» через слово... – Он что-то хотел сказать, но я вскинула ладонь. – Нет, пожалуйста, дайте договорить. Я не сильна в извинениях, обижать у меня получается гораздо лучше. Но мне неприятно, оттого что случилось меж нами накануне... И неприятно, что вы могли подумать обо мне в этой связи. Однако правда в том, – я набрала в грудь побольше воздуха, – что о тех словах мне не жаль. Я сказала бы это снова, повторись всё опять. Вот...

Моё неуклюжее признание повисло в тишине. Я не смела поднять глаз.

– Зря я сюда пришла, – выдохнула я, не выдержав молчания, и сделала несколько нервных шагов к двери, прежде чем Тесий обогнал меня и заступил путь.

– Лора, подождите!

Я молчала, глядя на его башмаки и ожидая, что он скажет, но он к этому ничего не прибавил. С усилием подняв глаза, я увидела, что и ему ситуация так же мучительна, и он не может подобрать слов.

И эти слова вдруг пришли в голову мне. Нелепые, неуместные, но они разбили лёд взаимной неловкости.

– Научите меня очинять перья?

– Что? – Он даже отступил на полшага.

Я протянула на ладони сломанное перо. Подушечка пальца была вся красная, исколотая от нервов.

– Должна же я как-то возместить вашу потерю.

Он вдруг расслабился, из позы ушло напряжение, а в глаза вернулся свет, словно за синими витражами зажглись свечи.

– Потеря и впрямь велика. Пожалуй, мне не следует вас отсюда выпускать до тех пор, пока вы в должной мере её не отработаете.

Он обошёл меня, возвращаясь к столу, и приглашающе отодвинул высокий стул. Я уселась на край, едва доставая кончиками туфель до пола.

– Вы ведь правша? – уточнил он, направляясь к ящику с горячим песком, где сушились вываренные в щёлочи перья.

Я молча кивнула.

– Значит, маховые из левого, – пробормотал он, подцепляя три заготовки.

Я в это время вертела головой, осматривая жилище.

– Это всё ваше? – спросила я, обводя рукой многочисленные книги и свитки на полках.

– Что-то моё, что-то временно взято из скриптория и из библиотеки Его Высочества.

– Вы все их прочитали?

– Некоторые не по одному разу... – Он немного натянуто рассмеялся. – Так скучно прозвучало!

– Я за всю жизнь одолела не больше десятка книг, половина из которых – это рыцарские романы королевы, прочитанные по дороге сюда. И чьё признание ужасней?

– Значит, вы уже прочитали на десяток книг больше, чем любая из знакомых мне леди.

Он подошёл к столу, стряхивая крупницы песка с ворсинок, и выложил перья рядом со мной в линию.

– Готовы?

– Вы так это спросили, что теперь я начинаю волноваться...

– Бояться нечего, – улыбнулся он, вставая сзади, и наклонился над моим плечом.

Эта его нависающая поза и особенно близость заставили мои мышцы окаменеть, но я постаралась ничем не выдать напряжения.

– Вы позволите?

Я кивнула, и он осторожно заключил мои руки в свои. Моими же руками взял перо в одну и ножик для очинки в другую. Установив их как должно, сделал резкое движение наискось, потом встречное с другой стороны, оставив бритвенно-острый кончик. Слегка размяв его большим пальцем, расщепил лезвием, положил плашмя на

специальную дощечку, чтоб не поцарапать стол, и срезал самый краешек. Обмакнул перо в чернила и вывел на уголке пергамента моё имя.

Шею пощекотало его тёплое дыхание.

– Запомнили?

– Нет... покажите ещё раз, – зачем-то сказала я, хотя всё запомнила.

Он показал, и я взяла инструменты уже сама.

– Правильно держу?

– Не совсем... – Он вдруг присел рядом со стулом и поправил положение рук. Но вместо того, чтобы потом отпустить их, погладил запястье.

Я чувствовала, как сердце колотится всё быстрее, и будто со стороны услышала глухой стук, с которым ножик выпал из моей руки. Пальцы Тесия заскользили по моим костяшкам, поднимаясь выше, в то время как сам он не поднимал глаз, словно с удивлением следил за их своеволием.

Наконец раскрытая ладонь легла на мою щеку.

Тесий поднял взгляд – густой и пронзительный, а потом опустил его к моим губам, и к ним же потянулся сам. Медленно, будто до конца не мог решиться или боялся испугнуть.

Я вдруг остро, всей кожей, почувствовала, что сейчас произойдёт. На щеке у него осталось пятнышко чернил. Должно быть, забывшись, тронул лицо рукой...

Моё сердце понеслось вскачь, а в животе похолодело. На миг стало любопытно: каково это, когда тебя целует мужчина? Любопытно, что я почувствую, если эти губы коснутся моих, и почувствую ли что-нибудь вообще...

Любопытно... но не настолько. В последний момент я отвернулась, и его рот скользнул по моей щеке.

– Мне нужно идти, – поднялась я, – я обещала быть с Её Высочеством, когда приедут купцы, а это случится уже совсем скоро.

Он тоже вскочил.

– Простите... я не должен был.

– Всё в порядке, – искренне ответила я и не очень искренне добавила: – Но мне правда пора идти.

– Позвольте вас проводить.

– Не нужно. Расстанемся здесь.
– Вашего брата сейчас тут нет, так что совсем необязательно...
– Пожалуйста, не говорите о нём то, чего не следует, – остановила я, – иначе мы снова поссоримся.

Он помолчал, потом с лёгким поклоном открыл передо мной дверь.

– До встречи за ужином, Лора.
– До встречи... Тесий.
– Лора...
– Да?
– Я до вас дотронулся. Как и вы ранее до меня.

Постояв, я отвернулась и, не оборачиваясь, двинулась к паласу, зная, что он смотрит вслед.

* * *

По правде сказать, я покривила душой, сказав Тесию, что купцы скоро придут – они ожидали лишь после обеда.

Пока шла к паласу, я чувствовала, как накатывает усталость. Вернувшись из купальни, я долго не могла уснуть, ворочаясь с боку на бок и отгоняя мысли о том, что там произошло. Но они всё равно просачивались – скольжением камизы по телу, отблесками золотых прядей, беспечным «спокойной ночи, миледи», и терзали мигренью, от которой я мучилась почти до утра. Лишь когда забрезжил рассвет, провалилась в сон, где меня уже поджидал Гость. Тяжкий и болезненный, он утаскивал меня куда-то, откуда я всё пыталась выбраться, но раз за разом проваливалась обратно. Проснувшись же, обнаружила, что первой моей мыслью вновь была мысль о Бодуэне. Усилием я заставила себя не думать о нём... и вдруг обнаружила, что думаю о нём постоянно, сама того не замечая, по привычке. Семена этих мыслей были брошены годы назад, а урожай я пожинала сейчас.

Плеснув в лицо воды, я отправилась к королеве. Там я усердно водила гребнем, притворяясь, что не замечаю тщательно припудренных свидетельств бурной ночи у неё на шее и вся сосредоточившись на этих движениях, пока вдруг не поняла, что стою без движения, пропуская меж пальцев рыжую прядь.

– Что это с вами? – дёрнула головой она, и луч соскользнул с волос, забрав с собой медный оттенок.

На мессе я до слезящихся глаз старалась не смотреть на высокую широкоплечую фигуру, прячась за спинами, а за завтраком проглотила свою порцию так быстро, чтобы поскорее уйти, что вызвала осуждающий взгляд леди Жанны. Но, не удержавшись, разок всё же взглянула на королевский помост. Бодуэн, отвратительно свежий и бодрый, беседовал с кем-то из лордов.

А моё противоядие томилось сейчас в подвале донжона. К Людо меня не пустили – как ни пыталась я договориться со стражником. Брат сумел бы меня отвлечь, настроить.

Нащупав в поясе алмаз, я остановилась перед крыльцом, поднесла его к глазам и взглянула на небо. По краям его сгустились тени, а в центре, обжигая зрачок, пылало рыжее солнце.

* * *

– Приехали! – звонко воскликнула Бланка, оборачиваясь от окна.

– Праматерь, спаси и сохрани! – сделала отвращающий жест Дита так, словно принцесса возвестила о прибытии приспешников Ваалу, а не купцов.

Внизу началась суэта. Вскоре дверь башни отворилась, и в комнату степенно вплыл смуглый толстяк с подведёнными полумесяцами глазами, а с ним – высокий и такой же смуглый сухопарый старик со свисающими от локтя до земли раструбами рукавов. Вялый взмах руки, и в комнату скользнули неприметные слуги, внося сундуки.

– Вачше высокошество, дамы, – поклонился нам поочерёдно толстяк, и Дита, расправив плечи, шагнула вперёд, нервно переводя взгляд с него на Бланку, словно готовясь в случае чего закрыть принцессу грудью.

Выбирая между грудью и купцом, я бы поставила на первую – через такую не пробьёшься.

Слуги тотчас принялись раскладывать образцы товаров. Вскоре комната заполнилась тканями, побрякушками, флаконами самых разных форм и ещё множеством мелочей, о назначении которых я не

имела ни малейшего представления. Спутник толстяка раскрыл ларец с драгоценностями, оказавшись тем самым ювелиром, появления которого я с таким нетерпением ждала.

Ещё один взмах пухлой руки, и слуги бесшумно испарились.

Бланка смотрела вокруг, восторженно и слегка растерянно распахнув глаза и не решаясь подойти.

– Что моя принцесса джелает? – приступил к делу толстяк и двинулся вдоль ларцов, отмечая каждый лёгким жестом. – Парчша, сиглатон, Алехсандрия, тафта... – названия сыпались с покрытых воском губ, сплетаясь колдовским напевом.

– Ну же, помогайте мне! Самой мне и за сто лет не справиться! – обернулась ко мне принцесса. – Как вам? – указала она на отрез ткани, слишком скромный, чтоб ради него приглашать фалернских купцов.

Я покосилась на торчавший из сундука филлет, куда лучше подошедший бы замужней даме, но вслух ничего не сказала. А впрочем, почему нет? Была бы радость принцессы столь же чистой, знай она причину щедрости своего дяди? Не отравить ли эту радость прямо сейчас? Ведь для меня не секрет, кого она высматривает в свите брата...

– Может, лучше эта? – подцепила я шёлковую ткань.

Мы погрузились в обсуждения.

– Нужно и вам что-то выбрать, – заметила спустя время Бланка. – Как насчёт этого креспинета? Похожий носит леди Жанна.

Я увернулась от жемчужной сетки для волос, уже потому не заманчивой, что обещала сделать меня похожей на леди Жанну.

– Дите она больше подойдёт.

Компаньонка, поначалу глядевшая на гостей с подозрением, тоже придвинулась, разглядывая товар. Окончательно же её с ними примирил кошель с перламутровой отделкой.

– Лучше, принцесса, есть много лучше, спесиально для вас! – тащил Бланку купец к очередному ларцу.

Финик и Хруст крутились рядом, заражённые общим азартом.

Улучив момент, когда Дита и Бланка были отвлечены, я подошла к стоявшему в сторонке возле конторки ювелиру.

– Чем могу услужить юной госпоже? – поклонился тот.

– Могли бы вы взглянуть на одну вещь?

– Какую?

– Вот. – Я достала алмаз и протянула ему на ладони. – Хочу продать его.

– Алмас? – приподнял брови мужчина, покрутив его в жилистых пальцах.

– Да, сколько мне за него дадут?

– Сколько дадут за камэнь – зависит от вóды, – туманно протянул он, извлекая из складок необычайно прозрачную и толстую стекляшку, и вставил её в глаз, отчего тот раздался вдвое. – Откуда он у вас?

– Достался в наследство от матери, – небрежно ответила я.

– А ей от её матэри?

– Не знаю... а почему вы спросили?

– Алмазы, знаете ли, теперь принято грáнить, а ваш с гладкими боками. Стало быть, он может быть дрэвним, поскольку раньше их только шли́фовали до круглости, чтоб грязный камень стал чистый, или...

– Или? – затаила дыхание я.

– Или это вовсе не áлмас, – торжественно провозгласил ювелир, извлекая стекляшку.

Я изобразила огорчение.

– А что же тогда?

– Не могу знать, у меня нет тут инстру́ментов, – развёл руками он, словно желая доказать, что ничего не прячет в рукавах – ни в прилегающих, ни в тех, что раструбами. – Лишь это, – постучал он по стекляшке, – но этого мало. Одно скажу точно: это камэнь, а не стекляшка. Видите клеймо мастэра? – Он подчеркнул ногтем обнаруженный «дефект». – Такие ставили ещё в дрэвности. – Могли рисунки, надписи...

Я прикусила губу, размышляя.

– Я мог бы взять его на осмотр и сказать вам рэзультаты, когда вернусь для полного взаиморасчёта с его величеством, – помолчав, предложил мужчина.

– Хорошо, – с готовностью кивнула я.

– Сейчас дам вам рáсписку, – подытожил он и извлёк из эскарселя крошечный пузырёк тёмного стекла, перо и свиток.

Пока он накидывал документ, я обернулась к Бланке с Дитой. Купец размахивал перед носом принцессы железным яблоком, сплошь утыканным мелкими отверстиями.

– Принсесса оценит помандер. Смесь ухсуса, ириса и амбры нынчше отчень популярна у дам...

Я вновь повернулась к ювелиру, мысленно подгоняя его. Наконец он закончил и, скрепив документ цветным воском, протянул мне.

– Вот, госпожа.

– Благодарю.

Спрятав свиток, я подошла к Бланке, сидевшей на кровати среди вороха пёстрых тканей. Она вопросительно на меня посмотрела.

– Мода, привезённая из Крестанийских походов и облегчающая сотворение молитвы в любых условиях, – вещал купец, надевая ей на палец кольцо с чётками. Другую руку уже украшала пара из тех, что носят на фалангах. – Что ты натварюкал! Хышь! – внезапно вскричал он и бросился к сундуку.

Оттуда выскочил вульпис, неся в зубах бархатную ленту с крошечным гранатом в центре, и спрятался за меня. За сундуком торчал белый мех, и я догадалась, где Финик.

– Все запатчкал! – сокрушался купец, перебирая свои богатства.

– Он ничего не сделал, – заметила я, беря вульписа на руки.

Убедившись, что всё в порядке, купец слегка успокоился.

Бланка сидела, зажимая себе рот ладонью и едва сдерживаясь, чтоб не рассмеяться.

– Мы её берём, – указала она на ленту, с которой вульпис не желал расставаться.

– Право, не нужно, – встряла я.

Но она настояла. Кончилось всё тем, что, кроме неё, она взяла кольцо с чётками, напёрсток, пару-тройку простых тканей, что мы выбрали совместно, кошель для Диты и гребёнку для Финика. Кольцо оказалось велико, так что ювелир снял мерку, чтоб в следующий раз привезти уже подогнанное.

– Принсесса столь же добродетельна, сколь и скромна, – с сожалением заметил купец, закончив составлять список, который предстояло передать Бодуэну на утверждение.

Выглянув из комнаты, он позвал слуг. Вскоре башня опустела, смотрясь до странного голой без всех этих тряпок и побрякушек, а купцы с поклоном удалились, дабы представить товары более благодарным дамам, включая королеву, шипевшую этим утром, что Бланке дано «несправедливое право» выбирать первой.

– Пройдёмся? – предложила Бланка.

Мы направились к лестнице.

– Ну же, признайтесь, что было весело! – щебетала принцесса, сбегая по ступеням так быстро, что непременно получила бы упрёк от компаньонки. – И зря вы так с тем креспинетом...

– Благодарю, мне ничего не нужно.

От Скальгердов.

– А о чём вы шептались с ювелиром?

– Выбирала брату подарок на день рождения.

– У него скоро день рождения? Правда?!

Правда. Только у другого брата. У Людо только в сентябре.

Тут пыл Бланки поугас.

– Я слышала, что случилось минувшей ночью, – тихо произнесла она, останавливаясь. – Пятеро на одного... Надеюсь, он не слишком пострадал?

– У Людо ушибы и трещина в ребре.

– Правда? – вновь воскликнула Бланка таким тоном, будто трещина и ушибы были отличной новостью.

Видать, она и сама это заметила, поскольку замолчала, а потом вдруг легонько сжала мне пальцы.

– Мне так жаль... – И тут же, смутившись своего порыва, вернулась к первоначальной теме: – А кошель Диты? На отделку можно любоваться часами!

Продолжая болтать, она первой выскочила в коридор.

– Дядя! – раздался оттуда её возглас, и мои ноги примёрзли к ступеням, когда я осознала, что совсем рядом, за поворотом, стоит тот, кого я усердно избегала весь день.

Кровь бросилась в лицо, стуча в ушах, к коленям поднялась горячая дрожь.

Потерев шершавый камень, я осторожно, на полдюйма, выглянула. Бодуэн стоял, заложив руки за спину и глядя на Бланку сверху вниз с непроницаемым лицом.

– Купцы уже побывали у тебя?

– Да, привезли столько всего: ткани, и пояски, и ароматическую воду, и... – Она принялась путано перечислять, но вскоре сбилась и, вдруг встав на цыпочки, обвила его шею руками и звонко чмокнула в щеку. – Спасибо, дядя!

Бодуэн окаменел, и я почти ощутила, как напряглись его мышцы. Мгновение он не шевелился, а потом раздражённо оглядел коридор, словно желая убедиться, что никто не стал свидетелем неуместного проявления родственных чувств, и снял с себя её руки.

– Я рад, – сухо бросил он куда-то поверх её головы и продолжил путь, так и не заметив меня.

Бланка осталась смотреть ему вслед, как-то вмиг потускнев и осунувшись. Когда его шаги стихли, я подошла и встала рядом. Она вздрогнула, словно успела позабыть обо мне.

– Дядя, понимаете, он не любит, когда я... и... я сама виновата, – пробормотала она.

Неожиданно для себя я вдруг чуть сжала её руку.

– Вы правы, Ваше Высочество: там, наверху, было весело.

Она подняла глаза и чуть улыбнулась...

* * *

Рука расправила следующий свиток.

– Это всё? – удивлённо вскинул брови регент.

Тесий только плечами пожал.

– Видать, принцесса боялась затруднить казну.

– Королеве бы побольше таких страхов, – заметил патрон, ставя подпись в конце перечня из трёх свитков.

– Ещё вот там, – указал Тесий на остаток на четвёртом.

– Женщины что, правда всё это носят?

– Вам лучше знать.

Принц усмехнулся и вернулся к самому короткому списку. Кинул его на стол.

– Это никуда не годится. В приданое принцессе напёрсток и кольцо. Так даже в сказках не бывает. Встреться до ужина с купцами и выбери всё, что положено: ткани на смены платьев, украшения, благовония. Возьми Мод... – Он осёкся и потёр глаза ладонью. – Возьми кого-нибудь из дам, пускай помогут.

– Слушаюсь, Ваше Высочество.

– Столько всего, столько всего... – к чему-то пробормотал патрон.

– Простите, Ваше Высочество?

– Неважно, – отмахнулся тот.

Тесий аккуратно собрал свитки.

– Тесий...

– Да?

– Я подумал... – регент откинулся на стуле и покрутил перо, – ты мог бы выбрать что-то и для леди Лорелеи, от себя – то, что сам считаешь нужным. Потом просто впишешь.

– Благодарю, я уже выбрал.

Патрон скользнул взглядом по свиткам.

– Но я не видел...

– Этого здесь и нет. Если у вас всё, могу я идти?

– Да... да, конечно, ступай.

Тесий двинулся к выходу.

– Тесий?

– Да, Ваше Высочество?

– Нет, так, ничего...

Тесий поклонился и вышел, бесшумно притворив дверь.

Весь день замок жужжал, как потревоженный улей. У фрейлин только и разговоров было, что о купцах да обновках.

Вечером гостей усадили за почётный стол, рядом с королевской семьёй. Развлекал всех жонглёр с козой, танцевавшей на задних ногах. Она поворачивалась под хлопки, звеня бубенцами на посеребрённых рогах.

Я со всеми глядела представление, кормя под столом вульписа и дожидаясь, когда королева встанет, и фрейлинам тоже дозволено будет уйти. А она как назло тянула, как тянулись слюни со рта захмелевшего рыцаря справа.

И во мне росло раздражение: на этот пьяный шум, на козий звон бубенцов, но больше всего – на невозможность немедля покинуть зал, слишком тесный, оттого что приходилось делить его с регентом. Казалось, все мои силы уходили на то, чтоб не видеть его. Спасал лишь вульпис, отвлекая просьбами о добавке. И я тянулась к столу, выбирая для него куски повкуснее.

А коза все кружилась и звенела, и этот звон раз за разом бил по ушам.

Наконец её сменила обезьяна по кличке Заноза. Порывшись в жонглёрском мешке, она нацепила тряпки важной дамы и принялась изображать встречу с тайным кавалером. Все так и катились со смеху, глядя, как она строит глазки пажам и тянет губы трубкой, как для поцелуя, а потом она же размахивала ножом, изображая мужа в гневе.

– А сейчас, – объявил жонглёр, – заключительный номер! В честь наших прекрасных дам.

Ряды прекрасных дам оживились.

– Это яйцо Солнечной птицы, – показал он сверкнувший предмет. – Сулит богатство и сохраняет молодость. Заноза отдаст его одной из дам – той, что поражает всех своей красотой!

И хотя «яйцо» до подозрительного напоминало выкрашенный золотой краской каштан, все с интересом наблюдали за забавой.

– Прекраснейшей из дам! – повторил жонглёр, вручая его обезьяне.

Все взгляды сошлись на Занозе. Едва ли хоть одна мартышка до неё обладала такой властью. И едва ли хоть одна так цинично ею пренебрегла: усевшись на пол, та принялась колотить яйцо о плиты. Лавки затряслись от смеха.

- Это ж кто кого дрессирует? – крикнул какой-то остряк.
- С женой ты так же управляешься? – вторил ему другой.
- Да она ему вместо жены!

Покраснев от досады, жонглёр отвесил мартышке тумака. А она вдруг принялась скакать вокруг него, то подпуская ближе, то отпрыгивая – будто дразнясь. Бедняга сыпал бранью, но поймать строптивицу не мог. Та не поддавалась, как не поддавалась попыткам дам подманить её блестящим камушком или соблазнительным фруктом.

Люди уже вовсю веселились, и я тоже, не удержавшись, рассмеялась. Даже Хруст высунулся из-под стола, чтоб выяснить причину всеобщего веселья.

– Прекраснейшей из дам! – заорал внезапно очнувшийся рыцарь по соседству, когда жонглёр совсем выбился из сил, и мартышка сорвалась с места.

Вскочив на ближайший стол, понеслась вперёд. Полетели из-под лап кожурки, опрокинулись кубки, повскакивали, спасая наряды, дамы, взревели в восторге мужчины, а музыканты в галерее над входом принялись наяривать что-то разудалое, накручивая суматоху.

Достигнув конца стола, Заноза оттолкнулась всеми лапами от спящего лицом в рагу оруженосца и перескочила на королевский помост. Слуги кинулись спасать хозяев от оскорбления. Бодуэн спасал виноград, сняв со стола блюдце и проворно обирая кисть. Он глядел на мартышку с любопытством – лишь с пути что-то убрал.

Ловко увернувшись от протянутых рук, та переметнулась на наш стол. Раздавшийся в его начале визг отвлёк меня, и я залюбовалась на леди Жанну, выбирающую изюм из волос. В итоге не сразу заметила, как всё вокруг смолкло, а взгляды сошлись в одной точке. Тоже посмотрев перед собой, я встретила... с двумя карими глазами. Сидящая напротив мартышка склонила голову набок, будто в раздумье, и... протянула кулачок.

Машинально подставив ладонь, я ощутила, как в неё скользнуло нечто гладкое и прохладное, меньше всего напоминавшее скорлупу от

ореха. Чтобы скрыть подмену, я спрятала кулак под стол.

Первым очнулся жонглёр.

– Прекраснейшая из дам! – взревел он.

Зал взорвался свистом и хлопками.

Лишь несколько фрейлин сидели с недовольными лицами, явно не согласные с тем, что в красавицы назначена скуластая черноволосая дева.

– Мартышкин выбор, – фыркнула одна из них, леди Агнес. Сидевшая рядом с ней леди Алина покивала. Обе когда-то дружили с Мод.

Обезьяна тем временем, сонно моргнув, спрыгнула со стола и вразвалку направилась к хозяину. Только что бодрая и быстрая, она стала до странного медлительной и апатичной.

На смену жонглёру пришла жонглёрка в пёстром наряде. Дождавшись, пока все взгляды сосредоточатся на ней, я осторожно раскрыла под столом ладонь. На ней блеснул серебряный перстень, ещё тёплый от чужой руки. В животе завозились змеи.

Убрал что-то с пути? Как бы не так – забрал и подложил.

Глаза сами его нашли. Бодуэн смотрел прямо на меня. И под этим взглядом залу заволокло банными облаками пара, а платье на мне растворилось. Усмехнувшись краем губ, регент поднял кубок в молчаливом тосте и пригубил. А в следующий миг жонглёрка взмахнула ворохом юбок, скрыв его от меня.

* * *

Остаток ужина я думала, что делать с перстнем: вернуть со слугой, оставить на столе или попросту выкинуть. В итоге забрала с собой, всю дорогу чувствуя, как он жжёт даже сквозь пояс.

На полпути, не выдержав, примерила. Он соскальзывал даже с большого пальца, оттягиваемый вниз большим чёрным камнем. Придержав его, чтобы не упал, я продолжила путь.

Замок засыпал, бурля пьяными отголосками, эхом смеха и разговоров, скрипом складываемых столов. Мужской хор во дворе тянул непристойную песню, старательно выводя слова.

Задув свечу, я скользнула под одеяло. Хруст свернулся клубком возле порога, отчего-то изменив своей привычке спать на кровати, и вскоре уснул. Ко мне же сон не шёл. Повертевшись, я высунула руку из-под одеяла и подставила перстень лунному свету.

Что Бодуэн имел в виду? Зачем послал его мне? А может, он шлёт перстни всем, кого навещает в купальне?

Я зло сорвала его с пальца и принялась рассматривать. И чем больше смотрела, тем сложнее было оторвать взгляд. Казалось, камень собрал всю черноту ночи, не пуская ни лучика внутрь. Я игралась, поворачивая его так и сяк, примеряя на разные пальцы. Поскребла ободок: чернь с серебром – как у нас на гербе... Мысль эта ударила под дых. Бодуэн ведь не... нет, невозможно!

Додумать не дал проснувшийся вульпис, тоненько заскулив.

– В чём дело, малыш? – подняла голову я.

В ответ он принялся скрести дверь.

– Хочешь выйти? Тогда уже до утра, я запрюсь.

Нехотя поднявшись, я растворила створку.

Зверёк выбежал за порог и обернулся ко мне.

– Что такое? Нет, я с тобой не пойду...

От раздавшегося скулежа заложило уши.

– Ну, ладно-ладно, дай только что-нибудь накину. Но если всё из-за какой-нибудь вульписихи-вертихвостки...

Вскоре я уже шла за ним, дивясь сама себе и гадая, что ему могло понадобиться среди ночи. Возле рабочей комнаты замедлила шаг, услышав внутри возню. Приоткрыв створку, заглянула туда. В комнате царил темень, и лишь на фоне окна двигались две тени – одна на другой.

На вцепившейся в подоконник женской руке сверкнул изумрудный перстень. На накрывавшей её сверху мужской – алый.

Тихонько притворив створку, я вернулась к ожидающемуся у спуска на лестницу Хрусту, лаем попрекнувшему меня за заминку.

Спустившись на первый этаж, он выбежал во двор и свернул к саду. Во мне шевельнулось подозрение, полностью подтвердившееся, когда он вывел меня к мосту и застывшей на нём фигуре. Она не шелохнулась, когда вульпис подбежал и с гордым видом уселся у ног.

– Предатель!

Хруст сконфуженно шевельнул усами. Взглянул на фигуру и вновь на меня, будто вопрошая, а что, собственно, не так.

– Тоже вышли на прогулку? – осведомился Бодуэн.

Он стоял, облокотившись о борт. Ветерок шевелил обрамлявшие лицо пряди и полы одежд.

– Скорее, избавиться от одной вещи, – вынула я перстень.

В ответ регент извлёк сверкнувший предмет:

– Обмен?

И на какой-то дикий безумный миг мне почудилось, что он вертит в пальцах золотой мяч, а на лице его алеет отблеск камина...

Хотите секрет?

Но вот он поместил предмет на борт, легонько катая ладонью, и я узнала «яйцо».

– И часто вы крадёте у мартышек?

Он тихо рассмеялся.

– Лишь ради полночных свиданий в саду. И чтоб развеселить вас.

Я осеклась, нахмурившись.

– И зачем вам это?

– Хотел увидеть, как вы смеётесь. К тому же мы с Занозой в согласье о том, кому должно было достаться яйцо.

– А что ждёт тех, чьё мнение расходится с вашим?

– Вы сегодня слишком злы. Вам платье случайно не жмёт?

– С чего бы это? – процедила я.

В ответ он скользнул по мне взглядом, ясно говорившим, что видит он отнюдь не бархат, а влажное нагое тело с налипшим повыше соска листиком мелиссы. И увидит его отныне под любым моим нарядом.

В ушах некстати зазвучали недавние стоны.

– Вчера без него вы были добрее...

– У вас нет стыда.

– Что вы, миледи, я и сам не знал, куда деваться от смущения те оба раза, что вы вдруг принимались обнажаться при мне.

– Вы умело скрывали смущение.

– Принцев с детства учат держать лицо, – с достоинством отвечивал он.

– То есть совести у вас не было уже тогда.

Я и сама понимала, что нарываюсь, но остановиться не могла. А Бодуэн не осаживал, будто приглашая заходить всё дальше, нарушая границу.

– Быть может, в этом мы схожи? – помолчав, ответил он.

И снова глянул так, что мне стало тесно в моей собственной коже.

– Перестаньте...

– Перестать что?

– Смотреть так, будто на мне нет платья.

– Тогда почаще напоминайте мне, что оно на вас есть. И красивое, к слову... Но не лучше того, что под ним.

Я быстро глянула исподлобья.

– Чего вы от меня хотите?

– Это предложение?

– Это вопрос.

Он беззаботно подкинул «яйцо».

– И мне, помнится, уже доводилось на него отвечать.

– Я привыкла делать выводы из поступков.

– И о чём же говорят мои?

Бодуэн снова подбросил яйцо и, поймав, пустил змейкой меж пальцев. Проследив знакомый трюк, я отвернулась к воде.

В чёрном стекле пруда металась рыбка-огоньки, на том берегу тихо качались камыши, а в кустах нарастала нервная трель овсянки.

– А знаете, – покрутила я подарок, – хозяин любил этот перстень. Видите потёртость? Его часто носили. И серебро не потемнело. Да... кольцо ему явно нравилось. И он кольцу тоже: они прекрасно подходили друг другу. Составляли идеальный тандем. Как жаль, что он его потерял!

Бодуэн подался ко мне, но я уже размахнулась и зашвырнула перстень в пруд – мы вместе проследили полёт. Он с гулким плеском врезался в воду, распугав светящихся рыбок, и тотчас камнем пошёл ко дну. И в тот же миг я протрезвела.

В молчании мы наблюдали, как кольцо опускалось на дно, пока окончательно не скрылось из виду. Миг-другой висела тишина. А потом Бодуэн повернул ко мне лицо.

– Привыкли швыряться вещами? – вкрадчиво спросил он, белея глазами, и волосы у меня встали дыбом. Не дав опомниться, он шагнул вперёд, потеснив меня к борту.

– Спрашивали, чего я хочу? – он провёл костяшками по скуле. – Я покажу вам... прямо сейчас.

Голова закружилась от того, как близко он стоял. Словно в трансе, я ощущала, как рука скользит по шее, ключицам, вниз, к груди. Когда она почти коснулась выреза, я поднырнула и кинулась вперёд по мосту, запоздало поняв, что сама отрезала себе путь в замок.

В спину ударил надрывной вой Хруста. Мельком обернувшись, я увидела, что вульпис вскочил на бортик моста и вскинул морду к небу. Лисий силуэт на фоне ущербной луны.

А Бодуэн отправился за мной, не торопясь, уверенный, что куда-то я не денусь из его владений. Глаза горели в сумерках, полы одежд развевались. К нему уже стягивались звери со всех концов парка – в траве тут и там шуршало, а над головой начала заворачиваться корона из воронья, оглашая карканьем ночь.

И я вконец утратила разум. Мчалась, не разбирая пути. Вперёд толкал древнейший инстинкт добычи – бежать. Я ломилась сквозь кусты, оскальзывалась на мостках, огибала статуи и проваливалась по колено в воду, где жирной плёнкой застыла луна. Кровь гремела дыханием мастиффов, сердце стучало, как сокольниковый о кусты, а вой зверей позади походил на гиканье охотников в азарте.

Когда я попыталась свернуть обратно в замок, нахлынувшее воронье крыльями и галдежом вернуло меня на прежний маршрут.

Вскоре я совсем выбилась из сил – мокрый подол хлопал о ноги, в груди и горле горело. Запыхавшись, я влетела на площадку в дальней и, по-видимому, самой старой части парка. Здесь доживал свой век скульптурный ансамбль, неся стражу вокруг солнечных часов, выступающих из центра и полузаросших травой. Всё дышало запустением. Статуи покрывала плесень, изъев струпьями фигуры в коронах. Прежние короли... Даже после смерти обречённые быть здесь – теперь уже в мраморе – пока окончательно не рассыплются в прах. В темноте журчал ручеёк.

Где же укрыться? Заметавшись взглядом, я заметила грот в глубине: колонны-девы с голой грудью по бокам, а над входом свисает край дёрна, почти касаясь земли. Туда и бросилась.

Забившись поглубже, сжалась в комок и обхватила колени, пытаясь унять дрожь и бешеный стук сердца, казалось, разносившийся

на многие мили вокруг и выдававший меня с головой. Спина коснулась холодных прутьев решётки.

Все внимание сошлось на пролеске. От напряжения рябило в глазах и ныло в затылке...

Но время шло, а ничего не менялось. И ни звериного воя, ни крика птиц... Напротив, природа вдруг смолкла: исчезли шорохи, не трепетал ни единый листок, стало тихо-тихо, и лишь вода продолжала капать, словно в мире не осталось ничего, кроме этого звука и моего прерывистого дыхания.

Может, удалось оторваться?

Но стоило так подумать, как в пролеске замелькали тени, и вперёд выступил силуэт. Неторопливо выйдя на площадку, Бодуэн огляделся, похожий на одну из статуй, самовольно сбежавшую с поста и теперь вернувшуюся обратно. Глаза по-прежнему горели белым огнём.

Небрежный взмах руки, и звери оцепили поляну, отрезав пути.

Регент двинулся вдоль скульптур, вытянув руку и слегка касаясь их кончиками пальцев.

– Знаете, в детстве мы с братом частенько здесь играли. Особенно в прятки. Вот тут он как-то оступился, а там – порвал рубаху... С Хенриком было скучно. Он прятался очевидней некуда, быстро уставал и злился, когда я его находил. А однажды заявил, что он будущий король, а потому повелевает мне его не видеть... – Остановившись, Бодуэн смерил взглядом статую предка, стараниями ветра и дождя превращённого в однорукого безносого калеку, посмотрел на свои позеленевшие пальцы и двинулся дальше.

У меня же против воли нарисовалась картина: двое рыжеволосых мальчишек играют в клубах тумана, прячась за жуткие статуи дедов.

– Но я всё равно находил. А выдавали детали: качнулась ветка, примялась трава... Не мне вам объяснять: из мелочей рисуется картина... – усмехнулся он.

Что-то с гулким плеском упало в ручей, и регент резко обернулся на звук. Вслушивался миг-другой и продолжил как ни в чем не бывало, будто неспешно прогуливался со мной бок о бок, а не загнал куда-то в нору, где за шиворот капало с потолка. До ломоты в зубах хотелось передёрнуть плечами, но я не смела, терпя.

– А Хенрика мелочи раздражали. Верно, тем, что были... – Сапог завис над следом в грязи, где я недавно поскользнулась, и аккуратно

его переступил. – ...мелочны. Не пристало королям вникать в детали. И всякий раз, когда я его находил, брат говорил, что он сам поддался, потому как прячутся только трусы... Но вы ведь не из трусливых, верно, Лора?

Потянувшись, он снял что-то с куста. Вглядевшись, я узнала... кисточку. Рука метнулась к поясу, где та совсем недавно висела, и грот огласился эхом. Я застыла ни жива ни мертва, прижав ладонь ко рту, но Бодуэн, видать, не услышал. Чуть встрепав бахрому, он принялся раскачивать кисть, наматывая нить на палец и вновь разматывая, и с каждым шагом подбираясь всё ближе к гроту. Я замороженно следила за подолом, с шелестом стелящимся за ним по траве волглым мехом.

Звери тоже наблюдали за рассказчиком, как в моём сне, светя глазами из темноты.

– Вам там удобно? – вдруг спросил он. Я вздрогнула, решив, что обнаружена, но он смотрел на намотанную на палец нить. – Надеюсь, вы не лишились чувств, как леди Алина при виде куницы? А то, быть может, я ошибся, и место вам – за прялкой среди других анемических дев?

Внутри вскипел гнев, на миг ослепив, но я вовремя спохватилась, сообразив, что Бодуэн это нарочно.

– Последний шанс вам выйти самой.

Не дождавшись ответа, он тихо рассмеялся, и этот звук отдался во мне странной дрожью.

– Что ж, пеняйте на себя: придётся вас наказать. Сперва – за ваш дерзкий язык.

От этих слов дрожь вдруг переплавилась в жар, а кожа вспомнила его пальцы. Я принялась выкручивать подол.

– Затем – за то, что сбежали, заставив гнаться в такую даль...

Каблук вмялся в землю в какой-то тройке ярдов от грота. Щёки горели, дышалось с трудом, а внутри нарастало двойственное чувство: одна часть меня кричала о том, что надо вскочить и бежать. Бежать без оглядки. Тогда как другая умирала от странного болезненного желания выйти ему навстречу. И чем ближе он был, тем сильнее становилось напряжение.

– И наконец, за кольцо. Вы были правы: оно мне симпатично.

Шаг... другой, и он миновал грот, удаляясь теперь в обратном направлении. Отведя ото рта дрожащую руку, я тихонько перевела дух.

– Всё это, конечно, если мне удастся его найти. Оно далеко закатилось... Но я люблю искать и отыскивать. И знаете почему? Победителю полагается награда.

Внезапно он развернулся и посмотрел прямо на грот. Я отшатнулась, вжавшись спиной в прутья. Раздался страшный скрип, и решётка вдруг поддалась под моим весом. И я ввалилась, вползла в открывшийся ход на карачках, спеша убраться от того, кто внушал мне сейчас такой ужас. Кое-как поднявшись, полетела вперёд, пригибаясь и боясь, что он пустит следом зверей. Сам-то точно не полезет, да и не пролезет. Но он не пустил, как вскоре стало ясно. Как стало ясно и то, что ход всё не собирается кончаться.

В ногах хлюпало, к лицу цеплялась паутина. За время пути я успела не только успокоиться и отдышаться, перейдя на шаг, но и напитаться тем липким чувством, что зарождала крошечная тьма. Как ни старалась его гнать, оно заползло под кожу, проникло в подкорку, и где-то далеко, сорвав замки с темницы памяти, понёсся огонь... Я потрянула головой, но рёв стихии было уже не остановить: крошились перекрытия, взметались искры, кричали люди, втыкались мечи. Сама того не заметив, я ускорила шаг, потом побежала, шаря руками по стенам и все пытаясь откашлять влажное тепло, забивавшееся в нос и мешающее дышать.

«Лора, сюда!» – дёргает меня рука, и я падаю на колени, рассаживая их. Впереди маячит спина.

«Людо, подожди!» Ранки горят, во рту горький привкус.

Тряхнув головой, я вылетаю за поворот. Где же выход?!

«Шевелись же!» Я бегу из последних сил, не в силах думать ни о чём, кроме шума над головой, и всё пытаюсь дотянуться до руки брата. В грудь бьёт талисман.

«Постой, мать велела снять!»

Я судорожно сдираю с себя кругляш, запоздало поняв, что держу в руке ком паутины. Бодуэн, звери... бежать... от этих голосов, криков Хольги и плача Артура...

Но как я ни бегу, они ещё быстрее. Настигают, накатываясь волной, заставляя ноги вязнуть, а лицо гореть от жара, растекающегося по закоулкам памяти струями огня.

...Господин, там мой сын! Там остался мой мальчик, господи...

*Моя дочь никогда не плачет...
Первый этаж прогорел, ему не помочь, спасайся сама, Хольга!..
...Нет, мой сын! Мой сын!..
...К ней ни один не приблизится, пока я жив, отец...
...Лора, мне больно! Праматерь, как же больно!
Я здесь, Артур, здесь!..
...Больно! Больно! Больно!
Ты одна, мышонок?..
...Только матрас успевай менять...
Мой сыыын!!!
...Это, как кусок мяса...
Да будут дни их кратки, а достоинство поругано...
Ты правда считаешь меня озлобленным?..
А ну, стойте, звёреныши!*

Сквозь огонь вдруг проступает силуэт, и я бегу к нему... или от него? Я уже не понимаю... Пряди мужчины стекают по плечам расплавленным золотом, поджигая мой мир.

Пальцы вдруг хватает холодная рука.

«Людо», – с облегчением выдыхаю я и встряхиваю головой. Брат здесь, он поможет, и вместе нам никакая тьма не страшна...

* * *

Когда корочки на губах подсыхали, Людо снова сдирал их и слизывал солёные капли. Боль отрезвляла, вынимая из сонного отупения. Поначалу он пробовал разминаться, но быстро бросил затею: потолок низкий, не выпрямишься, рёбра ноют, а цепь путается в ногах. Цепь-то на хрена?

Кормили дважды в день, значит сутки уже позади. А как будто год. Он до упора качнул языком шатающийся зуб, подержал, пока темница не расцветилась алыми кругами, и отпустил. Багряные всполохи завертелись по спирали, впитываясь в черноту и увлекая его за собой в состояние между сном и явью, из которого спустя время выдернуло шелестящее скольжение цепи по полу и ощущение чужого присутствия.

– Кто здесь? – позвал Людо и в тот же миг почувствовал знакомый запах кожи и мыла. – Лора, это ты?

– Это я, – ответила тьма голосом Лоры, и вокруг шеи обернулась прохладная тяжесть звеньев.

– Почему ты здесь? – Он осёкся, поражённый догадкой. – Они и тебя посадили? Всё поняли?

– Нет, – тихо рассмеялась она, накидывая на шею новый виток и притягивая его ближе, так что губ коснулось тёплое дыхание, – тут только ты. Знаешь ведь, что мне хватило бы мозгов что-нибудь придумать и не попасться.

Людо опустил глаза, хотя видеть ничего не мог, и недоумённо тронул цепь.

– Что ты делаешь?

– То, что давно следовало сделать тебе, – вздохнула она, снова отодвигаясь. – Не представляешь, как это утомительно смотреть на тебя каждый день и притворяться...

– О чём ты? – напрягся он и перехватил руки, потянувшиеся в третий раз.

– Сам прекрасно понимаешь. Ты с дефектом, Людо, и как бы ни старался, сколько бы ни тренировался, всё бессмысленно, природу не обманешь. А твоя природа слаба. Слабакам не место рядом со мной, поэтому сделай одолжение: сдохни здесь, чтобы я могла найти кого-то получше.

– Возьми свои слова назад!

– От того они не станут меньшей правдой. Я это знаю, ты знаешь, и отец знал, и умер он вовсе не от яда, а от позора...

Людо с рычанием повалил её на пол, быстро размотал цепь и вжал в тонкую шею. Лора хрипела и извивалась, упираясь в него острыми коленками, но сбросить не могла. Соппротивление лишь подстёгивало.

– Возьми... слова... назад, – он вдавливал цепь всё глубже, пока шевеление под ним не прекратилось.

Недолгую эйфорию от победы смело волной леденящего ужаса. Людо отшатнулся, выпустив цепь и тяжело дыша.

– Лора? Лора, прости, я не хотел!

Он подполз к тому месту, где она лежала, шаря дрожащими руками, но наткнулся на пустоту.

– Лора, вернись... вернись, я не хотел!

Сознание медленно прояснялось, густая безмолвная чернота снова давила со всех сторон и распирала изнутри, пересохшее горло горело огнём. Людо, шатаясь, поднялся и, перебирая руками по стене, добрался до угла, где стояло два ведра – для отходов и питьевое на все три дня. Потянулся зачерпнуть воды из второго и отдёрнул пальцы, наткнувшись на мягкую шевелящуюся массу. Грёбаные крысы! Твари постоянно рвались к воде, повинаясь какому-то внутреннему инстинкту, и тесно облепляли обод ведра, сколько ни стоняй. Людо в сердцах пнул его и сполз по стене.

Вода с шумом выплеснулась из опрокинутого ведра, унося в своём потоке повизгивающих грызунов. Хоть небольшая передышка, потом опять вернуться...

Болело укушенное предплечье, в груди покалывало, словно мешанина поломанных рёбер тыкалась острыми краями в лёгкие при каждом вдохе, по спине то и дело пробегал озноб. Проваливаясь и выныривая из забытья, он ловил себя на судорогах.

Стражник замер, в который раз услышав странный шум из-за запёртой двери. Сперва невнятные тонкие всхлипы, потом вроде как мычание и более низкие интонации в ответ.

– Эй, парень! – стукнул он в дверь тупым концом алебарды. – Ты там часом не сбрендил?

Пауза, мычание, и знакомый злой голос:

– Да пошёл ты!

Стражник открыл заслонку, на всякий случай отодвинувшись подальше – лишних глаз у него нет, – и с чувством глубокого удовлетворения вывалил на пол кашу, а следом кинул хлеб.

– Жрать подано.

Шваркнул заслонкой и ушёл, громко гогоча над своей шуткой – не потому что было особо весело, а чтоб заглушить неприятное чувство, заставлявшее поскорее перебирать ногами.

* * *

Я очнулась от яркого света. По крайней мере мне он показался ярким после тьмы, в которой я провела Праматерь знает сколько. Стена с щелчком встала на место, окончательно меня пробудив. Я

обернулась, но не нашла даже щели в том месте, откуда только что вышла. Кстати, вышла куда? Оглядевшись, я поняла ответ: свечи в часовне не гасили даже ночью. Повсюду вверх тянулись подагрические пальцы воска, словно указуя на ту, кому здесь надлежало поклоняться. Даже во рту от дыма горчило. А ведь каждая свеча по полдень – это целых две буханки...

От усталости всё мешалось перед глазами, тело ломило, и мечталось лишь о тёплой постели. Под конец я брела уже в полудрёме, и если б не Людо... Я взглянула на руку так, как если б её и впрямь остаток дороги держал брат, направляя, как тогда, когда мы бежали из замка.

Собравшись с силами, я сошла в проход, но замерла, услышав наверху клёкот. Там, в балках потолка, какая-то птица свила гнездо. Было видно лишь, как копошилась тень – то ли беспокоясь за птенцов, то ли пока в ожидании их появления.

– Не бойся, я уже ухожу.

Взгляд заскользил по покрытым копотью стенам. Ах да, Тесий ведь упоминал про приключившийся здесь пожар...

Я уже хотела двинуться дальше, как вдруг снаружи раздался звук шагов. Насторожившись, я юркнула за передний ряд лавок. Как раз вовремя – на пороге показалась тень.

Но переступить его не спешила.

– Не бойтесь, Лора, – сказал Бодуэн, как я совсем недавно птице, – я вас не трону.

«Уже не трону», – читалось между строк.

На сей раз он пришёл один, да и глаза уже приняли обычный вид, но показываться я не собиралась. Конечно... нелепо было думать, что он не знал, куда ведёт ход.

– Не глупите – застудитесь, – снова попытался он, так и не дождавшись ответа.

Меня и впрямь бил озноб, зубы стучали – от пола и стен нещадно сквозило, промокший подол холодил.

Подождав ещё немного, он со вздохом отстегнул плащ и перекинул через лавку последнего ряда.

– Не сидите там долго: ночи ещё холодные.

Лишь когда шаги стихли вдали, я прикрыла глаза и сползла спиной по лавке.

Какое-то время сил не хватало даже встать. Наконец я поднялась и побрела к выходу, шатаясь, как мэтр Фурье после кабака. Уже на пороге помедлила и вернулась к крайнему ряду. Подняв с лавки плащ, застыла, зарывшись лицом в мех и втягивая запах. Постояв так какое-то время, укуталась в него и вышла наружу.

Небо слезилось мириадами звёзд, мир дышал тишиной и покоем. Благость разлилась повсюду, не достав только до меня: на душе скребли кошки, хоть и удалось сегодня сбежать. Потому что внутри где-то знала – не удалось. Ещё никому не удавалось сбежать от себя.

– Ваше Высочество, ваш ведь?

Служанка втиснулась в башенную комнату с утра пораньше смущённо, бочком.

Бодуэн поднял голову от свитка, поглядел на ношу, которую та держала бережно, точно дитя, и кивнул на стул.

– Положи туда.

Забавляясь, смотрел, как она аккуратно укладывает плащ, расправляет складки, отряхивает мех...

– Где был?

Девушка зарделась вконец.

– На статуе... той, что подле трапезной: голый, и с дубиной. Им... им срам евойный прикрыли.

Сказала и быстренько глазки опустила, будто испугавшись собственной смелости. Только глазки эти нет-нет да поигрывали шельмовски.

– Ясно, ступай.

Девушка поклонилась и исчезла за дверью, кинув последний смешливый взгляд.

Бодуэн посмотрел на плащ, хмыкнул и вернулся к документу.

* * *

После ночи в саду я была готова к чему угодно... только не к тому, что Бодуэн вдруг оставит в покое. Весь остаток недели мы если и встречались, то случайно. Это и встречами-то нельзя был назвать: то на мессе поверх голов, то в галерее, где он был среди лордов, а я в толпе фрейлин, то во дворе, когда он отлучался куда-то на лодке. А он теперь почти каждый день куда-то отлучался, приучив меня по одним лишь интонациям собачьего лая отслеживать его перемещения. Он даже трапезы теперь пропускал. Про меня и вовсе, казалось, забыл. По крайней мере ни разу я не поймала на себе его взгляд, как то бывало раньше.

Сперва я напряглась, ожидая подвоха, затем возликовала и наконец испытала досаду, которую не могла объяснить даже себе. Всё ведь с виду было хорошо, и оставалось лишь дожидаться Людо и ответа ювелира...

Вечерами тех дней, когда он ездил куда-то на лодке, я взяла в привычку спускаться к каналу и подолгу смотреть на воду, представляя, как сматываю нить, другой конец которой привязан к его лодке. Сматываю, подтягивая её всё ближе к замку... Но едва слышав плеск и суету в переднем дворе, уходила к себе, не дожидаясь подъёма решётки.

А ночами меня по-прежнему ждал Гость. Сны о нём не прекратились, хоть я и не понимала почему, ведь живой настоящий Бодуэн вот он, рядом. Тем не менее еженощно я приходила в трофейную нашего бывшего замка. А однажды я оказалась там не девочкой, а нынешней собой, причём прекрасно всё помня.

Когда я вошла, Гость сидел на шкуре напротив камина, трепля за ухом устроившуюся у него на колене Никс.

Обернувшись на шум, приложил палец к губам.

– Опять ты здесь! Почему не уйдёшь? Почему не хочешь оставить меня в покое?!

– Ты сама приводишь меня сюда, Хамелеонша.

– Неправда! Уходи, выметайся из моего сна!

Рванув дверь, я выбежала наружу и едва не ослепла от брызнувшего в глаза жара камина.

– Убедилась? – хохотнул Гость, взирая на меня снизу вверх своими белыми очами.

Не поверив, я выбегала снова и снова, пытаюсь попасть хоть куда-то, кроме трофейной, но раз за разом оказывалась подле камина. Наконец, выбившись из сил, плюхнулась рядом с Гостем на шкуру.

Запустила руку в шерсть Никс, чувствуя, как много её остаётся в пальцах. Осторожно потрогала нос, коснулась тяжело дышащего бока – эту зиму она вряд ли переживёт... Наткнувшись на чужие пальцы, отдернула руку. Наши с Гостем взгляды встретились, и в руке его сам собой оказался золотой мяч, ловя зеркальными боками тени и наши искажённые лица. Он приподнял брови, и сердце пропустило удар. Схватив мяч, я швырнула его в угли и не дыша наблюдала, как из каменного колпака стекает столб огня, на ходу отливаясь в лапу с

дрожащими от жара чешуйками, как она с шорохом впечатывается в угли и как гранёный коготь отправляет его назад, приглашая в игру...

В остальном же это была до странного обычная неделя. По сути, всё, что от меня требовалось, это есть, спать, гулять да вышивать. Даже королева оставила меня в покое, видимо, решив мужественно взять на себя супружеский долг. В первые день-два я ещё размышляла, какие варианты, кроме алмаза, могли бы приблизить нас с Людо к цели, но ничего другого в голову не шло, и я смирилась с тем, что остаётся просто ждать. Я даже Зои и Альбрехта навестила. Он вырезал мне гребень, не принять который значило бы его обидеть. А мне ведь это не с руки... К тому же как ни старалась я невзлюбить подарок, как и всё во владениях Скальгердов, гребень был мне к лицу... И надевая его на прогулку, я старалась не думать о том, какой была бы реакция Людо, если бы он его увидел. Он бы точно этого не одобрил. Как и всю неделю.

Ещё от безделья я продолжала делать ванночки с молоком, а после того, как Дита на прогулке заметила мои искусанные губы и одолжила настойку полыни, стала мазать их каждый вечер. Горечь была такая, что першило в горле, зато не было искушения слизнуть. В какой-то момент показалось, будто я и впрямь леди Лорелея Грасье, живущая в этом замке и не знающая большей заботы, как дождаться брата из темницы.

Как-то так сложилось, что после мессы мы с Бланкой вместе отправлялись на завтрак и вместе же садились в рабочей комнате. В обед к нам присоединялся Тесий, и мы все втроём шли в сад или на стену гулять. Верней, вчетвером – ещё и Дита, почти никогда не разлучавшаяся с принцессой.

Вот и сейчас они вдвоём шли впереди, а мы с Тесиём, поотстав, вели беседу, стараясь не замечать их многозначительных улыбок и шепотков. О произошедшем во время моего визита к нему оба молчали, но я замечала, что что-то в нашем общении переменилось. Как-то раз даже нарочно попыталась вызвать в себе злость, представив, как он помогает Бодуэну совершать злодеяния, однако теперь что-то в этом образе не стыковалось.

– Что-то хотели сказать?

– Я слушала вас.

– Пожалуй, тут больше ничего не добавишь: сыр сварен, масло сбито, впереди прополка и стрижка овец.

Знали бы кидающие на нас лукавые взгляды принцесса с Дитой, о каких романтических материях идёт речь.

– Вы уже готовы к празднику мая?

– А к нему нужно как-то готовиться?

– Примерно, как вы: нарядиться и быть красивой, – взъерошил себе волосы Тесий и переплёл пальцы за спиной.

Какое-то время мы продолжали путь молча.

– О чём задумались?

Я вздрогнула, внезапно осознав, что прислушиваюсь к поднявшемуся в переднем дворе лаю, обычно возвещавшему прибытие лодок.

– Ни о чём.

– Вы очень сосредоточенно думали ни о чём. Кстати, порка завтра.

Я сжала пальцы. Заметив это, он добавил:

– Вам необязательно на ней быть.

– Хорошо, что виновных накажут, – холодно ответила я.

Тесий вздохнул.

– Что, – отодвинулась я, – считаете, виноват был мой брат?

– Считаю, что нет плохих и хороших, Лора. Люди – как ваши картины: понемногу каждой краски.

– Как насчёт гризайли?^[61]

– Даже в гризайли есть полутона, разве не так?

– Что же тогда по-вашему зло? Или в этом вашем мире полутонов чёрной краски вовсе нет?

Да когда же эти собаки замолчат!

Тесий отнёсся к вопросу серьёзно. Замерев возле куста шиповника, рассеянно сорвал цветок.

– Зло не сомневается, – ответил он наконец. – Зло слышит только себя, зло почитает только себя. Такие люди и мысли не допустят, что могут быть в чём-то неправы.

– А что же ваш патрон? Уж он-то наверняка лучше всех умеет соблюдать полутона, – парировала я, мгновение назад и не подозревавшая, что стану говорить о Бодуэне, а сейчас не в силах

остановиться и испытывая потребность о нём говорить. – В ваших глазах он, должно быть, образец во всём.

– Его Высочество тоже совершает ошибки, но много реже других. А ваша горячность – от юности. Или он вас чем-то... обидел?

Я осеклась, сообразив, что должна быть благодарна тому, кто избавил Людо от завтрашних плетей.

– Простите, милорд, – фальшиво выдавила я, опустив взгляд. – Просто волнуюсь из-за порки. Это не то зрелище, на которое я бы желала смотреть.

– Вы можете не ходить, – напомнил он.

– Меня пригласил лорд юстициарий.

Тесий снова вздохнул.

С трудом сдержав раздражение, я сделала движение к замку.

– Мне пора.

– Погодите: мне бы не хотелось, чтоб вы уходили вот так, сердясь на меня.

– Об этом не может быть и речи. Вы ни в чём не виноваты, милорд, – сдержанно поклонилась я и направилась к паласу, мельком успев увидеть огорчённое лицо Бланки.

Она всегда огорчалась, когда мы с Тесиём ссорились. А надо сказать, редкая прогулка обходилась без этого. Уж слишком мне претила манера секретаря ускользать в диалогах, как вода сквозь пальцы. Прежде я без сомнений сочла бы это трусостью: Тесий и мечато в руках толком никогда не держал, чем, к изумлению моему, гордился. Но обезоруживал без него. Своим спокойствием и миролюбием, привычкой вглядываться в суть вещей и знаниями, которыми охотно и обстоятельно делился. Не сразу, но я ощутила в этом своеобразную силу.

Так что с секретарём оказалось не всё так просто. Хоть речи его и были противны всему, чему меня учили с детства, имелась в нём какая-то цельность, не могущая не вызывать уважение. И поостыв, я вновь тянулась к нашим разговорам.

Вот и на сей раз я сама подошла к нему после ужина, и мы помирились. Бодуэн на нём так и не появился.

Дверь распахнулась, и в башенную комнату влетел блондин с перевязанной щекой. Следом вбежал стражник.

– Простите, Ваше Высочество, не успел удержать.

Регент жестом остановил его.

– Все в порядке. Что у тебя за дело ко мне, Киллиан?

– Они собираются нас пороть! – возмущённо сообщил оруженосец. – Меня, Юстина и остальных...

– Да, – спокойно согласился принц, – таково было решение лорда юстициария.

– Но... – блондин в замешательстве тронул щеку, – Грасье ведь... и вы сами... вы же разрешили проучить его!

– Ты меня с кем-то путаешь, – холодно заметил регент. – Я лишь сказал, что соперников надо ставить на место и что кузня будет вечером свободна, а уж что ты там себе додумал, меня не касается. За ошибки нужно платить, Киллиан. – Он сделал короткий знак, и на сей раз оруженосец не сопротивлялся, когда его уводили, только вяло перебирал ногами и то и дело оборачивался, но принц уже снова погрузился в бумаги.

* * *

Я проснулась до света, не сразу поняв – зачем. Вспомнив про порку, покривилась. Вставать категорически не хотелось, смотреть, как лупят других – тем паче. Хорошо хоть завтрак лишь после: мне сейчас не то что кусок – глоток воды в горло не лез. Вздохнув, я вылезла из постели и наскоро собралась.

Синий свет залил двор, застеклив, как корочкой. Мир замер в преддверии рассвета – рубежа утра и ночи. На востоке горела полоса, раскроив небо рубцом – будто след от небесной плети. Сквозь дымку вдали проступал хребет гор.

Люди уже толпились, зевая и зябко ёжась. Поискав глазами Бодуэна, я поняла, что его тут нет и наверняка не будет. Ещё бы: он

ведь любит популярность, а она как-то не вяжется с таким грязным делом, как порка. То ли дело спасти народ от проклятья. Встав рядом с помостом, я вперилась в него, стараясь не смотреть вокруг. Какой-то мальчишка рядом грыз яблоко, и этот хруст бил по ушам. У женщин были ленты и цветы в волосах. А они-то зачем? Скорей бы уже началось! Нет – лучше чтоб поскорей закончилось...

Виновных вывели цепочкой. Не было лишь того, что со сломанной рукой – ещё не оправился, и его наказание перенесли. Оруженосцы моргали и тёрли лица, будто до конца не веря в то, что сейчас произойдёт. Из одежды на них были лишь штаны да рубахи. Киллиан шёл с перевязанной щекой, мальчишка-паж дрожал, как осиновый лист, и тёр ступней ногу, пытаюсь согреться.

Палач скрёб подбородок грязным ногтём: как-никак предстоит знать пороть, как бы чего не вышло. И на лбу его виднелось раздумье: лупить, как обычно, аль придержать?

Председательствовал лорд юстициарий, которому Бодуэн оставил всю грязную работу. Прозвучал приказ снять рубахи. Приговорённые повиновались, выставив на обзор тела в синяках – свидетельства той драки, уже отцветающие в буро-жёлтый. Кожа была бледная, не знавшая загара.

Начали со старших. Не знаю, что страшней: самому терпеть удары или смотреть, как порют других и ждать, пока дойдёт до тебя.

Первый щелчок – и сразу серый след. Их было ещё много, этих следов и лопнувшей кожи. Я смотрела, часто дыша через рот. И с каждым ударом в животе холодело. Старшие глухо стонали, паж визжал, как девчонка, выгибаясь всем телом и подымаясь на носки. Жестокий театр с кожаной змеей в главной роли. Ссора плети с телом, где силы неравны, а каждый укус – на потеху толпе.

Мне их не было жаль, но от этого не легче было смотреть.

Хотя не сравнится с тем, что когда-то видала, где сперва порка, а потом – на жару и в колодки, так что бесстыже развалена раскровленная, засиженная мухами плоть.

– Довольны, миледи? – проскрипел над ухом лорд юстициарий, когда всё закончилось.

– Вполне, милорд, – поклонилась я, борясь с тошнотой.

Уводили их тоже цепочкой.

– Ещё попляшешь, стерва, – сплюнул мне Киллиан под ноги.

На завтрак я не пошла. Какой уж тут завтрак. Сразу засела в рабочей комнате среди пустых лавок и брошенных прялок. Вышивка не клеилась, я лишь исколола пальцы и изорвала ткань, испортив то небольшое, что было сделано сносно – во многом благодаря советам Бланки.

Не знаю, сколько так просидела, как вдруг дверь распахнулась.

– Тесий, она здесь! – крикнула через плечо застывшая на пороге Бланка. – Что вы тут делаете? – добавила она, повернувшись ко мне.

– Вышиваю.

– Праматери ради, зачем?! Сегодня же праздник! Все уже во дворе.

– Праздник? – вяло откликнулась я.

– Конечно: майский день.

Ах да, так вот к чему были те ленты и цветы в волосах...

Я воткнула иголку в шитьё и протянула через ткань.

– Я на него не пойду.

– Но почему?

– Мне нужно дождаться брата.

– Он сможет найти вас там.

Я только головой покачала.

– Нет, это никуда не годится! – всплеснула руками Бланка. – Хоть вы её образумьте, – повернулась она к подошедшему секретарю.

– Вы умеете плести венки? – серьёзно спросил тот, переступая порог.

– Что? Умею...

– А я вот нет, – ещё серьёзней заявил он. – И всю жизнь мечтал научиться.

– И зачем вам?

– Это так... успокаивает после трудового дня. Принцесса вот тоже хочет. И тоже не умеет, правда?

Бланка покивала, закусив губу.

– Ну... хорошо, – я едва сдержала смех, представив, как Тесий вместо доклада плетёт на заседании венки.

– Ур-р-ра! – взвизгнула принцесса.

Во дворе уже все успели празднично обрядить и установить майский шест. Тут и там расположились дамы и кавалеры, занятые тем, что плели венки. С десятков готовых уже плыли пёстрой вереницей по каналу. Тесий отправился за цветами, а мы с Бланкой – подыскивать себе местечко.

Леди Агнес и леди Алина плели венки сидевшим подле них оруженосцам, о чём-то весело с ними болтая. Там же была и леди Жанна. Она проводила нас взглядом.

– Туда, – потянула меня Бланка к дереву возле канала. Ветви низко нависали, глядя воду.

Вскоре к нам присоединилась Дита, неся Финика и вещи принцессы. Постелив выданный ею плед, мы устроились под сенью.

– Вы пойдёте на вечерние костры? – спросила Бланка, снимая сор с платья.

– Ещё не думала. – Я пронаблюдала за упавшим в воду листом. – А вы?

Она покачала головой.

– В этот час мы с Дитой уже спим. Но на случай, если вы всё же пойдёте, и будет прохладно, это вам. – Она протянула мне свёрток, который только что достала из корзины Диты.

– Что это? – удивилась я, рассматривая его.

– А вы откройте.

Я потянула тесьму и расправила вещь, бывшую внутри. Пару мгновений просто вертела её, разглядывая на свет. Это была мастерски выполненная шаль. Солнце светило сквозь узоры, сверкая на ворсинках и придавая ей ещё более праздничный вид.

– Я сама связала из шерсти от фалернских купцов, – смущённо пояснила Бланка. – С днём весны!

– Связали? Для меня? – изумилась я, не зная, как к этому относиться.

– Вы же не принимали покупных подарков, вот я и решила, что так даже лучше. Чтоб от чистой души!

Я вновь взглянула на шаль в своих руках.

– Но я не могу её принять...

– Конечно, можете, – рассердилась Бланка. – Вам хотя бы нравится?

– У меня не было вещи нарядней, – честно призналась я.

– Тогда примерьте.

Помедлив, я накинула шаль, и Бланка расцвела.

– Вы очень щедры. А у меня ничего для вас нет...

– Я не для того, чтоб что-то в ответ. Просто... мы же теперь подруги.

– Подруги? – переспросила я, сама себе сейчас напоминая глухого Фрола, служившего у отца и имевшего привычку переспрашивать по десять раз кряду.

Бланка пожала плечами.

– Ну да: мы вместе проводим время и делимся друг с другом. Разве не это называется дружбой?

От необходимости отвечать меня избавил Тесий. Приблизившись, он бросил нам в подола по охапке цветов и устроился у наших ног.

– Леди Лорелее обновка к лицу? – лукаво спросила Бланка.

Тесий внимательно меня оглядел.

– Очень, – после паузы ответил он.

– Итак, венки, – напомнила я.

– Я готов учиться!

– Значит, вы всё ещё не отrekliсь от своей мечты? – поддразнила я, отбирая из того, что он принёс.

– Я полон решимости как никогда.

– Есть предпочтения по расцветке?

– Доверю выбор вам.

– Ну что ж, – я отобрала цветов нескольких видов, – тогда сперва внимательно поглядите.

Тесий внимательно, как и было велено, проследил, как я сплетаю стебли.

– Теперь вы, – протянула я ему заготовку.

Неловко её перехватив, он попытался продолжить.

– Вот так?

– Не совсем: теперь проденьте здесь и вот тут.

Тесий подчинился, но пальцы действовали неумело.

Я хмыкнула, внезапно осознав, что сцена уж больно напоминает ту, где он учил меня.

– Это вам не перья очинять, – рассмеялась я.

– Сделайте это ещё раз.

– Что именно?

– Рассмейтесь.

Я осеклась.

– Не отвлекайтесь, – сжала губы я. – Её Высочество и Дита смотрят.

– Неправда, они говорят о чём-то своём. – Придвинувшись, он шёпотом добавил: – Вы очень красивы.

– Не я, а шаль, – так же шёпотом ответила я.

– И ваша причёска...

– Всё дело в гребне. Его Альбрехт подарил. Вот, – отодвинулась я и водрузила ему на голову венок, который сплела, пока мы болтали. – Это вам оберег от Девы весны, чтоб не утянула вас в водное царство.

– Буду носить его не снимая, – пообещал секретарь, придерживая подарок, и протянул мне неоконченный свой. Сберегите, пока я хожу за вином.

Легко поднявшись, он направился к недавно вынесенному котлу, над которым вился пар. Вокруг него уже собралась толпа, и служба едва успевал разливать пряный напиток.

– Её Величество пришла, – обронила Бланка.

– А говорили, что не умеете, – заметила я, глядя на то, как её пальцы выплывают такой ровный и красивый венок, что соперничать с ним могла бы только её вышивка.

– Да? – очнулась она и склонилась ниже, пряча румянец. – Значит, уже выучилась.

Вернувшись, Тесий протянул нам горячие кружки.

Отпив из своей, Дита скривилась.

– Уж больно крепко. Вам не следует пить, Ваше Высочество.

– И ничуть не крепко, – возразила принцесса, но, сделав глоток, отставила кружку.

Вино оказалось терпким и горячим, щедро сдобренным специями. Я тотчас обожглась о край кружки.

– Ну как? – спросил следивший за мной Тесий.

– Горячо. И сладко.

Он рассмеялся и указал на собиравшихся вокруг шеста обитателей замка.

– Сейчас будут хоровод водить.

– Как вилланы? – удивилась я тому, что знатные дамы и господа станут скакать на деревенский манер. У нас дома такое не было

заведено.

Тесий пожал плечами.

– Таков обычай. Идёмте. – Поднявшись, он протянул мне руку.

– Что? Нет... это без меня.

– Это весело, – пообещал он, – и вы в любой момент сможете прекратить.

– Я не хочу...

Внезапно он взял меня за обе руки и потянул, ставя на ноги. В последний момент я успела ухватить Бланку...

Земля путалась и кувыркалась под ногами... или это путались ноги, которых стало вдруг слишком много, потому как не удавалось различать свои и чужие. И ключья неба прыгали в глаза, слепя голубизной. Мимо проносились лица, всё быстрее и быстрее... Почему я не замечала, что мир такой разноцветный?

– Все, больше не могу! – вырвалась я из круга.

Рядом переводила дух Бланка.

После мы отправились к каналу спускать венки подношением Деве весны Остаре. С подаренным мной Тесий не пожелал расставаться, откупившись от Девы своим. Он развалился, стоило спустить на воду, и отдельные цветки плыли рядом.

– Мне идёт? – лихо заломил веноч секретарь.

– Вы словно в нём родились!

Он рассмеялся, пытаясь оттереть пальцы, к чернильным пятнам на которых добавились ещё и пятнышки сока.

Глядя на нас, хихикала Бланка, и даже Дита фыркнула, радуясь скорее радости принцессы, нежели веселясь сама. По крайней мере до тех пор, пока неслышно подкравшийся Финик не слопал у неё полвенка.

– Ну что, теперь до паласа, наперегонки? – предложил Тесий.

Первой вперёд бросилась Бланка, я зачем-то – за ней. В голове лишь билось, как всё это глупо, пока ноги несли меня вперёд.

* * *

– Развлекаетесь? – раздался рядом знакомый голос.

Обернувшись, Тесий чуть поклонился.

– Виноваты, Ваше Высочество.

Принц встал рядом, и оба замерли, глядя бегущим девушкам вслед: косы одной метались медными змеями, пряди другой летели по ветру чёрным каскадом.

– Развлекай нашу гостью получше, чтоб ей у нас понравилось, – хлопнул его по плечу патрон. – И смотри, не упусти.

– Ни за что! С вашего позволения, – и, придержав венок, Тесий бросился вслед за ними.

* * *

Я первой влетела в палас, моргая от полумрака, резко сменившего ясный день. Взгляд упал на фигуру возле парадного дрессуара, и лишь пару мгновений спустя удалось его узнать.

– Людо! – радостно рванула я к нему, чувствуя себя так, будто разлучалась с ним на полжизни. Но кинуться на шею не вышло: брат выставил руку, не давая себя обнять.

– Запачкаться не боишься?

– Ничуть.

Он посмотрел поверх моего плеча на приближающихся Тесия с Бланкой. Венок на секретаре показался мне вдруг очень глупым. На нём выделялась моя лента.

Я же рассматривала Людо: заросшие щёки, провалы глаз и спёкшиеся, в болячках, губы. Грязная одежда свободно болталась. Он даже дышал с каким-то сипом.

– Праматерь, Людо, – потянулась я к нему, – ты нездоров!

Он молча уклонился.

– Вас отпустили! – радостно прозвенела Бланка, подходя к нам.

– Не век же вашему дяде держать меня взаперти, – улыбнулся он сквозь зубы.

Бланка неуверенно улыбнулась в ответ, не зная, как это понимать, и явно желая понять в пользу Людо.

– С возвращением, Людовик, – сдержанно приветствовал его Тесий.

– Вижу, тебе некогда было скучать, – посмотрел наконец брат на меня.

– О чём ты? Я часы и мгновения считала!

– Так старательно считала, что вся в обновках и пахнешь вином.

Я задохнулась, не найдясь с ответом.

Мы молча уставились друг на дружку, отражаясь в дрессуаре, напротив которого стояли. Я: и впрямь в обновках, с румянцем на щеках и со следами хорошо проведённых дней. И брат: грязный, худой и осунувшийся. А на полке меж нами – чеканное блюдо и мамин рог, в этот миг разделившие нас словно пропасть.

Я опустила взгляд.

– Вы несправедливы к сестре, – вмешался Тесий. – Она всего лишь хорошо умеет...

– Подлаживаться, – докончил Людо. – Как хамелеоны к тому месту, где живут. Есть такие твари в природе, слышали про них?

Я похолодела, а Тесий хотел что-то возразить, но тут Людо зашёлся кашлем, и я бросилась его поддержать.

– Я не калека! – рявкнул брат, и я отшатнулась.

Отвернувшись, он зашагал к выходу из паласа.

Я поспешила следом, ни разу не обернувшись на Тесия с Бланкой. Уже на улице догнала его и схватила за локоть.

– Людо, стой! Да стой же!

Он резко развернулся и прижал меня к ближайшей стене.

– Ты больше не будешь с ним якшаться.

– Что? С кем?

– Ты знаешь.

– Но...

– Тряпка эта откуда? – перебил он, брезгливо кивнув на шаль.

– Ты все не так... Это подарок! Мне пришлось...

– Это что, такой хитрый план: жрать за их счёт и принимать их подарки?

– Знаешь, мне тоже несладко пришлось, – рассердилась наконец я.

– Вижу я, насколько несладко.

– Так это я виновата, что ты попал в темницу?!

– Я или он.

– О чём ты? – Я попыталась освободиться, но он лишь крепче надавил ладонью в грудь, так что стало трудно дышать. В спину что-то больно ткнулось.

– Я или он? – повторил Людо, не мигая глядя в глаза.

Пальцы на мне превратились в стальные тиски.

– Конечно, ты! И всегда будешь ты!

Взгляд Людо потеплел, он потянулся меня обнять, но я зло оттолкнула его и кинулась прочь, слыша вслед кашель, но на сей раз и не подумав остановиться.

* * *

Огни усеяли каждый холм, над полями летели песни и звуки виел, впитываясь в тёплую ночь.

Я шла меж рассевшихся и разлётшихся вокруг костров тел, изрядно набравшихся дарами виноградной лозы из королевских подвалов, выискивая среди захмелевших лиц того, кто никогда не пьёт.

Людо нашёлся в стороне. Костёр дрожал сетью бликов на его уже чисто выбритых скулах и плотно сомкнутых губах, делая его как-то старше и строже.

Он поднял глаза, но позы не сменил, глядя на меня пристально и чуть отстранённо.

Я протянула чашу, над которой ещё вился пар, и наткнулась на вопросительный взгляд.

– Грудной сбор, от кашля.

Людо помедлил, но взял. Понюхал и скривился.

– Пахнет, как ослиная моча.

– Заткнись и пей.

Как ни странно, заткнулся и выпил, не отводя от меня взгляд поверх чарки.

Когда он её отставил, я молча потянула с плеч шаль и кинула в костёр. Огонь взвился, охотно приняв подношение, и принялся жадно жевать плод стараний Бланки, сплёвывая искры. Узоры таяли на глазах, превращаясь в чёрные ошмётки и разлетаясь пеплом.

Следом кинула гребень. Он сдался с каким-то жалобным писком, словно моля отменить казнь, пока не поздно. Людо посмотрел, как он горит, и молча раскрыл объятия. Я так же молча в них нырнула, усевшись перед ним и устроив голову ему на грудь. Так мы и сидели, глядя на огонь и веселье вокруг.

– Я скучала. Правда.

– Знаю. Я тоже.

Вдали кто-то затеял пляски, а совсем рядом жонглёр запел старинную балладу. Я вслушивалась в куплеты, бездумно перебирая пальцы Людо.

– Представь, если б однажды кто-то и о нас балладу сложил...

Людо подбросил веточку в огонь.

– Ты бы этого хотела – чтоб о нас сложили балладу?

Подумав, я покачала головой.

– Пожалуй, нет. Чтоб правильно о нас рассказать, нужно чувствовать то, что чувствуем мы, и пережить то, что пережили мы. А эти писаки всё, как всегда, перевернут.

Потянувшись, я сняла у него ресничку под глазом.

– Загадай желание и сдуй.

Он послушно сдул.

– Что загадал?

– Нельзя же говорить.

– Но я ведь не в счёт.

Людо как-то невесело посмотрел.

– Только ты и в счёт.

Костры горели всю ночь, вино лилось рекой. Мимо лениво текли лодки, каждая с огоньком и венком на носу. Лишь под утро все стали разбредаться, и собравшийся над полями туман казался застывшим дыханием.

Мы тоже вернулись к себе, чтоб отдохнуть пару часов перед началом нового дня. Я снова напоила брата отваром и смазала ему болячки на губах – к лекарю идти он наотрез отказался.

А после, поднявшись на локте, смотрела, как он спит.

– О чём-то хочешь спросить? – спросил он, не открывая глаз.

Я пожевала губу.

– Людо... а ты когда-нибудь думал о том, что это может быть последним, что мы сделаем в жизни?

– Да. Думал, – ответил он после паузы.

– И... и что?

– И ничего. Значит, такова была воля отца и Праматери. Сделать-то мы всё равно должны.

Я посмотрела на неподвижное лицо брата, и в болезненно заострившихся чертах мне вдруг привиделось лицо отца в его

последний день.

– Слизняк приходил? – нарушил молчание Людо.

Я покачала головой, забыв, что он не может меня видеть. Порой казалось, что меня он может видеть и с закрытыми глазами.

– Нет. В последний раз я видела Артура в тот день, когда мы рисовали.

Грудь Людо тихонько шевельнулась.

– Если придёт...

– Я скажу, что сейчас не лучшее время.

Он чуть кивнул, благодаря.

Неслышно вздохнув, я улеглась рядом. Потрогала рёбра.

– Болят?

Но он уже спал. Обняв его, я тоже попыталась уснуть, но ещё какое-то время не могла, стараясь понять охватившее меня странное чувство. Словно я пыталась втиснуться в одежду, которая вдруг стала мне мала.

– Миледи! Как хорошо, что я вас встретил: наткнулся тут на один любопытный трактат по рисунку и подумал, что вам было бы интересно взглянуть...

– Мне некогда, извините.

– Пойдите, Лора, в чём дело?

– Дело в том, что вы держите меня и не даёте пройти.

– Вы уже который день меня избегаете. Почему?

– Это неправда.

– Это правда. Я вас чем-то расстроил? Обидел? Просто скажите чем, и я постараюсь загладить вину.

– Пожалуйста, отпустите, на нас смотрят.

– Мне плевать, пусть смотрят! Ответьте мне.

– А вот мне не плевать! Вы мне не брат, и не муж, чтоб так требовать ответа. И это, в конце концов, неприлично... Да, неприлично, что мы проводили столько времени вместе!

– Не вместе, а в компании Её Высочества и Диты. И кажется, моё к вам отношение не в чем упрекнуть.

– Неважно, я не хочу толков.

– Дело ведь не в толках, правда? Всё из-за вашего брата. Едва он вышел, как вы опять переменялись.

– Не трогайте Людо! Я ведь уже однажды вас об этом просила. Одну просьбу не так уж и трудно запомнить. Нет, две: оставьте в покое и меня. И дайте пройти!

Но пройти мне не дали.

– Лора, так нельзя: вы то притягиваете, то отталкиваете. Я ничем этого не заслужил.

– Неужели так сложно понять, что вы мне просто неприятны! Скучны и надоели!

Мой локоть тут же отпустили.

Выпрямив спину и вздёрнув подбородок, я прошла до конца коридора. Свернув за угол, привалилась к стене и зарыла лицо в ладонях.

Потом сделала глубокий вдох и, отняв пальцы от лица, двинулась вперёд. И шла до тех пор, пока носки не упёрлись в гранитный бортик, за которым плескалась вода.

Долго, до затёкшей шеи и рези в глазах, глядела на решётку, освещённую с двух сторон факелами, но ни огней за ней, ни плеска вёсел в вечерней воде так и не дождалась.

Пять дней. Я не видела его уже пять дней – даже издалека.

* * *

– Вы снова поссорились, – вздохнула Бланка.

– Лорд Авен что, доносит вам о каждом своём чихе?

– Он ничего мне не говорил. Но всё и так понятно по его лицу. К тому же теперь он не составляет нам компанию на прогулках.

– Мне жаль, что у лорда Авена дурное настроение. Это всё от избытка чёрной желчи. Пускай ест побольше корней чемерицы. Говорят, они убирают меранхолию на раз.

– Какая же вы... упрямая! – с возмущением посмотрела на меня Бланка и кивнула караульным, дежурившим на этом участке стены. – Вон, даже Хруст считает вас жестокосердной. – Мы обе посмотрели вниз, на вульписа, вставшего передними лапами мне на подол и смотрящего с умоляющим видом.

С некоторых пор он снова крутился рядом. Я отодвинула платье и двинулась дальше.

– Вы поссорились и с ним?

– Всего лишь разошлись во мнениях о том, каким должен быть верный питомец.

Вздыхнув почти по-человечьи, Хруст потрусил догонять Финика, обнюхивающего угощение на ладони стражника. Вокруг меня что, все теперь будут вздыхать?!

– А вот лорд Авен точно будет верным мужем!

– С чего вы так решили?

– Так дядя сказал.

– Сказал вам? – удивилась я, чувствуя, как участилось дыхание.

– Не совсем, – Бланка смутилась, затеребив концы шали. – Я... случайно... когда он с лордами обсуждал... о разном. И тогда как раз

сказал, что лорд Авен, который тоже был среди них, слишком правильный и что с женщинами так нельзя. Зато его супруге повезёт, потому как он будет верным и заботливым мужем.

– Будет, – равнодушно согласилась я. – Для кого-то вроде леди Жанны.

– Но он не хочет леди Жанну! Он хочет вас!

– Ничего такого лорд Авен мне не говорил.

– А вы бы стали слушать?

– Нет.

– Вот оттого и не говорил. Я слышала, – Бланка снова зарозовелась, – мужчины чувствуют отношение, чувствуют, когда мы от них... закрыты. – Она умолкла, смешавшись от такого немыслимого откровения.

– Если вы и дальше намерены обсуждать лишь настроение и достоинства лорда Авена, то я, с вашего разрешения, пойду.

– Постойте! – удержала она меня. – Хорошо, не буду, если тема вам столь неприятна. Лишь надеюсь, что ваша размолвка скоро пройдёт. А поговорить я думала о другом...

Вслух я спорить не стала, выжидая на неё глядя. Бланка помялась.

– Вообще-то я хотела спросить, намерены ли вы танцевать на предстоящем пиру.

Казалось странным обсуждать пир в честь её помолвки, о которой Бланка до сих пор ни сном ни духом.

Я покачала головой:

– Едва ли.

– Но почему?

Я помедлила и, слегка удивляясь самой себе, ответила честно.

– Я не умею танцевать.

– Как? Совсем?

– Совсем. Родители не поощряли светских развлечений. Так что мы с братом не обучены ни танцам, ни пению, ни инструментам.

– Лишь рисунку?

– Лишь ему, – спохватилась я, запоздало сообразив, что для артистов-Грасье такое воспитание выглядит уж слишком однобоким.

Но Бланка и не думала что-то подозревать. Склонила голову к плечу, о чём-то размышляя, а потом решительно потянула меня вперёд,

к участку, где стена расширялась.

– Идёмте, я вас научу. Дита, будь добра, в комнату ко мне отнеси! – скинула она с плеч шаль и бросила компаньонке, которая едва успела её подхватить, покачав головой.

– Что? Нет, право же, у меня нет ни малейшего...

– Не бойтесь, там ничего сложного.

– Нет, я...

– Встаньте вот так, – развернула она меня за плечи, – а руки чуть разведите, будто они у вас такие лёгонькие, что сами поднимаются. Видите, как у меня?

Поколебавшись, я переняла её позу.

– Отлично. Теперь шажок вперёд... Шажок, а не шажище. Поклон... и вскиньте руку. Плавнее – если не хотите изувечить кавалера!

– А вы довольно строгий наставник, – заметила я.

Она хихикнула.

– Теперь повернитесь на месте. Вы все же уклонились. Не заходите за эту черту, – она очертила носком туфли границу. – Давайте сначала.

Мы снова разошлись, встав друг напротив друга.

– Я буду кавалером, – вызвалась принцесса.

Она вполне годилась на эту роль: высокая, на целую голову выше меня.

– И-и-и, шаг вперёд, поклон, вскиньте руку, обход...

– Давеча видела в доке вашу лодку с гербом, – безразлично заметила я, обходя её.

– А, это не моя, а дядина. Подбородок чуть выше.

– Цвет подновили, с днища тину и водоросли соскребли – теперь идти должна ровней. Так значит, ваш дядя уже вернулся?

– Да, ещё неделю тому. Подол не забывайте держать.

– Отчего же его не видно на трапезах и в часовне? Грешно мессу пропускать...

– У дяди много дел, а ниши с образами есть в каждом зале. Знаете, у вас нога тяжёлая. Я ещё не встречала девушек, так мало приспособленных к танцам! Только не обижайтесь. И вы напряжённая, а тут лёгкость и плавность надобны больше, чем умение. Вот так, почувствуйте ритм...

Отступив, она поклонилась незримому кавалеру, вскинула кисть с аккуратными ноготками и розоватыми в закатных лучах веточками пальцев, невесомо засеменила, развернувшись, выплеснула рдяную копну по ветру...

– Теперь с вами! – обернулась Бланка, и я влилась в танец, где она отдавала приказы.

– Вперёд! – И мои ноги сами шагнули вперёд.

– Рука! – Пальцы ощутили тепло её пальцев, отделённых от моих каким-то дюймом.

– Обход! – Схлестнувшись крест-накрест, руки сплели нас воедино, и лица оказались так близко, что была видна россыпь веснушек, бронзовой позёмкой на щеках.

– Па-а-аворот!

– Продолжим? – предложила Бланка.

И ноги снова шагнули навстречу...

Навстречу карим глазам

Поклон

Или серым?

Рука...

И вовсе не Бланкин запах, а восковницы и дыма...

Обход

И не закатное солнце, а жар камина...

Поворот

Хотите секрет?

– Довольно... – сорвалось с губ. Но слишком тихо. Увлечённая танцем, Бланка не заметила. А сама я почему-то не нашла сил его прервать. И-и-и... Шаг... поклон... бельма... коготь... мяч в крови... поворот... отступ... Карие глаза, поворот, серые глаза, обход, белые, без зрачков, поклон.

– Хватит, я сказала! – Я отшатнулась к стене, цепляясь за кладку и хватая ртом воздух.

После паузы за спиной прозвучали робкие шаги.

– Простите... вам плохо?

Разве так выглядят те, кому очень хорошо?

– Всё... в порядке.

Я потянулась промокнуть слабой рукой лоб. Бланка вздохнула и встала рядом, напротив выемки меж зубцами, откуда открывался вид

на площадку. Там сейчас звенели учебные клинки. Тёмная макушка Людо, как всегда, выделялась. Брат уже оправился, только ребро порой давало о себе знать, но лекарь сказал, срастётся за пару недель.

– Неважная из меня наставница. Сказать по правде, меня тоже этому не учили. Я сама смотрела, как другие леди танцуют, и в комнате с Дитой повторяла. А вот на пирах ещё не доводилось. Знаете, лорд Авен прекрасно танцует...

Я подняла тяжёлый взгляд, и принцесса снова вздохнула:

– Простите... Просто я вам завидую.

Признание не произвело должного впечатления. Напротив, меня вдруг разобрала злость. Я впиалась ногтями в стену, за которую держалась, не уверенная, что в противном случае смогу устоять на ногах.

– И чем же моя жизнь так хороша?

Пальцы всё ещё зудели от той едкой дряни, в которой пришлось полоскать волосы брата – после темницы в них снова завелись вши. А заодно полоскать и свои. После этого кожа пластами слезала с рук.

– Вы вольны обрести счастье с мужчиной, которому небезразличны и который, только не хмурьтесь так, небезразличен вам. И если б вы сами его не отталкивали, уже держали бы друг друга в объятиях. А мне же... – не дала она возразить, – мой удел принять навязанный выбор.

Я стёрла испарину над губой.

– Не сомневайтесь – навяжут хороший: стабильный, безбедный.

Она с печальным видом облокотилась спиной о скрещенные руки, подопнула какую-то шелуху.

– А если б... если б я сказала вам, что есть некий человек, к которому я питаю чувство. – И заторопилась, словно спеша выговориться, пока не оборвали. – Понимаю, что не должна. Что чувство положено питать только к супругу, но ничего не могу с собой поделаться: оно сильнее меня. Все мысли лишь о нём... Что бы вы на это сказали?

Ещё один беглый взгляд на площадку, где звенят клинки, и прикушенная губа.

Злость расплзалась всё дальше, распирая нутро, свиваясь кольцами, оплетая сердце... Злость на эту преследующую меня слабость, на глупость Бланки, для которой любовь – это держать друг

друга в объятиях, трепеща от тонкости чувств, тогда как любовь – это выбирать вшей и подставлять таз, когда он блюёт. Злость на того, кем был пропитан сам воздух, сводя меня с ума...

Низкое давящее солнце пылило сквозь дымку ржавой мутью, волосы Бланки пушились и искрили карминовой марью, ветер пах рыжими травами, капли смолы стекали по свежеструганной двери стеной башни, а на воде догорала жидкая медь...

Мир тонул и захлёбывался в оттенках пламени и янтаря. Они впитывались в кожу, отравляли кровь, выжигали лёгкие запахом восковницы и дыма, заставляя кусать щеку изнутри, царапать стену. И царапины эти складывались в рисунок вышивки на упелянде.

– Сказала б, что это отвратительно! – выплонула я, и Бланка отшатнулась, как от удара. – Грязно, мерзко, постыдно любить того, кого не должно. После всего, что он причинил...

– Но он мне ничего...

– Да кто вы такая, чтоб мечтать о выборе? – не услышала я, продолжая цепляться за кладку, чтоб не раствориться в этой бескрайней рыжине. – Не вам решать свою судьбу. Кому подложат, тому и будьте рады. А счастье – в исполнении долга. И долг ваш в том, – сглотнув, я прислонилась лбом к стене, – чтоб раздавить в себе это порочное чувство.

– В нём нет ничего порочного! Оно светлое и чистое! А вы... вы знаете, о ком я. И нарочно так говорите! Вы просто злая и ревнуете его: хотите, чтоб брат принадлежал только вам! Но так не бывает.

– Ах, ревную? – расхохоталась я и, вздёрнув голову, крикнула в сторону площадки: – Людо! – Он поднял глаза: – Поди-ка сюда...

Бросив тренировочный меч следующему в очереди, брат направился к стене.

– Что вы делаете? – запаниковала Бланка и метнулась было прочь, но я крепко ухватила её за запястье и держала так до тех пор, пока брат не взбежал по боковой лестнице.

– Чего тебе? – кинул он мне и поклонился принцессе. – Ваше Высочество...

Бланка, серая и полумёртвая от ужаса, едва пролепетала что-то в ответ.

– Её Высочество имеет сказать тебе о светлом и чистом, – растянула я рот в улыбке, слизнув кровь с прокуса.

Людо перевёл взгляд на принцессу, и Бланка затеребила дрожащими пальцами сорванный из расщелины в стене тусклый цветок.

– Я... я... только хотела спросить, собираетесь ли вы на пир, – прошептала она, уставившись на свои расшитые стеклярусом туфли со сбитыми носами. – И станете ли там танцевать, – закончила она, чуть не плача.

– На пир пойду, а танцевать не умею. – Людо помолчал, что-то про себя прикидывая. – Окажете честь научить?

Бланка вскинула глаза, часто моргая. А я нахмурилась, переводя взгляд с принцессы на него.

– А не пора ли тебе обратно на тренировку?

– Отчего ж пора, когда можно и задержаться? – с непроницаемым лицом ответил он, продолжая смотреть только на Бланку.

Её грудь часто вздымалась, а под тонкой кожей щёк разлился румянец.

– Я научила вашу сестру, а она научит вас, – быстро ответила она, снова спрятав глаза. Но я заметила, как углы её губ приподнялись.

– Вы правы, слуга забылся, – скривился Людо.

– Нет, что вы! – испугалась Бланка. – У меня и в мыслях не было вас обижать!

– Ваше Высочество, – позвали издалека, – Его Высочество желает беседовать с вами в башне, – закончил Тесий с лёгким поклоном, остановившись шагах в двадцати.

Бланка чуть заметно вздрогнула и кивнула.

– Вот теперь пора, – заметил Людо и придвинулся к Бланке, так что их тени на земле сомкнулись – верней, тень брата наползла на её. – Осчастливьте сувениром в знак того, что не сердитесь на мою дерзость. Причина её единственно ваша красота, – прошептал он глубоким бархатным голосом, которого я у него отродясь не слышала, и протянул руку к измочаленному цветку, давая понять, какой именно сувенир сделает его таким счастливым.

Неужели Бланка купится?

Ещё как купилась. Бережно, словно цветок был очень хрупкий, протянула его на ладони Людо. Их руки задержались чуть дольше, чем то надо было для передачи цветка. Я едва сдерживалась, чтоб не оттолкнуть от него Бланку. Ишь, вцепилась!

А цветок Людо не просто взял – картинно спрятал на груди. После чего наконец удалился.

Бланка с вызовом вздёрнула подбородок. Я спокойно выдержала взгляд.

– То, что я сейчас скажу, я скажу лишь раз: Людо никогда вас не полюбит.

– Потому что обязан любить только вас? – холодно поинтересовалась она.

– Потому что вы единственная в мире, к кому он не способен питать это чувство.

Её лицо дёрнулось, а радужка посветлела от проступившей белой росы. Тихий голос звенел не то от ярости, не то от подступающих слёз.

– Я думала, мы с вами подруги, но теперь вижу, что ошибалась.

– Желали моего мнения? – продолжила я. – Так вот вам мой совет: держитесь подальше от Людо. И уж лучше ненавидьте.

– За что мне ненавидеть вашего брата?

– Да хотя б за то, что не нужны ему. А когда не можешь получить то, что очень хочешь, остаётся лишь возненавидеть это.

Бланка посмотрела в упор, словно я была испортившим вышивку стежком, и, молча отвернувшись, направилась к Тесию. Выждав немного, я двинулась следом.

Проходя мимо секретаря, услышала бесстрастное:

– Riskну навязать своё скучное неприятное общество, сообщив, что вернулись фалернские купцы, и ювелир справлялся о вас. – Тесий глядел в пространство и будто не обращался ни к кому конкретно.

Это стало последней каплей, и напряжение выплеснулось дрожью во всём теле и срывающимся голосом:

– Вы прекрасно знаете, что на самом деле я о вас так не думаю, так перестаньте же мучить меня! – И прежде чем растерявшийся Тесий нашёл с ответом, я выбежала на лестницу.

Перед дверью Бланка остановилась, переводя дух. Внутри ещё жгло от горечи и обиды: за что ей такие слова? Чем заслужила? Ведь даже в мыслях не держала дурного и ничегошеньки для себя не желала, стоять с ним рядом – и то за счастье.

Разве такое бывает, чтоб счастлив просто оттого, что смотришь на другого человека? И сердце заходится, полнится радостью и странной тоской, того и гляди разлетится на части, не способное столько вместить...

Бланка тронула незримый след от его пальцев, и стало больно дышать. До звёзд перед глазами, до пересохшего горла больно. Украдкой прижалась губами. Её талисман, теперь и дядин разговор не так страшен.

Не то чтоб она его боялась, но... никогда-то прежде к себе не вызывал. И Бланка торопливо перебирает в памяти все провинности, навроде упрёков Диты за то, что предпочла в такой холод суетные туфли сапожкам, но таковых совместно и на один грешок не наскребается.

Выдыхает и стучит – той самой, счастливой рукой. И не удивляется, застав дядю за бумагами, вот только пером он как-то запоздало водить начинает, будто с её лишь появлением. Но Бланка привыкла, что всегда-то она не вовремя. Всегда-то отвлекает его, даже когда сам позвал.

Перо упрямится, скрипит, плюясь кляксами, и дядя хмурится, словно это её, Бланкин, приход в том виноват. Нетерпеливо ломает стержень и тянет из стаканчика новый.

– Садись. Обожди пока.

И Бланка опускается на самый краешек стула, смотрит, как он очиняет перо дёргаными движениями, примеряется к брошенной строке и продолжает её рядом ровных блестящих букв. Пусть и не таких ровных, как у Тесия, но всё одно красивых. По-мужски уверенных. Не ясный чёткий минускул, которым писан её молитвенник, но и не сплюсненные колючки текстуры, в которых

Бланке видится недружественная худоба. Не сравнить с бледным дребезжающим почерком самой Бланки.

– Расстроена чем?

И Бланка смущается беглого взгляда и непривычного к ней интереса, качает головой.

– Нет.

Больше дядя ни о чём не спрашивает. Пишет, ненужно сильно стискивая перо, или ненужность эта ей только мерещится, потому как все мысли заняты подготовкой к просьбе. Потом убирает письмо, так и не докончив, и подвигает к Бланке свиток из превосходно вылощенного пергамента, придерживая, чтоб не скатывался.

– Распишись.

И Бланка снова не удивляется, послушно выводит имя под длинным текстом, не видя букв, набираясь смелости для своего обращения. Но настрою мешает сам дядя: смотрит пристально, и не в документ – на неё. Будто ждёт чего-то.

– Спросить ни о чём не хочешь?

– Хочу, – решается Бланка, облизнув вмиг пересохшие губы. – Вы как-то обещались разрешить танцы, как минет четырнадцать. Скоро пир... можно, дядя?

Он молчит, а в глазах – то ли досада, то ли ещё чего. Всегда-то Бланка не то спрашивает, всегда его разочаровывает... но она привыкла.

– Можно, Бланка, – наконец отвечает.

И напряжение отпускает, сердце ликует. Хочется прыгать, или свиток этот тяжёлый, с двумя печатями, к потолку подкинуть, или дядю вот обнять. Но вовремя вспоминается, что не любит он этого – не любит, когда Бланка до него дотрагивается.

– Спасибо...

– С любимым, кроме Грасье.

Радость вмиг уходит.

– Но дядя...

– Я всё сказал. От него будешь держаться подальше.

И больше не тешат ни купеческие обновки, в башне дожидаящиеся, ни долгожданное разрешение, ни сам этот пир...

– Ты меня поняла?

– Да, дядя...

Спросить бы: за что? Но смысл? Не её это дело – о причинах справляться.

Разговор окончен, и, значит, Бланка здесь больше не нужна. Идёт на выход, а в голове какая-то мелочь крутится, и лишь в дверях на ум всплывает.

– А в свитке-то что, дядя?

– Договор. Брачный. Твой, Бланка.

И снова ждёт.

Только до Бланки не сразу доходит. А когда доходит...

Наверное, она ненавидит его в этот момент. Злого равнодушного человека, которому завсегда неприятна была, и скрывать не трудились. Теперь вот избавится от неё.

А может, даже ненависти нет. Пустота только, и зябко как-то, хоть и шипит вовсю жаровня, брызжет искрами... Права Дита: сапожки надо было.

– Хочешь знать, за кого?

– За кого?..

И он говорит, только не всё ли равно. В том, что дорого продал, Бланка не сомневается. Хорошо, с выгодой. И неожиданно далеко: вряд ли она ещё когда сюда вернётся. Да и знала ведь, что так получится, но думала, ещё годик-другой про запас есть.

– Ты рада?

– Рада...

Кажется, Бланка даже благодарит. Или молча удаляется? Только в себя приходит, уже когда в объятиях Диты бьётся, и пустоты нет. Есть слёзы, океан целый слёз, и всё внутри надрывается.

– Дита, Диточка! Любимая, родненькая моя!

– Да что ж вы так убиваетесь? – увещевает та, глядя по спутанным волосам. – Замуж ведь – не на кол. – А сама тоже плачет, концом шали Бланкиной утирается.

– Да лучше б на кол! Не заготовлено мне в мире счастья! Лучше б матушка вместо меня жила...

Вот тут уже Дита сердится.

– Вы это бросьте, глупая девчонка! Чтоб больше такого не слышала! Ясно? Знаете, как матушка ваша радовалась, что вы у ней будете? Вы ещё в утробе, а она с вами беседы беседует, животик наглаживает...

– Нельзя, Диточка, нельзя так искренне, от души радоваться! Не любят этого наверху...

– Да вы никак ополоумели?! Богохульничать вздумали!

Только Бланке совсем не стыдно. И враки это всё, что за терпение воздаётся.

За терпение за сотни миль отсылают и чужаку продают, которому Бланка и даром не нужна. Зато приданое её нужно, наследник и король в родне.

– Ненавидит он меня...

– Жених что-ль?

– Дядя!

– Да с чего вы это взяли, дурочка?

– За старика меня... вдового.

– Дурочка, как есть: двадцать пять ещё не старик.

– Так ты знала? Знала и молчала?

– А куда ж мне деваться, не моего ума это дело.

И снова бормочет, успокаивает, по спинке гладит, только Бланка успокаиваться не желает: рыдает, икает, захлёбывается. Над будущим своим на чужбине, одиночеством, любовью не сбывшейся...

– Он вас баловать станет, заживёте, как в сказке.

Без того целую жизнь в сказке, на середине застрявшей: забытая всеми принцесса в башне.

И словам Диты веры нет – родне безразлична, а незнакомцу занадобится? Да и не ему даже, доверенному лицу клятвы приносить, чтоб уже мужней женой к нему ехать.

– Ладно супруг, а ты-то со мной останешься?

– Куда ж я без вас... – вздыхает.

И чуточку легче становится. Только слёзы всё одно текут, на руку счастливую капают, кажется, всю себя так выплакать можно. Но потом и они на убыль идут, и это... обидно. Будто смиряться она начинает... Будто не так уж и горе-то велико, раз больше не плачется!

– Вот и умница, вот и нечего раскисать, радоваться надо, – твердит Дита, и таз с золотой водою – той, куда солнце сегодня гляделось, – от окна подвигает, Бланку к нему наклоняет, волосы придерживает.

И в отражении Бланка совсем безобразна: растрёпанная, с носом красным, опухшим, пятнами по лицу и полосой над губой – рыжие

некрасиво плачут.

А Дита всей ладонью, как раньше, умывает, заставляет сморкаться и полотенцем расшитым вытирает. И сил уже нет ни стоять, ни плакать, поэтому Бланка на кровать опускается, ноги поджимает, пряди под пальцы Дитины подставляет и впервые, чуть смущаясь, просит:

– Расскажи, какой она была? Ну... мама.

И Дита рассказывает. Плетёт косу и рассказывает. А чтоб Бланке лучше слушалось, плюшку в патоке подсовывает и молоко.

– Да копия вы, один в один. Что внешне, что по характеру.

И Бланка, совсем как в детстве, со сладкой стороны зачинает – сперва патоку слизывает, а там надвое разламывает, за пышный мякиш принимается...

Финика на колени подтягивает, гладит и слушает, слушает.

Про то, как годы назад приехали сюда мама с Дитою, вот точно так, как скоро Бланка к супругу отправится, и как инаков их новый дом был: люди, природа, обычаи. Всё внове, всё отталкивает. Как плакалось по ночам в обнимку, скучалось по братьям и сёстрам, по жизни прежней – немногим старше Бланки ведь были... Болелось от холодных стен и вечной озёрной сырости, мутило от здешней пищи и одиночества.

Только Дита быстрее оправилась, тоску не изжила, но глубоко внутрь запрятала, так что сама о ней почти забыла, а мама Бланкина, тоньше устроенная, чахла, вяла, хирела, пока однажды чуда не приключилось. – И Бланка замирает, боясь момент спугнуть, даже пальцы облизывать прекращает.

– Какое?

Ей тоже отчаянно хочется чуда.

– В отца вашего влюбилась без памяти, – коса рыхлая dokonчена и через плечо переброшена. – Что и сказать: молод, собою хорош, как сто Ваалу горяч.

И отпустила её тоска сердечная. Вот так точно и Бланка в мужа своего влюбится, на родине его пообвыкнется.

И врёт, конечно, Дита: Бланка ещё помнит отца – сухарь сухарём, и влюбляться там не во что было, разве что от безысходности полной. Нос хрящеватый, залысины и голос резкий, отрывистый... Пажи вот его, как на подбор.

Но пускай дальше врёт – красивая сказка выходит...

Аккуратно притворив дверь, за которой остался звон монет и оживлённый щебет фрейлин, разбиравших товары, ювелир повернулся ко мне.

– Думаю, нам будет лучшее в другом месте. – Он простёр руку в направлении дальше по коридору.

Найдя тихое местечко возле запylённого окна, где сквозь скреплённые внахлест на жести пластины слюды едва просматривался двор, и переждав, пока бегущая по коридору ласка свернёт за угол, мужчина извлёк из эскарселя мою находку.

– Как я и сказал, это не алмас.

Я молча ждала, зная, что это ещё не всё.

– Сапфир – синяя сестра рúбина, – торжественно провозгласил он.

Я нахмурила лоб, глядя на прозрачную каплю на его ладони, в которой сейчас играл грязно-жёлтый блик от окна.

– Но камень не синий...

– Так только называют, – отмахнулся он и пощёлкал пальцами. – Как это у вас говорят, «для красного слóвца». Все они рóдятся из одного минэрала – корунда, второго по твёрдости после алмаса. Красный корунд – рúбин, а других цветов – сапфир. Они родятся разными: розовыми, жёлтыми, зеленковыми. Но синими чаще других, оттого этот цвет вам привычен. Сей, помышляю, был матово-голубый.

Я вновь удивлённо взглянула на камень, в котором не было ничего ни от матовости, ни от голубизны.

– Я... не понимаю.

– Его обóжгли, – пояснил ювелир с довольным видом.

– Но зачем?

– Вероятственно, затем, чтоб сделать похожим на алмас, – пожал плечами он, и раструбы рукавов качнулись в такт. – Другие камни укрывают глазурью, варят в мёде, клеят слой минэрала на стэкло, а этот вот грели в кварцэвом песке, чтоб поменял цвет.

– То есть чтобы подделать под более дорогой минерал?

– Не вижу другой цели, – просто ответил он. – Голубые сапфиры годятся тут лучше всего.

– А его могли обжечь по какой-то иной причине?

– Все возможно, госпожа. Знать бы только – зачем.

Хороший вопрос. К примеру, как часть какого-то ритуала.

– А как же клеймо мастера? – вспомнила я. – Вы ведь говорили, что камень, возможно, древний!

– Он и есть древний. Древняя имитация под алмас.

Что лишь говорит о том, что мошенники были и будут во все времена...

– Вижу, вы огорчённая, – внимательно посмотрел ювелир. – Но не стоит так падать духом. Этот камень, – он поиграл пальцами, так что сапфир на ладони заблестел, – тоже недёшев. Пусть вам не выручить за него столько же, сколько за алмас или начальную форму, но и он имеет цену. Сапфир любят жрецы в храмах, кстати, и вашей Праматэри, как священный, он дарит мудрость и крепит дух, единя человека с Богом. Хотите куплю его у вас?

Ювелир назвал сумму, которой нам с Людо точно хватило бы на полгода. Я покачала головой.

– Спасибо. Но, пожалуй, оставлю его себе, в память о матери.

– Ваше право, – склонил голову он.

Отдав расписку и попрощавшись, я сжала сапфир в кулак. Не забросить ли в пруд и его? Чтоб составил компанию перстню. Было жаль потраченного на древнюю фальшивку времени. Но что-то удержало.

Ещё немного поразмыслив, я направилась в скрипторий, совсем не уверенная, что меня пустят туда без секретаря. Но клирик, пожевав бескровные губы, всё же выдал то, зачем я пришла. Вернее, я узнала, зачем пришла, лишь когда он выдал. Копия «Лапидария Марбода Реннского о геммах и драгоценных камнях»^[62], написанная около века назад. Среди шестидесяти описанных там минералов нашёлся – даже на почётном месте за схожесть цвета с водой, – и сапфир. Но там ни слова не говорилось о ритуалах с этими камнями, лишь повторялось то, что уже сказал ювелир. Разве что о помощи при избыточном потении, язве и мигрени он не упоминал. Экий охват, небось, вдова Хюсман бы оценила.

Закрыв рукопись с непочтительным хлопком, из-за которого мне наверняка путь сюда будет отныне заказан, я покинула скрипторий. Мысли вернулись к тому, что произошло на стене. Как некстати эта

ссора с Бланкой: все усилия по налаживанию дружбы с ней пошли прахом. Я вздохнула...

Ну и Ваалу с ней!

* * *

– Значит, пустышка? – Людо шумно ополаскивался из водопойной колоды, а я сидела на её краю, стараясь отодвинуться подальше и от брызг, и от брата, который ужасно вонял. Но всё же не настолько далеко, чтоб наш шёпот мог достичь случайных ушей.

– Не пустышка, а обожжённый сапфир. Он тоже ценен, но...

– Не в нашем деле.

– Кто знает! – упрямо возразила я, хотя, сказать по правде, и сама больше не имела идей, как ещё к нему подступиться.

Людо фыркнул.

– Осторожней! – прошипела я, когда пара брызг всё же попала мне на платье.

Людо не выглядел виноватым.

– Это просто вода...

– Была. До тебя.

Внутренне я почти хотела, чтоб он ответил что-то резкое, дающее мне право ответить в том же тоне, чтоб выплеснуть из себя глухое раздражение, которое брат упорно не замечал. А может, и впрямь не замечал?

Но он лишь плечами пожал, тщательно растирая грудь и шею.

– И что теперь?

Я подняла глаза к зависшему в ночном небе ломтику луны. Плющ, заткавший часовню снизу доверху, пошевелился от ветерка.

– Затаиться и ждать – удобного момента.

От взмаха Людо едва не выплеснулось полколоды.

– Какой ещё ждать! Ждать она собралась, пока тут меня...

Я удивлённо вскинула брови, и он осёкся, молча поиграл желваками.

– Нужен новый план.

– Ну так предложи, для разнообразия, свой!

– Я уже предлагал. Ты его отвергла.

– Потому что снова спровоцировать на вызов – это не план. Нужно придумать: как, когда. Чтоб не получилось, как в прошлый раз.

Особенно в той части, где я раздевалась.

– Но что-то же надо предпринять!

– А ты станцуй с Бланкой, авось осенит!

Людо медленно разогнулся. Капли потекли по груди и плечам, срываясь с крутых завитков. От воды его волосы вились сильнее обычного.

– Хорошая мысль, – прищурился он.

Двор расцветился багровым, а желание макнуть его в воду обожгло руки до костей.

– Прекрасней не бывает! – вскочила я. – Принцесса помашет на тебя помандером и скажет, что всегда мечтала о столь вонючем оруженосце! Нет, правда, где ты умудрился так измараться? Или отвык мыться в темнице?

Людо переживал град моих колкостей, скрестив руки на груди.

– Что, злишься из-за того цветка? – вставил он, когда я остановилась перевести дух.

Я аж задохнулась.

– Вот ещё! Хоть у целой сотни цветы отбери! Мне нет до этого дела!

– Настолько нет, что ты вот-вот лопнешь.

Я умолкла, и впрямь чуть не лопнув от потребовавшегося на то усилия. Почувствовала, что вот-вот скажу нечто, переходящее и без того трещащую по швам границу.

Вместо этого, сложив руки так же, как он, холодно спросила:

– Признай, ты это нарочно?

– Да.

Я растерялась, не ожидав, что он так быстро сдастся.

– Но... почему?

– Потому что ты специально позвала меня на стену! – разозлился он. – Что, я тебя не знаю, чтоб не догадаться? Кого из нас ты хотела подразнить?

Мой гнев как рукой сняло.

– Так значит... ты вовсе не собирался учиться танцам у Бланки?

– Помнится, это было поручено тебе, – хмыкнул он, схватив меня за талию и притянув ближе. – Ну, так с чего там нужно начинать?

– Ты что, хочешь учиться прямо сейчас? – удивилась я, запрокинув голову.

Он стоял так близко, что мокрые пряди щекотали лицо, холодя кожу и составляя с горячим дыханием контраст.

– Почему нет? – ответил Людо странным тоном. Тень падала на лицо, мешая различить выражение.

Спорить больше не хотелось, да и не то чтобы я прямо сейчас куда-то торопилась...

– Ну... хорошо. Только котту сперва надеть не хочешь?

– Её тоже нужно стирать.

– Ладно, – я вытянула руку, отстраняя его от себя. – Тогда для начала встань подальше. Должно оставаться достаточно места для шагов.

Мне ничего не приходилось повторять дважды. Людо всё схватывал на лету, танцуя с грацией, которая мне и не снилась, и являлась результатом бесчисленных тренировок.

– Как, получается?

– Неплохо, – скупко обронила я, и Людо так этого не оставил.

– Неплохо, и всё? – схватил он меня за пальцы, когда мы сошлись руками, и подтянул ближе.

– Ну ладно, – рассмеялась я. – Это ты должен был меня учить. Теперь доволен?

По нему было видно, что да. Ему вообще понравилось танцевать. И можно было ненадолго забыть, что делаем мы это во вражеском замке, будучи в одежде с чужого плеча, и на пороге неизвестно чего. Похоже, Людо думал примерно о том же.

– А если б она согласилась?

– Кто «она» и согласилась на что?

Идти на попятную было поздно.

– Бланка. Что, если б она согласилась тебя учить?

– Опять ты за своё, – поморщился брат.

– Просто поклянись, что у тебя нет в отношении неё планов.

Он чуть отстранился.

– С чего ты так о ней печёшься?

– И вовсе я о ней не пекусь, но просто... зачем? К чему все эти авансы и взгляды, она ведь... верит.

– И что с того? С каких пор тебя волнует, во что верят те, кто убил наших родителей и сжёг дом?

– Бланка не убивала и не жгла. Ей было тогда семь.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что нам с неё никакой пользы.

– А какая нам польза с того, что лорденыш слюнями на тебя брызжет?

– Я не общаюсь с лордом Авеном с Праздника весны, как и обещала. И это ты сейчас брызжешь на меня своими волосами! Отойди!

– А если б брызгал он, то всё было бы в порядке?!

Мы уже не танцевали, а стояли, яростно глядя друг на друга.

– Хотела пользы? Так, может, мне совсем иная польза от Бланки нужна? Видала, какие у неё губы? Будто ягодами обмазанные. А кожа – белее, чем у Йосы, прозрачная почти. И характер как у овечки. Слова лишнего не скажет. То что надо жениху в брачную ночь...

Я с силой его оттолкнула.

– Ты омерзительен! Меня от тебя тошнит!

В ответ Людо толкнул так, что я, отлетев, ударилась о колоду. Качнувшись, она щедро плеснула мне в туфли воды.

– Это ты омерзительна! Не нравится слушать про других девушек, так и скажи, вместо того чтоб исходить ядом!

Тут послышались тихие голоса и смех: небольшая группа в плащах спускалась к воде. Смех резко стих – нас тоже заметили.

После паузы мужской голос неуверенно позвал:

– Эй, мы в таверну на берегу, – я узнала Марка. – Хотите с нами?

– Да! – бросил Людо, уже натягивая котту рваными движениями. Видать, она сама собой постиралась, пока мы спорили.

Все были из молодёжи. В том числе несколько девушек, одна из которых кинула на брата быстрый заинтересованный взгляд.

– А ты, Лора? – спросил Марк, помогая ей сесть в лодку. – Поедешь?

– Не поедет, – отрезал Людо. – Сестре пора спать.

Отвернулся и зашагал к ним.

Я поколебалась. Лучше б отправиться с ними и проследить, чтоб не наломал дров в таком состоянии. Но разве сейчас послушает? Да я и сама ещё кипела, а продолжать ссору при посторонних не дело.

– В полночь запрись, – прошипела я ему вслед так, чтоб другие не слышали. – Не успеешь – спи, где хочешь.

Людо даже не обернулся.

– И у тебя всё ещё грязно на шее! Не перепачкай там таверну!

Запрыгнув в лодку, брат сразу завёл разговор с той глазевшей на него девицей.

Не дожидаясь, пока лодка отчалит, я двинулась к паласу. В туфлях чавкала вода, а с неба скалился обломок луны, будто потешаясь.

Во внутреннем дворе было тихо и темно. Горело единственное окно – в башне. Глаза зацепились за свет, и ночь побледнела, растворилась в льющемся из амбразуры сиянии. Только одно это окно и осталось в целом мире...

Что он делает? Работает допоздна? Совещается с Тесием? Или... развлекается?

Проклятье.

Я сжала кулаки, пытаюсь совладать с дыханием и страстной, затмевавшей всё потребностью – увидеть. Просто увидеть.

* * *

Людо мрачно смотрел Лоре вслед, едва сдерживаясь, чтоб не рывкнуть трещавшей над ухом блондинке заткнуться. Зачерпнув воды из-за борта, плеснул себе на шею, где уже давным-давно было чисто.

Запах ей не нравится. Главное, что королю он тоже не по нраву. Значит, будет мараться столько, сколько потребуется.

Или пока не придумает способ получше...

* * *

Я лежала, ворочаясь с боку на бок и прислушиваясь к перекличке часовых на стене. Пусть и не надеется, что буду ждать до упора! Раз сказала, что в полночь, значит, не больше чем до часу. В два чтоб и не рассчитывал. В три точно запрись.

Снаружи крикнули одиннадцать, и я от души взбила подушку, злорадно представляя лицо Людо, когда он наткнётся на запертую

дверь.

Брат явился ровно в полночь.

Я не обернулась от стены. Он тоже не спешил что-то говорить, с небывалым тщанием снимая сапоги.

Скрипнула кровать, и воцарилась тишина.

Набрякла, набухла, заполнила пространство, надавив в затылок. Людо умудрился лечь так, чтоб оставить меж нами место, хотя на узкой кровати это было непросто.

Оба знали, что другой не спит, и оба молчали. Лишь ночь шуршала за окном. А потом мне под нос сунули пряник. Я молча отломала половину и принялась жевать. Судя по звукам, брат занялся тем же самым.

– Людо, а ты когда-нибудь... сомневался?

– В чём? – тут же откликнулся он.

– Не знаю... вообще. Бывало?

Он поднялся на локте, и я повернулась, чтоб взглянуть ему в лицо. Взгляд был пристальный, тяжёлый.

– Нет, Лора. Там, где начинаются сомнения, кончается преданность.

Перевернувшись на другой бок, он оказался ко мне спиной. Вскоре я по дыханию поняла, что он спит. А спустя ещё чуть-чуть он уже привычно обнимал меня во сне. Прислушавшись к знакомым ощущениям – тяжести его руки на мне, тёплому дыханию в волосах и стуку сердца, – я тоже соскользнула в сон. Но даже там мы с Людо не разлучались, просто перенеслись на много лет назад. На васильковое поле рядом с домом.

Бескрайняя синь, в которой редкими каплями кровят маки, простирается до самого горизонта, перетекая в дрожащую сизую дымку, а мы лежим на спине, и в вышине плывут облака – в форме ладьи, подковы, прялки, кинжала, перстня, который я примеряю, вытягивая руку и закрываясь от солнца.

И кажется, что мы одни на всём свете.

Веки Людо прикрыты, но ресницы дрожат.

– Слабость, – отвечает он на последний вопрос.

Игра привычная, но оттого не менее интересная.

– А бояться темноты?

- Слабость.
- Дружить?
- Со мной можно, с чужими – слабость.

Щеки брата покраснели, нос, как и мой, облупился – мы всегда обгораем на солнце, – и я щекочу его васильком.

Людо морщится.

- Перестань...
- Это не я, это муха.
- Мухи жужжат.
- Так я и пожуужжать могу...

Он, не открывая глаз, отнимает цветок и откидывает.

– Дальше давай...

Мгновение-другое я раздумываю, не дунуть ли ему в отместку в ухо, потом укладываюсь обратно.

- Кричать, когда няня стегает по пальцам ивовыми прутьями?
- Слабость.
- Не переплыть реку? Там, где сужается, напротив мельницы...
- Слабость.
- Не подготовиться к занятиям мэтра Фурье?
- Можно.
- Заснуть на мессе?
- Можно.
- Ослушаться отца?
- Измена.
- Ой, смотри, лошадка! – тычу в небо.

Брат лениво приоткрывает один глаз.

- Не лошадка, а бельгийский тяжеловоз. Видишь, какая шея?
- А не знать породы – слабость?
- Слабость... – подумав, уточняет, – для мужчины.
- Жаловаться на усталость?

Тут отвечает без раздумий:

- Слабость.
- А слойки с малиной? – и затаиваю дыхание, боясь услышать ответ.
- Слабость, – отсекает надежду Людо.

Я со вздохом разжимаю ладонь, клейкую и ароматную от сока. Слойка немного помята, облеплена травой, но все равно

головокружительно заманчива.

Людо тоже смотрит.

*– Но не тогда, когда до ужина почти три часа... – отламывает
половину и закидывает себе в рот.*

Замуж Бланку выдавали с размахом. Народ начал толпиться на берегу с рассвета, но парус с дубовым листом показался лишь к полудню.

Гудели рожки, гремели, ускоряясь, барабаны, и сотни птиц парили в небе чёрным закатом, лепясь в гербы Скальгердов и Макфи, крошась и вновь сцепляясь уже растительным узором.

Говорят, все посланцы были как на подбор. Говорят, с головы до пят затканы в пурпур, и дюжина слуг сносила на берег привезённые ими богатые дары, среди которых были даже лари для выкармливания шелковичных червей. Говорят, невеста от радости стояла бледней простыней монашки, а посол – доверенный жениха – споткнулся, ступая на берег, и люди шептались – не к добру...

Только ничего из этого я не видела. Смотрела лишь на мужчину в упелянде: пряди его, раздувшись от ветра, пылали светиллом в зените, и мне казалось, я обгораю...

А вечером был пир. Первый из вереницы празднеств, должных завершиться через три недели свадьбой Бланки и её отъездом на родину мужа, чтоб познакомиться с ним уже там.

По такому случаю слуги потрудились изрядно. Трапезная тонула в огнях, и чадный дым стелился по залу, мешаясь с запахом специй и заволакивая гостей. В этом угаре сновали звери с презентами от кавалеров к дамам, раздавались взрывы смеха, журчали хмельные напитки, вяли ковры из роз и лилий, пели струны и плясали жонглёрки.

Немало восхвалений выпало на долю павлина с золочёным оперением, из которого хозяин был удалён, запечён и ювелирно помещён обратно. Из возмущённо разинутого клюва лился фейерверк искр. Не меньший восторг вызвала заморская дичь, чьё нежнейшее мясо не одну неделю ехало сюда в чанах с мёдом, благодаря такому хранению оставшись таким же свежим, как и в первый день.

Но ничего из этого явно не трогало саму невесту. Бланка сидела, похожая на разряженную куклу, и платье, тесно расшитое золотом и камнями, и столь отличное от того, что она обычно носит,

удивительным образом ей не шло. Уж скорее напоминало броню, в которой принцесса совсем терялась. Казалось, выйди из него Бланка, и платье останется сидеть вместо неё.

Доверенный жениха недолго пробыл рядом, пытаясь вовлечь её в разговор, но безуспешно. Скучая, он поглядывал по сторонам. Не раз и не два взгляд этот задержался на белокурых подругах – леди Сабине и леди Корин...

Все гудело, жило, сморкалось и смеялось, и лишь я словно застыла в клейковине времени и тел, то плавно скользящих в сизых клубках, то проносящихся сквозь меня потоками смазанных лиц в ритме того, кто неспешно обходил гостей.

Улыбался одним, кивал другим, заговаривал с третьими. И мир то ускорялся, то застывал, то умирал во вспышке жаркой боли, когда наши взгляды встречались. Свой я не могла отвести. Бодуэн отворачивался первым.

Рывок за рукав вернул меня обратно в коридор.

– Хочешь ещё?

Артур кивнул, поправляя сползший капюшон, и я отправилась за добавкой. На принесённый окорок брат набросился, как мы с Людой в первые дни после сделки с леди Катариной: схватил обеими руками, самозабвенно вгрызаясь и не замечая капавший с подбородка жир. Его аккуратно отирала я. Заслышав шаги, вжался в глубь ниши.

Нервно на неё покосившись, прислужница шмыгнула мимо.

Испуганный взгляд – это ещё хорошо. Всяко лучше камней и «Подохни, урод!» от вилланок. Увечных не любят. Считается, что их язвы – суть отражение души, которую Праматерь в мудрости своей выставила на обозрение, дабы честный люд не заблуждался на их счёт и сразу обращался с ними, как должно. Идиоты! Им-то откуда знать, что есть мерзость в глазах Праматери!

Артур снова высунулся, провожая взглядом крепкий зад.

Я шутливо его толкнула.

– Она? Ну уж нет! Мы тебе гораздо лучше найдём!

Брат порозовел скулами – у него никогда не было девушки, – и опять скрылся в тени, прячась даже от меня и торопливо давясь остатками, чтоб успеть до прихода Людо, которого едва удалось уломать на уступку – показать Артуру пир.

Вернувшись в зал, я первым делом ощупала взглядом толпу. Бодуэн стоял подле доверенного жениха. Эти двое так оживлённо о чём-то болтали, что я безотчётно напрягла слух, словно и впрямь могла бы услышать через весь зал – о чём.

– Смотри! – шепнули за спиной. – Вон Серина с мужем: сегодня первый выход вместе.

– Где?! – раздалось жадное в ответ. И тут же: – Вон то-о-от? Да он же ей в отцы годится! И совсем нехорош собой. Бедняжка Серина...

– Говорят, они даже любят друг друга.

– Какая гадость.

– А будь он ещё и беден – это было бы полным извращением, – не выдержала я, обернувшись.

– Кому, как не вам, знать всё об извращениях, – с брезгливым недоумением приподняла брови леди Жанна и удалилась под ручку с леди Агнес.

Я отошла подальше, не выпуская из виду рослую фигуру. Вскоре туфлю настойчиво поскребли, призывая посмотреть вниз: Хруст протягивал в зубах нежный браслет из бело-розовых цветов, поглядывая умильными очами. На шее болтался подарок Бланки.

– Хочешь подлизаться? Вряд ли ты сам его плёл.

– У меня был хороший учитель, – раздалось за спиной.

Я чуть напряглась.

– Вы не должны со мной говорить.

– Тогда не отвечайте.

Вздохнув, я присела и забрала у Хруста браслет. Покрутив, надела.

Бодуэн уже пил с доверенным жениха. И рука с бликующими перстнями расслабленно лежала у того на плече. Отчего-то я не могла отвести от этой руки взгляд.

– Тесий, вам знакомо, когда чувство пожирает заживо? – И от волос, которыми он тряхнул, над чем-то смеясь. – Отравляет каждый миг. – Кубка, взметнувшегося для тоста, который я читала по губам. – С ним встаёшь поутру и с ним же ложишься. – Самих губ, потянувшихся к краю чарки. – Не можешь толком спать, есть и думать о чём-то другом. Оно проросло в кости и выело душу. Чувство, которое не то что жить – дышать спокойно не даёт. – И взгляда, вдруг

врезавшегося в меня, отчего исчезли гости, звуки, время, и в опустевшей зале остался лишь он, я да вязкие толчки в груди.

Бодуэн неспешно отпил из кубка, не отводя взгляд. Мне же казалось, если отведу свой, то перестану существовать.

Подержал ещё немного и... равнодушно отвернулся к доверенному.

– Прекрасно знакомо! – Тесий, волнуясь, коснулся руки. – Чувствую то же самое...

Я с трудом перевела на него взгляд.

– Сомневаюсь.

Он раскрыл было рот, но лишь вздохнул:

– Там ваш брат. Ещё увидимся...

И вовремя смешался с толпой.

– Кто это стоял рядом с тобой? – первым делом спросил Людо, привалившись ладонью к стене рядом с моим лицом.

– Со мной много народу стоит. Это пир, – вяло откликнулась я.

Людо фыркнул, но допрос продолжать не стал.

– Ну что, действовать будем?

– Не сегодня. Нужно подготовиться.

– Зачем готовиться? Толчёное стекло в вино или случайно факел на кого уроним. Как ты заметила: сегодня пир, а в такие дни всякое случается.

– Я сказала «нет», – с раздражением повысила голос я. – Возьмёмся в другой день. И не за «кого-нибудь» – тут нужен доверенный жениха. Без него и свадьбе, и миру угроза.

О чём же они всё-таки говорят?

Людо с досадой пристукнул кулаком о стену. Пламя факела метнулось, лизнув жаром мне щеку.

– Ну ладно, тогда пошли, – потянул он меня.

– Куда?

– Как куда? Танцевать. Не зря же ты меня учила. – Он кивнул в ту часть зала, где уже отодвигали столы.

– Не хочется. – Я привалилась обратно к стене.

Людо внимательно посмотрел.

– Часом, не заболела? Ты вся в испарине, и щёки горят, – он принялся ощупывать моё лицо.

– Да нет же! Ну что ты пристал! – скинула я его руки и сама поразилась злости, с которой это сделала. Людо стоял, не меньше моего поражённый этой вспышкой. Ну почему нельзя было просто оставить меня в покое, не закрывая плечом обзор?

– Как слизняку, так слюни подтираешь, а как мне, так сразу «отвали»?! – придвинувшись, прошипел он.

– Кто сказал «отвали»? Хочешь – рядом стой. Кто мешает-то?

Людо с силой дёрнул запястье.

– Идём!

Я снова вырвалась.

– Сказала же: нет! Что тут непонятного?!

– Да ничего непонятно! – взорвался он. – Чего-то постоянно жди, на пиру не веселись, на других не смотри, меня не трожь. От кого? – кивнул он на браслет.

– Нравится? На! Забирай! Только отвяжись уже от меня! Чтоб хоть один вечер тебя не видеть и не слышать! – содрав подарок, я швырнула его ему в грудь.

Людо не моргнул, когда венки, отскочив, упали на пол, смешавшись с другими подвявшими и никому не нужными цветами.

– Да что ты к сестре прицепился? Может, влюбилась в кого... – пьяно гоготнули у него за спиной, панибратски закинув руку на шею. – Пошли-ка лучше хлебнём вина из фонтана.

Людо молча вломил с разворота, даже не глянув кому, и двинулся прочь, расталкивая танцующих. Взмахом снёс со стола несколько блюд и покинул зал.

А я привалилась затылком к стене и прикрыла глаза. Да что со мной такое! Может, и впрямь заболела? Откуда такая злость на Людо? Мы и раньше, бывало, грызлись, натуры такие, но в последнее время будто вовсе разучились говорить друг с другом. Что не разговор – то ссора. Открыв глаза, я оглядела зал. Нахмурилась, подалась вперёд, вправо, влево... Нет нигде. Доверенный уже вился подле фрейлин.

Вот же ж...!

А щёки и вправду горят. И потряхивает, душно... дым ещё этот всюду... тела, тяжкий хмельной дух.

Я пробралась к окну и подставила лицо сквозняку. Немного полегчало...

Повернулась обратно и вздрогнула, наткнувшись на бесшумно подошедшего Бодуэна. Он парой шагов загнал меня в тень оконной ниши, заслонив от пирующих, и опёрся о подоконник с двух сторон – не выскользнуть.

Наклонился к лицу.

– Девушка не должна так смотреть на мужчину. Опустите глаза.

Его собственные жарко блестели. Он много выпил. Чересчур... Это ощущалось в севшем голосе, расслабленной позе и откровенной близости тела, почти касавшегося моего.

Опустить? Я даже моргнуть не могла, покачиваясь на плывущем полу...

– Как «так»? – прошептала я.

Он придвинулся вплотную, обдав шею горячим дыханием:

– Так, словно хочет того же, что и он. – Отстранившись, взял меня за руку и потянул из зала. – Идём.

– Куда?

– Покажу тебе герб Скальгердов. В деталях. Ты ведь у нас любишь гербы...

Я даже не пыталась вырвать пальцы из властной ладони. Шла за ним, как околдованный зверёк. Попавшегося по пути слугу он толкнул в грудь:

– С дороги!

Накатило шальное чувство, что всё происходит не со мной. Кто-то другой покорно следует за Бодуэном полутёмными галереями, переходами, поднимается по ступеням, напрочь забыв осторожность, отстранённо любит танцем бликов в медных волосах и чётким профилем. На меня он не смотрел – только вперёд.

И крепко держал за руку. Светильники на стенах пульсировали в такт сердцу, взрываясь мутными солнцами и стягиваясь до размера булавочных головок, наши шаги доносились откуда-то издалека, отражаясь гулким эхом, сквозняки осыпали кожу мурашками, но холода я не чувствовала. Я вообще ничего не чувствовала, кроме стискивающей пальцы ладони, вся сосредоточившись на этом ощущении.

Путь закончился в башенном кабинете, залитом лунным светом от окна. Бодуэн подтолкнул меня вперёд и запер дверь. Визг засова как-то

сразу и вдруг развеял морок. Стало зябко, неудобно, а зверёк внутри меня насторожился.

– Я... хочу уйти!

Бодуэн усмехнулся.

– Не хочешь.

Перехватив брошенный на дверь взгляд, качнул головой, зажёл светильник и подошёл к шкапу. Выбрал том и небрежно кинул на стол. Рукопись от удара раскрылась, тканая закладка свесилась вишнёвой змейкой.

– Это будет поинтереснее гербов, м-м? – произнёс он, разворачивая меня к столу, и встал за спиной.

Книга оказалась работой, смутившей когда-то Тесия, и запахнулась на той же странице: обнажённая дева в окружении рыцарей.

– Листай, – приказал Бодуэн.

– Я не...

Ладони упёрлись в стол, снова поймав в ловушку, а губы почти коснулись уха, властно повторив:

– Листай.

Низкий рокочущий голос отозвался болезненным напряжением в шее и сухостью на кончике языка.

Я перевернула страницу.

Нимфа, уестествляемая сатиром... быстро перелистнула.

Мужчина в маске быка с бугрящимися под кожей мышцами и блестящей от пота спиной пристроился меж раскинутых ног темноволосой женщины.

И хриплый голос, шевельнувшийся прядь возле виска:

– Дальше.

Двое, чьи тела переплелись так тесно, что не различить границ.

Дева на коленях перед мужчиной, придерживающим её затылок.

Огонь в светильнике дрожал, оживляя персонажей, заставляя их дышать, двигаться, беззвучно стонать и выгибаться в судорогах.

Я ощущала стоящего позади всей кожей. Чувства обострились до предела, превращая пергамент в наждачную бумагу и многократно усиливая каждый звук: шорох сухих страниц, треск пламени и рваное дыхание над ухом.

С каждой перевёрнутой страницей оно тяжелело, а мои шея и плечи затекали от напряжения. Камиза прилипла к спине, кончики пальцев заледенели, щёки, напротив, пылали, а в висках толчками гремела кровь. Смачиваемый палец оставлял во рту сладковатый кисель пергамента. Я ощупала взглядом стол в поисках чего-то тяжёлого или острого. Ничего... Только бесстыжая книга и шелест страниц.

Мужчины и женщины попеременно с животными и фантастическими тварями, по двое и целыми группами, выпяченные груди, полуприкрытые глаза, запрокинутые головы, потные извивающиеся тела, искажённые, как в агонии, лица... Вскоре все эти картины перетасовались в сознании и сплелись в единое огромное полотно стонущих, глядящих, целующихся, совокупляющихся людей и нелюдей. Отголоски их соития оседали на пальцах золотистыми крупинками отслоившейся краски.

Я снова потянула подушечку в рот, чтоб разделить слипшийся разворот, как вдруг волосы скользнули в сторону и опустились всей массой на левое плечо, а к обнажившейся шее сзади прижались горячие губы, лаская позвонки, посылая импульсы до кончиков пальцев ног. Широкая ладонь собственнически легла на грудь и сдавила, впечатываясь перстнем в сосок через ткань. Я с судорожным вздохом развернулась и тут же оказалась притиснута чужими бёдрами к столу. Бодуэн нависал, упираясь кулаками в дубовую поверхность. Мерцающая радужка размылась, в зрачках плавилась, взметаясь и оседая, серебристая взвесь.

Он наклонился и легко провёл кончиком языка по моей верхней губе, передавая вкус тернового вина и своего желания. Стены качнулись, и что-то горячее и сладкое скользнуло в низ живота и осталось там тлеть. Я выставила ладонь, пьянея от его запаха и то ли отталкивая, то ли цепляясь за тесёмки туники.

– Не на-адо...

Протяжный, с придыханием, отказ прозвучал призывнее стоны, и Бодуэн это услышал. Придвинулся, зажав руку между нашими телами, куснул за ухо.

– Надо.

Потянул за волосы, принуждая отклониться назад, подставить шею, ключицы. И тело покорилося его воле, как инструмент

настройщику, рука безвольно сползла, уцепившись за край стола. Я, дрожа, выгибалась, чтобы ему удобнее было целовать. Чуть обветренные губы то едва задевали кожу, то жадно с нажимом раскрывались, заставляя покрываться мурашками в предвкушении, где и каким будет следующее прикосновение.

Золотистый полукруг света на стене мигнул, и фитиль с тихим шуршанием уполз в озерцо воска, погрузив комнату в полумрак, в котором ещё отчётливее проступили звуки: наше громкое прерывистое дыхание, шорох трущихся друг о дружку одежд, скрип стола...

Сильные пальцы нетерпеливо стащили, почти содрали с моего плеча платье, открыв кожу, неправдоподобно белую на фоне чёрного бархата платья, с оттиском тугой шнуровки. Бодуэн повторил узор бороздок ногтем и тут же прижался губами, разглаживая, залечивая след от рукава поцелуями и лёгкими укусами, от которых я вздрагивала и невольно подавалась навстречу. Не прекращая целовать, дёрнул ткань ниже, оголяя правую грудь, и надавил языком на набухший сосок, вырвав глухой вскрик.

Почему-то вид одной белеющей в полутьме груди, с блестящими островками слюны, показался мне непристойнее, чем если бы он обнажил сразу обе...

Я откинула голову и зажмурилась, гася закипающие в уголках глаз слёзы напряжения и борясь с желанием скинуть с себя платье, чтобы почувствовать его губы на каждом дюйме кожи. До хруста суставов стиснула край стола.

А Бодуэн уже опускался ниже, прихватывая зубами и целуя через ткань, под грудью, в живот, ниже, ещё ниже, одновременно подтягивая вверх мой подол, пока не смял его на поясе. Потом развёл мне колени и поцеловал между ног, прямо сквозь тонкое льняное полотно, сообщая лону влажный жар. Я охнула и попыталась их сомкнуть.

Что он делает?!

Но Бодуэн не позволил, впившись пальцами в бёдра. Подсадил на край стола, содрал с меня брэ вместе с одной туфлей и снова поцеловал внизу, уже без преграды, ослепляя контрастом.

Когда горячий язык коснулся открытой плоти, я захлебнулась стоном и выгнулась. Потолок завертелся, опрокидываясь на меня и взмывая обратно. Ноги дрожали, я бестолково металась руками по столу, не зная, куда их деть. Наконец запустила одну Бодуэну в волосы,

чтобы оттолкнуть, но вдруг обнаружила, что прижимаю его голову к раздвинутому бёдрам.

Лицо горело от стыда и возбуждения, от движений его рта, то мягких и обводящих, то интенсивных, проникающих. Не знала, что мужчина тоже может касаться женщины подобным образом... Обратное видела как-то на задворках трактира, не только на недавней иллюстрации, а то, что происходит сейчас... грязно, ужасно! Ужасно, что мне это так нравится... или не нравится? Подташнивало при мысли, кто это делает, а вдоль спины прокатывались колкие искры, отдаваясь сладкими спазмами в сосках.

В глазах темнело, реальность ускользала всё дальше, и я, собрав остатки воли, оттянула Бодуэна от себя за волосы. Едва узнала запрокинутое лицо: в абсолютной белизне глаз колыхалось разделённое на двоих сумасшествие. Он подался было обратно, но я с силой дёрнула пряди.

– Перестаньте, мне противно...

Мгновение оба мы тяжело дышали, а потом он выпрямился:

– И поэтому ты вся мокрая? От отвращения?

Я не поняла, о чём он. Опустив голову, принялась оправлять платье трясушимися руками.

– Ты хочешь меня не меньше, чем я тебя.

Хочу. До раскалённых кругов под зажмуренными веками, до пересохшего горла. Хочу настолько, что готова откинуться сейчас назад, увлекая его за собой. И не знаю, что делать со странным незнакомым желанием почувствовать на себе его тяжесть...

По-прежнему молча, я потянулась за повисшими на углу брэ, но тут Бодуэн сдёрнул меня со стола, одной рукой притиснул к себе за талию, а вторую грубо пропихнул мне между ног и начал двигать. Жёстко, уверенно, словно знал моё тело гораздо лучше меня. Похоже, так оно и было... Я забила, пытаюсь его оттолкнуть. Наконец, всхлипнула и уткнулась покрытым испариной лбом ему в грудь, кусая ткань и царапаясь щекой о талисман-гончую в такт ритмичным движениям вниз.

Он поднял моё лицо за скулы, больно впиваясь большим и указательным пальцами.

– Покажи, насколько тебе противно.

Я могла бы закрыть глаза... Нет, не могла. Прикипела к его взгляду, добавлявшему остроту тому, что творила рука, и задыхалась от бессилия и удовольствия. Впитывала его неугасшее возбуждение, прорывавшееся за показным равнодушием в нечётких зрачках и хриплом голосе.

За миг до того, к чему Бодуэн меня вёл, рука вдруг замерла и чуть отстранилась. Я судорожно прижала её обратно, потёрлась пульсирующей плотью раз, другой и громко с облегчением застонала, содрогаясь всем телом от прямой оглушающей судороги.

Бодуэн удерживал лицо, пока не стих последний спазм, вглядываясь с мрачным удовлетворением в затянутые поволокой глаза. Надавил большим пальцем на мою нижнюю губу, оттягивая, пробуя им влагу обратной стороны, и отпустил. Комната постепенно перестала кружиться и вспыхивать, возвращая меня в залитую лунным светом реальность, к мужчине, чью руку я до сих пор вжимала в себя, ловя отголоски недавнего ощущения. Я медленно освободила её от хватки, понимая, как смехотворна была бы сейчас стыдливая поспешность, и стараясь не смотреть на мокро поблёскивающие пальцы, которые он – тоже неторопливо, – вытащил из-под моего подола.

Ещё пару мгновений Бодуэн бесстрастно рассматривал меня, а затем прошёл к двери, дёрнул засов и с лёгким поклоном указал на темнеющий проём.

Так же насмешливо наблюдал, как я неловко натягиваю брэ, не с первого раза попадаю в туфлю и иду к выходу на подламывающихся ногах, изо всех сил пытаюсь держать спину прямо и не шевельнуть ни единым мускулом на лице.

Сделав несколько чинных шагов по лестнице, я не выдержала и стремглав понеслась вниз, перепрыгивая через ступени.

– Взрослые играют по-взрослому, Лора, – раздалось негромкое вслед, и дверь наверху захлопнулась.

* * *

– Добрый вечер.

Юноша обернулся, отбрасывая на стену такую же покачивающуюся, как он сам, тень, и Бланка растерялась. Крепче

сжала прощальный подарок – вышивку, на которой она изобразила преподнесённый им цветок. Теперь, когда настал момент его вручить, в горле вдруг пересохло.

– Я лишь хотела на прощание... и у вас ведь скоро день рождения... – начала она.

Не дав договорить, он вдруг прижал её к стене. С испугом Бланка ощутила чужие губы на своих. На место испугу вскоре пришло смущение, и все в голове перемешалось от странных новых ощущений.

Наконец оруженосец отстранился, обжигая дыханием и глядя в её расширенные глаза, и, посмотрев ещё немного, двинулся прочь.

Бланка осталась стоять, прижавшись спиной к холодной кладке. Рядом на земле белела вышивка, на которую кто-то из них – а может, оба, – наступили, оставив отпечаток.

Добежав до первого этажа, я бессильно привалилась ладонью к стене. Немного отдышавшись, подняла глаза и встретила со своим отражением в полированной стали щита. Трофейная...

Лицо делилось надвое ребром жёсткости, и если одна половина принадлежала мне, то вторая – какой-то незнакомке. Глаза лихорадочно блестели, губы пересохшие, в лёгких насечках трещинок, а на бледной до синевы щеке ярко горит оттиск перстня с гербом, словно Бодуэн поставил на меня свою печать. Я принялась яростно тереть его, разглаживая, но это лишь напомнило, как сам он с нажимом водил по моей коже губами, сцеловывая следы шнуровки. Вскоре на месте рисунка осталось лишь красное пятно, и я прильнула горячей скулой к успокаивающей прохладе металла, затуманившегося от моего дыхания.

Шорох шагов позади резанул почти болезненно, в щите мелькнула неясная тень.

– Лора, вот вы где!

Прикрыв щеку волосами, я повернулась к приближающемуся Тесию.

– А я вас всюду... – он осёкся и обеспокоенно взгляделся. – Что с вами? Что-то слу...

Я молча обвила его шею руками и поцеловала в губы. И чуть не разрыдалась, ничего не почувствовав: тепло, влажно, странно... и только. Что может быть интимнее поцелуя? Что может быть волнительнее первого в жизни поцелуя?

Я не ощущала ни-че-го.

Сердце даже с ритма не сбилось.

Или я делаю что-то не так? Со стороны всегда смотрелось просто, но что, если надо водить губами по-другому, или есть ещё какой-то секрет?

– Пойдите, Лора, вы... – выдохнул он, когда наши губы на миг разомкнулись.

Не дав закончить, я снова прильнула и услышала, как Тесий застонал. По его телу прошла дрожь, а по моему невесомо скользнули

руки и обвились вокруг плеч, обнимая так бережно... так раздражающе бережно. Я прижалась теснее, стукнувшись зубами, и протолкнула язык ему в рот.

Тесий отпрянул от неожиданности, расцепив объятия. Я тоже отступила на шаг, неосознанно вытерев рот тыльной стороной ладони.

– В чём дело? Такой я вам уже не нравлюсь? Такую Лору уже не сравнить с лилией? Зачем вообще нужны девушки, если их нельзя сравнить с цветами и овцами?

Он вздохнул и подался вперёд.

– Простите, я вас обидел. Просто вижу, что вы чем-то расстроены, и воспользоваться сейчас вашей слабостью было бы неправильно...

Хотел взять за руку, но я убрала её и двинулась к выходу, бросив:

– Мне нужно найти брата.

– Как раз из-за него-то я вас и искал.

Я замерла, обернувшись.

– Что?

– Он во дворе, там, где винный фонтан.

Внутри шевельнулось нехорошее предчувствие.

– Он что, пил из него?

Тесий снова вздохнул.

– Он в него залез.

Я молча подхватила подол и бросилась к выходу, Тесий – за мной. Но добежать до двора мы не успели – Людо встретился в проходной галерее со статуями.

Он с кем-то говорил, стоя к нам спиной.

Запах чувствовался даже с полдюжины шагов.

– ...должна уважать! – разобрала я в бессвязном потоке.

– Людо!

Он обернулся, мотнувшись всем телом и обнимая одной рукой за шею статую девушки с кувшином. На губах белела каменная пыль.

– С кем вы разговариваете? – спросил Тесий, насторожённо оглядываясь.

– Как с-с кем? – Тем же заплетающимся языком и покачиваясь. – С Лорой, канеш-шна. С кем же ищо мне разгова... ик! вать... – Хлопнул по груди скульптуру рядом.

– Это не Лора... – тихо произнёс секретарь. – Вот... Лора...

Людо перевёл на меня мутный взгляд, проморгался, потом точно так же посмотрел на статую. И изрёк:

– Ну на-адо же... Прос-сто один в один! Эта льдышка, и эта льдышка – ну, никакой разницы! Хотя нет, моя погорячее будет. А ту забирай с-себе, – махнул он на меня. И поцеловал статую в губы.

Тесий шокированно застыл.

– Все, Людо, хватит, идём отсюда, – потянула я его за рукав сорочки. Котту он где-то оставил.

Брат качнулся, отлепляясь от скульптуры, и вдруг нахмурился на Тесия, словно впервые его увидел.

– Опя-ять ты рядом с-с ней? Я ж с-сказал, штоб валил подальше!

И толкнул того в грудь, так что сам попятился, едва устояв на ногах.

– Людо, прекрати. А вы, Тесий, пожалуйста, уйдите, – обернулась я к секретарю.

– Я вас с ним в таком состоянии не оставлю!

– Да уйдите же! Брат ничего мне не сделает.

– С-слыхал? Я нич-чего ей не сделаю! А вот ты иди-и сюда, зар-р-раза! – Людо снова шагнул к Тесию и вдруг словно о воздух споткнулся, застыл, напряжённо вытянув вдоль тела руки с неестественно скрюченными пальцами и неловко запрокинув голову. Мелко затрясся, не меняя положения.

В тот же миг послышался пьяный смех и приближающиеся голоса.

О Праматерь! Нет! Нет!!

Людо уже упал на спину, дёргаясь и закатывая глаза. Я бросилась к нему и придержала голову.

– Что с ним? – опустился рядом Тесий.

– Брат страдает падучей.

– Тогда нужно сунуть ему в рот деревяшку, чтоб не прикусил язык...

– Не нужно, просто помогите мне вывести его на воздух, пожалуйста, скорее! – Голоса быстро приближались. Я хлестнула Людо по щеке. – Не смей терять сознание! – Встряхнула и ударила по второй. – Слышишь?! Не смей!!

Вместе мы кое-как подхватили его и поволокли прочь. В процессе Людо немного пришёл в себя и помогал нам, переставляя

заплетающиеся ноги.

Снаружи сразу упал на четвереньки и принялся выворачивать из желудка всё содержимое. Кажется, там было только вино...

Я тут же присела рядом, бережно придерживая его волосы и сама дрожа от только что пережитого волнения.

Тесий встал с другой стороны, посмотрел вниз.

– И часто с ним такое?

Брат блеванул снова.

– Впервые... Людо никогда не пьёт. Он ненавидит физическую слабость.

А ещё ему нельзя терять контроль.

– Похоже, сегодня ему это не помешало. А ненавидит из-за своей болезни?

– Да, из-за неё. – Я осторожно положила ладонь Людо на спину. – Спасибо вам, Тесий, а теперь, пожалуйста, оставьте нас одних.

Он не шелохнулся, холодно спросив:

– Потому что я нужен, только когда удобен? Только когда могу чем-то помочь?

Я устало подняла глаза:

– Потому что вы не такой, как они, вы другой – хороший. У меня сейчас нет сил с вами спорить... Просто прошу... уходите.

И снова подалась вперёд, поскольку Людо скрутило новым спазмом. Ещё немного, и послышались удаляющиеся шаги.

– Прости меня, Людо, – прошептала я и заплакала, глядя его по трясущейся спине, волосам и сама не зная, за что прошу прощения: за нашу ссору или за то, что случилось в башне, но продолжала бормотать, задыхаясь от душивших рыданий: – Пожалуйста, прости-прости...

Смахнула слёзы со щеки и удивлённо посмотрела на ладонь. Она осталась совершенно суха. У меня было полное ощущение, что я плачу: в носу хлюпало, горло драло, жгло веки, и слёзы текли... Только не наружу. На лице – ни капли влаги.

Людо перекатился на спину. С усилием сглотнул и выдавил, тяжело дыша:

– И ты прости... я так испугался.

Я даже о своём странном плаче забыла: Людо никогда ничего не боялся и уж тем более не признавался в этом вслух. Объяснением тут

могло быть единственно его состояние.

– Знаю, Людо, я тоже испугалась! Так сильно испугалась в галерее, когда...

– Не там...

– А где? – ласково спросила я, промакивая ему лицо платком.

– На пиру... Когда ты мне это сказала... я испугался, что убью тебя прямо там.

Моя рука замерла, а потом возобновила осторожные движения.

– Но ты ведь никогда бы этого не сделал, правда? Знаю, что не сделал бы...

Он с булькающим стоном перевернулся обратно, начиная по новой, хотя там давно уже должно было все закончиться.

В эту ночь мы спали наоборот: я лежала сзади, обнимая Людо и прислушиваясь к его дыханию, неровному даже во сне. Чуть оттянула ему рубаху на спине, провела по едва заметным белым следам и поцеловала их.

У меня, как ни странно, полностью сошли, а вот у него до сих пор остались, не слишком явные – только если присмотреться. Брат как-то предлагал и мне заново нанести, но я отказалась: детство прошло, уже не до глупостей.

Я замычала, болезненно морщась – большего деревяшка в зубах не позволяла.

Но Людо и так понял вопрос.

– Сейчас, почти закончил. Всё, готово... «О» ведь вот так пишется?

Я взглянула на закорючку на земле и вскочила, выплюнув деревяшку и заорав:

– Людо!! Мать твою!

Он покатился со смеху.

– Видела бы ты своё лицо! Да правильно я всё написал, правильно!

Я приблизилась к воде и, извернувшись, заглянула через плечо. Увидев отражение, выдохнула с облегчением: действительно правильно. Коряво, но правильно.

– И больше не ругайся. – Он несильно илѐпнул меня по губам тыльной стороной ладони, передал нож и плеснул на ранки

пригоршню воды, смывая кровь, которая тут же снова проступила. – Женщине не пристало.

– Так я сестра, а не женщина! – возразила я, осторожно возвращая платье на плечо и стараясь не морщиться при Людо, как какая-нибудь неженка.

Железный аргумент на сей раз не возымел действия.

– Всё равно.

Я пополоסקала клинок в ручье, а он тем временем стянул свою котту.

– Нянюшка обожгла руки...

– Да, я слышал. Теперь ещё несколько месяцев не сможет стегать тебя ивовыми прутьями.

Вытерла лезвие о подол.

– Зачем, Людо? Она всего лишь выполняла приказ отца.

– Но ей это нравилось. Нравилось бить тебя.

Тут не поспоришь...

Мы поменялись местами.

Я плюнула на подорожник и повозила по его спине, расчищая фронт работ.

– Давай и мне на лопатке? Тоже всего-то, – он посчитал на пальцах, – четыре буквы.

– Четыре? – вздёрнула брови я в притворном удивлении и поудобнее перехватила нож. – Меня зовут Анна-Лорелея.

Протянула деревяшку, но Людо равнодушно отвернулся.

– Не надо. И кстати: отличная была идея...

Я шевельнула лопаткой.

– А то.

Все вскрылось, когда настало время меня купать.

– Что ж ты наделал, изверг проклятый! – голосила кормилица, но трогать брата не решалась – слуги боялись Людо, особенно после случаев с мэтром Фурье и нянюшкой. – Козочка моя... Кто ж её теперь замуж такую возьмёт?!

– Тише, Колетта! – молила я. – Ну, пожалуйста! Ну, не говори отцу...

Проснувшись наутро, я сразу встретила взглядом с Людо. Брат сидел на полу, прислонившись затылком к стене, и смотрел на меня – ждал, пока проснусь. Осунувшийся, с чёрными кругами, но абсолютно трезвый, на бесстрастном лице ни единой эмоции.

– Как ты? – спросила я, опуская ноги на пол.

– Я знаю, что нам сделать с послым, – сказал он вместо ответа.

– И что же?

– А это будет не слишком? – усомнилась я, когда он вкратце изложил план. – А ну как насмерть выйдет?

– Придётся рискнуть. Никто не станет беспокоиться, если он уколет пальчик.

Я сосредоточенно посмотрела на него.

– Ну... хорошо, – медленно кивнула я. – Давай попробуем. Насчёт вчерашнего...

– Жду тебя во дворе, – кинул он, поднимаясь, и вышел за дверь.

Я малодушно порадовалась его нежеланию продолжать этот разговор.

* * *

Из чаши доносился возбуждённый лай собак, дудели манки, завлекая дичь, над деревьями взлетали вабила, комнатная мелочь плескалась в воде неподалёку, а леди Жанна брела вдоль берега, то и дело оскальзываясь с трепетным «ах!» и поглядывая на кидающего в озеро камешки Тесия, а идущий рядом член посольской свиты с готовностью придерживал её ладонью за талию. И с каждым разом талия леди Жанны смещалась всё ниже...

Королева в окружении фрейлин наслаждалась обществом кавалеров, которые вернулись пораньше с охоты, чтобы развлечь дам. Там же, не поднимая глаз, сидела Бланка. Пальцы трудились над вышивкой, которую она взяла даже сюда.

Леди Лорелея в лесном пикнике не участвовала, зато участвовала леди Корин. Ещё накануне на пиру я заметила, что доверенный жениха особенно выделяет двух блондинистых фрейлин – её и леди Сабину. В итоге леди Корин сегодня после завтрака занемогла желудком после угощения от тайного кавалера и осталась в замке, а затем так же резко выздоровела благодаря её же волосу и сейчас сидела на поваленном дереве, мрачно наблюдая, как вторая, леди Сабина, в компании ещё нескольких дам обхаживает посла и регента, подавая им закуски со скатерти на траве и беспрерывно щебеча.

Главным и единственным достоинством упомянутой леди Сабины был внушительный сдобный бюст. И этим самым достоинством она буквально вцепилась Бодуэну в лицо, когда за чем-то тянулась. А она постоянно за чем-то тянулась. При этом он даже не отодвигался! Вот, снова... Да она его сейчас просто задушит.

Леди Корин резко встала, подошла к общему столу и взяла плошку жгучего чёрного соуса, яблоко и нож. Проходя мимо весёлой компании, неловко оступилась, и тёмная густая масса выплеснулась прямо на роскошную белую грудь леди Сабины, стекая к вырезу похожим на помёт гигантской птицы шлепком.

Леди Корин вообще на редкость неуклюжа. Конечно, она тут же бросилась извиняться и оттирать жижу, оставившую на коже фрейлины красноватый след, за что получила злобный взгляд и требование убрать свои руки подальше. Естественно, леди Корин огорчилась. Очень-очень. И вернулась на прежнее место.

Лишь снова опустившись на поваленное дерево, я опомнилась. Праматерь, что я творю?! А главное, зачем? Какое мне дело до того, с кем любезничает Бодуэн? Пространство рядом с ним уже заполнилось новым телом, пока леди Сабина убежала в замок переодеваться.

Я поскорее перевела взгляд на доверенного, вертя яблоко. Собачий лай меж тем приближался, в сгущающихся сумерках зацветали первые факелы. Пора действовать. Но как привлечь внимание мужчины, да ещё чтоб не слишком явно для остальных? Вряд ли стоит приспускать платье, как с господином Букэ.

Внезапно доверенный повернулся, и наши взгляды встретились. Недолго думая, я разрешила яблоко, чувствуя брызнувшие на пальцы капли, и медленно, словно пробуя сталь на вкус, провела по ножу языком. Мужчина смотрел не отрываясь. Я же сквозь искры видела

лишь того, чьи волосы красными спиралями стекали на плечи. Бодуэн наклонился к нему, что-то говоря, но, заметив, куда тот смотрит, усмехнулся и вернулся к разговору с преемницей леди Сабины.

Подняв глаза, я вдруг увидела Людо в компании ещё нескольких оруженосцев. На резко очерченных сумерками и костром скулах дрожали желваки. Он что, злится? Но почему? Получается же!

Отложив яблоко и нож, я поднялась. Сделав несколько шагов к чаще, обернулась: доверенный отхлебнул вина и тоже встал. Послав ему многообещающую улыбку, я уже не мешкая шагнула под сень. Там сразу стёрла улыбку, подхватила подол и бросилась вперёд, высматривая в тёмной ряби стволов белые лоскуты.

Вскоре за спиной зашуршало, и я поняла, что посол тоже вошёл в лес.

– Где ты, красавица? – раздался шёпот.

Я смешком задала направление, и он сорвался с места.

Стволы ударили о ладони, под ногами шуршала хвоя, а в глазах мельтешило от листвы и напряжения.

Вот она, расщеплённая надвое сосна!

– Охх! – Нога поехала с глинистого края, и тень метнулась ко мне.

Я увернулась с ещё одним нарочитым смешком.

И в тот самый миг, когда впереди наконец мелькнуло последнее белое пятно, меня сшибли медвежьи объятия и протащили, едва не раздробив кости.

– Вот ты где, – жарко прошептали в ухо.

Чужие руки больно сдавили груди, к шее прижался жадный рот.

– погоди, – попыталась вывернуться я.

– Зачем? Ты ведь сама позвала...

– Отойдём от поляны, нас могут услышать. – Я, пыхтя, пятилась, стараясь утянуть его за собой. Шаг... ещё чуть-чуть.

– Не услышат, – зажала мне большая ладонь рот, и сердце с размаху влипло в рёбра.

Одной рукой удерживая меня, второй он уже освобождался от штанов.

– Да что с тобой? Ты же сама хотела, – недовольно пробурчал доверенный, чувствуя, как я извиваюсь.

Я задыхалась, пытаюсь отлепить руку.

– Отвали от неё!

Тяжёлое навалившееся на меня тело внезапно исчезло, отброшенное мощным толчком. Рядом стоял Людо с искажённым от ярости лицом.

Доверенный качнулся, взмахнул руками, а в следующий миг осыпающаяся под ногами земля ухнула вниз, утянув его за собой.

Опомнившись, я подбежала к краю обрыва.

– Что ты наделал? – прошипела я, повернувшись к Людо.

– Что, помешал вам развлекаться?

– Помешал? Да ты все испортил! Я почти довела его до места!

– А по-моему, ты совсем другим торопилась с ним заняться. Чуть из платья не выпрыгнула прямо на поляне!

– Да ты спятил! А как ещё, по-твоему, я могла его сюда «завлечь»? Ударить по голове и отволочь за деревья?

– Так ты бы перед ним ещё на поляне легла!

– В следующий раз так и сделаю, спасибо за подсказку! Что ж ты раньше не торопился предлагать варианты?

Людо взбешённо шагнул ко мне, но тут в спор вмешался донёсшийся снизу бранный стон.

– Уходи, – толкнула я брата. – Возвращайся на поляну: он вряд ли успел тебя разглядеть и не опознает.

Брат помешкал.

– А ты?

– Замету следы и сразу за тобой.

Помедлив ещё мгновение, он попятился и скрылся за деревьями.

А я быстро отвязала белый платок и спряталась за стволом. Долго ждать не пришлось: вскоре на крики доверенного откликнулись возвращавшиеся с охоты рыцари. Замелькали факелы, замельтешили люди, двое скользнули вниз.

Вскоре над обрывом показались уже трое: давешние помощники придерживали с боков доверенного. С того ручьями текла вода. Но одного взгляда хватило, чтоб понять: затея провалилась. Поджимает ногу, вроде кровь на штанине. И всё... Ничего, ради чего стоило бы звать не то что Покровителя – обычного лекаря. Хотя и без того было ясно, что полуживые от ран не бранятся с таким жаром.

Я от души ругнула про себя Людо: ведь буквально десяток ярдов не дотянули до того места, с которого оруженосец когда-то упал на охоте в озеро и напоролся на камни! В том месте они почище кольев во

рву, ещё и острые коряги из склона торчат. А мы с Людо днём для верности и от себя подложили, когда я запоминала дорогу от поляны.

Спасённый оттолкнул одного помощника, лизнул ладонь и скривился:

– Что за дрянь, а не вода!

Видать, не предупредили его не пить из Хидрос...

Я осторожно попятилась и торопливо зашагала обратно, собирая оставшиеся лоскуты. Про леди Корин он скорее всего умолчит: какому мужчине захочется рассказывать про свой провал? В любом случае леди Лорелею это не касается...

Впереди уже замелькали в просветах отблески костра, как вдруг за очередным деревом я врезалась во что-то мягкое.

Вскинув глаза, поперхнулась воздухом и судорожно попятилась.

– Леди Корин! Какая неожиданная встреча! – сказало это мягкое голосом Бодуэна, наступая, пока я не упёрлась спиной в ствол. – Что вы здесь делаете?

– Отошла по природной нужде и заблудилась, – пробормотала я.

– Не встретили случайно нашего доверенного? Он направился в эту же сторону по такой же природной нужде.

– Нет. Верно, разминувшись.

– А как ваша подруга? Всё в порядке?

– К-какая подруга?

– Та, у которой пятно, – он протянул палец и начертил у меня над вырезом круг, оставив ожог из мурашек, – вот здесь...

– Как раз хотела вернуться в замок и проверить. – Я сделала было шаг вперёд, но он лениво прижал ладонью обратно к стволу.

– Ещё успеете, – придвинулся он. – Вы лишили меня её общества, придётся теперь вам развлекать меня вместо неё. – Рука не торопилась покидать мою грудь, поглаживая обнажённую кожу.

Вчера я, сегодня леди Сабина, сейчас вот леди Корин... С-скотина!

Пальцы поднялись выше и заскользили от одной ключицы к другой.

– Скажите, где ваш талисман-покровитель, леди Корин из рода Кармис?

Вправо-влево...

Я сглотнула.

– Я... где-то его оставила...

– Как опрометчиво, маленькая заблудившаяся в лесу фрейлина, – прошептал он. – Кто же вас теперь защитит?

– От кого?

– От меня, конечно. – И зрачки закатились, оставив горящие в темноте бельма. – Вы дрожите, – хрипло произнёс он, вода пальцами уже по моим губам, трогая скулы.

Меня и правда уже всю колотило: от его близости, запаха, прикосновений.

– Мне холодно.

– А по-моему, вам очень жарко.

– По-моему, вам тоже... слишком... жарко, – выдавила я, запрокинув голову.

– Поделиться излишком с вами? – Он скользнул ладонями мне на бёдра и резко сжал, впечатывая в себя, отчего у обоих вырвался слаженный выдох.

Потом потянул вверх, ставя туфлями на свои сапоги. Похозяйски огладил ягодицы через ткань и стиснул, приподнимая меня на носки и вжимая промежностью в свой пах. Когда чуть отстранился, я судорожно вцепилась в плечи, чтоб не упасть. Тогда он подался вперёд всем телом, вминая меня в жёсткую кору, и вновь настойчиво вдавился между ног.

И разум окончательно поплыл. Я повторяла движения и тёрлась о него, задыхаясь и глухо постанывая, не понимая, как его пальцы оказались у меня во рту. Верхушки деревьев кружились, внизу нарастала горячая пульсация, и не падала я лишь потому, что должна была дойти до ослепительного взрыва...

В его приближающемся зареве краем сознания отметила, что концы волос почернели.

Почернели?!

Но ни это, ни даже мысль о том, что он сейчас с леди Корин, не дали сил его оттолкнуть.

Внезапно кто-то позвал Бодуэна. Я тут же высвободилась, шатнувшись, как пьяная, попыталась обойти его, но он дёрнул обратно на себя.

Обхватил мою голову руками, сгрёб за волосы у корней, не давая отвернуться, и наклонился к лицу, сжигая воздух между нашими

тяжело дышащими ртами. И в накатывающем раскалённом беспамятстве было уже плевать, что чернота струится вверх по прядям...

Призыв повторился, и Бодуэн замер. Несколько мгновений не шевелился, а потом с усилием отодвинулся. Спустился руками по моим плечам, локтям, запястьям, задержавшись на кончиках пальцев. И даже уже сделав шаг в сторону, держал мой указательный палец своим. Наконец и они расцепились, и регент, глянув в последний раз, молча пошёл за деревья, а я опять привалилась спиной к стволу, пытаюсь отдышаться и едва держась на дрожащих ногах.

Вернувшись на поляну уже в своём обличье, я узнала, что Годфрик со свитой отбыл в замок, как и королева, и тоже поспешила убраться.

По дороге задержалась в саду, чтоб переждать отдачу... и не только её. Поплескала на горящие щёки и почти удивилась, что вода не испарилась с шипением. От воспоминаний о том, как лопатки врезаются в жёсткую кору, тяжелела грудь, подкашивались ноги, и каждая мышца мелко дрожала.

Что за напасть? Стоит ему подышать рядом со мной, и тело становилось совершенно безвольным. Это даже нападением не назовёшь – разве что с моей стороны.

Швырнув в лицо ещё пару пригоршней воды – и правда мерзкий вкус, – я завернула в комнату, чтоб переодеться, и отправилась на поиски Людо. Так больше продолжаться не может: сегодня мы едва не прогорели, так что всё-таки надо поговорить.

Спрошенный по дороге рыцарь махнул на манеж, где перед ужином устроили развлечение на мечах до первой крови.

На трибунах яблоку негде было упасть, а на поле уже кто-то бился. Я огляделась в поисках брата и замерла, когда взгляд упал на королевское место. Годфрик развалился в кресле под балдахином в привычном окружении свиты и охраны и лениво перебирал волосы... Людо, который сидел на шёлковом ковре у его ног. На застывшем ледяной маской лице брата жили только глаза, следя за мельканием клинков и предугадывая удары. И от его неподвижности, от вида белой руки, в томной беззаботности тянущей и накручивающей чёрные пряди, к горлу подкатила дурнота.

Тут юноша на ристалище вскрикнул, зажимая предплечье, на котором быстро расплзлось пятно, и его соперник победно вскинул меч. Поклонившись королю, он протянул копье в зрительные ряды, тоненькой блондинке с тяжёлыми косами. Поглядев вокруг со смесью смущения и превосходства, та оторвала рукав платья и повязала на наконечник.

Годфрик тронул брата за плечо, и Людо поднялся, стягивая котгу. Его противнику сейчас явно не позавидуешь.

Пробравшись на свободное место, я приготовилась смотреть.

– А вот и вы наконец! Жаль, не были на пикнике, я ждал...

Я подняла глаза и снова перевела вперёд.

– Мне нездоровилось.

– Тут свободно, позвольте присоединиться? – Тесий указал на место рядом.

– Нет, занято. Здесь ведь занято, да? – повысила голос я, обращаясь к какому-то дородному барону из приезжих в этом же ряду.

– На что это вы намекаете, леди? – буркнул он, шевельнув сложенными на необъятном пузе руками. – Я в ярдах от вас сижу и ничем не мешаю! Что вам не нравится?

– Вот и чудно, что всё уладилось, – улыбнулся секретарь, опускаясь рядом, и вздохнул, когда я отодвинулась: – Теперь будете избегать меня из-за того поцелуя?

– Поцелуя? – хмуро переспросила я, осматриваясь в поисках других свободных мест. Людо уже погрузил ладони в ящик с песком. – Какого ещё по... а, нет, он тут ни при чём. Послушайте, одному из нас придётся пересесть.

– Лора... – Он потянулся к моей руке.

– Значит, мне! – Я отдёрнула пальцы и собралась встать.

В этот момент Людо поднял голову и увидел нас. Медленно, очень медленно отряхнул песок с ладоней, взял меч и, приблизившись к борту, наставил его на Тесия.

Несколько мгновений тянулась пауза, а потом секретарь встал.

– Откажитесь от боя, – схватила я его за руку, не отводя взгляда от Людо.

– Не могу, – просто ответил он. – Ваш брат вызвал меня при всех.

– Ещё как можете, и должны!

– И стану в ваших глазах трусом. Как и в своих.

– Не откажетесь, и станете в моих глазах идиотом. – Я зло посмотрела на него снизу вверх. – Вы что, не понимаете? Он вас покалечит.

– Ваша вера в меня вдохновляет!

– Вера здесь ни при чём. Вы не на перьях будете драться – там бы вы его, конечно, побили. Но вы были в кузне и сами все видели.

– Не тревожьтесь: бой ведь до первой крови, – улыбнулся Тесий, уже слегка серый, и аккуратно, но решительно отцепил мои пальцы.

– Будь здесь регент, он бы вам запретил!

– Но Его Высочества здесь нет, – спокойно парировал секретарь и добавил, поскольку трибуны начали проявлять нетерпение: – Лучше скажите, как он защищается слева?

– Так же, как справа: Людо бьётся обеими руками.

Тесий вздохнул.

– И почему ваш брат не ограничился художествами?

– Послушайте, моё мнение о вас ничуть не изменится. А вам в любом случае не победить.

– Да, скорее всего.

Я осеклась.

– Тогда... зачем?

– Потому что порой нужно биться, даже зная, что проиграешь. Особенно зная это. – Тесий стянул и бросил на лавку котту. – Волнуйтесь за меня, Лора, это поможет лучше всего.

И слегка поклонившись, начал спускаться с трибун.

Людо попятился на середину, не отрывая от меня взгляд, рубанул воздух мечом.

«Нет», – качнула головой я.

«Да», – вздыбил верхнюю губу он.

Повернулся к Тесию, обходя его по дуге. Я посмотрела на двери в глупой надежде, что Бодуэн вот-вот войдёт и остановит это безумие. Нет, он наверняка ещё возится с треклятой царapiной доверенного! А Годфрик? Ему лишь в радость досадить дяде. Лишь бы все закончилось, как у других – пятном на сорочке, и только. А вдруг Тесий серьёзно пострадает? И что тогда станется с Людо?

Первый выпад, и я прикрыла глаза. Вдохнула поглубже, открыла и больше уже не отводила.

Это было отвратительно.

Тесий оказался лучше, чем я предполагала, но всё же и близко не так хорош, как нужно для этого боя. Только зрители не сразу поняли. Орали и вскакивали с мест, когда брат упустил лучшие возможности окрасить его сорочку в алый. А вместо этого...

Бил всей поверхностью щита.

Плашмя мечом.

Валял по ристалищу подсечками.

Изматывал, играючи уклоняясь.

И вскоре с трибун понёлся ропот – не одна я предпочитала честный бой этому представлению. Но Людо не обращал внимания и чуть не после каждого приёма оборачивался ко мне, будто проверял, всё ли рассмотрела.

Настолько увлёкся, что едва не пропустил удар. Отразил лишь в последний момент, и прошедший по скользящей меч зацепил камизу, распоров ткань. И разозлив его до вспыхнувших на впалых щеках пятен.

Р-раз, и сваленный подсечкой Тесий снова на земле. Два, и его выбитый ногой щит, протащившись по полю, с треском врезался в борт. Три, рукоять бьёт в ключицу, и рука повисает плетью, выронив меч... Дав ему подняться, Людо снова ударил, и Тесий упал на колени.

Ропот перерос в свист, на поле полетели кости и огрызки.

– Кончай уже! – крикнул кто-то.

– Да-да, – поддержали его. – Кровь! Кровь! Кровь!! – загремели трибуны, сотрясая доски под ногами ритмичным топотом.

В воздух взвились клубы пыли.

Неспешно встав напротив покачивающегося Тесия, Людо дождался, пока трибуны стихнут, и, отыскав меня глазами, небрежно чиркнул того по щеке остриём.

Манеж взревел от облегчения: таки зрелище, за которым они сюда и пришли. К Тесию тут же подбежали лекарь и двое рыцарей, а Людо снова приблизился к борту, взял прислонённое копьё и протянул мне другой конец. Я встала, несколько мгновений смотрела в упор, а потом отвернулась, слыша, как вокруг поднялся смех, и начала пробираться к выходу, через который уже выволокли секретаря. И туда же следом выбежала леди Жанна.

Не успела я отойти от манежа и двух шагов, как дверь позади снова хлопнула, и меня рывком развернули за плечо.

– Ты опозорила меня при всех! – в бешенстве прорычал Людо.

– Ты сам с этим прекрасно справился, когда вызвал на бой секретаря.

Я хотела продолжить путь, но он встряхнул, едва не выломав руку.

– Так это я виноват, что он жалок и слаб?! Что залил соплями всё поле!

– Тесий не слаб. Нужно большое мужество, чтоб выйти против неравного. Куда большее, чем на то, чтоб побить человека, чья сила не в мече.

– Раньше тебе нравилось смотреть мои бои!

– Бои, Людо, а не издевательства! Ты что, правда не видишь разницы?! В том, что сейчас произошло, не было ни красоты, ни чести! Так за что мне тебя награждать?

– Что бы я в последнее время ни сделал, тебе всё не нравится! Всё не так!

– А чего ты ожидал?! Что я буду в восторге, глядя, как ты его избиваешь? Ты сделал это, не чтоб защититься, а забавы ради! Так чем мы после этого лучше тех, кто травил Артура? Я и без этого представления знаю, что физически ты сильнее! Но тебе не приходило в голову, что сила бывает разной?

– Отмазка всех слабаков!

Я вдруг поняла, что он меня не слышит. Совсем.

– Так ты ещё одноногую собачку попинай в мою честь! А что? – вскинула я брови, когда брат побледнел. – Ты ж не виноват, что сильнее!

Вырвав руку, я двинулась к лекарской.

Пришлось ждать на лавке в соседней комнате, пока Тесию делали перевязку. И ждать долго.

Напротив, сверкая глазами и то и дело поднося к ним платочек, сидела леди Жанна. Потом вдруг подала голос:

– Это ты во всём виновата! Всё из-за тебя! Ну что, радуешься теперь, да? Добилась своего?

Я равнодушно отвернулась к двери, которая почти тотчас распахнулась, явив уставшего старика.

– Дамы, ну просил же потише...

– Как он? – тут же кинулась к нему леди Жанна.

– Уснул: я составил и наложил пластырь^[63] и дал успокоительного, так что проспит до утра. Ушибы, перелом ключицы, до свадьбы заживёт.

– Слава Праматери! Можно к нему?

– Я же сказал: он спит и...

Но та уже ворвалась внутрь, отпихнув старика.

Опустилась на постель и принялась с причитаниями гладить лицо Тесия и лежащую поверх покрывала здоровую руку – вторая, на перевязи, покоилась у секретаря на груди. Потянула платочек к глазам. Ресницы Тесия дрогнули, и я на всякий случай отступила в тень.

Лекарь со вздохом повернулся ко мне.

– Можете тоже потом зайти, но постарайтесь не беспокоить.

– Спасибо, я уже узнала, что хотела.

– Что ж... тогда скажу, что вы заходили, как очнётся. Леди... – он сделал вопросительную паузу.

– Нет. Не говорите. – Я отвернулась и направилась к выходу.

– Как пожелаете... – донеслось слегка удивлённое вслед.

Помедлив в дверях, я в последний раз обернулась туда, где леди Жанна рыдала над бесчувственным телом, уже едва не лёжа на нём.

– Вы уж проследите, чтоб он в луже не проснулся, – хмыкнула я и вышла наружу.

Сойдя с крыльца, я подняла лицо к небу. Я чувствовала себя, как выживший после кораблекрушения в утлой шлюпке без вёсел во власти волн. Не зная, что ждёт в следующий миг: вынесет ли меня на берег или швырнёт о ближайший порог.

От стены отделилась тень, и сердце подпрыгнуло от испуга. Но уже через миг я его узнала.

– Людо!

Он молча взял меня повыше локтя и куда-то потянул. Я семенила рядом.

– Послушай, хорошо, что ты здесь: давай наконец нормально поговорим! Я устала от наших размолвок. Мы за всю жизнь столько не ссорились, как за последнее время...

Он не реагировал, глядя только перед собой.

– Ладно, прости мне собачку... И ты прав, говоря, что я плююсь ядом... Ну, покричи на меня, если хочешь! Или тоже что-нибудь обидное скажи... – Не дождавшись ответа, я начала злиться: – Да ты и сам хорош! Вот скажи: зачем было устраивать этот бой с Тесиём? Как нам это помогло? И так-то мы не привлекаем к себе внимание, да?!

Я осеклась и с тревогой всмотрелась в его профиль.

– Людо... – неуверенно позвала я, пытаюсь поймать его взгляд. Почему-то брат сейчас до странного напоминал Бодуэна, когда тот вёл меня в свой кабинет.

– А куда... куда мы идём? – растерянно повертела головой я.

Он распахнул дверь и втокнул меня внутрь. Оглядевшись, я поняла, что мы в конюшне. Опустив засов, брат повернулся. Глаза горели из-под упавших на лоб прядей так, что я попятилась. Откинув кудри назад, он двинулся на меня.

– Ты позволяла ему себя трогать?

– Что... Кому? Тесию? Конечно, нет! – выкрикнула я и, осознав вдруг, что отступаю, рассерженно застыла на месте.

Людо подошёл вплотную. Окинул с ног до головы тёмным взглядом.

– Но ты бы хотела, чтобы он трогал? Хотела бы узнать, что такое быть с мужчиной?

– Ты пьян? – Я попыталась обойти его, но он грубо толкнул меня обратно. Туфля за что-то зацепилась, и я неловко всплеснула руками, чтобы удержаться на ногах.

– Спешешь к своему ненаглядному Тесию?

– Спешу подальше от тебя, пока не придёшь в себя!

– О, я как раз таки в себе! Я ещё никогда не был так в себе!

И резко сократив расстояние, он рванул меня к себе за шею и с силой впечатался в рот.

Мгновение я не шевелилась, остолбеневшая, а потом оттолкнула его, задыхаясь.

– Ты что творишь?!

Но Людо опять привлёк меня и, жёстко удерживая за затылок, преодолевая сопротивление, снова прижался к губам, и на этот раз я и правда чуть не задохнулась. Это не было поцелуем, скорее попыткой сломать мне челюсть.

– Рот открой, – велел он, тяжело дыша, и сдавил пятернёй щёки так, что хрустнуло.

Я мычала, отворачивала лицо и бестолково скребла по его груди зажатými между нашими телами руками.

Он сам неожиданно отпустил меня, даже чуть оттолкнул. Я отшатнулась, прижимая дрожащую руку ко рту. Скулы сводило судорогой.

Людо принялся прохаживаться туда-сюда, как хищник в клетке, не сводя с меня злого прищуренного взгляда.

– В чём дело? Ты же неустанно твердила, что любишь меня.

Меня била крупная дрожь.

– Конечно, люблю! Ты всё, что у меня есть! – Я жалобно промокнула губу и показала ему влажный отпечаток на тыльной стороне ладони. – Но не так же, Людо! О Праматерь! Не так!

– А как?! Скажи, где граница? Где кончается одна любовь и начинается другая?

– Не знаю! Но так, как сейчас, мы должны любить других!

Сказала и осеклась. Каких ещё других? Я и вполонину не смогу никому доверять так, как ему. А от одной только мысли, что у него кто-то появится и потеснит меня, сердце рвалось на куски.

Людо словно прочёл мысли и мрачно хохотнул – звук, гвоздём прошедшийся по позвонкам и заставивший поёжиться.

– А ты ещё не поняла? Не будет никаких других. Никто не сможет понять тебя так, как я, а меня так, как ты. Для всех остальных мы уроды, зверушки на потеху. Думаешь, кто-то примет меня такого? – Он раскинул руки, а потом ткнул в мою сторону. – Или тебя.

– О чём ты...

– Не держи меня за идиота! Я что, по-твоему, совсем слепой? Что, хочешь стать такой же, как они? Веришь, что сможешь вписаться, что они тебя когда-нибудь примут? Ты правда в это веришь?

– Ты бредишь. И... и ты зря так: они не все плохие, среди них есть и достойные люди. Я ведь не знала, Людо, не знала, что и среди чужих они есть... К примеру, Альбрехт, он...

– Они если и приняли, то не тебя, а Лору Грасье. Анну Морхолт они не знают. Нет, Лора, они тебя никогда не поймут – и уже за одно это осудят. И только мне ты нужна такая, какая есть...

Сама того не сознавая, я трясла головой на его слова.

– Не веришь? Давай, иди и скажи этому малахольному Тесию всю правду о себе и посмотри на его лицо. Ну же, прямо сейчас, смелее!

Людо потянулся к моему локтю, но я увернулась. Он криво ухмыльнулся и продолжил мерить шагами пространство от стены до стены между мной и выходом.

– Ну, или любому другому... Давай, выйди замуж, нарожай спиногрызов, почему нет? Как считаешь, сколько пройдёт времени – год, два? – прежде чем ты опостылешь супругу и он попросит тебя перекинуться в кого-нибудь ещё, сперва всего на одну ночь, а потом каждую ночь. Иметь всех женщин мира в одной, чего ещё желать мужчине?

– Не хочу это больше выслушивать, – пробормотала я и, воспользовавшись тем, что он отошёл к стене, направилась к двери, но Людо был начеку. Вмиг оказавшись рядом, отшвырнул меня обратно и продолжил вышагивать как ни в чем не бывало.

– А мне ты никогда не надоешь. Для меня нет никого лучше тебя, Лора, и не будет. Да ты и сама знаешь... – Он резко остановился. – Самое время сказать мне то же самое.

– Я тебе всё уже сказала. Что ещё тебе нужно услышать?

– Скажи, что тоже хочешь меня. Всего.

– Я люблю...

– Хочешь, а не любишь.

– Что? – Я потёрла лицо. Голова гудела и раскальвалась. – Я устала от разговоров, Людо, хочу вернуться к себе и немного поспать.

– Хорошо, сворачиваем болтовню, у меня тоже на сегодня другие планы.

– Да? И что же ты собираешься делать? – рассеянно спросила я, сверля глазами засов.

Одним неувлимым движением он оказался рядом, опрокинул меня на охапку сена и, не дав опомниться, навалился всей тяжестью. Удерживая запястья, сел сверху.

– Собираюсь сделать тебя женщиной. Своей женщиной.

Я онемела, глядя снизу вверх на склонившееся надо мной лицо, такое знакомое, но с непонятным чужим выражением. Слова кружили бессмысленным набором звуков.

По глазам поняла: не шутит. Да Людо и не умеет шутить... Но даже тогда не испугалась, я никогда его не боялась. Вместо этого накатила неконтролируемая ярость, я начала неистово вырываться, рыча и пытаюсь его скинуть:

– Людо, встряхни мозги! Это же я, ты не сделаешь этого со мной!

– Встряхнуть мозги?! Ты всегда считала меня тупым!

– Это неправда! Да что на тебя нашло!

Все попытки высвободиться из-под него ни к чему не привели, только вымотали меня, а брат даже не вспотел, и впервые я не радовалась его силе.

– Ты на меня нашла! – проорал он в лицо, стискивая руки. – Себялюбивая дрянь! Думай только обо мне, Людо, – передразнил он, – а сама в это время вертела хвостом перед половиной замка. Что, хотела, чтобы это сделал кто-то другой? Твой Тесий? Доверенный? Может, вообще Бодуэн?

Он ляпнул это в запале, но я от шока перестала дёргаться.

– Бо... бодуэн... ты хоть слышишь себя со стороны?!

– Я-то себя слышу! А вот ты себя не видишь.

– Это неправда, – повторила я едва слышно.

– Но не волнуйся, – Людо деловито перехватил мои руки и завёл над головой, – я сделаю это лучше любого из них.

Запястья горели огнём, придавленная нога ныла, но волновало меня сейчас совсем другое.

– Ты этого не сделаешь. Не причинишь мне боль, – быстро сказала я.

– Больно и не будет, только немного в самом начале, как у всех. А потом будет приятно.

– Я тебе этого никогда не прощу!

– Простишь, – уверенно заявил он, дёргая мою горловину. – Ты мне всё простишь, потому что любишь. Сама ведь говорила, что на свете нас только двое. Так из кого тебе ещё выбирать в мире, где я единственный мужчина?

– И Артур тебе не простит!

Но Людо уже не слушал. Отпустил меня и, дёрнув обеими руками, разорвал платье до пояса, а потом и камизу. Я тут же скрестила руки на груди, но он развёл их, разглядывая меня с каким-то жадным и растерянным выражением. Оказывается, самое ужасное – это невозможность прикрыться, хотелось провалиться до самых Скорбных Чертогов.

– Доволен? – зло прошипела я, чтобы голос не дрожал.

– Пока нет, но скоро буду, – пробормотал он, не отрывая глаз от распахнутого платья.

Положил ладонь на живот и неуверенно провёл к шее, царапая кожу мозолями. Потрогал большим пальцем припухшую нижнюю губу и, помедлив, сжал левую грудь.

Горло стиснул спазм, глаза стали горячими.

Даже ночь с Годфриком не вызывала такого тягостного чувства. Тогда было просто мерзко, а тут никакого отвращения – только ощущение чего-то глубоко неправильного.

Я крепко закусила губу, ненавидя себя за слабость. Людо тоже поморщился.

– Вот только не плачь, ты же никогда не плачешь. Сказал ведь, что не причину лишней боли, если не будешь дёргаться.

– Ты, наверное, меня ненавидишь, да? – вырвался всхлип. – Поэтому наказываешь?

Чёрные глаза поднялись к моему лицу в глубоком искреннем удивлении.

– Наказываю? Ненавижу? Никто не любит тебя сильнее, чем я, Лора.

Он наклонился поцеловать меня, но я дёрнула подбородком, и поцелуй пришёлся в шею, за первым последовали другие. Я снова принялась судорожно отталкивать его руками и ногами, но когда поняла, что всё без толку, перестала сопротивляться и отвернула голову вбок, стараясь отрешиться от ладоней, всё смелее глядящих, мнущих и тискающих моё тело.

Спину колело, резкий запах сухой травы и конского пота душил, а Людо казался тяжелее каменной плиты.

Мир рассыпался мозаикой. Шуршание сена, прерывистое дыхание Людо в полутьме, торопливые влажные поцелуи, покрывающие ключицы и грудь, ладони, блуждающие по бёдрам.

Внезапно неподалёку блеснула искра. Шпора. Она торчала обломанным краем кверху. Одна рука у меня была свободна, а бок Людо незащищён... Но при мысли о том, чтобы воткнуть в него острую, подёрнутую ржавчиной железку, меня затошнило. То, что сейчас произойдёт, я как-нибудь переживу, а вот если он истечёт кровью по моей вине – да по чьей угодно! – нет.

Прикосновения становились всё настойчивее. Теперь Людо была такая же дрожь, как недавно меня, шея заблестела от пота. Он стянул котту через голову и снова крепко прижался ко мне. Я дёрнулась, ощутив грудью горячую скользкую кожу на своей, холодной и липкой, и его сердце, с силой бухающее о мои ребра.

А обломок шпоры в каком-то полуярде... и пальцы незаметно поползли к нему – попытаюсь в последний раз. В себя воткну, просто раню до крови. Кровь отрезвляет... Но стоило сгрести железку, как он не глядя пригвоздил запястье. Вскинул шалые глаза и перевёл на шпору, словно не веря, что действительно держит мою руку.

– Неужто ударила б? – хрипло спросил.

– Людо, я...

– А вот я – никогда. – И начал выворачивать кисть, пока я не вскрикнула, выронив обломок.

Затрещала ткань брэ, бедра оказались резко раздвинуты, а пальцы крепко придавили ноги, когда я попыталась отодвинуться.

Людо навалился и... внезапно одеревенел: каждая мышца мучительно напряглась, глаза широко распахнулись, открыв яркие в

полутьме белки с дорожками лопающихся сосудов.

Я поняла, что происходит, лишь в следующий миг, когда его руки и все суставы с шумом вывернуло в обратную сторону, откинув корпус в сидячее положение, а хребет сломало назад под острым углом, приклеив затылок к спине. Мучительная пауза на борьбу с собой, мычание, и он с хрустом выправил сперва тело, затем руки. Схватившись за волосы, рванул щёлкнувшую голову на место, мотнул ею и ударил ладонью по виску, прорычав:

– Не сейчас!!

Но тело уже били новые судороги. Лёжа под ним, я чувствовала их, как свои. Людо скатился с меня с глухим стоном, уткнувшись лбом в пол и подтянув колени к груди.

Первым порывом было вскочить и бежать к двери. Так я и сделала, пошатываясь и спотыкаясь. Но уже подняв засов, услышала позади очередной сдавленный стон и замерла. Праматерь, это же Людо! Куда я от него денусь? Ну, убегу сейчас, а смысл? Что я буду делать завтра, послезавтра и до конца жизни – прятаться от него? А вдруг кто-нибудь сейчас войдёт и увидит его в таком состоянии? Страшно даже представить... Он бы в такой момент меня не бросил, неважно, что было до того.

Прислонившись лбом к двери, я сглотнула. Потом саданула по ней кулаком.

– Чтоб тебя, Людо!

И обрушила засов обратно в паз.

Людо по-прежнему корчился на четвереньках. Фаланги всё ещё ломались то в одну, то в другую сторону, и по телу прокатывались судороги, но острый приступ он, судя по всему, подавил. Стянув на груди края порванного платья, я сделала к нему несколько шагов.

Он шумно вздохнул, подполз и уткнулся лицом мне в подол.

– Не уходи...

Я зажмурилась. Потом, помедлив, погладила его по голове дрожащей рукой, и он крепче прижался к моим коленям, вздрагивая и давя стоны. Тогда я поняла, что он ничего мне не сделает, села на землю и провела по волосам уже смелее.

– Не ухожу, я тут, с тобой.

Я продолжала гладить и успокаивать его, чувствуя, как судороги становятся реже и постепенно стихают. А потом вдруг ощутила, как по

ноге ползёт горячая капля, за ней другая. Проводив их недоумённым взглядом, я посмотрела на Людо. Плечи у него беззвучно тряслись. И в груди вдруг что-то лопнуло, до краёв наполнив меня щемящей нежностью. Я порывисто обняла склонённую голову и поцеловала его в растрёпанную макушку. Захотелось оградить его от всех бед и напастей, нынешних и грядущих, и от самого себя. Я, которая не может постоять даже за себя, хотела защитить Людо, который одним пальцем со мной справится.

– Т-ш-ш, успокойся, всё хорошо.

– Ты же н-никуда не уйдёшь, правда? Не оставишь м-меня?

– Куда же я уйду, ты ведь у меня лучший.

Он шмыгнул, перевернулся на бок, продолжая прижиматься к моим ногам правой щекой, виновато обвёл пальцем наливающийся синяк повыше колена, который сам же и поставил, и глухо уточнил в подол:

– Насколько лучший?

– Самый-самый. – Я осторожно убрала с его щеки налипшие пряди. – Самый умный... – провела ладонью по волосам, – самый красивый... самый сильный, – содрогнулась от кожей прочувствованного воспоминания, как его рука выворачивает моё запястье, поспешно стёрла его из памяти и задумалась над следующим качеством, – и буквы у тебя самые корявые...

– Ты должна хвалить меня, – напомнил Людо.

– Да, точно. И волосы у тебя самые чёрные.

Я продолжала негромко бормотать, глядя его, и дыхание постепенно выровнялось. Когда я уже было решила, что Людо заснул, он хрипло прошептал:

– Вчера мне приснилось, что тебя нет. И в этом сне мне хотелось поскорее умереть, потому что я не знал, что делать в мире, где нет тебя.

Горло запечатал комок. Я с усилием проглотила его, прежде чем ответить.

– Это просто плохой сон, я здесь, с тобой, и никуда не денусь.

– Мы ведь всегда будем вместе?

– Конечно.

– И когда-нибудь ты полюбишь меня так же, как я тебя? Я больше не буду торопить, просто скажи, что однажды это случится.

– Спи, Людо.

Он перевернулся на спину и взглянул на меня снизу вверх. Бледные щёки покраснели, глаза, все ещё влажные, с густыми слипшимися ресницами, остановились на моих губах.

– Поцелуй меня, Лора.

Я помедлила, но он не подгонял, просто терпеливо ждал. Тогда наклонилась и прижалась к нему, не размыкая губ. Досчитала до пяти и выпрямилась. Боялась, что он попытается удержать или потребует поцеловать по-настоящему, но Людо только кивнул, прикрыл глаза и, снова перевернувшись на бок, моментально уснул.

А вот я не сомкнула глаз до рассвета.

Думала.

О своей нынешней жизни, которую привыкла считать чем-то временным, пока не достигнута Цель. Она поглотила, подчинила и забрала меня без остатка, в итоге все важное я оставляла на потом – на то время, когда месть свершится. Вот когда это случится, размышляла я в те редкие моменты, когда давала себе труд размышлять о будущем после торжества справедливости, уже можно задуматься и о других вещах. Когда это произойдёт, я смогу стать такой, какой всегда хотела видеть меня мама. Когда этот день настанет, всё будет по-другому, и моя *настоящая* жизнь наконец-то начнётся.

А сейчас я, как задержавший дыхание ловец жемчуга, нырнувший в пучину за новой раковиной: лишь когда нож раздвинет створки и сковырнёт жемчуженосного моллюска, я смогу оттолкнуться ногами от дна и всплыть на поверхность, вдохнуть полной грудью. Тогда у меня появится дом, муж, дети...

Муж этот всегда представлялся мне чем-то безликим и малоинтересным. Я просто знала, что он будет. Я не задумывалась, какой окажется его внешность, будет ли он молод или гораздо старше меня, станет ли тренироваться с мечом, фыркать и скалиться, когда раздражён, выводить корявые буквы и просить причесать ему волосы или причёсывать мои. Он просто будет, и всё. Как и дети, такие же безликие дети безликого отца.

Единственное, что я знала наверняка, – рядом обязательно будет Людо. Потому что и на миг не могла допустить, что его вдруг не окажется в этой моей будущей распрекрасной жизни. Да что там: я и

завтрашний день без него представить не могла – получалась какая-то тусклая и дырявая, как сыр, картина...

Не знаю, как правильнее охарактеризовать моё к нему отношение, просто потому, что сильному чувству невозможно дать точное определение, не сделав его при этом ущербным, ибо нельзя загонять в рамки то, что по природе своей не имеет границ.

И вот теперь стало ясно: не будет никакого мужа. И детей тоже не будет. Лишь тот, кто давным-давно стал частью меня.

Частью, выросшей столь глубоко, что не всегда я могу различить, где кончается он и начинаюсь я. Даже не знаю, есть ли вообще я без него... кто такая Лора без Людо?

Я никогда не была Лорой, которая сама по себе – только с ним. Всегда только с ним. Тесней прав – вечное «мы»: наш голод, наша Цель, наша правда. И я не знаю, каково это, быть отдельно, жить отдельно, думать отдельно. И мне страшно узнать... я не хочу знать!

И не нужно. Мы что-нибудь придумаем, мы непременно что-то придумаем. Я придумаю, завтра же. Прямо с утра! Забуду о том, что случилось здесь и в башне. Отомщу, как и должна была. Ибо до тех пор, пока я не вырву из себя этот отравленный шип, он так и будет пропитывать меня ядом.

Поэтому чем скорей мы здесь покончим, тем лучше.

А затем... затем мы с Людо уедем далеко-далеко, где не будет снов про Гостя, и даже рыжего цвета не будет... Начнём жить с чистого листа.

Да, именно так.

Стоило так подумать, как в щель под крышей проник рыжий луч. Рассёк конюшню надвое и подобрался к нам. Я отодвинулась, прикрывая Людо ладонью. Усмехнулась, когда луч остановился, не достав совсем чуть-чуть...

И тут все щели вспыхнули разом: рассвет пробил полумрак дождём стрел. В них рыжим пеплом кружили былинки, ложась на лицо.

И чей-то образ дрожал в вязи солнца.

Я прикрыла веки, сглотнув.

Уедем... да.

И в том «далеко» всё непременно будет лучше, чем здесь...

– Эй, Циклоп! – Сдёрнули с головы капюшон, обнажив голый череп с редкими клоками волос.

Вокруг захохотали.

– Не обращай внимания, – шепнула я Артуру углом рта, возвращая капюшон на место и ускоряя шаг.

– Я к тебе обращаюсь! – На этот раз слова сопровождал пинок, от которого брат пробежал пару шагов и упал на руки.

– Не останавливайся, – велела я, на ходу помогая ему встать и торопясь дальше.

– Ты не только слепой, но ещё и глухой? – Ком грязи влетелся в глаз, которым Артур не видит, отчего голова дёрнулась.

– Отстань. Он ничего тебе не сделал, – бросила я тихо через плечо.

Говнюк увязался от самой площади, собирая зевак, как хлебный мякиш – подливу.

– Заткнула хлебало, шалава! Не с тобой толкую, а с Циклопом.

– Он не умеет говорить.

– Слыхали? – восхитился тот, повернувшись к остальным. – Циклоп ещё и немой!

Раздался новый взрыв смеха.

Дура. Ну какая же я дура: решила показать Артуру цирк, пока Людо спит. Показала.

– А такая рожка у тебя, чтоб девкам нравиться? – не унимался тот.

– Да он девки отродясь не нюхал, – залилась толстуха, тряся бусами на необъятной груди. – Ему и макаки за радость!

На счёт «три», – шепчу я.

Артур вжимает голову в плечи – он все понял.

«Раз».

– Не для того ли мы созданы по образу и подобию Праматери, чтоб высказывать своё мнение? Так вот вам моё: уроды должны знать, что они уроды! Пральна я говорю?

«Два», – подхватываю черепок, краем глаза замечая, как нас обступают, сжимая круг. Брата толкают плечом.

– Три! – Бью назад, прямо в лоснящийся холодец щеки.

От визга закладывает уши.

– Порезала! – пучит глаза толстуха, зажимая лицо. Меж пальцев струится кровь. – Эта сучка меня порезала! Всё видали, люди добрые? Всё лицо попортила.

Было бы что портить.

– Мильдаа!

– Бей уродов!!!

– Беги, Артур!

Сразу несколько тел сшибают меня и валят на землю, и ещё столько же бросаются вслед за братом.

– Беги за Людо! – ещё успеваю выкрикнуть я, прежде чем подавиться грязью, когда мне наступают на спину, впечатывая в неё лицом.

* * *

Януш первым влетел в сарай. Замедлил шаг, озираясь по сторонам, и перебросил в другую руку гвоздь в два пальца длиной и один толщиной.

– Циклооп, выходи! – позвал он.

Когда никто не ответил, двинулся вглубь, наставив его остриём вперёд.

– Выходи, и я, быть может, оставлю тебе глаз...

Под ногами шуршала солома, в воздухе кружили пылинки.

– Тогда пеняй на себя, – отвёл он висевшее на бечеве тряпьё. – Сковырну для ровного счёта.

Раздавшийся рядом шорох заставил его резко повернуться, но то была лишь порскнувшая прочь крыса. Януш поддел носком башмака коробку, откуда та только что выползла, и отшвырнул её с дороги.

– А потом вернись за той тощей шваброй и хорошенько её...

Выдох сзади, и руку перехватили.

– Циклоп? – удивлённо обернулся Януш, но выступившее из тьмы лицо было ему не знакомо.

– Я за него, – хрипло ответил брюнет, разворачивая запястье, и вогнал гвоздь в горло.

Кровать бодро скрипела под поощрительные стоны, которые перешли в истошный визг, когда взгляд девушки упал на дверь.

Спихнув с себя трудящееся тело, она подтянула простынь к груди, в ужасе таращась на зрителя. Любовник замер, как был.

– Он взял меня силой, – неуверенно сообщила Йоса в наступившей тишине, пальчиком указав, кто, вернее, что именно взяло, чтоб уж точно не осталось сомнений.

Уточнение было не лишним: сомнения и впрямь одолевали при виде вмиг опавшего, скукожившегося под обвиняющим перстом и вообще притворяющегося, что его тут нет.

Подумав, добавила:

– Я... я кричала!

Стражник и не пытался отрицать – ещё не отошёл от шока.

– Я слышал ваши крики и поспешил на помощь, – заметил регент, опираясь плечом о косяк.

Наконец опомнился и стражник.

– Пощадите, Ваше Высочество! – бухнулся он на колени. И забормотал – про семерых по лавкам да старуху мать... и что всего раз... и готов кровью смыть... но надеется на...

Это было бы смешно, если б не было так страшно. И если б приключилось не с ней... Да хоть с той же стервой Жанной, что должна была стеречь под дверью, а теперь вот умоляюще смотрит из-за широкого плеча. Всё из-за той дряни, с которой Йоса заключила сделку и которой вечно нет на месте, когда она нужна. А Жанна заснула? Отлучилась куда? Уже неважно... Что Йосе теперь её раскаяние! И пусть не мечтает выйти сухой: уж если на дно, так вместе – потянет её, как сообщницу. Фрейлину не жаль...

Жаль себя. До жути, до злых слёз жаль умирать за это ничтожество на полу! Взяла-то сегодня чисто от скуки... И не так уж он был хорош – стонала больше для порядка. Ни один мужчина не стоит того, чтоб за него умереть.

И Йоса невольно трёт шею, будто к ней уже примиряется сталь, чтоб разлучить голову с телом. Или закопают живьём? Затравят псами? Неизвестно... Точно известно одно: королев казнят за измену.

Ладно бы другой кто, но регент... Если и был в замке тот, кого Йоса опасалась, то именно он стоял сейчас перед ней: всегда-то любезен, на улыбки горазд, да только мутна эта водица... Уж в мужчинах-то Йоса понимает.

– Вон, – оборвал он стражника, не сводя с неё глаз. – Мне нужно поговорить с королевой.

Здоровяк тут же метнулся к двери, забыв про Йосу и про одежду. На полдороге вспомнил – про одежду, – метнулся обратно, передумал, засуетился и, вконец запутавшись, выскочил из комнаты в чём мать родила. На Йосу и не обернулся. А сколько слов-то красивых было сказано между первым и вторым разом!

Регент что-то тихо бросил фрейлине – верно, тоже отослал, – запер дверь и подпёр спиной, скрестив руки на груди. Заговаривать не спешил.

Смотрел.

И под этим затянувшимся взглядом страх сменился растерянностью, а та – надеждой. Йоса знала, о чём думают мужчины, когда на неё смотрят.

И крик сразу не поднял, а значит...

Медленно, боясь дышать, она потянула простынку вниз, обнажив аппетитную грудь.

Потупилась стыдливо.

– Да простит мне Праматерь этот грех: вы всегда нравились мне больше супруга...

Даже душой не кривила – ей всякий нравился больше супруга. Вскинула нерешительный взгляд, стараясь казаться трогательной и невинной. А заодно припомнить, каково это – быть невинной...

Замерла и...

Выдохнула с облегчением, когда он направился в её сторону. А ещё с презрением: все мужчины одинаковы, всем им нужно только одно! И этот не исключение.

Подставила губы, когда навис, прикрыла веки, чувствуя, как по коже скользит рука... пока не дошло, что рука эта подтягивает простынь обратно. И тут же захрипела от стянувшейся удавкой на горле ткани, в испуге глядя в ледяные глаза.

– Я сказал «поговорить».

Видать, моя голова не знала о том, что нужна мне свежей с утра. В виски словно ввинчивали две тонкие спицы, а в глаза, которые я сумела открыть, лишь хорошенько проморгавшись, будто насыпали песка.

– Доброе утро.

Случившееся накануне вдруг разом обрушилось на меня. Я дёрнулась и инстинктивно отползла от сидевшего рядом на корточках брата. Тотчас спохватившись, подалась обратно и попыталась принять обычный вид, но Людо уже поджал губы.

– Скоро на мессу, – кинул он мне вместе с плащом, вставая. – Жду тебя снаружи.

Я шевельнулась, морщась от того, как затекло тело. Расправив плохо слушающимися пальцами плащ, укуталась и вышла вслед за братом.

Людо не обернулся на звук – сразу двинулся к паласу. Двор ходил из стороны в сторону, в голове гудело. Я тёрла щеку, разглаживая, и глядела в затылок шедшему впереди брату. Кажется, нужно что-то сказать... вот только на ум, как назло, ничего не шло.

Перед крыльцом Людо остановился и обернулся.

– Поспи ещё часок.

– А ты?

– Я не хочу, – не глядя, ответил он и, не прощаясь, двинулся прочь.

Дотащившись до комнаты, я рухнула на кровать, в объятия тотчас подхватившей дрёмы, которая увлекла меня туда, где не было мыслей и слов и где не нужно было принимать решений...

– Ну, здравствуй, Хамелеонша, – выступил из тьмы памяти Гость, вертя золотой мяч. – Поиграем?

– Что-то вы бледны, – заметила королева, все утро бывшая ко мне непривычно внимательной. А взгляд...

Так полдня глядела кузина Хейла, прежде чем признаться, что сунула мне в медовый флан таракана за то, что я «обсмеяла её при Людо». Громко сказано – обсмеяла. Всего-то заметила, что от её щёк печь можно зажигать, когда он рядом... С каких это пор за правду потчуют тараканами?

И вот уж перед кем ей нужно было каяться, так это перед нашей левреткой, которой я пожертвовала тот флан, как всю зиму жертвовала самые лучшие куски, надеясь, что они помогут ей излечиться.

Но Хейле я об этом, конечно, не сказала. Изобразила жуткие страдания, и та, решив, что я кончаюсь, с рёвом понеслась сознаваться во всём своему отцу. А там и моему. За что и поплатилась двадцатью ударами по пальцам – наказание, которое она приняла со смирением великомученицы и визгами простолюдинки. Им с матерью – моей тёткой, тяжёлой, как все надеялись, моим долгожданным кузенком, – не повезло оказаться в саду, когда на замок напали. До нашей комнаты они так и не добрались...

Я мазнула щёки одолженными королевой румянами и отправилась вместе со всеми на мессу. Там я встала у дверей, выглядывая из-за спин Бланку. Надо бы с ней помириться. Когда после службы та проходила мимо, пристроилась рядом.

– Ваше Высочество...

Она поприветствовала меня холодным кивком, но не остановилась.

Ничтоже сумняшеся, я пошла рядом.

– Вы, верно, считаете меня дурной? Знаете, а я ведь тоже росла без матери...

Бланка замедлила шаг.

– Вы не говорили...

– А Людо без отца.

На сей раз я полностью завладела её вниманием.

– Вам могло бы показаться странным моё поведение, но это только если не знать, что мой брат когда-то был обручён... Он должен был жениться на моей кузине. Увы, она трагически погибла...

Бланка остановилась в нише.

– Он, должно быть, очень горевал? – тихо спросила она.

– О, во всём мире не было человека безутешнее, чем он! – завершила я. – Теперь-то вы понимаете, почему я так волнуюсь за Людо: я просто не хочу, чтоб ему снова разбили сердце, поманив обещанием несбыточного.

– О да, теперь понимаю, – покраснела Бланка. – И... он больше никогда не любил?

Я покачала головой.

– Порода у нас такая, однолюбов. Уж если полюбим кого, то раз и на всю жизнь.

– Я не держу зла, леди Лорелея, – подумав, ответила Бланка. – Мне не так долго осталось тут быть, поэтому не будем вспоминать плохое.

Быстро пожав мне руку, она поспешила туда, где её уже дожидалась Дита, а я задворками отправилась к лекарю, чтоб выяснить, не пришёл ли в себя Тесий.

Секретаря я там уже не застала: старик, качая головой, сообщил, что тот ушёл ещё с час назад. Уже не так плохо: ушёл же – не уполз.

В обед фрейлины во главе с королевой выбрались в сад. Та весь день давала мне лёгкие задания. Вот и на сей раз, перед тем как удалиться, велела собрать цветов.

Выполнив наказ, я уже собиралась двинуться обратно в замок, как вдруг на соседней дорожке послышались торопливые шаги и из-за поворота вышел Тесий. На скуле виднелся свежий порез – след от меча Людо. Он на миг замер, а потом, слегка принуждённо улыбнувшись, двинулся навстречу:

– Миледи, рад встрече.

– Как вы, лорд Авен?

В ответ он помахал перевязанной рукой.

– Вот так. Тоже вышел прогуляться. Не составите мне компанию?

– Я уже собиралась уходить...

– Совсем немного, прошу вас.

– Хорошо, но только недолго.

Мы молча двинулись к центральной площадке. Когда почти дошли до фонтана, он вдруг повернулся, выпалив:

– Простите, я солгал.

– Вы не рады меня видеть?

– Солгал в том, что встретил вас случайно. По правде сказать, мне сообщили, где вы, и я надеялся застать вас тут одну.

– Зачем?

– Хотел поговорить о... об одном деле, – замялся он, разглядывая цветы в моих руках. – Не о вчерашнем. Видите ли, в замок скоро должен приехать мой отец. Я писал ему, и он выслал мне одну вещь... То есть, как вы знаете, мы с ним давно в ссоре, но теперь он прибудет, чтобы мы могли помириться. Тогда же, надеюсь, окончательно прояснится моя будущность...

Внезапно я поняла, что он собирается сказать.

– Извините, мне пора.

– Нет, постойте, – схватил он меня за локоть. – Вы должны меня выслушать.

Я резко высвободилась.

– Я вам ничего не должна! У меня нет ни времени, ни желания вас слушать.

– Вам придётся, а иначе я буду преследовать вас до тех пор, пока не найдёте время.

Кинув взгляд на окна замка, я коротко кивнула.

– Будь по-вашему, только давайте отойдём к скамейкам.

Когда мы укрылись под сенью деревьев, я повернулась к нему.

– Говорите.

Тесий растерялся.

– Я... столько раз репетировал эту речь, и вот теперь смотрю на вас и не помню ни слова. – Он вымученно улыбнулся, но я не улыбнулась в ответ, не собираясь ему помогать. – Это... это потому, Лора, – продолжил он, когда пауза затянулась, – что я думаю о вас всё время. Первая мысль по пробуждении о вас и следующая тоже, и так весь день до отхода ко сну. Я ничего не могу с собой поделаться и не в силах думать ни о ком другом. Представляю, как встречу вас, что скажу, и что вы скажете в ответ, как станете смотреть и как при этом будет наклонена ваша голова, а руки будете держать перед собой, как сейчас. Я... вы мне очень нравитесь. Нет... что я такое говорю, – он потёр лицо ладонью, – я вас люблю. Вот!

Я продолжала молча смотреть, и постепенно смущённая улыбка на его лице померкла, уступив место тревоге.

– Пожалуйста, скажите что-нибудь, – попросил он, дёргая вылезшую из рукава нитку, и снова натянуто улыбнулся. – У меня сердце выскакивает из груди.

– Что вы хотите от меня услышать? – ровно спросила я.

– Скажите, что вы думаете о моем признании и... обо мне.

– Значит, вы считаете, что любите меня?

– Не считаю, я действительно люблю! – горячо поправил Тесий.

– И, как влюблённый, хотите целовать меня, лечь со мной и провести ночь?

Он побледнел, но ответил тихо и спокойно:

– Да, хочу, но только после свадьбы, и если вы тоже этого хотите. Вот высланное отцом фамильное кольцо, в знак моей любви, – показал он перстень. – Оно со мной ещё с визита фалернских купцов. И я желаю провести с вами не одну ночь, а все ночи до конца жизни. И дни тоже... Опять-таки, если и вы этого хотите.

– Так вот я не хочу, – резко ответила я. – Я не собиралась вас слушать, но вы принудили. Вы спрашиваете, что я о вас думаю? Я считаю вас милым и славным.

– Спасибо, я...

– Это не комплимент. В наше время нельзя быть милым и славным, иначе сожрут. А ещё вы глупец, если всерьёз рассчитывали, что я за вас выйду.

– Простите, я, наверное, не с того начал и был не понят. Я не очень богат, но обещаю, что вы не будете нуждаться, и Его Высочество щедро мне платит... Мне двадцать, я уже не юнец. Быть может, я многого не знаю, но я твёрдо знаю одно: ещё ни к кому и никогда я не испытывал того, что чувствую к вам. Прошу, поверьте: я люблю вас искренне, глубоко и всем сердцем.

– Сердце, бывает, ошибается. Как вы можете любить меня, если совсем не знаете?

– Я знаю!

– Вы лишь думаете, что знаете. Но вы любите не меня, а образ, который сами же и придумали – Лору, что кротко принимает подарки, опускает глаза при встрече да поддерживает беседы о пустяках. Но я не такая...

– А какая же?

– Во мне нет ничего из того, что вы представляете. Вам лучше поскорее забыть меня и найти себе другую.

– Но я не хочу другую, я хочу вас.

– А я вас не хочу! И никогда не захочу!

– Потому что считаете себя недостойной любви?

– Потому что не знаю, что такое любовь!

– Не говорите так, – тихо попросил он. – Не наговаривайте на себя. Это сейчас не вы, на самом деле вы так не думаете.

– Именно так я и думаю, и я такая, какая есть.

– Нет, на самом деле вы добрая, искренняя, нежная.

– Я нежная?! – Мне захотелось рассмеяться ему в лицо.

– Да, и вы не хотите всего этого говорить, это не ваши слова.

– А чьи же?

– Вашего брата, – твёрдо произнёс он. – Вы это из-за него.

– Не трогайте Людо! И не заставляйте меня выбирать, потому что между вами и им – да кем угодно – я всегда выберу его!

– Простите, не хотел вас расстроить, но вы сейчас пересказываете его мысли, а не свои.

– Мы с ним мыслим одинаково.

– Я в это не верю, у вас должно быть своё мнение.

– Но у меня его нет!

– Так не бывает, у каждого есть мнение, и я хочу услышать именно ваше, Лора.

Теперь он говорил совершенно спокойно, зато мой голос срывался. Я уже не заботилась о том, что нас могут услышать.

– Хотите моё мнение? Я вас презираю! Я видела, что нравлюсь вам, и всё это время над вами смеялась. Я растоптала ваши цветы и выкинула краски, что вы подарили! Вы и теперь считаете меня доброй и нежной?

– Я не верю.

– Не верите? Мне нет дела до того, во что вы верите, а во что нет!

Просто держитесь от меня подальше!

Он шагнул ко мне.

– Так хочет ваш брат?

Я отпрянула, обхватив себя за плечи.

– Так хочу я.

– Нет, не хотите.

– С чего вы взяли?

– С того, что вы вся дрожите и почти плачете. С того, что на самом деле я вам тоже небезразличен. Не знаю, любите ли вы меня, но вижу, что всё сказанное вами – страшная клевета на саму себя.

– Почему вы продолжаете это повторять?

– Может, потому что знаю вас лучше вас самой?

Он потянулся ко мне, но я увернулась.

– Это из-за Его Высочества? – помрачнел Тесий.

– Что?

– Я видел, как вы на него смотрите, и... – Опустив глаза, он продолжил с запинкой: – Вы им увлечены? Он многим леди нравится и хорошо умеет внушать это чувство... особенно неискушённым. Но он на вас никогда не женится, а я предлагаю вам стабильность, положение и покровительство моей семьи. Если захотите, мы сможем уехать в мой родовой замок. Со временем, уверен, вы тоже научитесь любить меня. Я, со своей стороны, сделаю для этого всё... Вы к нему испытываете...

– Не больше, чем к осинному гнезду!

Тесий с надеждой вскинул глаза:

– Значит, я... ошибся?

Он завладел моей рукой.

– Я всё же поговорю с вашим братом и попрошу у него разрешение на свадьбу.

– Не смейте этого делать! – испугалась я. – Я всё равно за вас не выйду. А если спросите Людо, буду ненавидеть до конца жизни!

Я попыталась высвободить руку, но Тесий лишь крепче сжал её, придвинувшись совсем близко. Тёплое дыхание гладило щеку, а на кончиках пальцев трепетал пульс.

– Почему вы отталкиваете меня, Лора? Почему не позволяете себе любить меня? Вы боитесь? Я тоже. Только полюбив по-настоящему, я понял, как это страшно.

– Я ничего не боюсь! – выкрикнула я. – Никого и ничего! А вас я никогда не смогу полюбить, не должна! Тот, кто любит слабого, сам становится слабым. А вы слабый. И поэтому я никогда вас не полюблю, слышите? Никогда-никогда-никогда!

Он молча притянул моё лицо и поцеловал. Горечь, нежность, страх, боль, страсть, вина тесно переплелись в этом поцелуе. Не сразу,

но я его оттолкнула. Секретарь покачнулся и отступил на шаг, глядя на меня пьяным от счастья взором.

– Теперь у вас не получится меня прогнать, – сказал он, блестя глазами, – потому что я ясно вижу, что был прав: вы не чувствуете того, о чём говорили. Вы чувствуете то же, что и я. – Он снова потянулся ко мне. – Любовь не делает нас слабыми, Лора, совсем напротив – придаёт сил...

– Не подходите... – отшатнулась я, – больше никогда ко мне не приближайтесь!

Попытившись, я бросилась прочь, забыв про рассыпавшиеся цветы. Бежала, пока впереди не показалась арка. Тогда перешла на шаг и принялась обмахивать горящее лицо. Никто не должен видеть меня такой. Особенно...

Выросшая впереди фигура заставила мои внутренности замёрзнуть.

Людо.

В два шага преодолев разделявшее нас расстояние, он поднял моё лицо за подбородок.

– В чём дело, Лора? Ты плакала?

– Конечно, нет, – отвернулась я.

– Но я же вижу, что что-то случилось, – прищурился он и добавил низким, не сулящим ничего хорошего, голосом: – Кто тебя обидел?

– Никто. Просто королева велела мне нарвать цветов, а я скрепила их твоей лентой и уронила букет в воду...

– Ты почти плакала из-за цветов... – медленно повторил он.

– Из-за ленты, – поправила я, шмыгнув. – Это же твой подарок.

– Лора, ты не плакала даже тогда, когда сломала руку, а сейчас расстроилась из-за какой-то ленты.

– Знаю, глупо.

Внезапно Людо посмотрел поверх моего плеча. Испугавшись, что он увидел секретаря, я обернулась, но на дорожке было пусто.

Людо снова перевёл взгляд на меня.

– Идём, я тебя провожу, – неожиданно предложил он. – Ты ведь хотела в замок?

– Да, – растерялась я, но и обрадовалась, что они с Тесиём не столкнутся. И с готовностью ухватила за его локоть.

На следующий день я проснулась рано утром от шума за окном. Кто-то въехал во двор, захлопали двери, раздался резкий окрик, поднялась суматоха, но когда я выглянула в окно, то увидела лишь пустую телегу. Людо уже ушёл. Или вовсе не приходил?

Пока шла в покои королевы, в коридорах царила странная гнетущая тишина. Раз или два я видела издалека шушукующихся слуг, но они тут же расходились, боясь быть застигнутыми без работы.

Почти все фрейлины оказались уже на месте, даже те, кто встаёт много позже меня. Они сидели кто где: на пуфиках, сундуках, даже на кровати Её Величества. Сама она расположилась на стуле перед трюмо с большим зеркалом, полуодетая и непричёсанная, несмотря на полную комнату помощниц.

Все были чем-то удручённые, многие всхлипывали и вытирали покрасневшие глаза.

Моё появление вызвало странную реакцию. Установилась тишина, даже шмыганье прекратилось.

– Что-то стряслось, Ваше Величество? – спросила я, остановившись.

Она подняла серьёзный взгляд, в котором читалась искренняя печаль и что-то похожее на сочувствие.

– А вы ещё не слыхали? Лорд Авен погиб... его тело привезли рано утром, сейчас с ним регент.

Комната вдруг вздрогнула и поплыла перед глазами, а пол начал осыпаться. Все сидели на прежних местах, и только я падала и падала в темноту, оглушённая, погребённая под вмиг выцветшим миром.

Мне не хватало воздуха. И я ничего не чувствовала.

– Для вас это должно быть особенно тяжело... – продолжила она, рассеянно водя гребнем по столу, – кажется, он вам нравился. Его нашли возле дока. Видимо, решил прогуляться до завтрака, оступился и...

Губы королевы шевелились, произносили какие-то слова, но до меня они не доходили. Я пыталась вдохнуть, и не могла. Оставшееся разъяснение лишь обрывками доходило до меня:

«Поскользнулся».

«Удар о камень».

«Нашли в воде лицом вниз».

Её рассказ привёл к новой волне всхлипов: Тесий многим нравился, а леди Жанна плакала навзрыд, пока сидящая рядом леди Агнес гладила её по спине, одновременно промакивая собственные глаза.

Королева всё ещё что-то говорила, но я, не дослушав, покинула комнату и направилась к лестнице. Я шла с очень прямой спиной, постепенно ускоряя шаг, пока не перешла на бег.

В конюшню я уже влетела. Прилаживавший седло на Торфа Людо обернулся.

– Лора? Ты сегодня рано. Королева уже отпустила?

Марк тоже был тут – чистил стойло. Он поздоровался, но я, не повернув головы, двинулась напрямик к Людо.

– Что-то ты бледная, – заметил он. – Плохо спалось, или...

Я молча со всей силы вlepила ему пощёчину. Голова брата дёрнулась, а на щеке, когда он снова повернулся, расплывался ярко-красный след.

– Лора, я...

Не дав договорить, я хлестнула по второй щеке, снова со всей силы. А потом ещё и ещё, пока он не перехватил руки. Я извивалась, лягала его, пыталась укусить, царапалась и беспрестанно визжала:

– Ты!! Это сделал ты!!

Людо кивнул Марку:

– Сестра расстроена, оставь нас.

Тот поспешил удалиться.

Я кричала, билась и поливала Людо площадной бранью, но дотянуться не могла. Он по-прежнему стискивал запястья, без труда удерживая меня на вытянутых руках.

– Я знаю, это ты его убил! Не отрицай!

Он и не собирался.

Встряхнул меня:

– Я сделал это ради нас, ради тебя! Он хотел тебя использовать. Они все этого хотят.

– Ничего такого он не хотел! Он был чистым и хорошим, гораздо лучше нас с тобой! А теперь его нет из-за тебя!

– Тебе он не был нужен, никто не нужен. У тебя есть я, и всегда буду.

– Ненавижу!! Как же я тебя ненавижу и никогда, запомни, никогда тебе этого не прощу!

Он выпустил мои руки, и я тут же воспользовалась этим, чтобы осыпать его беспорядочными ударами, пощёчинами, пинками.

Оставив попытки удержать, он подхватил меня, царапающуюся и вырывающуюся, и куда-то понёс.

А в следующий миг его руки исчезли, и я упала в поилку для лошадей. Вода шумно выплеснулась из бортов, сомкнувшись над головой. Я тут же вынырнула, оглушённая, отплёвываясь, беспорядочно стуча ладонями по воде и деревянным стенкам, чувствуя, как тянет намокшее платье.

– Успокоилась? – поинтересовался Людо, упираясь ладонями в борта и нависая надо мной.

И силы вдруг разом оставили.

– Ненавижу, – прошептала я, чувствуя, как в горле разворачивается терновый ком, раздирая его изнутри.

Глаза горели, на горло обрушивался спазм за спазмом, отдаваясь мучительной болью, но слёз не было, и я давилась сухими судорожными рыданиями. Все слёзы застряли внутри, окаменели, не находя выхода. И тогда, чтобы как-то избавиться от этой непереносимой боли, я завывала. Закричала и снова завывала.

Какое-то время Людо просто стоял и смотрел на меня сверху вниз, а потом перешагнул через борт и тоже уселся в поилку, устроившись напротив. Воды в ней теперь почти не осталось...

– Не нужно, – забормотал он, взяв моё лицо в ладони.

Я пыталась его оттолкнуть, сотрясаясь от своих ущербных рыданий и обессиленно повторяя:

– Да что ж мы за люди такие? Будь ты проклят! Будь мы оба прокляты!!

Он стиснул мои скулы.

– Что ты такое несёшь?

– Порой мне кажется, что мы не заслуживаем жить... – икая и захлёбываясь, выдавила я, – и они правы, считая нас выродками. Вдруг мы такие и есть? Вдруг мы правда зло, и таких нужно душировать ещё в

колыбелях?! И для всех было бы лучше, если б мы погибли в том пожаре...

– Не смей так думать! – встряхнул он меня. – Это они не заслуживают жить! А мы всё делаем правильно. И ты самая лучшая, слышишь? Лучше всех на свете!

– Тогда почему мне, такой лучшей, так паршиво?

Я ещё долго сотрясалась от спазмов, которые всё не желали утихать. Всё закончилось так же резко, как началось, оставив меня совершенно опустошённой. Наконец, полностью обессилив, я медленно встала, перешагнула через борт и двинулась прочь, чувствуя, как течёт с платья.

Вскоре позади раздался звук шагов.

– погоди. Ты куда? – догнал меня Людо.

– Это конец, – бесцветно произнесла я.

– Конечно, конец, – охотно подхватил он. – Скоро всё закончится, и мы...

– Ты не понял, – перебила я. – Ты... я... это конец. Когда дело будет сделано, я уйду. Я хочу быть отдельно от тебя, хочу в своей жизни и других людей. Хочу жить в мире, где есть не только ненависть.

Людо поражённо замер.

– Это что, всё из-за него? Думаешь, я позволю какому-то мертвяку нас разлучить?!

– Как ты не поймёшь: ни Тесий, никто на свете не смог бы нас разлучить. Это сделал ты, своими собственными руками! Это ты нас разлучил!

Устало отвернувшись, я двинулась к часовне, так и не услышав позади удаляющихся шагов.

* * *

Тесий лежал на каменном столе у амвона, обёрнутый в простыню. Идя по проходу, я не могла оторвать глаз от лица, ещё вчера способного хмуриться и улыбаться, а сегодня застывшего до странного спокойной безмятежной маской.

Не дойдя нескольких шагов, я опустилась на колени, почти коснувшись одежд того, кто застыл в такой же коленопреклонённой позе и не шелохнулся при моём появлении.

Светился витраж, дёргались от сквозняка свечи, с улицы доносились возгласы мальчишек, казавшиеся на фоне тишины в часовне другим миром.

– Вам больно? – спросила я наконец.

Бодуэн не отвечал так долго, что думала, уже и не ответит.

Наконец отомкнул уста.

– Да, – бросил он, поднимаясь, и двинулся на выход.

Когда-то я мечтала причинить ему боль. Могла ли я тогда помыслить, что мы будем скорбеть об одном и том же?

Служба по Тесию началась через час. Народу в часовню набилось битком – все хотели проститься с секретарём, которого здесь уважали. Леди Жанна пришла в чёрном платье, в окружении фрейлин, относившихся к ней почти как к вдове. Людо на службу так и не явился.

Я заняла место сбоку, подальше от глаз, то и дело останавливающихся на моём мокром платье и волосах. Как сквозь туман я наблюдала, как руки клирика воздевают чашу, из которой стелется дым, должный указать Тесию путь в Скорбные Чертоги. По дороге его встретит Жнец на запряжённых волами дрогах. Их головы так тяжелы, что налитые кровью глаза всегда смотрят вниз.

Когда смолы и травы прогорели, чашу наполнили водой, и клирик двинулся по рядам, смачивая нам лбы – в знак того, что ещё живы. И эта капля катится по моей щеке, как слеза, на которую сама я больше не способна, и впрямь отчего-то солёно-горькая. И вот я уже в другом храме, сижу, забившись на хоры, а рядом, конечно же, Людо.

Сосредоточенно смотрит туда, где, держась за руки, стоит пара. Возле них нет гостей – лишь клирик в поношенной робе.

Нам лет четырнадцать-пятнадцать.

Брат давно вырос из штанов, и торчат голые лодыжки, а на мне ношеное-переношеное платье, но сегодня у нас есть хлеб, и этого довольно. Мы кусаем по очереди, передавая буханку друг другу. Я больше люблю корку, а Людо мякиш.

Жуя свою долю, я смотрю на девушку. И не скажешь, что выходит замуж: платье повседневное, из небелёного сукна – другого нет, а из невестиных украшений – лишь венок паслёна в волосах. Даже кольца нет, вместо него символически надевают на палец ключ.

Выйдя со службы, они войдут в дом мужа, где молодая жена приготовит им праздничный завтрак, а после оба отправятся в поле работать.

Но невеста кажется такой счастливой... Они оба.

Их счастье непонятно, неправильно почти.

Людю внимательно изучает моё лицо.

– Ты что, хотела бы, как она? – кивает на невесту.

– ...Пока Жнец не разлучит вас... – поднимает чашу с водой клирик и подносит поочерёдно к их губам.

Я раскатываю ладонями последнюю щепоть мякиша в колбаску и смыкаю концы.

– Нет, Людю, как она, не хотела бы, – говорю я, беря его руку, и надеваю на палец хлебное кольцо. – Нас даже Жнец не разлучит!

В четырнадцать смерть – это что-то такое, о чём можно говорить без опаски...

Я возвращаюсь обратно в часовню и провожаю взглядом чашу в руках удаляющегося по ряду клирика. С её боков мне подмигивают камни – два матово-голубых и один прозрачный... Глаза задерживаются на пустоте там, где должен быть четвёртый. Скользят по закопчённым узорам, в голову внезапно ударяет мысль.

До конца службы я не могла оторвать глаз от чаши, следя за тем, как клирик бережно опускает её в ларь и передаёт служке с тем, чтобы тот спрятал её в углубление под амвоном.

Храм я покинула вместе со всеми, жмурясь от яркого солнца, казавшегося таким странным после стольких часов, проведённых в полутьме, но лишь затем, чтобы, дождавшись, пока всё уйдут, проскользнуть обратно.

Стараясь не смотреть на стол, с которого только что унесли секретаря, я приблизилась к амвону. Оглядевшись в последний раз и убедившись, что храм действительно пуст, опустилась на колени и с усилием достала из углубления ларь. Откинув крышку, достала чашу, рядом с которой лежал ритуальный кинжал.

Она оказалась такой же тяжёлой, как и на вид. Медленно, не веря себе, я оглядывала один за другим камни, пока не дошла до прозрачного. Я и без оставшегося в комнате под половицей сапфира видела, что они один в один. И соседняя пустота явно предназначалась когда-то для него...

Вот только почему камень поменял цвет? Взгляд вернулся к матово-голубым. Я коснулась прохладного бока. Со стороны прозрачного камня чаша была темнее и испещрена царапинами. Ответ подсказали фрески, полусъеденные давним пожаром. Металл был не просто темнее – закопчён. Значит, виной всему не кварцевый песок, как подумал ювелир, а упавшая из рук уснувшего на заутрене служки свеча, поджёгшая часовню и скрипторий. А царапины, верно, от того, что чашу тёрли песком, пытаюсь очистить.

Так, значит, Бодуэн брал её к Алтарю? Но при нём ведь не было суммы – лишь узел с табличкой. Может, спрятал под плащ? Я с сомнением взвесила сосуд, который едва могла удержать. Неудивительно, что руки клирика трясутся, когда он её поднимает.

Мысль, которая пришла в голову, была такой простой, что в первый момент я не поверила. Чуть наклонив чашу, провела пальцем по дну, собирая остатки влаги, и сунула его в рот.

Вода и правда была солёно-горькой. Вот только не как слеза, а как...

«Что за дрянь, а не вода!»

– Леди Лорелея!

От этого оклика позади я дёрнулась и чуть не выронила чашу. Быстро спрятав её обратно, выпрямилась – как раз вовремя, чтобы встретить приближающуюся группу.

Впереди шла леди Агнес с кубком. С ней были ещё леди Алина, леди Жанна, Юстин, Киллиан и несколько других фрейлин и оруженосцев.

– Мы поминаем Тесия, – сообщила леди Агнес, останавливаясь напротив. – Присоединитесь к нам?

Взглянув на кубок в её руках, я поколебалась.

– Ну же, мы знаем, что вы были дружны, и вы опечалены не меньше нас, – добавила она, пока остальные образовывали круг.

Молча кивнув, я встала рядом с леди Алиной. Глаза стоящей напротив леди Жанны были прикованы к полу.

– За Тесия, – провозгласила леди Агнес и, сделав глоток, передала кубок дальше.

До меня он дошёл уже наполовину опустошённым. Отпив немного, я уже хотела было передать его тянущей руки леди Алине, как вдруг нутро обожгла горячая волна, слишком знакомая, чтоб я могла отнести её на счёт вина.

– За Тесия! – вскинула воспалённый взгляд леди Жанна, посмотрев на меня в упор. – И за Мод.

Оглушённая, я хватала ртом воздух, неверяще глядя на двоящиеся лица – все они смотрели на меня. В глаза вдруг бросились изумрудный и алый перстни на руках леди Агнес и Киллиана. Руках, что цеплялись когда-то за подоконник в рабочей комнате. И как я раньше их не заметила? От нараставшего в голове гула кости словно тоже раздвоились, опрокинув меня вперёд.

В молчании все наблюдали за тем, как я, охваченная крупной дрожью, пытаюсь переломить приступ и удержаться за ускользящий пол, и так же молча вереницей двинулись на выход, отпущенные тем, кто незаметно наблюдал за происходящим из тени, а теперь вышел из-за спин.

Наконец, дверь хлопнула за последним оруженосцем, и в тот же миг я поняла, что я уже не я.

– Ну, здравствуй, Анна.

– Для тебя я леди Морхолт, – выплюнула я, поворачиваясь на четвереньках вслед за обходящими меня по кругу сапогами.

От последнего спазма локти подкосились, и я едва успела впиться пальцами в остатки пролитого вина. Из его отражения на меня посмотрела знакомая шатенка.

– Капля крови леди Жанны, – подтвердили сверху.

Безвредная. Для всех, кроме меня.

– Но она не знает, для чего.

– И давно догадался? – прохрипела я, силясь взглянуть наверх, на маячившее мутным пятном лицо.

– Скажем так, фрейлины редко интересуются содержимым моего шкапа и умеют отличать гербы, – произнёс Бодуэн, останавливаясь напротив. – Да и не припомню ни одного брюнета среди русоволосых Грасье. Зато королева помнит о заключённой сделке.

Йоса... И этот её странный насторожённый взгляд. Вот только они с леди Катариной так и не поняли, что, конечно же, нет никакой боковой ветви. Отец был единственным законным лордом Морхольтом и главой рода. Да и тайну Её Светлости выдал вовсе не помощник грума, а служанка, которая, как и многие, посчитала Людо красивым.

– Так, значит, вотивный дар – это вода из Хидрос?

Бодуэн улыбнулся так, как мог бы улыбнуться учитель, довольный ответом ученика, и мне закралась ещё одна догадка: он ведь не зря отвёл меня к той купели на месте источника, забившего после битвы с йоуменами. А потом ещё и на гору, где – конечно, совершенно случайно, – обронил намекающий на чашу и священную воду сапфир.

– Вода окрасилась в алый под закатным небом и по сей день остаётся солёной из-за пролитой тогда крови... – усмехнувшись, процитировала я. – И вульпис крутился у Камня, потому что ты ему велел...

Бодуэн пожал плечами.

– Я был уверен, что ты догадаешься, но...

– ...не хотел долго ждать.

Значит, всё-таки игра.

В памяти всплыла книга в зелёном переплёте, услужливо переложённая из шкапа на конторку, где я её и нашла.

– Хотя намекнул ты ещё раньше, геральдической книгой: управляющая стихия – вода...

Бодуэн снова кивнул.

– А тот колодочник, якобы обвинённый в создании проклятой таблички и изгнанный вместе с семьёй? Это ведь всё специально...

– Кого-то же должны были обвинить. Но не волнуйся, я ему щедро заплатил.

– Что теперь, убьёшь меня? – спросила я, с усилием перекидываясь обратно и ещё успев увидеть выражение его лица при этом.

– Я тебе не враг.

– А зря.

Схватив из-под амвона кинжал, я кинулась на него. Бодуэн перехватил запястье и вывернул руку. Взыв, я упала на колени и выронила клинок.

– Я не враг тебе, Хамелеонша, – повторил он, отшвыривая его носком.

– Не называй меня так! И лучше убей, потому что во мне столько ненависти, что хватит отравить полмира!

Он отпустил руку, и я отшатнулась.

– Не смей ко мне прикасаться! – прошипела я, когда он потянулся помочь мне встать.

Бодуэн замер, наблюдая, как я поднимаюсь, держась за амвон и прижимая к груди ушибленную руку.

– Что мне сделать, чтобы ты поверила, что я не желаю тебе зла?

– Заломи мне руку ещё раз, – огрызнулась я. – И верни мою жизнь.

– О чём ты?

– Ты рог забрал, – невпопад брякнула я.

– Какой рог? – удивился он.

– Мамин... который со свадьбы. И ещё светильник в виде львиной лапы.

– Рог, значит? – Он откинул голову, прищурившись. – Забирай. И светильник тоже, и вообще всё, что понравится.

– Не смей! – вскипела я. – Не смей кидать мне подачки с таким видом, будто этого достаточно, чтобы искупить все, что ты нам причинил!

– Это не попытка тебя подкупить.

– А что тогда?

– Смягчить.

– Смягчить? – рассмеялась я. – Я не хочу смягчаться! Я хочу справедливости и правды.

– Правду тебе скажут лишь безумец да ребёнок, – пожал плечами он. – Да и где заканчивается твоя правда и начинается чужая?

– Не устал носить маску?

– Когда долго носишь маску, она становится частью тебя. Но можно ли после этого считать её всего лишь маской?

– И ты думаешь, этих пустых разговоров достаточно для моего доверия и прощения?

– Дело в том, Лора, – вздохнул он, – что мне не нужно твоё прощение. Я лишь исполнял свой долг.

– Значит, это долг велел тебе уничтожить тех, кто веками верой и правдой служил Скальгердам?

– Твой отец не был верен, – перебил Бодуэн. – Он готовил государственный переворот.

– Ты лжёшь! – воскликнула я.

А перед глазами вдруг встала картина, как отец, будучи на одре, притянул Людо за шею. Что он ему тогда сказал?

– Это правда: он рассылал письма, собирая вассалов. Мы перехватили гонца.

В тишине, наверное, было слышно, как моя грудь разрывается от ударов.

– Это неважно. Это ничего не меняет... – забормотала я.

– Это меняет всё. Ты дочь предателя, Лорелея.

Последние слова упали в вязкой тишине.

– Напомни, что нужно делать со змеями, которые завелись у тебя под крыльцом?

– Нет... – попятилась я. – Я сейчас закрою уши и забуду всё, что слышала, а когда открою, ты скажешь, что тот приказ отдал кто-то другой. Не ты велел убить моих родных, сжечь дом и разорить отцовские деревни. Прежний король был тогда ещё жив, скажи, что это твой брат приказал, да кто угодно, хоть твой сокол, только не ты! Соври, если надо, я ведь всё равно никогда не узнаю правду... Соври, и я буду любить тебя до конца своих дней, умру и загрызу за тебя, ведь ты всё равно уже у меня в крови, и никакими заклинаниями отсюда не вытравить, с самой первой встречи, гореть мне у Ваалу за это!!

Вздохнув, Бодуэн приблизился и отнял мои руки от ушей.

– Лора, послушай...

– Нет! – отшатнулась я.

– Я лишь хотел сказать, что ты ни в чём не виновата.

– Конечно, нет – виноват здесь ты!

– Я о нашем втором разговоре в Трофейной семь лет назад.

– Каком втором разговоре?

Я молчала, и он нахмурился, всмотревшись.

– Ты... не помнишь?

– Что не помню?

Горло вдруг перехватило, и я поймала себя на том, что начинаю пятиться, тогда как Бодуэн, наоборот, стал надвигаться.

– Наш второй разговор.

– Не было никакого второго разговора! – пробормотала я, охваченная возрастающей паникой. – Мы говорили лишь раз – о Годфрике. – Я чувствовала уже не панику, а леденящий ужас.

Бодуэн замер.

– Был, Лора, – снова вздохнул он. – И где-то в глубине себя ты это знаешь.

– Не было! Не было! Не было!! – кричала я, забившись в угол и накрывшись руками. С последним криком ощущая, как меня вышибает из сознания под треск моих же костей.

И я бегу ему навстречу – я так ему рада! – и с размаху вlepляюсь в грудь, пряча лицо.

Он гладит меня по голове.

– Как ты тут?

– Папе плохо, – шепчу я.

– Знаю, – вздыхает он. – Должно быть, несвежее мясо.

– Так он поправится? – с надеждой поднимаю глаза я.

– Уверен в этом.

И я сразу ему верю. Становится чуть легче, и тут же хочется сделать что-то и для него.

– Идёмте, – тяну я его к камину.

– Куда? – спрашивает он, но, к моему восторгу, идёт за мной, заинтригованный. Он такой взрослый и красивый, и мне так хочется выглядеть старше и понравиться ему.

– Смотрите!

Я хватаю мяч и кидаю в камин. Взвившиеся искры тотчас складываются в лапу, которая подталкивает мяч обратно.

– Вот, держите, вы тоже можете попробовать. Это мой друг...

Но он не пробует, стоит как вкопанный.

Потрясение на его лице превосходит все мои ожидания. Внутренне я ликую.

– Он отзывается тебе, – шепчет он наконец. – Не брату – тебе! На этот мяч...

Улыбка тут же слетает с моего лица.

– Но вы ведь никому не скажете? – беспокоюсь я. – Он велел никому не говорить, даже брату.

Мужчина наконец отрывает взгляд от камина, где снова – лишь угли и пламя, и переводит его на меня.

– Конечно, нет, – мягко улыбается он. – Это будет наш с тобой секрет.

Я с облегчением выдыхаю.

– Но раз у нас общий секрет, нужны и секретные имена, – подхватываю я и тут же вызываюсь. – Я буду «Хамелеонша», а вы?

Он устремляет на меня совершенно белые глаза.

– Называй меня «Гость».

Я выкарабкивалась из тьмы, в которой остался выманенный и убитый по моей вине Покровитель, с саднящим горлом. Смутно знакомая комната расплывалась перед глазами. Кажется, я на чём-то лежала, придавленная чем-то тяжёлым, так что было трудно дышать. В шею веяло жаром, приподнимая волоски. Шевельнувшись, я услышала глухое бормотание, и тяжесть исчезла.

Бодуэн перекатился на спину, и только что прижимавшая меня к постели рука оказалась покоящейся у него на груди, другая была вытянута вдоль тела, а одна нога согнута в колене. Пару мгновений я рассматривала очерченное тенями лицо – расслабленно-спокойное, с лёгкой складкой между бровями. Золотые кольца волос разметались по подушке, голова чуть запрокинулась, выставляя беззащитную шею.

Слева от него что-то блеснуло. Там лежал кинжал, и свет плясал на камнях рукояти.

От мысли, что Бодуэн настолько меня не опасается, что оставил его здесь, охватила злость. Взглянув на кинжал и снова – на оголённую шею, я осторожно потянулась к клинку. Один задержанный вдох, и наши глаза встретились.

Бодуэн шевельнулся, но я успела первой и, сев на него верхом, приставила лезвие к шее.

Пару мгновений стояла тишина, прерываемая лишь моим быстрым, как от бега, дыханием.

- Ты убьёшь меня, Лора? – спросил он наконец.
- А что, скажешь, что не боишься смерти?
- Напротив: я хочу жить. Я ещё столько не сделал для страны!
- Думаешь, они не хотели?! Все те, кого ты обрёк.
- Каждый человек – это мир. Ты готова убить целый мир, Лорелея?
- А ты был готов?
- Я был. Но ты не я – у тебя есть выбор.
- Вот как ты это делаешь... – помолчав, прошептала я. – Всегда знаешь, что сказать, как сказать, как дотронуться, как посмотреть – от

природы или научился. Тебе не нужен яд – ты сам страшной любой отравы.

– Что ты...

– Нет, молчи! – Я вдавила лезвие глубже, так что проступила кровь. – Я хочу услышать, что ты приказал сделать с людьми, с которыми пировал, которые пустили тебя в свой дом, кормили, мыли и одевали. Только не смей лгать!!

А самой отчаянно хотелось, чтоб солгал...

– Я сказал. – Бодуэн сглотнул, и все внутри меня оборвалось. – Я сказал: «Убить их всех, а девчонку привести ко мне».

Из меня словно выпустили воздух. А ведь он мог приказать, чтоб не трогали хотя бы женщин и детей. Но он не приказал.

– «Девчонку и её брата», – подсказала я. – Ведь так ты им сказал? Ведь именно так?! Ну же, отвечай!

Кровь потекла по шее, но Бодуэн не отвёл глаз от моего лица.

– А ты бы сама как на моём месте поступила, Лора? Зачем мне волчонок под боком, который в любой момент может ударить? Совсем другое дело ты. Я хотел воспитать тебя при дворе, вместе с Бланкой. Ты бы научилась...

– Предавать свою семью?

– Отличать то, что должно. И я никогда бы не вспомнил про твоё происхождение.

– Чем оно плохо? Тем, что не хотели гнуть шеи перед Скальгердами, и за это ты разбил мою жизнь?

– Твоя жизнь не разбита, пока ты сама так не решишь! – разозлился он.

Я вдруг почувствовала себя совершенно опустошённой.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга. А потом я разрежала шнурок, на котором висел его талисман-покровитель, и откинула его в угол. Следом кинула свой. Бодуэн проводил талисман взглядом.

– Что... ты делаешь?

– «Будь сильной, – говорил мне отец, – потому что в этом мире у тебя нет друзей, кроме семьи», – сказала я, разрезая шнуровку у себя на левом рукаве. – «Будь сильной, потому что этот мир принадлежит мужчинам», – говорила мне мать. – За левым последовал и правый. –

«Будь сильной, потому что слабые не достойны жить», – говорил мне брат. Праматерь свидетель, я устала быть сильной!

Потянув вниз, я спустила платье до пояса и, взяв его ладони, положила себе на грудь.

Бодуэн не отвёл глаз от моего лица.

– Уверена?

Я кивнула, и он, сжав мои бёдра, перекатился, подмяв под себя. Какое-то время я смотрела на его лицо. Наверное, не так уж и правильны были его черты, и есть на свете мужчины красивее, но мне, ослеплённой, он казался прекраснее Бога. Внешность человека, настоящую внешность, можно увидеть лишь раз – в самую первую встречу, до того, как он с вами заговорил. А после вы всегда будете видеть своё впечатление о нём.

Я принялась торопливо стягивать с него рубаху, путаясь пальцами и застревая.

– Подожди, – тихо рассмеялся он. – Куда ты так спешишь?

– Не смейся надо мной.

– Я не смеюсь, Хамелеонша, только не над тобой, – серьёзно произнёс он и, сняв рубаху через голову, накрыл меня собой.

Говорят, первая любовь не забывается... Неправда. Невозможно забыть первую ненависть – того, кто познакомил с предательством и украл доверие ко всему миру. Бодуэн стал для меня и тем и другим – у меня не было ни единого шанса его забыть.

Было неожиданно больно. Я вцепилась зубами в его плечо и в тот самый момент, когда думала, что уже не выдержу, оттолкну его от себя, он вдруг оказался во мне. Это было самое странное чувство в моей жизни. И самое правильное. Какое-то время он не шевелился, давая мне отдышаться, а потом начал двигаться.

Я рассыпалась на сотни ощущений, рассеивающих моё внимание: тяжёлое дыхание, скольжение тел, колыхание полога и капли пота на его лбу...

Когда я начала ловить отголоски ощущения, которое было тогда в башне, Бодуэн толкнулся сильнее, и всё закончилось. Откатившись, он вытянулся рядом.

Я недоумённо тронула что-то тёплое и липкое, стекавшее по бедру, и, поднявшись, приблизилась к зеркалу. Бодуэн наблюдал за мной в отражении, подложив руку под голову.

Так странно было видеть своё прежнее тело, тогда как внутри я теперь совершенно другая.

Легко поднявшись, Бодуэн приблизился ко мне спокойной раскованной походкой, ничуть не стесняясь наготы, как я не стеснялась своей, и, встав сзади, обнял за живот. Его рука казалась смуглой на фоне моей кожи. На ней косичкой вился браслет.

– Как ты?

Повернувшись к нему, я подняла лицо и бесстыже притянула его за пояс.

– Я хочу ещё!

Мгновение Бодуэн молчал, а потом подхватил меня и отнёс на постель. Опустив на одеяло, потянулся было ко мне, но я оттолкнула его пяткой в грудь. Бодуэн замер, стоя коленями на краю кровати и непонимающе наклонив голову к плечу. Подался было снова, но я коротко ударила его по лицу. На губах, когда он снова повернулся, проступила улыбка – он понял – и, схватив меня за лодыжку, дёрнул на себя.

* * *

Среди ночи я снова его разбудила.

– Что такое? – сонно пробормотал он.

– Скажи, что тебе во мне понравилось? – спросила я, садясь на него верхом. Меня всё время тянуло касаться его – пальцами, языком, всей кожей.

– Что?

Я опёрлась о его плечи, чувствуя под пальцами тёплую чуть влажную кожу, и принялась покачивать бёдрами.

Но стоило Бодуэну попытаться прижать меня крепче, тотчас отстранилась.

Он убрал руки, правильно поняв игру, и я возобновила движения.

Бодуэн честно задумался.

– Ты похожа на... плющ.

– Такая же зелёная и невзрачная?

– Такая же сильная и живучая. Плющ стелется даже по безводным скалам, взбирается на деревья, редко цветёт, его плоды ядовиты, но он

даёт вкуснейший каменный мёд.

– А вот я чувствую себя ортоланом. Это такая маленькая птичка. Её сажают в тёмный узкий ящик, чтобы она не видела, сколько ест, и месяц откармливают фигами и пшеном. А когда она уже не может двигаться, топят в арманьянке и зажаривают целиком.

Мы помолчали.

– Допрос окончен? – спросил Бодуэн.

– Почти. Теперь скажи мне...

Застонав, он стиснул мои бёдра.

– Ты проиграл! – объявила я и прижала его запястья к постели.

Он посмотрел на меня снизу вверх, слегка прикрыв веки и не пытаясь освободиться.

– И чего же желает мой победитель?

– Поцелуй меня. Поцелуй так, чтоб я забыла обо всём на свете...

В следующий миг в мире пропало всё, кроме его губ.

– Уже забыла? – спросил он, когда мы, задыхаясь, оторвались друг от друга.

– Ещё немного осталось. Целуйте усерднее, мой принц.

От следующего поцелуя комната растворилась, и весь мир исчез в пульсирующем круговороте.

Я ушла под утро, когда Бодуэн ещё спал. Спускаясь по лестнице, уже знала, что не буду ни о чём жалеть, как бы дальше всё не сложилось, потому что в моей жизни было чудо, которое не каждой выпадает – чудо разделённой страсти с любимым мужчиной.

Днём я немного пришла в себя. Торжества из-за Тесия прерывать на стали, и вечером снова был пир.

Когда я вошла, одна из фрейлин взглянула на меня и тотчас прошептала что-то подруге. Я узнала в них тех, что пришли в часовню вместе с леди Агнес. Не знаю, как Бодуэн объяснил им, зачем они должны были сделать то, что сделали, но ещё какое-то время я спиной ощущала взгляды.

Я вдруг почувствовала себя очень странно: я понятия не имела, что делать дальше, теперь, когда Тесия нет, а Людо...

На этой мысли я схватила с подноса проходящего мимо служки кубок и залпом его осушила.

– Окажете честь, миледи?

Незнакомый оруженосец – верно, из свиты доверенного, – предлагал руку для танца. Только вместо его глаз я вдруг увидела глаза на противоположном конце зала – те самые, в которые столько глядела прошлой ночью.

Быстро отведя свои, я чуть кивнула и положила кончики пальцев на протянутую ладонь. Я была уверена, что прошлая ночь с Бодуэном больше не повторится. И совсем не была – в том, что останусь в живых. Может, я это и заслужила?

За первым танцем последовал и второй, потом третий.

– Вот, миледи, – поднёс мне оруженосец очередной кубок.

Играли гитерны^[64], отдаваясь в ушах лёгким гулом, голова кружилась, щёки горели, а партнёр казался очень красивым. Теперь он смотрел на меня, горя глазами. Кажется, я даже смеялась его шуткам, и было так хорошо просто танцевать и танцевать, не думая больше ни о чём.

– Кто она? – спросил доверенный.

Бодуэн посмотрел на девушку, которую какой-то юнец едва ли не за талию поддерживал в танце. Перевитая серебряным шнуром коса была по спине.

– Одна из фрейлин королевы.

– Хороша. Не возражаешь, если возьму себе?

– Отчего же. Веселись.

Посол сделал знак службе, чтобы тот принёс второй кубок.

– А хотя знаешь... – Бодуэн проследил за тем, как девушка смеётся чему-то, что только что сказал ей чуть ли не на ухо мальчишка. – Вообще-то возражаю.

– Отчего же? – удивился посол.

– Она моя новая фаворитка.

Отставив кубок и не взглянув на посла, Бодуэн двинулся к паре.

* * *

Я удивлённо обернулась, когда меня схватили за локоть.

– Идём.

Взглянув на растерянно замершего оруженосца, я была вынуждена пойти туда, куда меня тянула рука.

– Куда мы идём? – спросила я, когда Бодуэн вывел – едва ли не выволок, – меня в коридор.

Он молча втолкнул меня в какую-то дверь.

Не успеваю я обернуться, чтоб спросить, что всё это значит, как оказываюсь впечатанной спиной в стену, а в следующий миг мы уже целуемся. Дико. Болезненно. Восхитительно. Вдавливаясь губами, зубами, языками. Так, словно боремся за последний глоток воздуха. В голове шумит, перед глазами взрываются красные круги, а пальцы, судорожно срываясь, цепляясь за завязки, стаскивают с его бёдер штаны, пока он так же нетерпеливо, но куда более умело задирает мой подол и подхватывает под ягодицы.

Первый толчок выплёскивает из меня скопившееся напряжение и, не в силах сдержаться, я кричу ему в рот и содрогаюсь от возбуждения, услышав ответный стон. Кусаю и тут же зализываю ему губы, трюсь языком о его горячий язык, желая лишь одного: чтоб рука в моих

волосах держала ещё крепче, чтоб тела соединялись ещё яростнее. Дыхание оглушает, мир оглушает, темнота оглушает.

– Ещё, ещё, – как в бреду, твержу я, кажется, позабыв все слова, кроме этого.

Когда туман немного рассеялся и мы успокоились, я оглянулась и вздрогнула, осознав, где нахожусь – в трофейной.

– Это всего лишь комната, – прошептал он.

Позже мы лежали обнажённые на шкурах возле камина. Он – закинув руки за голову, я – поперёк, устроив затылок ему на живот. Оба смотрели вверх. Интересно, что же он там такого видел, кроме этих балок?

– Я в раю, – сказала я.

– Да? – чуть приподнялся он.

– Да... только это чёрный рай.

Он мягко потянул за волосы, и я перебралась к нему на плечо. Тут в углу что-то зашуршало, и я вздрогнула, увидев там тень. Это оказалась собака.

– Что с тобой? – удивился Бодуэн, когда я уткнулась ему в плечо.

– Она видела, чем мы занимались, – срывающимся шёпотом произнесла я.

Плечо вдруг затряслось, и, подняв голову, я обнаружила, что он смеётся.

– Это не смешно! – пихнула я его, но уже и сама не могла удержаться от смеха.

– Совсем нет, – ответил он и тут же сотрясся в новом приступе.

– Ты хоть мгновение можешь побыть серьёзным?

– Но сейчас мне меньше всего хочется быть серьёзным! – возразил он.

– Откуда это? – Я провела пальцами по трём глубоким бороздкам, спускавшимся по его плечу и пересекавшим живот до самого паха.

– А... это – медведь подрал.

– Удивительно, как ты жив остался. Как это случилось?

– Не помню, пьяный был...

– Ну не дурак, а? Мог же насмерть. И кого бы я тогда сейчас целовала?

Бодуэн усмехнулся.

– Уж кого-нибудь бы нашла.

Я серьёзно на него посмотрела:

– Это вряд ли. И что с тем медведем стало?

Поискав глазами, Бодуэн указал на стену, откуда скалилась свирепая морда.

– Вон.

– Мою голову тоже туда повесишь?

– Жалко, – вздохнул он.

– Меня?

– Волосы. Отрезать же придётся, чтоб не путались.

Зарывшись носом в мои распустившиеся волосы, он поцеловал в шею.

– А это откуда? – он взял мою руку и прихватил губами сгиб пальца – того самого, однажды ломанного и криво сросшегося. – Помню, давнишнее...

– Подкова упала, – отдёргнула пальцы я.

– Правда? – приподнял брови он.

Я вздохнула.

– Нет. Сама я... подковой.

– Вот это уже больше похоже на правду.

Я приподнялась на локте.

– Говорят, ты в четырнадцать лет поднял целое стадо быков. Это правда?

– Неправда. – Бодуэн сделал паузу. – Мне было десять. А каким был твой первый раз?

Я задумалась.

Нянюшка вышивает, щурясь в сгущающихся сумерках. Мы одни в спальне – Хейла с кормилицей куда-то ушли. Внезапно, ойкнув, она отдёргивает руку, в которую только что по ошибке вошла игла.

– Дай помогу, – тяну я её палец в рот.

А пару мгновений спустя её лицо искажается от крика. Я подношу к глазам руки. Они теперь в узловатых венах, с такой же подагрической шишкой, как у неё. С лицом и со всем телом тоже что-то не так. Продолжая визжать, нянюшка бросает шитьё и выбегает из комнаты – наверняка жаловаться отцу.

– В семь с половиной? – приподнял брови Бодуэн. – Я о таком и не слышал.

Я скользнула взглядом по его телу.

– Да и ты не похож на то, что о тебе говорят.

– А что обо мне говорят? – заинтересовался он.

– Что ты хром и горбат.

– Так, может, я такой и есть, и специально навёл морок на деву, чтобы соблазнить?

– А ещё говорят, что ты убил брата, чтобы самому сесть на трон. Хотел также известить и Годфрика, но он чудом спасся. – Бодуэн ничего не ответил, и я добавила: – Это правда?

Мою голову потянули: его пальцы неумело перехлёстывали пряди, складывая их обратно в косу.

– Что ты делаешь?

– Плету косу, – ответил он, сосредоточенно продолжая своё занятие. – Косы – это красиво. Тем более на таких волосах.

– А... я подумала, что ты их просто ещё больше запутываешь.

– Как тебе? – помахал он результатом.

– Ты точно раньше видел косы?

– Неблагодарная. – Мои запястья тут же оказались пригвождены к полу, а в полудюйме от губ замерли его губы, дразня и уклоняясь, когда я тянулась к ним.

– Запутывал, значит? – мстительно прищурился он, и я едва не застонала от досады, когда в очередной раз поймала лишь воздух вместо губ, жар которых опалял обманчивой близостью, но упорно ускользал.

– Вообще-то хорошая коса, – пробормотала я, следуя за его ртом и снова промахиваясь, натываясь то на подбородок, то на шею.

– Всего лишь хорошая? – Меня оттянули назад за затылок.

В глазах напротив плясали насмешка и пламя камина.

– Прекрасная... – хрипло выдохнула я, извиваясь под ним и не сводя глаз с его губ, – замечательная, восхитительная... самая лучшая коса на свете!

И в награду получила тот самый поцелуй, от которого огонь, казалось, перетёк из него в меня, расплавив реальность. Заставив умирать и возрождаться в этом поцелуе.

– Я ошибалась, – прошептала я. – Ты пахнешь не дымом, а огнём.

- Разве огонь чем-то пахнет?
– Да, он пахнет тобой...

* * *

Вернувшись в комнату, я вытянулась на постели. Уже начала было соскальзывать в дрёму, как вдруг совсем близко раздалось:

– Лара!

Вздрогнув, я села на постели. Сообразив, что крик доносится со двора, приблизилась к окну. Уже спустились сумерки, и сперва я никого не видела, а потом заметила две маленькие тени у земли. Свет от факела прошедшего мимо стражника высветил мальчика и девочку. Наверное, дети кого-то из гостей. Они отбирали пёстрые камни, выкладывая их в ряд и споря о том, какой положить следующим.

Прижавшись лбом к холодному камню, я прикрыла глаза.

– *Что ты делаешь?*

Я поднимаю глаза на пухлощёкую девочку с двумя завёрнутыми вокруг ушей тёмными косичками и едва сдерживаюсь, чтоб не покривиться. Неужели нельзя не таскаться за нами всё время?

– *Мы с Людо решили устроить пикник, – натягиваю улыбку я.*

– *Правда? А можно с вами?*

– *Конечно. Только мы будем соревноваться, кто съест больше ящериц и червяков.*

Лицо Хейлы вздрагивает от отвращения.

– *Но смотри: если ты победишь меня, потом тебе придётся соревноваться с Людо.*

Вдалеке показывается знакомая фигура.

– *Эй, Лора! – машет ведёрком Людо. Штаны брата закатаны, волосы лезут в глаза, развеваясь по ветру. – Смотри, сколько я нам нарыл. Привет, Хейла, – добавляет он, останавливаясь рядом.*

Рот той искривляется гусеницей.

– *Дурак! – ревёт она. – Сам ешь своих червяков!*

И, развернувшись, бросается обратно в замок.

– *Сама дура! – опомнившись, кричит он ей вслед. Повернувшись ко мне, кивает ей вслед. – Опять ты что-то ей наплела?*

- Ну, если ты съешь этих червей, то нет...*
- Позже мы с Хейлой стоим перед моим отцом.*
- Ябеда, – тайком щиплю её я.*
- Врушка, – не остаётся в долгу она.*
- Молчать! – прерывает нас голос – уже её отца.*

Отойдя от окна, я снова легла на постель, отодвинувшись от той половины, где обычно спал Людо. Потом встала, вызвала служанку и велела принести ещё вина. Выпив весь кубок, провалилась в сон, действительно уже неспособная думать ни о чём.

Я сосредоточенно смотрела на проём, всякий раз замирая при звуке приближающихся голосов и прячась, когда это оказывался не тот, кого я ждала. Беззаботно переговариваясь, гости покидали трапезную, чтобы предаться одному из развлечений – послушать менестреля, осипшего после пира, на котором его требовали снова и снова, перекинуться в карты или покормить специально привезённых из герцинских лесов эрциний, чьи перья сияли даже днём, хотя и не так ярко, как ночью, когда они испускают свечение.

Наконец мелькнули и знакомые одежды. На удивление, он был один. Я бросилась вперёд.

– Что ты... – начал было Бодуэн.

Я прижала его к стене, прильнув губами.

– У меня сейчас Совет, – выдохнул он между поцелуями.

– Я быстро... мы быстро, – пробормотала я, лихорадочно запуская руку ему под одежду.

А на Совет он всё-таки опоздал...

Уходя, он дал мне ключ от башни, попросив дождаться его там. Забравшись на подоконник с одной из его печаток, я примерила её на каждый палец, глядя в окно на прогуливающих гостей. Когда глаза начали слипаться, вернула её на место и перебралась на кровать. Проснулась от того, что кто-то гладит ноги.

– Я сплю, – пробормотала я.

– Спи, – согласились со мной, подтягивая подол и укладываясь сверху.

Я всё ещё не размыкала век, хотя спать уже не хотелось. Ко мне прижались губы, за которыми угадывался хмель. Они отстранились, и я протестующе замычала.

– Смотри, что я нам принёс.

Раскрыв глаза, я уставилась на пиалу, где перекатывалась густая золотистая масса.

– Ты пропустила ужин, – произнёс Бодуэн, пододвигая ещё и хлеб. – Доверенный особенно из-за этого горевал.

– А который сейчас час? – Потерев глаза, я посмотрела за окно. Уже смеркалось.

– Самое время остаться со мной. – Бодуэн стащил с себя рубаху и вытянулся рядом. Я сглотнула, искоса глядя на то, как блики играют на его теле.

– Мне уже пора. Я ждала тебя весь день.

– Жалобы подавать только через канцелярию, – запротестовал он.

В животе как назло забурчало.

Потянувшись через него, я обмакнула палец в мёд, но до рта донести так и не успела – сорвавшись с кончика, капля упала прямо на плоский, пересечённый шрамами живот.

– Это значит «остаюсь»? – уточнил Бодуэн. – Тогда тут нужен восклицательный знак.

– Что ж, через канцелярию, так через канцелярию, – согласилась я, продолжая пальцем дорожку дальше и чувствуя, как подрагивают напрягшиеся мышцы. – Уважаемые лорды...

– Здесь запятая, – хрипло подсказал он.

Послушно выведя закорючку, я снова обмакнула палец в мёд.

– Прошу вас вынести выговор...

– Пишется через «о»...

– Ах, простите, Ваше Высочество: неучена и грешна, – наклонившись, я слизнула каплю, и услышала наверху прерывистый вдох. Потянулась было снова к пиале, но меня перехватили на полпути.

– Не нужно канцелярий, – задыхаясь, произнёс он, усаживая меня сверху. – Принимаю напрямую.

* * *

С Людо мы не виделись с нашего последнего разговора. И если поначалу я избегала заходить в конюшню и те места, где могла бы случайно с ним столкнуться, то в какой-то момент вдруг поймала себя на том, что ищу его глазами, чувствуя себя странно без того, чтобы говорить с ним и видеть постоянно.

И как это бывает, когда чего-то не ждёшь, я просто шла на следующий день по двору, когда внезапно из-за конюшни вынырнула знакомая фигура. Рядом с Людо шёл Годфрик. Король что-то ему

говорил, глядя на брата и обнимая его за плечи. Подняв глаза, Людо замер, а потом сделал было движение ко мне. Мои же ноги вдруг попятнулись. Притворившись, что не заметила его, я резко свернула, ещё успев увидеть, как он остановился, глядя мне вслед.

Добежав до холла, я принялась греть руки над жаровней, чувствуя, как меня бьёт озноб.

– Леди Лорелея! – Я поднимаю глаза к площадке второго этажа. Там стоит мама, а рядом с ней – Хейла. – Жду вас в рабочей комнате.

– Но мы с Людо собирались...

– Быстро, – прерывает она. – А к реке Людо может сопроводить Хейлу.

Я смотрю на брата. Он хмурится, сжимая удочку, но молчит.

Я нехотя плетусь вверх. Проходя мимо кухни, вижу торжествующую улыбку на её лице.

Следующий час я раз за разом смотрю, как лицо мамы сменяет личины, и кажется, что ей это ничего не стоит – только капли пота выступают на лбу.

– Теперь вы, Лорелея.

Но сосредоточиться не выходит. Все мои мысли – на реке.

– Достаточно на сегодня, – вздыхает она и, оставив меня вышивать, покидает комнату.

Этим я и продолжаю заниматься даже тогда, когда вокруг уже сгущаются тени и я не вижу, куда колю.

Наконец половицы проседают под шагами.

– Ты же знаешь, что я не мог отказаться, – говорит Людо.

– Мог. И должен был. Но ты сделал свой выбор – ты выбрал её, – не поднимая глаз, отвечаю я.

– Никого я не выбирал, – злится брат. – И перестань притворяться, что вышиваешь.

– Так, значит, я ещё и лгунья?! – Я вскакиваю, с облегчением отшвыривая шитьё.

– Я тебе ужин принёс...

Я ударяю по руке, и сливы катятся по полу.

– Не нужен мне твой ужин!

– Психованная! Истеричка!

– Это ты меня довёл!

– Нет, Лора, это ты сама себя довела.

Почему он так жесток? Почему не хочет понять, как мне плохо?

– Чем вы занимались целых два часа?!

– Ходили на реку. Хейла собирала цветы, а я бросал камешки в воду, потом меня вызвал отец.

Этого я уже не могу стерпеть.

– Лжёшь! Ты мне всё лжёшь! – кричу я, прекрасно зная, что это не так. Людо никогда мне не врёт, но сейчас мне жизненно важно его обвинить. – Ты показывал ей наше место на васильковом поле и лазал вместе с ней на старый вяз и... и... – я задыхаюсь, не зная, какое ещё страшное обвинение придумать, – и ещё учил её плавать, вот!

– С меня хватит, – говорит Людо. – Поговорим, когда ты успокоишься. – И отвернувшись, идёт к выходу.

Я бросаюсь следом.

– Куда это ты? Не смей поворачиваться ко мне спиной! Не смей уходить от меня! Не смей...

Внезапно я спотыкаюсь о воздух, а в следующий миг все двести шесть костей моего тела ломаются одновременно. Никто не говорил мне, что их именно столько, но теперь я знаю, что это так.

Перед глазами вдруг оказывается потолок. На нём возникает бледное испуганное лицо Людо. Вечность спустя оно сменяется лицом матери.

– Дыши, Лора, слышишь? Просто дыши, успокойся.

Но я не могу дышать – лишь задыхаться. Не любит, он меня больше не любит!

Кости ломаются до самого утра. Срастаются и снова ломаются.

Под конец я уже не чувствую ничего. Кажется, что голова отдельно от тела. Я поворачиваю её, и надо мной сразу склоняется мать.

– Как ты себя чувствуешь, Лора?

Но всё, что я могу видеть, это лицо Людо, который спит, сидя у стены и свесив голову на грудь.

– Он такой красивый, когда спит, правда?

– Правда, – вздыхает она. – Может, тебе что-нибудь принести?

– Он всю ночь был здесь?

– Ни на миг не отошёл, – подтверждает она, и я чувствую себя значительно лучше.

– Я должна тебе кое-что сказать, – после паузы добавляет она. – К тебе посватались. Когда наступит срок, ты уедешь из дома.

Я наконец перевожу взгляд на мать.

– Это произойдёт не сейчас, а когда вы оба вступите в положенный возраст.

– А Людо туда со мной поедет?

– Ты прекрасно знаешь, что твой брат – будущий хозяин замка, поэтому останется здесь и со временем женится на Хейле.

– Вы это специально, чтобы нас разлучить!

У стены раздаётся шевеление. Людо проснулся и переводит непонимающий взгляд с неё на меня.

– Довольно, Лора, – обрывает меня мать, поднимаясь, и, отвернувшись к окну, совсем тихо добавляет так, чтобы мы не слышали, но я всё-таки слышу: – Да простит меня твой отец, но это будет благом для нашей семьи...

* * *

– Ваше Высочество!

Оторвав взгляд от молитвенника, Бланка почувствовала, как краснеет.

– Мессир, – чуть склонила голову она и вдруг обнаружила, что не может поднять ресниц.

– Я не могу долее скрываться. Я вас люблю...

Неверяще вскинув глаза, Бланка наткнулась на два чёрных омута на непроницаемом лице, столько раз являвшемся ей в мечтах.

Вспыхнувшая было радость вмиг погасла.

– Вы не должны так говорить, – пробормотала она, оглядываясь по сторонам, словно оставшаяся в башне Дита каким-то невообразимым образом могла услышать эти стыдные слова. – Вы ведь знаете: я выхожу замуж...

– Знаю. И прошу лишь об одной встрече. Буду ждать вас в полночь в саду.

Не дав ей времени ответить, оруженосец отвернулся и растворился в одной из арок галереи.

* * *

За полночь мне всё ещё не спалось. Я шевельнулась, и Бодуэн с сонным ворчанием перевернулся. Выскользнув из постели, я приблизилась к окну. Оба двора окутывала темнота с редкими огоньками. Я прикрыла глаза, подставляя лицо ветру и представляя, что сливаюсь с этой тьмой, могущей пробраться куда ей угодно и ничем не связанной.

– Не спится?

– Как думаешь, – не оборачиваясь произнесла я, – в жизни есть второй шанс?

Позади раздался звук шагов, и на мои плечи легло одеяло вместе с его руками.

– Нет, – после паузы ответил он. – Поэтому всё надо делать с первого раза.

– А можно ли считать, что человек прожил счастливую жизнь, если в ней было много радости, но закончилась она не слишком хорошо?

– Не знаю, Хамелеонша, – вздохнул он. – Быть может, если в тот момент, когда она заканчивалась, он об этом не ведал. Идём спать.

Поправив одеяло, я вернулась в постель.

* * *

Сердце Бланки колотилось где-то в горле. Не сводя глаз с силуэта на второй половине постели, она осторожно спустила ноги на пол.

Сонное бормотание тотчас прекратилось.

– Куда это вы? – приподнялась Дита.

Сердце, и так державшееся на последнем нерве, едва не вылетело из груди.

– Хотела воды. Горло сушит.

– Лежите, я сама принесу, – тотчас поднялась Дита.

Дождавшись, пока она отвернётся, Бланка быстро сунула руку под кровать и, откинув крышку с заранее приготовленной шкатулки, толкнула её на ту половину, где спала компаньонка.

– Вот, держите, – протянула кружку та, возвращаясь.

Бланка пила большими жадными глотками, чувствуя и вину, и страх, и неуверенность от того, что собиралась сделать. Вернув кружку Дите, снова улеглась на бок и, кажется, не дышала до тех пор, пока со второй половины не раздался храп.

Тогда, быстро сунув ноги в туфли, потянулась к платью. Впервые в жизни она одевалась сама и с непривычки путалась в том, как это надо делать.

На пороге, помедлив, обернулась. Компаньонка лежала, окутанная сонно-дымными кольцами принесённого и заговорённого от укуса престера, надёжно убаюканная до самого утра.

– Прости, Дита, – прошептала она и выскользнула за дверь.

* * *

Позади раздался шорох.

– Вы пришли, – глупо выдохнула Бланка. Конечно, пришёл, он ведь сам и позвал!

Оруженосец едва взглянул на неё.

– Идём.

Бланка шла, не решаясь нарушить тишину, равно как посмотреть на того, кто вёл её молча и глядя только перед собой. Если бы он что-то сказал, развеял сомнения, ей стало бы легче.

Ну, не глупая ли она? Ведь её мечта сбывалась прямо сейчас.

Она невольно остановилась.

– В чём дело? – обернулся он.

– Думаю, мне лучше вернуться, – запинаясь, произнесла она. – Я не должна была приходить.

– Конечно, я кликну стражника, чтобы вас проводил. Только тогда все узнают, что вы были тут.

От мысли, что её обнаружат здесь в такой час с посторонним мужчиной, мир качнулся перед глазами.

Бланка чуть мотнула головой, и он, взяв её за руку, продолжил путь.

– Знаете, – дрожащим голосом начала она, – давеча фрейлины читали роман. В нём двое влюблённых, будучи разлучёнными злым роком, исчахли в один день. На их могилах выросли роза и тёмно-красный шиповник, сплетясь и соединив их – уже навек.

Её слова повисли в тишине.

Они подошли к стене, и оруженосец потянул её к нише, обычно служившей комнатой для стражников. Сейчас её хозяева были на дежурстве. Оказавшись внутри, Бланка растерянно огляделась. Здесь помещался лишь стол да узкое, покрытое соломой спальное место. Наверху было такое же, к которому вела лестница.

Когда оруженосец повернулся к ней, ей вдруг отчаянно захотелось оказаться где угодно, только не здесь.

Бланка попятилась.

– В чём дело? – нахмурился юноша. – Разве вы не питаете ко мне чувств?

– Питаю, – растерялась она.

– Так докажите, – потребовал он, увлекая её на солому.

Бланка думала, что всё будет совсем не так: что они пройдутся по саду, и он, быть может, скажет что-нибудь о том, как она прекрасна, и что он умрёт от тоски вдали от неё, а она помучит его, решая, подарить ли поцелуй. А вместо этого в спину упирались доски, и всё было как-то гадко и странно...

– Тише, – накрыла рот ладонь, когда она вскрикнула.

Бланка потянулась к его губам, но он уклонился.

Наконец всё закончилось, и он встал. Бланка оправила одежду и неуверенно посмотрела на него.

– Идёмте, я вас провожу, – не глядя произнёс он, отдёргивая занавеску.

* * *

– Куда же она запропастилась?

Бодуэн торопливо расхаживал по комнате, шаря на полках и что-то ища к заседанию Совета. Быстро запустив руку в миску, я

направилась к выходу.

– Постой, – обернулся он. – Что это у тебя в руке?

– Ничего, – угрюмо отвела глаза я и хотела было продолжить путь, но он уже догнал и развернул меня за плечо.

– Покажи. Это ты взяла печать?

– Не брала я твою печать...

Схватив за руку, он принялся с силой разжимать пальцы, которые я, извиваясь, пыталась отстоять. Разогнув последний, помолчал и отступил.

– Извини.

Я тоже опустила взгляд на свою дрожащую ладонь. На ней лежало три крупных чёрных финика, которые я думала тайком оставить в стойле Торфа.

– У нас дома такие... и я хотела...

Разозлившись на то, как прерывисто звучит голос, я швырнула их на пол.

– Да подавись ты своими финиками! А печать твоя в конторке – а то бросаешь где попало.

Дёрнулась было к выходу, но Бодуэн обхватил меня за плечи и прижал голову к своей груди.

– Прости, – повторил он.

* * *

Дни потекли странно. Раз за разом я по многолетней привычке просыпалась утром с мыслью о Цели, которая рассыпалась, стоило мне открыть глаза. И точно так же каждое утро я обещала себе, что приму какое-то решение и прекращу встречи с Бодуэном, но как-то так выходило, что то он, то я оказывались рядом, и весь остальной мир пропадал. Это было удобно – ни о чём не думать, чувствуя лишь его губы. Я не заметила, как вскоре даже дышать без него стало больно. Казалось, я оживаю, только когда он со мной или во мне, когда трогаю его, пропускаю сквозь пальцы золотые пряди и прижимаюсь к сильному телу.

Талисман-покровитель я закопала в саду. Я больше не чувствовала права ни носить его, ни даже касаться. Да и не видела больше в нём

смысла. Покровитель рода Морхолт убит по приказу Бодуэна, но из-за моей ошибки, и теперь это лишь кусок металла, напоминающий о том, что я потеряла и предала.

Спасением было забвение в башне.

– А что ты имел в виду, когда сказал, что доверенный особенно огорчился из-за моего отсутствия?

– Ничего конкретно, просто к слову пришлось, – пожал плечом Бодуэн, поигрывая моими волосами.

– Пришлось к слову обсуждать меня с другим мужчиной?

Он поморщился.

– Это преувеличение. Но разве плохо, что ты интересна и другим?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что не собираться замуж, как ты однажды заявила, это глупо.

Я неверяще уставилась на него.

– Нет, конечно, я не про доверенного, но среди лордов есть вполне достойные кандидаты в мужья, и тогда ты смогла бы спокойно остаться при дворе. Представь, например, что к главе иностранной делегации, от которого зависят важные переговоры, явилась бы вдруг горячо любимая супруга или сестра и склонила его в нашу пользу...

До меня наконец дошло.

Отшвырнув одеяло, я выпрямилась на постели.

– Я не хочу замуж за какого-то рогоносца только ради того, чтоб ты мог держать меня на коротком поводке!

– Тогда выходи за меня, – буднично предложил он.

– Что? – оглушённо переспросила я.

– Выходи за меня, и, обещаю, у тебя не останется сил наставлять мне рога.

– Не шути так.

– Я не шучу. Так это значит «да»?

– Но ты... голый! И я тоже голая.

– Где-то есть закон, запрещающий делать предложение в голом виде? Или мне встать на колени?

– Это будет ещё более глупо... – пробормотала я.

– Более глупо, чем что?

– Чем наша свадьба.

– Не глупо, а неприлично, – поправил он, притягивая меня к себе. – Люди станут шептаться: «Как неприлично, ведь он гораздо

старше...»

– А она так юна и прекрасна!

– Но он, кстати, тоже вполне ещё ничего. Принц к тому же. И неприлично быть настолько счастливыми...

– Проводить друг с другом ночи и дни... По желанию, а не по долгу, и так, как это делаем мы.

– Забыть прошлое. А нам будет плевать на их мнение, – прошептал он мне на ухо.

В горле сжалось.

– Прекрати, – отстранилась я.

– Что именно?

– Это. Ты ведь понимаешь, что это невозможно.

– Почему невозможно?

– Сам знаешь. – Окончательно придя в себя, я добавила намеренно грубо: – И не хватит ли уже разговоров? Разве Его Высочество не хочет ещё разок хорошенько меня отыметь?

– Нет.

– Нет?

– Нет. – Он серьёзно на меня посмотрел. – Я хочу заняться с тобой любовью.

В дверь постучали, и я в панике вскочила. Заметалась туда-сюда, не зная, то ли собирать разбросанную одежду, то ли прятаться. Выбрала второе и заметалась уже в поисках укрытия.

– Можешь забраться под кровать, – посоветовали с постели, – она для этого достаточно высока.

Я обернулась.

Бодуэн лежал, закинув одну руку за голову и не изменив положения ни на дюйм. Хоть бы прикрылся, бесстыдник! Или он всегда в таком виде служанок принимает?!

Я в досаде замерла, осознав, как глупо сейчас выглядела.

– Если твои слуги привыкли к голым девицам у тебя в постели, то я, знаешь ли, не хочу быть одной из таких девиц, – ядовито бросила я ему вместе со штанами.

Поймав их на лету, он лениво крикнул в сторону уже открывающейся двери:

– Подожди снаружи, я сейчас выйду.

Дверь послушно притворили. Я чуть не задохнулась.

– А сразу нельзя было это приказать?!

– Зачем? Такие виды открывались.

Когда он вышел, я быстро натянула платье и села на краю постели, сжав кулаки на коленях.

Долго ждать не пришлось.

– Можешь проходить, – позвал Бодуэн.

Он сидел за столом, по-прежнему в одних штанах. Надеюсь, завтрак принёс всё-таки слуга, а не служанка.

– Позавтракаешь со мной? – указал он на поднос, где стояла миска с фруктами, хлеб и наломанный кусками сыр.

– Мне пора. – Я направилась к двери, но он перехватил меня за талию и потянул назад, усаживая к себе на колени.

– Это не займёт много времени.

Пододвинув миску и придирчиво покопавшись внутри, он извлёк налитую сливу с сизой, словно бархатистой кожицей, под которой дрожал сок.

– Закрой глаза, открой рот.

– А ты точно сливу туда засунешь? – уточнила я, прикрыв глаза, и тут же снова открыла один.

Он рассмеялся.

– Не подглядывай.

Со вздохом подчинившись, я раскусила спелую сладкую мякоть, за которой слышалось его дыхание. Какое-то время мы боролись за плод, а потом его рот накрыл мой. Его губы были горячие и жадные, и пахли сливой.

Он встал, прямо со мной на руках, и опустил спиной на стол. И всё, о чём я могла думать, пока его рот скользил вдоль моей шеи к груди, – это как поскорее развязать дурацкие завязки на дурацких штанах, которые зачем-то велела ему надеть.

– Так и знала, что с этой сливой какой-нибудь подвох выйдет, – прошептала я, прежде чем окончательно раствориться в алом жаре.

* * *

За руку дёрнули, утащив в кусты.

– Т-ш-ш, ты похищена, – прижались ко мне губы.

В спину ткнулась жёсткая кора.

Я лихорадочно цеплялась за его лицо, одежду, отвечая на каждый поцелуй, забыв про фрейлин и королеву, за которыми я только что шла из сада. Казалось, мы не виделись несколько дней, а не часов.

– А как же твой Совет?

– Сбежал с него пораньше, – произнёс Бодуэн, сдирая с меня шаль, следом кинул свой плащ и увлёк меня на него. – Пусть разбираются сами.

Немного погодя, когда мы оба снова пришли в себя, Бодуэн отстранился и принялся вытаскивать листики из моих волос.

– Оригинальней гребней и филлетов.

Неподалёку вдруг хрустнула ветка, и я, вздрогнув, повернулась на звук.

– Просто кто-то из зверей, – успокоил он и, взяв меня за руку, потянул за собой, раздвигая ветви. – Идём, хочу кое-что тебе показать.

Последовав за ним, я оказалась на краю миниатюрного озера. В воде отражалось розовое с пёрышками золотых облаков небо, тут и там лопались пузырьки. И такие же пышные розовые цветы, похожие на пионы, покачивались на его поверхности и обрамляли берег.

Бодуэн, раскинув руки, упал спиной в воду прямо в рубахе.

– Присоединишься?

– Неа, – сморщила нос я. – Не люблю плавать.

Не стала уточнять, что и не умею.

Попробовав носком воду, я с удивлением отдёрнула ногу.

– Тёплая...

– Здесь бьют источники, – подтвердил он, подплывая. Одной рукой уцепившись за берег, второй он потянул меня к себе.

– Плавать необязательно. Просто побудь тут со мной.

Вздыхнув, я сделала шаг в воду, чувствуя, как меня обволакивает тёплая влага.

Лёжа у него на груди, я смотрела, как нагретый за день шар медленно опускается за горизонт, и лениво думала о том, как не хочется вставать в холодный воздух.

– Ты весь в золоте.

– Я же принц, – серьёзно ответил он.

– Ты богат?

– Не настолько, чтобы принимать золотые ванны. Хорошо, что тут это бесплатно.

– Говорят, вода, в которую посмотрится солнце, становится волшебной.

Он чуть напрягся.

– Кто такое сказал?

«Бланка», – чуть не сорвалось с языка.

– Одна из фрейлин, – пожала плечами я и проткнула пальцем очередной набухший на поверхности пузырь. – А она может остыть?

– Надеюсь, нет, – произнёс он, закрепляя мне в волосах водоросль на манер ленты. – Не люблю, когда девушки ко мне остывают. А это подарок, чтобы чем-то её обязать.

Фыркнув, я отомстила ему, воткнув за ухо пышный розовый цветок.

– Говорят, все фрейлины королевы в тебя влюблены.

Он ничего не ответил, и я повернулась к нему. Бодуэн лежал с прикрытыми глазами.

– Чему это ты улыбаешься? – возмутилась я, пихнув его локтем.

– Завидую себе тому.

Я не могла оторвать взгляд от лица, покрытого блестящими капельками влаги.

– Скоро дыру просмотришь, – не размыкая век, произнёс он.

– Вот ещё! И вовсе я не на тебя смотрела. И... и вообще, откуда ты знаешь?

– Ты, когда делаешь это, дышать перестаёшь.

Я посмотрела на солнце. Если б можно было его остановить и до конца жизни не вылезать из этой воды...

* * *

Бодуэн шёл, закинув плащ за спину и держа в другой руке сапоги.

– Принимали ванну?

– Можно и так сказать, – усмехнулся он, останавливаясь рядом с мужчиной, в руках которого ловко мелькал нож. Из куска дерева уже проступала морда. – Это волк?

– Да, у моего брата был такой же. – Альбрехт повертел поделку и сдул стружку. Рядом копошился светловолосый карапуз. – Только настоящий, и не волк, а волчица.

– Не знал, что у тебя есть брат, – удивился Бодуэн, поставив одну ногу на бревно и опёршись о колено скрещёнными руками.

– Его уже давно и нет. Как-то раз он принёс из леса волчицу, родителей которой убил на охоте. Она была ещё совсем крохой, и Элберт решил вырастить её сам. Волчица очень к нему привязалась, везде следовала по пятам, заглядывая в глаза. Преданней животного вам было не сыскать. Да и сам он очень к ней прикипел, даже на охоту брал...

– И вот одна-а-жды, – закатил глаза Бодуэн.

– И вот однажды, – невозмутимо продолжил Альбрехт, придирчиво осматривая игрушку, к которой уже тянул руки правнук, – его нашли утром на конюшне в луже крови и с разорванным горлом, а волчицы и след простыл. Мы всюду её искали, да так и не нашли –

сбежала в лес и больше о ней не слышали. – Он вручил мальчику готовую поделку.

– Не волнуйся, Альбрехт, – усмехнулся Бодуэн, снимая ногу с бревна. – Я умею обращаться с волками.

– Мой брат так же говорил, – раздалось вслед.

* * *

Я зашла в комнату, потирая натёртые колени, и едва не поперхнулась.

– Болят? – поинтересовался Людо, не поднимая глаз. Он сидел у стены, опустив голову на грудь.

– Да, знаешь, я так... глупо поскользнулась и упала, – залепетала я. – Неудачно упала и... – Я осеклась, чувствуя, что больше не могу выдавить ни звука.

Он вскинул воспалённый взгляд.

– Продолжай, Лора. Ты поскользнулась и упала. Неудачно – под регента. И всю прогулку в саду пыталась из-под него выбраться. Давай, скажи это, я же всему поверю...

В памяти всплыла хрустнувшая ветка. Знает. Он всё знает.

– Людо... я...

– Как ты могла? – перебил он, без злости или осуждения, а так, будто действительно пытался понять то, что не умещалось в его картину мира. – Просто... как ты могла?

Воображая в кошмарах этот момент, я представляла, что Людо будет в ярости, станет браниться, обзовёт меня, как я того заслуживаю, быть может, ударит. А у него был ступор – как у человека, которому вдруг объявили, что солнце больше не будет вставать по утрам. И вообще больше не будет вставать. Как оправдаться? Как объяснить ему то, что я не могу объяснить даже себе?

Я вдруг заметила на полу у его ног рыжий мех. Вульпис лежал с закрытыми глазами и, кажется, не дышал.

– Хруст! – рванулась я к нему. – Что ты с ним сделал?!

– Всего лишь дал твою лилию, – кивнул Людо на лежащий рядом раскрытый молитвенник, меж страниц которого я когда-то заложила

подарок Тесия. – Оказывается, вульписы их не переносят. Они для них как отравы.

Склонившись над Хрустом, я с облегчением поняла, что он дышит. Едва слышно, но дышит.

Людо поднялся.

– Людо, послушай... – я тоже встала. – Ты должен меня выслушать, ты непременно должен меня выслушать... – начала делать я к нему шаги, протягивая руки.

– Не трогай меня, – невнятно пробормотал он, пятясь, а потом рывкнул: – Не трогай! Ты что, не понимаешь? Мне теперь противно, когда ты до меня дотрагиваешься!

– Ты должен меня простить, – твердила я. – Ты непременно должен меня простить! Если ты меня не простишь, я умру, слышишь? Я умру, если ты меня не простишь! Да лучше б я умерла в том пожаре!

– Да, Лора, – сказал он с пустым взглядом. – Лучше б ты умерла. – И, рванув дверь, выбежал наружу.

Я хотела последовать за ним, но впереди вдруг образовался провал, а стены начали трястись. И как предметы не слетели с мест? Землетрясение! В замке землетрясение! Почему никто, кроме меня, не чувствует, как рушится мир?

Живот пронзила дикая боль, и я упала, свернувшись на полу. Зубы стучали, и все, что я могла видеть, это взгляд Людо в последний момент.

Когда мир перестал качаться, я подползла к вульпису. Разжав ему зубы, влила воды из кувшина, смешанной с мылом. Несколько раз издав давящийся звук, он встряхнул головой и открыл глаза. Устало прикрыв свои, я провалилась в небытие.

– Людо, ты для меня всё сделаешь?

– Ну?

– Прямо всё-всё?

– А что?

– Нет, ты сперва ответь!

– Ну, смотря что: ногти, например, за тебя грызть не стану. И бросай ты уже это дело, а...

Я возмущённо выдёргиваю палец изо рта.

– Я серьёзно!

– И я серьёзно.

– А я бы для тебя всё-всё сделала, без вопросов и раздумий! Не веришь? Ну вот проверь меня! – Я сажусь, толкаю его, лениво растянувшегося на траве с головой, откинутой мне на колени. – Попроси что-нибудь! – требую я.

Он неохотно приподнимается, приглаживает всей ладонью разметавшиеся от ветра волосы, оглядывается, словно в поисках подсказки. Потом на губах проступает улыбка. Он искоса смотрит на меня.

– Всё-всё, значит? – Один уголок губ поднимается выше, превращая улыбку в ухмылку.

– Нет! – вздрагиваю я, выслушав его.

– Но ты обещала.

– Но я же тогда не знала, о чём ты попросишь!

– Ты сказала, что выполнишь всё без раздумий и вопросов.

– Я думала ты попросишь что-то другое. Что-то... настоящее и великое!

Он приподнимает брови.

– «Всё-всё», – напоминает. И я с раздражённым вздохом отталкиваю его, иду к собирающей цветочки Хейле.

– Эй, Хейла! – Она оборачивается, закрываясь ладонью от солнца и прижимая ромашки к груди. В глазах и даже в пухлых щеках – насторожённость.

– Чего тебе?

– Ничего особенного... – я хватаю её за плечи, – просто хотела сказать, что ты самая умная и красивая девочка на свете, которая не достает своего брата дурацкими вопросами! – И целую поочерёдно в каждую щёку.

Она пытается вырваться. Наконец, когда отпускаю, отскакивает, брезгливо отирая лицо.

– Фу, гадость!

– Вот-вот, – мрачно соглашаюсь я и, вместо того чтобы вернуться к покатывающемуся со смеху Людо, удаляюсь в замок царственной походкой.

Той же ночью я просыпаюсь от ударившего в глаза света. Над свечой маячит лицо Людо.

– Что ты здесь делаешь? – сонно шепчу я, оглядываясь на спящих Хейлу и няню с кормилицей.

– Пришёл сказать, что я тоже для тебя всё сделаю, без вопросов и раздумий, – шепчет он в ответ.

– Поклянись!

– Клянусь своей жизнью!

– Нет. Поклянись моей.

Он выполняет, и я тяну его руку на себя. Людо лишь судорожно выдыхает, когда я обжигаю её над пламенем. В ореоле свечи его лицо бронзовое, а глаза влажно-чёрные. Потом точно так же обжигаю и свою руку, скрепляя нашу клятву и смагивая слёзы боли.

– Отныне, если у меня возникнет в тебе нужда, то я пошлю тебе свою прядь. И ты явишься, мой рыцарь!

– А как я узнаю, что она от тебя?

– А кто это ещё может отправить тебе прядь? – возмущаюсь я.

– И то правда, – ухмыляется он.

Я улыбаюсь в ответ и резко задуваю свечу.

А потом плыву за её тающими струящимися в темноте узорами. Туда, куда меня влечёт неудержимая сила, выдирающая навстречу серому утру.

В нём я лежала на полу, не чувствуя ног от холода. Кашляя, села и оглядела расплывающуюся комнату, пытаюсь понять, что я и где я. Пальцы саднило: под ногтями застыли кровавые корки, смешанные с грязью. Я встала, держась за стену, пытаюсь устоять на дрожащих ногах, подошла к кувшину и, выплеснув воду в пригоршню, умыла лицо.

Вульписа рядом уже не было. Выбежав из комнаты, я бросилась по коридору, ловя удивлённые взгляды служанок. Ворвавшись в трапезную, впилась взглядом в королевский стол, но нужное место оказалось пусто.

– Миледи, я могу вам чем-то помочь?

Молча развернувшись, я кинулась к башне. Ступени рябили перед глазами, пока меня не начало тошнить.

Дверь я толкнула с такой силой, что она, распахнувшись, ударилась о стену.

– И тебе доброе утро, – обернулся Бодуэн от конторки.

– Тебя не было за завтраком! – обвиняюще бросила я.

Я должна была с ним поговорить. Теперь, когда Людо всё знает, я... и... просто должна.

– Я закончу и смогу принять тебя через полчаса, – ответил он, снова возвращаясь к работе.

– Может, мне ещё и на аудиенцию к тебе записаться?!

– Записываться не нужно. Тебя я приму вне очереди.

Я пересекла спальню и, отодвинув бумаги, села на краю конторки. Потянула наверх подол, оголяя колени.

Бодуэн скользнул по ним взглядом и потянулся пером к пузырьку с красными чернилами, которыми выделял строку.

– Я же сказал: через полчаса.

Я резко оправила подол и выхватила его первой. Подняв флакончик, перевернула над почти законченным письмом. Упругая струя ударила в ровные размашистые строки. Бодуэн откинулся на стуле и, скрестив руки, молча наблюдал за тем, как я вывожу узоры. Аккуратно вернув пузырёк на место, я вылила поверх и второй – на сей раз с синими чернилами, стараясь, чтоб не дрогнула рука, потому что, уже взяв его, поняла, что перегнула палку.

В полной тишине со стуком поставила его обратно и тотчас рванула к двери, но задохнулась, перехваченная поперёк талии. Падая, ухватилась за край кровати, сдирая одеяло. Ладони Бодуэна ударились о пол рядом с моими. Я тут же попыталась встать, но он за шею прижал щекой к полу. Чуть отстранившись, просунул руку под животом, ставя на колени. Платье оказалось задрано до шеи, а брэ спущены до колен.

Из последних сил я выставила назад руку, пытаясь его оттолкнуть, и она тут же оказалась заломлена за спину.

– Нет! Я не хочу!

– Не повезло тебе. Потому что теперь хочу я.

От первого толчка я заорала. Отдышавшись, выдавила:

– Сволочь...

Кричала не столько от боли, хотя проникновение было резким, но не грубее, чем у нас бывало, сколько от злости, обиды и бессилия.

Рука исчезла с шеи, но лишь за тем, чтобы крепко ухватить за волосы.

Больше меж нами не было произнесено ни слова. В последовавшие бесконечные мгновения слышались лишь удары плоти о плоть, которые я терпела, зажмурившись, чтоб не видеть его даже краем глаза, и часто дыша. *На губах скрипела грязь. Бей уродов!* И с каждым новым толчком внутри меня что-то ломалось и умирало. А у него даже дыхание не сбилось. До какого-то момента.

В самом конце, прихватив зубами кожу на холке, как звери, бывает, удерживают самок, он навалился, придавив меня к полу. Какое-то время мы лежали не шевелясь, и я чувствовала, как в спину бьётся его сердце, а потом он отодвинулся. После паузы на мне оправили одежду и мягко провели по спине. Как может так мягко дотрагиваться тот, кто только что сделал со мной это?

С трудом оперевшись ладонями о пол и дрожа локтями, я не с первого раза приподнялась, выбралась из-под него и, не оборачиваясь, вышла из комнаты.

Во дворе меня вырвало жёлчью. А потом, за неспособностью плакать, я долго и мучительно кашляла. Когда кашель и всё, что могло закончиться внутри, закончилось, побрела прочь.

* * *

Бодуэн какое-то время стоял, глядя на захлопнувшуюся дверь, а потом схватил кубок и швырнул в стену. Красное пятно поползло винными потёками.

Почувствовав на себе чьи-то руки, я протестующе застонала. Они подняли меня с постели и куда-то понесли. Какое-то время я ещё силилась взглянуть на того, кто это сделал, а потом сдалась, смежив веки.

* * *

Аккуратно опустив свою ношу на постель, Бодуэн прилёг рядом.

– Прости, Хамелеонша, я осёл...

– Да, ты осёл, – едва слышно прошептала она, то ли ему, то ли уже в рассеянности сна, от которого её глаза задвигались из стороны в сторону под сомкнутыми веками.

Отодвинувшись, принялся рассматривать лежащую рядом девушку. Теперь, когда внимание больше не отвлекали большие злые глаза, он вдруг впервые с удивлением заметил, какая она маленькая и хрупкая.

Тут веки трепыхнулись, и на него уставились чёрные маслины:

– Вы снова пришли, – прошептала она. – Я думала, вы больше никогда не придёте...

– Да, я... пришёл, Хамелеонша, – растерялся он.

– Конфеты принесли?

– Прости... кажется, я их забыл.

Она издала разочарованный вздох.

– Тогда в следующий раз принесите. Только чтоб настоящий марципан, а не каштаны, ладно?

– Ладно...

Удовлетворённо кивнув, она снова смежила веки.

Проведя ладонью по лицу, Бодуэн вышел из спальни и кликнул слугу.

* * *

Я не сразу поняла, где я. Потерев глаза, обнаружила, что лежу на постели, а за стеной слышатся голоса. Один был низкий и чем-то недовольный, а второй, кажется, принадлежал женщине. Но она говорила так тихо, что не удавалось различить интонации.

Пошевелившись, я вдруг почувствовала что-то в ногах. Это оказалась шкатулка. Поместив её себе на колени, я приподняла крышку. Нос пощекотала смесь пряностей. Там оказались крупные ровные шарики молочного цвета. Потрогав один из них, я вдруг поняла, что это, хотя раньше никогда не ела марципан и почему-то представляла его себе охристого цвета. На вкус он не был похож ни на что из того, что я пробовала прежде. Но ссора за стеной набрала обороты, и я отложила шкатулку.

Внезапно всё стихло, и гроыхнула дверь, как если бы второй участник выбежал, или скорее за ним её со злостью захлопнули. Пару мгновений спустя Бодуэн ворвался в спальню. От прежнего спокойствия не осталось и следа.

– Бланка ждёт дитя.

Я молча продолжила смотреть на него. Слова ударили в голову, как камень в пустое ведро – в ней что-то прозвенело, но смысл ухватить не получилось.

Он принялся расхаживать туда-сюда.

– Я знаю, это сделал твой брат!

– Это она так сказала?

– Она так и не призналась, кто отец, но это не мог быть никто, кроме него. Он понесёт наказание.

Откинув одеяло, я выпрыгнула из постели.

– Ты не посмеешь!

– Да от него за сто ярдов разит виселичной верёвкой! – Бодуэн шагнул ко мне, схватил за плечи и встряхнул. – Где он? Его нигде не могут найти!

– Не знаю! А даже если б знала – не сказала бы. Отпусти!

Я попыталась освободиться, и он снова встряхнул.

– Не нравится быть беспомощным, да? – зло кинула я. – Ты ведь никогда не принимал нас всерьёз, меня и брата, правда? Ещё бы: ты ведь самый умный, всегда на два шага впереди, всегда всё просчитываешь, всё учёл... Кроме одного: не стоит недооценивать тех,

кто слабее и глупее тебя. Думаешь, власть у тебя, а на самом деле ты цепной пёс короны, проклятый вечно сторожить этот трон для других!

Вырвавшись, я отскочила и в тот же миг почувствовала, что что-то держу. Бодуэн тоже перевёл взгляд на мой кулак, в котором был зажат его браслет-косичка. На запястье осталась полоска незагоревшей кожи.

– Верни его, – сказал он до жути спокойным тоном, протягивая раскрытую ладонь.

Я разжала пальцы, разглядывая косичку. Оборванные концы пушились отдельными ниточками лески... Вглядевшись, я вдруг поняла: не ниточками – волосками.

– Чьё это? – спросила я, отводя руку и рассматривая волоски на свет. Белокурые, тоненькие... совсем как тот волос, который я сняла с носа Хруста возле алтаря. Наверное, Бодуэн тогда зацепился браслетом за выступ камня. Почему-то легко было представить их обладателя, вернее, обладательницу: такую же тонкую и бледную.

– Верни, – повторил Бодуэн.

Ни слова не говоря, я выдернула один волосок и быстро проглотила.

– Нет! – дёрнулся он ко мне.

Но горло уже обожгло. Меня мотало так, как если бы к волосам было примешано что-то ещё. Наверное, и было примешано. Вряд ли за столько времени браслет даже не потемнел бы, если бы не оказался заговорён.

Когда всё прекратилось, я повернулась к Бодуэну. Он потрясённо смотрел на меня. При других обстоятельствах выражение его лица было бы даже смешным.

Повернувшись к зеркалу, я увидела женщину, чуть постарше меня – лет двадцати. Я не слишком ошиблась: она действительно была тонкой и бледной. Красивой? Да, пожалуй. Всяко уж красивее меня. Белокурые волосы спускались до талии, обволакивая её. Разве что слегка опущенные уголки губ портили картину. Что-то в ней показалось неуловимо знакомым. Казалось, я не раз видела её... на стене, и в саду и... перед глазами встал медальон, бережно раскрытый и потом так же бережно спрятанный обратно и прижатый ладонью.

«Матушка умерла родами...»

Я обернулась к Бодуэну. Он всё ещё ошеломлённо рассматривал меня, не в силах вымолвить ни слова.

– Ты ведь не дядя Бланки, – произнесла я наконец. – Ты её отец. Мускул на щеке Бодуэна дёрнулся, но он ничего не ответил.

Вспомнилось вдруг, как он напрягся в коридоре, когда Бланка его обняла. Тогда я подумала, что он раздражён и не хотел бы, чтобы их кто-то увидел рядом. Теперь стало ясно: действительно не хотел бы. А ещё Бланка левша, как и Бодуэн. Судя по конторке в комнате, обучена грамоте, что непривычно для девушки.

– А ты ведь её любишь, – дошло до меня. – Без памяти любишь свою единственную дочь – ради нелюбимой не стал бы столько притворяться. А рядом стараешься не быть, чтобы никто не заметил сходства, да? Зря волнуешься: не так уж вы и похожи. Слушай, а ты уверен, что она твоя?

Ткнув наугад, я впервые задела его по-настоящему и теперь со злым извращённым удовольствием проворачивала пальцы в до сих пор нарывающей ране.

Скинув камизу, я оценивающе обхватила небольшие крепкие груди.

– А я неплохо сохранилась для мертвячки, пролежавшей под землёй сколько... десять, больше лет? Ах да, мать Годфрика ведь умерла, рожая Бланку.

Пройдя мимо него, я легла на кровать и широко раскинула ноги.

– Как насчёт того, чтобы вспомнить старые добрые времена? – Облизнув пальцы, я томно провела по промежности, раздвигая ноги ещё шире, и протянула к нему руку с зовущей улыбкой. – Ну же, иди ко мне, я соскучилась. Под землёй совсем нет развлечений.

– Прекрати, – произнёс он севшим голосом.

– Что такое, милый? – Я приподнялась на локтях. – При жизни я была другой? Ах, верно, Бланка вся в меня, значит, нежной и скромной? И ты входил в моё тело, как в храм? – Подмигнула. – Смерть меняет человека, теперь делай со мной всё, что захочешь. Я позволяла тебе сзади? – Махнула рукой. – Чего уж там, получишь в любой позе, я сегодня добрая.

– Перекидывайся обратно, – срывающимся голосом произнёс он и тут же заорал со вздувшимися на лбу венами. – Перекидывайся, я сказал!

Я обиженно надула губы.

– Все-все, поняла. Я была почти девственницей, когда ты имел меня, и лежала страдающим бревном. Ты же не взял меня силой, нет? Нет, уверена, я отдалась по большой и чистой любви, спасаясь от холодности супруга-мужеложца, и ты тоже любил меня, страстно и возвышенно, как не любил ещё ни одну женщину, поэтому имел тайком от брата, до сих пор носишь при себе мои волосы и поэтому убил своим ублюдком. – Я округлила глаза. – Только не говори, что я понесла с первого раза. Мы хоть успели повеселиться?

Он провёл ладонью по лицу, приходя в себя, быстро подошёл, за волосы сдёрнул меня с постели и коротко шлёпнул по щеке.

– Перекидывайся.

От удара коленями о пол из глаз посыпались искры, но я выдавила громкий злорадный смех.

– В чём дело, любовь моя? Или я слишком похожа на Бланку? Так могу отвернуться в процессе.

Я ухватилась за его пояс, пытаюсь развязать, но он хлестнул по руке.

– Ты ведёшь себя, как...

– Кто? Шлюха?

– Выродок.

Слова ударили горькой пощёчиной.

– Это ты сделал из меня выродка!!

– Нет, Лора, две вещи в жизни люди делают сами и в полном одиночестве, неважно, сколько человек вокруг: умирают и превращаются в подонков.

Меня поволокли к выходу.

– А Лиана в королевской усыпальнице, а не под землёй, – сказал он, вышвыривая меня, и кинул следом одежду.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Какое-то время меня трясло, я, тяжело дыша, приходила в себя. Потом судорожными движениями натянула одежду и побежала вниз, на ходу перекидываясь.

Когда я ворвалась в точно такую же башню, сидевшая там девушка подняла голову. Глаза красные, но она не плакала.

– Ваш дядя хочет вытравить плод! – кинула я Бланке с порога.

Она бессознательным жестом прикрыла живот, испуганно глядя на меня.

– Это ведь моего брата?

Опустив голову, она кивнула.

Внезапно лихорадочно метавшиеся в моей голове мысли слепились в план.

– Я знаю, что делать, только нужно спешить. Сперва призовите Хруста.

Мгновение Бланка смотрела на меня, колеблясь, и на её лице виднелись все те вопросы, которые она не задала. Потом прикрыла глаза. А открыла уже полностью белые.

– Он услышал, – произнесла она.

– Хорошо. Скоро вернётся Дита?

– Она уехала на берег за снадобьем от тошноты.

– Значит, время ещё есть, – кивнула я. – А теперь нам пора собираться.

Бланка обернулась на дремлющего на кровати Финика.

– Его мы взять не сможем, – предостерегла я.

Помолчав, она грустно кивнула и пододвинула к нему тарелочку с нарезанными корешками.

Истёкшее в ожидании вульписа время показалось мне самым долгим в жизни. Наконец в дверь поскреблись. Распахнув её, я с облегчением увидела на пороге Хруста.

– У меня будет для тебя задание, малыш, – сказала я, беря кусочек пергамента, который протянула мне Бланка. – Ты должен разыскать Людо и передать ему это. – Черкнув пару слов, я вложила в записку только что отрезанный локон и сложила её.

Зверёк скривился.

– Быстро! – подтолкнула я его.

Когда он скрылся, я снова повернулась к принцессе, на лице которой застыло растерянное и вместе с тем решительное выражение.

– У вас всё готово?

– Да.

– Тогда пора.

* * *

Оставшись один, Бодуэн сжал ладонями виски.

Его тащат к Хенрику как нашкодившего щенка, чуть ли не за шкуру. Сидящий за столом брат не предлагает ему присесть. Хенрик и в кабинете – редкое зрелище. Он если и появлялся тут, то не чаще, чем нужно было подписать составленные лордами за него приказы.

– Я всё знаю, – ничего не выражающим голосом произносит он. – Лиана твердила твоё имя в горячке.

Бодуэн почувствовал, как холодеет. То, что начиналось как приятное развлечение, постепенно приняло серьёзный оборот.

– О своём ублюдке не волнуйся – я воспитаю его как своего. Но с этого дня тебе будет запрещено даже смотреть на него. Всё, свободен.

– А что будет с ней? – выталкивают губы.

– Позаботься лучше о себе.

И вот Бодуэн бежит по бесконечному серпантину ступеней, кажется, готовый оглохнуть от раздающихся наверху криков младенца.

Когда он вбегает в башню, там два стражника и акушерка. В ногах роженицы надрывается дитя. Простыни влажные от крови. Глаза лежащей на кровати глубоко запали и обведены сиреневыми кругами. Вот только в позе что-то не так, и нет никакого шевеления груди...

Бодуэн падает на колени, прижимает свисающую руку к губам. Смотрит на измученное лицо. К её носу пристало пёрышко. Какое-то время Бодуэн непонимающе его разглядывает, потом аккуратно снимает. Откуда здесь перья? И почему подушка лежит рядом, а не под ней?

Акушерка отводит глаза.

– Она скончалась родами? Как жаль... – раздаётся позади. Вошедший Хенрик смотрит на бывшую супругу равнодушно, почти со скукой. – Унесите её. А его увести.

Бодуэн так и не смотрит на дитя, которое акушерка, торопливо обернув простынями, проносит мимо него. Он снова смотрит на брата. И уже тогда он знает, что убьёт Хенрика.

А потом впервые в жизни нырнул с головой в государственные дела, во искупление. И на удивление всем, перевоспитался из повесы.

Бодуэн смотрит на кровать, на которой недавно видел призрака, и оказывается в шумной трапезной.

Вино, как обычно, льётся рекой. Он оборачивается к вошедшей женщине, за руку которой держится девочка лет семи. Она прячется за юбкой Диты, зажмуриваясь от громких звуков, и на лице её написано желание поскорее вернуться обратно в башню. Ей явно не нужен этот праздник в честь Дня её рождения, полный незнакомых людей, хохота и пьяных выкриков. Бодуэн тотчас отворачивается к какому-то приятелю, хлопнувшему его по плечу.

А снова оборачивается, когда зал сотрясает рёв. Медведь, которого Бланке преподнёс один из иностранных послов, встал на задние лапы. Одна из сдерживавших его цепей лопнула.

Взгляд останавливается на застывшей перед ним маленькой фигурке, вокруг которой гости образовали почтительный полукруг.

Дита потом сказала, всё из-за той сказки, в которой девочка подружилась с медведем... Бланка верила в сказки.

При виде занесённой лапы вино мгновенно испаряется, вытесненное страшным осознанием – удар неотвратим. Что бы Бодуэн сейчас ни приказал.

Он и сам не понял, как сделал это – просто ноги вдруг понесли вперёд.

В первый миг даже ничего не почувствовал. Так, бывает, по нечаянности плеснёшь на себя кипятком, и на краткие доли вода даже кажется холодной. Все чувства, все жилки замирают, подбираются, чтобы вытолкнуть наружу её.

Боль.

Она не наступила. Она обрушилась, смяла, разорвалась в каждой точке тела и сознания одновременно, прошла по животу калёными плетями преисподней, выдирая мясо заодно с разумом. До невозможности вдохнуть, двинуться, кричать, потому что боль была сильнее крика. Сильнее самой боли. До потери себя, до чёрной бездны кровавыми пузырями на губах, и пальцев, бестолково пытающихся зажать разрывы, удержать внутри скользкое и вываливающееся. И сильнее этой боли только облегчение – успел...

Огромные глаза ребёнка, остекленевшие от непролитых слёз – слишком велик был испуг, – и последнее усилие, направленное на ревущего, беснующегося от вида и запаха крови зверя. И медведь безвольно сникает, сосёт лапу и послушно отвешивает поклоны. Весь остаток вечера, из которого сам Бодуэн не помнит уже ничего, даже то, как его зашивали.

* * *

– Эй, лорденок!

Мальчишка лет одиннадцати встаёт с камня ему навстречу. – Ещё никто не ослеп от твоих зубов?

– Ты свои покажи – и будем в расчёте.

Освиг незлобливо улыбается, выставляя коричневые пеньки, и Бодуэн подаёт руку, которую тот пожимает, предварительно обтерев о штаны. Он знает, что красив, ну и что? Не то чтобы ему это как-то мешало в жизни. Не у каждой девицы здесь такая чистая кожа и густой волос. Да и что плохого в целых зубах?

Освиг мнётся, глядя в землю. Он знает Бодуэна, как сына подмастерья, но и того для него много.

– Привет, Ибби, – поворачивается Бодуэн к малышу лет трёх, гоняющему колоском божью коровку в траве. Неподалёку пасётся стадо быков. Раскрыв ладонь, Бодуэн протягивает мальчику серый кусочек сахара, на который тот смотрит, открыв рот, как на драгоценность. – Держи, это тебе.

Ибби берет его аккуратно, двумя пальцами, и так, будто может повредить.

Освиг шмыгает, вытирая нос рукавом.

– И где только ты всё это хапаешь? – неуклюже посмеивается он, и Бодуэн чувствует, что ему, несмотря на то, сколько раз они уже виделись, неловко – от разницы их одежд и манер и всего того, что любому сразу бросается в глаза.

– На кухне стащил, – сверкает улыбкой он и даже не врёт. – Но для нас с тобой есть кое-что получше.

Устроившись в тени дуба, они раскрывают мешочек, который он принёс с собой. Вскоре, растянувшись на земле, уже передают друг

другу свёрнутый трубочкой лист, набитый пахучей крошкой, от которого вьётся дым. Сладковато-терпкий аромат стелется над полем, расслабляя и наводя дурман, отчего поле кажется горящим морем золотых колосьев. Бодуэн расслабленно, но вместе с тем внимательно слушает последние новости из деревни, время от времени наводя Освига правильными вопросами. Отчего не совместить дружбу и нужное дело? Отцу полезно знать, что тревожит простой люд и что говорят о короле. Всегда лучше заранее быть предупреждённым о слабых местах.

Внезапно он приподнимается на локте. Один из быков отделился от стада и, раздувая ноздри, смотрит на ребёнка перед собой. Или скорее на серый кусочек, который тот протягивает ему на руке.

– Ибби, отойди! – кричит он, но мальчик не двигается с места.

– Ибби, нет! – вскидывается рядом Освиг.

Бодуэн вскакивает, чувствуя смесь растерянности и возбуждения. Освиг уже бежит к стаду, на ходу расправляя конопляный кнут.

Бодуэн хочет последовать за ним, но его вдруг что-то ударяет в центр груди. Следом обрушиваются запахи – бычьего пота и колосьев, и нагретой земли, и даже этого синего неба, – даря ощущение странной растворённости и соединённости с животным.

Солнце топит всё во вспышке, на фоне которой мчится бычье стадо, сминая колосья и погребая под собой две фигурки.

Оно гаснет так же резко, как его разум, напоследок мигнув огромным золотым псом.

* * *

Услышав от входа шуршание, Людо поднял голову. На него неприязненно уставились два зелёных глаза.

– А... это ты. Значит, не подход?

Фыркнув, словно плюнув, зверёк подтолкнул к нему пергаментный комочек и, махнув хвостом, скрылся. Приблизившись, Людо поднял его. Это оказалось послание. Медленно его прочитав, он стиснул прядь в кулаке, какое-то время борясь с собой.

– Эй, ты здесь? – позвал от порога ненавистный голос.

Пригнув голову, в конюшню зашёл король. Красные волосы тщательно причёсаны, на боку висит поясной меч, рука сжимает хлыст.

– Да, – хрипло откликнулся Людо.

– Мой конь ещё не готов? – удивился тот, вставая рядом.

– Я... отвлёкся.

На бледных, в крапинках веснушек, губах появилась улыбка.

– Ты готовил что-то? Для меня? – спросил король и провёл тыльной стороной ладони по его предплечью – жест, от которого Людо давно воротило.

Он неопределённо повёл плечом.

– Вот это? – кивнул тот на сжатую руку.

– Можно и так сказать.

– Мне это понравится?

– Не уверен, но это понравится мне, – произнёс Людо, обходя его и вставая сзади.

Их тени отражались на стене.

– И скоро ты мне это покажешь? – спросил король, тяжело дыша и откидывая голову ему на плечо.

Отведя в сторону красные волосы, Людо потянулся к бедру короля.

– Уже сейчас, – выдохнул он и, с облегчением прикрыв глаза, полоснул снятым с бедра мечом по бледному, с торчащим кадыком, горлу.

Кровь веером расправилась на стене. Глаза Годфрика распахнулись. Пальцы судорожно метнулись к горлу, скребя, словно пытаясь затолкнуть обратно толчками выбрасывающуюся из него жизнь. Какое-то время он давился, клопоча, наконец с хрипом повалился лицом вперёд, вздрогнул несколько раз и затих.

Быстро оглядевшись, Людо обтёр меч о его одежду и, ухватившись за дорогие кожаные сапоги, оттащил тело в пустое стойло. Накидав сверху соломы и присыпав ею красные пятна, схватил седельную сумку, оружие и выскользнул наружу.

Надвинув капюшон пониже, я торопливо шагала вперёд, прижимая к себе под плащом узел с вещами. За мной в таком же плаще следовала Бланка.

Мы шагнули в помещение, из которого сразу повеяло благовониями. Времени в обрез: совсем скоро вернётся Дита и обнаружит, что Бланки нет на месте, да и Бодуэн, уверена, недолго будет сидеть сложа руки. К счастью, клирика в часовне не оказалось. Я поспешила к стене за каменным столом, откуда всего пару недель назад – а казалось, целую жизнь назад, – вышла, спасаясь не столько от Бодуэна, сколько от самой себя.

– Это где-то здесь, – сказала я Бланке, царапая стену.

Какое-то время я безуспешно пыталась нащупать то, что не удалось в прошлый раз. Но камень был нем к моим попыткам. Трещины и выступы относились лишь к шероховатости кладки, но никак не к тайным средствам, открывающим ход.

– Вы ищете подземный коридор? – раздалось вдруг за спиной.

Я удивлённо обернулась.

Бланка подошла и, сосредоточенно оглядев стену, приложила ладонь. Казалось, она прислушивается к чему-то, слышимому только ей. Тонкая ладонь скользнула по камню, словно договариваясь с ним о чём-то. Пальцы ловко пробежались и надавили.

Что-то ухнуло, скрипнуло, и стена пришла в движение.

– Откуда вы про него знаете? – изумилась я, глядя в раскрывшийся чёрный зев.

Бланка повернулась, сосредоточенно посмотрев.

Рядом с этим человеком она всегда чувствует смущение. Вот и сейчас хочется убежать, хотя он никогда не делал Бланке ничего плохого.

– Идём, это как игра. Нам будет весело, – обещает он.

Бланка вздыхает. Ей совсем не весело идти по этому тёмному коридору, где затхло пахнет водой. Куда веселее было бы сидеть сейчас в башне с Дитой.

– Сюда, Бланка, – манит он, берёт её руку в свою и тянет вперёд, освещая им дорогу факелом. Бланка смотрит на колышущиеся впереди пряди, поражаясь, как это золото растёт у него прямо из головы. У неё-то волосы противные, едкого медного цвета. – Тут свернуть направо. А там идёшь ровно, не сбиваясь с пути, – доносится до неё его голос.

Повороты сливаются перед глазами. Зачем он всё это ей показывает?

– Это как прятки, – оборачивается он. – Ты ведь любишь прятки?

Бланка молчит, не находя сил даже помотать головой. Наконец солнце ударяет в глаза.

– Ты всё запомнила? – спрашивает он.

Бланка кивает. Дита велела быть с ним тихой и послушной, обещая по возвращении коврижку, и мысль о её медовой сладости поддерживает Бланку.

Вздыхнув, он присаживается перед ней.

– Будем надеяться, тебе это никогда не пригодится.

– Однажды пришлось узнать, – ответила Бланка и первой шагнула вперёд.

Когда показалась решётка, открывавшаяся, как я знала, вовнутрь, в горле пересохло. А вдруг Людо не придёт?

Но опасения оказались напрасными: брат ждал нас в условленном месте. При виде лодки я не смогла сдержать вздох облегчения. Правда, вряд ли её позаимствовали с разрешения Косого Тоди.

– Спасибо, Людо, – произнесла я.

Он промолчал.

Я почувствовала, как рядом напряглась Бланка. Прежде чем сесть в лодку, она обернулась на замок, как когда-то леди Йоса, и быстро отвела глаза. Пока мы устраивались внутри и Людо отвязывал верёвку, к нам присоединился вульпис.

Плавание проходило в полной тишине. Принцесса отрешённо смотрела на воду, но время от времени я перехватывала её взгляды в сторону Людо.

Всю дорогу моё сердце билось так, что темнело в глазах. Тело одеревенело от напряжения, от которого я не могла освободиться. Я в

любой миг готовилась услышать набат и крики стражников. Любая галера нагонит нас в два счёта. Понимая это, мы плыли в отдалении от основного пути из замка на берег, почти под сенью деревьев. Я также боялась чем-то нарушить молчание, опасаясь, что стоит мне заговорить, что-то сорвётся: принцесса передумает, или же Людо вдруг вспомнит, как он меня ненавидит.

Наконец нос врезался в берег, качнув всех нас.

Покинув лодку, я обернулась по сторонам, пытаюсь найти тропу, по которой мы когда-то отправились верхом в горы. Жаль, в этот раз нас не ждут взнузданные кони. Без них подъём займёт гораздо больше времени, и остаётся лишь молиться, чтобы нас не перехватили.

– Теперь в ту сторону, – указала я, постаравшись, чтобы голос прозвучал уверенно. В замке план выглядел гораздо лучше, чем здесь, где нам предстояло целый день пешком подниматься в горы.

– Подождите тут, – раздался вдруг рядом тихий голос.

Бланка сделала несколько шагов к роще.

– Если вы собираетесь отдохнуть, то у нас нет времени, нужно торопиться, – нетерпеливо позвала я.

Бланка спокойно обернулась.

– Нет, я собираюсь сделать другое.

Стоя так, чтобы между нами оставалось расстояние и не глядя друг на друга, мы с Людо наблюдали за тем, как она прикрыла глаза и развела руки в стороны. В свете поднявшегося над верхушками солнца над губой блеснули бисерины пота.

Вскоре за деревьями раздался треск, как если бы сюда проламывался кто-то огромный. Тот, кто вышел из-за них, и был огромным.

Перед нами возвышался зверь, похожий на лошадь, только крупнее любой из них. Туловище покрывала короткая жёсткая шерсть, хвост заворачивался, как у хряка. На тёмно-красной, крупной даже для такого тела, голове рос короткий, загнутый назад рог, белый у основания, чёрный посередине и блестяще-алый, словно обмакнутый в кровь, на конце. Странно было видеть при этом, как из-под шишковатого, словно насупленного, лба выглядывают ясно-голубые глаза. На широком развороте груди выступали мускулы. Животное ударило о землю раздвоенным копытом.

Открыв глаза, Бланка качнулась и ухватилась за ствол. Стерев кровь под носом, улыбнулась, приблизилась к животному и ласково погладила шею.

– Идёмте, – повернулась она к нам.

Его спина оказалась достаточно широкой и мощной, чтобы выдержать нас троих. То, как зверь сорвался с места, даже отдалённо не напоминало отправление Игруньи. Да и он явно не знал ни о каком тельте, двигаясь вперёд огромными скачками. И точно такими же вскоре принялся взбираться в гору, напоминая цепкостью горных козлов. Спиной я чувствовала сидящего сзади Людо. За всю дорогу он не произнёс ни слова, но уже то, что он пришёл, вселяло надежду, что он когда-нибудь простит меня.

Я указала на замаячившую впереди скалу в форме короны.

– Туда!

С каким-то странным чувством, сжимавшим всё внутри, я смотрела на остающиеся внизу домики деревни Раэли, узнавая отдельные места и даже кусты, мимо которых мы с Бодуэном когда-то проходили, поднимаясь наверх.

– Всё, дальше не получится, – выдохнула Бланка, когда животное остановилось на одной из верхних площадок после нескольких неудачных попыток преодолеть последний подъём.

Земля осыпалась из-под копыт, и оставаться верхом было опасно. Принцесса выглядела уставшей, волосы растрепались от ветра, на бледной щеке виднелся порез, оставленный то ли веткой, то ли отскочившим камешком.

Спешившись, мы преодолели оставшийся участок. Небо заволкло облаками, и площадка тускло освещалась едва пробивавшимися сквозь них лучами. Ветер трепал траву и нашу одежду.

Я бросилась к Камню. Бланка приблизилась, напряжённо глядя. Я почувствовала, как с другой стороны, чуть позади, встал Людо.

Дрожащими руками достав флакон с набранной в Хидрос водой, я вылила её в выемку на камне.

– Отмеченная Праматерью пришла за благословением.

Голос показался хриплым и каким-то чужим. Почти сразу слова проглотил ветер, не оставив даже эха. Какое-то время мы не шевелились.

– Что теперь? – прошептала Бланка.

Я смотрела на лунку воды, ожидая, что вот-вот что-то произойдёт. Подняв голову, взглянула на взирающий на нас сверху лик Праматери. Текли мгновения, и я со все возрастающим ужасом понимала, что ничего не происходит.

– Ты ошиблась, – раздался холодный голос Людо. – Это неправильный призыв, или неправильное место, или требуется другой вотивный дар.

– Я не могла ошибиться! – возразила я, внутренне совсем не чувствуя уверенность. – Именно на эту гору являлся Покровитель, чтобы проверить Зою, в чашу клирик наливал воду из Хидрос, а слова призыва я видела собственными глазами после расшифровки...

Но внутри уже скреблись сомнения. А вдруг Бодуэн и правда меня обманул? Ну конечно же обманул, какая же я дура!

Бланка переводила с него на меня непонимающий взгляд. Схватив её за запястье, Людо рывком подтащил принцессу к Камню.

– Она должна знать!

Бланка вскрикнула и запнулась, но удержалась на ногах.

– Вы что-нибудь знаете о призыве Покровителя? – повернулась я к ней.

– Н-нет. Должны знать дядя или Годфрик. Разве мы здесь не для того, чтобы попросить покровительства у Праматери?

– Она лжёт! – прошипел Людо.

– Я говорю вам правду, Людо! – с мольбой воскликнула она. В глазах заблестели слёзы.

Ко мне вдруг со всей безысходностью пришло осознание, что Людо прав: я где-то ошиблась, а путь назад отрезан.

В отчаянии я саданула о камень рукой. На остром выступе остался влажный след. Набухнув на сколе, кровь стекла в лунку, смешавшись с водой внутри.

– Мы могли бы ещё вернуться и... – Голос Бланки прервали раскатившиеся над долиной удары набата.

– Поздно, – произнёс Людо, обернувшись в сторону замка. – Его уже нашли.

– Нашли кого? – спросила Бланка, не сводя с него глаз.

Я тоже посмотрела на брата.

– Людо, что ты наделал?

Он плотно сжал губы.

Надтреснутые звуки прекратились. Внизу заскулили. Вульпис смотрел куда-то в небо, мимо нас. Я поглядела туда и увидела быстро приближающуюся точку. Всё внутри похолодело, и, казалось, я обратилась в такой же, как этот Алтарь, камень, потому что узнала сокола. Это был высланный вперёд Кирк!

Тут и там слышались шорохи, из травы одна за другой начали выныривать головы множества змей. Вскрикнули, заблеяли вдалеке овцы, переходя на визг и почти крича неузнаваемыми голосами, где-то в оставшемся далеко позади лесу заревело животное. От чаши отделились звери и волной двинулись в сторону нашей горы. Десятки их собратьев уже карабкались по склонам.

Ветер резко усилился, почти сбивая с ног. Горы стонали, словно стремясь содрать с себя весь лиственный покров заодно с землёй. Казалось, они проснулись и вот-вот поднимутся, чтобы стряхнуть тех, кто, не имея на то прав, явился к Камню.

А я стояла и всё не могла стряхнуть оцепенение, как, бывает, не можешь проснуться от кошмарного сна. Наконец кинулась к Бланке и, дёрнув за волосы, вырвала сразу прядь. Её лицо исказилось от боли и страха. Но это не шло ни в какое сравнение с тем выражением, которое появилось на нём пару мгновений спустя, когда моё превращение завершилось.

– Кто ты такая? – в ужасе прошептала принцесса.

Я молча отвернулась к небу.

Какое-то время лишь Кирк виднелся на фоне сгустившихся облаков, а потом за ним прорисовалась огромная тень. Сокол, подлетев, приземлился на ободок протянутой Праматерью к небу чаши и немигающе уставился на нас сверху вниз, а тень превратилась в гигантскую похожую на орла птицу. Она рассекала исполинскими крыльями небо. На ней, выпрямившись во весь рост, стоял Бодуэн. Из носа, ушей и глаз у него текла кровь. И мне стало так жутко, как не бывало никогда прежде.

– Я не смогу его удержать! – в отчаянии вскричала Бланка, под носом у которой тоже показалась кровь, которую она сразу стёрла. – У меня не хватит сил!

Последний взмах крыльями, и Бодуэн сделал шаг вперёд на площадку, а птица пошла на разворот.

– Стой там, где стоишь! – выхватил меч Людо.

– Я пришёл за Бланкой, – бесстрастно произнёс регент, глядя на нас совершенно белыми глазами.

– Дядя... – попятилась принцесса.

– Дядя, пожалуйста, мне так страшно! – моляще произнесла я.

Бодуэн замер, переводя взгляд с неё на меня.

– Я Бланка, – произнесла принцесса.

– Нет, Бланка – это я, – вторила я.

Теперь мы были неотличимы, благодаря ещё и плащам. Тут Бодуэн посмотрел на что-то у моих ног и, опустив взгляд, я поняла, что раскрыта: там тёрся вульпис.

– Идём со мной, Бланка, – повернулся Бодуэн к настоящей принцессе и протянул раскрытую ладонь.

– Не верь ему, – быстро произнесла я, перекидываясь обратно. – Он лгал тебе все эти годы. Он тебе не дядя – он твой отец.

Площадку накрыла тишина, нарушаемая лишь воем ветра.

– Это правда? – потрясённо спросила Бланка, повернувшись к нему.

Лицо Бодуэна ничего не выражало, только на лбу дёргалась жилка.

– Он что, забыл тебе об этом сказать? Так, может, я ещё расскажу тебе одну сказку? Про брата с сестрой, которые жили-были в достатке и очень счастливо, пока не пришло чудовище и не убило всю их семью, умертвив заодно и Покровителя. И только им двоим удалось спастись...

Воспользовавшись заминкой, Людо вмиг очутился позади Бланки и приставил меч к горлу.

Глаза Бодуэна вспыхнули, раскалившись.

– Не делай этого, Хамелеон.

– Отзови своих зверей.

Бодуэн не пошевелился, и Людо встряхнул Бланку так, что та вскрикнула. Регент моргнул, и глаза стали обычными. Шуршание тут же прекратилось, даже ветер, казалось, поутих.

– Если она сказала правду, пожалуйста, отпусти нас, – взмолилась принцесса, явно уверенная, что Людо не причинит ей вреда.

– Что бы они тебе ни сказали, Бланка, они не те, за кого ты их принимаешь. Они тебе не друзья.

– Не слушай его, Бланка, – перебила я, – он ведь хочет убить твоё дитя!

– Какое дитя? – вмешался Людо.

– Я жду от вас ребёнка, – повернулась к нему принцесса. – Вы... рады?

На лице Людо отразилось потрясение.

– Рад ли я? – повторил он. – Ещё бы! Конечно, рад.

Бланка робко улыбнулась.

– Ты слышала, Лора? – в восхищении крикнул он мне. – Она на сносях. Я дарю право прирезать её тебе! – С этими словами он толкнул её ко мне, кинув заодно к моим ногам и клинок, который я тут же подняла.

Бодуэн перевёл взгляд на меня.

– Ты не хочешь этого делать, Лора.

– Откуда тебе знать, чего я хочу, а чего нет! – воскликнула я, стиснув рукоять. – Скажи, ты любил её? Лиану...

Он молчал.

– Отвечай!!

– Да я даже лица её не помню! – вскричал он. – Не помнил бы, если б не... – он кивнул на Бланку. – А теперь опусти клинок, и ты сможешь обрести дом здесь.

– Ты отнял наш дом, и мы оба знаем, что после случившегося ты не отпустишь нас отсюда живыми.

– Ваш Покровитель не убит.

Я поперхнулась следующей фразой.

– Ты лжёшь! – рассердилась я. – Ты лжёшь снова и снова!

– Нет: мы лишь загнали его заклятиями обратно под землю, в спячку. Если бы он умер, ваш с братом дар тоже иссяк бы. А твой дар не только не ослаб, но постепенно крепнет. Если ты отпустишь Бланку, я скажу, как можно призвать вашего Покровителя.

– Почему я должна тебе верить?

– Потому что сейчас мне нет смысла лгать.

– Сперва скажи, как это сделать!

И поскольку он колебался, я полоснула по коже. Совсем слегка, но этого хватило, чтобы Бланка с глухим стоном дёрнулась, а Бодуэн сделал шаг вперёд.

– Хорошо: для этого нужна кровь – твоя и моя. Нужно приложить к тому месту, куда он являлся.

– В камин... – прошептала я.

Бодуэн кивнул.

– Почему не моя? – удивился Людо.

– Потому что Покровитель выбрал её.

Брат, нахмурившись, посмотрел на меня.

– Потом объясню, – произнесла я.

Хмурая складка не исчезла, но брат кивнул.

Я помешкала, сжимая рукоять клинка. Бланка сглотнула, а Бодуэн не сводил с меня напряжённого взгляда.

– Людо, нам... нам ведь не обязательно это делать...

– Что? – На его лице отразилось непонимание.

Точно такое же царило сейчас и в моей душе.

– Тебе ведь Бланка, кажется, нравилась...

– Нравилась? Нравилась?! – изумился он. – Да меня воротит от этой вечно испуганной овцы!

Бланка закусил губу. Похоже, она до последнего решила верить, что всё это спектакль для Бодуэна.

Я повернулась к регенту.

– Поклянись, что, если я не причиню Бланке вред, тыпустишь нас с братом живыми.

– Клянусь.

– Хорошо.

Услышав это, брат дёрнулся.

– Хорошо, – повторила я, предостерегающе посмотрев на него. – Но не раньше, чем ты дашь мне свою кровь.

Я кинула ему заговорённый флакон, где до этого была вода из Хидрос.

Бодуэн поднял его и, прокусив ладонь, капнул крови из ранки.

– Этого хватит для призыва, – произнёс он, кидая его мне обратно. – А теперь сдержи обещание ипусти её.

– А что насчёт вашего Покровителя, место его призыва здесь?

– Его можно вызвать где угодно.

– Где угодно? – ошеломлённо повторила я.

Так, значит, нам необязательно было подниматься сюда! Бодуэн специально повёз меня тогда к Камню, чтобы сбить с толку и, в случае

если я куплюсь и решу вернуться, как сегодня, выиграть время, пока мы в пути.

– И для его призыва нужна лишь вода и фраза из зелёной книги?

– Да. Но, видишь ли, ты не можешь его вызвать, как я не мог сам вызвать вашего: только тот, в ком течёт кровь Скальгердов, может это сделать.

Внезапно что-то врезалось мне в руку, выбив клинок и опрокинув вперёд. Кирк с довольным криком сделал круг над площадкой и завис в воздухе, прикрывая собой Бланку. Меня же схватили, ставя на ноги, на которых я неустойчиво качнулась.

Бодуэн легко удерживал моё запястье.

– Стоять, – тихо приказал он, когда Людо дёрнулся ко мне.

Брат замер.

– Не стоит, – предостерёг Бодуэн, когда брат посмотрел на лежащий в стороне меч. – А теперь, перевёртыш, покажи мне второго.

Людо сжал кулаки.

– Живее, – встряхнул меня Бодуэн.

Я мотнулась, но не издала ни звука, лишь молча пыталась освободить запястье. Я не собиралась помогать Бодуэну, выдавая свою панику и страх.

– Пожалуйста, – взмолилась Бланка, – дядя... отец, я люблю его!

Лицо Бодуэна прошила судорога, но он не отвёл взгляд от Людо.

– Полюбишь другого, – последовал ответ.

– Не слушай его, Людо! – крикнула я. – Беги!

И Бодуэн сломал мне палец. Тот самый, однажды ломанный. Он хрустнул с каким-то удивлённым звуком. Я не удержала вскрик, повиснув на одном только запястье. После я много думала, как бы всё обернулось, сдержись я тогда.

Людо заметался с затравленным взглядом.

– Второй сломаю на счёт «три», – предупредил Бодуэн, глядя брату в глаза.

А сломал на счёт «два»...

Я, сама не понимая как, очутилась на коленях. Сквозь пелену боли я видела Людо. На его лбу выступили капли пота.

– Беги, – просипела я.

Вместо этого он вдруг тоже опустился на колени. Его била крупная дрожь.

– Людо, нет... – прошептала я, внезапно осознав, что он собирается сделать, и тут же крикнула: – Нет!

Чёрные глаза уставились на меня полубезумным взглядом.

– Пожалуйста, не заставляй его, – взмолилась я, подняв голову и посмотрев на Бодуэна.

– Быстрее, – скомандовал тот.

В панике я рванулась вперёд и чуть не оглохла от прострелившей руку боли. Сквозь что-то застилавшее глаза увидела, как брат выгнулся назад. Тело пробило несколько судорог, и он рухнул в пыль.

– Так, значит, это и есть его вторая ипостась? – спросил Бодуэн несколько мгновений спустя, рассматривая скорчившегося на земле блондина, испуганно прикрывавшего голову руками.

Бланка тоже изумлённо смотрела на него.

– Это не Людо, они отдельные люди. Артур наш старший брат!

– Старший? – приподнял брови Бодуэн, с сомнением взглянув на подростка, которому на вид можно было дать не больше четырнадцати.

Если бы Людо выпускал его почаще, Артур выглядел бы сейчас на свои восемнадцать. Но вынужденный вечно прятаться, он теперь казался гораздо младше своих лет. Именно из-за него Людо не мог спать в общей опочивальне – всегда существовал риск, что во сне они случайно поменяются местами. Да и в других ситуациях ослабления контроля, как, например, с вином, это могло произойти.

«Людо гребёт на середину реки. Солнце слепит глаза, в носу щиплет от воды. Перевернувшись на спину, он смотрит в синее небо. Потом делает глубокий вдох и погружается – не в воду, в перерождение. Краем ускользающего сознания он ещё успевает почувствовать панику Артура. Тот не умеет плавать...»

– Да. И он ни в чём не виноват: он не участвовал в наших с Людо планах. Пожалуйста, не причиняй ему вред!

Стоило последним словам вырваться, как солнце погасло, будто кто-то его заслонил. Я посмотрела вверх, как и все остальные. Тот, кто над нами возвышался, закрывал собой полнеба. Больше всего он походил на огромного пса, внутри которого горел огонь, прорываясь в расщелины между покрывающей тело чешуёй. Спину выгибал горб, на морде белело четыре глаза, свёрнутый змеей хвост беззвучно бил по

земле, высекая искры, которые гасли на лету. Несмотря на размеры, существо не производило звуков, будто являлось бесплотной тенью, хотя явно было осязаемым.

Пальцы Бодуэна разжались, словно он от изумления позабыл обо мне. Воспользовавшись этим, я отскочила, а Артур перекатился, на ходу перекидываясь в Людо. Завершая кувырок, он подхватил с земли выпавший нож.

Четыре белых глаза уставились на меня.

– Рождённый в огне приветствует тебя, дочь многоликих, – пророкотал Покровитель голосом, похожим на перекачивание огромных валунов. В пасти, как в жерле, дрожал жидкий огонь.

– Это... невозможно, – потрясённо произнёс Бодуэн.

– Ты его вызвала! У тебя получилось! – воскликнул Людо и, повернувшись к Покровителю, ткнул в Бодуэна пальцем: – Скорее, убей его! И разрушь замок Скальгердов!

– Не в твоей власти приказывать мне, сын многоликих, – равнодушно ответил пёс, даже не взглянув на него. – Только тот, в ком течёт кровь Скальгердов, может это сделать.

Брат перевёл непонимающий взгляд на меня.

Бодуэн уже оправился и, шагнув вперёд, произнёс с поклоном:

– Отмеченный Праматерью пришёл за благословением...

– Не ты призвал меня, Звероуст, – прервал Покровитель. – Я здесь, чтобы исполнить её волю.

Четыре глаза вновь обратились ко мне.

– Зачем ты призвала меня?

Я смотрела на окутанное дымом и пламенем существо.

– Скорее, Лора, – поторопил меня Людо. – Раз он тебе повинуется, прикажи ему.

Я сглотнула.

– Почему ты мне откликнулся?

– Потому что ты позвала, – произнёс Покровитель, бесшумно прогуливаясь по площадке.

– Значит, вотивный дар – это действительно вода из Хидрос?

– ...в которую посмотрелось солнце, – поднял он глаза. – Тогда она становится волшебной.

Я тоже взглянула на небо, где тускло желтел выглянувший из-за облаков круг. Так вот, значит, каков был недостающий элемент. И вот

почему Бодуэн так напрягся тогда, во время купания на озере.

– Но во мне нет крови Скальгердов...

Мои слова остались без ответа.

Я помедлила, собираясь с мыслями.

– Значит, ты здесь, чтобы исполнить мою волю?

– Таков закон, – склонил голову тот.

Я облизнула пересохшие губы.

– Тогда скажи... есть ли способ убить Покровителя?

– Это невозможно. Ни одному человеку это не под силу.

Значит, все эти годы мы с Людо гонялись за несбыточным... Вот он, Покровитель Скальгердов, но мы не можем ему навредить. Да и он наверняка читает в моём сердце, как в открытой книге, или уже давно его прочитал – ещё в тот день, когда заглянул мне в душу через Зои. И он будет являться на зов Скальгердов снова и снова до тех пор, пока в Хидрос останется вода. То есть всегда.

За зубцами площадки раздались голоса и замелькали головы. Я поняла, что наше с Людо время истекло: это явились люди Скальгердов, и мы окружены. Часть из них уже карабкались на площадку.

– Останови их! – закричала я, повернувшись к Покровителю.

Повернув массивную голову, ондохнул, и несколько показавшихся в просветах между зубцами воинов с занесёнными мечами даже не изжарились – истаяли в доспехах. Пустые железки с полуистлевшими ремешками со звоном упали на землю. Движение на склоне тут же прекратилось, головы попрятались.

– Всем стоять! – вскинул ладонь Бодуэн.

– Он нас обманул! Это западня! – крикнул Людо, выхватывая нож.

– Людо, нет!

Но брат уже сделал замах, и в этот момент Покровитель, разворачиваясь, зацепил хвостом статую Праматери. Она лопнула, расколовшись на несколько крупных кусков. Будто замедленно, они взметнулись в небо в клубах пыли, а потом всё снова ускорилось, и Людо вдруг швырнуло о землю.

Я непонимающе посмотрела на торчащий из его живота обломок, осознавая одно: ему там не место.

– Людо! – крикнул кто-то моим ртом.

Спотыкаясь, я бросилась к нему и упала рядом.

Его губы шевелились, силясь что-то произнести. Рука металась, пытаюсь обхватить кусок скалы.

– Сейчас я тебе помогу!

Я обхватила скользкий базальт и потянула. Из рта брата хлынул серый поток, и я тут же отпустила обломок, который, казалось, врос в него.

Людо силился поднять голову.

– Я попал, Лора? Пожалуйста, только скажи, что я в него попал!

Я обернулась на поднимающегося Бодуэна. Пролетевший над плечом нож валялся рядом.

– Да, Людо, – сказала я, снова повернувшись к брату, – ты в него попал. Он... он мёртв.

Людо с облегчением откинул голову.

– Держись, Людо, слышишь? Только держись: мы приведём лекаря, я приведу лекаря, ты поправишься...

– Мне не страшно, Лора, мне совсем не страшно, – прошептал он, давясь, – только не отпускай мою руку...

Я нащупала его ладонь.

– Не отпущу, Людо, ни за что не отпущу!

Он хотел сказать что-то ещё, но тут глаза заволокло мутной плёнкой, и я поняла, что он меня больше не слышит.

Путаясь в подоле, натыкаясь на камни, я подползла к Бодуэну и обняла его колени искалеченными руками.

– Умоляю, помоги ему! Я останусь с тобой, сделаю всё, что захочешь, всё, что прикажешь, буду служить тебе до конца дней, только спаси моего Людо – я не умею жить без него!

В лице Бодуэна, когда он на меня посмотрел, не было ни торжества, ни жалости.

– Даже если б хотел, это не в моей власти. Он уже отмечен Жнецом – оттуда не возвращаются.

– Сделай что-нибудь! – закричала я Покровителю.

Но пёс ответил равнодушным взглядом.

Я поползла обратно, мимо рыдающей Бланки.

– Не смей умирать, Людо, слышишь, не смей! Ты выкарабкаешься! – срывающимся голосом произнесла я, снова оказавшись рядом и склонившись над ним.

На лице брата вдруг стали одна за другой появляться капли. Веки трепыхнулись, и Людо с усилием сфокусировал на мне взгляд.

– Не плачь, Лора, – потянулся он к моей щеке, – ведь отец смотрит на нас с небес и улыбается...

Так и не дотянувшись, рука упала. А потом в лице что-то изменилось, и кончик носа стал странно блестящим. Я не сразу поняла, что его больше нет. А когда поняла...

Я не думала, что на свете существует такая боль. Казалось, меня разорвали пополам и бросили умирать, истекая незримой для всех остальных кровью. Для других я осталась прежней: дышу, двигаюсь, даже улыбаться могу – вот только меня больше нет. Внутри развернулась кровоточащая бездна, которую уже ничто и никогда больше не сможет заполнить.

На лицо Людо продолжали падать капли. И серые пятна на нём и одежде вдруг начали менять цвет, превращаясь в алые. Чёрные волосы побелели, завернувшись завитками Артура.

– Так, значит, ты явился исполнить мою волю, и ни одному смертному не под силу убить тебя? – вскинула я воспалённые глаза на пса. – Так вот моя воля: испари Хидрос, а потом... потом убей себя!

– Нет! – вскричал Бодуэн.

Тяжко вздохнув, пёс повернулся в сторону замка идохнул. Вдалеке раздалось шипение, и от озера, казавшегося отсюда не больше пруда, начали отделяться клочья пара. А потом огромная туша вздрогнула и повалилась на землю. Извивающийся змеёй хвост забился о камни.

Мой взгляд вернулся к Людо. Что-то, кружа, приземлилось на его щеку. Это была снежинка. Она осталась там, так и не растаяв. Потом ещё одна и ещё. Подняв голову, я увидела, как из туч над нами сыплется снег, мешаясь с клубами пара от Хидрос, которыми заволокло всё вокруг.

Осторожно положив голову Людо к себе на колени, я отвела пряди от его лба жестом, который он уже никогда не сможет увидеть, и запела – колыбельную, которую пела нам когда-то кормилица. Пусть она укажет ему путь вместо дыма из чаши. Слова вылетали из моего рта, но, кажется, всё, о чём я пела, это «никогда-никогда-никогда...». Мы больше никогда не поссоримся, мы больше никогда не помиримся...

Рядом раздались шаги, и к его лицу протянулась рука. Я резко её перехватила.

– Нужно закрыть ему глаза, – давясь, сказала Бланка. Её веки опухли от слёз.

– Нет. Людо встретит Жнеца с открытыми глазами, – произнесла я, отбрасывая её руку.

Спустя время рядом упала тень. Я подняла голову и при виде Бодуэна испуганно прижала брата к себе. Он ведь не сможет причинить брату боль? Правда ведь, не сможет? Никто больше не сможет...

– Идём со мной, Лорелея, – произнёс Бодуэн, протягивая ладонь. – Ты сможешь остаться при дворе, и я никогда не вспомню о том, что было.

– У него ресницы шевельнулись, – прошептала я, не в силах оторвать взгляд от Людо.

– Это лишь ветер.

Посмотрев на протянутую руку, я какое-то время сидела неподвижно. А потом бережно переложила голову брата на землю и, покачиваясь, поднялась. Улыбнувшись Бодуэну, двинулась вперёд. Сейчас он казался мне красивым, как никогда. Не дойдя несколько шагов, я упала и сжала пальцами землю. Он потянулся, чтобы помочь мне встать. Выпрямившись, я резко выставила вперёд левую руку.

Это оказалось легко – до неправильного легко, убить целый мир.

Он просто начал оседать, не отрывая глаз от моего лица. Потом как-то удивлённо перевёл их вниз, на торчащий из-под крайнего ребра нож моего брата, словно недоумевал, что он там делает. Попытался обхватить рукоятку, но пальцы не слушались, соскальзывая... Людо хорошо меня научил. Этот удар я могла нанести любой рукой.

Наши с Бодуэном глаза оказались почти вровень. Качнувшись, он так же молча повалился назад, широко раскинув руки.

– Отец! – вскричала с искаженным лицом Бланка.

Я спокойно подняла с земли меч, вернулась обратно к Людо мимо извивающегося на земле Покровителя, разрешила тунику у него на груди и распахнула ткань.

– Что вы делаете? – В ужасе посмотрела на меня Бланка. Я молча её оттолкнула.

Я не могла взять Людо с собой и не могла оставить их с Артуром здесь.

Перехватив меч обеими руками, я резко опустила его ему на грудь. Бланка зажала себе рот, давясь беззвучными рыданиями.

Я не знала, что человек на такое способен. Я не знала, что я на такое способна. Оказывается, я совсем себя не знала.

Докончив, я рванула принцессу к себе и, отрезав кусок подола у её платья, завернула в него сердце Людо. Потом срезала кошель и напоследок снова отхватила прядь волос. Потрясённая, она не сопротивлялась.

Боковым зрением я увидела, как что-то блеснуло. Повернувшись туда, поняла, что это светящаяся струя потекла от вздрагивающего на земле Покровителя к Бодуэну. Окутав его дымкой, она словно впиталась. Мгновение ничего не происходило, а потом регента вдруг вздёгнуло в воздух, из положения навзничь ставя сразу на ноги, как гигантскую марионетку. Из глаз вырвались белые языки пламени. Он двинулся к нам странной ломаной походкой, словно кто-то наверху дёргал за нити.

Приблизившись к Бланке, упал перед ней ниц. Сквозь впившиеся в землю пальцы на миг прорезались звериные лапы.

– Рождённый в огне приветствует новую главу Рода! – произнёс он голосом, состоявшим из треска огня.

Потом повернулся ко мне и задержал взгляд: в глазницах дрожал жидкий белый огонь. Прежде чем кто-то из нас успел произнести хоть слово, порыв ветра развеял его лёгкой золотистой дымкой. То же произошло и с Покровителем.

На склоне снова слышались голоса, и забряцали клинки. В последний раз обернувшись на площадку и лежащее на ней тело, я бросилась прочь, прижимая к груди узел и перекидываясь на ходу.

Едва не врезалась в грудь Альбрехта, спешащего вверх во главе отряда.

– Ваше Высочество...

– Там... там... – Я дрожащим пальцем указала на площадку. – Скорее... дядя, они убили его!

– Побудьте тут, – нахмурился он и, решительно перехватив меч, бросился вверх, а за ним и остальные. Воспользовавшись этим, я ускользнула, торопясь вниз.

Когда была у самого подножия, наверху громыхнуло:
– Король умер! Да здравствует королева Бланка!

Эпилог

Я в дороге уже три недели. Не знаю, правильно ли иду, но инстинкт толкает меня вперёд. Бланку уже короновали, как я узнала из разговоров в деревне, куда завернула за кадушкой мёда, чтобы поместить в неё сердце Людо. Все это время меня мутит, сама не знаю, почему, ведь я практически ничего не ем. Разве что от бесконечных перекидываний из-за боязни погони...

– Почему-почему, – раздался надо мной незнакомый голос. – Брюхата ты, девонька, вот почему.

С трудом разлепив глаза, я уставилась на сидящую рядом женщину с длинными нечёсаными волосами. Вокруг проступили очертания какого-то лесного дома.

– Срослись неправильно, – кивнула она на мою руку. – Сломать бы, да сделать наново.

Я взглянула на лежащую поверх покрывала кисть.

Ломать пальцы в третий раз? Я б рассмеялась, если б могла. Но вдруг обнаружила, что забыла, как это делается...

– На-ка, выпей, – поднесла она к моему рту чашу с каким-то травяным горько пахнущим питьём.

Опомнившись, я заметалась глазами.

– Не это ищешь? – указала она на стоящую рядом кадушку.

Всё внутри затопила волна облегчения.

– Похоронить тебе его надо, – помолчав, произнесла она.

– Я и несус... хоронить, – сипло ответила я.

– Похоронить здесь, – ткнула она мне в грудь, – и здесь, – корявый палец упёрся в лоб.

Молча натянув одеяло, я отвернулась к стене.

Через два дня я от неё сбежала, украв всё, что смогла унести.

Впереди снова бесконечной лентой развернулась дорога. Поблизости мелькал рыжий мех, хотя поначалу я думала, что мне только мерещится. Вульпис не решался подойти. Я его не звала, но и не прогоняла.

Запасов хватило ненадолго, и вскоре губы потрескались от жажды. Туфли давно развалились, и я шла босая, стерев ноги в кровь.

Когда уже не могла идти, то ползла, когда не могла и этого, то представляла, что ползу.

Наконец впереди блеснул ручей. Я упала на землю и принялась зачерпывать воду жадными судорожными пригоршнями. Напившись, случайно глянула в отражение и замерла, не сразу поняв, кого там вижу. Оттуда на меня смотрела незнакомка с совершенно белыми волосами. Не белыми – седыми, дошло до меня. Вся голова. Есть что-то правильное в том, что мои волосы теперь как у Людо...

Опустив ладонь на живот, я прислушалась к себе. Значит, кровь Скальгердов... Я не знала, как относиться к тому, что у меня будет дитя от Бодуэна. Пошарив вокруг, я подняла обеими руками тяжёлый камень, примерилась к животу, занесла его и... выронила, скорчившись на земле от рыданий.

Я пролежала так долго. Потом подтянулась на руках, облокотилась о ствол и, вытянув израненные ноги, прикрыла глаза. Заснуть бы и никогда не проснуться...

– Не спи, Лора! – На фоне почти севшего солнца двоится силуэт.

– Вернись ко мне, Людо, – шепчу я.

– Дурочка, я никуда и не уходил. Но ты должна встать и идти.

– Я больше не могу, у меня нет сил...

– У тебя они есть, – произносит он, пережёвывая крапиву и залепляя мне болячки на ногах. Потом крошит остатки хлеба, но у меня нет сил даже прожевать его. Тогда он принимает их пережёвывать, складывая кашку мне в рот. Ложится рядом и обнимает, согревая теплом.

– Сейчас отдохни немного. А потом ты должна продолжать путь, слышишь?

Я могу только кивнуть.

– Всё, пора, – говорит он и тянет меня к стоящему поблизости коню без седла. Помогает устроиться верхом, вскакивает следом и направляет его через ручей.

На середине конь застрекает.

– Двоих не вытянет. Я должен сойти, или оба сгинем, – говорит Людо и прыгивает в бурлящий поток. Морщится – видно, поранил о камни ногу.

Я растерянно смотрю на брата. Сейчас он какой-то слишком взрослый, и это пугает.

– А как же ты? Как выберешься, как найдёшь дорогу домой?

– Дурочка. Мой дом там, где ты. – Он резко опускает ладонь на круп коня.

Взвившись, животное вырывается из потока и продолжает путь большими скачками, уже по берегу. Обернувшись, я до последнего смотрю на тонкую фигуру в хлопающей на ветру рубахе, пока она не исчезает вдали.

Я проснулась, как от щипка. Все тело окоченело. Собрав остатки сил, встала и продолжила путь.

– Итак, почему мне пришлось оторваться от дел?

В горле пересыхает, когда я смотрю на восседающего за столом отца.

– Лора сказала, что они будут есть червей! Она просто не хочет принимать меня в игру, – пищит Хейла.

– Мне придётся позвать твоего отца, Хейла.

– Ябеда, – тайком щиплю её я.

– Врушка, – не остаётся в долгу она.

Отец отводит голову назад, и через пару мгновений на нас смотрит уже дядя.

– Молчать! – прерывает он нас.

Наконец впереди показались знакомые места. Поднявшись на холм, откуда мы с Людо смотрели на замок столько раз, я зажмурилась и какое-то время не решалась открыть глаза. В эти мгновения я почти верила, что увижу наш прежний дом. Кажется, даже слышала голос кормилицы, зовущей меня на обед, и кашель мэтра Фурье, возвращающегося из кабака. Открыв же их, увидела то, что и должна была увидеть – обгоревший остов.

Все внутри сжалось. Я оставалась на холме ещё несколько часов, потом двинулась через равнину.

Когда добралась до места, солнце уже начало садиться. Бродя среди развалин, я различала остатки наших прежних комнат. От

камина мало что осталось, хотя в одном месте я даже различила фрагмент рисунка.

Достав флакон с кровью Бодуэна, я порезала руку и капнула поверх свою. Вылив кровь туда, где раньше был очаг, уселась на землю, скрестила ноги и принялась ждать. Вульпис нерешительно приблизился и свернулся клубочком рядом.

Я ждала до тех пор, пока солнце не село. С последним лучом угасла и моя надежда. Вот и всё... Теперь действительно всё кончено...

– Госпожа? – раздался позади неверящий голос.

Обернувшись, я увидела женщину, чьи волосы уже тронула седина.

Она шла неуверенно, останавливаясь и вглядываясь в меня.

– Госпожа, неужели это правда вы?

– Здравствуй, Хольга, – поднялась я ей навстречу.

Её глаза наполнились слезами.

– Мы думали, вас нет в живых! – запричитала она.

– Как видишь, я жива.

– А где же молодой господин? – заозиралась она.

– Людо здесь, он всегда со мной, – ответила я, прижимая к себе узел.

Тут за её спиной показались ещё люди. Я узнала некоторых из наших дворовых. Они смотрели на меня с такой же опаской и недоверием.

– Что с вами теперь? Где вы живёте? – спросила я, обводя их взглядом.

– Тут, неподалёку, – ответила Хольга. – Мы объединились с соседней деревней.

Из-за её юбок выглянул мальчик лет шести, взглянул на неё и снова спрятался.

– Это всё, сколько вас осталось?

– Ещё есть десятка два. Что же нам теперь делать, госпожа? – помолчав, спросила она.

У меня не было ответа на этот вопрос. Теперь я больше не знала, как быть дальше.

Внезапно среди людей пронёсся ропот, они в ужасе попятились. Хольга тоже побледнела, глядя на меня. Нет – за меня.

Обернувшись, я увидела кого-то настолько огромного, что пришлось задрать голову, чтобы взглянуть в его переливающиеся глаза. Голову существа венчал гребень, спускавшийся по спине, а лапы заканчивались гранёными когтями. Потянувшись всем телом, оно мне поклонилось.

Один за другим люди принялись опускаться на колени, снимая шапки и склоняя головы.

– Наша госпожа... – пронеслось над рядом.

Моё сердце билось так, что, казалось, сейчас выскочит из груди.

Покровитель ощерился и издал рёв, огласивший окрестности.

Я обернулась к стоящей на коленях Хольге.

– Ты спрашивала, что вам теперь делать? Теперь вы соберёте вассалов моего отца. А потом... потом мы отстроим наш дом. И Праматерь помощи тем, кто к нам сунется!

В этот момент я наконец поняла, что чувствую к ребёнку. Положив руку на живот, я наклонилась к нему и шепнула:

– Никто не будет любить тебя сильнее, чем я!

Конец

Посвящается любимому папе, ушедшему слишком рано туда, где не больно, и не похожему ни на одного из героев.

Июнь 2016 – август 2021

notes

Примечания

1

Средневековое нарядное женское платье из дорогих тканей, зачастую было с узкими рукавами, расширяющимися книзу.

2

Средневековый женский головной убор. Наиболее распространённый вариант – в виде усечённого конуса.

3

Кольчуга с длинными рукавами и подолом, достигавшим колен.

4

Короткий плащ, который рыцари носили поверх защитного снаряжения.

5

Устаревшее слово, обозначающее «по правую руку».

6

Европейская средневековая туникообразная верхняя одежда с узкими рукавами и небольшим вырезом горловины. Котту надевали на камизу. Поверх можно было носить сюрко.

Мужская и женская средневековая нижняя одежда, подобие туники с длинными рукавами. Камизу можно рассматривать как белье и прототип рубашки; её изготавливали из полотна.

Дерево, плоды которого круглые, тёмно-красные или бордовые, с шершавой поверхностью и обычно покрыты воском.

9

В переводе с молитвенных часов – три часа дня.

10

Постель-ниша, напоминающая внешним видом шкаф или комод. Вход мог закрываться занавесками или деревянными дверцами.

11

Средневековая стёганая мужская куртка с узкими рукавами.

Почтенная женщина, которую приставляли к незамужним девушкам, чтобы следить за соблюдением приличий.

Инструмент для письма в виде остроконечного цилиндрического стержня из кости, металла или другого твёрдого материала. Им в Средневековье писали на восковых табличках.

Линейка для наказаний, которой били по пальцам или ладоням провинившегося ученика в Средневековье.

Владыка подземного мира, подстрекатель людей к совершению грехов.

Традиционный головной убор студентов, учёных и людей искусства в Средние века.

Распространённый в период раннего Средневековья домашний головной убор в виде плотно облегающей шапочки по типу чепчика. Имел узкие завязки, заканчивался под мочкой уха, не опускаясь ниже затылка.

Средневековый европейский танец, участники которого выстраивались в кольцо или цепочку и двигались, создавая разнообразные фигуры под аккомпанемент.

Струнно-смычковые музыкальные инструменты, широко распространённые в Средневековье в VIII–XIV веках.

Так произносилось слово «меланхолия» во французском языке в Средневековье. Это объясняется забытой смысловой связью с древнегреческой «чёрной жёлчью» и особенностями артикуляции.

Красных.

Декоративный элемент, орнаментальная полоса с обращённым вниз узором в форме листьев, цветов, ступенчатых зубцов и т. д.

Вид короткой средневековой верхней одежды без рукавов либо с короткими и широкими рукавами.

Тонкий ободок.

Аналог энергетических линий.

Ярко-красная краска.

Венки с нежными цветами небесно-голубого или розоватого оттенка.

Длинная мужская верхняя одежда знатных мужчин. Мог застёгиваться сверху и до талии. Их шили из парчи, бархата и других плотных тканей.

Пространство над дверями, имеющее полукруглую или стрельчатую форму и в большинстве случаев украшенное скульптурным, живописным или мозаичным изображением.

Небольшой закрытый шкафчик, использовавшийся у знати и ставившийся около стола. Туда клали предметы, используемые для снятия пробы блюд.

В описываемое время исполнял обязанности стольника.

Предметы, которыми проверялось наличие яда.

Вид шёлковой ткани, из которой шилась богатая одежда.

Во времена Лоры пуговицами пристёгивали рукава женщины лёгкого поведения – чтобы платье можно было быстро снять. Добропорядочные предпочитали вшивать их каждый день и отпарывать (рукава были очень узкими, по-другому их было не снять) или же привязывать.

Старинная игра, где шашки по доске передвигают по числу очков, выпавших на костях.

То есть слуги трубили в рог, подавая сигнал-приглашение к трапезе, перед которой обносили господ водой для мытья рук.

Шкаф для парадной посуды.

Виды кинжалов.

Нимфа водной стихии.

Считалось, что в теле человека текут четыре основные жидкости (гуморы): кровь, флегма (слизь), жёлтая жёлчь и чёрная жёлчь.

Лёгкая прозрачная ткань.

Арочным.

Крупные боевые кони эпохи рыцарства. Термин характеризует определённые свойства, а не породу. Больше не существуют.

44

Против часовой стрелки.

45

Правильно описывать.

Вместо «Золотое поле с сидящей совой».

Здесь: башмаки, которые носили простые люди.

Присяга, оформлявшая заключение вассального договора.

Вид маленьких хлебцев.

Шерстяная или полушерстяная тёмная ткань.

Традиционные женские головные уборы в эпоху Средневековья.

1 дюйм = 2,54 см.

Средневековая поговорка, означает «обвести вокруг пальца».

В «переводе» с молитвенных часов в астрономические около 9 утра.

Примерно с IX века появились седельные подушки и первые прообразы дамского седла, предполагавшие боковую посадку. Чаще всего средневековые женщины сидели позади своих мужчин, держась за их ремни, и были просто пассажирами на лошади. Первый шаг к современному дамскому седлу был сделан в XIV веке, когда плечи всадницы развернулись параллельно плечам лошади.

Средневековое нижнее бельё у мужчин.

Широкие ленты, которыми младенцам обвязывали бёдра, прообраз подгузников.

Перец, толчённый с бобами или горохом, или гренками и вымоченный в пиве или вине.

Назначался королём для выполнения судебных и административных функций.

60

Устаревшее название чернового письма.

61

Вид живописи, выполняемой в разных оттенках какого-либо одного цвета (чаще серого).

Жанр поэзии, относящийся к периоду Средневековья и описывающий исключительные, магические или просто необычные свойства простых, полудрагоценных или драгоценных камней, а также приписывающий им символические значения.

Лекарственная форма в виде пластичной массы, обладающая способностью размягчаться при температуре тела и прилипать к коже.

Струнный щипковый инструмент.